

В оформлении обложки и шмуцтитолов использованы иллюстрации Яны Кучеевой

Камша, Вера Викторовна.

Синий взгляд Смерти. Рассвет. Часть первая

Долгожданное продолжение легендарного цикла «Хроники Этерны»!

Тонет в Эсператии разбитый адмирал. Странноватой славой обрастает «закатный» капитан Фельсенбург. Плетут дамские интриги принцесса и кардинальша. Хранит свой секрет бронзовая решётка. Открываются старые тайны. Ищет и находит очень особые поручения Марсель...

...Смотрит на трупы у обочины маршал Капрас. Нет, к такому зрелищу он привык... но дома?! Густой туман закрывает пути маршала Бруно. Совсем другие карты хотел бы изучать маршал Савиньяк. Но после мрака полуночи приходит рассвет...

© Камша В. В., 2017 © Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96786-5

Автор благодарит за оказанную помощь Ирину Андронати, Александра

Бурдакова, Егора Виноградова, Александра Гинзбурга, Ирину Гейнц, Марину

Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева (Colombo),

Константина Линника (Штырь), Даниила Мелинца (Rodent), Елену

Цыганову

(Ярту), Игоря Шауба, а также Донну Анну (Lliothar) и Mrs. Colombo А что нам играло, когда небеса

протрубили отбой и чаша весов опустилась до самого дна? Веселого мало, но

нас удержала собой мелодия, зла и сильна.

А что мы поднимем

над миром, где не состоится покой,

где все-таки можно

вернуться в оставленный дом?

Над черной равниной обычный скворец городской упорно свистит о живом.

Даниил Мелинц

Война — область недостоверного: три четверти того, на чем строится действие

на войне, лежит в тумане неизвестности.

Карл-Филипп-Готфрид фон Клаузевиц

I. «РЫЦАРЬ МЕЧЕЙ»[1]

Плохое действие — лучше бездействия.

Шарль де Голль

Глава 1

ТАЛИГ. ХЕКСБЕРГ

КАГЕТА. ГУРПО

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Скелет выходил на загляденье. Если б не пиратская ухмылка — хоть сейчас в

анатомический трактат! Руппи не забыл ни единой косточки и теперь

сосредоточенно рисовал стрелочки для будущих подписей, то и дело отпихивая

лезущую под руку Гудрун. Кошка урчала, а лейтенанту хотелось рычать, потому

и череп получился злющим и не слишком мертвым: смерть, она ведь бесстрашна, как мороженое мясо.

— Умолкни, — велел Руппи кошке. — Надоеда...

Гудрун, томно вякнув, опрокинулась на спину и принялась елозить по

непросохшему рисунку, размазавшиеся чернила казались то ли шерстью, то ли

вуалью. Выглядело это странно, но плотоядный мертвецкий оскал кошка стерла, правда, слегка посинев. Ничего, вылизется...

Блудный лейтенант отложил перо и отправился к окну созерцать лужи. На душе

было скверно, главным образом от неопределенности. Руперт фок Фельсенбург

всегда знал, что делать, даже когда не представлял как, а теперь цель

отсутствовала. Напрочь. Выхваченный из Рассвета Олаф читал за стеной

Эсператию, Бермессер вместе со своими мерзавцами уплыл в Закат, а война, в

которой радостно плескался Фридрих, Фельсенбургу не нравилась крайне.

Кесария не должна проигрывать, это Руппи впитал с молоком кормилицы, жены

отставного сержанта. Хильда баюкала будущего «брата кесаря» солдатскими

песнями, услышав которые мама отослала «кровожадное животное» прочь, но

дело было сделано. Наследник Фельсенбургов хотел воевать, он учился воевать, он, побери Леворукий уroda-регента, неплохо воевал, только победы Фридриха

ведут к поражению... нет, не Штарквиндов с Фельсенбургами — Дриксен.

Застрявший в Хексберге Руппи не представлял, чем занята бабушка Элиза, но

грозная дама не могла не учесть в своих расчетах морских неудач. Чем больше

пакостят фрошеры, тем меньше на побережье любят Фридриха и его лосиху.

Чем меньше любят Фридриха, тем больше шансов на корону у дяди Иоганна. О

рыбаках и прочих торговцах герцогиня Штарквинд думает не больше, чем парой

месяцев раньше — об Олафе, но человека еще можно отбить, увезти, спрятать, города и деревушки — только защищать.

Устав уже от дождя, лейтенант перебрался к холодной печке, открыл поддувало

и принялся выгребать золу, ну и думать заодно. Послав к... Гудрун ударившегося

в эсператизм Ледяного, послав к кошкам всех, он смог бы удрать, было б куда!

Откажись Бруно выполнять приказы регента, фрошеры об этом уже бы знали, так что старик лоялен Эйнрехту и при этом осведомлен о выходе наследника

Фельсенбургов из его же письма. Значит, дорога в армию окончится либо в замке Печальных Лебедей, либо, что вернее, в Штарквинде. Родственники упрячут «этого невозможного мальчишку» под замок, а ждать, когда бабушка

съест регента, можно и в Хексберге. Тот же полуплен, но Вальдес хотя бы не

глядит с укоризной.

Возвращаться к волосатому скелету не хотелось, однако Руперт еще на «Утенке»

дал себе слово каждый день повторять вызубренное. Кости были переписаны, и

лейтенант принялся вспоминать названия мышц — и вспоминал, пока

вернувшийся из порта фельпец не привел Ключкатера. Гудрун, будто понимая, что шкипер на нее положил глаз, взлетела на бюро и забилась за здоровенные

часы — виднелся только кончик хвоста.

Подавив смешок, Руппи поднялся навстречу гостям — он в самом деле был рад

Добряку.

— А я с новостишкой. — Шкипер, не чинясь, потрянул руку Фельсенбурга.

—

Вроде и ждали, а все одно как веслом по башке! Помер Готфрид-то наш,
скоро

месяц уж будет...

— Шварцготвотрум!

— И не говорите! — Юхан словно тоже ругнулся. — Утром в Ротфогеле
чудо

приключилось, а вечерком наше величество и того... Регенту на радость.

Дождался, потрох пластужий, теперь на трон ползет!

2

Не спать после обеда, после кагетского обеда, можно лишь из упрямства.
Карло

Капрас был упрям, хотя предпочитал считать себя настойчивым. Только
упрямство заставляло маршала вставать в этой дурацкой стране затемно,
влезать

в мундир, лопать на завтрак кашу — это в Гурпо-то! — и гонять до
восьмого

пота кипарскую деревенщину, превращая вчерашних олухов в сносных
солдат.

Не для Хаммаила, для настоящей войны, в которую среди роз, застолий и
тараканов верить можно было опять-таки лишь из упрямства.

Разбросанные по чужим замкам гайифские батальоны давно никто не
беспокоил, что понемногу расслабляло и солдат, и офицеров. Было тихо,
лишь

где-то на севере казаронские дружинники цапались с бириссцами Бааты,
однако

решительных действий ни одна из сторон не предпринимала. Лисенок молчал, у

Хаммаила продолжали жрать и выхваляться, тревожился разве что Курподай, становившийся все услужливей и при этом мрачнее. Капрас спрашивал, в чем

дело, казарон отговаривался какой-нибудь ерундой и навязывал очередную любезность. Это не радовало — Карло, хоть и начинал в гвардии, не любил влезать в долги; корпус же больше объедал союзников, чем защищал. На казара

маршалу было начхать, но перед хозяином Гурпо, если б не его просьба поднатаскать местных парней, гайифец чувствовал бы себя неловко.

Гапзис доносил, что Курподаевы «рекруты» на занятиях усердны и даже чему-то

научились, но, уверял ветеран, эти пожиратели инжира способны на что-то путное лишь рядом с настоящими солдатами и под пристойным — читай, имперским — командованием. Самостоятельно воевать болваны смогут еще не

скоро, хотя не трусят и не отлынивают.

В основном лагере тоже не бездельничали. Ламброс школил кагетских ремесленников и своих пушкарей, пытаясь если не повторить подмеченные при

Дараме талигойские фортели, то хотя бы прибавить полковой артиллерии прыти

и научить ее маневрировать на поле боя. Последние «катания» внушали надежду — во всяком случае, облегченные лафеты перестали разваливаться

после второго-третьего выстрела.

— Молодцы вы с Медерисом, — Капрас разлил вино, поймав себя на том, что

делает это на кагетский манер. — Если так пойдет и дальше, нам будет что сказать не только Лисенку, но и талигойцам.

— Я предпочел бы разговор с морисками. — Так и не получивший из своей

Неванты ни единой весточки Ламброс хмуро взялся за украшенный толстым

удодием[2] кубок. — Только мы язычникам на один зуб...

Маршал кивнул — с Ламбросом он стал почти откровенен. Невантец люто

ненавидел Военную коллегия и рвался на Побережье, где у него осталась мать, а может, и женщина. О докагетской жизни артиллерист не распространялся, и

это Капрасу тоже импонировало: Карло и сам предпочитал говорить о

настоящем, хотя все сильнее задумывался о будущем — корпуса и собственном.

Последний курьер из Паоны прибыл в начале Летних Волн. За месяц в Гайифе

много чего могло случиться, это в Кагете все шло по-прежнему, но ведь и яйца

тоже не меняются, пока из них не полезут цыплята. Или змеи.

— Хаммаил не спешит начинать большую драку. — Ламброс разбирался не

только в пушках, за что Карло его особо ценил. — Понимает, удодий эдакий, что

мы за него подыхать не рвемся. У самих горит.

— Казар аж приструнил самых рьяных из своей своры, — припомнил рассказы

Курподая Капрас. — Умники порывались прямо сейчас переть на Равиат. А вот с

чего Лисенок тихо сидит, не пойму.

— Хаммаиловы орлы кричат, что трусит, — хмыкнул Ламброс, лишь вчера сбагривший парочку означенных «орлов» назад, в каирскую ставку. — Мол, этому ничтожеству даже до отца далеко — ни доблести, ни чести, ни мозгов.

Насчет доблести не скажу, а вот с головой у сынка Адгемара получше, чем у

Коллегии.

— Курподай и те, кто поумней, подозревают какую-то хитрость, но какую?

— А кошки их всех разберут... Сударь, вы верите в шпионов?

С полдюжины якобы продавшихся супостату «бацут» были на

прошлой неделе разоблачены и с визгом четвертованы, только умеренности в

силе Хаммаила сие не добавило, скорее наоборот. Действительно ли казненные

перебежали к Баате, и если да, то всех ли изменников выловили? Курподай от

ответов уходил с толь неуклюже, что маршал понял — охота на «предателей»

маскирует какую-то возню. Это не удивляло: в Паоне разоблачать шпионов и

оскорбителей величества тоже любили.

— Если Лисенок все-таки ударит, — не дождался начальственного мнения Ламброс, — а инициатива последних стычек исходит от его головорезов, казару

не позавидуешь. Особенно когда вас наконец-то отзовут.

— Что вполне ожидаемо, — согласился маршал и невольно поморщился. Не из-

за Хаммаила, хотя тот был порядочной дрянью, а из-за уже привычных воплей

во дворе. — Проклятье... На моем счету немного добрых дел, и теперь я сорок

раз подумаю, прежде чем брать на поруки бодливую скотину. Прибить бы, да

глупо получится.

Ламброс без лишних слов закрыл окно, под которым спасенный сдуру казарон

наскакивал на троих сержантов и кагета-управляющего. Требования носатого

Пургата не менялись — собачьи бои и уважение; то, что не будет ни первого, ни

второго, дошло бы даже до баклажана, но бешеным огурцам мудрость не свойственна.

— На линеалах, — напомнил Ламброс, — согласно уставу, надлежит держать

шута. Гвардии пажи и шуты тоже положены. Может, мы становимся гвардией?

— Станешь тут, — буркнул Капрас, и они вернулись к пушкам и рекрутам.

Ударил сигнальный колокол, объявляя, что близится обед и мясо уже на огне. К

трапезам в Кагете относились, как к молебнам, Карло это нравилось и больше

не удивляло.

— Господин маршал, — физиономия дежурного адъютанта лоснилась, а поясной ремень был застегнут на последнюю дырочку, — гонец от его превосходительства губернатора Кипары!

— Пусть заходит... А ты забеги на кухню, скажи, чтоб мне не поливали этим...

кислым... из незрелых слив.

— Да, господин маршал!

— Я, с вашего разрешения, тоже пойду.

Ламброса никто не гнал, полковник вышел сам, налетев в дверях на высокого

изящного шатена с таким знакомым лицом, что время словно бы потекло вспять.

С несомненным родичем кипарского гостя Капрас некогда служил. В той самой

гвардии... Потом обоим пришлось выбирать между прыжком в капитаны, но у

«наемников», и столичными прелестями в прежнем чине. Карло выбрал первое,

красавчик Левентис — второе, и в каждом пирожке оказалось по камешку

—

«наемник» выбился в маршалы и был назначен виновным за чужие промахи, гвардеец выгодно женился, но, говорят, оплешивел и чудом не угодил в тюрьму.

— Похоже, я знал вашего родственника, — без задней мысли сообщил маршал.

— Динас Левентис из Караик.

— Да, это мой отец.

— И что отец думает о нынешнем безобразии?

Парень не знал. Глянув на Карло, привет из давно ушедшей молодости попросил разрешения снять мундир, в полу которого были зашиты письма —

как оказалось, весьма примечательные.

Губернатор Кипары то ли от страха, то ли со злости вконец потерял голову, иначе не был бы столь откровенен с полуопальным военным и уж точно

побоялся бы выпустить из рук послания Военной коллегии. Узнай Забардзакис о

губернаторской выходке, хозяину сладостной Кипары пришлось бы бежать если

не к бакранам, то к алатам, только Карло пока еще не предал ничьего доверия, тем паче превосходительный извещал о действительно важном.

Коллегия не собиралась помогать северу, и маршал с этим согласился бы —

мориски опасней занятых собственными распрями талигойцев, однако речь шла

о «так называемом корпусе Капраса»! Уроды собрались прикрыть им

собственную задницу, но и это Карло понял бы и принял, ведь на кону, чтоб ее, была Паона. Столица, где заправляют придурки и подонки и где таким,

как

Капрас, места нет... Паонских бездарей маршал ненавидел, но отдать

Четырежды Радужную язычникам?! Позволить им пройти Императорской

дорогой, плясь на Триумфальные арки?! Запустить в Померанцевый дворец и

кошачью Коллегию?! Карло гнал бы своих парней форсированным маршем, на

ходу придумывая, как и где остановить врага, утершего носы светочам

стратегии и тактики, только светочам маршал Капрас как раз и не требовался.

Его собирались выставить в Кипару! Одного. Выскребать по деревням

плоскостопых и припадочных, наспех вооружать, гонять с этим позорищем

бакранских налетчиков и получать выговоры от столичных болванов, сперва

раздразнивших морисков, а потом не сумевших унять... Корпусу же предстояло

погибнуть. Бездарно, зазря, потому что армия без головы беспомощней овечьей

отары, а после смерти Задаваки голов в гайифской армии не осталось, только

шляпы.

Маршал перечел выведенные аккуратным секретарским почерком строки раз

двадцать и едва не плюнул на роскошную подпись Доверенного стратега его

величества. Забардзакис был тупым архивным сундуком, столичным попугаем, сволочью и бездарью, но мориски от этого не перестали быть морисками, а

приказ — приказом. В том, что таковой уже не только подписан, но и в прямом

смысле не за горами, Карло не сомневался. Конечно, гонца можно прикончить, а

потом развести руками, мол, ничего не знаю — война, бириссцы, родичи

супруги казара, гайифские родичи, если вы вдруг позабыли... А можно написать

Забардзакису все, что тот заслужил, и опять же остаться в Катете, где шадам

делать нечего. Пусть стратеги подышают сами, пусть гонят в поле свою распрекрасную гвардию, которая жрет, как саранча, и вертит задницей, как шлюха. Победоносная, несравненная, непревзойденная, блистательная, великолепная...

Мориски будут долго ржать. Жаль, у них под запретом мужеложство, столичным

фифам не помешало бы поуслужить победителей. Маршал сунул письма в стол, отправил явно ожидавшего разговора Левентиса отдыхать и велел собрать

старших офицеров.

Раз приказ о возвращении в пути, начинать подготовку к маршу лучше немедленно.

3

Служба Руппи, с какой стороны ни глянь, закончилась. Дезертир,

отбивший

государственного преступника, надерзивший фельдмаршалу и в придачу

угодивший в плен, имеет полное право плюнуть хоть на субординацию,
хоть на

утреннее бритье. В Хексберге нет лейтенанта флота, как нет и... адмирала
цур

зее, хуже того, чем больше Руппи думал, тем сильнее ему казалось, что
Олафа

Кальдмеера нет вообще нигде. И все же Фельсенбург сменил рубашку,
причесался и отправился с докладом. Через коридор.

Стражи в доме Бешеного не водилось. Если Альмейда или городской
комендант

к «гостям» Вальдеса кого-то и приставили, приставленные либо мокли у
входа в

особняк, либо пили на кухне горячее вино, что было куда умнее. Пленники
бежать не собирались, потому что служба кончилась, а свои дороги не
начались.

Перед дверью Олафа Руппи замешкался, как мешкал, заходя пожелать
спокойной ночи маме, когда та, силясь скрыть обиду, заговаривала чужим
дрожащим голоском. Первым уступал отец, затем сдавался старший сын,
но в

прошлый раз Руперт устоял, ведь речь шла о Ледяном и обо всем, что в
жизни

есть главного. Адъютант адмирала цур зее делал что должно и таки сделал!

Поворачивать было поздно во всех смыслах, но почему бы не отложить

разговор

и не спуститься к Лёфферу, за которым приглядывает папаша Симон, как и все

палачи, знающий толк в перевязках? А ведь не корпи Руппи над анатомией, перевязывать было бы некого... А не огорчи он маму, Олаф остался бы в памяти

неизбывным укором. Мертвые укоряют и требуют вечно, это от живых можно

освободиться.

— Мыр! — ободрила просочившаяся в коридор Гудрун. Встав на дыбки,

утешительница готовилась запустить когти в штаны утешаемого. Это позволяло

заняться ловлей кошки и счисткой шерсти, только лейтенант не поддался.

Широко шагнув, он вынудил надоеду отцепиться и постучал, как стучал в каюту

«Ноордкроне». Дождался приглашения. Вошел.

Олаф тоже каждое утро брился и тоже был застегнут на все пуговицы.

Фельсенбург щелкнул каблуками.

— Мой адмирал, имею печальное известие из Эйнрехта. Его величество

Готфрид скончался в ночь на семнадцатый день Летних Волн в своей резиденции.

Олаф Кальдмеер медленно поднялся. Сегодня они не виделись, так уж вышло.

Они отдельно завтракают, отдельно смотрят на дождь, отдельно дышат.

— Капитан Джильди осведомил вас о подробностях?

— Никак нет! — Проклятье, неужели так будет всегда?! — Мне сообщил шкипер Клюгкатер. Разрешите доложить подробно...

— Чем раньше мы прекратим эту игру, Руперт, тем лучше. — Века Олафа знакомо дернулась. — Я тебе больше не начальство, но если ты сядешь, нам

будет проще говорить.

Руппи сел, в очередной раз не понимая, какого змея Кальдмеер отказался оставить при себе хотя бы Канмахера. Вальдес предлагал, Альмейда не возражал, только Олаф пожелал быть один. Совсем.

- Я слушаю, — ровным голосом сообщил адмирал, и Руппи захотелось перенестись в какое-нибудь уютное местечко. На Китенка там, или к Старым

Бойням.

— «Хитрый селезень», как вы знаете, стоит в Малой гавани вместе с галерами.

— Нет, он не сбежит, он доложит! — Появляться в торговом порту экипажу не

запрещено...

- Я помню.

— Клюгкатер не называл имен, но он, несомненно, встретил кого-то из прежних

знакомых. Добряк — честный шкипер, однако в молодости, видимо, знался с

контрабандистами.

— Это очевидно, для простого торговца Клюгкатер слишком хорошо знает побережье. Итак, о чем рассказали контрабандисты? Кроме как о пришедшем в гавань Ротфогеля корабле с повешенными.

— После возвращения «Верной Звезды» в городе начались волнения. — Юхан

говорил о «буче», но отойти от казенщины Руппи отчего-то не мог. —

Назначенный Фридрихом комендант сбежал. В Метхенберге пока спокойно, однако прибывшие в прошлом месяце столичные ревизоры раздражают и

честных торговцев с моряками, и... не очень честных.

— Это тоже очевидно. О смерти его величества было объявлено?

- Да. Манифест регента зачитывали на портовой площади.

— Что следует из этого манифеста?

— Шкипер говорит, документ составлен так, будто Фридрих является законным

наследником.

Перевод был очень вольным. На самом деле Добряк бурчал, что пластужий потрох расселся на троне да еще горшок под низ сунул, чтоб не отлучаться. «Ну

и кто теперь у нас заправлять всем будет? — вопрошал своих «цыпочек»

Добряк. — Если этот дружок Бермессеров, точно к фельпам плыть пора...»

«Цыпочки» утешающе булькали, пока имелось чем, потом замолчали.

Руппи

тоже сказать было нечего, не объяснять же, что бабушка сложа руки сидеть не

станет. Самозваному регенту короны не видать, а Дриксен не видать покоя. По

крайней мере, пока великие бароны не положат к ногам дяди Иоганна

Изумрудный венец, и лучше б они сделали это поскорее.

— Что говорят люди?

Рука Олафа легла на Эсператию, как прежде на эфес. Отца Луциана б сюда к

нему или хотя бы брата Ореста.

— Мой адмирал, побережье Фридриха не примет.

— Побережье всего-навсего хочет, чтобы его не разоряли. — Щека Ледяного

вновь дернулась. — Тебе это будет неприятно слышать, но регента отвергают

потому, что проиграли мы. Эйнрехт отвечает за наши ошибки.

— Мы?!

— Да, Руперт. Гибель Западного флота — следствие моих приказов, а мятеж в

Ротфогеле — прямое следствие выходки Вальдеса, но ее бы не было, если б не

мое согласие на казнь офицеров «Звезды». Мало того, Бешеный караулил

Бермессера, потому что ему взбрело в голову отомстить за меня. В итоге

Западный флот лишился флагмана, каким бы тот ни был. Мы все нанесли непоправимый вред Дриксен, только Вальдес — фрошер, а мы были офицерами

кесарии. Боюсь, стронутая тобой лавина остановится не скоро, и только Враг

знает, кто окажется под обломками.

— И поэтому, — очень тихо и медленно спросил Руперт, — вы читаете Эсператию?

— Да. Я хотел бы исповедаться, но идти к священнику с «Верной звезды» выше

моих сил, а других здесь нет. В молодости я слышал танкредианскую проповедь, но ничего не понял. Теперь вспомнилось... Любой может оказаться орудием

возмездия, посланным отошедшим от Создателя за их грехи, и наши благие намерения ничего не меняют. Как и наши желания. Все свершается по воле

Создателя, значит, Альмейде суждено было вернуться незамеченным, и шторм, тот шторм, разыгрался по Его воле. Ты трижды сохранил мне жизнь, потому что

так было суждено. Я должен был отправить на рею дриксенских офицеров, а в

Ротфогель должен был войти мертвый корабль. Выбор имелся лишь у горожан, им следовало вспомнить о своих грехах, но они восстали против власти, власть

же, любая, даруется свыше. Мы заслужили Фридриха и не должны противиться

его воле, если не хотим рушить все новые и новые камни на головы пока

еще

невинных.

Руперт слушал — схватившее за горло бешенство лишало возможности возражать, лейтенант мог разве что садануть дверью и выскочить в коридор, где

стенала одинокая Гудрун. Он так и сделал бы, если б не родился Фельсенбургом, а Фельсенбурги отступают исключительно под барабанный бой и развернув

знамена. Мысль Олафа была понятна и страшна, осмысленных возражений прямо сейчас не находилось, и при этом с каждым словом Ледяного в лейтенантской душе крепла уверенность: все не так! Не для того истекал кровью Лёффер и плясало солнце, чтобы жители Ротфогеля валились на колени

перед лжерегентом. И Бермессер с гаденышем Троттенем получили свое. Трусам, клеветникам и подхалимам место в петле, а Создатель — что ж, пусть

судит по-своему, по-вечному... Потом.

— Ты не согласен, — резко бросил Кальдмеер, — я вижу. И ты умеешь увлекать

за собой и добиваться своего. Страшно подумать, скольких ты отправишь в Закат, защищая то, что считаешь истиной.

— Простите. Я не умею защищать то, что считаю ложью. Разрешите идти?

— Ты любишь решать сам, так решай.

В повисшей тишине можно было утонуть, как в трясине. Кальдмеер,

видимо

сказав все, замолчал, и теперь говорил накрывший Хексберг еще с ночи дождь.

Капли настырно барабанили по подоконнику, напоминая, что лету скоро конец.

Самое время болтать о безнадежном, болтать — не слушать.

Чтобы успокоиться, Руппи перечислил про себя все кости черепа и принял

подбирать слова, с которыми можно уйти, не оскорбив ни Зеппа, ни себя, ни

адмирала цур зее, такого, каким тот был, когда флот втягивался в хексбергскую

бухту. Прежнего Олафа наследник Фельсенбургов любил, нынешнего предпочел

бы не знать. Становящееся безнадежным до глупости молчание прикончил

Вальдес.

— Я не понимаю, — удивился он прямо с порога. — Ваши люди в моем доме

поминают вашего же кесаря, а вы что делаете?

— Вы давно узнали? — Олаф отодвинул книгу, проповедовать Бешеному он не

собирался.

— Немногим раньше вас. Милейшие контрабандисты делятся новостями не

только со «своими». Ваш Готфрид уподобился нашему Фердинанду, бывает...

Касеру сейчас принесут.

— Это излишне.

— Господин адмирал цур зее, — заверил Бешеный, подсаживаясь к столу,
— я

глубоко уважаю вашу контузию, но только не в данном случае. Монархов
следует помянуть. Тот, кто этого не делает, рискует в один премерзкий
день

проснуться в республике, и хорошо, если не дуксом. Дуксия Дриксен...
Звучит

омерзительно, а то, что звучит омерзительно, таковым и является, так что
лучше

до этого не доводить. Руперт, ты согласен?

— Да. Но «его высочество Фридрих, регент кесарии Дриксен» звучит не
менее

гадко.

— Пожалуй. Тогда святая обязанность его высочества догнать адмирала
цур зее

Бермессера, но когда это Фридрих исполнял святые обязанности успешно?

Придется помогать...

— Мя-а-а-а!!!

Влетевший впереди ординарца с подносом пушистый шар заметался, как
всегда, когда дорывался еще и до Вальдеса. Бывшая стражница
Адрианклостер с

первого взгляда вспылала к Бешеному греховной страстью, второй по
счету, и

теперь разрывалась между Дриксен и Талигом. Альмиранте ухватил Гудрун за

шкурку и водрузил на здоровенный серый том.

— Покайся, тварь закатная, — велел он. — Или поспи. Пепе, ставь сюда и скажи

внизу, что мы скоро будем.

— Без меня. — Олаф все-таки взял серебряную стопку. — Не думал, что вы это

держите.

— Я не позволю себе поминать вашего кесаря кэналийским, это гаунасская

можжевеловая. Скрипун новостями не торгует, он дает их в придачу, в том числе

и к касере. Господин адмирал цур зее, господин лейтенант...

Можжевеловая напомнила о многом, и больше всего — о «Ноордкроне». Кесарь

Готфрид, Западный флот, обожаемый начальник, ясная цель, друг Зепп... Это

было, этого больше не будет, но корабли еще вернутся в Метхенберг, и один из

них получит имя «Ноордкроне».

— Господа, — Олаф поставил стопку на поднос, — примите мои извинения. Я

хочу остаться один.

— Зря, — поморщился Вальдес. — Вам кажется, что вы молитесь, однако на

самом деле вы спиваетесь, если уже не спились. Без вина и касеры, что самое

печальное. Фельсенбург, нас ждут.

Их в самом деле ждали. Сперва прихваченные Вальдесом на «Утенке» гости и

вставший по такому случаю Лёффер, потом... Потом земляки остались внизу у

огня, а они с Вальдесом под затихающую «Найереллу» забрались на крышу.

Назло дождю, ветру и лезущей в душу осени.

— Сквозь шторм и снег! — закричал Руппи, и в ответ что-то хрустально

зазвенело, метнулись и опали знакомые крылья, а небо расцвело звездочками, будто гусиным луком.

— Ты... — выдохнул Руппи. — Ты вернулась?

— Это ты вернулся, — поправил Вальдес. — Поступай так и впредь.

Возвращайся, чтобы уйти. Уходи, чтобы вернуться...

Утром Фельсенбург мог вспомнить немного, но в том, что они с Бешеным собрались за Бирюзовые земли, лейтенант не сомневался.

Глава 2

КАГЕТА. ГУРПО

САГРАННА. ЯГИ

КАГЕТА. ШАРИМЛО

400 год К. С. 9— 14-й дни Летних Молний

1

Капрас глядел на сияющую Гирени и пытался осознать — у нее будет ребенок, которого надо куда-то девать. Новость пришлась, мягко говоря, не ко времени, но глупышка была в полном восторге. Это трогало, только лучше бы девчонка

пила какую-нибудь травку...

— Он будет старший? — допытывалась Гирени. — Илы у нэго далэко есть братьы? Много братов?

Маршал задумчиво почесал укушенную кем-то летучим руку. То, что у него имеется потомство, Карло не исключал, причем старшим могло быть побольше

лет, чем Гирени. Другое дело, что дамы и девки, с которыми он спал, ничего

подобного не говорили.

— Твой — старший, — решительно объявил гайифец.

Гирени захлопала в ладоши и тут же свела не знавшие щипцов бровки.

— Пачэму? — спросила она. — Ты здоровый, ты красивый, ты старый. У тэба

должно быть много детков.

— Так получилось, — коротко объяснил Карло и страшно обрадовался заскребшейся в дверь прислужнице. — Меня зовут. Береги себя.

— Зачэм «береги»? — Гирени ухватила руку маршала, поцеловала и положила

себе на пока что никакой животишко. — Ты должен показывать детку, что я —

твоя и ты главнее, тогда детка не заберет мою красоту. Я не хочу ставать

страшной и тебя пугать.

— Мне и без тебя есть чего бояться.

— Ты храбрый.

— Я храбрый, старый и здоровый. Береги себя и детку.

Карло чмокнул малышку в нос и отправился служить империи.

— Прибыл гонец из Паоны, — доложил поджидавший на пороге запретных комнат адъютант. — Красная печать.

Красное — это срочнее срочного. Вот так, господа... Сперва месяц молчим, потом ляпаем красные блямбы, загоняем коней и вытаскиваем «посредственных

военачальников» из женских постелей.

— Мой маршал, нас отзывают?

— Я не ясновидящий.

Вестей из Коллегии Капрас ждал, не находя себе места от тревоги и при этом

злясь. Кипарские письма раскрыли глаза на многое, но главным все равно

оставались прущие к Паоне мориски. Цену хваленым стратегам теперь знала вся

Гайифа, только Карло это отнюдь не радовало. Маршал предпочел бы, чтоб урод

Забардзакис выставил обнаглевших язычников хотя бы за пределы Паоники.

Пусть давится титулами, орденами, императорскими премионами, лишь бы из

бассейна Восьми Павлинов не поили чужих лошадей. Увы, Коллегия была непобедима разве что в паркетных баталиях; в ней, будто ил в пруду, оседали

умельцы писать циркуляры и наживаться за счет тех, кто рискует головой.

Расквась Забардзакис морду о морисков за морем или в той же Агарии, Карло

был бы только рад, но пустить шадов за Полтук!.. Слишком дорогая цена даже

для справедливости.

Дни командующего Северорожденным корпусом были забиты под завязку, но по

ночам Капрас вспоминал подходы к Паоне, прикидывая, где и какими силами

лучше дать бой. Дурная трата времени, если не иметь сведений о противнике, и

сплошное расстройство, если знать о планах начальства на собственный счет.

— Разрешите доложить.

— Говорите, Ламброс.

— Сержант вправду из Паоны. Вымотан, гнал прямо от столицы сам, никакой

эстафеты; хорошо хоть с лошадьми не слишком сложно было.

А невантец-то недоверчив, куда недоверчивей тебя! И правильно. От Хаммаила, верней, от его родни, впору ждать любых сюрпризов. Могут перехватить

настоящего гонца, могут запустить фальшивого.

— Ну, и как в Паоне? — осведомился Капрас, помимо воли представляя Померанцевые ворота с их буревестниками и золочеными купеческими раковинками.

— Когда курьер отбывал, ждали морисков. К столице сбежалось много народу

из разоренных провинций, рассказывают всякие ужасы... Люди вне себя, нашего

курьера едва не побили — думали, дезертир.

— Значит, появились дезертиры?

— Бегут, сволочи! — почти прорычал Ламброс. — Мой маршал, нас должны

отозвать!

— Увидим, — для порядка буркнул Капрас, думавший так же, как артиллерист.

— Велят «срочно домой» — пойдем домой.

— «Срочно»... — с горечью повторил невантец. — Мы с востока, а эта саранча

— с юга. Парадным маршем!

С южного направления беды не ждали, это северные подходы после визита

белобрысого Эпинэ перекрыли крепостями и даже к а нал за какими-то кошками

прорыли. Нет, морискам эта форсификация, без сомнения, пригодится. Если с

талигойской границы наконец снимут войска.

— Хватит... пророчить! — прикрикнул больше на себя, чем на полковника, Карло. — Не астрологи. Собирайте офицеров, а я взгляну на приказ, или чем

там нас осчастливили.

Курьер, немолодой сержант-кавалерист, при виде начальства вскочил и неуклюже отдал честь. Он в самом деле валился с ног и твердил лишь одно —

пакет предназначен маршалу Капрасу в собственные руки. Язычников сержант

не видел — после давнего ранения служил в Коллегии истопником. Почему

послали именно его, не знает — послали, и всё... Вызвал господин субстратег, вручил опечатанный футляр — и вперед. Да, футляр тот самый, всю дорогу глаз

не спускал. Что в Паоне? Боятся морисков, многие уходят, дома пустые стоят, а в

предместьях от беженцев не продохнуть. Гвардия? А что ей делается? Ходят, шитьем трясут... Шаркуны золоченое.

— Хорошо, — сказал Капрас, хотя хорошего ничего не было. Где письмо?

— Вот оно, господин маршал, только... Распишитесь, что передал, ну и что в две

недели успел...

— Премион обещали?

— Точно. Крышу перекрывать надо. Хотя какая крыша, если шадов пустят!

— «Паона никогда не падет», — напомнил Капрас. Курьер-истопник не казался

доносчиком, но Забардзакис умеет спрашивать, а неверие и уныние — отличный

повод отобрать у «труса» корпус, а самого выставить хоть в Кипару, хоть еще

северней.

— Так точно, господин командующий! — Похоже, сержанта посетили сходные

мысли. — Прошу простить! Паона нипочем не упадет. Хвала его величеству!

— Давай подорожную, — протянул руку Капрас. — Подпишу, и шагом марш в

приемную. Скажешь ординарцам, чтоб накормили.

Красные тревожные печати маршал снял, лишь оставшись в одиночестве. Этого

требовало предписание, и так в самом деле было лучше. Во всяком случае, тирады, сопровождавшие чтение, слышали лишь кружащие по комнате мухи и

Леворукий, наверняка получивший немалое удовольствие. В отличие от адресата.

Корпусу предписывалось в срочном порядке покинуть Кагету, письменно

уведомив о том казара Хаммаила, и форсированным маршем двигаться к Ониде, где командующему вручат новые инструкции. Суть была предельно ясна, однако

опытный глаз, повидавший немало казенных бумаг, сразу же отметил неладное, не по содержанию — по форме. Все печати и визы были на месте, как и

«высочайшее одобрение», но от Коллегии приказ подписал не Забардзакис, а

один из его субстратегов, человек не слишком заметный. И тон! Не обычный

сухой слог, а чуть ли не вопль: «Приди и спаси!» — будто сейчас только от маршала Капраса судьба империи и зависит.

Еще раз порадовав Врага заковыристым проклятьем, Карло полез за кипарскими

письмами. Рядом с паонским они выглядели просто бесподобно. «Маршал

Капрас показал себя более чем посредственным военачальником, его

присутствие на главном театре военных действий излишне...» — «Маршал

Капрас, я не думал, что когда-нибудь напишу «на ваш корпус с надеждой

смотрит вся империя», но мое перо выводит именно эти слова...». Поэт, истинный поэт, хоть и в нарукавниках! Трудно не поверить, не броситься

спасать. Карло и поверил бы, и бросился... Если б не знал, что его ждет на самом

деле. Его и корпус. Выходит, остаться в Гурпо? Гордо так остаться — дескать, разглядел я твою ловушку, старая ты сволочь. Сам влип, сам и вылипай, а я тут

посижу. С войском, с казаронскими презентами, с брюхатой любовницей...

Командующий Малым Северорожденным экспедиционным корпусом аккуратно

сложил все бумаги и запер в дальнем ящике, прошелся по кабинету, посмотрел

на расписанный розовым виноградом и синими птичками потолок. Красные

печати больше не мозолили глаз, но Карло в считанные минуты ухитрился выучить проклятое письмо чуть ли не наизусть. «Промедление может погубить

Паону...»; «От вас зависит многое, если не все...»; «Маршал Капрас, вы наша

последняя надежда...». Так в Коллегии еще никогда не писали.

Какой же надо быть гадиной, чтобы манить солдата его якобы нужностью!

После Фельпа Капрас не думал, что сможет возненавидеть ведомство

Забардзакиса еще сильнее, оказалось — сумел. Если б волей Создателя — ведь

Враг несомненно помогает язычникам — маршал оказался лицом к лицу с

господином Доверенным стратегом, двуличной твари пришлось бы худо. Увы, схватить Забардзакиса за грудки и плюнуть в подлую рожу Капрас не мог. Зато

он мог написать и написал отличнейший ответ. Дважды с удовольствием

перечел, хмыкнул, приложил личную печать и... разорвал. В Кагете было

безопасно и вкусно, а дома караулила подлость, ну да она всегда там гнездилась, из новенького были лишь мориски. «Маршал Капрас, вы наша последняя

надежда...» К Леворукому их всех!.. К бириссцам, к бакранам, к козлам, к

бешеному огурцу, пусть хоть он оплюет! Карло обмакнул перо и угрюмо вывел:

«Ваше Высокопревосходительство, Ваш приказ мною получен. Приложу все

усилия, дабы его исполнить, однако отдельные выдвинутые на север батальоны

вернутся в Гурпо не раньше чем через неделю...»

2

Впереди, за высоченными желтоягодными кустами, кто-то упорно, раз за разом, открывал и закрывал двери огромных рассохшихся гардеробов. Отделавшаяся

от мужниных фамильных гробов Матильда не думала, что вновь услышит этот

скрип. Услышала. Мало того, в тех же зарослях что-то варили, и скрип мешался

с бульканьем и похлопываньем крышек на котелках.

— Штук восемь, не меньше, — определил идущий впереди Шеманталь. — Ишь

наяривают...

— Твою кавалерию... — Матильда потрянула отросшими кудрями. — Так это

птицы орут?!

— Птицы? — хмыкнул адуан. — Это тергачи-то, жабу их соловей, птицы?

— Так не рыбы же!

— Тергачи — это тергачи. — Шеманталь галантно отвел от лица принцессы

колючую ветку. — Да не крадитесь вы, они только себя слышат. Вот куриц ихних спугнуть — раз плюнуть, хотя этим что с курицей, что без, лишь бы хвост

казать. Зато на вертеле — пальчики оближешь, особенно в ягодную пору. Они ж

только абехи сейчас и жрут, может, с того и дуреют.

Матильда промолчала — не шуметь в присутствии дичи было у Мекчеи в крови, но как же давно она не охотилась! Из Агариса до приличных угодий дня три

пути, ближе одни хомяки водятся. Мупа, бедняжка, так за всю свою жизнь ни

единого фазана и не увидела, даже жареного. Какие фазаны, на говядину бы

хватило. И на ызаргов, что прикормил Анэсти...

Из Сагранны прошлое казалось особенно гнусным, и ее высочество, гоня воспоминания, ускорила шаг. Жизни оставалось не так уж много, и алатка пыталась не марать этот остаток о старье.

— Всё, — очень к месту объявил Шеманталь, — пришли.

Небольшая полянка лепилась к обрывистому склону, уходящему в фиалковую, пронизанную солнцем высь. Среди сухой, не знавшей косы травы гигантскими

черепашками торчали валуны, на которые и взгромоздились пресловутые тергачи.

Статью они напоминали нухутских сопливых петухов, но были поменьше и обладали на редкость примечательными хвостами, не столько длинными, сколько пышными, как одежды канатных плясуний. Генерал-адуан в подсчетах

не ошибся — на токовище собралось восемь кавалеров. Начинать турнир тергачи не спешили — раздув на манер голубей шеи и распутив хвосты, они

предпочитали медленно поворачиваться на своих пьедесталах, издавая уже

знакомые бульканье и скрип.

— А куриц-то не видно, — удивилась алатка. — Оглохли, что ли?

— Не туда смотрите... В зарослях они, с краю которые. Удачно мы вышли, взяли б

влево, спугнули бы. Выше, выше гляньте, вон... У рогульки.

Тергачки походили на фазанок — неприметные, в пестреньких платьицах, они

скромно прятались в листве, подавленные красотой и важностью собравшихся

женихов.

— Сдается мне, — Шеманталь ткнул пальцем влево, — его берегут. Штаны мокрые, а губернатор губернатором!

«Губернатор» старательно кружил, показывая доставшуюся ему роскошь. Из-

под верхних, черных с серебристым краем, перьев торчали алые, оранжевые, бирюзовые оборки. Когда тергач поворачивался задом, становился виден

пышный белый пух с непристойной круглой дыркой посередине. Исподнее

малость загрязнилось от помета, но это не мешало красавцу вертеться, скрипеть

и булькать. Расфуфыренные соперники тоже старались вовсю, на невест они не

глядели, друг на друга тоже. На своем веку Матильда повидала немало

спесивых балбесов, но те, алча принятия, хотя бы косились на зрителей, тергачам же хватало себя и собственного хвоста.

— Экие важные, — шепнула женщина, мимоходом прикинув, что из черных

перьев можно сделать отличную оторочку, пожалуй, и бирюзовых прибавить не

помешает. — Аж не верится, что передерутся.

— Какое там! — отмахнулся адуан. — Вот козлы, те взаправду Подаются, а эти

так и будут тергать, пока девка в зад не клюнет. Хватит, мол, складай хвост, пора

дело делать!

А ведь она тоже Анэсти клюнула, дурища эдакая... Ну и ладно, было да сплыло, а вот дайту завести надо. Тергачи — не дичь, но не одни же они здесь водятся.

Здоровенная темная тень вынырнула из-за горы и камнем ринулась вниз, на

танцующего «губернатора». Мелькнули выставленные вперед могучие лапы, суматошно заколотили петушинные крылья... Поднятый хищником ветер

взметнул и закрутил разноцветные перья, а кто-то вроде здорового, лысого с

красным воротником орла неспешно взмывал вверх, к горному солнцу, унося

трепыхающуюся добычу. Уцелевшие тергачи дате хвостом не повели, ток

продолжался как ни в чем не бывало! Матильда покосилась на кусты — курицы

то ли сбежали, то ли разошлись в самую чашу, однако отсутствие невест

осталось столь же незамеченным, сколь и рухнувшая с небес смерть.

— То ли еще бывает. — Адуан вытащил из сумки обтянутую сукном болванку и

принялся насаживать на палку, которой отводил с дороги ветки. — Самый смех, это когда барсиха или там рыська котят натаскивает. Те на камень толком залезть

не могут, одного тергача втроем волокут, он крыльями колотит, пыль столпом, а

другие чучелы знай себе выплясывают... Ну как, нагляделись или еще полюбуетесь?

— А то я спесивых дураков не видала! Одна разница, что в штанах и родословная от святого Олуха.

— Есть такие. — Шеманталь оценил спускающееся к дальним горам солнце. —

Да и время не раннее. Супруг заждался.

— Ну так и шел бы с нами, — буркнула Матильда, понимая, что Бонифаций в

самом деле заждался, а она... А она хочет к мужу, вот хочет, и все!

— Его высокое преосвященство по горам только для дела скачет, — заступился

за благоверного генерал, — да и занят он. Бакраны, если с утра заявили, до

вечера не отлипнут. И то сказать, намолчались... Жак, Дени, пошли, что ли. С

хвостами поаккуратней, перья не поломайте.

Всю глубину тергачиной тупости Матильда постигла, когда адуанская троица с

ходу уложила шестерых. Шеманталь орудовал колотушкой, помощники совали

добычу в мешки. Седьмого не тронули, надо думать, оставили на развод; одинокий скрип еще долго долетал до ушей принцессы, потом его заглушили

другие звуки — шум ветвей, звон ручья, стрекотанье здоровенных, чуть ли не в

ладонь, кузнечиков. Сагранна и не думала стесняться гостей, и алатка была благодарна и ей, и лету, и предложившему эту прогулку Шеманталю.

— А неплохо так сходили. — Генерал-адуан будто мысли подслушал. —

Вечерком женихов нажарим... С бакранским сыром. А завтра, если пожелаете, я

вам барсово семейство покажу, Жак следы неподалеку видел.

Это было заманчиво. Серебристые длиннохвостые кошки водились и в Черной

Алати, но видели их нечасто, потому и болтали, что встретить одинокого барса

— к свадьбе, а семейку — к удаче. Балинту выводок аж в пять котят попался.

— Одна не пойду, — внезапно решила Матильда. — Только с хряком... То есть с

его высоким преосвященством.

3

На пороге «Приюта золотых птиц» Капрас едва не замедлил шаг —

похожий на

аляповатую шкатулку казарский дворец внезапно показался ловушкой.

Входить

не хотелось, тем более входить одному, но в «Приют» сопровождающих не

впускали. Правом нарушить уединение повелителя Кагеты обладал лишь

осчастливленный августейшей аудиенцией, коего сопровождал дежурный

казарон, да и то до порога личных покоев. «Золотого гнезда», как говорили

здесь. Конечно, командующий гайифским корпусом мог на местные порядки не

оглядываться, но это поставило бы Хаммаила в дурацкое положение, а казара и

так ждали не лучшие времена.

Получив приказ оставить Кагету, Карло не то чтобы забеспокоился о Хаммаиле, скорее начал испытывать некоторую неловкость. Жил себе молодой казарон, упитанный и красивый, чего-то хотел, о чем-то думал, родную казарию терпеть

не мог, мечтал осесть в империи и добился-таки своего. Перебрался в Паону, женился на гайифской девице, не из самых красивых, зато с влиятельной

родней, пошли дети... И тут родня жены хватает за горло и тянет в неприятное

отечество, да не кем-нибудь, казаром! Имперские сановники сыплют

любезностями и подачками, обещают всяческую помощь, и вот ты среди тупых, неотесанных дикарей — такой просвещенный, такой утонченный, та кой

нужный великой Гайифе! Как тут не натянуть корону и не водвориться во

все

эти дворцы?

И все бы хорошо, только у доброй половины страны имелся другой казар.

Сперва Лисенок казался временной помехой, а фон, пусть и неустойчивый, надежно подпирала империя, теперь же ей стало не до Кагеты. Как Паона

обещает, заверяет и бросает на произвол судьбы, Карло испытал на собственной

шкуре, сейчас пришла очередь Хаммаила. Симпатий ни он, ни Антисса не вызывали, однако чувствовать себя Забардзакисом было противно.

Изворачиваться и крутить маршал не любил, но, не желая обострений, заставлял

себя быть дипломатичным. Его пригласили для важной беседы, и он поехал, хотя Курподай намекал на возможные неприятности, Ламброс советовал взять

охрану посильней, а Левентис — отказаться под благовидным предлогом.

Сейчас, перед золочеными дверьми, на которых били крыльями голенастые цапли, гайифец жалел о своем чистоплүйстве, но отступить было поздно, да и

не зарежут же его, в конце концов!

Дежурный казарон в малиновых сапогах и с золотой полутарелкой на груди протянул лапу к шпаге, Капрас положил руку на эфес:

— «Моя шпага — моя честь, моя честь — честь империи».

Двусмысленная гвардейская шутка сработала — казарон отлупился, и Карло

вошел в узкий расписной коридор. Сбереженная шпага в такой щели была бесполезна, но маршал не встретил никого, кроме спешившей по стене навстречу усатой рыжей твари, слишком похожей на таракана, чтобы быть кем-

то иным. Коридор упирался в дверь, на которой красовалось оранжевое солнце с

глазами и ноздрями, однако без рта. Немое светило стерегло двойную комнату

— в ближней, большой, журчал одинокий фонтанчик, в дальней, полукруглой, виднелся низкий, заставленный кувшинами и блюдами стол, за которым

расположились дама и трое мужчин. Хаммаил вводил в бой семейный резерв, и

резерв этот был последним.

Капрас поклонился. Сухощавый, одетый по-имперски господин выбрался из-за

золотого ведра с оранжевыми розами, видимо, это был тесть казара. Карло с ним

еще не сталкивался — батюшка Антиссы блюл семейные интересы при императорском дворе, и его появление могло означать многое.

— Насколько я успел понять, — предполагаемый Каракис-старший улыбался

совершенно по-паонски, что отнюдь не вызывало у маршала нежности, —

владыка Кагеты принимает гостей сидя. Положение, увы, обязывает, так что

вашу руку, сударь, пожму я. Мы незнакомы, но я о вас столько слышал!

— Возможно, это взаимно. — Рукопожатие «тестя» было крепким и нарочито

молодцеватым. — Если вы граф Каракис Камайский.

— Так вы обо мне слышали? А говорят, военные не желают знать нас, гнусных

чинуш.. Но садитесь же! С моим племянником Марко вы точно встречались, он

до сих пор под впечатлением от вашего милосердия к этому странному человеку, разбрасывающемуся сапогами. Что сказать про дочь, право, не знаю. Трудно

называть свою плоть и кровь величеством, но дворцовый этикет остается таковым везде.

— Маршал Капрас у нас нечастый гость, — сочла нужным подать голос

Антисса. Золотистые кагетские одеяния ей были к лицу. Забавно, но Гирени

пошли бы гайифские девичьи платья с низким, прикрытым густой сеткой вырезом. — Это так мило, что он не устроил очередной смотр.

— Да, — разлепил румяные губы Хаммаил, — маршал Капрас предпочитает

нам своих офицеров и наиболее навязчивых казаронов.

— О, дорогой, — запротестовала Антисса, — навязчивых не предпочитают, навязчивых терпят...

— В любом случае, маршал Капрас нас избегает. — В кругу гайифской семьи

казар вел себя иначе, чем на казаронском сборище, где вопить и потрясать

кулаками почиталось хорошим тоном. — Мне доносят, что вы покупаете
новых

лошадей, а старых перековываете.

— Обычные воинские дела, — торопливо махнул рукой Марко. — На
здешних

камнях подковы стираются до отвращения быстро. Я не кавалерист и не
столь

давно прибыл в Кагету, но моего Валмона перековывали уже дважды.

— Сейчас, — веско сказал тесть, — самое главное в корне пресечь слухи.
Если

ложь достигнет ушей... ваши величества, прошу простить мою резкость...
ушей

глупцов, а таких среди кагетской... э-э-э... аристократии немало, они могут
заметаться и попытаться сменить сторону. Разумеется, предатели получают
свое, но прольется кровь...

Это была увертюра. Капрас не слишком любил оперу, но что сперва играют
увертюру, а потом переходят к главному, помнил. Хаммаил не мог не
понять

очевидного, вот и решил выяснить, не махнет ли уважаемый гость рукой
на, считай, проигранную войну и не останется ли в Кагете, и если
останется, то за

сколько. Поднаторевший за последнее время в местных делишках маршал
по

мере сил увертюре подпевал, в свою очередь надеясь выяснить, станет ли
казар

мешать возвращению корпуса лично, попробует натравить казаронов,

попросит

взять с собой или же рискнет сцепиться с Лисенком один на один.

— Приятно, что Панага-ло-Виссиф удостоен вашей дружбы, — закинул очередную удочку казар. — Но не злоупотребляет ли он ею?

— Казарон Панага много делает для защиты приграничных замков, — извернулся Капрас и потянулся к подносу с халвой. Любителем местных сладостей

маршал так и не стал, но приличные люди с набитым ртом не говорят, особенно

во дворцах.

— Казарон Панага предан, хоть и надоедлив. — Антисса в змахнула широким

рукавом, едва не зацепив что-то засахаренное. — В этой стране подобное не

редкость.

— Но вы, любезный маршал, отнюдь не обязаны терпеть неприятных визитеров,

— подхватил тесть. — Если вы думаете, что, отказавшись принимать того же...

Панагу? Какое забавное имя! Так вот, если вы думаете, что нанесете тем самым

обиду его величеству, вы ошибаетесь. Тем более что в последнее время насчет

этого казарона возник ряд сомнений.

Капрас, выгадывая время, сунул в рот еще и лукама. Последний разговор с

Курподаем в самом деле вышел странным. Обсуждали обучение рекрутов: казарон грустил, что наставники уходят, как было объявлено, в главный лагерь, очень благодарил и сделал очередной подарок, как всегда дорогой и полезный.

Сплетням о скором выводе корпуса хозяин Гурпо не верил, зато намекнул, что в

некоторые глупые головы пришла глупая же мысль: маршал может уезжать хоть

завтра, а вот корпус хорошо бы оставить. Он состоит из отдельных полков, и

если командующий окажется... неуступчивым, надо договориться с

полковниками. Карло счел это предупреждением и решил, что сам Курподай, надеясь на своих «свежеобученных», мешать не станет, а прочие не страшны: ни

мозгов, ни решимости. Однако вскоре один казарон ненароком в гости заглянул, потом другой, а затем подоспело и казарское приглашение... И он поехал, даже

не захватив приличный эскорт.

— Я был рад помочь одному из хранителей рубежа, — заверил Капрас. — Мои

офицеры хвалят кагетских рекрутов. Они могут дать отпор бириссцам Бааты

уже теперь.

— Почему вы возвращаете ваших людей в Гурпо? — закончил увертюру

Хаммаил. — Отдельные батальоны должны были остаться в северных замках на

зиму. Я разрешил Панаге принять ваших людей, но я не разрешал им

уходить.

— Они выполняют приказ.

— Ваш?

— Военной коллегии. — Финтить и дальше глупо, а казар все же союзник.

Бедняга имеет право хотя бы на время — для раздумий или... для сборов.
Вроде

бы у Каракисов владения возле самой алатской границы; отсилятся. —
Ваше

величество, видимо, мне предстоит сообщить вам неприятное известие. Я
получил приказ в кратчайший срок покинуть Кагету.

Что последует за его признанием, Капрас не знал. Хаммаил мог затопать
ногами

и заорать, мог лишиться чувств, грохнуться на колени, подавиться халвой,
разрыдаться, наконец. Не терпевший мужских криков маршал готовился к
худшему, однако казар не стал являть гайицам кагетскую страсть.

Швырявшийся сапогами придурок удостоился воплей и потрясения
кулаками, отказавшийся от своих обязательств покровитель услышал лишь
стук

опущенного на поднос кубка.

— Как давно вы получили приказ?

— Несколько дней назад.

— Разговоры о вашем уходе начались раньше, — напомнил казар. Он был
спокоен, он, раздери его кошки, был слишком спокоен, а ведь уход
гайицев

лишал его единственной надежной защиты. Да, Курподай сможет какое-то время

удерживать проходы в Нижнюю Кагету, но вот захочет ли?

— Ваше величество, я — военный, и я получил сведения о продвижении морисков в глубь империи. В подобном положении держать корпус в едином

кулаке и быть готовым к выступлению для меня естественно.

— Случается, — вмешался тесть, — что отдаваемые распоряжения опровергают

друг друга. В Паоне, как вы понимаете, последнее время царит удивительная

неразбериха.

— Мой брат Дивин не поставил меня в известность о вашем уходе, — добавил

Хаммаил.

«Его брат Дивин?!» Собственным ушам Капрас верил, внезапной Хаммаиловой

храбрости — нет. Казар был готов к тому, что услышит. То ли сам догадался, то

ли родичи подсказали, а может, кто и уведомил, но о приказе они знают... Тогда

зачем весь этот балаган? Собрались покупать? Пожалуй, запугивать-то нечем.

— В этом году уродились отличные персики, — порадовала Антисса. —

Попробуйте. Неприятные события не должны лишать нас маленьких радостей.

— А также разума, — подхватил на правах двоюродного казарского шурина

Марко. — Любезный маршал, я не военный, но неужели вы полагаете, что с

одним корпусом сумеете то, что оказалось не по силам всей императорской

армии? Это здесь в вашей власти многое, и это здесь вы — дорогой гость, которого можно лишь просить, а кем вы станете, вернувшись?

— Марко! — лукаво укорила Антисса и, взмахнув рукавами, будто крыльями, поднесла к губам упомянутый персик. — Мы в самом деле можем лишь

просить... Что ж, я прошу, как женщина, как мать, как супруга, как ваша

соотечественница, наконец. Оставайтесь с нами. Вам не спасти Паону, но

мориски не воюют с Кагетой. Мы приютим всех, кого язычники лишат крова.

Если вы дадите им защиту от талигойских прихвостней.

Последние сомнения исчезли. Сержант-истопник гнал так быстро, как только

мог, но и остающиеся — пока остающиеся — в Паоне Каракисы не медлили.

Хаммаил, а вернее тесть и Антисса, не знали разве финта со сменой

командующего, иначе бы это уже пошло в ход. Странно, что Забардзакис вообще

с кем-то поделился, впрочем, губернатор Кипары и Доверенный стратег до

недавнего времени вроде бы принадлежали к одной партии.

— Приказ за подписью императора может отменить лишь сам император.

—

Тесть говорил вкрадчиво, даже проникновенно. — Вас вправе отозвать лишь его

величество, напомните об этом Военной коллегии и можете с чистой совестью

оставаться на месте.

Капрас остался бы. С чистой, невероятно чистой совестью, если б его посылали

в Фельп, в Бордон, в Агарию, в Закат, но его вызывали защищать Паону; то есть

не его, а слепленный им из ничего корпус. В том, что кипарские парни полягут

на подступах к столице и им даже не скажут спасибо, маршал не сомневался, но

спасать сползающих в Кагету Каракисов?! Выходит, гнать кипарцев на убой, а

самому убираться к превосходительному, которому маршал без солдат — что

скорлупа без яичницы?

— Некоторые решения принять так трудно... — теперь лицо Каракиса-старшего

стало благостным. — Я не военный, но даже я понимаю: выступать вам не

завтра. Вы успеете посоветоваться с Создателем. Его высокопреосвященство

будет рад дать вам совет, и кто знает, возможно, спасет вашу душу и вашу совесть.

— Корпус будет готов выступить не раньше, чем через две-три недели, —

Серрапиону важна не душа маршала Капраса, а корпус. Как и Хаммаилу, которого кардинал успел слишком рьяно поддержать. — Военная коллегия

никогда не допускала небрежности с бумагами. Не сомневаюсь, рескрипт его

императорского величества скоро будет. Во всяком случае, письменно уведомить

кагетскую сторону о нашем уходе меня обязали. Мне следовало это сделать

накануне выступления, однако на прямой вопрос я счел правильным прямо и

ответить. Мы не можем остаться, когда враг нацелился на Паону. Так думаю не

только я, но и мои офицеры.

— Вы истинный солдат империи, — одобрил казар. Антисса улыбнулась и разлила вино. Шурин откашлялся.

— Тогда наш долг выпить за здоровье его величества! — провозгласил он. — Да

здравствует император!

Капрас с готовностью схватился за кубок. Он бы обязательно выпил, если б не

слышал намеков Курподая и если б не заметил, как перед провозглашением

тоста Хаммаил быстро переглянулся с женой. У кагетских платьев такие

длинные, такие широкие рукава, а в здешних горах столько ядовитых растений!

Пальцы маршала разжались, звякнуло, темно-красная жидкость залила персики

и инжир, на мозаичном полу образовалась лужица. Хаммаил с непроницаемым

лицом оттянул воротник, и Карло уверился, что не ошибся в своих подозрениях.

Казар с Каракисами решили, что, едва слух об уходе гайифцев дойдет до

Лисенка, тот, дрянь такая, сразу же и прыгнет. Значит, корпус во что бы то ни

стало нужно удержать, вот умники и додумались убрать командующего и перекупить полковников.

— Прошу прощения, — хрипло извинился Карло. — Похоже, мне не стоит сегодня пить.

— Вам не стоит волноваться, — шурин заговорщически подмигнул, — из-за

пустяков. Говорят, пролить красное вино к рождению сына, а белое — дочери, но не все приметы сбываются. Скушайте персик.

Персиками тоже травят, а первая супруга Дивина, кажется, откушала земляники.

Капрас выбрал фрукт порумяней и с поклоном вручил Антиссе, та как ни в чем

не бывало запустила в мякоть желтоватые зубки. Слегка успокоившись, маршал

взял ипжирину; разговор продолжался, но стал совершенно пустым. Теперь

Карло смущал узкий коридор, прорваться через который мог разве что

разогнавшийся бык, да и то если б не застрял и не получил пулю в лоб. Яд, конечно, чище, однако те, кто ловил шпионов Бааты, никуда не делись.

Дорогие

союзники «не успеют» спасти доблестного гайифского маршала от клинка супостата, но убийцу возьмут с поличным, после чего офицерам покойного только и останется, что мстить Лисенку и пересчитывать золото.

Антисса доела всученный ей Капрасом персик и взяла еще один.
Утративший

всякий интерес к беседе казар откровенно считал мух, шурин и тесть наперебой

вспоминали Паону, Карло к ое-как поддерживал разговор, пытаясь сообразить, что делать; без толку — в голову лезла лишь мысль о заложнике, увы, бесполезная — милая семейка жертвует любим, хоть бы и самим Хаммаилом, ведь Антисса уже родила двоих сыновей. Стук двери заставил маршала

вздрагнуть, однако это были не убийцы, а носитель полутарелки.
Кагетского

Карло не знал, так что казар мог приказать все, что угодно, но пока влаивал и

гоготал вошедший казарон. Каракисы вряд ли разбирали больше маршала, и тут

в мешанине чужой речи проскочили «Панага» и «Левентис». Это могло стать

шансом, все равно другого не имелось. Капрас умеренно поднялся.

— К сожалению, — спокойно, очень спокойно сказал он, — я вынужден вас

покинуть и вернуться к своим обязанностям. Теньент Левентис потревожил бы

меня в резиденции вашего величества лишь при крайней необходимости.

Судя по казарской физиономии, он угадал. Агас был здесь и, видимо, с той самой «приличной охраной», на которой так настаивал Ламброс.

Глава 3

НИЖНЯЯ КАГЕТА

ТАЛИГ. ХЕКСБЕРГ

400 год К. С. 14 — 23-й дни Летних Молний

1

Хаммаилов «Приют» давно скрылся из виду, а сердце Капраса все еще трепыхалось. Уже не от страха — от стыда за таковой. Карло давно перестал

считать, сколько раз разминулся со смертью; он ценил жизнь, но к более чем

вероятной встрече с пулей или ядром относился спокойно, только здесь было

нечто иное, удивительно мерзкое!

Чувствуя под собой конскую спину, глядя на полудикие, усыпанные мелкими

малиновыми розами кусты, вдыхая уже привычный аромат кагетских дорог —

запах нагретой пыли, падали и цветов, маршал потихоньку приходил в себя.

Пережитое, пусть и неохотно, съезживалось, становясь чем-то вроде ненароком

проглоченного морского гада — студенистого, холодного и все еще живого.

Капрас вообразил угодившую в его брюхо каракатицу и поморщился: он не

понимал, как Каракисы решились на убийство командующего имперским корпусом, а они решились. Всем семейством.

Доказательств покушения, как и сомнений в своей правоте, у маршала не имелось, их заменяло жгучее желание немедленно обратиться хоть к морискам, хоть к Леворукому.

— Что корпус? — через силу спросил Карло едущего рядом гвардейца. Тот с

некоторым удивлением поднял брови.

— Мой маршал, как вы помните, батальоны из отдаленных замков начали движение к Гурпо. Полковник Ламброс уверен, что артиллерия будет полностью

готова к маршу в должный срок. Полковник Николетис закончил с перековкой, офицеры разбираются с мелкими повседневными делами — попытки обмануть

на поставках, пьянство и драка, местные женщины...

— Проклятье! — перебил Карло, поняв, что расписывается в собственной глупости: Агас покинул Гурпо всего парой часов позже спасенного и ничего

нового знать не мог. — В башкекакая-то мешанина... Хотите — верьте, хотите —

нет, меня намеревались самое малое отравить.

На сей раз спутник удивляться не стал.

— Каракисы, — объяснил он. — Где они, жди любой пакости. Могу рассказать, чем эти господа знамениты в Паоне.

Это могло быть полезным, но Карло «засмотрелся» на придорожную,

обвитую

виноградом часовню, на крыше которой устроились трое грустных

стервятников. Разговор оборвался. Игпеитис, вернее, его родичи по материнской

линии, в имперской заварухе блюли собственный интерес, о котором Капрас

ведать не желал. Узнать о войне двух змей — с немалой вероятностью оказаться

либо с одной, либо с другой, а вернее всего в гробу. Карло не для того оставил

гвардию и не для того тридцать лет не давал себя прикончить, чтобы лезть в

политическую трясиину, с него хватит кагетских свар, которые со счета не

сбросить. Хаммаилу с Каракисами нужен корпус и не нужен его командующий, так что жди дальнейших сюрпризов. Сегодня его выгацил Агас, сославшись на

какого-то казарона со срочным делом и, конечно же, соврав, но дальше лучше

думать самому.

— Агас, — окликнул Капрас, когда Создателев приют и обсевшие его пташки

остались позади, — что это за казарон, чем он знаменит и зачем я ему нужен?

— Мой маршал, боюсь, я не смогу выговорить имя, но полковник Ламброс гостя

узнал. Этот дворянин живет на севере.

— Дворянин? — переспросил Карло, в очередной раз позабыв, что казароны

дворяне и есть. — И что же ему нужно?

— Он желает говорить лишь с командующим. Я счел правильным доставить его

к вам.

Какая услужливость! Казарон с севера желает говорить с маршалом, и его немедленно доставляют в казарский «Приют». В сопровождении пары готовых

ко всему эскадронов... Окажись на месте гостя Пургат, он бы от подобного уважения воссиял. Сам ни Левентис додумался явиться за угодившим в ловушку

начальством, действовал ли в сговоре с Ламбросом, но помощь подоспела вовремя.

— Теньент, — не удержался Карло, — а что было бы, не попадись вам с Ламбросом этот казарон?

— Не представляю, — пройдоха улыбнулся отцовской улыбкой, — но ведь он

приехал, и он так настаивал...

— Хорошо, — окончательно развеселился командующий, — давайте его сюда.

Казарон был одет для долгой дороги, благообразен и уже немолод. Недлинные

усы, темные сапоги, дорогое оружие. Так обычно выглядят состоятельные

кагеты, подолгу живущие в империи. Капрас подсмотренным у Курподая жестом указал на место возле себя, и невольный сообщник ловко развернул своего гнедого, подстраиваясь к бывалому маршальскому полумориску.

— Я слушаю, — объявил Капрас, пообещав себе помочь этому человеку, если

тот, конечно, не попросит ничего запредельного.

— Господин маршал, мое имя Маргуп-ло-Прампуша из рода Прагутхуди, но вам

оно ничего не скажет. — Произношение казарона было довольно чистым, да и

говорил он не по-кагетски тихо, спокойно и почти без акцента. — Мне бы следовало прибыть под серым флагом, однако казарон Хаммаил и его люди не из

тех, кто уважает закон и обычаи. Вынужден просить у вас прощения за нарушение правил, оно проистекает из вынужденной осторожности, я же всецело полагаюсь на ваш здравый смысл и вашу добропорядочность.

Разрешите вам сообщить, что я представляю его величество Баату Второго.

Объявись посланец Лисенка днем раньше, глаза маршала полезли б на лоб, но

приключение в казарском Приюте выжало Карло досуха. Голова работала, а вот

чувства кончились, даже удивление.

— Если вы — парламентар, вашей безопасности ничего не грозит. — Левентис

не расслышит, остальные тем паче. — Чего хочет казарон Баата?

— Его величество велел вручить вам письмо и, если потребуется, дать необходимые разъяснения. — Кагет извлек из-за пазухи плоский футляр с бегущей лисой на крышке. — Открывается нажатием на правый глаз и кончик

хвоста.

— Нажмите, — распорядился маршал, чувствуя на языке вкус Хаммаиловых

сластей.

Посланец Лисенка или умело скрыл удивление, или воспринял осторожность

гайифца как должное. Щелкнуло, и футляр честно явил свое нутро. На золотистом атласе белело послание, его Карло взял сам.

— «Маршал Капрас, не буду утомлять Вас присущей и нам, и вам

витиеватостью, тем более что я не успел постичь всей ее глубины. Узнав о том, что происходит в Гайифской империи, я рискнул пойти на определенную

откровенность, хоть не обладаю и десятой долей отваги моего покойного кузена

Луллака. Я исхожу из того, что Нам беды Гайифы ближе интриг и желаний

казарона Хаммаила. Если я в этом не ошибаюсь — а мне не отпущено и десятой

доли проницательности и осторожности моего покойного отца, — я мог быть

полезен Вам, а Вы — мне. Каждый из нас окажет услугу своему отечеству,

Создатель же за то простит нам преступление данных не нами обетов, в плену

которых мы находимся.

Я предлагаю встречу. Тот, в чьих руках это письмо, уполномочен обсудить с

Вами, буде Вы согласитесь, место, время и меры безопасности, которые Вы, не

имея никакого основания доверять мне, решите принять. Я же в свою очередь

обязуюсь, выказывая честность своих намерений, пойти на больший риск, чем

Вы.

Баата, волею Создателя второй этого имени владыка Кагеты».

Капрас зачем-то обернулся. Агас Левентис всю болтал с адъютантом, он вряд

ли предполагал, что был правдив, как сам Эсперадор, — дело казарона, без

дураков, оказалось важнейшим. Карло поправил шляпу, слегка пожевал губами

и решился.

— Я готов выслушать то, что мне передано на словах.

2

Когда в раздираемом шквалами заливе гнула «Ноордкроне», Руппи Альмейду

ненавидел. Позже ненависть к умному и расчетливому врагу отступила перед

ненавистью к эйнрехтским подлецам, но удовольствия от встреч с

альмиранте

Фельсенбург все равно не испытывал. Да они и виделись лишь трижды...
Два

раза в прошлом году и теперь, по прибытии в Хексберг, когда Альмейда
счел

необходимым повидать бывшего адмирала цур зее и его еще более бывшего
адъютанта. Огромный кэналлиец объявил, что не имеет обыкновения
считать

военнопленными тех, кто не захвачен в бою, после чего заговорил о
Дриксен.

О состоянии дриксенского флота и портов четырехпальый знал как бы не
лучше

Руппи, что в очередной раз вызвало желание придушить регента и его дуру.

Скрывать свои чувства наследник Фельсенбургов не стал, за что и получил
от

Олафа некое подобие выговора. Это был последний случай, когда Ледяной
хоть

чем-то напомнил себя прежнего, потом он раздобыл Эсператию, и
началось...

Мока Руппи рисовал скелеты и шипел на кошку, исхитрившуюся удрать от

Юхана и разыскать в чужом городе своих любимцев, Кальдмеер думал, и
на

пользу ему это, мягко говоря, не шло. Еще весной, узнав, что фрошер
собрался

говорить с наследником Фельсенбургов напрямую, минуя Олафа,
означенный

наследник не преминул бы взбрыкнуть, сейчас он почти обрадовался.
Хватало и

того, что Бешеный вместо лучшего адмирала кесарии пустил в дом какого-то

монаха, причем далеко не «льва». Показать нынешнего Олафа еще и Альмейде

было бы нестерпимо, но великан прислал за Рупертом. Руперт взял шляпу и

пошел, не доложившись и не попрощавшись.

Моросивший почти неделю дождик иссяк, в небо вернулась летняя синева, и

это, вопреки всему, радовало. Фельсенбург шагал вражеским городом в

сопровождении чужого адъютанта и насвистывал. Со стороны это выглядело

бравადой, но таковой отнюдь не являлось, просто менялся ветер, на крышах

разворачивались флаги, а где-то, за такими же, как в Метхенберг, домами

плескалось и звало море. Руппи не сомневался, что они еще встретятся, и свято

верил в затею Вальдеса — добраться до Бирюзовых земель, обойти их и плыть

на восток, пока на горизонте не проступит неведомое или ополовиненные

водяные бочки не потребуют возвращения. Для похода требовалось всего ничего

— закончить войну и уцелеть, ну так они уцелеют! Сегодня это казалось

само

собой разумеющимся.

Веселье не покинуло лейтенанта даже при виде гороподобного Альмейды,
а

разгулявшееся воображение нарисовало, как некто подобных размеров

поднимает за шкуру долговязого Фридриха и трясет, будто поганого кота.
У

самого Руппи для подобного силы не хватало, а хотелось...

— Вижу, вы не унываете. — Четырехпалый кивком указал на стул. —
Садитесь.

Пришли новости из Эйнрехта. В прошлый раз вы, говоря о столичных
интригах, назвали герцога Марге хитрой сволочью и пронырой. Ваш
адмирал был этим

недоволен.

— Не этим.

Олафу не нравится, когда дриксенские мерзости становятся известны
чужим.

Руппи был бы с ним согласен, но Бешеный и без того знал Бермессера как

облупленного, а дерущийся на востоке Арно, не таясь, рассуждал о
талигойской

дряни. Везде есть люди и мрази, скрывать это глупо, а выставить мразь
чем-то

приличным лишь потому, что она «своя», глупо вдвойне.

— Неважно. — Адмирал притянул покалеченной рукой какую-то бумагу,
но

читать не стал. — Можете на меня кидаться, только Кальдмеер больше не похож

на адмирала. Хотя, даже останься он прежним, сегодня мне нужен не моряк, а

столичная птица, пусть и в чайчьих перьях.

— Я — моряк, — отрезал Руппи, — а Марге-унд-Бингауэр — проныра, сволочь

и трус.

— Вы в самом деле моряк, — обрадовал Альмейда, — потому что в интригах

вас обошли и дали увидеть лишь то, что хотели. Марге оказался отнюдь не трусом.

Руппи пожал плечами.

— Значит, это не тот Марге, только и всего. Его наследник иногда готов напасть

на одного всего лишь вдвоем.

— Тогда чем вы объясните, что старший Марге оседлал вспыхнувший в Эйнрехте бунт и объявил себя вождем всех варитов?

— Представление. — От недогадливости главного талигойского адмирала Руппи

опять развеселился. — Через пару дней великий Фридрих мятежников победит, они сдадутся, а добрая Гудрун всех простит и умолит Неистового пощадить

заблудших. Регенту... тьфу ты, он больше не регент: после смерти кесаря и до

съезда великих баронов страной правят Бруно, глава дома Штарквинд и мой

отец... принцу Фридриху, чтобы надеть корону, нужны победы, а их нет, вот и

пришлось устроить мятеж.

— В таком случае Фридриху следовало остаться в живых.

Руппи не понял, вот не понял — и всё. В окне что-то призывно блеснуло, раздался веселый звон, перед глазами вспыхнули знакомые ночные искры, но

разум уже схватил разогнавшуюся радость под уздцы.

— Фридриха убили?!

— И принцессу Гудрун тоже. Я всю жизнь считал, что в Дриксен предпочитают

вешать, однако этих двоих сперва посадили на колья, а потом заживо взорвали.

— Как... как...

Альмейда рассказал. Знал он не слишком много, но этого хватило. Перед глазами встала библиотека в Фельсенбурге и белый, похожий на подушку живот.

Кто-то придумал набить его порохом, кто-то это сделал. «Как пожелает мой

кесарь...», «Умерла бы за один час...» Вот и сбылось, вот и умерла!

— Как они держались?

— Меня там не было.

— Фридрих орал, — твердо сказал Руппи, — а она молчала. Плакать могла.

Господин адмирал, Марге не мог не струсить, иначе это был бы не он!

— Видимо, у него не оставалось выхода.

— У Марге?! Чтоб не угодить на кол, он мог обещать весь мир и четырех кошек

в придачу, но кто бы его слушал?!

— Я тоже так думаю. — Альмейда потер подбородок. — Обуздать пошедшую

вразнос толпу, из которой добрая половина — солдаты и гвардейцы, шаркун и

кляузник не сумеет. Значит, либо Марге вас дурачил годами, либо в Эйнрехте

завелся оборотень.

— Туда ведьмы не идут... — Руппи брякнул то, что следовало держать при себе, но кэналлиец и не подумал расспрашивать. Конечно, он же командует

Вальдесом, должен понимать... — Господин адмирал, я вам еще нужен? Мне...

хотелось бы спуститься к морю.

— Море и не такое смоеет, — кивнул гигант. — Здесь вы мне не нужны, но

можете быть полезны в Придде. Смерть кесаря не меняла ничего, «свадьба»

Фридриха меняет многое, по крайней мере для Бруно. Регенту Талига будет о

чем вас расспросить, а дальше как карта ляжет. Возможно, вас попросят

переговорить с фельдмаршалом лично. Мы заинтересованы в перемирии, но

теперь оно понадобится и вам. Если Дриксен не пойдет за Марге, вестимо. Что сделает бабушка, узнав про несчастную лосиху? Бабушка, Бруно, Штарквинды, Бах-унд-Отумы? Какое же счастье, что мастер Мартин успел уехать... «Успел»?! А ведь это ты велел старику уезжать и напрочь об этом забыл. Не вспомнил даже в разговоре с отцом Луцианом, хотя адрианианец спрашивал едва ли не напрямую. Было, было в Эйнрехте нечто, из-за чего ведьма повернула, Марге расхрабрился, а гвардейцы с горожанами сорвались со всех якорей.

Руперт фок Фельсенбург посмотрел в черные сощуренные глаза.

— Я готов выехать утром. Дриксен перемирие требуется не меньше, чем Талигу.

Если нужно, я напишу своей бабушке, герцогине фок Штарквинд, и принцу

Бруно. Не представляю, что сейчас происходит в Эйнрехте, но адмирал Вальдес

может что-то понять. Он...

— Он знает лишь одно, — махнул ручищей альмиранте. — Ведьмы плачут все

чаще и тянут в море. Кого из ваших людей желаете взять с собой?

Никого не желает, но при встрече с Бруно наследнику Фельсенбургов

понадобится камердинер, телохранитель, врач, секретарь, духовник, да хоть кто-

то, лишь бы дрикс. Лучше всех подходит Лёффер, но ему в седло пока рано.

Канмахер может пригодиться Олафу, abordажники слишком простодушны, остается уповать на Симона... А что? Рану палач перевяжет, колесо починит, болтать лишнего не станет.

— Со мной поедет человек, который ухаживал за лейтенантом Коффером.

—

Смерть на плахе, даже на виселице — и та чище расправы на площади! —

Господин адмирал, что бы вы подумали, если б такое случилось не в Эйнрехте, а

у вас?

Альмейда поднялся, почти загородив окно.

— Я родился в Алвасете. У нас такого не будет никогда.

З

Лисенок рисковал куда сильнее, но волновался отчего-то Капрас.
Проклятая

политика стремительно подминала маршала под себя, просто воевать не получалось, а ведь в приличные времена армии водили одни, а цель им указывали другие. Они и сейчас пытались, только уж больно много желающих

пришлось на одного командующего отнюдь не лучшим корпусом — как ни портись, всего не исполнить.

Карло про себя помянул «указчиков» злым тихим словом и привстал в стременах, оглядывая дорогу, хотя выказывать нетерпение вообще-то не следовало. Будущую встречу обставили под инспекцию возвращающихся в Гурпо войск, и вести себя надо было соответственно — маршал и вел.

Принимал рапорты, проезжал вдоль марширующей колонны, проводя коротенький смотр, и оставлял продолжавший движение батальон за спиной.

Если в эскадроне сопровождения и был кто-то купленный Каракисами, он не

видел ничего необычного, насторожить возможного подсыла мог лишь сам маршал. Капрас это понимал — и все же, чем ближе была деревня с очередным

непроизносимым названием, тем больше хотелось перейти хотя бы на рысь.

— Агас, — окликнул Карло втянутого в заговор гвардейца, — вы меня не осуждаете?

— Нет, — сын старого приятеля не колебался. — Вы не присягали ни Хаммаилу, ни Каракисам, а убираться отсюда нужно.

Довод был и сильным, и слабым, вопрос — с какой стороны смотреть. Других

оправданий, впрочем, не имелось, разве что увертки.

Третий по счету батальон скрылся за поворотом, поднятая над маками пыль

понемногу оседала, впереди, разрывая желтизну полей, зазеленели сады. Значит, уже скоро...

Люди Бааты появились вовремя, группа всадников — по виду казарон из небогатых и при нем с полдюжины то ли родичей, то ли охранников —

неспешно трусила навстречу. Путники и путники, в одиночку сейчас нищий и

тот никуда не отправится. Вспомнив, что нужно кивнуть Агасу, маршал придержал лошадь и понял: он таки волнуется. Сговоры за спиной командования Карло всю жизнь почитал свинством, а будучи полковником, и

вовсе отказался сесть за один стол с неким почтенным землевладельцем, скототившим состояние за счет оговоренного опоздания вверенных ему частей.

Теперь кто-нибудь молодой и честный, чего доброго, сочтет продажной шкурой

уже Капраса. И зря, потому что брать деньги, если их предложат, гайифец не

собирался. По крайней мере, брать для себя.

— Мой маршал, — громко доложил вернувшийся в сопровождении пары кавалеристов Левентис, — мы их расспросили. Паломники.

— Паломники? — столь же громко переспросил Карло.

— Да, — подтвердил гвардеец. — Неподалеку есть место, якобы дарующее удачу в пути. Там когда-то построили часовню...

— Удача в пути и нам не повредит, — продолжил мистерию Капрас, — а лошадям не повредит водопой, до следующего ручья ехать и ехать. Заодно и

Гапзиса дождемся, не хочу забираться слишком далеко на север.
Командуйте

привал. Левентис, вы и еще четверо... шестеро, за мной.

Проезжая петляющей среди каких-то злаков тропой, маршал удивлялся самому

себе. Недавнее покушение настраивало на подозрительный лад, но Лисенка

Капрас не боялся совершенно, и отнюдь не из-за эскадрона, который, случись

что, был бы на месте в считанные минуты.

— Вы не помните, как называют сумасшедших, боящихся оказаться запертыми в

четырех стенах?

Агас не помнил, гвардейцы такой ерундой головы не забивают. Карло оглянулся, и «небогатый казарон» выслал жеребца вперед, присоединяясь к «случайному

попутчику».

— Чем знаменита эта часовня? — поллюбопытствовал гайифец, зная, что парни

Левентиса сейчас перемешиваются с кагетами.

— Она построена у родника, где святая Этери молилась о тех, кто в пути.

—

Проводник владел гайи не хуже Курподая и первого парламентаря Бааты. — Так

говорят клирики, но женщины уверены в другом. Тут ждала своего царя его

синеглазая возлюбленная, а когда она ушла, памятью ее любви остались цветы.

Истер разнес их семена по всей Кагете, но первые расцвели на этих берегах.

Смотрите.

Ложбина, по которой тек ручей, радовала глаз той слегка лиловой

синевой, что

случается лишь в небесных полях, да и то не каждый день. Купол одинокой часовни тоже был синим, однако лучше б красильщики выбрали другой цвет, этот, может, где и выглядел бы неплохо, но здесь отдавал фальшью, а золотые

аляповатые звезды вызывали желание либо отвернуться, либо взобраться наверх

и замазать блестящую пошлость.

— Женщины приходят к синеглазой просить себе мужчину, — обрадовал кагет,

— но они молятся на рассвете, а днем сюда заезжают те, чья дорога далека.

— Странно, — удивился Капрас, понимая, что увезет с собой хотя бы один цветок, — обычно святые помогают в чем-то одном. Кто-то лечит, кто-то воюет, кто-то торгует...

— Синеглазая ждала того, кто был в дороге, и она любила. Ваш офицер хочет

вам что-то сказать.

— Внутри пусто, — заверил Агас, — клянусь Создателем. Смотрите...

Из рощи на ближайшем холме выехали шестеро, однако к часовне свернул лишь

один, неприметно одетый, стройный, на изящной светло-серой лошади. Казарон

и гвардеец молчали, то ли из осторожности, то ли из очевидности, и Капрас

тронул коня. Поставить свечку местной святой. Посмотреть в глаза врагу

Хаммаила.

4

Супруг Антиссы изо всех сил старался выглядеть кагетом и казаром, Баата —

нет, но отчего-то казался и тем, и другим. Очень молодой и очень красивый, он

держался приветливо и скромно, однако запустить в него сапогом было бы непросто даже Пургату.

— Господин маршал, — сын знаменитого Адгемара в знак приветствия наклонил голову, — я благодарен вам за то, что вы при вашей занятости сочли

возможным приехать.

— Это ничего не значит.

— Я бы так не сказал. Если бы вы испытывали к казарону Хаммаилу уважение и

симпатию, вы оставили бы мое приглашение без внимания.

— В отличие от вас, я ничем не рискую.

— Разве? — Казар слегка поднял брови. — Мне казалось, что вы, самое малое, рискнули временем, которого становится все меньше. Что до меня, то мне

требовалось вас увидеть, прежде чем прийти к окончательному решению. Я

должен стать хозяином всей Кагеты и стану им, но, как вы могли убедиться, я не

слишком люблю воевать.

— Разве? А что в таком случае делают ваши бириссцы в Нижней Кагете?

— Напоминают обо мне, моих родственниках и союзниках. Не желаете присесть?

Баата улыбнулся и первым опустился на стоящую у родника скамью, Карло устроился рядом. Место располагало к неторопливой беседе, но позволить себе

таковую маршал не мог.

— Напоминание выходит слишком кровавым.

— Не думаю, что все набеги и изрубленные казароны, о которых кричит

Хаммаил, дело рук моих «барсов». — Баата сверкнул мальчишеской улыбкой. —

Однако ничего не имею против того, чтобы так думали другие.

— Я не из их числа, — с удовольствием признался Капрас, — и я в самом деле

тороплюсь.

— Мне следовало бы поблагодарить морисков, — заговорил вроде бы о другом

кагет, — но я предпочитаю передать им свою признательность через их талигойского родича. Император Дивин совершил ошибку, судя о Зегине по островным шадам и нуху.

— Я не готов обсуждать его величество. Чего вы хотите?

— Чтобы вы без осложнений покинули Кагету. Гайифские батальоны возвращаются в Гурпо, нетрудно догадаться, что корпус отзывают, и приказ

об

этом либо уже получен, либо ожидается со дня на день. Хаммаил постарается

вас задержать, ведь уход гайифских союзников для него — смерть. Не буду лгать, я намерен убить этого человека и истребить его семью.

Капрас решил не отвечать. Убийства женщин и детей ему не нравились, но в

политике без подобного не обойтись, и не гайифцам читать проповеди соседям.

Скоропостижные смерти в императорском семействе и высших паонских кругах

случались куда чаще казней. Так было удобней и приличней, но все всё прекрасно понимали.

— Благодарю вас, — оценил молчание Лисенок. — Надеюсь, вы осознаете, что

Хаммаил попробует удержать вас любой ценой, а не вас, так корпус. Я советовал

бы вам по эту сторону границы есть только гайифскую пищу и пить воду, набранную достойными доверия слугами в реке или ручье, но не в колодце.

Существует порочное мнение, согласно которому наследники сговорчивей своих

предшественников.

— Меня не убьют, — отрезал Карло.

— Отраднo слышать. В таком случае вас станут задерживать иначе. Может

начаться падеж лошадей, рухнуть мост, взорваться порох. Кроме того, на дорогах — а вам придется идти через горы — на вас могут напасть пресловутые

«убийцы казаронов». Вам придется либо пробиваться, теряя людей и ставя под

угрозу обозы, либо возвращаться, и тут вас попробуют отправить на войну со

мною.

— Вы хотите сказать, что мешать нам будут не ваши люди?

— Я хочу сказать, что в Гайифу есть удобная и безопасная дорога. Я не только

пропущу вас, но и позабочусь о том, чтобы ваши фуражиры получали все, что

потребуется. Да, вы выйдете к границе несколько дальше от Паоны, однако имперские дороги это искупят, к тому же вашим солдатам будет приятно увидеть родные места.

Согласиться, причем немедленно, Карло мешала лишь гордость и... Курподай, привозивший вино, дававший советы, благодаривший за любую помощь.

Потерять по милости Адгемара братьев, причем любимых, вколотить кучу средств и сил в оборону своих замков и оказаться между смертельным врагом и

мерзким союзником, ко всему еще и ненадежным...

— Я не слишком давно в казарии, — Капрас обвел глазами широкие для холмистой Кагеты поля, часовня с ее пятнистым от звезд куполом, к

счастью, торчала за спиной. — Тем не менее у меня здесь успели появиться хорошие

знакомые. Они не из числа ваших сторонников, и я за них беспокоюсь.

— Мне мешает лишь Хаммаил и те, кому мешаю я. — Баата тоже любовался

пейзажем. Так любят домом пока еще живого деда, прикидывая, где ставить

новую голубятню. — Если ваши знакомые не станут желать мне зла и

отвернутся от Хаммаила, я не буду делать различия меж ними и казаронами

Верхней Кагеты. Когда вас ждать у поворота на Хисранду? Это не праздное любопытство, возчики должны успеть подвезти фураж.

— Мы еще не договорились.

— Разве? А мне показалось... Да, я хотел бы напомнить не только вам, но и вашим офицерам, что в нашей семье всегда по достоинству ценили гайифских

военных. Я искренне надеюсь, что вы остановите морисков, ибо у меня нет желания видеть их своими соседями, хоть я и состою в союзе с герцогом Алва.

— Вы их не увидите.

— Очень рад. Тем не менее, господин маршал, если кто-то из ваших подчиненных по тем или иным причинам решит предложить свои услуги казарии, я сделаю все, чтобы он не пожалел о своем решении.

— Хорошо, — заверил Карло, благо это ни к чему не обязывало, — я

сообщу о

вашем предложении своим офицерам, когда мы выйдем на границу империи. Не

могу не поблагодарить вас за щедрое предложение, однако мои интенданты обеспечили корпус всем необходимым.

— Что ж, я в очередной раз восхищен гайифской военной школой, но тем труднее мне перейти к просьбе. Вы знаете, что недавние события лишили меня

не только отца, но и почти всех родных. Именно семейный долг во многом и

вынудил меня преодолеть природную, скажем так, осторожность и искать с

вами личной встречи. Речь идет о моей младшей сестре.

— Но ведь она в... — Назвать созданную Вороном дрянью королевством язык не

поворачивался, но Карло его все же повернул: — В Бакрии.

— О нет... Мой покойный отец был не только хорош собой, но и страстен. Он

поручал рожденных вне брака детей доверенным людям с тем, чтобы со временем устроить их будущее. К несчастью, судьба ополчилась на наш род, и

этот долг теперь мой. Я знал, что у меня где-то есть единокровные сестры...

Одна исчезла, когда ей было пять лет, вторая — вскоре после своего рождения, стоившего матери жизни. Ревность, женская ревность, страшна и беспощадна.

Новая возлюбленная отца похитила его дочерей, поиски были долгими и, казалось, безнадежными. Судьба послала мне благую весть лишь сейчас. В

замке Гурпо живет девушка Гирени, ее считают безродной сиротой, но очень

возможно, что это не так.

— Гирени?! — Капрас понял, что трясет головой, и заставил себя прекратить. —

Не может быть!

— Создатель велик... Нашлись свидетели. Чтобы убедиться окончательно, нужно проверить, соответствуют ли тайные приметы. У моей сестры были

родинки. Одна общая для всех детей нашего отца... — Баата резко поднял

волосы и наклонил голову. Стала видна шея и... знакомое до одури красноватое

пятнышко. — И еще две.

— Хорошо, — выдавил из себя Карло, — я расспрошу... служанок...

— Возьмите. — Баата уже держал в руке два письма. — На первом листе

записаны приметы моей сестры. На втором, если это она, мое письмо к ней. Я

признаю родную кровь и наделяю девушку достойным приданым.

Лисенок врал, он просто обязан был врать, но подобную ложь не разоблачить.

Гирени из рабыни становится сестрой казара, ее не продадут, не убьют, не

станут бить. Баата позаботится о любовнице маршала, если маршал уведет

корпус домой, а дорога через Кипару и впрямь во всех отношениях лучше.

Ну а

Хаммаил с Антиссой... Тот, кто подсыпает союзнику отраву, не вправе ждать

верности. Пусть делают что хотят — бегут, дерутся, сдаются, Карло Капраса это

больше не касается.

— Как я передам вам новости о Гирени или ее саму, если вы не ошиблись?

— Самым удобным будет, если вы ее поручите уже известным нам паломникам.

Это надежные люди. Очень надежные.

— Хорошо. — Капрас поднялся первым. — Я отвечу через них.

— Я буду ждать, — заверил казар, — и надеяться на лучшее.

Глава 4

ТАЛИГ. АЛЫТ-ВЕЛЬДЕР

ТАРМА

ЗАПАДНАЯ ПРИДДА

400 год К. С. 10— 12-й дни Осенних Скал

1

Названный Чарльзом... Капитан Давенпорт уехал, и Мэллит испытала

облегчение: девушка не представляла, о чем говорить с мужчиной, чье тело

полно жизненных сил, а разум уныл, как у познавшего не мудрость, но немощь

старца. Прощание вышло пустым и тяжелым, талигоец не знал, что сказать, гоганни — что ответить. Наконец всадники в кожаных, спасающих от ливня

плащах ступили на мост, и больше Озерный замок не тревожил никто.
Осень и

дождь наполняли сердце печалью, и она растворяла горе, как вода — соль.

Башни кутались в седые струи, будто верующие — в траурные плащи,

водостоки изрыгали пенистые речки, те искали дорогу к озеру, что с
каждым

днем подступало все ближе. Роскошной это не нравилось, и Мэллит
страшилась

спросить, готовы ли лодки.

— Нечего бояться, — успокаивала старшая над служанками. — И это пока

ерунда... Вот в тот год, когда хозяин привез хозяйку, вода аж в первых
дворах

стояла, пришлось доставать подвесные мостки.

— Только бы бурь не было, — качал лишенной волос головой
надзирающий за

кухнями. — Стены сложены на совесть, не размочет, а вот ветер...

Мэллит слушала о прежних ненастьях, и ей казалось, что серая осень
пришла

навсегда. Серым было все, кроме огня и цветов, которые присылала

первородная Ирэна. Она по-прежнему ходила в свой сад, гоганни видела,
как

опасная возвращается, сбрасывает на руки прислужницы блестящий от
воды

плащ и, укрыв лицо в мокрых хризантемах, садится в кресло, ожидая, когда
ее

ноги освободят от испачканных башмаков. Потом хозяйка откладывала букет, выпивала поднесенное ей горячее питье и уходила к себе, а Мэллит

отправлялась в отведенные им с роскошной покои. Здесь было тепло и горели

свечи, но девушка знала — тяжелые шторы прячут дождь, которому нет конца.

Врач, высокий и достойный, велел нареченной Юлианой много лежать, и та

лежала, вспоминая счастье и беду. Она не плакала, это делала осень, что была

рядом. Не отходящая от роскошной Мэллит слушала о былом и ничего не

могла изменить, даже вынести неприятные цветы — осиротевшей нравился

горький аромат и яркие лепестки. В сердце девушки поселился страх за мать и

дитя, но добрая не верила в злое.

— Глупости! — сердилась она. — Ирэна не из счастливых, что да, то да.

Овдоветь, оставшись бездетной, о таком и подумать страшно! Только она —

милая девочка, а ее брат нас всех выручил. Курт обязательно представил бы

полковника Придда к ордену, и я об этом написала Савиньяку. Конечно, лучше

бы мне рожать дома, но нам с тобой нужно быть здесь, когда Талиг отдаст Курту

последние почести. Жаль, не будет командора Горной марки, но лучше никто, чем фок Варзов. Это он пустил «гусей» в Марагону, а ведь его

считали хорошим

полководцем. Подумать только, Курт осуждал наших земляков за нарушение

субординации! Да Райнштайнер должен был требовать не решительных действий, а смены командующего. Ну что ты так смотришь?

— Эти йернские шары некрасивы, — пыталась настоять на своем Мэллит.
—

Лучше их унести.

— Пусть будут, — не согласилась нареченная Юлианой. — Ирэна понимает в

садах, хотя все засадить цветами и травой — тупость. Сад прежде всего должен

кормить! И утку здесь запекать не умеют, выходят какие-то опилки, а мне что-то

хочется утки! Мелхен, ты должна им помочь, и не откладывай, сходи прямо сейчас.

— Но я могу понадобиться...

— Я лягу спать, а возле кровати есть звонок. Беги, объясни, как надо, только не

очень их ругай, мы все-таки в гостях.

В Озерном замке знали лишь один способ готовить птицу, и он губил нежное

мясо, лишая его сока. Гоганни не стала спорить с несведущими, она попросила

противень, и ей дали чистый и большой, но слишком тонкий. То, что

получилось, отец отца подал бы пьяным и изгнал опустившегося до подобного

ничтожества повара отмывать куриные желудки, только жители Альт-Вельдера

не пробовали истинного. Они восторгались тем, что было лишь на волос лучше

дурного, и Мэллит стало стыдно от незаслуженных похвал.

— Нужны специи, — умеряла ложный восторг гоганни, — и то, чем отбить неприятный запах. Если нич... Принесите мне вяленых яблок!

Яблоки принесли, и второй раз она запекла уже трех уток почти достойно.

Мэллит была собой довольна, однако ее смущали восхищенные взгляды.

— Я не умею печь пироги, — сказала гоганни, чтобы прервать похвалы. — Я

многого не умею и ничего не знаю о лесных грибах. Научите меня.

Ей обещали, и в голосах обещавших была радость. Нареченная Юлианой спала, проведав ее, девушка вновь спустилась в служебные комнаты. В этот день она

узнала многое и почти забыла о первородной Ирэне и ее садах. Пришло время

ужина для старших слуг, и Мэллит пригласили за стол; девушка не чувствовала

голода, но ела со всеми рагу и пила вино. Вкус его был странен, однако сидящие

рядом объяснили, что напиток порожден рябиной — деревом с белыми цветами

и красными, отвращающими зло ягодами. Мэллит кивала и улыбалась — ей

нравилось сидеть у огня, слушая, о чем говорят старшие. Уходить не хотелось, звонок молчал, а рядом приятные люди судачили о дожде, о войне, о хозяйке...

— Она любит цветы, — поддержала разговор Мэллит, — она присылает их нам.

Такие красивые.

— Она только их и любит, — сказала высокая и прямая, с толстой косой вокруг

головы.

— Эмилия! — одернула старшая над женщинами. — Думай, что несешь!

— Да я не в укор. — Эмилия смотрела на Мэллит, будто желая сказать больше, чем могла. — Такой доли злему врагу не пожелаешь, только вдовой ей лучше.

Она ведь замуж как в Багерлее шла, уж я-то знаю, на моих глазах слаживали.

— Знаешь, так молчи! — оборвала старшая. — Долг свой госпожа справляет —

дай Создатель каждому, а что невеселая, так не всем козами скакать.

— А... — начала Мэллит и все повернулись к ней. — Госпожа графиня сказала, что ваш хозяин утонул. Он упал в воду?

— Может, и упал... — начала Эмилия, поймала очередной недовольный взгляд и

забила себе рот сладким пирогом.

— Хозяин решили пойти гулять и никому не сказали, — объяснил дородный и

важный. — Они не любили быть слабыми, и заботу лишнюю не любили, а

хозяйка... Она слушала не мужа, а лекаря. Правильно слушала, кто бы спорил, только кому понравится, что тебя за ручку водят, будто трехлетку какого?

— Деток у них не было, вот что, — вмешалась красивая и румяная. — Как детки

пойдут, не до мужа станет.

— Ты это Свену своему скажи!

— Зачем говорить, он и так знает.

-Ну и дура! Муж, он всегда найдет, кто ему... пятки почешет. Жена не захочет, так свет велик.

— Ну, разболтались! — Еще один, когда-то рыжий, а теперь седой подлил Мэллит вина. — Это при барышне-то! Вы их, сударыня, не слушайте. Юбки длинные, языки тоже, а в головенках, прошу простить, небогато.

— Это у...

— Тпру, болтушки! Я госпожу Ирэну с рождения знаю, только и расставались, когда в Борн на год отъезжали. Неласковая она, что да, то да, но себя не уронит.

Нет, не уронит... Господин ваш знал, чего хотел. Три года вокруг ходил, ну и выходил.

— А уж приданое! — засмеялся кто-то возле печки. — И Заката никакого с таким приданым не нужно!

— Тпру, вам сказано! — повысил голос дородный. — Барышня про графа спрашивали. Погулять они вышли, в нижний сад. Дурное это место, я так скажу, и всегда дурным было. Лучше б его за стенами оставили, да заблажилось, вишь, игрушку там устроить. Каприз, чтобы всё как на югах.

Ну и сделали. Путаницу

водяную, по середке, где прежде зачатый колодец был, — пруд. Никто туда, барышня, не ходит, ну и вы не ходите.

Мэллит кивнула. Она уже видела то, что скрывали от гостей, видела и слышала.

— Господина в канале нашли. — Старшая поджала губы, как поджимала их мудрая Ракелли, говоря о том, что ей не нравилось. — То ли сомлел, то ли поскользнулся. Глубоко там, дно скользкое, здоровый — и тот сам не вылезет.

Позапрошлой осенью Анни вот утянуло... А место в самом деле худое, нечего

было расковыривать, тут Губерт правильно говорит.

— Нечего, — шепотом повторила Эмилия. — Нечего...

2

Если женщина принимается сводничать хотя бы в мыслях, и молчит, она преисполнена доброжелательства. Графиня Савиньяк успела примерить вдове

дурака Арамоны с пяток отличных женихов, толком не подошел ни один, но

само занятие было приятным, как и неспешные, скрашивающие ожидание разговоры. Луиза вышивала, с детства не терпевшая рукоделия Арлетта, прихлебывая остывающий шадди, расспрашивала про выходцев, и тут явился

живехонький адъютант. Регент извинялся и очень просил прийти, причем срочно.

— Обидно, если капитан Гастаки заглянет именно сейчас, — посетовала графиня.

Капитанша пообещала задержать покойницу, буде та подоспеет, и принялась

вдевать в иголку нитку. Стань фок Варзов помладше и поздоровей, такие волосы

и такая невозмутимость могли бы его увлечь, только дело вряд ли сладилось бы.

Уж больно упорно вдовица именуется Росио «герцогом Алва», это явно неспроста, особенно на фоне просто Манриков, просто Колиньяров и просто бедняги

Фердинанда с просто регентом.

Крайности титулования роднили скромную капитаншу с принцессами Оллар —

Георгия и Карла в ранней юности вздыхали по маркизу Эр-При. Сестры старались не показывать виду, но королева все равно заметила, а черноокий

Морис заметил кузину Ариго. При дворе шептались, что ее величество недо...

однако маркиз как-то умудрился добиться отцовского благословения, зато потом

не перечил батюшке ни в чем. Арно было проще: он уже стал главой семьи и

никого не спрашивал, если кто и колебался, то Рафиано. Слишком рано, слишком стремительно, слишком близко к собрано Алваро...

К регенту преисполнившаяся воспоминаний графиня вошла, предполагая что

угодно, но не встречу с весьма привлекательным молодым человеком.
Окажись

парень постарше, впору было б заподозрить... красивое.

— Сударыня, — представил регент, — перед вами Руперт, граф фок
Фельсенбург. В будущем он обещает стать одноименным герцогом. Если
его

предварительно не зарежут.

— Очень приятно. — Племянницу Готфрида собрано Алваро столь
близко, гм, знать не мог. — Я о вас слышала.

— Я имею честь быть знакомым с вашим сыном.

— Старшим или младшим? — Рудольфу нужно что-то проверить, но
почему

ночью?

— Я был секундантом виконта Сэ во время его дуэли с герцогом Приддом.
—

Как и положено знатному «гусаку», на талиг парень изъяснялся
безупречно.

Талигойский молодняк подобного усердия в изучении вражеских языков не
проявлял. — Мы с виконтом... сошлись в оценке старых и новых поэтов.

— Не сказала бы, что упомянутый вами поединок моего сына украшает, —
с

сомнением произнесла Арлетта, — но поэтический вкус у Арно есть.
Кстати, они с Приддом помирились, перед крупными сражениями
подобное случается.

— Я удивлен, но я не знаю всех обстоятельств. Сударыня, я искренне
надеюсь, что виконт Сэ вернется к вам целым и невредимым.

— Хотелось бы.

Говорить о малыше при Рудольфе она не станет. Тем более с дриксенцем, как бы

он ни напоминал молоденького Рокэ.

— Как здоровье вашего адмирала?

— Благодарю вас. — Фельсенбург наклонил голову. — Адмирал цур зее

Кальдмеер вполне здоров.

Вопрос графу не понравился, но почему? Обычная вежливость требует обмена

любезностями, не о брошенной же ради опального начальника родне спрашивать!

Арлетта сощурилась. При ближайшем рассмотрении Фельсенбург меньше напоминал соберано, казался чуть старше и еще красивей, правда, на северянина

не походил совершенно. Впрочем, это дело герцогинь фок Фельсенбург.

— Вы приехали быстрее, чем я думала.

— Рамон узнал об убийстве принца Фридриха, — объяснил от окна Рудольф. —

Он здраво рассудил, что родич покойного кесаря в случае перемирия пригодится

обеим сторонам. Я склонен с этим согласиться, а граф готов с рассветом выехать

к Проземперадору Севера и Северо-Запада. Лучше не медлить, но у вас наверняка есть вопросы. Наш гость покинул Эйнрехт в третий день Летних

Волн, тогда на первый взгляд все обстояло благополучно. Шадди?

— С корицей.

До недавнего времени к законности всяческих потомков графиня относилась с

полным равнодушием. История с Жермоном превратила ее в комок злобы, но

этот Руперт наверняка был честным герцогским сыном, да и не подданным

Олларов выискивать чужих бастардов!

— Господин Фельсенбург, мой вопрос может вас удивить, но не видели ли вы

над Эйрехтом зеленого сияния?

— Нет. — Молодой человек и не подумал удивиться; он вообще держался

серьезно, только вот светлые глаза отчего-то казались шалыми. — Но я могу

ручаться лишь за небольшую часть города.

— В столице Дриксен должны быть обители всех орденов, не считая кардинальского подворья и монастырей во имя святых. Вам не доводилось слышать о призрачных монахах...

О выходцах и их королеве...

Об оказавшихся неправильными гороскопах...

Об...

будущий герцог отвечал четко и по существу, правда, собственную столицу он

знал не слишком хорошо, но это как раз не удивляло. Выросший в отцовских

владениях моряк не может помнить всех церквей, а старыми сказками Руперт

интересовался не больше Эмиля с Арно. Фельсенбург порадовал лишь

призраком юного дурня, убившего себя под окнами добродетельной замужней

дамы, и странным привидением, меняющим, если так можно выразиться, свои

привязанности.

— Добрая Лорхен, — объяснял дриксенец, — ищет себе знатную подругу. Она

бродит по городу, подслушивает под окнами и выискивает самую прекрасную

девушку. Сама она решить не может и поэтому верит молве. Выбрав, Лорхен

поселяется в доме своей избранницы и пытается с ней подружиться, только у

нее не получается. Не встретив взаимности, призрак обижается и хочет

отомстить, но может лишь бродить по комнатам в ожидании, когда ненавистная

смертная состарится и утратит красоту. Тогда Лорхен ликует, чувствует себя

отмщенной и тут же вновь отправляется на поиски.

— И как долго это продолжается? — спросила Арлетта, понимая, что ее фантазии на подобное не хватило бы. Даже после визита набивавшихся в

друзья

Колиньяров.

— Очень долго, — наморщил лоб Фельсенбург. — Дриксен еще не была кесарией... Если избранница уезжает из Эйнрехта, Лорхен следует за ней, но

всегда возвращается в столицу.

— То есть она все же привязана к месту?

— Понимаете, сударыня, призрак никогда не выбирает простых девиц, только

аристократок, а им приходится бывать при дворе. Вроде бы при жизни Лорхен

хотела попасть в ратушу на ежегодный Рассветный бал, но ей не хватало

знатности. Девушка принялась искать подругу, которая могла ее провести, и

нашла, но та почему-то на бал не поехала. Лорхен обиделась и убила ее, за что и

была казнена.

— Какая милая особа... — заметила Арлетта, понимая, что секундант Арно ей

положительно нравится. — Вам доводилось видеть эту Лорхен?

— Не только видеть. Лорхен пахнет розами и гнилой водой, запах держится

очень долго. Я это знаю, потому что призрак тридцать восемь лет преследовал

мою бабушку.

Эйнрехтская Лорхен стояла кабитэлского Балтазара, но к недавним погромам

отношения явно не имела. Разве что новые лорхен бросились бить тех, кто им

чего-то недодал, начиная с регента и его принцессы.

— Руперт, — не выдержала графиня, — вы ведь позволите мне вас так называть? Эта Лорхен, часом, не прицепилась к принцессе Гудрун?

— Нет. Видите ли, лет двадцать назад призрак выбрал мою будущую тетку, невесту Штефана фок Штарквинда, и пока не может ее оставить...

Разговор продолжался еще часа два, однако полезного принес мало. Эйнрехт не

только взбесился иначе, чем Оллария, в нем и предпосылок-то никаких не имелось, разве что Руперту иногда становилось противно. Парень объяснял это

судебными подлостями, и, вполне возможно, так оно и было.

— Я хотел, чтобы вы его выслушали сами, — признался Рудольф, когда выпотрошенный дриксенец отправился восвояси. — Не скажу, что я перестал

себе доверять, но Лионель со своей девицей оципали меня изрядно, гадать, не

старый ли ты болван, еще то удовольствие. Спасибо, Талиг не на одном гвозде

держится, случись что — переживет. Умирать меня, правда, пока не тянет.

— Ли в ловле вашего бесноватого не участвовал. — Арлетта взялась за очередную чашку шадди и, как всегда, вспомнила Левия. — Девушка

придумала

все сама, она вообще со странностями. В городах таких почти не бывает, а в деревнях случаются, особенно поближе к Алату.

— Не могу не верить матери господаря Сакаци. — Рудольф все же улыбнулся.

— Вы полагаете, чувствовать, что тебя в твою слепоту не маршал носом ткнул, а

девчонка, приятней?

— Для вас вряд ли новость, что дети порой идут дальше нас. Отдавая маршальскую перевязь Рокэ, вы не могли об этом не думать.

— Я собирался спокойно пожить хотя бы лет двадцать. — Ноймаринен красноречиво потер спину. — Кто бы знал, что Двадцатилетняя война и даже

Алисино засилье покажутся золотым веком. Ну, не золотым, серебряным...
Что

там у вас такое?

— Монсеньор, прошу меня простить...

Мявшийся у двери адъютант выглядел озадаченным.

— Не мямли!

— Монсеньор, корнет Понси стоит на чердачном балконе и обещает прыгнуть с

него, если его не отпустят в действующую армию.

— Он тепло одет? — уточнила Арлетта, вспомнив блестящий на траве иней.

— В парадном мундире.

— Скоро спустится, — предрекла графиня. — Замерзнет и спустится.

— Несомненно. — Глаза регента блеснули. — Подготовьте-ка приказ о переводе

корнета Понси в распоряжение маршала Лионеля Савиньяка и отправьте
оного

корнета вместе с Фельсенбургом. Вот так-то, сударыня!

— А вы мстительны, — заметила Арлетта, когда адъютант, с трудом сдерживая

смех, метнулся к двери. — Осталось понять, кому вы мстите. Не хотелось бы, чтобы девушке.

— Никому. Я всего-навсего вспомнил молодость... Лаик, нарианский лист, завязанные штанины и святую уверенность, что все как-нибудь да образуется.

Мы ведь тоже умели шутить, Арлетта, мы знали всё и считали себя не то чтобы

бессмертными... Просто смерти для нас не существовало, а впереди была сплошная скачка за радостью. Вам не смешно?

— Нет, — улыбнулась Арлетта. — Мне спокойно. По крайней мере, за вас.

З

Лиловые, белые, медно-красные лепестки закручивались внутрь, пытаясь

удержать капли. Цветы напоминали огромных пауков, и Мэллит их почти

боялась, но все равно разбирала и ставила в воду. Высокие серебряные вазы с

гербами напоминали о повелевавшем Волнами — из его рук Мэллит без

страха

приняла бы любой дар, а вот первородной Ирэне девушка не доверяла.

Особенно после разговоров со слугами. Зачем хозяин замка отправился в место, где его супруга сбрасывает лед сердца, будто одежду? Гоганни помнила

дорожки, разделенные тростниками: там не было скользко, и путь не изобиловал

камнями. Отчего граф упал в канал? Чего хочет графиня? Почему сегодня она

пришла сама?

— Мелхен, — велела нареченная Юлианой, глядя на букеты, — рыжий поставь

в гостиную, мы сейчас туда перейдем, и сходи погуляй... Нет, дождь же! Пойди

покажи здешним бедолагам, как готовят мучной соус. Ирэна, милочка, это настоящее объедение. Курт успел попробовать, ему так понравилось!

— Я уже имела возможность убедиться в даре вашей дочери. —
Серебряные

глаза, серебряный голос и рожденный из них страх. — Все, к чему Мелхен прикасается, раскрывает лучшее, что в нем заложено. Дичь, цветы, люди...
Мне

остается лишь завидовать.

— Да, — губы роскошной коснулись лба Мэллит, — она у меня чудо. Ну, девочка, беги.

Гоганни кивнула и выскользнула в гостиную. Она успела передвинуть винный

столик в нише и развернуть кресла спинками к дверце для слуг. Названная Юлианой решила уединиться с первородной, только Мэллит не могла этого допустить. Причинить вред так просто — обвившийся вокруг чаши зла всегда найдет способ ужалить.

— Мелхен, — укорила с порога спальни роскошная, — я ведь тебе говорила.

Девушкам нельзя таскать тяжести, для этого есть мужчины и те, кому уже не

нужно рожать. Конечно, так нам удобнее, но будущими детьми рисковать нельзя. Ты поняла?

— Да, — заверила гоганни и сделала заученный во дворце книксен. — Я иду.

Дверь за собой девушка не закрыла нарочно. Сбегая по лестнице, она слышала

голоса, а в гостиной слышали ее — Мэллит держалась ближе к стене, чтобы

ковер не глушил цокот каблуков. Она уходит, как ей и велели... Уходит вниз, где

к Мелхен привыкли и где между вторым завтраком и обедом слишком заняты, чтобы замечать что-то кроме разделочных досок.

Надзирающий над кухнями не позволяет отлынивать, он видит все, но зачем

Мелхен скрываться? Она спустилась за фруктами и желает сократить обратный

путь. Она попросит открыть дверь на лестницу для слуг, и ей откроют, как

не

раз уже открывали.

...Яблоки и сливы гоганни выбирала не таясь, однако хлебный нож пришлось

украсть. Узкий и длинный, он откроет изнутри щеколду; о другом его

применении девушка старалась не думать, хотя знала, куда нанесет удар, если

придется спасать доверившуюся.

— Мне нужно подняться в нашу гостиную, — сказала Мэллит, и голос ее не

дрогнул. Надзирающий над кухнями улыбнулся и снял с пояса связку ключей.

— Я не вернусь до ужина.

За спиной скрипнул, поворачиваясь в замке, ключ. Узкая лестница обвивала

дымоход, но большие печи пока не топили. Корзину девушка оставила на

верхней ступеньке и склонилась к двери; нож легко поддел щеколду, а петли в

Озерном замке купались в масле. Оставалось выскользнуть в нишу, где на

столике золотились утренние цветы, еще живые, уже убитые. Шитая серебром

скатерть приподнялась и вновь опала тяжелыми складками, кошка и та

произвела бы больше шума. Гоганни прижала руку к груди, унимая

сердцебиение, и свернулась калачиком на полу. Из своего укрытия она видела

две пары ног и слышала два голоса, все еще говоривших об осени.

— ... я привыкла к дождям, — отвечала нареченная Ирэной, — но эта осень в

самом деле выдалась слишком ранней.

— Хватит, — велела роскошная, и Мэллит под столом сжала рукоятку ножа. —

Хватит себя хоронить. Ты здорова и еще достаточно молода, чтобы выйти замуж

и завести детей.

— Странно слышать такое от вас. — Ровный голос первородной напоминал холодный дождь, не слишком сильный, но нескончаемый.

— Гудь твоя мать жива, с тобой говорила бы она. У меня, милая, восьмеро, и в

твоем доме родится девятый, я была с Куртом двадцать четыре года. Мы встретились в Гюнне в мою вторую девичью осень...

О первой встрече и пирожках Мэллит слышала много раз, но слышала ли это

хозяйка замка? Первородная не перебивала, ее голос раздался, лишь когда рассказ о начале счастья иссяк.

— Приятно убедиться, что любовь с первого взгляда существует. — Дождь не

стал ни сильнее, ни тише. — Мои родители, насколько я могу судить, тоже

любили друг друга, но я мало знаю об их знакомстве. Я могу быть вам чем-

нибудь полезна?

— Ты можешь быть полезна себе, если одумаешься. Мне придется написать

твоему брату, он не должен тебя держать здесь.

— Это мой дом, госпожа баронесса, я не вправе его оставить, так же как и своих

людей. Принимая предложение наследника Вальков, я взяла на себя определенные обязательства, и я их исполню. Полагаю, ваш покойный супруг

меня понял бы.

— Чтобы содержать замок в порядке, довольно толкового управляющего. Твой

брат кого-нибудь пришлет, а нет, я займусь этим сама. Караулить пустую нору —

что может быть глупее?

— Простите, баронесса, это мое дело.

— Чушь! Ты не любила мужа и не хотела от него детей. Ты много чего насажала, рука у тебя в самом деле легкая — заставить алатскую ветропляску

цвести в здешних краях надо суметь. И что, никто не сказал твоему мужу, что

это за дрянь?

— Пусть о зельях думают медики, мне нравятся цветы эвро алатики, этого довольно.

— Твой врач считает тебя здоровой. Он не болтун, но и не лжец. О бесплодии

нет и речи, только о нежелании. Я уже все сказала, теперь иди и думай.
Твой

брат — умный мальчик, а женщины умнеют быстрее мужчин. Будь ты дурочкой, я говорила бы не с тобой, хотя такие, как ты, лучше понимают, когда им

объясняют мужчины.

— Вы ошибаетесь, сударыня, я не только не понимаю мужчин, я не желаю их

понимать. Наш разговор беспредметен, и я хочу прекратить его раз и навсегда. Я

останусь в Альт-Вельдере столько, сколько этого потребует мой долг, и я не

намерена связывать себя браком с кем бы то ни было. Валентина я ценю и

искренне за него рада. Ему удалось порвать с прошлым, надеюсь, он добьется

многого и поможет нашим младшим братьям. Я не позволю ему оглядываться.

Прошу меня простить.

Мэллит слышала, как шуршит платье. Шаги первородной были легки, но

неспешны. Дверь открылась и закрылась, стук каблуков утонул в покоем на

мох ковре, и вновь с ветром затворил дождь; он рассказывал о чем-то плохом и

неотвратимом, ветер то слушал, то принимался издевательски свистеть.

Роскошная не шевелилась, и гоганни, встревожившись, вылезла из-под стола.

— Откуда ты взялась? — спросила нареченная Юлианой, и Мэллит не

стала

лгать.

— Я поднялась из кухонь, — объяснила она. — Я сказала, что несу фрукты, и

велела отпереть нижнюю дверь для слуг. Верхнюю я открыла сама и спряталась

под столом. Графиня полна зла, она может быть вредоносна.

— Глупости какие... — махнула рукой овдовевшая. — Ирэна вовремя не родила

и вбила себе в голову кучу ерунды, но вреда в этом никакого. Разве что для нее

самой. Я напишу Придду, пусть вытащит сестру из этого рыбного садка и увезет

к людям. Курт так сделал бы.

— Здесь много зла, — не отступила Мэллит, — и в доме, и в парках. Там был

нехороший колодец, его засыпали, но беда не ушла.

— Ты опять? — Роскошная положила руку на живот и улыбнулась. — Ну что бы

тебе в самом деле не принести фруктов? Не хочется тебя лишней раз гонять...

— Я принесла яблоки и сливы. Я оставила их на лестнице.

— Умница! Ты всегда знаешь, что мне нужно, только перестань искать змею в

молоке. Ее там нет и никогда не было.

Мэллит промолчала. Она забыла сказать про хлебный нож и теперь могла оставить его себе.

Глава 5

САГРАННА. БАКРИЯ

ГАЙИФА. ХАМБЯ

400 год К. С. 13-й день Осенних Скал

1

— Гайифцы бросили-таки Хаммаила. — Маршал Дъегаррон поморщился, похоже, у бедняги опять болела голова. — Десять дней назад павлиний корпус

двинулся домой, сейчас как раз должен переходить границу.

— Благая весть, — одобрил Бонифаций. Рядом с худющим кэналлийцем супруг

выглядел особенно жизнеутверждающе, но жрать поменьше ему бы не помешало. — И что Хаммаил? Возрыдал и отпустил? Не верю.

— И правильно, что не верите.

Дъегаррон опять поморщился, Матильде показалось, что брезгливо.

— Так что же сотворил сей муж непотребный? — уточнил Бонифаций, озирая

уже накрытый, но пока лишенный главного стол. — Лобызал копыта Капрасова

коня или веревочку поперек дороги натянул?

— Это было бы слишком честно. — Маркиз поправил стоящие в глиняном

кувшине цветы, свеженькие, еще в прозрачных каплях. — Хаммаил выдвинул

большую часть имевшихся у него сил наперерез Капрасу, но сам остался в своей

резиденции. Дескать, он ни при чем, это у казаронов душа не вынесла гайифского предательства. Глупо, но с отчаяния чего не сделаешь...

— Глупо, — вмешалась в разговор принцесса, понимая, что Альдо тоже бросили

бы. Другое дело, что внук не преминул бы угостить наладившегося домой союзника сонным камнем. — Помри внезапно этот Капрас, можно было бы

купить его офицеров или хотя бы попытаться купить, а так что? Корпус начинает марш домой, его не пускают, а Лисенку того и надо.

— Истину глаголешь, — подтвердил муженек и отпихнул вознамерившегося

поднять корзину с бутылками хозяина. — При твоей голове кланяться, хоть бы и

наисвятейшему, последнее дело! Ходи так, будто корону уронить боишься... Так

что там Адгемарово семя?

— Оказии Баата не упустил. На следующий же день, точнее — в ночь после ухода верных Хаммаилу казаронов резиденцию атаковали бириссцы. —
Голос

Дъегаррона был безрадостно ровен, и Матильде захотелось маршала расцеловать. Отнюдь не по-матерински. — Нападающих хватило, чтобы

смять

охрану и ворваться во дворец.

— Создатель любит не троящих время попусту, Враг тоже. Лишь зад свой от

земли не отъемлющий никому не угоден.

Бонифаций ловко откупоривал вино и расставлял бутылки между блюд.

Смиренно ждущих своей участи рыбин и птиц украшали наверхенные из овощей цветы, вызывая в памяти самый мерзкий из виденных алаткой снов.

Матильда протянула руку, вырвала из щучьей пасти рыжую морковную розу и

вышвырнула в открытое окно. В ответ на два недоуменных мужских взгляда ее

высочество выкинула луковую лилию.

— Агарисом повеяло, — чуть смущенно фыркнула она. — Там вечно так...

Прежде чем сожрать — розу в зубы. Бумажную.

— Еретики и сквернавцы, — поддержал муж. — Договаривай, чадо. Бириссцы

сии немалым числом не просто просочились на чужие земли, но и к самому

казарскому обиталищу подобрались. На то время нужно — раз, и свои люди в

Гурпо — два.

— Лисенок загодя готовился, — бросила, борясь с дурацкой злостью, Матильда,

— чего уж там... А Хаммаиловых дружков купить вряд ли трудно.

Умный покупает и продает другому умному, это дурак — товар, что бы он о себе

ни воображал. Внука тоже бы купили, не у Эпинэ, так у какой-нибудь сволочи

вроде Хогберда... Правда, поганец оказался слишком умен даже для такой

сделки, он просто не полез в ловушку. Хоть бы его мориски прирезали, борова

пегого!

— Да ты, горлица моя, никак недовольна? — прогудел начинающий раздражать

Бонифаций. — А для чего мы с тобой по горам скакали, как не для того, чтоб

Лисенок, себе угождая, о Талиге радел?

— Противно, когда королевские головы как капустные кочаны покупают!

Г Принцесса перевела взгляд на Дъегаррона, который хотя бы не светился от

радости. Смотреть на маркиза вообще было приятно, Матильде с детства

нравились мужчины, напоминавшие хищных птиц. А выскочила первый раз за

фазана, второй — за кабана.

Маркиз взгляд выдержал, только чуть шире открыл глаза, большие, по ложке

каждый.

— Не думаю, что Хаммаил достоин вашего сожаления, — покачал он больной

головой. — Я располагаю лишь слухами, но они очень похожи на правду.
Вроде

бы казарская охрана сложила оружие, поняв, что ее обманули. Люди слышали, как Хаммаил кричал: «Все на стены, и я за вами, мы отобьемся или умрем!»

Однако на стенах его не дождались. Потайной ход, обычное дело. Пусть наша

война, сударыня, еще не стала вашей, но в Алате подобное вряд ли прощают.

— Еще чего не хватало! — отрезала урожденная Мекчеи. С труса ми у нас разговор короткий.

С трусами — да, а с твоим собственным братцем? На охоте Альберт от кабанов

с медведями не шарахался, а вот от врагов, заявись те под стены? Хотя великий

герцог Алати всяко успел бы между собой и врагами кого-нибудь сунуть.

— Уподобившись зайцу, сюзерен становится вровень с капустой, — вздохнул

Дьегаррон, — причем гнилой. Мерзавец попробует такую продать, человек

порядочный выбросит и вымоет руки. Среди оставшихся с Хаммаилом, похоже, были и те и другие.

— Готова поклясться, — буркнула, все еще размышляя о братце, Матильда,
—

ход, которым удирал казар, оказался не таким уж и потайным.

— О подробностях и сам Лисенок, и те из его людей, кто все знает, пока молчат, но — это известно точно — Хаммаил убит вместе с супругой,

наследниками и

ближайшей родней.

— Ваш Лисенок охотиться умеет, — с чувством произнесла алатка. —
Обложил

соперника по всем правилам, выкурил из норы, тот на засаду сам и
выскочил.

— Да, ваше высочество. — Может, коварство теперь уже единственного
казара

кэналлийцу и не нравилось, но тщательность проработки плана он оценил
высоко. — Баата показал себя умным и решительным.

— Мы же, — проревело из-за спины, — памятуя о планах богоданного
нашего

регента, должны встретиться с сим хищником, мелким, но полезным
благому

делу.

— Баата жаждет того же, — обрадовал Дъегаррон. — По его словам,
пришли

важные новости из Паоны, а это повод для заверений в дружбе. О своей
роли в

исходе Капраса из Кагеты хитрец вряд ли станет распространяться, но то,
что

гайифцы прошли через владения Бааты чуть ли не под хозяйской охраной,
требует объяснений. Казар намерен их предоставить прежде, чем мы его

спросим, да и гайифские вести у него должны быть настоящими. Этот
человек, насколько я мог понять, лжет не больше, чем требуется.

— Но потребности его велики, так что гляди в оба. А что еретик

злокозненный?

Так небеса кагетские и коптит или убрался?

— Кардинал Серапион все в том же монастыре, куда он... удалился, узнав о морисском нашествии. Ходят слухи, что несколько придворных решили искать

спасения у кардинала, но им даже не открыли ворот.

— Ничего, в Закат всех пустят. И Серапиона, и подлипал Хаммаиловых, ты мне

вот что скажи, братья-то наши меньшие как? Все мстят сквернавцам за варастийское разорение?

— Коннер доносит о трех набегах на Кипару и двух на Кирку. Жертв не было

нигде. Я начинаю опасаться, что легкость успеха и отсутствие потерь сделают

бакранов беспечными.

— Так придержи, а сквернавцам имперским поделом, ибо несть числа их прегрешениям! Ладно... Вино продышалось, тайны кончились, брюхо светло, пора вкушать. Зови своих соратников, и начнем благословясь.

Дъегаррон вырвал у форелины помилованный Матильдой свекольный цветок и

исчез, теперь на столе остались лишь дикие мальвы в глиняных кувшинах.

Живые, даже в росе... Неужели кэналлиец собирал их сам? Неужели для чужой

жены?! Матильда потянулась к букету, выбрала темно-красный цветок, пристроила на все еще отменной груди и покосилась на супруга.

— Одобряю, — возвестил тот, хотя его никто не спрашивал. — А теперь изволь

занять место свое за столом сим.

Женщина хмыкнула, но послушалась, после чего пришлось хмыкнуть еще раз

— Бонифаций уселся рядом, причем таким образом, что разглядеть из-за него

хозяина можно было, лишь улегшись в тарелку. Это развеселило окончательно, и Матильда вдруг почувствовала себя Матишкой — верткой, смешливой, знающей гол к в каверзах и подначках.

— Хорхе, — поинтересовалась сакацкая язва, когда два полковника, генерал-

адун и верный Хавьер устроились за маршальским столом, — все забываю спросить, гитару вам вернули?

— Да, ваше высочество, — подтвердил из-за мужнина брюха Дьегаррон, — сразу же.

— Я хочу послушать! — объявила Матишка и засмеялась, как смеялась в пятнадцать лет, когда они с Фереком бегали за ежевикой.

2

Приличные командующие в походах богатеют, однако Капрас явно к таковым не

относился. Добычи по понятным причинам не имелось, Хаммаил платить не

стал, и бросивший казара на Каракисов маршал не счел себя вправе настаивать.

Присланных Лисенком взяток с трудом хватило на нужды корпуса, зато на завтраке прочно обосновался Пургат. Настырный казарон вопил, ругался, требовал уважения и не желал понимать, что гайифцы не обязаны с ним нянчиться. Ламброс с Агасом советовали гнать придурка в шею, но для этого

Карло слишком чувствовал себя предателем. Не перед Хаммаилом — перед помертвевшим Курподаем и не просыхающей от слез Гирени. Малышка не усомнилась в том, что она казарской крови, и... наотрез отказалась переходить на попечение новоявленного «братца».

Капрас уговаривал, кричал, целовал — не помогало ничего, кагетка лила слезы, как хороший фонтан, и твердила: «Хачу с тобой!» В конце концов маршал

сдался. Гирени просияла, захлопала было в ладоши, но тут же позеленела и, зажимая рот, выскочила прочь, оставив будущего отца проклинать свою уступчивость. Вечером Карло написал Баате, через неделю получил ответ с завереньями в готовности принять «сестру» и «племянника», как только это

потребуется, а на следующий день уходящий корпус настигли дальние родичи

Антиссы. Умники исхитрились проскочить под самым носом у бириссцев.

Карло несколько не удивился бы, узнав, что Лисенок выпустил гайифцев нарочно, но беглецам подобное в голову не приходило, они почти свихнулись от

пережитого страха. О казарской семье любящие родственники даже не

вспомнили, их заботило одно — добраться до Гайифы, а точнее, до Кипары.

Туда, где идет война, Каракисы не хотели, зато им требовалась охрана.
Днем и

ночью.

— Блохи сучьи! — шипел рвущийся в бой Ламброс. — Такие в задницу и заводят. Поперлись в Багряные земли, раздразили морисков, а теперь — бежать...

— Не могу не согласиться, — вторил Агас. — Вторжения следовало ожидать, но

когда это Коллегия в последний раз занималась делом? Вот виноватых искать —

это по ним.

Капрас угрюмо отмалчивался. Дотаптывать проигравших не давало воспоминание о собственном возвращении из Фельпа, зато о встрече с

Забардзакисом маршал мечтал все более рьяно, он даже придумал небольшую

речь, предназначенную высшим воинским чинам. Речь не отличалась

куртуазностью и зверски нарушала субординацию, но Капрасу она нравилась.

Не сложилось.

Корпус был в дневном переходе от границы, когда свеженькая порция Каракисов

принесла весть о том, что Доверенный стратег его императорского величества

больше не составит ни единого циркуляра. Ну, и о прочих столичных радостях.

Удравшие из бушующей Паоны лягушки собирались укрыться в Кагете, однако

граница встретила слухами о смерти Хаммаила, и беглецы заметались. Они

могли угодить в зубы «барсам» или просто разбойникам, но бестолочам повезло

влететь в объятия одного из передовых дозоров корпуса.

Драгуны препроводили паонцев с их сундуками к своему полковнику, только

старина Василис Каракисов не устроил. Поняв, что происходит, цацы

потребовали встречи с командующим, на которой, сверкая орденами и

фамильными кольцами, принялись стращать новой властью и убеждать

повернуть. В ответ маршал злорадно сообщил, что поздно: Хаммаила нет, и всё, что он, Карло Капрас, может предложить дорогим соотечественникам, — это

уцелевших родственников. Каракисы паонские увяли и немедленно устремились

к Каракисам кагетским, надо полагать, решать, куда и за сколько уносить ноги.

— Мой маршал, — отчего-то шепотом произнес слышавший разговор Ламброс,

— а вдруг новый император — как раз то, что нужно?!

— Хорошо бы, — кивнул маршал и распорядился выслать вперед отряды для

разведки и поиска местных властей. Новости бодрили и дарили надежду,

остатки сожалений о судьбе Хаммаила забились в дальний уголок сознания, где

и уснули рядом с совестью. Карло ждал возвращения разведчиков и в ожидании

тряс Агаса, но гвардеец свою обычную говорливость утратил.

— Я больше не знаю Ореста, — сказал он, когда раздраженный командующий

стал требовать ответа. — Поверьте, лучше не знать императора, чем знать о нем

не то, что нужно. Орест повел себя решительней, чем можно было надеяться,

выходит, он не вмешался в... некоторые события не потому, что не мог, а потому, что не желал?

— Ты о своей ссылке? — в упор спросил Капрас.

— О том, что ей предшествовало. Меня сослали в Кипару, поскольку я вызвал

одного скота — родича Каракисов, к слову сказать. Только вызвал я его, чтобы

избежать ареста вместе с дедом по матери. Гвардейцы попрежнему не могут

свидетельствовать против своих соперников, а если ты не можешь

свидетельствовать, ты не можешь и лжесвидетельствовать.

— Ты впутался в заговор? — в упор спросил маршал. — В какой?

Окажись поблизости бешеный огурец, Капрас с удовольствием наподдал бы его

ногой, но в пределах досягаемости имелся лишь булыжник, пинать

который

было опрометчиво.

— Никаких шагов не предпринималось, — Левентис был сама сдержанность, —

однако мы в самом деле ставили принца Ореста выше его братьев. Нам хотелось

перемен, и мы не всегда держали языки на привязи.

— Дед по матери тоже не держал?

— Ему вменили в вину служебные злоупотребления.

Служебные злоупотребления можно вменить в вину всем, и чем выше пост, тем

очевиднее провинности. Другое дело, что это повод, а причина одна —

политика. Тесть старины Дийаса проиграл и потерял почти все. Голова, впрочем, уцелела.

— Не хочешь напомнить о себе?

— Кому? Мой маршал, я рискую повториться, но я в самом деле не знаю

Ореста. И мне не нравится, когда столицу Гайифы громят гайифцы же. Если

новый император сумел справиться с мятежом в считанные часы, чего он ждал

все это время? Чего он ждал, когда преследовали его сторонников, и кто ему

помогает сейчас?

— Не все ли равно? — отмахнулся желавший не сомневаться, а радоваться

Капрас. — Лишь бы дело делалось.

Агас не воевал, не считать же за войну стычку с дикарями на козлах!

Теньент

силен в интригах, иначе не сумел бы так легко и красиво вытащить своего маршала из казарской ловушки, но представить толпу солдат, разбитых, потерявших любимого командира, он не в состоянии. Орест дал парням

Задаваки сорвать злость на тех, кто в самом деле виноват, и Карло императора

не осуждал. Сунувшихся защищать Коллегию прикончили б и не заметили, зато

теперь самое время выплеснуть оставшуюся злость на морисков. Ламброс думал так же.

— Только бы про нас не забыли! — беспокоился артиллерист. — В такой суматохе не корпус, армию потеряешь...

Не потеряли, доставленный губернаторской эстафетой указ подоспел к вечеру.

Бравый курьер о том, что он везет, знал не больше своего чубарого, а новость

была столь же радостной, сколь и неожиданной: под стенами столицы императорская армия одержала первую серьезную победу. Устав, разрешая зачитывать избранные места вслух, допускал показ запечатанных синим воском

документов только лицам в генеральском чине, и Карло решил не рисковать.

— Датировано двадцать вторым днем Летних Молний, — маршал обвел

глазами

замерших офицеров. — Писали чиновники, все обычные обороты

присутствуют. Сражение началось тринадцатого Летних Молний и закончилось

на следующий день. Подступившие к самым стенам столицы вражеские войска

были сначала остановлены у Белой Собаки, а затем и разгромлены. Язычники, понеся потери, бежали, угроза Четырежды Радужной Паоне снята, и это только

начало.

— У Белой Собаки? — уточнил плохо знающий Паонику Ламброс.

— Я знаю этот пригород. — Карло оторвал глаза от бумаги. — Там на южной

окраине можно неплохо обороняться, местность удобная. Далее... Нам предлагают «возрадоваться победе и восхититься величием императора

Сервиллия, Богоизбранного, Богохранимого, Богодарованного и Четырежды

Богоугодного», так что сообщите своим людям, и через час прошу в мою палатку. По такому случаю мы просто обязаны выпить, но больше никаких задержек! Велено со всей возможной скоростью вести корпус к столице и по

прибытии находиться в полной готовности. При этом мы должны исхитриться и

набрать по дороге дополнительных рекрутов не менее чем на два пехотных полка, а также все необходимое для их содержания. С учетом времени года,

расстояния и дорог нас ожидают в Паоне к середине Осенних Молний.
Должны

успеть.

3

Бонифаций уходил громко, будто кабан сквозь кусты ломился. По-
хорошему

надо было благолепно выплыть вслед за супругом, но Матильда
продолжала

попивать слишком кислое, на ее вкус, вино и слушать. А Дъегаррон,
раздери его

кошки, — играть. В ранней юности алатка на парней не заглядывалась,
пока в ее

пятнадцатую Золотую Ночку за дело не взялись скрипки, гитара в
маршальских

руках кружила голову не хуже. Бьющий по струнам кэналлиец казался

незнакомым человеком — лихим, здоровым и при этом отрешенным. Он
видел

то, о чем Матильда могла лишь гадать, вот она и нагадала горы. Не
белоголовые

и зубчатые, как Сагранна, а мягкие, округлые, то темные от елей, то
пестрые от

залитых солнцем луговых цветов. И пусть в этих лугах пасутся лошади,
звенят

монистами девчонки, а звездными ночами полыхают костры и смех
обрывается

счастливым стоном. Да будет счастлива молодость, хоть бы и чужая, и да

пронесет ее через все пороги, не изломав и не испачкав...

— Что это было? — выдохнула алатка, когда кэналлиец прижал струны ладонью.

— Танец, — откликнулся маркиз. — Мы танцуем, когда уходит лето, и оно оборачивается на стук кастаньет.

— Так я и думала.

Принцесса залпом допила кислятину, внезапно показавшуюся терпкой, будто

сакацкая рябина.

— Почему вы не женитесь?

— Зачем? У меня четверо братьев, у двоих уже есть сыновья. — Дьегаррон отложил гитару. — Наша кровь останется под солнцем и без меня.

— Допустим. — Матильда по-деревенски водрузила локти на стол. — Но неужели вам никогда не хотелось турнуть вашу свободу к кошкам?

— Хотелось. — Маршал знакомо поморщился, и вряд ли от боли. — Однажды я

поторопился, потом стал опаздывать и опаздываю до сих пор... Дора Матильда, я не люблю исповедоваться.

— Тогда пойте, — потребовала ее высочество, поскольку требовать поцелуя

было стыдно. — У вас же все поют.

— Только те, у кого есть голос. — Длинные пальцы пробежали по струнам, точно ветер над лугом пронесся, и, слушая его, поднял голову рыжий осенний

жеребец. — Мне не повезло...

Уличить Дъегаррона в несомненном вранье принцесса не успела —
вернулся

муженек. Воздвигшийся у распахнутой двери, он напоминал стог сена, в
котором угнездилась немалая змея. Матильда усмехнулась и отодвинула
тарелку.

— Кто пил мансай, тому кэналлийское кажется кислым... Маршал, я вам не
верю, вы не можете не петь, но каждый имеет право на тайну. Благодарю за
дивный вечер.

Она вышла, задев бедром и не подумавшего посторониться хряка, то есть
кардинала и супруга. За спиной тенькнула струна, прозвучали удаляющиеся
шаги — Дъегаррон уходил через другую дверь. Адюльтера не случилось,
его бы

всяко не вышло, но заявившийся Бонифаций был несусветно глуп.
Матильда так

и сказала.

— Ты болван, твое высокопреосвященство. Я живым мужьям не изменяю.

Супруг угрюмо сопел, но молчал. Умник имбирный! Мало кто выскакивает
замуж на седьмом десятке, а уж те, кого при этом ревнуют, вообще
наперечет. За

такое стоит выпить чего-то приличного.

— Флягу, — протянула руку алатка. — Спугнул песню, хоть касеры дай.

— Бражница и блудница! — припечатал Бонифаций, но флягу с пояса

отцепил.

— Не отравлено, ибо грех достойное питье губить.

— Вот-вот... Лучше зарезать. — Принцесса хватанула привычного пойла, привидевшийся рыжий конь фыркнул и умчался в призрачные горы. Очень может быть, что навсегда, очень может быть, что со всадником. — Ну нравится

он мне!

— Увечные влекут глупые сердца прежде распутных.

Ревнивец отобрал флягу и присосался. Красой он не блистал, зато не был размазней. По крайней мере, до свадьбы.

— Вот и женился б на увечной! — отбрила алатка. — И дело бы благое сделал, и мне бы жилы не мотал.

Они упоенно ругались, все ближе подходя к той грани, где перепалка перестает

быть перцем и становится ядом, надо было прекращать, но Матильду почти понесло. У них с Дъегарроном ничего не вышло, но могло выйти, не испугайся

она себя и зеркала, а маршал — ее. Кэналлиеца стал бы последним, выбив из

памяти ночь с Робером и полгода с Лаци, — не стал. Нарезал круги, рвал цветы, жалел и профукал, да и она хороша, брыкалась, как мориска, а ее раз — и в

стойло. Для ее же блага, в Сагранне это стало ясно, а тут опять... маркиз. С мальвами, ведь сам же собирал! Сам!

— А ну, ответствуй, бражница! — взревел Бонифаций, плюхаясь на

застеленное

яркими кагетскими покрывалами ложе. — Состояла ль ты в греховной связи с

агарисским еретиком?!

— С кем, с кем? — нахмурилась принцесса. — У меня, чтоб ты знал, все, кроме

Лаци и шада, были агарисскими, а еретик один ты!

— Ох, глупа, — Бонифаций свел свои бровищи, — хоть и красой обильна, ну да

в том и спасение твое. Краса женская Создателю угодна, что б там ханжи серые

ни плели, а потому быть тебе в Рассвете. И мне быть, ибо благочинен, да и муки

кой-какие претерпел... Только торопиться в кущи нам не пристало, не все души

спасены, не все зло повержено, Паона вон торчит пока.

— Беды-то, — отмахнулась Матильда, — все равно ведь сожрете!
Хаммаила вот

уже...

— Не мы его сожрали, но грехи его. Хороший человек по недосмотру
ангельскому гибнет, и ангелы за то пороты бывают ветвями кипарисовыми.

Поганцы же конец свой по воле Его находят, и чем быстрее, тем для них же
лучше, не все пакости свершить успевают, а стало быть, и спроса меньше!

— Слышала уже. — Разнеси Альдо лошадь еще в Агарисе, сколько бы внук
не

успел натворить, но считать его смерть благом?! — Сорок раз слышала...
Что за

еретик тебе покоя не дает?

— Адриан твой безбожный. Чему ты с ним предавалась?

Предашься с таким, как же!

— Снам. Снам я предавалась, самым что ни на есть греховным.

— Верю. — Супружеского выдоха хватило б наполнить небольшой парус.

— И

отпускаю тебе тот грех, а теперь вспоминай, что говорил тебе ересиарх.
Сдается

мне, знал он немало, а кому и сказать, как не той, кого тело хочет, а душа от
любви великой да глупой не позволяет. Налить?

Матильда молча протянула руку. Любви великой да глупой и впрямь
хватало, но

болтать Адриан не любил, зато спрашивать умел как никто. Они и

познакомились, когда еще нестарый клирик с алым львом на плече явился
узнать о Черной Алати.

— Охоту он искал. — Матильда зачем-то пригладила кудри. — Осеннюю...

Только не повезло ему, а вот... Эпинэ ее встретил, потому и до Талига в
одну

ночь добрался.

Глава 6

ТАЛИГ. ЗАПАДНАЯ ПРИДДА

ТАРМА

400 год К. С. 13-й день Осенних Скал

1

Руппи вновь ехал по Талигу. Землями, которым следовало принадлежать кесарии, но увы... Наследные принцы в ожидании короны обещали друзьям и

любовницам вышвырнуть наконец фрошеров за Вибору, принцы ненаследные

намекали, что уж они бы это сделали наверняка, кесари... Кесари вели себя по-

разному. Кто-то воевал, кто-то довольствовался тем, что имел, кто-то получал в

наследство победы, кто-то — промахи.

Удачи первых месяцев Двадцатилетней пошли прахом, однако двинувший армии

на юг Зигмунд упорно почитается великим. В отличие от вырвавшего, выхитрившего, выпросившего новый Золотой договор Ульбриха, ставшего

Хмурым не от хорошей жизни. Унаследовав от отца поражение, кесарь не только

сохранил Дриксен в целости, но и присоединил Северную Марагону, однако

Хмурому упорно пеняют, что Южная досталась Талигу. Вернуть Марагону

грозятся вторую сотню лет, именно «вернуть»... Сам Руппи сказал бы

«заполучить», но он всего лишь натворивший дел лейтенант, сдуру

признавшийся в своих художествах фельдмаршалу. Сейчас излишняя бравада

вылезала боком — дерзостей Бруно не терпел, а Фельсенбургу старик был нужен в добром расположении духа.

То, что надо как можно быстрее договориться с фрошерами, чтобы, без опаски

повернувшись к ним спиной, схватить Марге за горло, было для Руппи

очевидно. Неочевидным выглядел выбор Бруно. Старый бык славился

упрямством, и, самое главное, он почти выиграл кампанию, а бросать добытое

немалым трудом обидно, особенно если тебе за шестьдесят и ты внезапно

добился того, чего от тебя уже не ждали. Фельдмаршал никогда не ходил во

всеобщих любимцах, вот в моряках Дриксен души не чаяла, и не это ли сейчас

добивает Олафа?

Руппи силился выкинуть из головы последние месяцы — закусившее удила

настоящее не позволяло оглядываться, — но почти чужой человек с Эсператией

словно бы ехал рядом, путая стронутыми лавинами и прочими прелестями, избежать которых можно лишь молясь и ни змея не делая. Зла и вины на тебе,

сложившем руки и смирившемся, не будет, ну а те, кого твое недеяние угробит, упокоятся в Рассвете. Ежели праведны.

Фридрих праведным не был. Глупый, заносчивый, подлый, он не стоил и

заупокойной свечки, только дело было отнюдь не в принце. Ноймаринен

наследнику Фельсенбургов сказал немало, однако главное предпочел обойти.

Руппи тоже смолчал о том, что если Марге поставит на войну с Талигом и окажет Южной армии серьезную помощь, та может «вождя всех варитов» и

признать. Сожалеть о Фридрихе после каданского конфуза ни Бруно, ни его

вояки не станут, малолетний Ольгерд никому не нужен, а победа — вот она!

Гельбе очищена, ключевые фро-шерские крепости взяты, надо лишь удержать

захваченное и тем доказать свои права на него. Марге может предложить именно это...

Драгунские кони взбивали дорожную пыль, деревни и постоялые дворы появлялись и исчезали за размалеванными осенью перелесками. Ведший отряд

рослый молчаливый капитан спешил, до предела урезая ночевки, а днем ограничиваясь короткими привалами. Фельсенбурга гонка устраивала, он слишком устал от хексбергского безделья, чтобы плестись рысцой от корчмы до

корчмы.

Лейтенант глядел на давно скошенные луга, пятнистых фрошерских коров и

густые яблоневые сады. Разумеется, он предпочел бы слышать здесь родную

речь и ради этого согласился бы признать новую власть... если б стал Рихардом, Максимилианом, капитаном Роткопфом и даже их генералом. Славным

кавалеристам неведомо, что в Эйнрехт не пожелала войти ведьма. Это было

весной, а на исходе лета гвардейцы растерзали женщину, на которую прежде

молились.

Выкинуть из головы Гудрун Руппи не мог даже больше, чем Олафа. Если б он

хотя бы не видел принцессу в библиотеке! Бедняга Мартин от фривольного

зрелища обалдел, Руппи же умудрился запомнить всё. И теперь это «всё», пропади оно пропадом, стояло перед глазами! Фок Фельсенбург рывком осадил

удивленную подобным обращением гнедуху, поджидая трусившего чуть позади

слугу. Бывшего флагманского палача.

— Киппе!

— К вашим услугам, господин.

— Ты ведь слышал про Эйнрехт?

— Безобразия там, — с некоторым удивлением ответил палач. — Не знаешь, что

и думать. Как выезжали, я с господином Клюгкатером прощаться ходил, так тот

сказал, гвардейцы регента убили. Где же видано, чтобы такую особу, да без суда!

Не к добру это.

— Не к добру, — подтвердил Руппи и рассказал, что узнал от фрошеров.
Таскать

проклятые подробности в себе больше не было сил, к тому же Киппе
лейтенант

мог не стесняться и не жалеть — палачи в обморок не падают и за
Эсператию не

хватаются. Фельсенбург сам не знал, чего ждет от своей откровенности,
возможно, уверений в том, что ничего особенного не произошло — казнь и
казнь.

— Дурное дело. — Киппе осенил себя знаком. — С какой стороны ни
глянь, дурное. Найти бы, кто сработал... Небось лекаришка, из гильдии
выпертый, а то

и вовсе сапожник!

— Какой еще лекаришка? — не понял Руппи. — Откуда?

— Не гвардейцы ж дратвой орудовали, куда им! Вспороть брюхо не штука,
а вот

защитить на скорую руку... Я б не взялся, и в «Благословенном списке»[3]
такого

не значится. Нет, господин, одно дело на допросе работать или, когда все
по

закону, казнить, а другое — дикость свою тешить.

— А, вот ты о чем. — Ох уж эти мастера, о чем ни заговори, приплетут
свое

ремесло! — Да, добрый город Эйнрехт сам стал палачом.

— Извергом он, уж извините, стал, — тут же оскорбился мастер. — Наш брат

что положено сделал, снасть отмыл и домой, к хозяйке. На мясниках и то грехов

больше: коровки-овечки не грабят и не крамольничают, а их, бедных, под нож, только не о том мы говорим. Никто из наших без бумаги работать не станет, иначе не заметишь, как знак гильдейский положишь. И никакой отсебятины, только то, что в «Благословенном» значит. Там все расписано: когда — кнут, когда — дыба или там клещи. Случаются, конечно, голубчики, что в раж входят; бывает, и до мастеров дорастают, только из гильдии их рано или поздно гонят.

Вы ж, прошу прощения, охотники? Псарню держите?

— Держим.

— Если пес охотничий дичь рвет, абы рвать, куда его?

— Я тебя понял. — Бракованные гончие, бракованные гвардейцы, бракованный

лекарь или сапожник... С дратвой. — Хороший палач удовольствия от... работы

не получает.

— Смотря какого, — оживился Киппе. — С того, что кто-то долго трепыхался, радости мало. А вот если что трудное без сучка и задоринки прошло, приятно, врать не буду. Взять хоть «Верную Звезду»... Времени в обрез, все спехом, в

помощниках — еретики косорукие. Ничего, спасибо святому Гумбольдту, не

оставил милостью. И то сказать, дело-то доброе, дезертиров да лжесвидетелей к

Врагу в пасть спровадить. Или вот помню, я еще в учениках ходил, взяли

одного

душегуба. Мало того, что старуху порешил и ограбил, так еще и сестрицу ее слабоумную топором хватил, а та, упокой ее Рассвет, в тягости была.

Свидетелей не нашлось, на нас с мастером только и надеялись. Ничего, управились, все выложил! А знак гильдейский я через благородного получил, что супругу задушил. Думал, изменяет она ему, а та чисто голубица была!

Оклеветали бедняжку, ну а клевету злонамеренную доказать, кроме как через

самоличное признание клеветника, никак нельзя. И ведь каким приличным

казался...

— Значит, — прервал излияния Руппи, — ты за «Верную звезду» не в обиде?

— Да я-то что, вот эйнрехтские мастера, сударь, те вам теперь по гроб жизни

обязаны. Наш брат, он тот же солдатик: что прикажут, то и делай. Вроде и грех

на судьях, а все одно неприятно, когда безвинного-то... Что приговор облыжный, последняя мышь понимала, а куда деваться? Бумага-то вот она! Господин

Клюгкатер говорит, болеет он, Ледяной наш?

— Болеет, — подтвердил Руппи, вспоминая прощание, холодное и острое, как

осколок сосульки. С Бешеным повидаться напоследок не удалось, с

увязавшимися в море за своим любимцем ведьмами — тоже. Первые хорны

лейтенант вслушивался, не раздастся ли тихий хрустальный звон, потом перестал. Танцы кончились, начиналось что-то очень скверное. Фрошеры и гаунау это хотя бы понимали.

— Сударь, — окликнул Киппе, — глядите-ка, наш фрошер кого-то подцепил.

Один из ехавших впереди драгун возвращался в сопровождении некрупного всадника в черно-красном мундире и на очень хорошей лошади.

— Легкая кавалерия, — определил Руппи. — Нам говорили, что впереди идут

«фульгаты» и сегодня к вечеру мы их догоним.

2

Мэтр Инголс похудел на пару поясных дырок, но в остальном остался прежним

— вальяжным и при этом на редкость хитрым законником. Не столь сладостно-

безликим, как проныры из Экстерриории, и все же слишком... округлым, чтобы

вызывать нежность у вдовы маршала; Ли, впрочем, мэтра ценил высоко. Во всех

смыслах.

— Полагаю, — весело приветствовала адвоката Арлетта, — мы оба взаимно

возрадованы тому, что уцелели. За себя я, по крайней мере, ручаюсь. Узнав о

вашем появлении, я ощутила то же, что выючная лошадь, с которой сняли

лишний вьюк. Выпьем за это по бокалу и перейдем к делам. Вы что-то понимаете?

— Слишком общий вопрос, сударыня, — поморщился законник. — Что-то в

чем-то я, само собой, понимаю, однако доля понимаемого, увы, много меньше, чем мне бы хотелось. Беседа, которой меня удостоил регент, способствовала

утрате последних иллюзий в отношении нашего положения. К счастью, граф

Савиньяк сумел изыскать средство, несколько отдаляющее угрозу, к несчастью

— этого совершенно недостаточно.

Мэтр отпил присланной Рудольфом «Змеиной крови» и красноречиво вздохнул.

Несколько лет назад он схлестнулся с супремом и был замечен тессорием.

Манрик считал законника своим человеком, Ли неплохо этому человеку приплачивал, Придд... Арлетта не удивилась бы, узнав, что мятежный мэтр состоял в сговоре с бывшим начальником и имел от него дополнительный доход.

Само собой, наичестнейший. Инголс приносил немалую пользу еще в блаженные доварастийские времена, когда же все пошло вразнос, оказался бесценен, однако доверять адвокату безоглядно мог разве что Ро.

— Значит, — сощурилась Арлетта, — вы согласны с выводами Лионеля?

— Если герцог Ноймаринен изложил их верно и в полном объеме, согласен, хотя

определенные вопросы остаются.

— Я попробую ответить на некоторые из них, но сперва хотелось бы услышать, как прошло ваше путешествие. Я имею в виду исход Посольской палаты.

— Показания с чужих слов не слишком надежны. О многих обстоятельствах

лучше спрашивать Глауберозе.

— Графа в Тарме нет, — напомнила Арлетта, — и будет ли он здесь, зависит от...

многих обстоятельств.

— В том числе и от здоровья регента. Для человека с сердечной болезнью герцог выглядит неплохо.

— Болезнь удалось захватить в самом начале. — Сколь откровенен Ли с этим

ходячим кодексом? Нужно было спросить, но в караване дипломатов как-то забылось. — Мэтр, когда я была в Лаик, мне посчастливилось узнать, что

Посольская палата благополучно покинула Олларию, не более того. Можете мне

поверить, важна любая подробность.

— Законники не верят, но признают обоснованность доводов, — попенял похудевший адвокат. — Я вел путевые заметки и готов их предоставить, но самое интересное, на мой взгляд, имело место непосредственно в день исхода.

Можно считать доказанным, что бесноватость, хотя я надеюсь со временем

подобрать для наблюдаемого явления более спокойное наименование, не зависит от пола, возраста, сословной принадлежности, подданства, рода занятий

и, что особенно на мой взгляд важно, вероисповедания.

— Значит, господа дипломаты и их свиты... — Арлетта поднатужилась и родила

достойную сестры экстерриора фразу, — проявили себя с самых разных сторон?

— О да, — оценил эвфемизм мэтр. — Сложности, сударыня, возникли у всех.

Быстрее прочих привели свои дела в порядок гаунау, более или менее успешно

справились алаты и, как это ни странно, кагеты. Дриксенцы, норуэгцы и урготы

потеряли до трети, главным образом секретарей и личной прислуги. Гайифцы, каданцы, фельпцы, ардорцы, улаппцы и кир-риаццы разделились примерно

пополам, причем Кадана и Улапп лишились послов, а Гайифа — советника, временно сменившего покойного Гамбрина, что наводит на определенные и уже

никому не нужные размышления о возможных причинах кончины почтенного

конхессера. Агария, Бордон и Йерна проявили удивительное единодушие в помешательстве, причем нападение агарийцев на алатскую резиденцию стало

последней каплей, вынудившей Глауберозе прибегнуть к принуждению. Карой

со своими витязями, разрешив агарийское недоразумение, предпочел остаться в

городе, с нами отправились лишь те, кто не мог держать саблю. Мне показалось, алаты испытывали неудержимое желание истреблять бесноватых. Остальные

хотели либо бежать, как ваш покорный слуга, либо отсидеться, но Глауберозе

вывел всех.

— Что делали с бесноватыми?

— Охрану и прислугу убивали на месте, дипломатов вязали. На следующий день они начали приходить в себя. Агарийский посол утверждал, что его опоили

и поэтому он ничего не помнит. Он был убедителен, но мне удалось поймать его

на лжи. Оснований признавать этого господина и иже с ним недееспособными я

не вижу, они осознавали, что творят, в той же мере, в которой это осознают грабители или насильники.

— Пойдите! Агарийцы и алаты ненавидят друг друга веками, но алатская ненависть горячее. Вы уверены, что начала Агария?

— Да. Но не уверен, что алаты рубили агарийцев.

— Простите?

— У меня создалось впечатление, что Карой и его люди не сводят старые счета, им было важно, что происходит сегодня. Иными словами, они истребляли не

агарийцев, а бесноватых.

— Это Карой так сказал?

— Он объявил, что идет на помощь Эпинэ. На обоснованный вопрос Глауберозе, как уважаемый коллега думает отыскать Проэмперадора в сошедшем с ума городе, алат ответил, что это не составит большого труда.

Замечу, что выглядел Карой уверенным, будто взявшая след собака.

— Мэтр Инголс, на что вы намекаете?

— Я всего лишь предлагаю вам сделать выводы, которые будет полезно сравнить с моими.

— Тогда я жду ваших заметок и в свою очередь прошу вас прочесть попавшие в

мои руки документы. Первый омерзителен, но полезен, второй... Вы читаете по-

гальтарски?

— Свободно.

— Значит, вам предстоит узнать некогда страшные тайны, — обрадовала графиня, не извлекшая из откровений Эрнани ничего, кроме окрепшего убеждения в том, что Левий умница. Месяц назад оно бы мешалось с сожалением о зря погибших хороших людях и злостью на очередных дураков, но Излом не оставляет времени на былое, разве что оно может чем-то помочь

настоящему.

Предложение фрошеров всем вместе отужинать на постоялом дворе Руппи принял охотно. Предводительствовавший встреченными «фульгатами» капитан

Руппи понравился, к тому же этот Уилер участвовал в гаунасском походе, а Фельсенбургу хотелось знать о графе Савиньяке, к которому он ехал, побольше.

В победах над Фридрихом особой заслуги Руппи не находил, но игры с Хайнрихом и последующий договор интриговали, к тому же маршал Лионель

был братом Арно и сыном очень необычной матери. Лейтенант больше не удивлялся, что в доме Савиньяк ели, что хотели, не стесняясь лазили по деревьям, спокойно уходили и с удовольствием возвращались. О собственном

возвращении наследник Фельсенбургов думать без содрогания не мог, но сейчас

его несло в другую сторону.

Не желая выглядеть растрепой, лейтенант сменил рубашку, возблагодарив всех

святых за отсутствие на штанах кошачьей шерсти, и в сопровождении

драгунского капитана поднялся на увитую хмелем террасу. Трактирщик уже

накрыл небольшой стол, заботливо защитив его расписанной розами ширмой и

украсив здоровущим букетом, из-за которого ухмылялась физиономия Уилера и

виднелось чье-то обтянутое мундирным сукном плечо.

— Присаживайтесь, — на правах хозяина пригласил «фульгат». —
Заведение

сносное, нам, можно сказать, повезло. Сударыня, разрешите представить:
господин фок Фельсенбург, следует туда же, куда и мы.

— Я очень рада. — Раздавшийся из-за цветов голосок был приятным. —

Можете называть меня Селиной. Капитан Уилер говорит, вы моряк?

— Да, — подтвердил Руппи, пробираясь на свое место. Непонятно откуда
взявшуюся даму он разглядел, лишь обогнув ширму. Селина оказалась
молода и

хороша собой. Очень молода и очень хороша, но самым удивительным было
другое. За столом в провинциальном трактире улыбалась мамина юность,
хотя

урожденная герцогиня фок Штарквинд никогда не надела бы мужского
платья и

не заплела волосы в две толстенькие косицы, как это сделала непонятная
путешественница.

— Счастлив вам служить, — поспешно заверил Руппи, борясь с
неловкостью, однако разъезжающая с «фульгатами» дева не спешила,
подобно волшебнице

Фельсенбурга, упрекать лейтенанта в бессердечии.

— Вы похожи на одного очень хорошего человека, — безмятежно
произнесла

она. — Издали.

Не скажи талигойка этого, секундой позже Фельсенбург сообщил бы
красавице, что она — живой портрет некоей знатной особы. Руппи и
прежде понимал отца, но сейчас это было особенно остро, только ни одна

женщина не разлучит его с

морем и не запрет в зачарованном замке. Ни одна!

— Здесь есть вино и касера, — напомнил о себе и ужине драгун. — Ну и пиво, само собой. Пиво и касера хороши, вино — вряд ли.

— Касера, — решил Руппи. Женщин красивее мамы лейтенант не встречал ни в

Эйнрехте, ни в портах, а ведьма... Она была ветром, танцем, струнным звоном, сном, который появлялся и исчезал.

— Муа-у-у... — раздалось из-под стола. От неожиданности лейтенант вздрогнул, но для Гудрун сладострастный вопль был слишком басовит. — Мря-а-а-а-ау...

— Это мой кот, — с уморительной серьезностью объяснила девушка. — Он в

корзине, потому что все время убегает. Он чего-то хочет.

— Меня, — признался под нарастающие рулады избранник Гудрун.

— Неужели? — удивился «фульгат» и нагнулся. Щелкнуло, фыркнуло, и Руппи

узрел внушительную черно-белую морду, по счастью, не мохнатую. Морда, упреждая прыжок, коротко мявкнула, дальнейшее было предопределено —

топанье, урчанье, боданье и царапины на бедрах.

— Почему? — спросила девушка. — Почему он к вам пошел?

— Меня любят кошки, — буркнул Руппи, понимая, что и этим штанам быть в

белой шерсти. — Очень.

— Мне тоже кажется, что вы хороший человек, — задумчиво произнесла

Селина. — Его зовут Маршал.

— Ему подходит.

Руппи обреченно почесал за изодранными ушами. Судя по тому, как Гудрун разрывалась между ним и Бешеным, кошачья любовь шла по следам любви ведьм, но признаваться в этом Фельсенбург не собирался.

— Это началось весной. Ко мне привязалась огромная трехцветная кошка...

— Суну-ка я его назад. — Уилер молниеносно ухватил утратившего

бдительность кота за шкуру. — Извините, не представить вас нашему Маршалу

я не мог.

— Я польщен, — заверил слегка оторопевший Руперт. — Котам меня еще не

представляли.

Водворенный в свое узилище Маршал орал и скрипел корзиной. «Фульгат» махнул рукой, из сада выскочил верткий сержант, и скандалиста уволокли.

Фрошер разлил мужчинам касеру, трактирщик подал запечатанные слоеным

тестом горшочки, в общем зале хрипло попробовала голос вольтка.

— Я предпочел бы кота, — не выдержал Фельсенбург.

— Музыка будет далеко, — утешила Селина, — кошки под столом намного громче. Хорошо, что вы им нравитесь, это значит, с вами все в порядке.

— Да? — удивился спаситель осужденного преступника, дезертир и убийца. —

Я в этом не слишком уверен.

— Сейчас с некоторыми людьми происходят дурные вещи, — изрекла девица.

— Вы кушайте, крышку надо отломать и макать в соус... Это не очень красиво, но мы в дороге, и нас никто не видит.

— Когда никто не видит, ронять себя тем более не стоит. — Лейтенант отодрал

еще теплое тесто. — Но в дороге манерничать и впрямь глупо. Это свинина?

— С грибами, — уточнил Уилер. — Сударыня, вы позволите нам маринованный

чеснок?

— Конечно, — мама вот так же раскрывала глаза, когда ей говорили, что запел

соловей или что-то расцвело, — он ведь вкусный. Я тоже буду.

Волшебницы чеснок не едят, волшебницы не разъезжают в мундирах и не возят

с собой котов, зато при этой Селине можно не задумываться над каждым

словом. Вот бы еще понять, что или кого забыла белокурая серьезница в армии

Савиньяка, хотя какое, в сущности, ему до этого дело?

Вечер получался отменным. Драгун молчал и ел, зато они втроем болтали о

кошках, соленьях, волынках и деревянных башмаках, будто не было никаких

войн и мятежей, только придорожная харчевня и хорошая компания. А

потом у

входа на террасу воздвиглась длинная тень, и Руппи узнал корнета Понси, которого по вполне очевидным причинам за стол не позвали. Что ж, он пригласил себя сам.

— Теперь я вижу, — возвестил памятный по прошлой зиме ябедник, — вижу

всю низость коварства! Что ж, мне остается одно. Капитан Уилер, вы — подлец!

Судьба свела нас прежде, чем я надеялся, и не я преследовал вас, но рок. Я требую удовлетворения!

— Чего-чего? — беззлобно удивился Уилер и повернулся к Руппи, с которым

как раз выпил на брудершафт. — Ты что-нибудь понял?

— Пожалуй, — шепнул Фельсенбург, глядя на преодолевшего половину расстояния от двери до стола и не перестававшего вопить корнета. — Он поэт

и...

— ...чучело, — с чувством произнес Уилер, — но деда жаль.

— Не надо его обижать, — тихонько попросила Селина. — Это из-за меня. Я

слушала его стихи, он думал, мне интересно, а мне надо было в приемную регента и погулять по Тарме. Капитан, вы же знаете!

— Я не больно, — пообещал капитан.

— Ты шепчешься с ним! Даже сейчас!..

Палец поэта почти ткнул Уилера в грудь. Понси по-прежнему напоминал сразу и

богомола, и ужа, но Руппи отчего-то представился юный дятел, напавший на

умудренного жизнью хоря.

— Соблазнитель и трус!

— Заткнулся бы ты, приятель, и шел бы... спать, — посоветовал «фульгат». Будь

он в самом деле вероломным убийцей, ревнивец был бы уже мертв.

— Я не уйду! — Долговязая фигура стала еще длиннее, впрочем, сумерки вытягивают всё. — Сейчас ты мне ответишь...

В Уилере усомниться было трудно, но Понси встал слишком удобно, чтобы этим

не воспользоваться, к тому же выиграла, требуя своего, память о Старой Придде.

Руперт незаметно подвинул ноги. Корнет усиленно стаскивал новую,

неразношенную перчатку, та не поддавалась, а Уилер с веселым любопытством

следил за тужащимся мстителем. Момент был самый что ни на есть

подходящий. Вскочить, ухватить голубчика за плечо, завести руку за спину, как

это делают в кабаках с разгулявшимися матросами, и конец грядущему

кровопролитию. Дурацкий, правда, ну да по герою и подвиг.

— Корнет Понси, — напомнил Руперт, — регент Талига запретил дуэли, так что

считайте себя арестованным. Уилер, куда его проводить?

— Куда? — задумался «фульгат». — Видел я тут в саду подходящую гауптвахту, так ведь утопится, чего доброго. Да и людям несподручно будет.

— Трус! — возопил корнет. — Жалкий трус, прячущийся за вражескую спину!

Этого Руппи не стерпел. Знакомая по Эйнрехту разухабистая полна радостно

захлестнула лейтенанта и тут же рассыпалась искрами, колкими, будто снежинки или смех.

— Доносчик! — провыл наследник Фельсенбургов в тон ревнивцу. — Жалкий

доносчик, вмешавшийся в дело чести. Вспомни Старую Придду, несчастный, и

Старый Арсенал! Теперь мой друг и его враг отмщены самой судьбой. Ты не

получишь удовлетворения прежде тех, кого выдал!

— Ой, — удивилась за спиной Селина, — так вы знакомы?

— Этот господин требовал от нас любви к прескверным стихам. — Стоять спиной к даме было невежливо, и Руппи, не выпуская добычи, обернулся. —

Чуть до дуэли не дошло... Леворукий, и как я мог забыть?! Корнет вызвал или

почти вызвал герцога Придда. Антал, ты не можешь с ним драться прежде полковника.

— Да я в общем-то и не собираюсь. — «Фульгат» был само миролюбие. —

Придд, говорят, в Гёрле... А этот-то с Заразой что не поделил?

— Одного вашего поэта, Понси он нравится, прочим — нет. Имени я не запомнил...

— Невежда! — завопила приотпущенная заболтавшимся лейтенантом добыча.

— Я говорил тогда, я скажу сейчас!.. Вы все невежды, а ты — лжец! Ты не можешь не помнить великого Барботту, но ты хочешь... жаждешь унижить его!

Ты притворяешься, что забыл обращение гения к тебе подобным, сейчас ты вспомнишь! Я ...Я презираю вас всех...

— Не всякий презренья достоин, — Руппи, рассердившись, прижал костлявую

руку посильней, и Понси замолк, — как и любви, и насмешки. Ненависть, грусть, сожаленье трогают разные струны...

Старину Майнера Руппи переводил на талиг под надзором самого злобного из

присланных бабушкой менторов, сегодня это пригодились.

— Это и есть Барботта? — удивился Уилер. — А ничего!

— Это дриксенский поэт, и он намного лучше в подлиннике.

— Чушь, недостойная мужчины! — ломать придурку руку Руппи все же не хотел, чем поклонник Барботты и воспользовался. — А вы, вы предатели!

Маршал Савиньяк должен знать, кто пьянствует с «гусями» и слушает их вирши, когда в наши груди целят кесарские пушки! И он узнает... О, граф

Лионель ведаёт цену как одиночеству и измене, так и гению. Мое имя для него

кое-что значит! Сегодня вы трусите, и этому нет честных свидетелей, но в Гёрле

мой друг капитан Давенпорт заставит вас принять вызов. Иначе вам плюнет в

лицо вся армия!.. Гусиные приспешники!

— Сэль...

Уилер, последнюю минуту внимательно присматривавшийся к крикуну, наклонился к девушке и что-то тихо сказал, та покачала головой.

— Нет... Он просто... такой.

— Вот и славно! — «Фульгат» отодвинул тарелку и, внезапно оказавшись на

ногах, перехватил бьющегося корнета. — Отпускай... Если его ты отволочешь, некрасиво будет. Наш... а, пусть будет нос, нам и подтирать. Драгун, поднимайся, потом дожухнешь!

Глава 7

БАКРИЯ. ХАНДАВА

ГАЙИФА. КИПАРА

400 год К. С. 14—17-й дни Осенних Скал

1

Сосредоточенные молодые лица всегда вызывали у Матильды умиление.

Началось с задумавшегося над книгой сына, потом были внук, Робер, Удо с

Дугласом, Мэллица, о которой надо наконец написать Альберту, и снова

Дуглас... Щенята пытались размышлять и выглядели при этом до одури трогательно, но Баата при всей своей серьезности не умилял, хотя был моложе

Эпинэ и не забывал выказывать растерянность и просить совета.

Надо думать, проныра еще в детстве понял, что маленького добрые и большие

не обидят, а злые не примут всерьез.

— Видит Создатель, — заверял «неопытный» Баата, — я еще никого не ждал

так сильно, как вас! Мой покойный отец боялся того, чего не мог понять, и я

унаследовал многие его страхи. Не хочу лгать, я надеюсь когда-нибудь стать

достойным казаром, но сейчас я растерян... Здесь нам не помешают, это

любимое место моих покойных родителей, а прохладительное облегчит любую

беседу.

Мешать в оседлавшей обтесанную скалу беседке и впрямь было некому, а вид

восхитил бы и поэта, и художника, интриганов же восхищала невозможность

подслушивания. Каменная толща под ногами и ажурные решетки вместо стен

исключали чужое любопытство, но этого было мало: у подножия утеса, где

начиналась удобная лестница, торчали казарские бириссцы, а парой пролетов

выше — прихваченные Бонифацием вроде бы для почета адуаны. Сверху и те, и

другие казались игрушечными солдатиками, Адриан таких присылал сперва

чужому сыну, потом чужому внуку.

— В самом деле удобно, — согласилась принцесса, отгоняя воспоминание, —

особенно падать.

— Это был несчастный случай, — быстро сказал Баата, и Матильда поняла, что

ненароком отдала хвост одной из фамильных змей. — Мой несчастный брат

пытался поймать на лету бабочку. Вы их зовете фульгами, они должны нести

удачу, но примета обманула.

— Погибшего — несомненно, — кивнула алатка, до сего мгновенья не представлявшая, как именно Лисенок теряет лишних родичей. — К счастью, мы

с супругом не в том возрасте, чтобы гоняться за бабочками.

Бонифаций знакомо поднял к небу палец.

— Сии хрупкие создания, — веско произнес он, — сотворены, дабы напоминать

нам, во грехах пребывающим, что из мерзкой гусеницы при должном питании

родится летучий цветок, а из грешника при должном поведении — праведник.

Только не всяк грех искупаем, и бабочка бабочке рознь: капустные черви, воспарив, сохраняют гнусную суть и заражают огороды ненасытной мерзостью.

То же и ересь агарисская: кажет миру белые крылья, но пожирает заблудшие

души аки гусеница капусту.

— Как это верно! — ахнул эсператист, успевший вступить в союз с оллариянцами и породниться с потомками Бакры. — Мне страшно об этом говорить, но в Паоне подняла голову чудовищная ересь...

— И что учудила тварь злокозненная, кардиналом Паонским именуемая? —

буркнул, нюхая подкисленную лимонным соком воду, супруг. — Объявил Паону

новым Агарисом? Так морискам от сего лишь удобнее.

Баата взмахнул девичьими ресницами.

— Мориски отходят, — сообщил он, — но мне проще рассказывать с самого

начала. Первое насторожившее меня известие...

Царственно расположившись в удобном — другого Лисенок почетным гостям

не предложил бы — кресле, Матильда слушала и недоумевала: новости

перечеркивали все, что алатка знала об имперцах. Покровители поганой Агарии

от века гребли жар чужими руками, усердно избегая серьезных драк.

Представить, что «павлины» соберутся и дадут отпор врагу, который едва

ли не

помелом гнал их от самого побережья, Матильда не могла, и Бонифаций,
судя

по враз забытому прохладительному, — тоже.

Поднимаясь в казарскую беседку, супруги готовились слушать о бесхозной
по

случаю морисского вторжения Йерне, куда Баата, сожрав Хаммаила,
просто не

мог не попытаться запустить лапки. Новость о «Богоизбранном,
Богохранимом, Богодарованном и Четырежды Богоугодном» Сервиллии
шмякнулась на голову, будто оброненная нерадивым орлом черепаха.

— Что? — не выдержала алатка. — Вот прямо так и подписался?!

Казар вздохнул. На инкрустированный самоцветами аляповатый стол лег

высочайший манифест. Среди павлинов, пронизанных молниями грозовых
туч и

похожих на виадуки радуг чернели подзабытые Матильдой острые букочки.

Император обращался к подданным на гайи, однако подпись была
гальтарской и

дурацкой. Это чтобы не сказать — кощунственной.

— Иссерциала б ему послать, богоданцу, — буркнула Матильда, по
милости

внука возненавидевшая любую гальтарщину. — «Мы, любимый сын и
надежда

Создателя, принимая возложенную Им на Нас ношу...» Да по нему святой
поход

плачет!

— Я чту и ожидаю, — Лисенок счел уместным напомнить о своем благочестии, причем на талиг, — и я в полной растерянности.

Длинные — еще длинней, чем у сестры, — ресницы были созданы для того, чтобы ими хлопать, в чем казар и поднаторел. Впрочем, кто бы сейчас не

хлопал? Незазорно было и рот открыть.

— Странно сие и сомнительно, — пробасил супруг. — Гайифцы в ереси плещутся, будто свиньи в грязи, но к Создателю в избранники прежде не набивались, на земле гадили. Откуда сия бумага, и можно ли ей доверять?

Бумаг у Бааты оказалась не одна и не две, и он им доверял: манифесты пересылали прознатчики, за которых казар ручался отцовской памятью, здоровьем сестры и собственной душой.

— Что ж, — подвел итог Бонифаций, — поглядим, что за чудо из павлиньего

яйца вылупилось, а пока займемся чем поближе. Дъегаррон говорит, корпус

гайифский Кагету покинул, Хаммаил же такого горя не пережил.

К этому разговору Лисенок был готов, мало того, ему было что предложить

взамен ну совершенно не нужной Талигу Йерны. Баата возвел очи к расписному

потолку и принялся благодарить за поддержку в трудный час и обещать, что он и

дальше, и всегда, и вообще...

— Я получил три письма из Гайифы, — словно бы нехотя признавался казар. —

Чиновники из приграничных провинций привечают крупных торговцев, а торговцы не знают границ. И пусть мне написали враги моих друзей, я прочел, ведь это могло быть важным не только для меня, но и для тех, чьим доверием я

горд!

— Не всякой дружбой можно гордиться, — отмахнулась алатка, непонятно почему вспомнив Хогберда с его пегой бородой и излишествами, хотя почему непонятно? Реснички у барона, конечно, подгуляли, а вот содрать с двух «друзей» четыре шкуры он умел. Баата, впрочем, сдерет все пять.

— Я счастлив, что мне удалось расположить к моей несчастной стране величайшего полководца нашего времени. — Лисенок вскинул голову, как хороший жеребец, и тут же якобы устыдился собственного порыва. — Мне безумно больно, что своими несчастьями моя страна обязана нестойкости моего

дорогого отца, не сумевшего дать отпор гайифскому и агарисскому вымогательству. Я чту и ожидаю, но я исполнен ненависти к тем, кто навязал

нам братоубийственную войну.

— Создатель нам врагов кормить и не заповедовал. — Бонифаций торжественно

поднял свой любимый палец. — Ибо нельзя лелеять и стадо свое, и волков, бродящих у дверей овчарни, а правитель, ставящий чужое вперед родного, мерзок. Чего чиновники гайифские просили и обрели ли рекомое?

— О нет... — Подобным голосом Хогберд сообщал о выкупе заложенных внуком

ценностей. За двойную цену, вестимо. — Они искали встреч со мной, ведь я —

брат Этери. Гайифцы столь встревожены, что, забыв о присущем им высокомерии, просили меня о посредничестве между ними и его величеством

Бакной. Разумеется, я отказался, объяснив, что бакраны движимы исключительно желанием помочь своим друзьям. Они бедны и не могут накормить голодающих Варасты, и они справедливы в своем решении взять хлеб и скот у виновных. Даже если бы я хотел, а я этого не хочу, я не удержал бы

сынов Бакры. Это по силам лишь варастийцам или же тем, кто может говорить

от их имени.

— И все это, — с невольным восхищением уточнила Матильда, — все это вы

передали «павлинам»?

— Я передал это кагетским негоциантам, привезшим мне послания из Кипары, Кирки и Мирикии, но не могу знать, как посланцы распорядились моими

словами, рискнули ли они вернуться в Гайифу или остались в Кагете. —

Украшенный старинным перстнем палец будто невзначай тронул манифест богоданца Сервиллия. — Если так, их можно понять. В Гайифе есть и честные

торговцы, и добрые эсператисты, которые просто хотят жить. Сейчас они зажаты между язычниками и еретиками, они ищут выход и не находят. Мне

жаль их...

— А вот сие, — одобрил Бонифаций, — богоугодно. Ибо негоже, чтобы малые

страдали за больших.

— Я не был самым смелым в нашем роду, — грустный взгляд казара скользнул

по дальним горам, — но теперь весь мой род — это я, и я не хочу

кровопролития. Регент Талига дал мне совет рассчитывать лишь на себя...
Что

ж, я рискнул встретиться с гайифским маршалом и объяснить ему, что Хаммаил

чужд Кагете. Не буду утомлять вас подробностями, и потом — какой мужчина

захочет признаваться в своем малодушии прекрасной женщине?

— Тогда, — разрешила прекрасная женщина, — не признавайтесь. Вы видели

маршала Капраса, каков он?

— Вы с такой легкостью произносите гайифские имена! — восхитился умник из

рода, носящего незамысловатое имя Хис-ранда-Ханда. — Мне они даются с

большим трудом... Да, я видел маршала Кабр... Капраса, он еще не стар, и я бы

не назвал его красивым. Опытный и, кажется, порядочный человек, он крайне

озабочен вражеским вторжением. Свою землю такой воин не бросит,

подумал я, и значит, корпус в Кагету не вернется. Я пообещал пропустить гайифцев через

свои земли и пропустил, а теперь испытываю тревогу. Маршал направлялся в

одну империю, но оказался в другой. Как у него сложатся отношения с новым

государем? Не причинит ли Сервиллий Карло Капрасу вреда? Не обвинит ли в

гибели Хаммаила? Я понимаю, вы удивлены, но у нас с Этери слишком мало

родных, а наша единокровная сестра отдала свое сердце чужеземцу. Я был потрясен...

— Твою кавалерию, я тоже! — не выдержала Матильда и поинтересовалась

судьбой переданного на попечение казара гайифского пленника. Казар развел

руками, потупился и сообщил, что пленник бежал, однако виновные уже наказаны. Очень строго.

2

Морисков можно бить, значит, не все потеряно! С этой мыслью Капрас засыпал

и просыпался, с каждым днем все больше уверяясь в конечной победе. Где сказано, что невозможное под силу одному Кэналлийскому Ворону? И кто знал

этого Ворона до того, как тот пристрелил туповатого генерала и отбросил почти

победивших гаунау? Только молодому Алве было проще — его сторону сразу же

принял временщик-кардинал. Оресту, тьфу ты, Сервиллию пришлось расчищать

себе дорогу самому, но с Коллегией на шее язычников было не остановить. Да и

мог ли третий сын императора удержать вояк, рвущихся отомстить за своего

командира и за поражения? А если даже и мог, времени не оставалось ни на

судейские выкрутасы, ни на болтовню — тут или император, армия и надежда, или Забардзакис, паркетные шаркуны и сожженная Паона.

Офицеры, те, с кем Капрас делился своими мыслями, думали так же, солдаты

знали ровно то, что им сказали, но победа окрылила всех. Корпус спешил, пренебрегая отдыхом и делая в день не меньше перехода с четвертью. Малый

Кипар миновали неделей раньше, чем думалось, и Карло ступил на гайифский

берег, ничем не отличимый от кагетского. Та же скрипящая на зубах белая пыль, выжженные курганы, несчастные источники, отмеченные обелисками, на которых

сидят то орлы-могильники, то пестрые коршунки. Первый окруженный

небогатыми усадьбами городишко лежал в полутора днях марша от

таможенного поста.

Вековые акации царапали выгоревшее небо, по улицам расхаживали нухутские

петухи и молочные козы, у церкви сидела одинокая нищенка, смуглая и сварливая. Это было забытое Создателем захолустье, где обитали неудачники и

куда высылали не потрафивших Семи Коллегиям. Таких, как Сервиллий Турагис, на которого свалили багряноземельскую неудачу. Будь у Карло время, он навел бы опального стратега, вряд ли тот в своем алычовом уединении

смог узнать о первой победе над сломавшими его карьеру морисками.

Повидаться очень хотелось, но позволить себе отлучку Карло сейчас не мог, пришлось ограничиться торопливым письмом — не написать было бы свинством закоренелым и окончательным.

Горела лампа, вокруг нее настырно вился туповатый мотылек, а Капрас едва ли

не с корнетской радостью пересказывал столичные вести и выражал уверенность, что новый император воздаст должное опыту и отваге.

Маршальская печать уже готовилась вгрызться в болотно-зеленый — цвет личной переписки — воск, помешал Агас, отчего-то вырядившийся в парадный

мундир.

— Что-то срочное?

— Не слишком. Прибыл субгубернатор Кипары, вы были заняты, пришлось встречать и устраивать на квартиру. Я действовал от вашего имени...

— Ну и молодец. Надо же, целый суб губернатор... Я думал, пришлют какую-

нибудь мелюзгу с предложением пожаловать к превосходительному.

— Мелюзга тоже есть, но из Мирикии. А что субпревосходительный явился

лично, так деваться ему некуда. Губернатор умудрился угодить в плен к дикарям. Когда его удастся выкупить, если вообще удастся, не ясно. Визитер

очень хочет получить должностишку насовсем, а для этого, сами понимаете...

Капрас понимал. Чиновнику, по милости бакранов оказавшемуся во главе немалой провинции, нужно и порядок обеспечить, и защиту от набегов наладить, и с беженцами управиться, и тут на голову валится корпус, который

велено снабдить всем необходимым. Вот и мчится бедняга на встречу, от которой может быть как польза, так и вред, причем взаимный.

— Что этот «суб» собой представляет? — хмуро уточнил Капрас. Мало того, что

козлятники невозбранно буянили в Кипаре, они как-то исхитрились уволочь

губернатора, на содействие которого Капрас изрядно рассчитывал. — Ты знал

его раньше?

— Не слишком. Субгубернатор страдал несварением и избегал званых обедов, а

других мест для встреч у меня не имелось.

— Несварение так несварение... — Маршал поставил-таки на письмо

печать и

поднялся. — Где имение Турагиса, знаешь? Пошли с курьером, а если недалеко, отвези лично. Мы тут дней пять простои́м, не меньше, а старика надо уважить.

— Я съезжу, — с готовностью согласился гвардеец. — У Турагиса я бывал, когда угодил в здешнюю дыру. На зиму стратег перебирается в Мирикию, но

сейчас должен быть здесь.

— А вообще-то он как?

— Не сказал бы, что хорошо. Пытается разводить верховых лошадей... то есть

лошадей он в самом деле разводит, и очень приличных. Бедняга решил считать

это достойным своей особы делом, но вообще-то ему тошно. Господин маршал, я бы просил вас обратить внимание на компанию из Мирикии. В том, что

тамошний губернатор прислал чиновника с письмом, ничего странного нет, удивляет другое. Чиновник мелкий, зато конвой — солидней некуда,

полуэскадрон под командой капитана. Бакранские налетчики сюда не

добирались, так зачем гонять пол сотни кавалеристов?

— Если превосходительный дурак, мог для почета.

— В том-то и дело. — Агас аккуратно вложил маршальское письмо в футляр. —

Губернатор Мирикии глупостью не страдает и пускать пыль в глаза не склонен.

— Значит, берегутся, — сделал неизбежный вывод Капрас. — К Турагису

поедешь тоже с полуэскадром, а посланца — ко мне. Прямо сейчас, пока кипарец с несварением не навалился.

Чиновничек был грузноват и многословен, как и доставленное им письмо, полное витиеватых, приятных, но пустых по смыслу оборотов. Соус, однако, не

мог скрыть кролика — превосходительный жаждал встречи с маршалом Капрасом, причем на земляк златоструйной Мирикии.

— Корпус только что проделал длительный марш. — Карло оперся руками на

застеленный картой стол. — Сейчас мы встаем на отдых, но я буду слишком

занят для поездки в соседнюю провинцию. Наши дальнейшие действия определяет полученный нами приказ.

— Воля Богодарованного Сервиллия свята, — торопливо провозгласил посланец, — но если выехать немедленно...

— Корпус я не оставляю, — отрезал Капрас. — Кстати, зачем вам такой эскорт?

— Господин маршал, я не мог подвергать риску послание его

превосходительства! — Чиновник понизил голос. — В стране неспокойно. Мы, как вам известно, подвергаемся нападению с двух сторон. Богомерзкие мориски

и дикари-бакраны мало того, что разоряют наши земли, их вторжение вызвало

поток беженцев...

Вот оно как, мориски с бакранами! С пятью десятками против армии

язычников

даже Алва не поперет, так что врет господин чиновник, как барышник на базаре, а вот беженцы — другое дело. Куда им бежать, как не прочь от побережья, только одни свое спасают, а другие чужое отобрать нороят. Но что ж это

должны быть за шайки, чтобы против них такие конвои выделяли?

— Мародеры? — деловито уточнил Капрас. — Где и сколько?

Чиновник развел руками. Он не знал, его делом было доставить письмо и убедить отважного Капраса приехать туда, где его ждут, ценят и жаждут помочь.

Лисенок предлагал взятки куда тоньше и остроумней, и Карло брал — корпус

нужно было кормить, а из империи приходили лишь приказы.

3

Красно-желто-черные бабочки-фульги, те самые, что сгубили казарского братца, во множестве расселись на замковой стене — казалось, цветут сами камни. А

вот примыкающая к серо-бурой кладке скала, по которой неровным зигзагом

тянулась лестница в пресловутую беседку, бабочек отчего-то не влекла. Как и

деревья, и кусты роз, барбариса и чего-то темно-зеленого, усыпанного

разноцветными ягодками. Садик был достаточно густым, чтобы укрыться от

зноя и чужих глаз, но не настолько, чтобы опасаться чужих ушей.

Отделенный

от больших садов невысокой, с несколькими проходами, оградой, он служил

убежищем избегавшей появляться на людях Этери. Лисичка дохаживала последние недели, и трепетно относящийся к здоровью супруги Барха боялся

дурного глаза. Будущий отец не считал себя вправе покидать гвардию и границу, но о жене в меру разумения позаботился. Принцесса гуляла не иначе как под

надзором тройки здоровенных бородачей и чуть менее бородатой карги с украшенным козлиными рогами шестом.

— Блиско они не подойдут. — Этери едва заметно улыбнулась. — И они понимают только свой язык...

— Они ничем не хуже придворных дур, — кивнула, вспомнив осаждавших ее в

Оллари куриц, Матильда. — Вы еще не устали?

— Нет, — кагетка покачала украшенной диадемой головкой, — я так рада, что

вы откликнулись на мое приглашение.

Не пожелай Этери видеть супругу его высокопреосвященства, пришлось бы напрашиваться самим. Бонифацию хотелось знать как можно больше, Матильде

— тоже, и рыбку решили ловить везде, где есть вода. Лисичка, пусть и беременная, разбиралась в братних вывертах лучше кого бы то ни было, а

братец зря время не терял, это явствовало из множества признаков. Озабоченные

приближенные, усиленные караулы, новые лица в замке, общая восторженность и

в то же время — радостное возбуждение.

— Когда мы уезжали, — вежливо начала алатка, — в Хандаве было как-то безопаснее.

— Наверное, — согласилась Этери. — Баата не любит неприятных дел и лишней крови.

— Лишняя кровь — та, которую можно не проливать сегодня, не рискуя пролить

стократ больше завтра, — припомнила Матильда. — Так говорил один...

— Эсператор? Да, конечно, вы же были эсператисткой... Как и я. Вам было трудно менять веру?

А она ее меняла? Меняют то, что имеют, только кому нужна скорлупа прошлогодних каштанов?

— Я была дурной эсператисткой.

Именно что дурной! Заповеди нарушала, постилась, лишь когда денег не было, у

костров богомерзких скакала, с еретиками и язычниками являлась, и ведь не

стыдно!..

— Не хотите покормить птиц? — Этери сняла с пояса расшитый бисером кисет.

— Это умиротворяет. Насыпьте немного на ладонь и ждите.

— Благодарю.

Гулять среди цветов и кормить птиц очень приятно — при наличии склонности к

подобному времяпровождению. У Матильды таковой не имелось, зато была необходимость узнать, что творится в казарии. Алатка послушно подставила

руку, порхавшие среди кустов пичуги сразу поняли, что к чему, — и началось...

Самым смелым оказался кто-то в желтой шапчонке, выхвативший свою долю

чуть ли не из мешочка; желтоголовика сменила пара крикливых чернышей и

какая-то краснохвостка. Пестрая прожорливая мелочь с писком и свистом

спешила со всего сада, но предпочитавшая лошадей и собак алатка не слишком

умилялась.

-Тр-р-р...

Некто крупный, с дрозда, и оранжево-черно-зеленый отпихнул жалко

пискнувший серый комочек и принялся глотать зерно за зерном. Улетать он не

собирался, какой проглот улетит, пока все не сожрано?! Острые коготки

царапали кожу, паршивец жрал, оставшиеся без подачи возмущенно галдели,

но отбивать свое кровное не спешили. Матильда сжала кулак, цапнув наглеца за

лапы. Пойманный обжора затрещал и забил крыльями, разномастная стайка

брызнула в стороны. Этери засмеялась и накрыла пленника рукой.

— Что это за тварь? — чуть смущенно спросила принцесса. — Лопает, как не в

себя, а другие — смотри.

— Пш-ш-ш-хр-р-р-вшиш-шк, — прокашляла Этери и перевела: — На талиг это

будет... что-то вроде «гордый зеленоштанец».

— Гордый? Гордые на дармовщину не кидаются, так что на талиг он будет...

Карлион! На зеленоштанного согласна. Куда его, такого красивого, девать?

— Мне он не нужен, — отеклась от «Карлиона» Этери.

— Я тоже не кошка.

Матильда разжала кулак. «Пш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш» сорвался с места и тяжело — то

ли от обжорства, то ли от пережитого потрясения, запорхал к зарослям. Кагетка

поморщилась и высыпала все, что оставалось в мешочке, наземь.

— Немного устала, — призналась она. — Дальше, у лестницы, есть скамья...

Мы там отдыхали с герцогом Алва, когда он меня провожал. Вы не знаете, где

он сейчас?

— На севере, — не совсем соврала Матильда, успевшая себя убедить, что

Ворон

со скотиной Валме добрались, куда хотели, и ничего с ними не случилось. Ну, прошли дорогой покойников, они еще и не то вытворяли!

Этери в ее положении об исчезающих фресках думать было незачем, но Лисичка

раз за разом наводила разговор на синеокого кэналлийца. Матильда уезжала под

невинные расспросы, прошло без малого два месяца, а будущая мать при трех

стражниках и старухе с рогами по-прежнему вздыхала о пристрелившем папеньку красавце. В казарском семействе к убийцам ближайшей родни вообще

относились с нежностью.

— Вот моя скамья. — Лицо кагетки стало мечтательным. Положи она руку на

живот, это б не удивляло, но женщина гладила нагретое солнцем дерево. — Это

место обмана, но я его люблю... Я смотрю на лестницу, на горы, на туман и думаю: здесь что-то должно произойти. Что-то главное, красивое, а оно все не

происходит, только сменяется стража, только уходит лето, как до этого ушла

весна, а я остаюсь...

— И долго это продолжается?

— Я не считала, наверное, я всегда ждала. Однажды меня увезли, чтобы вернуть

вместе с замком, и я опять жду. Смотрю, как сменяется стража, и жду... К брату

кто-то пришел.

— Разве казар наверху?

— В беседку поднимаются, только когда он там.

Полноватый, средних лет человек, судя по одежде — даже не казарон, взбирался

по лестнице, иногда делая передышки. Еще двое топтались на площадке, где

Бонифаций оставлял своих адуанов. Не воспользоваться таким поводом

Матильда не могла.

— Гость не похож на кагета.

— Он одет как торгующий в Гайифе, а сабли перед встречей с казаром снимают.

Третьего дня из Паоны вернулся человек, служивший еще отцу, брат им недоволен.

— Врет?

— Слишком много хочет за свои услуги, только Баата никогда не платит дороже, чем оно стоит.

— Всегда?

— Другого я не помню, но когда платят тобой, становится грустно. Давайте

поговорим по-алатски, не хочу забывать ваш язык, пусть он мне и не

пригодится.

Старик Турагис был тронут, о чем с присущей ему прямоотой и отписал.

Доставленное Агасом послание с трудом умещалось на семи листах не слишком

дорогой желтоватой бумаги и было заляпано свечным воском.

Насидевшийся с

жеребцами и кобылами полководец явно всю ночь разбирает сражение у Белой

Собаки, хотя не знал даже, сколько у кого было людей. Что ж, воя от

одинокости и ненужности, не заметишь, как начнешь к стремени

пририсовывать лошадь. Капраса воспроизведенный из ничего бой заставил

разве что пожать плечами, а вот про морисков, их привычки и хитрости маршал

перечел трижды. Потом — береженого и Создатель бережет — смял и сжег

последний лист, где бывший Второй Доверенный стратег его величества

выражал сомнения в способностях и совести императора, которого настойчиво

величал Орестом. «Я не верю, что из этого засранца вышел толк. В девятнадцать

он уже был порядочной дрянью, сейчас, надо думать, протух окончательно...»

— Старик не готов вернуться к армии, — подал голос Левентис. — Он был

обижен, а за время ссылки из обиды выросла ненависть. Турагис желает

морискам сожрать императора и обломать зубы об кого-нибудь другого.

— Об кого? — Капрас сунул в огонь и первый лист, а от второго оторвал верх, оставив лишь описание язычников. — Об нас или сразу о Ворона? Вот ведь

бацута мстительная, Забардзакиса ему мало!

— В ссылку, — напомнил Агас, — его отправлял не Забардзакис.

— Ну и что? — Дивин, скорее всего, уже в Рассвете, хотя об этом проще не думать. — Может, хватит считаться?

— Господин маршал, это очень трудно. Меня ссылка спасла, а

превосходительный и вовсе был как добрый дядюшка, и все равно зло брало.

— Так и меня брало, — признался Капрас, — но ведь не время! Да хоть посади

себе Ор... Сервиллий четырех кошек на плечи, лишь бы мориски за море

убрались! У Ламброса мать в Неванте, он о ней говорить и то боится, и не он

один... У Додузы жена в Паону к родне собиралась, да и Василис вспоминал про

сестер в столице.

— Вы правы. — Левентис кашлянул и поправил шейный платок. — Господин

маршал... Я понимаю, это не мое дело, но мы не так далеко отошли от Кагеты.

Может быть, все же имеет смысл отправить госпожу Гирени под

покровительство ее единокровного брата? Или хотя бы на запад, к моим

родным?

— Я помню, что женщина при армии может находиться лишь по высочайшему

дозволению, но это мало кому мешает... — Другое дело, что скоро в самом деле

идти в огонь. — Я подумаю. Признаться, я рассчитывал на превосходительного, потому что в Кагету Гирени не хочет.

Гвардеец едва заметно поднял бровь. Еще бы, маршал, и оглядывается на желание приبلудной девчонки! Сунуть в мешок и отправить к братцу, раз уж

Лисенку пришла блажь назваться таковым... Капрас и сам бы так считал, волокни

с собой плаксу кто-нибудь из офицеров.

Мысль о мешке и казаре потянула за собой другую, столь очевидную, что

Капрас едва не хлопнул себя по лбу.

— Агас, — велел маршал, — разыщи Пургата. Объясним ему, что Хаммаилу

конец, и мы отправляем его с двумя провожатыми на тот берег. Провожатым, как

вернутся, приплатим.

Носатое несчастье нашлось сразу же, явив себя во всей своей красе.

Придурок топал ногами, потрясал кулаками, грозно шмыгал носом и орал, что

ему назначена встреча с императором и он, Пургат, не позволит себя остановить.

— Я — гост ымпэратора! — бушевал казарон. — Он мэна ждот! Я ему буду

гаварыт важное, а вы далжны мэна праважат! Хаммаил подыхал?! Сабаке сабач'а смэрт, я плуну на его магылу, кагда я вырнус, а кагда я вырнус? Я магу

захотэт астатса с ымпэратором, если он будэт мнэ нравытца! Пачэму мы стаим, кагда нас ждуг?! Пачэму не мчымся впэрод?!

— Потому что корпус должен отдохнуть.

— Ест прыказ ымпэратора правадыт к нэму мэна!

Кагет упер руки в бедра, оранжевое одеяние натянулось, и Капрас увидел, что

спасенный, сидя в Гурпо, успел нагулять себе брюшко. Вот и жрал бы дальше.

Молча.

— Его величество Дивин умер, — попробовал достучаться до казаронских мозгов маршал. — Его величество Сервиллий тебя не звал. Возвращайся домой, казнь тебе больше не грозит.

— Плэвал я на казн! Плэвал и какал! Хаммаил мэна баялся, он был трус! И ты

— трус! И паганый Баата. Я нэ аставлу ымпэратора, на катораго напалы врагы!

А еслы вы сэлы тут ждат, дайтэ мнэ сабак! И мнэ нужно новойе платйе для ымпэратора! Я нэ хачу ьдти к нэму в старом, я трэбуйу мундыр как твой.

Капрас зачем-то тронул помянутый мундир и распорядился:

— А ну выкиньте-ка его к кошкам.

Поднаторевшие в вышвыривании кагетского сувенира адъютанты выполнили

приказ даже без смешков. Спасенный от верной смерти дурак отправился
восвояси браниться, лопать и спать. Отправился жить. А приговоривший
его

человек был убит вместе с женой и детьми, которые уж точно никому не
успели

причинить зла. Справедливым это Капрасу не казалось, как не казалось
правильным носиться со своими обидами.

— Карла, — пискнуло из-за двери. — Карла... Мы с деткой ха-тим тэба
видэт.

Могу?

— Можешь, — разрешил маршал. Беременную дурешку следовало
отправить

если не к Лисенку, то к Левентисам, но расставаться с кагеткой Карло не
хотел, сейчас он это понял с пугающей отчетливостью. Как и то, что
держат Гирени

при себе и дальше — преступление.

5

Этери хотела говорить об Алве, Матильда — о фортелях Бааты, но
Лисичка, как

ей и положено, петляла, переводя становящийся слишком откровенным
разговор

то на так и толкующуюся на нижней площадке пару, то вообще на тергачей.

— Я забыла поблагодарить вас за подарок, — припомнила кагетка после
очередного неудобного вопроса. — Бакраны не трогают птиц и зверей,
подающих плоды абехо, а я давно мечтала о синем платье, отороченном

черными перьями. Мне вряд ли придется его часто надевать, но иногда приятно

просто иметь.

— Мне больше нравится выбрасывать и раздавать, — вспомнила сундуки

Альберта Матильда. — Баата — заботливый брат, знай он о вашем желании, его

«барсы» давно отправились бы на охоту.

— Только не на тергачей! По мнению бириссцев, убивая столь глупое создание, перенимаешь его глупость. Вы знаете, что в тергачином выводке на одну

курочку приходится с десятков петушков?

— Шеманталь говорит, они иначе бы вымерли.

— Но он вряд ли знает легенду о том, откуда они взялись. — Этери поморщилась и тронула диадему. — Давит...

— Ну так снимите.

— Тугой обруч не то, что я не смогу перенести... Так вот, у саймурского царя

было две дочери: одна выросла красавицей, вторая была, как сотни других.

Конечно, она страдала и завидовала сестре, на которую заглядывались даже

звезды. Конечно, она мечтала о мужском обожании и женской ненависти, сестра

же ждала великой любви и не замечала тех, кто был рядом. Царь хотел быть

справедливым. Если одна, решил он, получила красоту, то царство надо

отдать

второй. Оставалось найти сестрам достойных мужей, но как из множества женихов выбрать того, кто сделает счастливой женщину, и того, кто не делает

несчастной страну? Удрученный отец был язычником и не знал о Создателе, а

демонов чтил как богов; он воззвал к ним, и сперва не случилось ничего, а потом у дворца остановил коня чужеземец. Если б я говорила о нем, мне пришлось бы описать герцога Алва, но я говорю о тергачах. Царь понял, что

прекрасный странник послан в ответ на его моление, только которой из дочерей?

В золотой сосуд положили два яблока — красное и зеленое, и предложили девушкам выбрать. Каждая взяла по яблоку, но демонам нравится шутить — оба

плода оказались...

— ...вш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-пр-р-р-р! Хыр-р-рушквау! Бацута!!!

Вопль шел сверху. Матильда вздрогнула и задрала голову.

Ровно посреди лестницы бесновался давешний казарский гость. Глядя вверх, на

беседку, он махал руками и вопил, будто дурной актер. Потом картинно плюнул

себе под ноги, повернулся и продолжил спуск. Телохранители казара проводили

его сумрачными взглядами, но с места не сдвинулись.

— Твою... Что это с ним?

Матильда перевела взгляд на нахмурившуюся Этери, потом вновь уставилась на

одуревшего толстячка. До площадки перед лестницей он добрался по-человечески, но, очутившись лицом к лицу с топтавшейся там парочкой, вновь

разбушевался. Отчаянно жестикулируя, кагет яростно кивал на беседку, двое

других тоже позадирали головы, как показалось алатке — с весьма вызывающим видом, но этим и кончилось. Толстяк погрозил беседке кулаком, и

троица, повернувшись к ненависти задом, собралась уходить.

— Мне очень неприятно вам... — начала Этери, но ее слова утонули в треске, будто где-то пинком выбили дверь, а может, так оно и было — примыкавшую к

скале стену замка загораживали кусты.

Орава воинов с обнаженными клинками вывалилась из-за живой изгороди многоруким неистовым ураганом. Багрянец, седина, пара пятнистых шкур на

плечах вожаков, перекошенные от ярости рты. И это вечно щеголявшие каменными рожками бириссцы!

На площадке казарские головорезы замерли, будто их осадили незримые всадники. Ненадолго. Долю мгновения помедлив, седуны молча, без единого

возгласа или команды, бросились на троих у лестницы. А те при виде

«барсов»... развернулись им навстречу, потрясая саблями и галдя!

Кажется, Этери схватила Матильду за руку. Кажется, сзади свистнули.

Кажется... Алатка, дрожа сразу от страха и ярости, подалась вперед, к доходившим до пояса кустам, за которыми творилось Леворукий знает что.

Бириссцы налетели на непонятную троицу, будто ими пальнули из пушки. Не

было ни неспешного окружения малочисленных неприятелей, ни выжидания

удобного момента. Стремительный бросок, на вскинутых и опускающихся саблях вспыхивает солнце... Всего несколько ударов сердца — и «барсы» смыкаются над упавшими, продолжая неистово рубить неподвижные тела.

Чужой стон, вцепившиеся в плечо тонкие пальцы.

Всё? Нет! Упали только двое, а третий, заводила, непостижимым для купчишки

образом прорвав багряное кольцо, с маху перескочил через изгородь и оказался

в паре шагов от Матильды. И от вцепившейся в алатку беременной Этери.

Выправляясь после прыжка, кагет присел, но тут же распрямился, быстрым

взглядом окинув озаренный солнцем цветник.

Он был неподвижен лишь миг, Матильда толком не разглядела ни одежды, ни

оружия, ни лица. Только глаза — белые от ярости, и еще — стекающую по щеке

кровь.

Сердце заходилось, будто она катилась с ледяной горы. Алатка успела сорвать

тяжелый — золото как-никак — пояс-цепь и толкнуть Этери себе за спину.

Сумасшедший перехватил поудобней залитую алым саблю и, махнув

рассеченным рукавом, сорвался с места. Не на них... Он бежал вправо, к дальней

калитке... вернее, хотел бежать.

— Бакр-р-р-ра-а!

Стражи Этери, в отличие от седунов, не молчали. Ревущие бородачи пронеслись

мимо с резвостью своих козлов. Беглеца перехватили уже на втором шаге; удар

сабли старший принял на свой окованный железом посох, отведя клинок, а его

подручные, зайдя с двух сторон, воткнули кинжалы, один в бок, второй — в живот потерявшей возможность защититься добыче.

Кагетку Матильда загородила, но хруст, с каким широкие лезвия вспарывали

плоть, слышали обе, не могли не слышать. Безумец судорожно дернулся, из распахнутого рта вырвался полустон-полувовай, и тут выдернутые из ран

кинжалы снова впились в тело, а навершие посоха обрушилось на

запрокинутую голову, дробя череп. Стон оборвался, но прежде чем мертвец

растянулся на цветочном ковре, ему досталось еще с полдюжины ударов.

Мясорубку оборвал шорох и глухие шлепки — через ограду один за другим прыгали бириссцы, и Матильда не взялась бы сказать, какие физиономии злей

— бритые или с бородами. Впрочем, вид искромсанного трупа успокоил и тех, и

других.

— Идем. — Алатка подхватила Этери под руку и поволокла по дорожке мимо

спешащей навстречу карги с рогами и очнувшихся наконец охранников-кагетов.

— Будем надеяться, до них дойдет первым делом... прибраться.

Глава 8

ТАЛИГ. АЛЫГ-ВЕЛЬТЕР

ГЁРЛЕ

400 год К. С. 14-й день Осенних Скал

1

Надзирающий над кухнями был озабочен, и Мэллит поняла, что причиной тревоги стал хлебный нож.

— Эмилия, — спрашивал старший, — ты точно знаешь?

— Да уж знаю, — откликнулась та. — Чего мне там резать? Все нарезано уже!

Ларь бы отодвинули, за ним только кошек нет.

Ларь, огромный, расписанный облупившимися красными цветами и серыми, как

мышь, птицами, гоганни помнила. На нем младшие слуги вопреки суровым

запретам оставляли грязную посуду и фартуки. И еще на нем сидели, когда не

хватало скамей.

— Не найдется к ужину, — решил старший, — отодвинем.

— Да когда он пропал-то? — Нареченная Эмилией залила кипятком смесь трав

и сушеных ягод, которую здесь пили все. Мэллит этот обычай нравился, но девушка предпочитала черные ягоды, а сегодня были красные, чей запах напоминал мокрую шерсть.

— Когда пропал, говоришь? А Леворукий его знает! — Надзирающий покосился

в сторону Мэллит, и гоганни принялась набивать гусиную тушку рубленой печенью, пережаренной с мукой, луком и травами. — Я бы и не беспокоился, если б она по нижней галерее не бродила.

— Она не может смирно сидеть, — вздохнула Эмилия, — а в сад под дождем не

выпустишь, вот госпожа и велела отвести на галерею. Только мы с благоверным

приглядываем, да и не станет она за нож хвататься...

— Что да, то да, — согласилась следящая за посудой, — если кто знает, нож ему

ни к чему.

— Все равно найти надо. — Надзирающий посторонился, пропуская

уносящую

отвар. — Мало ли...

Нож гоганни вернула перед обедом, протиснув в щель между стеной и ларем, а

вечером пропажу «нашли» среди пыли и того, что упало прежде. Мэллит видела

фруктовые косточки, пуговицы, останки зловредных кухонных жуков, которых

отец отца травил раствором змеевника, одинокий, как луна, чулок и серьгу с

желтыми камушками.

— Я же говорила, найдется! — торжествовала Эмилия. — Она, бедняжка, больше языком молоть!

— Кто бы мычал, а ты б помолчала, — укорила старшая подавальщица, но не

она была в этот час громче всех.

— Магда, подлюка! — Прекрасная, будто спелый абрикос, гладильщица

подбежала к подруге, и пальцы ее были скрючены, как у когтящего цыпленка

коршуна. — Так это ты тут... чулки теряешь... С чужими бычками...

— Цыц, вы! — велел нареченный Губертом, но Мэллит уже не слушала — это

ведь так правильно: уйти, когда случается некрасивое. Слуги искали нож, но

запомнят ссору.

Злоба забывшей себя гладильщицы гоганни не занимала, девушка думала о словах Эмилии и тревоге надзирающего. Та, что не брала нож, «знала»... В

Хексберге Мэллит поняла: «знать» для женщин севера означает колдовать, именно этого гоганни и боялась! Слова, сказанные среди тростников, звенели в

душе до сих пор, но у слуг лишь одна госпожа... Выходит, променявшая свое сердце на шестнадцать смертей — не первородная Ирэна?! Люди Талига так

похожи...

— Мелхен, — сказала нареченная Юлианой, — что-то ты у меня бледненькая

сегодня. И губки дрожат. Что случилось?

— Девушка на кухне стала бить другую, и я ушла.

— Глупышки, — покачала головой роскошная. — Это мужчины должны из-за

нас драться, хотя я никогда не давала Курту повода. Никогда! Мы

познакомились, и я в тот же вечер послала всех своих кавалеров — а они у меня

были, можешь мне поверить — к кошкам.

— И они пошли? — спросила Мэллит, чтобы не молчать.

— Пошли. — Любящая прижала гоганни к себе. — А что им оставалось?

— Ничего, — прошептала гоганни, понимая, что сейчас услышит о былой радости и вновь не отведет беду. — Я... Слуги говорят странное. Они искали

нож и боялись, что его взяла... Она опасна и полна зла!

— Ты опять? Я же объяснила тебе, что Ирэна не способна ни на зло, ни на слезы. На разумный поступок, впрочем, тоже. Додумалась запереть себя в этом

рыбном садке!

— Я больше не ищу зла в хозяйке, — признала свою ошибку гоганни. — Нужно

узнать, кто гуляет в галерее, когда идет дождь, и желает дурного.

— Узнать? — Вздох роскошной был глубок. — А ты разве не знаешь? Ирэна

опекает свихнувшуюся сестру и делает это по-дурацки. Похоже, в этой семье

весь разум достался маленькому полковнику.

— Сестру? — Конечно же! Пока Борнов было двое, Мэллит различала их, лишь

когда братья были вместе. — Я не знала, что у озерной госпожи есть сестра.

— Ой, девочка... То, что знают все, каждый день не повторяют. Ты рассказала

Чарльзу, что у меня есть племянники?

— Ни... Нет.

— А почему?

— Я не думала, что это нужно.

— Вот именно. Зачем говорить о том, что всем известно и не радует? О своих

бедах жужжат лишь мухи, потому они так докучливы.

— Тут живет зло. — Почему, ну почему они не слышат и идут к обрыву?! — Я

ошиблась в имени, но сестра Ирэны...

— Ее зовут Габриэла, если я не путаю. — Нареченная Юлианой зевнула и поправила шаль. — Бедняжка сошла с ума, когда муж у нее на глазах застрелил

старшего Савиньяка. Подлец, хоть бы в сердце бил или в голову, а он в живот!

Или рука дрогнула?.. Жену он тут же к отцу отправил, только она уже в мозговой горячке была. Болтали, будто это выдумка покойного Вальтера, который не хотел, чтобы его дочь допрашивали... Чушь, причем злобная! Герцог

Ноймаринен вдову видел, он и устроил так, что ее под опеку семьи отдали, благо Борн не отпирался. Хоть на это совести хватило.

— Она — жена убийцы, и она может творить беду!

— Да не умеет она ничего! У моей матушки повар был, он себя петухом вообразил, от всех бегал, боялся, что сварят, ну а Габриэла вбила себе в голову, что умеет колдовать. Зрелище неприятное, что и говорить, мне в моем

положении и впрямь лучше не смотреть, ну так Ирэна к нам ее и не пускает.

2

Появление Проэмперадора радовало уже тем, что Ойген нашел, на кого обрушить свои рассуждения. Если б эти двое в своих изысканиях еще

обходились без генерала Ариго! Того же мнения придерживался и второй Савиньяк, после прибытия брата ставший для Жермона просто Эмилем.

Западная армия спешно готовилась к перемирию и еще к чему-то скверному, о

чем даже думать не хотелось. Ждали Придда, новостей из Южной Марагоны, докладов от Айхенвальда с Фажетти, и еще ждали ответа Бруно. То, что не такой

уж сильной, несмотря на подошедшие подкрепления, армии нужна передышка, Ариго понимал. Про Излом и бунт в Оллариин он тоже понимал, пусть и меньше, но сама мысль договариваться с «гусьями», не поквитавшись за Мельников луг, вызвала отвращение. Вот сбив с фельдмаршала спесь, можно было б и

разойтись. До весны.

— Герман, — окликнул Ойген, — ты летаешь в облаках, как орел, но ведь ты

леопард, а мы уже на месте.

— Прости, задумался. — Ариго принялся расстегивать пуговицы. Близнецы уже

вовсю разминались, украсив опрятный забор маршальскими мундирами. — Не

знаю, кто из нас двоих бергер, только отпускать Бруно, не отлупив... Я понимаю, так нужно, но чувствую себя предателем.

— Полностью разделяю твою досаду, — возвестил барон, — тем не менее чувствами порой приходится поступаться. Сегодня у тебя будет непростой противник, хотя удовольствие ты получишь. Еще одним удовольствием будут

последующие булочки со сливками, подумай о них и развеселись.

— Вы с Савиньяком любой завтрак испортите, — Ариго вытащил шпагу. —

Вчера ты выиграл уверенно.

— Маршал Лионель долго не тренировался, но в случае продолжения боя моя

победа выглядела бы не столь убедительно. Если б она вообще была. Удачи, Герман.

— Удачи.

Мысль об утренних тренировках осенила Ойгена, решившего, что вид

фехтующего начальства поднимет дух подчиненных. Эмиль не только

согласился с этим, но и присоединился, прибывший Лионель тоже взялся за

шпагу. Его первым противником стал брат, затем — Райнштайнер, сегодня пришел черед Ариго.

— А прохладно, — вместо приветствия заметил Эмиль. — До четырех? Или до

шадди?

— Лучше зависеть от времени, чем от случайности, — выбрал бергер. — За

столом нам предстоит важный разговор, а после завтрака назначена проверка

артиллерии. Завтрак следует начать в срок.

— Не возражаю. — Проэмперадор отсалютовал шпагой. — Приступаем?

Бывший подросток из Сэ в самом деле оказался трудным противником, и,

пожалуй, он дрался лучше брата. Жермон успел перепробовать многое из того, что отрабатывал с Ойгеном, получалось просто отлично, только Лионель либо

вовремя парировал атаки, либо уклонялся от них. При этом Савиньяк почти не

атаковал сам... Почти. Жермон едва успел отвести неожиданный и быстрый выпад, а шанса на контратаку ему не дали. Они уже несколько минут кружили

по бывшему току, без толку стуча шпагами, и это не было так уж весело, это

начинало злить, словно ты дрался с собственным отражением или, того хуже, сам стал отражением белокурого противника. Разве можно обмануть и достать

клинком самого себя? Разве можно пропустить подобный удар? Старые защиты, новые... Стать Приддом... Вальдесом... Райнштайнером. Да, Райнштайнер

победил. Вчера — и потому, что все вышло слишком быстро. Двойной финт...

Как же, пропустит он! Обработка клинка. Сорвалось. Ложное отступление, так

мы и поверили... Сейчас перебросит шпагу в левую? Так и есть, перебросил! И

тут же отшагнул назад.

— Ариго, вы ведь знали, что я сделаю?

— Что... Разрубленный Змей, да, знал!

— А я знал, что будете делать вы. Барон, Эмиль, прервитесь-ка!

Первым, само собой, вышел из боя Райнштайнер, на физиономии которого читалась живейшая заинтересованность. Вот Эмиль, тот явно предпочел бы

продолжить схватку.

— Если я правильно понимаю, — предположил бергер, — произошло что-то

важное.

— Не произошло, происходит. Господа, мы с генералом Ариго предугадываем

намерения друг друга. Вчера ближе к концу схватки мне показалось, что я знаю, что предпримет барон. Прежде за мной подобного не водилось даже во время

тренировок с братом.

— У меня и сейчас не случается, — отмахнулся Эмиль, — и я что-то не заметил, что Райнштайнер меня раскусил.

— Нет, — подтвердил Ойген, — но я обратил внимание, что с некоторых пор мы

с Германом угадываем движения друг друга. Я отнес это на счет пройденного

нами обряда. Кроме того, я, хоть и не столь четко, чувствовал намерения

адмирала Вальдеса, а он — мои. Нам следует немедленно убедиться в нашем

открытии.

— Меняемся, — подмигнул Эмиль, и клинки вновь застучали, но это уже не был

бой с зеркалом. Жермону пару раз почти удалось обмануть противника и

самому

буквально в последний момент отвести весьма коварный удар маршала. До четырех уколов драться пришлось бы долго. Бой опять прекратил

Прозэмперадор, но отчета потребовал Ойген.

— Как всегда, — честно сказал Жермон. — Хотя... Мы так и не задели друг друга.

— Ну удружили! — фыркнул Эмиль. — Не думал, что чего-то там продвину —

дрался, как человек. Теперь знаю, и половина удовольствия кошке под хвост.

— То есть, — уточнил барон, — вы и Герман чувствуете друг друга?

— Пожалуй, да... Хотя до зеркала далеко.

— Приходится признать, — Райнштайнер повысил голос, — что граф Савиньяк, ты, Герман и я неким образом связаны, и это проявляется во время напряжения

наших сил как телесных, так и духовных. И еще я бы очень хотел знать, что каждый из нас видел сегодня во сне. Лично мне казалось, что я еду зимним лесом верхом на рыси, что невозможно не только потому, что рысь не поднимет

человека, но и потому, что их спины слишком гибки для верховой езды.

— Я видел отца, — коротко бросил Савиньяк. — И горы. Ветровую гриву.

— А я не видел ни гор, ни леса, — отмахнулся Эмиль.

— Разумеется, — пожал плечами его брат, — ты видел даму, и, возможно, не

одну.

— А мне и сказать нечего, — развел руками Ариго. — Если я что и видел, то

забыл. Зато, когда меня ранило, я говорил с ежом, а когда мы с Ойгеном встречали Зимний Излом, мне привиделся уезжающий всадник.

— Герман, — лицо бергера стало укоризненным, — этого ты мне не говорил.

— Говорил! — возмутился Ариго. — Еж был маленьким, и он назвался Павсанием. Были еще ежи, здоровенные, на них везли пушки. Эти молчали.

— Ты не рассказывал про всадника.

— Продолжим за столом. — Эмиль кивком указал на приближающегося порученца. — Как-то мы сегодня быстро управились.

— Да, — согласился Ойген, — мне тоже казалось, что еще рано, но теньент

Кальперадо всегда точен.

— Мой маршал, — точный Кальперадо щелкнул каблуками, — я позволил себе

вас прервать. Прибыл капитан Давенпорт, у него дурные новости. В пятый день

Осенних Скал в своем поместье утонул генерал фок Гирке.

— В том, что Давенпорт прибыл к нынешнему завтраку, есть глубочайший смысл. — Савиньяк взял с забора мундир за мгновение до того, как это сделал

бы порученец. — Что ж, придется признать, что у нас есть определенные

странности. И не у нас одних, за капитана Давенпорта, по крайней мере, я ручаюсь... Гирке — это серьезная потеря?

— Я бы назвал ее ощутимой и несвоевременной. — Райнштайнер выглядел недовольным, словно Гирке самовольно отлучился, нарушив тем самым диспозицию. — Кроме того, я назвал бы ее странной.

3

Раз в Озерном замке думают, что ей все известно, можно смело спрашивать.

Женщины любят сплетничать, это говорил еще отец отца. Они — женщины, они

будут болтать, и что-то да откроется. Мэллит кончила натирать мясо смесью

трав и соли и отправилась сполоснуть руки.

— А почему госпожу Габриэлу пускают на башню? — Гоганни посмотрела на

поливавшую ей женщину. — Она может упасть и разбиться.

— Она туда не ходит, — спокойно объяснила служанка. — Хозяйка не дает.

— Но я видела. — Мэллит взяла полотенце с жесткой вышивкой. — С моста.

Госпожа Габриэла поднимала руки к небу, как будто молилась.

— Змею такие молятся... — Женщина торопливо оглянулась. — Правду сказать, барышня, это Эдуард гадюку выпустил. Болван ее девчоночкой на лошадках

катал, вот слюни и распускает, а та и пользуется. Дурочка-то дурочка, но как из

кого веревки вить, соображает. Эдуарда кто только не ругает, жена первая, толку-то... Да и госпожа туда же!

Болтливая вздрогнула и заговорила другим голосом:

— Так говорите, барышня, тмина поболе?

— Да, — так же громко подтвердила Мэллит, поняв, что они не одни. — И белого перца.

Все подтвердилось. Это нареченная Габриэлой угрожала небу! Это она бродит у

воды, и это она сулила смерть брату. Брат не верил, только он еще не знал о

новой беде, а творить волшебство может и безумица. Запятнать белую ткань легко, трудно вывести пятна, но всё сотворенное человеком человек и исправит. Если

на то будет воля Кабиохова и благословение Его сыновей.

Подниматься на стены гостям не мешали, и Мэллит отыскивала место, где стояла

первородная Габриэла. Там не было ничего, кроме сырого камня, и девушка

побрела прочь от зубца к зубцу, вспоминая страшные слова и страшные глаза.

Слишком много смертей пришло в дом повелевающих Волнами, чтобы не

верить ненавидящей! На войне убивают, это так, но жена мятежника враждебна

тем, кто верен власти, а потерявшая мужа страдает, видя чужую радость.

Первородный Валентин еще не любил, его сестра не знала счастья, и Габриэла

залила чужой костер. Нареченный Куртом погиб, но злобная не насытилась и

погубила графа Гирке. Мужа печальной Ирэны выманили из дома, он шел, не

разбирая пути, и упал в канал. Остальное довершили рана и холодная вода.

Возле самых башмаков вспорхнул голубь. Не такой, как в Агарисе и Ракане —

серо-сиреневый, маленький, с черной петлей вокруг шеи. Мэллит вздрогнула и

очнулась — оказывается, она была уже над садом. Внизу пестрыми змейками

вились дорожки, светлели поляны и зеленели груды еловых веток, ими по

приказу хозяйки укрывали уснувшие цветы. Гоганни немного посмотрела на

работников и двинулась дальше. Она ничего не искала и ничего не ждала, когда

заметила внизу двух женщин. Плащи скрывали фигуры, но кто мог войти в

желтую липовую галерею, если не нареченная Габриэлой и приставленная к

ней?

Девушка подняла глаза к облакам, за которыми угадывалось солнце, но понять, который час, не смогла. Ждать не имело смысла, только Мэллит ждала и была

вознаграждена. Из двоих ушедших одна вернулась, и вряд ли это была госпожа.

Гоганни бросилась вниз, и ей четырежды повезло — нареченная Эмилией

пила

на кухне отвар из ягод, а старшая над подавальщицами ее куда-то зазывала.

— Только до сумерек, — Эмилия поставила пустую кружку на стол, — а то мне

мою козу загонять надо.

Женщины засмеялись; они не заметили Мэллит, и это было второй удачей.

Теперь девушка знала, что первородная Габриэла одна в нижнем саду и до сумерек за ней не придут.

Решение вновь увидеть и навсегда понять пришло сразу. Запертая калитка в конце галереи подтверждала — опасная здесь; знакомый дуб подставил плечи, а

башмаки Мэллит, пожертвовав головной лентой, связала и повесила на шею. С

цветников доносились голоса — садовники продолжали накрывать растения.

Работа прервется лишь в сумерках, но в нижнем парке цветников нет.

Шуршал под ногами гравий, чертили по небу крыльями вороны, копошились и

свистели в кустах Маленькие разноцветные птицы. Мэллит увидела рыжего

хвостатого зверька — он висел на стволе вниз головой и смотрел на гоганни

черными глазками. Жизнь, как могла, отвлекала от смерти, но девушка только

ускоряла шаг. Она знала, о чем спросит, она помнила дорогу и

остановилась

лишь на пороге лабиринта, чтобы тронуть висевшую на шее звезду и попросить

помощи. Чьей? Если бы Мэллит знала...

Тростники еще не поникли, однако прежде зеленая стена стала блекло-ржавой.

Она тихонько шуршала, будто уговаривала вернуться, не трогать, не знать... Где-

то здесь нашли графа, чьего лица Мэллит не помнила. Хозяин Озерного замка

был хорошим человеком, о нем жалела роскошная, его будет не хватать полковнику Придду. «Маленькому полковнику»... Почему овдовевшая так сказала, ведь нареченный Валентином высок и силен? Как хорошо и как важно

иметь сильные руки и владеть оружием!

Вновь тронув дар воина Дювье, гоганни пошла дальше, сожалея о

возвращенном на кухню ноже. Сухой шепот стал громче, он окружал девушку

со всех сторон; казалось, каналы наполняет он, а не скрытая от глаз вода, и тем

резче и злей прозвучали из тростников голоса. Мэллит не сразу сообразила, что

говорят на такой же тропе по ту сторону шуршащей полосы. Две женщины спорили, и гоганни поняла, кто они.

Ветер доносил лишь отдельные фразы, сказанные громче других, но уста

часто

лгут, а сердце правдиво. Мэллит чувствовала главное: первородная Габриэла

радуется и угрожает. Хозяйка отвечает коротко, ее голос глух и безнадежен, так

травы прощаются с летом, а сердце — с молодостью. Если б Мэллит смогла

приблизиться и подслушать, она бы так и поступила, но спорящих и гоганни

разделял канал. Хуже того, девушка, вспомнив узор лабиринта, поняла, что первородные отрезали путь назад и уйти от сестер можно лишь к озеру. Там

сходится двенадцать дорог, и одиннадцать свободны.

— ...умрет! — донеслось сквозь шепот тростников. — ... не дождетя... снега...

Надо было бежать к воде, но Мэллит расправила плащ и пошла навстречу сестрам. Зачем? Она не знала, но первородный Валентин остановил пришедшего за ничтожной выходца! И пусть повелевающий Волнами дал слово

хранить недостойную, не взяв встречной клятвы, спасенный всегда в долгу.

Молитвы хранят плохо, значит, нужно иное.

Гоганни выскочила из-за поворота в десятке шагов от двух женщин. Они были

похожи и при этом разнились, как два дерева, одно из которых зелено, а второе

тронута желтизной.

— Опять она. — Габриэла улыбнулась, и ее улыбка была осенью и смертью. —

Эта гостья мне нравится, но она еще не готова...

— Хватит. — Ирэна быстро пошла навстречу. — Мелхен, как вы здесь оказались?

— Я иду от озера, — солгала гоганни. — Я хотела увидеть, где загадывают желания.

— Ты не запираешь двери, и в них входит незваное. — Безумная откинула капюшон, на каштановых волосах сверкнуло солнце. — Эта девушка пришла и

уйдет. С тобой останется пустота, потому что твое сердце заберу я. Ты будешь

пуста, как колокол, и в тебя будет звонить боль...

— Идемте, Мелхен. — Сейчас Ирэна походила на своего брата, но казалась его

матерью. — Прошу извинить графиню Борн. Она больна.

— Твой муж мертв, твой брат умрет, остальные уйдут...

Порыв ветра пробежал по тростникам, будто волна, теперь за спиной звучал

тихий смех. Хозяйка замка шла быстро, но Мэллит не отставала и лишь думала, как скрыть свою дорогу.

— Мне следовало попросить вас не выходить в нижний парк. — Ирэна заговорила, едва они покинули ловушку из шепота и ненависти. — Слуги

сюда

ходят лишь по обязанности, а о вас я не подумала. Вы хотели загадать желание?

— Да, — солгала Мэллит. — Я пришла давно и стояла у воды.

— Я тоже загадывала... — Как похожи лица, как непохожи улыбки. — Видимо, я

неправильно просила или сделала это слишком поздно. Вас очень испугала моя

сестра?

— Нет.

— Вы смелы и великодушны, Мелхен. Я очень хочу, чтобы вы нашли свое счастье, вы его достойны.

— Вы тоже, сударыня.

— Мне когда-то тоже так казалось. Очень давно... Я была немногим старше вас.

— Рука первородной касается виска. Так мало лет, так много ставшей серебром

боли.

— Сударыня, госпожа Габриэла уверена в своих словах.

— Это свойственно нашей семье. Мелхен, я вижу, как вы беспокоитесь о баронессе Вейзель. Я заметила, что, когда я возвращаюсь из сада, вы всякий раз

выходите меня встречать. Поймите, что бы ни думала моя сестра и что бы она

ни говорила, это не несет опасности гостям Альт-Вельдера. Будь иначе, Валентин никогда бы не пригласил вас сюда и не оставил здесь после гибели

графа Гирке.

— Да, — подтвердила Мэллит, — я это понимаю, но что будет с вами?

— Моим братьям ничего не грозит, а со мной все уже произошло. Я боюсь лишь

неурочных заморозков, черемуховой моли и медведок, — на тонкое,

напряженное лицо тенью облака опять легла улыбка, — а над ними моя сестра

не властна.

Первородная шутила, и Мэллит тоже улыбнулась. Сестра и брат недооценивали

опасность; да, сейчас им ничего не грозит, но Мэллит все равно решила

написать помнящему о бедах Райнштайнеру. Она обдумывала письмо, пока не

уснула и не увидела во сне величественного барона. Он стрелял по рычащим

медведкам, а рядом стоял Валентин и перезаряжал пистолеты. Утром гоганни

была совершенно спокойна, утром выпал первый в этом году иней, и все стало

серебряным и светлым, как глаза полковника Придда.

Глава 9

ГАЙИФА. КИПАРА

400 год К. С. 17-й день Осенних Скал

1

Только-только перевалило за полдень, словно бы и не осеннее солнце старалось

вовсю, слепя глаза и припекая обтянутые мундирным сукном плечи.

Предпочитавший жару холоду и сушь сырости Капрас этому скорее радовался: влипнуть в полосу дождей означало надолго застрять в раскисших черноземах, а

Карло торопился. Новый император начинал с чистого листа, и наклеенные

Забарздакисом ярлыки утратили силу. Теперь все зависело от собственной расторопности, исполнительности и удачи, которая должна же когда-нибудь

прекратить лягаться! Маршал надеялся на лучшее и делал что мог, дабы исполнить приказ Богоизбранного Сервиллия.

Новое титулование потихоньку становилось привычным, и вообще — почему

бы Создателю, в самом деле, не избрать Ореста? Чтобы спасти империю и оценить Карло Капраса по заслугам — а заслуги, пусть и не великие, имелись: созданный в считанные месяцы корпус и успешный марш. Ну, и артиллерийские достижения Ламброса, само собой.

— Мы еще увидим, как язычники побегут от ваших запряжек, — поделился своими мечтами Капрас.

— Если только Ворон не набрался своих шгучек от морисков, — усомнился

присоединившийся к маршальской кавалькаде Ламброс.

— А хоть бы и так! — Капрас утер взмокший лоб. — Главное, мы теперь во всеоружии.

— Пожалуй, — сдержанно согласился артиллерист. — Будь у меня при Дараме

то, что есть сейчас, мы могли бы и устоять. Разрешите отбыть?

— Не разрешу! — засмеялся Карло. До выбранного для привала местечка оставалась еще пара часов, однако жара донимала все сильнее. Маршал вместе

со свитой и штабными ехал за колоннами передового полка. Глотать поднятую

солдатскими башмаками пыль удовольствия не доставляло, и кавалькада

держалась обочь дороги, благо поля по обе стороны тракта это позволяли, а

устойчивый ветерок исправно сносил пыль в сторону от высокого начальства. И

все равно хотелось в тень.

Когда впереди показалось селенье — три десятка домов, речка, густые сады,

— Капрас не колебался. Приказ вызвал у свитских счастливые улыбки, воспрянувшие порученцы поскакали вдоль растянувшихся колонн, а сам Карло, подавая пример спутникам, направил коня к постоялому двору, уже

оцепленному парнями Гапзиса, — ветеран с ходу сообразил, что нужно делать, он всегда соображал.

— Любезный, — спросил маршал суетливого толстяка в белом с вышивкой

фартуке, — как тут у вас?

Оказалось, все хорошо и даже отлично — и урожай, и власти, и дороги до

Мадоков и дальше, ну совершенно не о чем беспокоиться!

Стук копыт идущей галопом лошади ворвался в ласковый говорок, будто камень

в сонную заводь швырнули. Хриплая перепалка под окнами, топот, и нате вам —

сержант-драгун из авангардного эскадрона.

— Ну, — со вполне простительной для голодного человека досадой бросил

Карло, — что такое?

Вертевший головой в поисках главного начальства сержант выпятил грудь и

хриплым, пропитым напрочь голосом попросил разрешения доложить. Получил

оное, зверски щелкнул каблуками и выпалил одним духом:

— Господин маршал, господин полковник Василис почтительнейше докладывают!.. Так что на мельнице нашей... его... первой ротой окружены злоумышленники, поднявшие оружие на воинов императорской армии!

— Что-о-о-о?!

— Так что злоумышленники! — изо всей мочи заорал гонец. — На мельнице!

Подняли оружие!..

— Стоп. Давай по порядку.

Сержант напрягся, будто в отхожем месте, и дал по порядку.

Не успели драгуны организовать бивак, как из кустов выломился клирик и с ним

малец лет шести. Перепуганный, грязный, мокрый, что твоя лягуха. Плачет, заикается, а святой отец переводит, что на их дом напали чужие люди. Какой

дом? Ну, мельница ниже по реке, она господину высшему нотариусу из Мадоков

принадлежит, мальчонкин отец там арендатором, а братья старшие помогают. И

тут пришли, значит, эти... берегом пришли...

— Сколько их?

— Не могу знать! — Драгун исхитрился еще сильнее наморщиться. — Считать

малой не умеет. Две пятерни ему показали, говорит — «больше», еще показали

— не соображает, «много», и всё. Брата вроде топором ударили, мамку тоже, потом папку с верха мельницы скинули, он упал и не шевелился. Сестры еще

кричали, как он убегал. Всё выносить стали; зерна и муки много, таскать долго.

— А священник-то откуда взялся?

— Из церкви здешней, откуда еще? Парнишка спрятался сперва, сидел в канаве.

Потом кто-то прибежал и стал ругаться. Так что малой под шумок и утек.

Сначала полз, там один с пистолем на крыше сарая сидел, вокруг смотрел,

ну да

бурьяны хоть и невысокие, а густые, вот мельничонок и пробрался. А потом

побежал. В церковь дорогу знал, туда и дунул, а клирик нас видал, мы ж того, мимо шли. Капитан наш как услышали «зерно», «припась», сразу встрепенулись. Ну, и подняли роту. Так что поскакали, парнишка тропку показал, чтоб мельницу обойти и не дать злоумышленникам в лесок утечь. Гады

как раз подводы нагрузили и наладились удирать, да не вышло.

— Повязали?

— Какое там! Засели на той мельнице, лаются почему зря да стреляют.

Посчитали, сколько народу палит, десятка три наберется, не меньше... Дом крепкий, понизу камень, место вокруг больше открытое, мельница же! Когда

третьего нашего подбили, капитан велели отойти, окружить и скакать с докладом к полковнику, а господин Василис уже к вам послали... Виданное ли

дело, отребье придорожное с мушкетами бродит и смеет бой принимать?!

Офицеры переглядывались, на обожженных кагетским солнцем физиономиях

читались недоумение и пробуждающаяся злость. В сердце Гайифы разбойники

не просто среди бела дня режут честных людей, ублюдки смеют поднимать хвост на мундиры! Новость казалась невероятной, но лишь на первый взгляд.

Капрас взялся за шляпу:

— Ну вот вам, господа, и ответ насчет давешнего «зачем чиновнику такой эскорт?». Вот за этим за самым...

— Закатные твари! — Ламброс торопливо сунул в карман кусок хлеба. — Если в

округе творится Леворукий знает что, какого... молчат и мнутя? Кого боятся, шкуры чернильные?!

— Начальства, — подсказал Агас. — Чиновники всегда боятся начальства, но

дела и впрямь странные. Когда я... когда меня отправляли в Кагету, ни о каких

разбойниках никто не слышал.

— Вот и посмотрим, кто ж это тут такой храбрый, что готов бодаться с регулярной армией.

Кого лучше послать? Еще одну драгунскую роту? Пожалуй, не стоит.

— Гапзис, давай-ка своих молодцов пошевели. Бириссцев не испугались, с местными разбойничками тем паче управятся...

2

Хоть и узкая, но наезженная — к мельнице, не куда-нибудь! — дорога петляла

меж разгороженных живыми изгородями пастбищ; мальчишка наверняка бежал

напрямик, но для роты это не годилось, а спешка нужна при ловле блох или тех, кто вот-вот удерет. Окруженные же разбойники могли лишь огрызаться, тратя

порох и пули, и вряд ли при них был целый арсенал.

— Не понимаю, — наверное, в десятый раз начал Левентис. — Откуда эта наглость? С казаронов бы еще случилось, но мы не в Кагете...

В Кагете, по крайней мере в Кагете Лисенка, грабители на дорогах не баловали, но поправлять гвардейца Карло не стал. Агасу, как и самому Капрасу, на

казарию было чихать, но родимые безобразия, которые местные власти изо всех

сил пытались скрыть, наводили на размышления. Малоприятные. Маршал придержал коня, принуждая и себя, и свиту не отрываться от ребят Гапзиса. Они

были как раз на полпути к цели, когда над колючей зеленью показались решетчатые крылья. Капрас привстал в стремях и вытащил зрительную трубу.

— Надо же, — ворчал он, оглядывая добротные строения, — почти форт.

Господин нотариус при строительстве не скупился. И окошки маленькие, настоящие бойницы...

В довершение сходства из темных щелей бодро вылетали белесые облачка —

непонятные разбойники все еще оборонялись.

— Господин маршал, — негромко попросил Ламброс, — разрешите отбыть?

— Отбывайте, — отмахнулся задумавшийся Карло. Дорога нырнула вниз и теперь бежала сквозь отчего-то не вырубленную хозяйственными крестьянами

рощу. Благодатная тень спасала от злобы послеобеденных лучей,
беззаботно

порхали птичьи стайки. Если бы не мушкетная пальба впереди, было бы
мирно

и красиво, хоть бери Гирени и гуляй с ней у ручья, потому что ручей тут
есть

наверняка.

— Прощу прощения, — внезапно сказал ехавший рядом Левентис, — но
вам не

стоит заниматься разбойниками.

— То есть лезть под пули? — уточнил Капрас, давая жеребцу шенкелей. —
Я

уже давно не лезу.

Когда дойдет до морисков, в огонь пойдут и военачальники, узнать бы еще,
сколько таких сейчас у Сервиллия. Карло не то чтобы примерял себя к
целой

армии, но нет-нет да и приходило в голову, что язычники и парни Задаваки

число стратегов изрядно уменьшили, и держать маршала, причем не
паркетного, на корпусе по нынешним временам — расточительство.
Дальше этой мысли

Капрас старался не заходить, но какая девица не думает о женихе и какой
вояка

— о новой перевязи? Увы, первое по возвращении сражение выходило
смешным

и при этом... уродливым.

Ветерок бросил в лицо знакомую пороховую вонь, зловещий треск стал

громче, тропинка обогнула начавший желтеть орешник и маршал увидел мельницу на

взгорке, лошадей и мертвецов. Тела трех драгун лежали на вытоптанной поляне, рядом сидел, шипя сквозь зубы и вытянув вперед простреленную ногу, потерявший шляпу капрал.

— Полковник, — объяснил он, — за кустами... Сад там... Фруктовый.

При виде командующего предводитель драгун вытянулся в струнку, он был беспокоен и зол, главным образом на своих умников. Умники в лице чернявого

капитана и раненого тенъента смотрели кисло. Еще бы: и в драку полезли без

приказа, и успеха не добились, и людей положили.

— Рекой не уйдут? — не стал вдаваться в подробности неудачи Капрас. — Там

ведь лодки должны быть?

— Нет, господин маршал! — Василис был рад доложить хоть что-то хорошее. —

Афендучи сразу же отрядил людей и выше мельницы, и ниже. Берег чистый, без

тростника, все как на ладони. Лодка одна, у мостков, всех ублюдков не вместит, но попытаться они попытались. Человек пять... Одного мои парни подстрелили, остальные назад убрались, а вплавь рискнут — перестреляем как уток.

— Это если рискнут. Терять людей у какой-то паршивой мельницы — не дело.

Доберемся до морисков — каждый умелый солдат пригодится... Гапзис! —

окликнул Карло всю распоряжавшегося ветерана, чьи пехотинцы, разбившись

на группы, уже подбирались к осажденному дому.

— Господин маршал?

— Крикните для порядка, чтоб скрутили главарей. Клирик тут еще?

— Не знаю, не видел.

— Тут! — рявкнул на глазах обретавший обычную лихость драгунский капитан.

— Я им с мальчиком велел у коновязи ждать.

— Агас, бери святого отца, пусть попробует наставить грешников на путь истинный. Не выйдет — придется штурмовать. Не оставлять же отряд для долгой осады... Пойдите-ка!

— Господин маршал!.. Просьба господина полковника... — Молоденький тенъент-артиллерист, один из помощников Ламброса в его возне с облегченными лафетами, начал свой доклад еще на бегу. — Подождать со штурмом... до его прибытия...

— Когда пушки будут здесь?

Что затеял невантец, Капрас сообразил сразу, занимало другое: извилистая

неширокая дорога-тропа казалась мало пригодной для того, чтобы протащить по

ней артиллерийские упряжки.

— Еще четверть, ну в крайнем случае, полчаса. Господин маршал, мы проедем...

Мы обязательно проедем!

На предложение сдаться разбойники ответили пальбой. Отец Ипполит, плотный

румяный человек с голубем Милосердия на плече, огорченно развел руками.

Увещевая бандитов, он проявил недюжинное красноречие и совсем не испугался

выстрелов, может быть, потому что до сегодняшнего дня война была для него не

больше чем словом.

— Вы прежде ни о чем похожем не слышали? — Маршал кивнул на мельницу.

— Нет. — Клирик опять развел руками, почти как давешний трактирщик.
—

Ничего страшней сведенной кобылы не припомню.

— А что ж тогда чиновники с охраной путешествуют?

— Того не знаю. Господин нотариус, хозяин мельницы, на прошлой неделе приезжал с матушкой без охраны, а он — невеликой смелости человек.

— Похоже, эти лисы орудовали в Мирики и, — предположил Карло. —
Надо

думать, там их прижали, вот они курятник и сменили. И все равно, слишком уж

нагло!

— Вы, господин маршал, человек военный, вам виднее.

— Зато вы — человек местный. Трактирщик говорит, у вас тут чуть ли не

Рассвет... Сплошная благодать.

— Благодать не благодать, но живем хорошо. Не без грехов, конечно, однако

загубленных душ не припомню, хотя... Был на мельнице работник, года два назад проломил голову приятелю и сбежал. Говорили, вором стал...

— Прошли, господин маршал, прошли!

Щелканье кнутов, скрип колес и многословная ругань возвестили о приближении нового средства вразумления упорных разбойников. У Ламброса

таки получилось! Изрядно намучившиеся кони выволокли на широкое место

зарядную повозку и две пушки на тех самых уменьшенных и облегченных лафетах.

— Мой маршал, предлагаю время не терять! — Довольный полковник не удержался, сделал размашистый жест рукой — дескать, вот они, мои голубушки.

— Мы живо объясним этим придуркам, что они не мориски.

— Действуйте!

Вот и проверим, что у Ламброса с Медерисом вышло. Одно дело стрельбище, другое — какой-никакой, но бой.

— Как думаете, пары залпов хватит?

— Позвольте... — Ламброс смерил строения внимательным взглядом. — Начнем

с двух залпов, а потом посмотрим. Сразу сдадутся, хорошо, нет —

продолжим

стрелять, пока люди Гапзиса не подберутся поближе.

— Я своих оставшихся сейчас же пошлю в помощь парням на берегу. Если эти...

— Василис мотнул головой, явно глотая ругательство, — попробуют всей шайкой прорваться к реке, перебьем!

— Идите.

— Но... Господин маршал, — священник сунулся вперед, став еще румяней, — в

доме не только разбойники...

— Вы же сами мальчишку расспрашивали, — напомнил чернявый Афендучи, —

родных поубивали сразу же. А если кто еще и жив, что поделать... Сами говорите, на все воля Создателя, я здесь уже троих положил!

— Помолчите! — повысил голос Карло. — Мы сделаем что сможем.

Священник вздохнул и отошел, шевеля четками, которых Капрас сперва не заметил. Артиллеристы споро готовили свои орудия. Минут десять, не больше, и два бронзовых жерла угрюмо уставились на пока что целую мельницу.

— Бацуты засели в доме, с него и начнем. — Капрас подмигнул подчиненному.

— Надеюсь, не промажете.

— Всего триста шагов... Это не расстояние! — не принял шутки Ламброс и махнул рукой. — Пали!

Пара гулких ударов, пороховой дым, разлетающиеся обломки стен и крыши, сорвавшиеся с поздних слив и сгинувшие за рощей скворцы.

— Отлично! — обрадовался Ламброс. — Заряжай!.. Еще пара залпов, сударь, и

Гапзис может атаковать. Сильного огня быть не должно.

Его и не случилось. Мушкетеры со всех сторон бросились вперед, к продырявленным, перекошенным стенам. Откуда-то из остатков чердака ударил

один выстрел, другой, в ответ гаркнула пушка, полетели новые обломки. С берега доносилась частая трескотня — драгунам тоже нашлась работа.

Чердака у дома больше не было. Добежавшие солдаты муравьями лезли в уцелевшие двери, окна и прямо в проломы. Стихло и у реки, спустя пару минут

оттуда показались драгуны, с двух сторон верхами возвращавшиеся к мельнице.

Ехали спокойно, шагом, значит, прорваться к воде у шайки не вышло... Что ж, пожалуй, с этим делом всё.

— Ламброс, вы молодец! — Капрас от души хлопнул полковника по плечу.
—

Такая артиллерия неплохо себя показала бы в кагетских горах и долинах... Но, честное слово, хорошо, что обошлось без этого, нас ждут дела поважнее! Парни, живого кого нашли?

Карло не сомневался, что хозяева погибли сразу или почти сразу. Он ошибся.

— Девушка жива... Одна. — Такого лица у Гапзиса маршал еще не видел.
— Не

изнасиловали... нет. Нос и уши отрубили. И руки. Обе, по локоть. Я перетянул

как мог, клирика б ей...

— Я иду, — заторопился отец Ипполит, — иду!..

— Удачи. Этих... сюда!

Всего налетчиков было три десятка без малого. Половина погибла при обстреле

и на берегу, раненых, поглядев на мельниково семейство, прикончили на месте, но пятерых более или менее целых из дома для начальственного решения все-

таки выволокли. Перебитые руки, поломанные ребра, разбитые прикладами

морды — это не в счет, не смертельно же.

— Тут бы и вздернуть, — предложил кто-то за спиной. — Сучьев хватает.

— Ах вы ж...

Маршал воевал с восемнадцати лет, но такую брань слышал нечасто. После

бандитского пожелания морискам удавить пушкарей драгунскими кишками

захотелось прикончить ублюдков прямо на месте, но Карло давно выучился

сдерживать подобные порывы. Разбойников вешают по приговору

губернаторского суда, дезертиров расстреливают, мародеров порют, клеймят и

сдают в бессрочную каторгу. Таков порядок вещей, и менять его глупо и опасно.

Капрас вскочил в седло и разобрал поводья.

— Казнь лучше провести при стечении народа, то есть в Мадоках, да и порасспрашивать субчиков не помешает. Откуда такие храбрые тут взялись.

— Сковать по рукам и ногам! — крикнул Ламброс. — И в телегу под охрану.

Чтоб до виселицы дожили! Понятно? Выполняйте!

Вот и все, вот дело и сделали. Артиллеристы молодцы, Гапзис тоже молодец, драгуны сперва оплошали, но ведь выправились же! Можно считать, корпус

очередное испытание прошел успешно, только радости не было, одна с трудом

сдерживаемая ярость.

Сорваться в галоп помешал бегущий от развалин священник, странным образом

напомнивший недавнее явление молоденького артиллериста.

— Господин маршал... — румянца на лице клирика больше не было, —

господин маршал... Я беру грех на свою душу! Беру!.. Добейте ее... Я не сумею, это — нет!

— Хорошо, — после минуты всеобщей оторопи откликнулся Ламброс. —

Святой отец, подождите здесь. Господин маршал, разрешите?

— Идите.

Капрас не слишком вслушивался в сдержанный гомон, но резкий крик прямо-

таки саданул по ушам. И не только по ушам.

— А че?! — вопил разбойник с разбитой рожей. — Че?! Сучон-ка поганая!

Брезговала, да? Ну так ее сокровище при ей...

— Создатель, — отец Ипполит шагнул к мерзавцу, вытянув вперед руки, будто

слепой, — Создатель... Это... Я говорил вам про него... Говорил...

— Бывший работник?

— Д-да...

— Отлично! — рыкнул Капрас, спуская с цепи бесновавшегося в душе волкодава. — Этого — здесь! Руки, ноги долой, культы перетянуть — и на мельничные крылья. Пусть вознесется. Напоследок.

Глава 10

ТАЛИГ. ГЁРЛЕ

АЛЬТ-ВЕЛЬПЕР

400 год К. С. 17— 18-й дни Осенних Скал

1

Фрошерский гвардейский мундир покроем не слишком отличался от дриксенского, и Руппи в нем чувствовал себя свободно, в монашеском балахоне

было куда непривычной. Что до не подобающего офицеру кесарии поступка, то

наследник Фельсенбургов надел черно-белое не из трусости, не от скуки и даже

не на пари. Барон Райнштайнер считал маскарад крайне важным, а бергер казался способным на многое, но не на глупый розыгрыш. Видимо,

разговор с

арестантом и впрямь был необходимой увертюрой к беседе с Савиньяком, и

потом Руппи перебил слишком много яиц, чтобы считать скорлупки.

— Капитан Оксхолл... — Лейтенант с гвардейской небрежностью кивнул небритому человеку без перевязи и пояса. — Я капитан Фельсен, офицер для

особых поручений при особе регента. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Очень приятно. — Небритый кривовато усмехнулся; его физиономию украшали три успевших пожелтеть синяка. — Вы, видимо, появились, когда я

уже... отбыл из Тармы.

— Да, — подтвердил Фельсен-Фельсенбург, — мы разминулись. У вас есть жалобы?

— А вы доведете их до сведения судьбы? — Собеседник тронул место, где некогда была перевязь. Он держался хорошо, даже отлично, но удовольствия его

общество, мягко говоря, не доставляло.

— Судьба не является моим непосредственным начальством, — сухо заметил

лейтенант и, поняв, что сказал, улыбнулся. Собственным мыслям, однако

арестант рассудил по-своему и улыбнулся в ответ. Вышло отвратительно

панибратски, но фрошер к этому, видимо, и стремился.

— Да вы счастливчик, молодой человек, — тоном старшего товарища объявил

он. — Хотел бы я не зависеть от сей ополчившейся на меня дамы.

— Похоже, упомянутая госпожа покровительствует другой особе, на которую

ополчились уже вы. — Руппи старался выглядеть беспечным, и это удавалось, хоть и с трудом. — Ваше поведение офицера не украшает, тем более что девица

на редкость хороша.

— Савиньяк тоже так считает...

Фрошер владел искусством похабных намеков не хуже младшего Марге и покойного Хосса. Не любивший подобного Фельсенбург с радостью препоручил

бы собеседника папаше Симону, но ничего безумного в Оксхолле не было, сволочь и сволочь. Умеющая себя подать, озабоченная своим положением и отнюдь не напуганная.

Руппи собрался с силами и погнал разговор дальше. Его просили о получасе

наедине, полчаса он выдержит.

— Тем не менее ваши вспышки чести вам не делают.

— Согласен. — Арестант непринужденно развел руками, с которых, как и с

физиономии, еще не сошли синяки. — Но еще больше это не делает чести тому, кто подсыпал мне какую-то дрянь. Я далек от того, чтобы кого-то обвинять, но

либо я кому-то мешал, либо дело в моем месте, которое, насколько я понимаю, отошло вам. Кстати, я никогда не слышал ни о вас, ни о ваших родичах...

— У моего отца другая фамилия, — сказал чистейшую правду Руперт. —

Достаточно громкая, чтобы я мог получить место, никого не опорочив. К тому

же второй приступ у вас случился уже здесь. Таинственный «кто-то» последовал

за вами в Гёрле и оказался столь ловок?

— «Кто-то, кому-то...» Звучит уклончиво, признаю, — теперь мерзавец

вздыхнул, — однако, не имея доказательств, я не вправе называть имен. Кому-то

понадобилось опорочить меня еще и перед командованием Западной армии. Я

же опрометчиво согласился позавтракать. Что было потом, не помню, мне

рассказали, что я пытался напасть на графа Савиньяка. Видимо, доставшийся

мне яд способствует искренности.

— Вы полагаете виновником своих бед Савиньяка?

— Я еще не обедал и поэтому не скажу вам ничего, что можно использовать

против меня, но позвольте совет. Кем бы ни был ваш отец, говоря о Савиньяках

и Валмонах, не ленитесь называть полный титул или должность. Вы мне

симпатичны, и я не хочу, чтобы в один печальный день вы очнулись без

перевязи, в синяках и ничего не помня.

— Я правильно понял, что вы голодны? — уточнил Руппи, ругая себя за ошибку.

Наследник Фельсенбургов не нанимался величать фрошеров по всем правилам, но, надев чужой мундир, надевай и чужие мозги.

— Лучше голод, чем безумие, — отмахнулся Оксхолл. — Вы не сочтете за труд

передать мое письмо регенту?

Руперт кивнул. Его любезность находилась при последнем издыхании, и это

лейтенанту не нравилось. Очень. Бесноватым числился Оксхолл, однако он был

спокоен, как Райнштайнер, зато Руппи будто кошки под руку толкали. Арестант, впрочем, счел кивок знаком нарождающейся симпатии и перевел разговор на

Тарму, вернее на бывших сослуживцев, к которым не имел никаких претензий, пусть и не мог сдержать понятной горечи. Марге, ухвати его кто за хвост, вел бы

себя похоже, только от такого извивания до претензий на корону всех варитов —

как от Агмарена до Астраповых Врат...

— Капитан Фельсен, — жизнерадостный голос за спиной прервал почти нестерпимое свидание, — вас срочно требует маршал Савиньяк. Я провожу вас...

— Ах ты ж, гаденыш! — Марге исчез, то есть исчез благородный страдалец, он

же интриган и придворный. На месте светского господина с синяками щерился

и сжимал кулаки перепивший мародер. — Сейчас от тебя мокрого...

Дальнейшее поведение Руперта одобрил бы разве что Бешеный. Лейтенант расхохотался, пинком отшвырнул табурет и выхватил шпагу.

— Сударь! — завопили сзади. — Не трогайте его, сударь! Он нужен жи...

— Ты... Да я... Да...

— Шварцготтурм!

Эфес вломил аккурат в челюсть, прервав непристойный во всех отношениях

монолог. Полетели по недоразумению не выбитые прежде зубы, в дверь с веревками наготове ворвалась пара «фульгатов», и Руппи, тяжело дыша, посторонился. Оксхолл на полу шипел и плевался кровью, найти более бесноватого господина было бы трудно.

— Сударь, — напомнил молоденький светловолосый фрошер, — вас ждет маршал.

— Хорошо, — буркнул Фельсенбург, пытаясь подавить жажду убийства. —

Идемте. Господа, прошу простить... мою горячность.

— А славненько вы его, — одобрил «фульгат» постарше, затягивая ремни.

—

Теперь ему только кашу и жрать.

— Я б таких вешал! — со злостью бросил Руперт. Теперь он видел, и теперь он

понял, как это бывает. Светловолосый парнишка что-то усиленно объяснял, а

лейтенант думал о старике Марге и его семейке. Бывшие прихвостни Фридриха

годами мечтали урвать кусок побольше, но опасались бросить на весы всё... Они

больше не боятся за свою шкуру, а Создателя они не боялись никогда. И еще они

ненавидели: бесноватый фрошер — Савиньяков, Марге — кесарскую фамилию, Штарквиндов, Фельсенбургов, всех, кто выше, удачливей, смелее. Страх и

ненависть уравнивали друг друга, теперь одна чаша весов опустела.

— Прозэмперадор Севера и Северо-Запада квартирует в этом доме, — напомнил

о своем существовании провожатый, и Руппи понял, что ведет себя как полный

невежа.

— Нас друг другу не представили, — лейтенант постарался, чтобы его голос

звучал как можно беспечней, — но в нынешних условиях это излишняя роскошь. Вы меня знаете, я вас нет.

— Герард, — улыбнулся фрошер. — Если потребуется, тенъент Кальперадо. Вы

путешествовали с моей сестрой, она о вас очень высокого мнения.

— Я польщен, — совершенно искренне сказал Руппи, и лежавшая на душе тяжелая ненависть отпустила, словно утопленника багром отпихнули. —

Вы не

будете возражать, если я продолжу знакомство?

— Разумеется, нет! Селина скоро вернется, она... Ее пригласили бергеры по

крайне важному делу, а я не смог ее сопровождать.

Что за важные дела с бергерами могли быть у разъезжающей в мужском платье

красавицы, и почему ее жизнерадостный брат находит это естественным, Руппи

выяснить не успел. Они миновали дежурных «фульгатов», и Герард распахнул

дверь, за которой предположительно был Савиньяк. Однако увидел Руперт корнета Понси. Красный, как сам закат, и не столько недовольный, сколько растерянный, он смотрел мимо лейтенанта. Понять, куда именно, мешала дверь, которую придерживал Герард.

— Корнет, — раздалось из комнаты, — для поэта вы подбираете оскорбления

просто отвратительно. Допустимо назвать неприятного вам человека негодяем, а

даму — куртизанкой и исчадием порока. Это, даже будучи недоказуемым, произведет некоторое впечатление, хотя бы за счет экспрессии. Но назвав того, кто оставил вас в дураках, глупцом, а несомненную красавицу — дурнушкой, вы

расписываетесь в собственной несостоятельности. Сейчас вы меня ненавидите, попробуйте выразить свои чувства словами. Господин Фельсенбург, не стойте в

дверях, вы загораживаете дорогу поэту.

— Никоим образом, — пробормотал Руппи, пробираясь в обход Понси к окружившим стол могучим стульям.

— Я хочу в кровавый бой! — взвыло за спиной. — Я рожден для страдания и

гибели среди дыма и пламени... Я...

— Видите ли, корнет, — стройный мужчина с льняными волосами поигрывал

алой перчаткой, — войны я предложить вам сейчас не могу. Ступайте и попробуйте написать что-то действительно обидное. Кругом. Марш.

Понси дернул головой, как дергала, готовясь вспрыгнуть на колени, Гудрун, издал даже не кошачий — мышинный писк, щелкнул каблуками, споткнулся и

вылетел вон. Хозяин комнаты, даже не взглянув в его сторону, протянул руку.

— Лионель граф Савиньяк, — отрекомендовался он. — Вы хорошо действовали

как в Эйрехте, так и у Китят.

— А вы... Вы хорошо действовали у Ор-Гаролис и в Гаунау.

— Мне ничего другого не оставалось, как, впрочем, и вам. Садитесь.

Победитель, подлинный победитель Фридриха оказался тварью позакатней

Вальдеса, поэтому собственные когти Руппи решил предъявить немедленно.

— Господин Савиньяк, — не допускающим возражения тоном сообщил

лейтенант, — с вашего разрешения, я сниму этот мундир.

— Варвары прекрасно обходятся без мундиров. — Маршал бросил перчатки на

стол, алой искрой сверкнул одинокий, видимо — родовой, перстень. — Руперт, вы готовы ощутить себя варваром?

Вскидываться на дыбы было глупо. Руппи быстро, как и положено моряку, избавился от чужой перевязи, но этим и ограничился. Разговор обещал стать

одним из самых странных в жизни наследника Фельсенбургов, но на столе

Савиньяка хотя бы не лежало Эсператии, или как там ее называют фрошеры.

2

— Слушай... — Роскошная положила руку Мэллит на свой живот. — Вот так, девочка, это и приходит.

Мэллит слушала зреющую жизнь, опустив глаза. Она понимала, сколь это важно

для матери и всех любящих ее, только поет не разум, а сердце. Сердце гоганни

молчало, но правда не всегда лучше лжи, пусть пойманная ложь и ранит, как

шипы обманных роз.

— «Это счастье самого счастья», — прошептала гоганни строки Кубьерты.
—

«Это бутон весны и исток вечности».

— У тебя это тоже будет. — Юлиана была довольна, и Мэллит поняла, что говорила правильно. — И не выдумывай всякие глупости! «Счастье

счастья»...

У нас два счастья: твой единственный и его дети, именно его. Ирэна, хотя я ее и

ругаю, это понимает, оттого и ветропляска... Если не любишь мужа — ребенка

или недолюбишь, или, того хуже, перелюбишь. Как бестолковая кошка, что

котят до смерти затаскать может. Видела я таких, у них дети, прости Создатель, вместо мужей, только что без постели. От себя не отпускают, а зятьев и невесток

загрызть готовы. Нет, Мелхен, сперва — любовь, а потом уже дети, так что не

торопись. Ты у нас хоть и малюсенькая, а красавица, одна не останешься!

— А мужчины? — быстро, чтобы не говорили о ней, спросила Мэллит. — У них

тоже два счастья?

— По-хорошему — три, не повезет — одно, но оно всегда с ними. Для мужчины

впереди всего дело, потом — любовь и наследники. Мужчина, который по женскому слову все бросит, ни на что не годен. У Курта была я, но первыми были пушки. Ты же знаешь, что его последний выстрел был великим?

— Он спас всех.

— Не только. Так еще никто и никогда не стрелял! Для мужчины очень важно

стать первым, проложить дорогу... Мужа нельзя тянуть к своей юбке, если и

притянешь, то одну шкурку. Пустую. Опилками набить можно, толку-то!
Тебе

кто больше нравится — Давенпорт, Придд или Бертольд?

— Капитану Давенпорту плохо, когда идет дождь.

— Ты добрее меня! Давенпорт просто зануда, хотя лицо приятное. Я бы
выбрала

Бертольда... Для тебя выбрала бы, для меня мог быть только Курт. Ты пока
не

знаешь, как это приходит. Один взгляд, одно слово, и ты — его, он твой, а
остальных словно бы и нет.

Гоганни знала. Именно это она и знала, но у роскошной дивный цветок
принес

добрый плод, а у Мэллит лепестки побилло градом. Нареченная Юлианой
всё

говорила о счастливой любви, будя память о любви глупой и постыдной.

Гоганни казалось, что рана на груди вот-вот закровоточит, как случилось
во

время боя, однако оборвать лозу памяти девушка не решалась, ведь это
была

память Курта. Мэллит слушала, теребя кисти шали, пока не постучала
первородная Ирэна, и в этот раз в ее руках были не цветы, а письмо.

— Нашему уединению наступает конец.

Хозяйка Озерного замка опустила в кресло, и по ее лицу скользнула
улыбка-

тень.

— Я получила письма от брата и от графа Савиньяка. Они будут здесь в течение

двух-трех недель. Граф Савиньяк как новый командор Горной марки отдаст последний долг вашему супругу.

— Очень хорошо! Курт был бы доволен. Признаться, я не думала, что старший

Савиньяк найдет время, они с Куртом были так мало знакомы.

— Граф Савиньяк не мог не ценить генерала Вейзеля. — Первородная Ирэна

помогла роскошной застегнуть плащ. — Но регент в любом случае должен был

выразить свои соболезнования.

— Несомненно, но Прозэмперадор — не порученец с письмом, тем более Прозэмперадор, умеющий воевать. С этим Савиньяком Курт расстрелял бы Бруно, как увязшего в болоте кабана!

— Вы ожидали командующего бергерским корпусом? Генерал Райнштайнер

тоже будет здесь. Как и командующий авангардом Западной армии генерал Ариго.

— А полковник Придд? — выдохнула Мэллит, прежде чем поняла, что лучше

молчать.

— Валентин либо будет сопровождать гостей, — первородная была спокойна, —

либо приедет несколько раньше. Точнее нам сообщит гонец.

— В любом случае фок Варзов больше не командор Бер-гмарк! —
Нареченная

Юлианой не скрывала удовлетворения. — Я довольна. Курт тоже был бы рад...

Не представляю, что теперь будет с артиллерией, осталось так мало пушек...

Мэллит поднялась и оставила роскошную спрашивать о войне. Забежала к себе

убрать шаль и взять плащ, спустилась по лестнице, вышла в сумеречный двор.

Дул резкий ветер, и по темной звездной синеве неслись клочковатые облака, то

глота белый лунный ноготь, то отпуская. Небо было в смятении, как и мысли

гоганни. Тот, кому она обязана больше чем жизнью, приедет в Озерный замок. К

сестре... К сестрам. Луна пройдет половину круга, и полковник Придд окажется

во власти той же злобы, что погубила графа Гирке, и вряд ли его одного...

В проеме черного хода показалась чья-то фигура, но говорить о курах и травах

Мэллит не могла. Запахнув плащ, гоганни заторопилась ко входу в верхний сад, пустой, настороженный, полный холода.

Темнело, однако наступающая ночь не несла беды, хоть и была исполнена ее

ожиданием. Мэллит следила за облачной гонкой и думала, как отвести удар.

Нареченный Валентином не боится безумной и не верит в ее силу. Он выслушает предупреждение, поблагодарит и останется в замке, а потом снова

скажут о глубокой воде и неосторожности.

Мелкая вода тоже предает: гоганни не заметила лужи и едва не упала.
Лужи

опасны тем, кто смотрит на луну, луна карает тех, кто о ней забывает.
Девушка

обошла топкое место по траве, пытаясь найти выход. Если б только первым прибыл тот бергер... барон Райнштайнер. Мэллит рассказала бы ему все, и полковника Придда отослали бы прочь. В том, что высокий с полными льда

глазами не рассмеется, девушка не сомневалась, но снежный барон далеко,
а

живущие в замке не желают видеть опасность. Их не убедить, как не

умилостивить Габриэлу.. Она любила, у нее отняли любовь, она стала опасней

змеи. Мэллит понимала безумную как никто, ведь она сама едва не прошла той

же тропой. Ничтожная предала родных ради любимого, она отдавала ему все и

не видела зла, которое он нес, как ветер несет пыль и золу.

Умри названный Альдо прежде любви, разве Мэллит не стала бы мстить?
Разве

не переступила бы все пороги, не осквернила бы ару, не приняла б на себя проклятие? Родные не думали, что тихая дурнушка читает Кубьерту и крадет

тайны старейшин, повелевающие Волнами столь же слепы. Первородный вернется в замок, где свила гнездо месть, и погибнет. Остановить его Мэллит не

может — значит, придется убирать смерть. Придется драться.

— Барышня... Барышня Мелхен!

Человек с фонарем... Эдуард звал и махал рукой.

— Что ж вы в темнотище-то бродите? Тут поскользнуться плевое дело...

— Я думала.

Мэллит остановилась, поджидая доброго слугу. Да, она думала, и да, она решила. Уговорить хозяйку отослать сестру прочь невозможно, остается одно —

убить ненависть вместе с той, кого она поглотила. И нужно успеть до приезда

первородного Валентина. Что ж, она успеет.

3

Савиньяк велел принести шадди, и напиток принесли вместе с горячими булочками и новостью.

— Капитан Уилер просит доложить, — сообщил адъютант. — Оксхолл утверждает, что капитан Фельсен — дриксенский шпион.

Маршал не ответил, видимо, молчание здесь соответствовало приказу

выйти

вон. Фельсенбургу это понравилось, в Хексберг положенное при разговоре с

адмиралом цур зее «разрешите идти — идите» начало бесить. От вынужденного

безделья, надо полагать.

— Я выругался по-дриксенски, — признался Руперт, когда они с Савиньяком

вновь остались одни.

Талигоец взял чашку.

— Похоже, — отметил он, — что, временно протрезвев, бесноватые возвращаются к своему обычному поведению. Получив по зубам, Оксхолл обиделся, припомнил ваши слова и решил спустить на обидчика собак в лице

командования. Вероятно, он и прежде пробавлялся доносами. Герцог

Ноймаринен подобного не одобряет, доносчик среди его адъютантов не задержался бы, следовательно, доносил он на Ноймаринена, однако не будем

отвлекаться. Вы согласны, что события в Эйнрехте и Олларии имеют сходную

природу?

— Да, — твердо сказал Руппи, понимая, что объяснить подобное Бруно будет

непросто, даже если фельдмаршал уважит гаунасского посланника и выслушает

поставившего себя вне закона лейтенанта.

— Тогда, — посоветовал не забывавший об ужине Савиньяк, — подумайте о

тех, кто теряет не страх, а неверие в свои силы. В самом благополучном городе

найдутся недовольные, которых прежде сдерживал здравый смысл, понимание

того, что любые усилия бесполезны и у них ничего не выйдет. Нельзя

сбрасывать со счета и некогда мирных обывателей, готовых на все, лишь бы их

не вытапывали, словно виноград. В Талиге какое-то время обходились без этого, но последние несколько лет то тут, то там подобное случалось.

— Я могу то же сказать про Дриксен. Реквизиция торговых кораблей негоциантов не обрадовала.

— Тем не менее в Ротфогеле назначенного Фридрихом коменданта всего лишь

выгнали, а в Эйнрехте, насколько мне известно, торговцев не притесняли. В

Оллarii тоже, но события последнего года вынудили самых решительных

сделать выбор прежде, чем город накрыла скверна. В Эйнрехте же было

слишком спокойно, дворцовые интриги не в счет. Поставьте себя на место какого-нибудь медика или законника, и прежде задумывавшегося о том, что в

кесарии не все безупречно. Такой человек грабить и убивать кого попало не

пойдет; он даже может подобным убийствам противиться, но когда всё вокруг

встает дыбом, сложно устоять и не попробовать сделать то, что очень хочется и

давно кажется нужным.

— Вы правы, — признал Руппи, проклиная себя за дурацкую браваду. Не напиши он Бруно, все было бы куда проще. Лауэншельд предложил сказать, что

наследник Фельсенбургов после покушения скрывался в Гаунау. Это сняло бы

вопросы, благо Фридрих выдумал вездесущего темноволосого незнакомца, которого видели чуть ли не в трех городах одновременно. Теперь ложь

невозможна, а правда ставит в дурацкое положение и фельдмаршала, и лейтенанта.

Собеседник потянулся к сосуду для шадди. В том, что брат Арно уродился левой, не было ничего особенного, но Руппи это глупейшим образом беспокоило.

— В других обстоятельствах наш алчущий перемен обыватель остался бы дома,

— Савиньяк не собирался покидать призрачный Эйнрехт, — а то и, несмотря на

все недовольство, стал бы помогать страже, но он пьян уверенностью в себе. И

он может оказаться где угодно и кем угодно. Хоть разбойничьим вожаком, хоть

создателем какой-нибудь всесвятой лиги. Марге придется таких либо давить,

либо приручать, а потом травить ими врагов, то есть вашу родню. В его положении разумней последнее.

— В его положении, — не выдержал Фельсенбург, — разумней удрать, но он не

удерет... Сударь, отбив адмирала цур зее, я сделал именно то, о чем вы говорите... То, что хотел, и что считал нужным.

— Именно поэтому я рад вашему появлению.

Фрошер, разбивший дриксенского принца, рад! Год назад это показалось бы

оскорблением, год назад у Дриксен был пристойный кесарь и привычные враги.

— Я понимаю, чем в некоторых обстоятельствах может быть полезен Талигу

наследник Фельсенбургов, но что вам до моих авантюр?

— Они внушают доверие. — Савиньяк сощурился, теперь он напоминал свою

мать. — Большинство ваших ровесников бросились бы за помощью к семье или

попались. Это не считая тех, кто счел бы свой долг выполненным, напившись за

упокоем души казненного адмирала. Вы рискнули и выиграли, а с победителей

спрашивают восьмикратно.

О том, что он сам — победитель, маршал напоминать не стал, и вряд ли из скромности. Покупая лошадь, смотрят ее зубы, а не свои. Что ж, пусть смотрит.

— Да, — сказал Руперт, — у меня всё получилось, но сперва меня спасла ведьма

из Хексберга, а потом я встретился с адептами ордена Славы. Кстати говоря, они проверяют гостей кошкой.

4

Неотвратимое стало ближе на один день, а Мэллит все еще не отыскала способ.

Мысль пробраться в покои первородной Габриэлы гоганни отбросила сразу.

Девушкавидела, по которой из лестниц спускается Эмилия, и, гуляя по стенам, запомнила, откуда выходит в сад та, кого предстояло убить, но как исполнить

задуманное в незнакомых комнатах? Как войти и потом выйти, никого не потревожив?

Безумного Фалиоля, чья мать была частой гостьей в отцовском доме, никогда не

оставляли одного. За первородной Габриэл ой смотрели Эмилия с мужем, но

иногда им помогали другие женщины, и они не были ни глупы, ни слепы. Что

скажут о гостье, поднявшей руку на хозяйскую кровь, сколь бы злобной та ни

была? Нареченная Юлианой останется в Озерном замке до родов, ей

нужны

покой и забота названной дочери, но кто готов принимать лекарства и пищу из

рук убийцы? И как объяснить первородному Валентину, что его сестра умерла, чтобы он жил? Если истину удастся скрыть, смерть безумной будет таким же

избавлением для близких, как смерть Ликелли, что не вставала со своего ложа

шесть лет, проклиная тех, кто ее обмывал и кормил.

Ночью Мэллит приснилось, что она убивает Габриэлу хлебным ножом.
Девушка

проснулась, чувствуя на своих руках кровь и помня, что первый удар не стал

смертельным. Гоганни торопливо засветила ночник и осмотрела руки — они

были чистыми и пахли лавандой. Ужас прошел, но сон не возвращался. Сев в

постели и обхватив коленки, девушка думала о том, что нож не годится, разве

только ударить так, будто Габриэла покончила с собой. Это смог бы лекарь или

воин, а Мэллит всего лишь умела разделять птицу и мясо. Куда бить, она представляла, но как покончить с жертвой, не замаравшись в крови?

Ночь ползла на запад, в окне менялись созвездия, а девушка упорно перебирала

страшное и отбрасывала невозможное. У нее не было яда, она не успела

узнать

местные ягоды и грибы, к тому же оставшееся от господ забирают слуги.
Пусть

такая смерть и не вызовет подозрений, но чем виновата Эмилия с ее вечно усталыми глазами и добрый Эдуард, а ведь у них трое детей...

— Почему ты не спишь?

Роскошная в сборчатой рубашке и чепце стояла на пороге.

— Я проснулась, гляжу, у тебя свет.

— Я... Я видела во сне кровь.

— Тебе стало страшно? — Нареченная Юлианой села рядом и привлекла

Мэллит к себе. — Надо было разбудить меня, дурные сны портят день. А что

тебе снилось?

— Не помню...

— Но кровь-то ты запомнила? Ты видела мертвеца? Лужу крови или тебе приснилось, что в крови ты сама?

— Руки, — призналась Мэллит. — Они были липкими, я зажгла свет и проверила.

— Тут душно, ты вспотела. Слуги перекладывают поленьев в печи, я давно собираюсь сказать об этом Ирэне, а кровь на руках... Пора расставаться с девственностью, только и всего. Это страшно и не очень приятно, зато потом ты

узнаешь радость, которую иначе не получить. Перед свадьбой я тебе все объясню... Если б Курт был с нами, он поговорил бы с твоим женихом, а так

придется мне. Курт в нашу первую ночь был со мной очень терпелив, мне почти

не было больно, а ведь есть дураки, что доводят молодых жен до слез.

Мэллит тоже плакала после ночи любви, первой и последней. Генерал Вейзель

тогда был жив и воевал, он ничего бы не объяснил Альдо, ему никто бы не объяснил, но больше до нее не дотронется ни один мужчина, даже самый достойный!

— Ну вот, так-то лучше.

Добрые объятия стали крепче, и Мэллит отстраненно подумала, что задушить у

нее не получится, силы рук не хватит, а про удавку она лишь слышала. Так наказывали неверных жен и их любовников, но для этого приходил особый человек...

— Да, мне лучше.

Роскошная заставила Мэллит лечь, укрыла, потушила свет и ушла, оставив

общую дверь открытой. Девушка слышала, как скрипит постель, и видела, как

погас огонь. Гоганни тихо лежала в темноте и перебирала места, где Габриэла

бывает одна. Лучше всего подходил лабиринт в нижнем саду, там

первородная

гуляет каждый день, и помешать этому может лишь дождь. Там утонули служанка и граф Гирке, а где утонули двое, может утонуть третий, и он... она

утонет.

Глава 11

ТАЛИГ. АЛЫТ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 20-й день Осенних Скал

1

Если нет дождя, первородная Габриэла гуляет каждый день; когда она выходит, калитки в беседках запирают, но это случается ближе к вечеру, а утром нижний

сад открыт и свободен. Сегодня ясно и солнечно, сегодня сестра Ирэны и Валентина придет в лабиринт...

— Ты осунулась, — укорила, усаживаясь за стол, роскошная. — Пожалуй, травы

нужны не только мне.

-Я...

Мэллит потупилась, придумывая отговорку, но нареченная Юлианой замечала

многое и объясняла все.

— Ты не выпалась, — решила она, — и у тебя снова были кошмары от духоты.

Скажи, чтобы тебе заварили мелиссы с кошачьим корнем, и ложись.

— Да, здесь душно.

— Ничего, проветрят, а ты пока сходи, подыши, только закутайся потеплее.

Солнце уже не греет.

— Я посмотрю на птиц.

Листва на деревьях стала редкой и золотой, залитый светом парк казался вышитой шалью, каменные дорожки подсохли, по их краям возвышались красно-желтые груды листьев и зеленые — еловых ветвей. Садовники готовились к зиме, они начали свою работу, когда прекратились дожди. За несколько дней усердные прошли полпути от верхней стены к лабиринту и теперь возились около липовых галерей. Замыслу Мэллит рабочие не мешали, перед появлением безумной они соберут свои тачки и уйдут, а сейчас пусть

смотрят и думают, что барышня решила загадать желание, как загадывают женщины замка.

Лабиринт был пуст. Солнце золотило мертвые тростники, но голос их остался

прежним, сухим и вкрадчивым, как шорох змеиной чешуи. Это место помнило

многое, еще одна смерть его не удивит, но каналы ненадежны. Где-то они глубоки, а где-то — нет; если нареченная Габриэлой не утонет сразу, она будет

биться и кричать, ее услышат, прибегут спасать — и спасут... Убить на тропинке

и столкнуть уже мертвую? Первородную не поднять, тело придется тащить

по

каменистой дорожке, на нем останутся следы, как и на кромке обрыва, их до

конца не затереть. Мэллит второй день вспоминала песнь о неверной жене, что, вступив в сговор с любовником, зарезала супруга. Преступную разоблачили, потому что слабосильный любовник, прежде чем бросить труп в воду, проволока

его по берегу. Кроме того, мешок падает не так, как живое существо. Мертвец, он тот же мешок, а вниз не спуститься и не поправить — берег слишком крут.

Тростники вкрадчиво шуршали, словно давая совет, только гоганни не могла его

понять. Она брела залитой солнцем дорожкой и думала, думала, думала...

Девушка не держала зла на потерявшую любовь, она сама могла стать такой же

исполненной яда змеей — но долги нужно платить. Она должна многим, и

первородному Валентину больше, чем прочим — кому же, как не ей, отвести

нависшую над полковником угрозу? Проклятье надо снять, а времени остается

только на смерть.

Мэллит вздохнула и ускорила шаг, она шла все быстрее, словно спеша на исходящий из сердца лабиринта зов, она больше не пыталась размышлять.

Ничтожная поймет, что и как делать, как понимали многие до нее, а луна поможет. Луна, воля Кабиохова и Создатель, который должен защитить полковника Придда, пусть и руками недостойной.

Заветный пруд покрывали листья — казалось, со дна всплыли брошенные туда

драгоценности. Дорожка жалась к низкому берегу, можно было подойти и омыть

руки в грустной, как осень, воде и не оставить следов; это гоганни устраивало, но как быть с самым трудным? Силой засунуть безумную под воду и

удерживать, пока не захлебнется, — вряд ли достанет сил. Столкнуть так

далеко, что запутается в платье и не выберется? Для этого нужен нареченный

Йоганном. И все равно будут крики, борьба, брызги, а даже если получится...

Кто-нибудь да задумается, почему первородная оказалась посреди пруда, кто-

нибудь увидит лужу и мокрые следы, и как объяснить промокшую одежду, синяки и царапины, а без них не обойдется.

В то, что графиня Борн напала на гостью, не поверят: безумная ненавидит лишь

свою кровь. Значит, не должно быть ни синяков, ни царапин, не должно быть

борьбы... Тогда получается, что в воду названная Габриэлой должна уйти тихо и

лучше всего еще живой. Подходящее место, где почти не было тростника, Мэллит нашла быстро. Полуденные лучи достигали дна, там среди камней

виднелись монеты и украшения. Плата за любовь, за счастье, за удачу.

Повинуясь порыву, Мэллит отцепила скреплявшую плащ застежку.

— Помощи, — попросила кого-то гоганни. — Возьми и позволь мне сохранить

первородного Валентина, как он сохранил меня. Я готова принять, что заслужила, и я приму.

Она просила на талиг, она пыталась говорить так, как говорят среди здешних

рябин и елей. Только бы поняли, только бы приняли жертву...

Серебряный, украшенный сердоликом лист опустился на дно, на прощанье по-

рыбьи плеснув, и Мэллит нашла, что так искала! Девушка будто вживую увидела груды трепещущих карпов и дубинку в руках младшего из поваров.

Уснувшая рыба теряет целебные свойства и обретает дурные, поэтому ее держат

в садках и глушат уже на разделочном столе. Человека тоже можно оглушить.

Дубинкой, камнем... колотушкой для отбивания мяса. В замке такие есть —

тяжелые, с крепкой рукоятью, они висят в кладовой при кухне. Взять лучше прямо сейчас, воспользовавшись предобеденной суетой, но сперва нужно найти

место помельче, и хорошо бы там из воды торчал камень... Камень, о который

можно удариться.

Ей повезло — на другой стороне пруда, в шаге от берега, виднелись два валуна, точно две головы: дальняя, лысая и серая, и ближняя, пониже, едва прикрытая

водой. Если пожелать взойти на второй камень, если поскользнуться на первом...

Мэллит тронула звездочку на шее и шагнула на зеленое от водорослей темя. Оно

было скользким, достаточно скользким, чтобы с него упасть, оставалось привести сюда безумную и вынудить повернуться спиной. А еще украсть молоток и уйти так, чтобы роскошная не хватилась, а слуги не заметили, но сперва — кража, ложь потом.

Кухни встретили едким дымом сгоревшего хлеба, гневным криком старшего и

плачем виновников. Гоганни возблагодарила принявших дар, кем бы они ни

были, и взяла то, за чем приходила. Пристроив добычу под плащом, девушка

выскользнула вон. Ее никто не заметил, и это было добрым предзнаменованием.

2

В Агарисе Мэллит покидала дом отца и возвращалась назад тайком, ей везло, хотя она вначале была просто глупа, а затем обезумела от любви. Уходя из

талигойского дворца, она искала смерти, чтобы лишить перв... недостойного

Альдо Щита, а нашла жизнь, сперва непрощеную, теперь полную смысла и долгов. Сегодня она вновь — Щит, а ее магия — хитрость и осторожность.

Девушка закрыла сундук, куда сунула добытый молоток, и задумалась. С первой

трудностью она столкнулась уже на лестнице, пытаясь пристроить колотушку

поудобней, что оказалось не так-то просто, к тому же рука под плащом

привлекает внимание. Кто-то заботливый решит, что Мелхен скрывает ожог, и

попросит показать. А вдруг потребуются обе руки? А вдруг она споткнется и

молоток выпадет на глазах первородной Габриэлы? Сунуть за поясок можно, но

неудобно, за корсаж не спрячешь, в юбках не закрепишь, а вот подвесить, пожалуй, можно.

Купленная роскошной широкая марагонская тесьма казалась прочной, но на

всякий случай Мэллит перекинула ее через спинку стула и дважды изо всех сил

дернула — тесьма выдержала. Девушка взяла нитку с иголкой и изнутри плаща

соорудила петлю, в которую и приладила колотушку. Примерила, походила по

комнате, рассмотрела себя в зеркале и осталась довольна: «подвеска» почти не

мешала, не выпадала и полностью терялась в складках, но оставлять ее в спальне все равно не стоило.

Роскошная возилась в своей комнате — готовилась к обеду. Мэллит, перекинув

плащ через руку, выскользнула в гостиную, а оттуда — на лестницу и

дальше, в

глухой узкий коридор. Маленькую опрятную комнатку, выходящую
единственным окном на стену, девушка обнаружила, когда увидела, как по
лестнице поднимается капитан Давенпорт. Избегая встречи с ненужным,
девушка шмыгнула в темноту. Первая же дверь открылась, и беглянка
оказалась

в пустующей спальне для прислуги, в Озерном замке такие комнаты
убирали, но

не запирали, гоганни это устраивало.

Плащ вместе с колотушкой немедленно очутился в резном гардеробе,
трудней

было приоткрыть окно, но Мэллит справилась, после чего помчалась в
кухню

убедиться, что Эмилия с Эдуардом пришли за подносами с едой. Если все
пойдет, как обычно, то... это случится сегодня; нет — в запасе еще
несколько

суток. Помех ничтожная не испугалась бы, но что-то твердило ей —
нынешний

день нельзя терять. Ветер прогнал облака, заветный пруд принял подарок,
и

впервые за все проведенное в Озерном замке время стгорел хлеб, позволяя
незаметно взять молоток. Это не могло быть случайным, улыбки судьбы
коротки

и редки, значит, нужно успеть!

— Теперь ты горишь, — озаботилась роскошная, когда Мэллит садилась за
стол, и добрые слова открыли дорогу лжи.

— Нет, — солгала девушка, — мне холодно... Они слишком выстудили комнаты.

Они усердны.

— Холодно? — Нареченная Юлианой сперва удивилась, потом доброе лицо

стало озабоченным. — Иди-ка сюда!

Гоганни подошла, уже зная, что ей будут трогать лоб и слушать, как на запястье

бьется жила. Роскошная не читала в душах и не знала причины, ее руки ощущали лишь следствие.

— У тебя жар, — решила она. — Не сильный, но полежать нужно.

— Я лягу, — согласилась гоганни, — но я боюсь уснуть и увидеть кровь.

— Выпей сонный отвар, он тебя успокоит.

Питье Мэллит, назвав горячим, унесла к себе, задвинула засовы на обеих дверях

и села, ожидая, когда нареченная Юлианой ляжет. Она всегда ложилась после

обеда и вставала уже в сумерках; сегодня, в день удачи, по-другому быть не

могло. Часов в комнатке не имелось, но Мэллит знала, что, ложась, роскошная

ее окликнет, — так и стало.

— Мелхен... — Голос был ласков и спокоен. — Девочка моя, ты спишь?

Мелхен спит, Мелхен выпила снадобье и крепко спит, она проспит до вечера.

Гоганни открыла большую книгу о цветах и прочла, не пропуская ни единого

слова, десять страниц. Десять страниц — четверть часа. Пора! К озеру надо

прийти первой.

Девушка осторожно потянула на себя тяжелую раму. Ветер дул с другой

стороны, а здесь было затишье, и на оплетающих стены черных лозах

держались пятипалые листья — алые, светло-желтые, багряные. Снять

головную ленту, сбросить туфли, продеть ленту сквозь пряжки, повесить связку

на шею, вскочить на подоконник, шагнуть на тянущийся вдоль гостевых спален

карниз... Хорошо, что окна выходят не во двор, а в пустой, теперь пустой

цветник. Уходить из отцовского дома было трудней, правда, немного мешают

мокрые плети, но они же и помогут, если соскользнет нога. Не соскользнула.

Мэллит спокойно юркнула в заранее приоткрытое окно.

3

Бывают дни невезения, а бывают дни удачи. Сегодня по всем признакам был

один из них, и девушка торопилась. Закутавшись в плащ, она спустилась в сад и

исчезла в желтом чреве галереи. Слуги, обедавшие после господ, доедали

сладкие пироги и сплетничали, вновь приниматься за работу они не

торопились.

Гоганни никто не увидел, ей даже не понадобилось перелезть через ограду —

беседка была отперта, значит, первородная Габриэла еще не выходила.

Светлые поляны манили памятью лета, но Мэллит напрямик не пошла —

хозяйка могла стоять у окна, любуясь на ставшие ее сердцем сады, она заметила

бы на золоте мертвых трав темную букашку. Девушка двинулась вдоль ограды

нижнего парка, зная, что от взглядов сверху ее скрывают ветви, а войти в лабиринт со стороны озера даже удобней.

На берегу серые утки спорили с зеленоголовыми селезнями, и, вторя птицам, тихо плескалась вода. Мэллит присела на корточки и омочила руки в чистом

холоде, прося входящую в силу Луну о помощи. Поднялась, тронула мокрыми

пальцами виски, выдернула из петли колотушку, вернула назад и осталась

довольна своей выдумкой. Справа тянулась синяя с серебряными росчерками

гладь, слева, отрезая прошлое, бледной стеной встали тростники лабиринта.

Гоганни смотрела на них, пока из сухой чащи не взмыла утиная стайка. В том, что их спугнула первородная, Мэллит не усомнилась ни на миг; если в чем и

были сомнения, так это в силе собственных рук, но Луна поможет и полковник

Придд останется жив.

Потревоженные утки давно смешались с кормящимися у берега сородичами, однако Мэллит не спешила ступать на усыпанную мелкими камешками дорожку, дав безумной время отослать служанку, а нареченной Эмилией — дойти до

беседки и запереть теперь уже запретный сад. По обе стороны входа в лабиринт

стояли две скамьи, возле первой доцветало странное растение, похожее на вдруг

заалевшую мяту. Гоганни сорвала и размяла в пальцах листок, он пах пряно и

горько, напоминая смешанную с перцем полынь. Алая трава, если в ней нет яда

и чрезмерной резкости, сможет отбить запах тины у озерных рыб...

Хруст гравия, еле слышный в шорохе тростника, заставил девушку оглянуться.

Первородная Габриэла неспешно шла к озеру, она еще не видела гоганни, но

здешний берег слишком топок, чтобы успешно исполнить задуманное.

Мэллит

откинула капюшон и села на скамью, ожидая, что ее окликнут, и готовясь

ответить.

— Ты опять здесь, девочка? — Первородная казалось слегка удивленной.

— Как

же тебя тянет покой...

— Я в первый раз вижу такой цветок. — Мэллит раскрыла ладонь с

красными

листочками. — Это яд?

— Увы, нет. — Габриэла тоже откинула капюшон. — Это искрянка. Летом она

топит берег в крови, хочешь увидеть это и другое — оставайся со мной.

— Я нужна баронессе Вейзель. — Мэллит, словно сожалея, покачала головой.

— Как я могу ее оставить, ведь она теперь одна...

— И пусть. — Первородная улыбнулась. — Пойдем отсюда. Озеро ловит слишком много солнца.

— В сердце тростников вода не режет глаза, — тихо согласилась гоганни, — там

спокойно.

— «Сердце тростников»... — повторила безумная. — Сердце... Оно утонуло, вокруг него вырос тростник. Сердце помнит, оно рассказывает о чужом доме, и

тот снится и снится... Меня заперли в чужом сне, но разве это предательство

первое? Такты не любишь моего брата?

— Я не могу любить.

— Ах да, ты говорила... Почему ты не ненавидишь?

— Он умер.

— Ну и что? Нельзя прощать, запомни это. Никогда и никого не прощай, тогда

ты останешься и запрешь за ними двери. За всеми. Пусть воют по ту сторону, пусть грызут засовы... Пусть тянут за собой свою кровь и своих любовников! Ты

знаешь, как ты красива? Красоте нужна или любовь, или ненависть, без них ты

станешь такой, как она!

— «Она»? — переспросила Мэллит. Впереди блестит пруд, но у этого берега

слишком много тростника и ни одного камня. — Графиня Гирке?

— Она так и не стала Гирке, она предпочла поседеть... А ведь все было очень

просто. Любить мужа или ненавидеть, а она выбрала цветы... Ей бы ненавидеть

тех, кто ее отдал и взял, но она стала собакой и сторожит мое сердце. Глупо, ведь я его променяла, только Ирэна вообще глупа, она решила меня жалеть. Тебе

меня жаль?

— Я... вас не знаю.

Ее нужно взять под руку и отвести к двум камням. Иначе она так и будет стоять

и говорить, а потом придет Эмилия...

— Не знаешь? Тебя нес на руках мой брат, что он тебе говорил?

— Полковник Придд не хотел, чтобы я разбила ноги. Он ничего не рассказал.

— Он — негодяй, они оба негодяи... Один недоплатил, второй заплатит за двоих.

Жаль, Валентин не хочет полюбить тебя. Я была бы рада.

— Мне не нужно, чтобы меня любили! — Мэллит взяла безумную под руку, так

в Талиге ведут знатных дам, так везде прикасаются к змеям. — Я видела, на дне

что-то блестит, но ведь это не сердце?

— Нет, конечно же, нет...

— Но я видела.

— Побрякушки. Глупые женщины так выпрашивают счастье. Здесь был колодец

со злом... Ты слыхала про зло, что приходит с закатом? Порой оно дает, что у

него просишь... Это те, что желают добра, всегда забирают! Значит, ты не знаешь, как мне желали добра?

— Нет. — Первородная все же двинулась с места. До двух камней далеко, но

время есть, и они дойдут. — Я знаю только ваше имя.

— Мое имя? Которое?

— Вас нарекли Габриэлой.

— Я — графиня Борн, девочка. Я была такой, как ты, когда мне надели браслет с

дубовой ветвью. Меня не спрашивали, в нашем доме никого не спрашивают. Я

сказала «да», как мне велели, и только потом увидела его глаза, зеленые, с

солнечными крапинками. Я умерла, и я родилась...

Первородная замолчала, однако руки не отняла. Она вспоминала и шла умирать, тростники это знали, тростники и леденящая мертвые корни вода. В тихом

шорохе не было ни жалости, ни голода, только ожидание неизбежного.

Ожидание зимы...

— Как же мы с Карлом любили друг друга! — Безумная заговорила, когда дорога почти иссякла. — Наше счастье было ярче солнца, но нас сожгло не оно... Мой муж выполнил свою часть договора, а мой уже не отец — не пожелал. Я помню, Карл проводил герцога Придда до кареты, вернулся и сказал, что помощи не будет. Он почти смирился, но я не дала ему отступить! Я знала, что делать, и я делала; я просила, и мне отвечали, но Карл отправил меня в

Васспард. К ним! В их холод, в туман... Муж хотел меня защитить, а это я защищала его! Я была молода, я поехала.

— Здесь красиво, — сказала Мэллит и остановилась. Найденные перед обедом

валуны ждали, как и замершие тростники, и золотая вода.

— Уходи, — внезапно велела первородная, высвобождая руку. — Ты мне не нужна... Ты не слушаешь.

Мэллит ничего так не хотелось, как уйти, но смерть была уже в Озерном замке, она заберет Валентина, если прежде не насытится его безумной сестрой.

Гоганни покачала головой.

— Я не уйду, но касаться горя тяжело.

— Оно не твое. — Голос стал суше пепла. — У тебя не может быть горя, так, мелочь... Потерянная серьга, никчемная обида. Горе не приходит без любви, но

только оно меня удержало. Любовь и горе рождают ненависть, а ненависть может обменять сердце на смерть. Я смогла, ты — не сможешь, ты всего лишь

обронила серьгу. С каким она была камнем?

Нужно было отвечать, и Мэллит ответила:

— Это был янтарь.

— Как твои глаза. Я подарю тебе ожерелье.

— Мне ничего не нужно.

— Разве? Тогда почему ты приходишь?

— Здесь красиво. — Мэллит сошла с тропы и двинулась к воде. — Я люблю

быть одна.

— Да, ты свободна, тебя трудно поймать... — Первородная идет сама! Идет к

воде... — Они ускользали от меня. Оба. Но я поклялась, когда мне перестали

лгать про Карла... Я обещала ему остаться в Васспарде, пока он за мной не придет. Распускались листья, я ждала, а мне говорили, он занят. Он воюет... Он

бежал в Гаунау. Его убили в Занхе, ты знала об этом?

— Нет.

— Лжешь.

— Я росла в... Алате. Графиня Гирке и полковник Придд не говорят со мной о

своем доме.

— У них нет дома. Брата не будет. У сестры ничего не останется.

Первородная стояла уже возле самого среза воды. Лучшего места не найти

—

травянистый берег и каменистое дно. Мэллит поймала взгляд, серебряный и

холодный.

— Мне жаль, что граф Борн погиб.

— Тебе все равно! — Первородная резко отвернулась. — Оставь меня.

Нареченная Габриэлой смотрела на дальний валун. Ночью был ветер, он принес

из сада листья и осыпал ими воду и берег. Красные на сером камне, они

предвещали кровь. Рука Мэллит нырнула под плащ, готовясь высвободить

молоток. Сестра первородного молчала, солнце золотило ее волосы, даруя им

цвет созревших каштанов. Густые и длинные, они были уложены так, что

защищали затылок и макушку.

— Ты еще здесь? — Женщина у воды обернулась, гоганни вздрогнула и крепче

сжала деревянную рукоять. — Тогда слушай. Ты будешь знать почему, и ты

расскажешь.

— Нет.

— Ты уйдешь, сядешь у огня со взрослыми сплетницами, захочешь их удивить и

расскажешь. Не стесняйся, я буду лишь рада, если узнают, что это я отомстила.

Они говорят про судьбу, про войну, про случай... А это я. Я! Запомни это.

— Да, — сказала гоганни, понимая, что видит себя. Ту, которой она бы стала, потеряв названного Альдо прежде любви. Кого бы она возненавидела?

Первородного Робера, воина Дювье, нареченного Удо? А может, полковника

Придда или роскошную? Или... всех?

— Ты что-то поняла, это хорошо. Очень хорошо. — Взгляд первородной

впивался в лицо, и Мэллит чувствовала: безумная довольна. Она видит испуг, она не знает, что недостойная боится себя несбывшейся. — Позже я научу тебя

тому, для чего сердце без надобности, а сейчас можешь идти. Я хочу побыть

одна.

Ответа графиня Борн не ждала — ведь она приказала, этого довольно. Мэллит

видела, как закутанная в плащ поворачивается к озеру, устремляя взгляд куда-то

за серый камень с присохшим к нему жухлым листком. Она сказала все, что

хотела, она больше не оглянется.

... Гоганни ударила изо всех сил. Туда, где меньше волос, чуть сзади и выше уха.

Резкая боль метнулась от локтя к враз онемевшему запястью, качнулась, пытаясь

уйти из-под ног, земля, но девушка устояла. Она даже успела толкнуть беззвучно оседавшую Габриэлу в спину, и та упала в воду. Вниз лицом.

Луна защищает первородного Валентина, но она не сходит на землю, а неделанного оставалось много. Мэллит не позволяла себе ни чувств, ни размышлений, ни молитв. Она была быстра и безжалостна, как ласка или

куница. Бросить плащ под ноги, чтобы не осталось ненужных следов,

подвернуть платье и нижние юбки, упасть на колени у кромки воды, завернуть и

прижать браслетами рукава. Руки ложатся на спину упавшей, рядом на берегу

молоток для мяса. Если что, придется... Не пришлось. Тело несколько раз

судорожно дернулось — несильно, даже не пытаясь повернуться.

Вырвалась на

поверхность и вновь ушла под воду рука, и стало очень, очень тихо. Гоганни

поднялась, отшагнула от воды, расправила рукава, подняла и отчистила плащ, подвесила на место колотушку. Нужно было посмотреть на мертвую, и девушка

посмотрела.

Габриэла лежала недвижно, лишь колыхались, мешаясь с водорослями,

рассыпавшиеся волосы, а рядом поднимал голову серый камень, словно

убеждая: «Это она об меня, об меня...» Было тихо, потом озерную гладь
вспорола утка. Похожие на павлиньи перья тени ложились на берег —
возвращался ветер; шепот тростника становился громче, но солнце еще
стояло
высоко.

Удача не уходила, и обратная дорога вышла легкой, только облепляла ноги
намокшая юбка, не давая забыть о той, что осталась в осени. Чуть
сгустившиеся

тени, знакомая ветка, доносящиеся издали голоса... Если заметят — она
выходила погулять, она часто выходит, когда роскошная спит. Не заметили
ни в

саду, ни во дворе — значит, больная Мелхен не покидала комнат. Ненужная
спальня, как и прежде, пуста, старый гардероб примет колотушку, вечером
ее

нужно вернуть, а вот плащ в узел и на шею, вместе с туфлями. Они почти
сухие, это подол намок, но время есть, подсохнет... Открыть окно,
выглянуть — внизу

никого, а дорога знакома. Дрожь расписных листьев, вечерний луч на щеке,
метнувшийся наискось голубь. Вот и все. Она у себя, дело сделано, за
стеной

спит нареченная Юлианой, часы-букет в ее комнате бьют... Четыре
пополудни.

Первородную найдут не скоро, и это время нужно переждать.

Мэллит разобрала постель — ведь она спит! — разделась, пристроила у
печи

мокрое платье, отодвинула засов в комнату роскошной и почувствовала, что

мерзнет. Запоздалая дрожь становилась все сильнее, а губы как-то враз пересохли. Стуча зубами, девушка добралась до ночного столика, где всегда стоял кувшин с водой, и увидела полную кружку. Сонный отвар, о котором она совсем позабыла! Еще один подарок дня удач! Она выпьет, уснет — и пусть приходят, пусть приносят свои новости, пусть видят: Мелхен спит, она больна...

Она в самом деле больна.

II. «ШЕСТЕРКА КУБКОВ»[4]

Успех может быть обернут только правдой.

Шарль де Голль

Глава 1

ТАЛИГ. НОЙЕДОРФ

СТАРАЯ ЭПИНЭ

400 год К. С. 21 -й день Осенних Скал

1

Когда лошадь жаждет нестись карьером, лучше всего это ей и предложить.
Арно

бы и предложил, будь они с застоявшимся Каном вдвоем. Увы, общество гаунау

располагало к сдержанности, и теньенту оставалось лишь играть поводом, отвлекая внимание жеребца. Кана тянуло в луга, благо таковые за придорожной

канавой имелись, причем самые привлекательные: ровные, широкие, скачи

— не

хочу, хоть до далекого леса, хоть вдоль дороги.

— Шагом, — не очень искренне велел Арно, — шагом... Не на охоте.

Кан фыркнул и попытался навалиться на повод — настроение хозяина он чувствовал, а

дипломатии не признавал. Виконт Сэ подобного себе позволить не мог, по крайней мере на этом обсаженном кривыми вязами тракте. Приходилось не

только сдерживать коня, но и вести серьезную беседу.

— Вы сосчитали малые смерчи, которые предшествовали большому? —

допытывался полковник Лау-кто-то-там-шельм, возглавлявший ползущую, будто

на похоронах, процессию. — Не было ли их четыре или восемь?

— По-моему, было штук шесть, — честно попытался припомнить Арно. —

Больше четырех точно, но считать мне как-то в голову не пришло.

— Это объяснимо, — обрадовал «медведь». — Вы вряд ли в тот миг думали, что

накрывшая вас буря необычна.

Арно в тот миг не думал вообще, но не признаваться же в этом исконному врагу, пусть и решившему полгода не воевать.

— Я думал, как догнать вражеских всадников. Это были наемники из Каданы.

— Легкая кавалерия, — проявил осведомленность полковник. — От них может

быть польза в поиске, но не в серьезном сражении.

— Когда на одного шестеро, — буркнул тенъент, — и каданец за четверть рейтара сойдет.

Спутник согласился и свел густые рыжеватые брови, явно рожая очередной вопрос, но огласить его не успел. Кану похоронная компания надоела окончательно, мориск резко свернул и, уподобившись орлу, воспарил.

Приземлившись, безобразник предпринял попытку сорваться в галоп. Не вышло, и прижимающий уши и раздувающий ноздри умник был водворен на

прежнее место в строю.

— Он не собирался меня высаживать, — объяснил Арно. — Он так шутит.

— Ваш конь в хорошем расположении духа, — кивнул гаунау. — Вы, надеюсь, тоже.

Тенъент предположение подтвердил, хотя к радости — он возвращается — примешивались досада и предчувствие разговорчика с братьями. Арно предпочел бы объясняться с Ариго или, на худой конец, с Райнштайнером, но в

Западную армию принесло сперва Эмиля, а потом и Ли, о котором гаунаский

полковник имел исключительно высокое мнение. Об этом тенъенту

торжественно сообщили при знакомстве, во время коего Арно пребывал в слегка

обалдевшем состоянии: долговязый штабной дрикс минутой раньше объявил, что «виконт Зэ», во-первых, свободен, а во-вторых, обязан своей

свободой его

величеству Хайнриху. Обычно бойкий на язык Арно растерялся, и тут ввалился

этот самый Лау...

— Начало бури стало для вас полной неожиданностью?

Прекращать расспросы спутник не собирался. Беседа тянулась, пока гаунау полностью не удовлетворил свое любопытство, что произошло уже в виду длинного, будто гусеница, дома, на крыльце которого ржали «фульгаты», а у

забора катался в пыли серый в яблоках мориск. Очень знакомый.

— К моему глубокому сожалению, я крайне спешу, — объявил проделавший

весь путь шагом полковник. — Прошу вас засвидетельствовать мое почтение

маршалу Савиньяку. Я надеюсь увидеть его после ужина. Желаю вам всего наилучшего.

— Благодарю вас, — благовоспитанно произнес Арно, и гаунау торжественно

уползли.

Нынешних братних свитских тенъент не знал — «закатные твари» обо всем догадались сами.

— С благополучным возвращением, сударь! — весело поздравил худощавый

капитан. — Муха, лошадку прими. Маршал в дальней комнате.

Задержаться перед услужливо распахнутой дверью невозможно, значит, кляча

твоя несусветная, вперед!

Тряпичные половички глушат шаги, стоящий у окна Лионель не оборачивается, ну и как прикажете к нему обращаться? Не господин же маршал или еще какой

проэмперадор? Три комнатенки, два порога, перешагивая первый, Арно забыл

нагнуться и получил от низкой притолоки по голове, второе препятствие

удалось взять благополучно. Щелкнуть каблуками и доложить по всей форме?

Пожалуй...

— То, что дриксы тебя при первой возможности выставили, понятно, — Ли по-

прежнему смотрел в окно, — а вот как вышло, что вернули Кана?

— Совесть! — огрызнулся застигнутый врасплох Арно. — Ты слышал, что это

такое? Я вытащил из лужи ихнего Баваара. За уши.

— В ближайшее время он им не пригодится. Садись и пиши матери.

— Сейчас?! — не понял Арно.

— Именно. Не могу сказать, что я за тебя совсем не волновался, но это, как ты

понимаешь, в прошлом. Без письма ты отсюда не выйдешь. Стол, чернила и бумага во второй комнате.

— Про дриков ты, надо думать, слушать не хочешь?

— Къш!

Каблуками Арно все-таки щелкнул, и совершенно зря — в шпору вцепился круглый пестренький коврик. Отодрав нахала, теньент предусмотрительно наклонил голову и без происшествий перебрался в среднюю комнатку.

Встреча с братцем-Проэмперадором получилась глупей некуда, но умной она

выйти и не могла, а писать так и так бы пришлось. Арно открыл чернильницу с

родимым оленем, малость посидел, привыкая к мысли, что гуси на флягах и

письменных приборах остались позади, и одним махом изобразил:

«Матушка, у меня все очень хорошо, я здоров. Из-за бури я по случайности спас

офицера из числа «быкодеров» (это почти наши «фульгаты», только слегка хуже) и вместе с ним угодил к дриksam. Ничего плохого со мной там не случилось, но

было очень скучно. Сегодня я вернулся вместе с Каном. Как дела в нашей

армии, тебе напишут братья. Как твоё здоровье и как здоровье графа Бертрама ?

И какова у вас погода ? Здесь последнюю неделю прохладно и очень солнечно.

Твой сын Арно».

Личная печать виконта Сэ осталась на Мельниковом лугу, о чем Арно подумал

лишь сейчас.

— Запечатываешь? — Теньент помахал письмом. — У меня кольцо потерялось...

— Балбес, — Лионель пробежал злосчастное послание глазами и неторопливо

разорвал. — Мать сейчас в Тарме, так что Бертрам неуместен, а ты будешь

переписывать, пока не наскребешь событий и чувств на две полные страницы. И

учти, рапортом о сражении тебе не отделаться.

2

Последний раз граф Валмон заезжал к Иноходцам еще при жизни Магдалы. До

восстания все запросто ездили в гости ко всем, затем прежняя жизнь рухнула, и

вот теперь пришло время убрать хотя бы часть обломков — именно так

выразился Проэмперадор Юга, уведомляя командующего ополчением

Внутренней Эпинэ о своем прибытии. Робер, чувствуя себя одновременно

растяпой и подхалимом, раз пять проверил, готовы ли гостевые апартаменты и

что творится на кухнях. Повар завязывался в узел, однако бой, который он вел, был безнадежен. Про разборчивость Валмона Иноходец слышал с детства —

деда привычки «этого кошачьего Бертрама» бесили, а своих чувств старик не

скрывал никогда. Герцог кромсал ножом жаренное на решетке мясо и твердил, что хоть сейчас пробежит две хорны и не заметит, а обожравшийся паштетов

Валмон свалится через сотню шагов. «Я еще спляшу на справедливых похоронах, — сулил Повелитель Молний после смерти Магдалы, — не пройдет

и года, как проглотит задавит его собственный жир!»

Дед просчитался — плясали другие, и плясали на костях Эпинэ, но граф Бертрам в этом не участвовал, он в это время по мере сил отравлял жизнь подминавшим под себя дедовы земли Колиньярам. Не из милосердия, само собой, — поглотитель сыров не терпел, когда кто-то разевает пасть шире Валмонов...

— Ты как хочешь, — напомнил о себе и настоящем Карой, — только я тоже твой

гость и к тому же посол дружественной державы. Изволь кормить.

— И меня, — поддакнул Мевен, глядя на серебряные часы, некогда преподнесенные «доблестному и благородному маршалу Рене» мастерами благодарной Паоны. — У кого-то колесо отвалилось, а мы тут погибай!

— Кошки с вами, накормлю, — хмыкнул Робер и велел подать холодного мяса, горячего хлеба и вина. Объяснять, что он переживает не за себя, а за репутацию

замка, бывший Прозэмперадор Оллари не стал. Алат счел бы подобное глупостью, а Иоганн, чего доброго, принялся бы утешать. Дескать, после деда и

мятежа могло быть хуже... Верно, могло, только очень уж не хотелось ударить в

грязь лицом.

— Любопытно, каков наследник наследника? — Мевен поискал глазами горчицу, нашел и намазал на хлеб. — Еще цыпленок или уже змеища? Робер, вы

же с Волвье из одного корыта хлебали...

— Как и ты с Валме, — напомнил Эпинэ. — Тебе это помогло?

— Помогло бы, если б я вконец с вашей гальтарщиной не одурел. Так что скажешь про Волвье?

— В Лаик кормили слишком скверно, чтобы распробовать Валмона.

— И потому ты с утра тиранить повара? Думаешь, обед рассудит?

— За обедом человека не поймешь, — усмехнулся Балинт, — только в драке!

Того же Бурраза возьми...

— Не в драке дело, — запротестовал Иоганн, — и не в обеде. Змеюку главное

врасплох застать.

— Ну застанешь, ну унесешь свое знание в могилу, — поддел алат, — толку-то.

Вот фазанов заставить врасплох полезно... Кстати, Мевен, я так вас и не поздравил с удачным переворотом. То времени не было, то что-то мешало.

— А в самом деле, — подхватил Робер, — как вы все провернули? Я думал, ты

на сторону этих г... Краклов переметнулся. Альдо ты в последнее время не жаловал.

— Не в последнее.

Виконт вгрызся в ставший темно-желтым хлеб и закашлялся, фонтаном брызнули крошки. Балинт заржал, Иноходец удивился — с чем-либо перепутать горчицу было невозможно.

— Ты что?

— Это... Это... что?! — Мевен, продолжая ронять изо рта крошки, схватился за вино.

— Горчица. — Эпинэ на всякий случай лизнул темно-желтую пасту. — Хорошая вроде бы.

— Нет, вы не чесночники, — обличил, утирая слезы, виконт, — вы горчичники...

Это же порошок на гадючьем яде!

— Ничего подобного. — Карой лихо сунул свой кусок мяса в предмет обсуждения. — Но мне доводилось обедать с послами Дриксен, Гаунау и Каданы. Они зовут горчицей невразумительный сладковатый крем, а вы в вашей

Придде не так далеко ушли от дриксенцев. Правда, в Олларии в ходу и приличная горчица.

— В соусах! — простонал переживший потрясение Мевен. — В соусах, но чтобы прямо к мясу... Вот такое... Какое счастье, что моя помолвка в прошлом!

Дораки наверняка лопают этот ужас.

— Ужас лопают они. — Робер кивнул на веселящегося витязя. — Попробовал

бы ты алатские подливы!

— Еще чего! — Пострадавший в одиночку завладел кувшином. — Надеюсь, когда замок возьмет в свои ручки Марианна, гостей прекратят сжигать изнутри.

— Отдай вино, — велел Робер, — и рассказывай.

-Что?

— Что было, когда я дрых в Багерлее.

— А... — протянул и не думавший расставаться с добычей Мевен. — Что-то

было, наверное. Я тоже спал... Мне велели выспаться, и я выспался.

— Да кто велел-то?

— Угадай, — потребовал Мевен. Виконт не изворачивался, просто после запитой вином горчицы он как-то развеселился.

— Регент Талига, — в тон откликнулся Карой, — но я играю нечестно.

— Разве мы играем? — удивился бывший гимнет-капитан.

— Нет, — засмеялся алат, — и да... Люди играют всегда, мужчины — со смертью, женщины — с мужчинами, но почему бы не раскрыть карты? Я знал, что на приеме, который затеял Кракл, будет занятно, потому и перестал болеть.

— Ах да, — припомнил Мевен, — вы же проболели всю Ракану..

— Не я один, — уточнил витязь, — но в каждой стране болеют по-разному.

— Балинт, — перебил Эпинэ, — значит, тебя позвала сестра?

— Инголс. Я и прежде имел с ним дело, а то, что нохская троица играет в одну

игру, после суда стало окончательно ясно. Пропустить выход законного регента

Талига я не мог, однако с его именем ошибся. Нет, то, что Рокэ бросился к армии, передоверив столицу ее величеству, не удивляло. Тогда. Сейчас я этого

исчезновения не понимаю.

— Алва с Валме где-то на юге. — Иноходец темнить не собирался. — С дороги

он прислал мне приказ... О назначении меня Проэмперадором Олларики со дня

рождения Октавия.

— Ничего себе! — Мевен наконец выпустил кувшин. Пустой.

— Ворон не мог знать, что... Что сестру убьют, но после родов она всяко переставала быть регентом, так что требовалась какая-то другая власть.

Кэналлиец выбрал меня. Почему-то...

— А кого еще? — пожал плечами Карой. — Выходит, Рокэ в Сагранне или, вернее, в Гайифе. Спроси у Валмона, где именно.

— Хорошо, — пообещал Робер и понял, что пора удивляться. — Ты зовешь Алву по имени?

— Он — потомок Алонсо, — напомнил алат, будто это что-то объясняло, — к

тому же мы вдвоем взяли медведя и разделили его сердце. Альберт это знает.

Старый хорь не зря после кончины Адгемара сунул меня именно в Олларию.

— Я дубина. — Робер оглядел стол и понял, что посылать надо не только за

вином. — Жил же в Сакаци... Он ведь твой? То есть Карой...

— Сакаци принадлежит Савиньяку, но по завещанию Раймонды Алва-Савиньяк

замком управляет глава дома Мекчеи. Каждый год посол Алата и владелец

Сакаци подписывают прорву бумаг, чему я и обязан знакомством с Инголсом.

Очень своевременным.

— А как же Карой?

— Последний настоящий Карой умер бездетным задолго до Раймонды. Мой

прадед получил имя, но не замок. Слышишь? Во дворе?

— Точно, — подхватил оживившийся Мевен. — Валмоны идут на запах... Если

их не приманить на жареное, они явятся на кровь...

— Надеюсь, наша кровь Бертраму без надобности, — усмехнулся поднимаясь

Робер. — И мясо вроде бы удалось.

— Удалось, — согласился алат и тоже встал. — Пошли.

На площадке третьего этажа они столкнулись с Аннибалом, собиравшимся

доложить о прибытии Проэмперадора Юга, и Робер почувствовал укол совести.

Иноходцу в голову не пришло бы сесть за стол без Никола, но младший Карваль

сумел стать лишь капитаном Старой Эпинэ — дотошным, толковым, до ужаса

похожим на брата и именно поэтому — чужим.

— Монсеньор... — Аннибал покосился на спутников Иноходца и все же закончил: — Насколько я смог понять, граф Валмон не любит, когда на него

смотрят... во время переноски.

— Я бы тоже не любил. — Эпинэ вслушался в приближающиеся тяжелые шаги

и остановился. — Балинт, я так и не понял, почему ты — Карой?

— Господарь решил вернуть старую славу, вот и дал одному витязю сразу имя, жену и как бы не сына...

Тяжелый топот начал удаляться — Проэмперадора уносили в помнившие королей апартаменты на втором этаже — зато на лестнице показались роскошные перья, тулья шляпы, голова, а затем и целый кавалер, весьма напоминающий Валме, каким тот разгуливал по Олларии. Узнать в нем памятного по Лаик ушастого юнца Робер не смог бы ни за какие деньги.

— Прошу простить мою нескромность. — Серж, если это был он, отвесил изящный полупоклон. — Я позволил себе отправиться на поиски хозяина без

сопровождения. По поручению батюшки, само собой. Проэмперадор Юга просит его извинить и позволить ему некоторый отдых, завтра утром он будет

готов ко встрече. Об ужине не тревожьтесь, у нас все с собой, более того, мы

хотели бы поделиться с вами мягкими сырами. Боюсь, война в Придде может

надолго лишит нас этого удовольствия.

— Спасибо, — поблагодарил Робер, чувствуя трусливое облегчение от того, что

разговор откладывается, и при этом испытывая желание слегка поколотить дружелюбного однокорытника. — Но на ва... твоё общество за столом мы можем рассчитывать?

— Увы, нет. — Волвьё до отвращения фамильно развел руками. — Батюшка, не

будь у него другого выхода, доверил бы мне деловой разговор, а ужин в кругу

друзей не требует разрешений. Только в нашем с тобой случае вышло бы нечто

среднее, а к этому меня, в отличие от Марсея, не допускают. Я уполномочен

лишь передать слова Проэмперадора и проследить за правильной переноской

сыров.

«Матушка, как вы уже знаете»... «Милая матушка, генерал Ариго...»
«Дорогая

матушка, в 15-й день Летних Волн на Мельниковом лугу, что на берегу реки

Эйвис, наша армия дала... приняла навязанное ей дриксами сражение...»

От мысли писать набело Арно, изведя треть проэмперадорской бумаги, отказался, но с черновиками тоже не ладилось. Ли убрался, пообещав ужин,

«когда закончишь». Есть пока хотелось не очень, однако само положение сразу и

смешило, и бесило. «Дорогая матушка, я не стану ничего писать о сражении на

Мельниковом лугу, но... но мы его почти проиграли... но дриксы почти выиграли... но все повисло на волоске...»

— Чувств ему захотелось... — пробурчал тенъент, набрасывая на уже испорченном листе не то профиль Ли, не то собственный. — «Чувств и событий».

Снова пробиваться сквозь стену воды, тащить на себе недоутопленника, карабкаться по скользкому боку кургана, влезть, перевести дух и понять, что

только что вытащил из болота «гуся» и вообще угодил в плен?!

«По нелепой случайности я попал к дриksam. Пока «гуся» не поняли, кто я, можно было бежать, но для этого требовалось оставить Кана, а он только что

спас мне жизнь. Кан так устал, что не мог двинуться с места, и я упустил время, а дальше стало поздно. Я назвал себя, но слава нашего дома не столь

велика, как

порой кажется; к тому же дриксы путают «С» в начале слова с «З», и у них

существует преглупый обычай титулования родственников. Сын и наследник

герцога Гуся у них будет граф Гусь, а брат — граф имярек Гусь. Виконт Сэ для

них стал наследником графа Зэ, а графа Зэ они не знают, так что я оказался

пленником довольно-таки известного в армии Бруно капитана, которого сдуру

вытащил из трясины, в которую превратился Мельников луг..

«Которого — в которую» легло на пути разогнавшегося наконец пера барьером.

Его следовало либо обойти, либо взять. Арно потер подбородок, прикидывая, что лучше, но тут в прихожей скрипнуло и послышались быстрые шаги.

— Если ты думаешь, что я Веннен, — не глядя огрызнулся тенъент, — ты ошибаешься.

— Я так не думаю, — засмеялись сзади, — но Веннена я бы не испугался. В

отличие от великого Барботты. Сударь, имею честь поздравить вас с возвращением.

— Руперт! — возопил Арно. — Ты-то что здесь делаешь?!

— То же, что ты делал еще утром, — фыркнул дрикс, с готовностью переходя на

«ты». — Пребываю в плену, более или менее доброжелательном. Очень рад

за

твою мать.

— Угу... Хотя ты же ее не видел.

— Мы встретились в Тарме. Графиня говорит, вы с Приддом помирились, выходит, я больше вам не секундант?

Руперт огляделся в поисках куда бы сесть, и Арно решил, что это прекрасный

повод прервать писания.

— Пойдем отсюда, — решил виконт. — Я просто обязан тебя угостить, а тут

только чернила. Что господин Кальдмеер?

— Был здоров.

— Где он сейчас?

— В Хексберг. Мы опять встретили Вальдеса.

— Надеюсь, он вел себя прилично?

— На мой взгляд, безусловно. Вальдес приглашает посмотреть, что за Бирюзовыми землями. Не сейчас, когда кончится война...

— Сударь... — Подпиравший стену капитан «фульгатов» взял Арно под руку. —

Позвольте на пару слов.

-Да?

— Приказ маршала. Вы можете выйти, лишь вручив мне письмо к вашей матушке.

На то, чтобы не выругаться, теньента хватило. Наблюдавший за разговором от

двери Руппи понимающе усмехнулся. Ситуация была нелепой, но на

Мельниковом лугу Арно попался еще глупее.

— Письмо сейчас будет, — бросил виконт. — Руппи, подождешь?

— В последнее время я только и делаю, что жду. — Дрикс улыбался, но что-то

неуловимое в его лице отбивало охоту улыбаться в ответ. — Ожиданием больше, ожиданием меньше...

— Я быстро.

На сей раз перо скакало по бумаге с резвостью годовалого мориска. Арно валил

в одну кучу смерчи, пушки, безделье, пари с «утопленником», заявившегося по

душу «виконта 3э» адъютантика, седого дрикса, здоровенного гаунау и

леворукого братца. Очень хотелось написать о разговоре с Бруно — разговоре, которым теньент немало гордился, но на бумаге это выглядело бы хвастовством, особенно если Ли снабдит послание приписочкой в своем духе... Переворачивая

третий лист, Арно вспомнил о двух страницах, понял, что измарал пять, быстренько дописал про почтительность и поставил вожделенную точку.

Путь в

таверну был свободен.

— Я правильно понял? — спросил Руперт, когда довольный собой теньент отдал

письмо закатному капитану. — Ты ведь писал графине Савиньяк?

— Да, а что?

— Я попытался представить, как пишу матери страницу за страницей и отправляю, не перечитывая... У меня не получилось.

— А ты представь себе старшего брата... Желательно проэмперадора.

4

Привычка вечером обходить замок от подвалов до башенок взялась из ниоткуда, вернее — из непривычки отдыхать. Проэмперадор Оллари тонул в счетах и

жалобах, давил мародеров, совал нос в мастерские и склады, недосыпал, глотал

на ходу ставший ужином обед... Порой загнанный делами Иноходец мечтал, как

станет спать до полудня, есть вовремя и ни-че-го не делать. В Старой Эпинэ он

мог себе позволить если не полное безделье, то нечто очень похожее, а вместо

этого осматривал мельницы, объезжал виноградники, торчал на конюшнях; начинался же и заканчивался день в комнатах Октавия, где шел столь же

нескончаемый, сколь и неравный бой между бывшими служанками Жозины и

чужаками.

Разумеется, брат Анджело и кормилица делали все по-своему. Разумеется, Мари

с Жанной дулись и жаловались. Робер, хоть и был вскормлен племянницей

Жанны, монаху верил свято и держался твердо. Старухи отступали, будучи

готовы наутро затеять новый бой, Эпинэ переводил дух, стоял несколько минут

у колыбели и, непонятно чему улыбаясь, отправлялся к себе. Это начинало становиться ритуалом, однако сегодня слугам было не до происков врача. То, что дело худо, Иноходец понял, проводив упорно ночевавшего в старом замке

Балинта. Привратник, обычно не упускавший случая сказать Монсеньору пару

словечек, на сей раз изображал оскорбленную почтительность, явно набиваясь

на расспросы. Робер расспрашивать не стал, но на подступах к апартаментам

принца его поджидали не только Мари с Жанной, но и старший повар, приходящийся сыном одной и зятем — другой.

— Монсеньор, — возвестил владыка кухни достойным виконта Дарзье тоном,

— он воняет! К утру немывтыми ногами провоняет даже крупа.

— Ты о ком? — Робер потер готовый размыться висок.

— Они называют это сыром, — с отвращением объяснила Жанна. — Можно

подумать, мы не видели сыра! Не будь вы нашим герцогом, я сказала бы, как эту

мерзость назвал Этьен...

— Истинная правда, Монсеньор, — поддержала старую подругу Мари. —

Добрый человек такое с собой не привезет.

— Добрый человек выходит к хозяйскому столу, а не гложет за закрытыми дверями всякое непотребство! — отрезала Жанна. — Помяните мое слово, нечисто с этими Валмонами — старик, может, и не человек уже...

— И трость эта его собачья. Сидит, будто на троне, а в руках палка. Его тащат, а

он глядит. .

— Граф устал с дороги, — сухо сказал Робер, отчетливо понимая: еще немного, и придется рывкнуть. — Сын ужинает с отцом.

— А Эпинэ для Валмонов и для сыра их вонючего нехорош, значит? — Жанна

отпихнула зятя и встала перед Робером, как некогда стояла перед дедом. — Вы

— хозяин, герцог, одних портретов за день не перетрешь, а для навозников этих...

— Да кто они такие, чтоб здесь свою мерзость навязывать?! — Глаза Мари нехорошо блестели. — Вас королева за главного оставила, вы принца спасли, вы

— наш господин, а если что... Каштан у нас крепкий, любую тушу выдержит!

— Мари, думай, что говоришь!

— Да я-то думаю! Небось Мараниху за шкварник ухватила, пока маркиза, голубушка моя, остывала... Вот душенька ее и успокоилась! Сколь годов жаба

эта ядовитая бедняжку терзала, за такое, по-хорошему, заживо б закопать, да

времени не было! Чего доброго, вытащить бы суку велели прежде, чем

задохнется...

— Тихо! — цыкнул герцог и хозяин, отнюдь не уверенный, что какой-нибудь

слуга Проэмперадора именно сейчас не заплутал именно на этом этаже. —

Хватит!

Замолчала, затрясла головой, точно просыпаясь, вздернула подбородок.
Жанна

отступила к стене, Этьен переминался с ноги на ногу, он был оскорблен за свою

стряпню, только какими ножами резали спящих драгун, уж не кухонными ли?

Правду Робер знать не хотел, но мало ли чего не хочешь, изволь понять наконец, как оно было. Тебе здесь жить... Хорошо, не здесь, а в старом гнезде, только от

слуг и там не избавиться. Они оставались с дедом, они закрыли глаза матери...

— Мари, так это ты выдала Маранов, когда они хотели бежать?

— Берите выше! Уж я для моей госпожи постаралась... Если и были у меня грехи, в то утрачко списались, так что я ей и в Рассвете послужу..

Она в самом деле сделала больше. Вешал Роже в своем старом шлеме и кирасе, но завела всех Мари. Именно она выкрикнула: «На каштан!» — не дожидаясь

возвращения Никола, и ее послушали. Она была сильной, эта Мари, и она очень

любила мать... Ради нее, живой, она перечила деду и грызлась с Маранами, ради

мертвой — убила. Может, Левий и объяснил бы служанке, что она совершила

грех, а может, напомнил бы самому Роберу, что люди исполняли свой долг, как

они его понимали, только Левия за спиной больше нет. А домашние, знакомые с

детства убийцы тут, и от них не сбежать, как бы ни хотелось, да и хватит

Повелителю Молний бегать.

— Идите к себе, — велел Эпинэ. Нужно было что-то добавить, и он добавил: —

Что сделано, то сделано. Сейчас хозяин — я, и у меня гости, извольте о них позаботиться. И хватит...

Чего именно хватит, Иноходец недоговорил, но слуги то ли поняли, то ли решили, что Монсеньор сказал все, и убрались. Робер долго слушал затихающие

шаги, а потом увидел возле своих ног ветку лилий. Это не удивило — в саду их

были целые заросли.

Глава 2

ТАЛИГ. АУСЛЕЗЕ

СТАРАЯ ЭПИНЭ

400 год К. С. 22-й день Осенних Скал

1

— Граф Лионель Савиньяк... — басом представлял высокие стороны друг

другу

Лауэншельд. — Принц Бруно...

При виде дрикса Ли немедленно захотелось стать варваром: расстегнуть мундир, упереть руку в бок, потребовать пива, рыгнуть, наконец. Так, для равновесия — уж больно суха и церемонна была физиономия победителя

Вольфганга. Особенно в сравнении с портретами Фридриха, напоминавшего

старшего родича, как идущий на нерест лосось — себя же мороженого.

Савиньяк вежливо наклонил голову.

— К вашим услугам, ваше высочество.

В еще живой Нохе все тоже были к услугам всех. Кто до первой крови, кто — до

последней.

— К вашим услугам, господин маршал. Моим спутником и свидетелем является

достойный адепт ордена Славы брат Орест.

То, что Бруно взял с собой «льва», имело с полдюжины объяснений, но личная

встреча именно с Орестом Савиньяка устраивала. Особенно после личной встречи с Фельсенбургом.

— Мир угоден Создателю. — Лионель улыбнулся уже привычной «закатной»

улыбкой. — По крайней мере, в теории.

— Господа, — Лауэншельд был достойным подданным своего короля и посредничал со всесокрушающей якобы простотой, — прошу к столу.

Полковник мог говорить на дриксен, однако предпочел талиг. Бруно мог не понять, но понял и ответил. Это ни в коем случае не было уступкой, скорее знаком того, что старый бык не расположен к дипломатии и еще менее расположен впутывать в беседу переводчиков.

Накрытый в главном зале постоянного двора стол выдержал бы зажаренного целиком кабана, но его украшали лишь тонко нарезанный местный сыр, фрукты, оливки, а также кэналлийское и северные ягодные ликеры, уже разлитые по

бокалам и рюмкам. Посторонних в просторном помещении не было — хозяин за

дверью ждал вожделенного зова, охранники — как дриксенские, так и

талигойские — топтались во дворе, а свитским было велено остаться во втором

из двух местных трактиров. Обстановка располагала если не к убийству, то к

откровенности.

— Чту и ожидаю.

Перед тем как сесть, Бруно осенил себя знаком, Лионель слегка сощурился и

неторопливо поправил одну из манжет. То, что его шпага висит на правом боку, дриксены не видеть не могли, и, собираясь на встречу, маршал заключил пари сам

с собой. Если «гуси» так или иначе заговорят о леворукости, Лауэншельд

получит морисские пистолеты без насечек. Из тех, что в Агирнэ делают для

друзей, а не на продажу.

— Итак, — гаунау умело развернул салфетку, — мы здесь, чтобы обсудить возможность временного перемирия, считая с сего дня и до конца зимы. Мой

государь полагает сию меру разумной и своевременной. Наши предки, я имею в

виду предков агмов, марагов, дриксов и гаунау, избегали воевать на Изломе. Да

простит меня смиренный брат, однако последние события свидетельствуют об

их мудрости.

— Последние события свидетельствуют о безумии тех, кто отринул заповеди

Адриановы, — не остался в долгу адепт Славы. Вид у эсператиста был деловой

и настороженный, он явно присутствовал здесь не для демонстрации гусиной

набожности.

— Эсператистский кардинал Талига Левий не противопоставляет учение

Адриана наследию древних, — поддержал беседу Лионель. — По его мнению, отречение от так называемых духов нечистых лишило нас множества полезных

знаний.

— Я разделяю эту точку зрения. — Брат Орест взял бокал с кэналлийским,

и

Савиньяк привычно оценил запястье собеседника. Эти руки явно держали не

только четки, хотя у некоторых и четки становятся смертельным оружием.
—

Вы встречались с его высокопреосвященством?

— Не я. Моя мать состоит с ним в дружбе. Их связывает интерес к классической

астрологии и древней истории.

— Вот как? — Бруно счел возможным взять кусочек сыра. — Я предпочитаю

настоящее и хотел бы знать мнение победителя у Ор-Гаролис о том, кто же победил у Эйвис.

— Генерал Ариго считает, что побеждали вы, и я склонен с ним согласиться.

Буря украла у дриксенских хронистов запись о самом большом за последние

двести лет успехе.

Дядюшка Гектор наверняка вернул бы, что выигранная генеральная баталия

отнюдь не означает выигранную кампанию и тем более войну, но подобные доводы свойственны проигрывающим. Бруно в своей жизни терпел поражения

не единожды, Савиньяк пока нет — и начинать не собирался.

— Я удовлетворен вашими словами. — Мороженный лосось и не думал

оттаивать. — В таком случае вы должны понимать, что я не намерен поступаться тем, что добыло дриксенское оружие.

— Видимо, вы полагаете, что здешняя зима не годится для войны? — Ли отправил в рот оливку, слишком мягкую, чтобы удовлетворить Валмона или

того, в ком течет кровь Рафиано. — Алонсо Алва думал иначе и сумел свое мнение обосновать.

— Разумеется, вам следует говорить именно так. — Бруно нанес очередной урон

сырной тарелке. — Остается напомнить, что, не случись в Эйнрехте мятежа, наши с вами переговоры были бы невозможны при всем моем уважении к его

величеству Хайнриху.

— Зачем оспаривать очевидное? Тем более что для меня оно очевидно в большей степени, чем для вас. Если б не своевременно полученные мной известия о событиях в Эйнрехте, я сейчас находился бы в Северной Марагоне во

главе усиленного кавалерийского корпуса. Господин Лауэншельд подтвердит, что, действуя самостоятельно, я могу добиться многого.

— Несомненно. — Гаунау оторвался от кэналлийского, которое в последние

недели успел оценить в должной мере. — Тем более что свой выбор между варитами и талигойцами мараги сделали раз и навсегда много лет назад. Не

оставить ли вам то, чего не произошло, ради того, что нужно

предотвратить?

— Я готов, — заверил Лионель, — времени у нас и впрямь мало. Ваше высочество, нам следовало бы поспешить.

Бруно вновь взялся за спасительный сыр; отвечать он не торопился, и Савиньяк

знаменитого «гусака» понимал. Еще бы! Узнать о перевороте, отправить

Рейфера то ли поддержать союзников, то ли взять под охрану дороги и магазины, нарваться на китовников и получить предложение о перемирии от

заклятых врагов. Такое своевременное, такое подозрительное. Тут сколько сыра

ни сжуй, не хватит.

— Если о ком-то не говорят, что он левша, значит, он не подает к тому повода,

— прервал становящуюся нелепой паузу монах. — Маршал, почему вы начали

носить шпагу на правом боку?

— Все очень просто. — Бруно понимает, то есть думает, что понимает, зачем

перемирие Хайнриху, но талигойцам он верить не может. — Когда при армии

находятся двое близнецов в одинаковом чине, возможна путаница. Во избежание

ее я перевесил оружие на правый бок, благо я одинаково владею обеими руками.

— Вот как? — «поддержал» беседу фельдмаршал.

Паршиво, если Лауэншельд не ошибся, решив по итогам первых разговоров, что

Бруно держит китовников за обычных мятежников. Принц и в Хайнрихе-то видит не варвара, а быстрого на решения хитреца, вступившего в союз со Штарквиндами против Марге.

— Один из наших братьев обладает теми же способностями, — припомнил монах, несомненно понимавший больше фельдмаршала и еще более несомненно — не спешивший этим пониманием с ним делиться.

Бруно вынул белоснежный платок и промокнул губы. Все разговоры об Изломе

фельдмаршал, по мнению посредника-гаунау, считал прикрытием и уж точно

был не в силах принять важности варитских суеверий для еретика-олларианца, хоть бы и левши.

— Шпагу, бокал и перо обычно держат в одной руке, — ледяным тоном заметил

он, — но смена рук меняет почерк. Будет ли правомочна ваша сегодняшняя подпись?

— Будет, ведь за нее отвечают моя шпага и моя кровь. Ваше высочество, я не

воспользуюсь оказией выбить вас за Хербсте.

— У вас этого и не выйдет. Сейчас талигойские силы уступают дриксенским, но

вы знаете о наших трудностях, и будет странно, если не попытаетесь использовать их в своих целях. Вы сами заговорили о Северной Марагоне.

Можно, не вступая в серьезные бои, разбойничать на дорогах, проводить рейды

в Гельбе, уничтожать обозы... Это очевидное решение, вы же вместо этого предлагаете перемирие. Я не могу понять ваших побудительных мотивов, а без

этого разговор становится бессмысленным.

— Значит, — уточнил Савиньяк, — полковник Лауэншельд не убедил вас в серьезности наших намерений?

— Полковник Лауэншельд почти убедил меня в том, что это сделаете вы.

— Постараюсь оправдать его доверие, но сперва я хотел бы понять, кого представляет ваше высочество.

— Дом Зильбершванфлоссе и Южную армию кесарии. — Бруно держался все

так же холодно, но сыр на его стороне стола почти кончился. Впрочем, на стороне Лионеля заканчивались оливки. — Я готов подписать перемирие, но не

прежде, чем вы развеете мои сомнения. Ваше предложение слишком привлекательно и своевременно, чтобы такой старый лебедь, как я, склевал подобный хлеб. Если вы искренни в своем желании, у вас должны быть серьезные причины, а я таковых не вижу.

— Если ныне находящийся в Талиге граф Глауберозе пожелает

присоединиться

к вам, вы получите прекрасную возможность сравнить события в Эйнрехте с

событиями в Оллари. Я не начну диверсий на ваших коммуникациях и тем

более не буду штурмовать Мариенбург с Доннервальдом прежде, чем наведу

порядок внутри Кольца Эрнани.

2

«Утром» в понимании Валмона означало после завтрака, а завтракал граф

хорошо за полдень. Робер успел промять Дракко, справился у брата Анджело о

болезнях Проэмперадора Юга, выслушал кучу мудреных слов, понял, что одним

смолоду жрать надо меньше, а другим — больше, и отправился к Мевену.

Иоганн еще дрых, ломиться к соне внезапно ощутивший зверский голод

Иноходец не стал и спустился в пекарню, где его и настиг зов. Наскоро

проглотив кусок еще горячего хлеба, Эпинэ поднялся к почти всемогущему

гостю.

В Алой приемной, некогда вмещавшей свиту вдовствующей королевы, торчало с

подюжины черно-зеленых слуг, исполненных собственного достоинства, но

отнюдь не наглых и не развязных. Хозяина дома они, во всяком случае, приветствовали как подобает, а выскочивший из кабинета Серж протянул

холеную руку и сообщил, что батюшка и десерты ждут. Робер прыснул, Серж

поправил скреплявшую шейный платок жемчужную булавку и открыл дверь.

— Герцог Эпинэ! — возвестил он. — Его нашли кушающим свежий хлеб.

— Это характеризует его с лучшей стороны, — объявил возвышающийся над

сырно-фруктовым изобилием Валмон. — Волвье, вы нам мешаете. Прочь.

Командующий ополчением Эпинэ поклонился, потрянув бараньими кудрями, и

исчез. Проземперадор какое-то время задумчиво разглядывал остолбеневшего

Робера, затем кивком указал на кресло.

— Начинайте с агарийского сыра. Он зеленый, и это может быть сочтено весьма

значительным предзнаменованием.

— Я не голоден... И это я должен вас угощать...

— Вы голодны, поскольку с утра занимаетесь Леворукий знает чем, и впредь

никогда не пытайтесь кормить тех, кто сильнее, пусть они кормят вас. Сколько

лет мы не виделись?

— Я был на свадьбе... их величеств.

— На таких ярмарках видят только тех, кого ищут. Это письмо предназначалось

вам. Читайте спокойно, оно уже никому не навредит.

Почерк принадлежал Никола, но с первых же слов Робер понял — перед ним

письмо деда. То самое, подмененное. Полные ненависти строки казались выпренными и глупыми, но старик не сомневался, что единственный

уцелевший внук немедленно вскочит на коня и помчится домой. В зубы

Сильвестру.

— Если б Аннибал Карваль добрался до вас, вы бы вернулись?

— Не знаю. — Лэйе Астрапэ, он в самом деле не знает! — После Сагранны я

ходил сам не свой. В победу я не верил, но сидеть на чужой шее... Иногда мне

казалось, что Занха или Багерлее лучше Агариса. Письмо матери — я не знал, что это подделка — напомнило о доме, и я поехал, хотя меня и удерживали. Вы

вряд ли поверите, но в Эпинэ меня домчала Осенняя охота. За одну ночь.

Райнштайнер решил, что я кого-то выгораживаю, я бы тоже так решил.

— Если ваши объяснения станут закусками, их будет невозможно есть, так как

рыбу вы заправите вареньем. Надежный человек видел вас в Алате за два дня до

Осеннего излома, а уже в первый день Осенних Скал вы появились в родовом

замке. Вмешательство Охоты это объясняет, к тому же графиня Савиньяк

полагает вас человеком вопиюще правдивым. Ваше объяснение

принимается, но

спрашивал я вас о другом.

— Извините. Я не могу понять, кто и зачем подделал письмо моей матери. Это

кажется просто невероятным... Нет, я понимаю, можно подделать любой почерк

и любую печать, но я словно бы слышал ее голос.

— Графиня Маран слушала голос вашей матушки много лет, при этом у нее имелась отличная возможность воровать письма. Графиню Савиньяк встревожило молчание подруги, и она нагрязнула в Старую Эпинэ без предупреждения. Как оказалось, ваша матушка пребывала в полной уверенности, что после восстания Окделла с ней все порвали. Она писала многим, но письма, которые она пыталась отсылать без помощи свекра, доставались Колиньярам. Их хватило, чтобы состряпать правдоподобное послание, которое должно было отвратить вас от возвращения. Сильвестр не

спешил поддерживать притязания Маранов; в этом положении ваша неожиданная смерть на чужбине могла подтолкнуть его к решению разбить герб, а ваше появление в Талиге — при определенных условиях, — к введению

в наследство. Как последнего прямого потомка Рене Эпинэ, оказавшего Талигу и

его королям неоценимые услуги.

— Значит, и это — Амалия, — с неожиданной для самого себя грустью

произнес

Иноходец. — Женщин не казнят, а ее повесили. За Жозину.. Не солдаты — слуги, и они этим гордятся до сих пор.

— Не худший повод для гордости. — Валмон наклонил голову, попеременно

разглядывая две тарелки. — Сыр нужно есть, пока он не заветрился, но покончим с Маранами. По закону вы — опекун девицы Ивонн.

— Лэйе Астрапэ, только не это!

— По закону же у вас есть право передоверить опекунство третьему лицу.

— У нее есть дядья!

— Преступник не может быть опекуном, к тому же именно родственники по

матери склонили девицу к лжесвидетельству. Я бы посоветовал обратиться к

чете Креденьи.

— Хорошо, — пробормотал Робер, заедая агарийским сыром память об обеде с

Маранами и прелестной до тошноты кухне. — Сударь, я обязан вам и вашему

сыну очень многим... Если я смогу хотя бы частично вернуть долг...

— Это ждет. — Валмон откинулся на спинку кресла. Своего собственного — в

насквозь алой комнате оно казалось затесавшейся среди осенних кленов елкой.

— Нам понадобится Карой, но не прежде, чем...

Хрясь! Огромная ваза красной яшмы, которую кто-то удосужился набить лилиями, не выдержала подобного святотатства и рухнула с дубового пьедестала, от души плюнув водой и цветами. Загремев по враз ставшему скользким каменному полу, гладко обточенная каменюка покатила к столу.

Робер не успевал ничего сделать, разве что вскочить, а багровое чудище уже с

силой врезалось в зеленое кресло. Раздался треск. Эпинэ ринулся к гостю, но

тот отскочил со сноровкой опытного, пусть и разжиревшего фехтовальщика и

теперь, сжимая трость, со странным выражением глядел на поверженный трон, возле которого валялось меховое одеяло.

— Батюшка, — осведомился с порога Волвье, — батюшка, все ли у вас благополучно?

Проэмперадор наградил второго сына ледяным взглядом.

— Выйдите вон, — велел он, — и велите через полчаса подать шадди, а еще

через час пригласите Карой.

— Хорошо, батюшка. — Голос Сержа уже был светским, но глаза оставались

круглыми, как у разбуженной кошки. Валмон, со всей силы опираясь на трость, обогнул руины и опустился в одно из дедовых кресел. Раздался укоризненный

скрип, но реликвия выдержала.

— Никто из моих врачей не знал, что капканную болезнь можно излечить, сбросив на больного яшмовую вазу. — Проэмперадор с видимым трудом, но все

же заложил ногу за ногу. — Ваши слуги не только справедливые судьи, но и толковые лекари. Тому, кто установил здесь этого монстра, я назначу пожизненную ренту. Возможно, вы не знаете, что я перестал ходить еще до вашего глупейшего восстания, что, кстати говоря, ему немало поспособствовало.

— Я рад, — только и мог выдавить из себя Робер. Здравый смысл подсказывал, что Валмон и прежде отлично ходил, просто ему было удобней считаться

калекой, но тот же здравый смысл полагал Осеннюю Охоту сказкой. — Сударь...

Наверное, нам нужно выпить?

— Отличная мысль, — одобрил исцеленный. — Возможно, вы и не стратег, но

очень приличный тактик, что и позволило вам полгода успешно управляться с

Олларией. Вы понимаете, что нужно здесь и сейчас, и делаете именно это.

З

— Итак, — торжественно зачитал Лауэншельд, — стороны сходятся в следующем: «Военные действия прекращаются, при этом каждый остается там, где находится сейчас. Исключением является Южная Марагона, от которой

принц Бруно отводит все войска, оставив переправу у Зинкероне талигойцам, талигойцы же не вступают ни в какие переговоры с представителями так

называемого «вождя всех варитов». Обе стороны обязуются истреблять дезертирские и разбойничьи шайки и незамедлительно предупреждать друг

друга в случае бегства таковых шаек с одной территории на другую.

Споры и недоразумения, в случае их возникновения, обсуждаются при посредничестве гаунасской стороны в лице доверенного представителя его величества Хайнриха и ордена Славы в лице странствующего епископа Луциана, а в его отсутствие — брата Ореста или же того, кого назовет преосвященный Луциан.

Для поддержания связи с обеих сторон назначаются офицеры, равно владеющие

языками талиг и дриксен. Связные получают именные пропуска за двойной

подписью принца Бруно и графа Савиньяка.

Перемирие вступает в силу незамедлительно и длится по 24-й день Зимних Молний, однако по взаимному соглашению может быть продлено».

— Записано верно, — вынужденный поступиться Марагоной Бруно еле заметно

скривился. — Полагаю правильным подписать соглашение сегодня же.

— Быть по сему, — кивнул Савиньяк. — Писарям придется изготовить четыре

списка на талиг и четыре на дриксен, много времени это не займет, но перевод

требуется точный.

— Этим займусь я, — заверил гаунау, — но мне нужны советы его высочества.

От подобного предложения Бруно уклониться не мог, и Савиньяку остался

грызущий орехи монах, с которым маршал лениво заговорил о привидениях.

— Когда я путешествовал по Агарию, — охотно откликнулся брат Орест, — я

наблюдал призрак излишне заботливой матери... Не кажется ли вам, что мы

мешаем тем, кто трудится над переводом?

— Увы, — немедленно признал свою ошибку Ли, — об этом я не подумал. Вы

не против небольшой пешей прогулки?

Эсператист был лишь рад размять ноги. Руки он, видимо, размял бы с не

меньшей радостью, но прилюдно фехтовать смиренным братьям не пристало.

О том, чтобы деревенская улочка была пуста, позаботились заблаговременно, хотя в щели закрытых ставень кто-то наверняка подглядывал. Медленно

кружили листья, малыми и большими зеркалами блестели лужи, на окружавшем

постоялый двор заборе дышали осенью аж трое котов.

— Вам не тяжело без вашей кошки? — осведомился Ли, когда они не

отвлекли

бы Бруно, даже обзаведись принц заячьими ушами.

— Все потери по-своему тяжелы, — философски изрек монах, разглядывая тронутые желтизной вершины. — Создатель даровал нам времена года, чтобы

мы помнили: листья, отжив свое, опадают, освобождая место грядущей зелени, но мы плачем по осеннему золоту..

— Эта мысль посещала еще Иссерциала, но, брат Орест, некоторую зелень я не

стал бы соотносить с весной.

— Эйнрехт сходил с ума не столь красочно, как Оллария. — Эсператист все еще

смотрел вверх. — Там мы не видели ничего, кроме людской злобы, но она была

чрезмерна.

— Там? — поймал брошенный мяч Савиньяк. — Значит ли это, что вы видели

нечто подобное в другом месте?

— Агарис. — Брат Орест неспешно пошел меж нафаршированных облаками

луж. — Я видел мертвые зеленые свечи, но не разлитый над храмами зеленый

свет. Прежде других некогда святой город покинули крысы, кошки

продержались дольше, орден Славы ушел вслед за ними.

— Почему орденские кошки трехцветны?

— Традиция... Непотребство, творимое торквинианцами, внушает ярость и кошкам, и котам, какой бы масти они ни были. О враждебности мяукающего

племени к выходцам я тоже слышал, но бесноватые... Признаться, в мои мысли

это не укладывается. Полковник Лауэншельд передал вам суть нашего разговора?

— В общих чертах.

— Я бы предпочел, чтобы вашим собеседником был отец Луциан, он знает больше моего, — признался монах, видевший в Агарисе то, с чем Лионель разминулся. Только чем помогут мертвые свечи мертвых монахов тем, кто еще

жив?

— Значит, орденские кошки не обучены чують скверну? — уточнил Савиньяк.

— До сегодняшнего дня я не считал эту субстанцию материальной. У каждого

из орденов есть свои секреты, у Мыши они омерзительны, к тому же

торквинианцы страдают чрезмерным любопытством. Защищаясь от них, Слава

и Справедливость, а позднее — Слава и Милосердие открыли немало полезного, но, когда начался мятеж, нам не пригодилось ничего. Мы были поражены

злостью восставших, однако они отнюдь не обезумели. Никто не штурмовал

Адрианклостер, не пытался захватить Липовый парк... Тем не менее я не

думаю, что вы ошибаетесь — скверна в Эйнрехте есть, и китовники ее разносят.

— Кошка кардинала Левия ушла из Нохи, когда Оллария еще была спокойна, —

вспомнил Лионель, — несколько позже исчезли и городские коты.

— Узнать, есть ли в Эйнрехте кошки и крысы, я смогу.

— А я смогу вернуть вам Гудрун. Месяца через полтора.

— Одну или с тем, за кем она увязалась?

— Этот достойный дворянин находится в распоряжении моей армии, — бросил

на сукно очередную карту Ли. — Он благодарен «львам» за их молитвы.

— Они были не столь действенны, раз он вновь оказался в плену.

— Я не назвал бы это пленом в полном смысле слова. Молодой человек мог бы

вернуться к соотечественникам уже сегодня, если бы не определенные сложности.

— Вы имеете в виду письмо, адресованное его троюродному деду? Оно до фельдмаршала не дошло.

— Неожиданно.

— Для олларианца. — Середина улицы совсем раскисла, и брат Орест свернул

ближе к заборам. — Добрые эсператисты, испытывая трудности, имеют обыкновение советоваться с духовными лицами. Офицер, которому... мм-м...

избранник трехцветной Гудрун поручил свое письмо, пребывав в растерянности

и испросил совета у святого Адриана.

— Чезаре Марикьяре, как я его представляю, в юности мог подобное письмо

написать, но вряд ли бы передал такое.

— Воистину, — брат Орест не слишком благочинно улыбнулся. —
Наследник

Фельсенбургов в Южной армии принесет немалую пользу, однако его адмиралу

сейчас лучше не возвращаться.

— Его адмирал находится там же, где ваша кошка, и, в отличие от нее, там и

останется. Насколько я понимаю, его, мм-м, здоровье не в лучшем состоянии.

— Это, увы, ожидаемо. Как чувствует себя ваш младший брат?

— Арно испытывает некоторую неловкость из-за легкости своего возвращения, но будет чувствовать себя лучше, когда Фельсенбург окажется среди

соотечественников. Одно доброе дело порождает другое, не так ли?

— Лишь в том случае, когда облагодетельствован человек благородный.
Святой

Адриан предостерегал от безоглядного милосердия.

— Кассиан? — Ли припомнил одну из бронзовых групп Капуль-Гизайля.

— Возможно. Лучший способ выказать свое невежество — повторить чужие

слова, притворяясь знающим. Я не слишком силен в древней истории; сегодня я

понял, что это недостаток, но мы излишне далеко зашли.

— Во всех смыслах. — Лионель кивнул перегородившим улицу «фульгатам». —

Я почти заманил вас в ловушку, а между тем перевод должен уже быть готов.

Они вернулись, когда Лауэншельд и Бруно выясняли, как перевести скромное

талитойское «может быть продлено». Дриксенский язык предоставлял целую

россыпь возможностей, каждая из которых приносила в соглашение свой оттенок.

— Господа, — предложил Савиньяк, — запишите проще: «При необходимости

соглашение будет продлено».

Господа записали.

4

Проживи Робер десяток лет безногой колодой, а потом встань и пойдешь, он бы от

счастья ошалел. Валмон разве что опорожнил два бокала им же и привезенной

«крови», после чего поволок собеседника в Олларию, к счастью, умозрительно.

Через час Робер почувствовал себя рыбой в руках гоганского повара, который

небрежения не потерпит ни в чем. Из Эпинэ выдавливали, вытягивали, вытаскивали то, о чем он сам не подозревал...

— Сударь, — не выдержал Иноходец, — так мне не доставалось даже у «истинников».

— Вы имели дело с торквинианцами? — встрепенулся Проэмперадор Юга.
—

Где? Когда?

Пришлось говорить и об этом. Вспоминая собственный отвратительный бред, Эпинэ понял, что избавляется от какой-то мерзкой занозы. Он не чувствовал ни

стыда, ни хотя бы неловкости, только облегчение. Пусть Бертрам делает с этим

что хочет, а он наконец-то все позабудет.

— Итак, молодого кагета вы не узнали?

— Нет, и не узнаю...

— Он походил на Адгемара?

— Может быть... Я не обратил внимания. Это важно?

До нравоучительной пошлости — дескать, по нынешним временам важным

может оказаться все, Валмон не опустил. Сплетая и расплетая пальцы, он о

чем-то сосредоточенно размышлял, Робер с удовольствием не мешал. Он устал

думать, не понимать, бояться, лезть туда, куда прямая дорога была разве что

академикам и астрологам; теперь этого не требовалось, а с замком и поместьями

он справится. И с ополчением, благо Гаржиакуже подставил плечо, да и другие

дворяне выказали готовность не пустить мятежников за Кольцо, правда, те пока

что и сами не рвались.

Валмон сидел тихо, и Робер осторожно собрал с пола лилии — они были странно свежими, осень и увядание даже не думали их трогать. Молочно-белые

лепестки вызывали в памяти ночь, плеск воды, звезды над Старым парком.

Много троп за твоей спиной, долог путь от любви к покою, но следы огня травы

скроют и растает вдали бывшее. Не свивай веревку из пепла, месяц умер, и ночь

ослепла. Осень тянет к рябинам руки в журавлиной тоске разлуки, подари свое

горе ветру, отпусти с уходящим летом...

— ...пинэ!

— Д-да...

— Мой сын не сообщал о вашей склонности к размышлениям. Он недостаточно

внимателен.

— Прощу меня простить.

Лилии, которые он все еще держал в руках, выглядели глупо, и Робер

торопливо

положил их на окно. Жаль, если Марианна появится здесь, когда живые цветы

уснут.

— Вас не привлекло даже имя Сабве, впрочем, о вашей не-мстительности мне

как раз известно. Что ж, я повторю — имеются расплывчатые сведения о том, что помещенный под домашний арест бывший губернатор находится в переписке с командующим Кадельской армией Залем. В свою очередь, Заль принимает беженцев из Агарии, на первый взгляд в этом нет ничего непозволительного...

— Откуда? — окончательно пришел в себя Иноходец. — В Агарии... тоже?!

— Пока со всей определенностью сказать трудно, но командующего Кадельской

армией пора менять, а замена генерала на маршала естественна и вопросов не

вызывает. Маршалов в моем распоряжении двое. У Дорака большое сердце, глупая голова и загребущие руки, так что он исключается. Остаются вы. С

солдатами и младшими офицерами вы справитесь, а старших в любом случае

придется убирать. Письмо регенту ушло, а Кэналлийский Ворон, как вы знаете, решает быстро, так что готовьтесь... В чем дело, Волвье?

— Батюшка, Карой здесь.

— Отлично.

Хозяином был Робер, но принимал Балинта Валмон, Эпинэ разве что

налил

вина. Алат охотно взял бокал и улыбнулся.

— Есть лишь одно вино, стоящее вровень с лучшими кэналлийскими, —

сообщил Бертрам. — Это мансай, но пить его лучше в Алате. Господин Карой, я

вынужден просить вас еще об одной услуге, а именно о возвращении на родину.

Нужно донести до вашего герцога некоторые мысли, касающиеся

происходящего в Агари. Насколько мне известно, ваш брат увел на север не

более трети тяжелой конницы.

— Две трети готовы навестить агаров. — Витязь улыбнулся. — Это знает

Альберт Мекчеи, но это знает и Алексис. Неужели он проявил неблагоразумие?

— Он — нет. Некоторые его подданные — да, но неблагоразумие это или

безумие, пока не ясно. Агарис сожжен, однако бродящие вокруг руин мародеры

и часть охотившихся за ними военных пришли, похоже, в то же состояние, что и

барсинцы. Насколько мне известно, королевским войскам при помощи ордена

Славы удалось эти довольно-таки многочисленные шайки частично истребить, а

частично рассеять. Последнее вызывает серьезное беспокойство. Я, как

Прозэмперадор Юга, написал герцогу дружественного Алата, однако вы

можете

подкрепить письмо собственными наблюдениями.

— Могу, — коротко подтвердил Балинт. — Хочу верить, что Черной Алати ничего не грозит, только на равнинах тоже люди живут.

Оставалось поднять бокал и пожелать легкой дороги, но сделать это Робер не

успел. Серж Волвье фазаном не был, но и до братца недотягивал; остановить

Дювье он, по крайней мере, не смог.

— Монсеньор, — отчеканил сержант, будто больше в комнате никого не было,

— вынужден доложить... Виконт Мевен представился.

— Что? — не понял Робер. — Что?!

— Сейчас нашли... Не выходил больно долго, забеспокоились. Стучали, потом

дверь сломали, а он — холодный... Ночью, видать. Мы не трогали ничего...

Минута, пять минут, полчаса ничего не меняли, однако Робера хватило лишь на

то, чтобы не швырнуть бокал, а поставить на стол. Пронесшись словно бы выросшим в сотню раз коридором, Иноходец взлетел по боковой лестнице и

ворвался в комнаты Иоганна. Тот лежал на кровати, отбросив одеяло, и оставалось лишь радоваться, что в спальню не набились дамы. Окно было закрыто, дверь, судя по выломанному засову, была заперта изнутри.

— Один он спал, — понял взгляд Робера Дювье. — Видать, жарко стало...
При

горной лихорадке бывает, говорят.

— Брата Анджело сюда!

— Послали уже. Как за вами, так и за ним.

Одеяло Робер с пола поднял сам. Прикрыл тело до пояса, заставил себя
положить ладонь на показавшуюся ледяной грудь.

Никаких подозрительных следов, на лице улыбка, усталая и счастливая, под
глазами — круги. А ведь он был болен, и долго, но ни сам не догадался, ни
другим в голову не пришло. Ну спит чуть не до обеда, ну ползает по утрам,
как

уж по холоду, и что? К вечеру оживает, ест за троих, шутит, смеется... Разве
так

болеют? Разве так умирают?!

— Пропустите, сын мой.

Брат Анджело спокоен и сосредоточен. Сколько смертей он повидал в
последние

месяцы, но тот, кого монаху надлежало хранить, умер вдали от своего
врача.

Леворукий умеет шутить, а этот год — его.

Серая спина заслонила счастливого мертвеца, и Робер обвел глазами
спальню

Мевена, бывшую спальню Арсена... Здесь тоже были лилии, немного, одна
ветка, сиротливо лежавшая на чистейшем — ни пылинки, подоконнике.

Чего

удивляться, если цветы в саду сошли с ума вместе с Кэртианой и приняли

Осенние Скалы за Летние?

— Я не нахожу видимой причины. — Монах отвернулся от Иоганна и вытер

руки кем-то поданным полотенцем. — Никаких признаков сердечной болезни

или отравления известными мне ядами. Об отравлении же пищей говорить просто непристойно.

— Горная лихорадка... — начал Робер, но врач лишь покачал головой.

— Нет, сын мой. Только не она...

— Ау-у-и!

Вой вознамерившейся рыдать служанки ни с чем не перепутаешь, а эта всегда

была любопытна, пронырлива и громогласна. Жозина терпела, Робер не собирался.

— Вон, — коротко велел он непрошеной плакальщице.

Та осеклась, захлопала глазами, но унять ее так просто не получилось.

— Ой, — завела она, — ой, Монсеньор, день-то какой... дурной... Сперва —

Мари, а теперь вот... И Этьен занемог, пластом лежит... Завтрак-то я готовила...

— Замолчи! Брат Анджело, вы слышали?

— Да, сын мой. Почему меня не позвали?

— Потому что ослы! Идемте...

— Нет, сын мой. К непонятной смерти врач входит один, хотя не думаю, что мне

что-то грозит.

— Вы что-то понимаете?

— Возможно, но хотелось бы не понимать, а знать.

Шаги за выломанной дверью были тяжелы, будто приближался огромный, набитый под завязку гардероб. Казалось, чудище красного дерева с резными

конями на дверцах, покинув свою обитель, медленно и торжественно взбирается

по ступеням, чтобы увидеть смерть. Ощущение было жутким, и Робер, чувствуя

себя трусливым дурнем, положил руку на эфес, но боя с мебелью, само собой, не случилось. Явился Проэмперадор Юга, возжелавший узреть происходящее

лично; шагал он неспешно, с силой опираясь на трость, но шагал, производя

впечатление пусть и медлительной, но неотвратимой мощи.

Брат Анджело чувствовал то же, что и Робер, иначе б не осенил себя знаком едва

ли не в первый раз за время их знакомства.

— Сын мой... — шепот монаха был хриплым, будто у него пересохло в горле, —

теперь я знаю что, но не могу понять как.

Глава 3

ТАЛИГ. НОЙЕДОРФ

МАРИЕНБУРГСКИЙ ТРАКТ

400 год К. С. 24-й день Осенних Скал — 1-й день Осенних Ветров

1

— Нас с Каном отпустили без выкупа, — заявил Арно, стягивая промокшую —

фехтовали на совесть — рубашку. — Ли, если только он не последняя скотина, ответит тем же. Можешь мне поверить, я так ему и скажу!

— Проэмперадор не похож на человека, который станет слушать кого бы то ни

было, — Фельсенбург отбросил полотенце и тоже взялся за рубашку. — И я отнюдь не уверен, что меня встретят так же, как тебя...

— Еще бы! — с воодушевлением согласился фрошер. — Ваш фельдмаршал на

людей не бросается, особенно на вернувшихся из плена родичей.

— Мой, как ты выразился, фельдмаршал бросится на преступника, — не стал

темнить Руппи. — Ты угодил в плен случайно и в придачу спас нашего

заслуженного офицера, но перед Талигом ты чист. Нас захватил Вальдес, когда

гонялся за нашей же сволочью, только дело не в Бешеном, а в том, что я к тому

времени уже был вне закона. Маршал Савиньяк знает почему.

— Если ты думаешь, что он мне рассказал...

Подобной глупости Руппи, само собой, не думал. Победитель Фридриха если

чем-то и делился, то всяко не из родственных чувств. О зелени и бесноватых

дриксенский лейтенант узнал потому, что Савиньяк полагал столичную нелюдь

общим врагом, а наследника Фельсенбургов — союзником. Услышанное Руппи

переваривал целую ночь, а утром вызвался рвануть через Гаунау в Штарквинд

— объяснять бабушке Элизе, что на самом деле творится в Эйрехте. Савиньяк

и Лауэншельд в целом согласились, но окончательное решение отложили до

конца переговоров. Появление Арно это ожидание заметно скрасило.

— Знаешь, — Руппи положил руку на плечо еще не друга, но уже доброго приятеля, — я ведь сделал то же, что и ваш Придд. Отбил осужденного на казнь

и попытался вывезти его из Дриксен. Мало того, я еще и написал об этом Бруно.

— Я бы тоже написал... — блеснул глазами виконт. — Ты ведь Кальдмеера отбил? У ваших об этом поговаривали, я так и подумал, что это ты.

— Мог быть и не я, Олафа любили.

Любили, а дальше? Кто-то списал адмирала из высших соображений, кто-то

спрятался за унылое «ну что я могу?», у кого-то нашлись заботы поважнее. Да, после казни моряки по трактирам стали бы пить за упокой, а напившись, учинили бы несколько драк, может быть, прибили парочку Фридриховых

болтунов. И всё.

— Слушай, — кипятился Арно, — но ведь Кальдмеера осудили несправедливо, это же всем ясно было! Чего Бруно к тебе цепляться? Фридриха этого вашего

больше нет...

— В том-то и дело, что нет! — Кошки б разодрали эту политику, хотя тут никаким кошкам не справиться! — Какими бы Фридрих с... принцессой Гудрун

ни были, их убили бунтовщики, а с ними Бруно не по пути. Значит, то, что наворотил регент, он не осудит и тем более не признает неправым вынесенный

Морским судом приговор. Старикан просто обязан меня арестовать.

— Тьфу ты, кляча твоя несусветная! — посочувствовал фрошер. — Как же не

вовремя!

— Не могу не согласиться.

Руппи почти спокойно принялся застегивать камзол. Из талигойской осени эйнрехтская авантюра казалась безумием, но ведь выгорело же! Неприятности

начались позже, даже не с появления Бермессера, с Эсператии, в которой Олаф

утопился после ухода «Звезды»...

— Господин фок Фельсенбург, вы мне нужны.

Проемперадор Савиньяк поигрывал перчаткой у ограды деревенского тока, заменившего в это утро фехтовальный зал. За спиной маршала плечистый

«фульгат» держал в поводу оседланных морисков — серого в яблоках, его Руппи

уже видел, и вороного, в одиноком белом чулке.

— Сейчас-то я и скажу! — шепнул Арно. Маршал братца не звал, но его это не

смutilo. К забору фехтовальщики подошли вместе. — Господин маршал, прошу

вас о приватном разговоре.

— Зайдите после вечернего доклада, — велел старший Савиньяк. — Но лишь в

случае, если вы не собираетесь говорить о господине Фельсенбурге. Лейтенант, предлагаю вам конную прогулку, только имейте в виду, Коро — строгий и

слабоуздый. Справитесь?

— Да. — Ответить по-другому было невозможно.

«Фульгат» извлек из кармана облепленный крошками кусок сахара, и Руппи с

удовольствием протянул его коню. Тот взял — знакомство состоялось.

Деревню миновали шагом и молча, эскорт не спеша следовал сзади. За околицей

Савиньяк повернул в мокрые луга. Коро с готовностью пристроился рядом, похоже, жеребцы питали друг к другу симпатию.

— Ваше послание к Бруно не попало, — спокойно сообщил маршал. —

Офицеры, с которыми вы его передали, оказались довольно-таки осторожны.

Когда в армии объявился брат Орест, они обратились к нему за советом.

Адрианианец укрепил ваших посланцев в решении молчать и принял письмо на

хранение. Фельдмаршал может догадываться о вашем участии в освобождении

адмирала цур зее Кальдмеера, но доказательств у него нет, и вряд ли он

их выискивать, а о суде над Бермессером ему знать неоткуда. Брат Орест полагает ваше присутствие в окружении Бруно весьма желательным.

Присоединившись к фельдмаршальской кавалькаде в дороге, вы получите шанс

переговорить с адрианианцем прежде, чем Бруно попытается вас выжать досуха.

— Хорошо, — не стал вдаваться в подробности Руппи, — я так и сделаю.

— Фельдмаршал выезжает завтра утром, и вам лучше последовать его примеру.

Вас проводят люди полковника Лауэншельда и уже известный вам капитан Уилер.

Учить дриксенского лейтенанта, что врать и врать ли дриксенскому же фельдмаршалу, Савиньяк не собирался, для этого он был слишком умен, а значит, настоящий разговор пока не начался. Руппи погладил холодно принявшего ласку вороного и по примеру фрошера принялся смотреть

вдаль, на

пестрые рощи, к которым плыл птичий караван. Сколько-то дней назад эти стаи

пролетели над елями Фельсенбурга. Руперт подавил совершенно излишнюю

грусть. Двадцать третья осень выдавалась, мягко говоря, странной...

На мокрой отаве лежало журавлиное перо. Ничего особенного, но серый мориск

резко принял в сторону. Савиньяк свесился с седла и зачем-то поднял упавший с

неба сувенир. Левой рукой... Сочетание очень светлых волос с черными глазами

у Арно казалось шуткой природы, но Проэмперадор в самом деле напоминал

Врага... Папашу Симона это тревожило, Фельсенбург был не столь суеверен.

Руппи не слишком красиво завернул фыркнувшего Коро и осадил перед мордой

серого.

— Господин Савиньяк, прошу меня простить, но что вы все-таки желаете мне

сказать?

— Довольно много. — Рука в черной перчатке небрежно провела по конской

гриве. — Буду откровенен. Встреться мы в Двадцатилетнюю, я бы вас убил.

Таких врагов, как вы, возвращать к армии нельзя.

— Даже в обмен на таких, как ваш брат? — Руппи не ерничал, он в самом деле

хотел понять.

— Таких, как мои братья — оба, — возвращать соотечественникам следует обязательно, — обрадовал Савиньяк. — Это банальная предусмотрительность

на случай обычного поражения в обычной войне. К несчастью, милые традиционные войны сейчас — непозволительная роскошь, поэтому отпустить

нужно подобных вам.

— Видимо... — Подобрать слова, которые не звучали бы глупо, было непросто.

— Видимо, ваши выводы для меня лестны?

— Для вас — да, для Дриксен — нет. Интересуюсь Фридрихом, я интересовался

всей кесарией и не обнаружил никого, способного понять то, что понимает

Хайнрих. Мало того, вы, то есть дриксы, находитесь в худшем положении, чем

гаунау. Их ведет король, в Дриксен — пусто.

— Нужно собрать великих баронов. — А ведь и впрямь нужно, и чем скорее, тем лучше! — Только они вправе решить, может ли Ольгерд стать кесарем, конечно, если малыш еще жив...

— Ваш Ольгерд, даже если он не слабоумен, сейчас ничего не значит. Как и

Карл Оллар. У лошади может быть любой плюмаж, лишь бы не подводили

поводья.

— Я понимаю, что вы хотите сказать.

— Пока еще нет. Фельсенбург, вам следует смириться с тем, что впереди вас нет

ничего, кроме препятствий. Они могут иметь любое обличье — закона, знамени, присяги, родни, старших по званию, по титулу, по возрасту, но это препятствия, и вам их нужно взять. Хотите вы этого или нет, значения не имеет, поскольку, повторяю, кроме вас — некому.

«Некому...» Некому спасать Олафа, некому спасать флот, некому спасать кесарию... Но Олафа вытащить удалось, а флот сейчас не главное. Ветер и звезды, неужели это он, Руперт фок Фельсенбург? Едет конь о конь со странным, куда твой Вальдес, фрошером и соглашается, что есть вещи поважнее, чем флот?!

Уснувший ночью ветер загодя набросал на мертвые травы мертвой листвы.

Было тихо и до невозможности ясно, словно сказочный хозяин осени старался

сделать безумный разговор проще.

— Почему я, а не Бруно? — спросил Руперт. Прозвучало фальшиво, ведь фельдмаршал однажды уже устранился. Как и бабушка Элиза. Они могли вмешаться, когда им противостоял всего-навсего Фридрих, они могли хотя бы

протянуть руку, но Бруно, повязав крахмальную салфетку, ел и говорил о весенней кампании. Все, на что его хватило, — это выделить Олафу конвой и

заняться войной, успешно заняться, только победой предательство не загородить...

— Почему не Бруно? — Савиньяк улыбнулся. Адъютант фельдмаршала счел бы

эту улыбку оскорблением, но Руппи был наследником Фельсенбургов и будущим братом кесаря. Неизвестно какого. — Подумайте, лейтенант. Вы на это

способны.

— Возможно. — Защищать честь дома Зильбершванфлоссе он не станет, это не

его честь. — В Гаунау есть Хайнрих, а кто в Тали ге? Вы?

— И я тоже. Не скрою, я допустил ряд серьезных ошибок, думая, что впереди

меня кто-то есть. Оцени я в свое время происходящее более здраво, Талиг сейчас находился бы в несколько лучшем положении. Вы младше меня, а времени понять, что вы один, у вас нет, поэтому я с вами и говорю. Принц Бруно

способен лишь на войну с себе подобными, ваши родные... «Штарквинды и Фельсенбурги» — это воля пожилой женщины, которая не учла слишком многого, чтобы впредь на нее полагаться. Ваша бабушка думала о том, как оттолкнуть Фридриха от трона, и не смотрела по сторонам.

— Дриксен — не только Зильбершванфлоссе, Штарквинды и Фельсенбурги.

— Верно. Я не исключаю, что со временем где-то поднимет голову какой-

нибудь

шаутбенахт или полковник, но пока слышно лишь «вождя всех варитов». Что

стало с вашим адмиралом, вы знаете лучше меня. Он спасает собственную душу, а нужно спасать кесарию, так что заходите на барьер, граф. Если рядом

кто-то поскачет, что ж, тем лучше для всех...

— «Дриксен верит своим морякам...» Я моряк, но все Фельсенбурги — неплохие наездники. — Почему он не удивлен, не раздавлен, не возмущен? Почему?! — Только, чтобы брать барьеры, нужен хороший конь...

— Кстати, о коне. Коро — ваш. Бруно вернул не только моего брата, что разумно, но и его мориска, а это благородно, особенно с учетом того, что ваши

зильберы явно нуждаются в улучшении породы. Я не могу отплатить равной

любезностью: таких, как Кан, — единицы. Таких, как Коро, — десятки, кстати

он, подобно всем потомкам Роньяски, очень прыгуч.

— Я не могу принять подарок от талигойского маршала.

— Коро вам дарит виконт Сэ, а пистолеты в ольстрах — презент от адмирала

Вальдеса. Пистолеты хорошие, так что лучше бы им дожить до вашей совместной экспедиции.

Не открыть ольстру было невежливо, не открыть ольстру было

невозможно.

Очень простой, с вороненым стволом, пистолет лег в руку так, словно Руппи

знал его с детства.

— Стреляйте, — велел Савиньяк.

Лейтенант сорвал с головы шляпу, подбросил ее левой рукой, выстрелил и попал. Мастер Мартин был бы вне себя от зависти и... от восторга, а дядя

Мартин не пожалел бы никаких денег за подобное диво, но такие пистолеты

шады чужакам не продают. Значит, Вальдес отдал свои. Вернуть шпагу, подарить пистолеты, поделиться Бермессером и любовью ведьм...

Руппи поднял шляпу тем же способом, что Савиньяк — журавлиное перо. Пуля

пробила тулью, но другой шляпы у наследника Фельсенбургов под рукой не имелось.

— Господин Савиньяк, вы не возражаете, если я испытаю еще и лошадь?

— Эномбрэдастрапэ!

— Так говорит Вальдес.

— Мне нравится, как это звучит.

— Мне тоже, — рассмеялся Руппи.

Впереди, у опушки, упавшее дерево повисло на примятых кустах,

превратившись в отличный барьер. Мысль о том, что отава прячет кроличьи

норы, в голову пришла, но была отброшена. Поваленный ветром ствол — не

препятствие, с Бруно придется сложнее, но фельдмаршал, надо думать, еще наблюдает, как ординарцы пакуют салфетки и фруктовые ножи.
Фельсенбург

подмигнул дырявящему облака солнцу и послал мориска в галоп. Придет время, и он отдарится — оружием, седоземельскими мехами, кораблями, островами, чем-нибудь, чего не будет ни у Арно с братьями, ни у Вальдеса. Возможно, даже

свободой. Когда-нибудь, ну а сейчас жаль, что старший Савиньяк слишком Проэмперадор, чтобы прыгать через поваленное дерево, чтобы мчаться наперегонки, ловя убегающее солнце...

2

Барьер был взят, хоть и не столь безупречно, как хотелось, а перед ужином Руппи с виконтом Сэ устроили отменные скачки. Коро в самом деле был слабоузд, но пресловутую строгость выказывать не спешил и вообще вел себя

вполне прилично. За это следовало выпить. Как и за Кана, Вальдеса, бьющие

без промаха пистолеты и возвращения, сколько бы их ни было... Ужин едва не

перешел в завтрак, все шло просто чудесно, но заявившийся с рассветом «фульгат» сделал утро омерзительным. Руппи не зарычал лишь потому, что зевнул, и поплелся умываться, тем не менее выехали вовремя. Арно проститься

не вышел, и Фельсенбург фрошера не осуждал — он себя в такую рань провожать тоже не стал бы.

За дорогой полусонный лейтенант не следил, да и дорога как таковая имела не

езде. Уилер и его парни сворачивали на какие-то тропы, пускали лошадей

напрямик через луга, пересекали овраги и ручьи. Если б не солнце,

утверждавшее, что они едут на северо-северо-запад, Руппи совсем запутался бы.

Около полудня фрошер осадил коня.

— Успели, — объявил он, кивком указав на всадника, украшавшего собой пригорок неподалеку. — Старый бык сюда еще не добрался.

— Где мы? — потряс головой Руппи.

— Видишь вязы? — «Закатный кот» вытащил фляжку. — За ними, сотнях в четырех бье, не больше, — Мариенбургский тракт и мост через местный лягушатник. С удобствами только здесь и проедешь, а без удобств ваш старикан

не скачет, не олешек. Так что самое время за разлуку..

— Разве ты не должен меня передать из рук в руки?

— Упаси Леворукий, — хмыкнул фрошер. — Нас тут не было, вы тут со слугой

разъезжаете, ну и заплутали маленько. Вот подорожная.

«Подорожная» уведомила, что отряд полковника Лауэншель-да, гостем которого был путешествующий со слугой Руперт фок Фельсенбург,

находится на

территории Талига с разрешения Проэмперадора Севера и Северо-Запада. То, что означенного фок Фельсенбурга гаунау увидели уже в Талиге, из бумаги

никоим образом не вытекало. Второе письмо, запечатанное «предвещавшим

погоню» оленем, Руперт, как оказалось, любезно взялся передать Бруно из рук в

руки.

Любезность удалось оказать отнюдь не сразу, так что лейтенант успел изучить

пресловутый лягушатник во всех подробностях. Первым чувством, обуявшим

наследника Фельсенбургов при виде родных рейтар, была жгучая обида за

впустую загубленный час сна. За обидой пришла трусость: из-под фрошерского

моста бабушка Элиза казалась предпочтительней фельдмаршала, пусть и не

получившего уведомления о спасении Олафа. И все же Руппи, подав знак

папаше Симону, тронул шенкелем встопорщившегося при виде чужих лошадей

мориска. Рейтары на подъездах к мосту дружно осадили коней. Подвоха от

выехавшей навстречу пары они не ждали, но порядок есть порядок.

Лейтенант

поднес руку к шляпе.

— Граф фок Фельсенбург к принцу Бруно.

Трудно сказать, поверили ли ему сразу, но к командиру конвоя проводили незамедлительно. Дальше пошло проще, так как конвойной ротой командовал

капитан. В прошлом году он состоял при генерале Рейфере, том самом, что не

чурался Кальдмеера и не стеснялся открыто говорить о столичной мрази.

Офицеров Рейфер подбирал себе под стать, не прошло и десяти минут, а Руппи

уже созерцал фельдмаршала, вылезшего для такого случая из своей знаменитой

двуколки.

— Значит, — решил тот, разминая затекшие от долгого сидения ноги, — вы предпочли морю горы. Неудивительно, что вас не смогли найти.

— Отчего же, — улыбнулся Руппи. — В Шеке, у Старых Боен, им повезло.

— Своеобразное везение, — заметил фельдмаршал. — Вы знаете, кто на вас

напал?

— Обычные разбойники, но нанимал их дворецкий Марге.

— Запоздалая новость... Теперь она ничего не изменит.

— Я понимаю, — с умным видом изрек Руппи.

— Вы меня удивили. Не думал, что вы покинете господина Кальдмеера.

— Так получилось, — буркнул Фельсенбург, вспоминая толстенную книгу и

дергающуюся щеку. — Да будет к нему милостив Создатель.

— Кто-то к Кальдмееру явно милостив... И хорошо, что не вы. Мыс вами еще

поговорим, но позже, мне требуется кое-что обдумать. Вы проявили

удивительное благоразумие, однако сотен пять молодых шалопаев, не считая

полковников и генералов, рвутся в драку и не желают понять, что нам сейчас не

до Талига, тем более что Савиньяки — трудная добыча. Вы их видели?

— Я более или менее знаю младшего. Виконта Сэ.

— Вы с ним разминулись, я вернул виконта брату. Надеюсь, в Штарквинд вы

написали?

— Нет.

— Зря. Ваше отсутствие истолковали превратно, впрочем, теперь это значения

не имеет. Вы знаете, чем кончили мои двоюродные племянник с племянницей?

— Да, — быстро сказал Руперт. Выслушивать еще раз про Гудрун было выше

его сил. — Я оказался у вас в том числе и поэтому.

— Хайнрих хочет втравить меня в свару с Марге. — Бруно брюзгливо выпятил

губу. — Перемирие с фрошерами, посредничество в переговорах, ваше

возвращение... Медведь меняет союзников, и его можно понять. Фрошеры скоро

отряхнутся, но сперва Жирный проглотит Кадану и как бы не Штарквинд.

— Что?! — не поверил собственным ушам Руппи.

— Вашей бабке с Марге не по пути. Если Марге пустит корни в Дриксен, Штарквинд отойдет от кесарии, и дорога ему одна — под медвежью лапу.

Ладно, хватит об этом. Я хочу ужинать в Гронау, а вы подумайте над письмом.

Не желаете писать бабке и матери, напишите отцу, что вы у меня.

О том, что «милый Руппи» наконец-то стал ценным заложником, троюродный

дед не сказал, но этого не понял бы разве что поэт Понси. Руперт вежливо

улыбнулся и помог главе дома Зильбершванфлоссе влезть в двуколку. Сытая

гнедая пара зашагала меж дуплистых, медных от осени вязов. Руппи на своем

мориске поехал рядом, пристав к группе порученцев, среди которых

обнаружилось несколько памятных с прошлой осени физиономий. Искать брата

Ореста лейтенант не собирался, ведь они никак не могли быть знакомы. Другое

дело, если адрианианец захочет увидеть наследника Фельсенбургов... Вполне

законное желание для нового духовника фельдмаршала, к слову сказать.

3

Брат Орест появляться не спешил, зато в распоряжении Руппи вновь оказался

капитан Рауф. Это было неплохо, хотя некоторые сложности здесь

имелись.

Командир роты конвоя всегда в состоянии рассказать немало любопытного, но, если спрашиваешь ты, могут спросить и тебя. Откровенничать с рейтаром

Фельсенбург возможным не считал, врать было и противно, и чревато

дальнейшими осложнениями, однако Рауфа, на счастье Руппи, больше всего

занимал мориск.

— Ничего себе мальчишка! — Капитан попытался потрепать Коро по шее, тот в

ответ недвусмысленно прижал уши. — Уродился же... Сколько?

— Не знаю, подарок.

— Хорошо быть Фельсенбургом!

— Иногда... — засмеялся Руппи. — Ты на Мельниковом дрался?

— У Трех Курганов, что ли? Куда б я делся?.. Сейчас расскажу, только своих красавцев проверю, а может, ты со мной?

— Поехали.

Эскорт спускался в неглубокую лощину, по дну которой полз медленный ручей.

По воде всюду плясали солнечные зайчики, а пологие склоны покрывали

полуоблетевшие кусты шиповника, сплошь усыпанные похожими на сердолики

плодами.

— Было б посуше, — посетовал Рауф, — лучше места для перекуса не

найти.

— Оголодал?

— Не отказался бы что-нибудь слопать... Ладно, не помру. Забыл спросить, адмирал цур зее как?

— Хочу надеяться на лучшее.

— Так это не ты его?!

— Все, что мог, я сделал. Этого было мало. — Разговор выворачивал не туда, и

Руппи быстро сменил тему: — А где твой? Или ты не при Рейфере теперь?

— Не при нем, но у него. Мне после баталии роту дали, а потом у нас еще одно

веселье вышло, вернее даже два. Не слышал?

— Откуда?

— Ну, про Эйнрехт-то знаешь?

— Конечно, — кивнул Руппи, понимая, что от этого знания ему не отвязаться

никогда. Даже отправив Марге вслед за Бермессером. — Мерзкое дело.

— Мерзкое... Мы ведь тут думали: всё, еще немного, и додавим фрошеров, как

бы голубчики ни упирались. Потом Савиньяк-младший с юга пришел, но мы и

его разделали бы... Совсем было приготовились, а тут новости косяком пошли: сначала о смерти кесаря, потом — про регента с принцессой. Ну, старик, не будь

дурак, и двинул наш корпус на север, к Бохольту. Думали, осторожничает,

за

ним такое водится, только вышло совсем иначе. Про китовников тебе рассказали

уже?

-Да.

— Вот в Бохольте мы с ними в первый раз и встретились. Сперва думали, раз

они уже здесь, значит, из Эйнрехта вышли давно и к тамошним пакосям

отношения не имеют, да и фок Греслау — генерал серьезный, известный... Тут-

то Рейфера и подловили; за разговорами и посиделками два дня прошло, и вся

маша пехота китанулась. Вся. Представляешь?! Хвала Создателю, хоть на

рейтар эта дурь почти не действует, всего шесть десятков переметнулись. До сих

пор не пойму, в чем тут дело, ну не лошади же помогли?! А как ублюдки

расправились с теми, кто присяге верен остался и к ним в лапы попал!

Верись, своих же заживо на куски рубили, а потом эти куски на пиках по всему лагерю

таскали... Помнишь Руди, высокий такой? Смешливый?

— Помню.

— Отсмеялся... Заживо четвертовали и руки-ноги-голову нашему прислали. В

полковом знамени... Мешок из него сшили, из Лебеда кесарского! Это они зря, мы рубить тоже обучены, и уж всяко лучше пехоты!

— Что было дальше? — чужим голосом спросил Руппи. Превращенное в мясницкий мешок боевое знамя... Гудрун тоже была знаменем, гвардейской богиней, за которую и во имя которой бросились бы в любой бой. Так казалось еще весной... Всея Дриксен.

— Мы, понятное дело, на прорыв пошли. — Удовольствия от рассказа Рауф явно

не получал. — Выдраться-то выдрались, а дальше толком и не понимаем ни куда

идти, ни что делать. Генерал, на что уж ко всему привычный, и тот поначалу

растерялся. Пятимся, что твои раки, а фок Греслау за нами топает. Кавалерии у

него, почитай, и нет, догнать не может, но фельдмаршалу такой подарочек на

хвосте волочь — в своей глупости расписаться. Короче, вильнули мы и повели

гадов в Марагону, а как они с марагами у старого Францис к-Вельде сцепились, тут мы с ними и посчитались за все. Жаль только, Греслау, тварь такая, не нам

достался, фрошер его прикончил. Занятный, кстати, парень — не старше нас с

тобой, а уже полковник. И держится, будто ему все сорок...

— Придд? — на всякий случай уточнил Руппи. — Высокий, светлоглазый такой?

— Он. Конь у него хорош, не хуже твоего. Слушай, я тут по случаю кобылу

зильберскую прикупил. Ты, как она в охоту войдет, своего не одолжишь?
Не за

здорово живешь, само собой!

— Врезать бы тебе, — мечтательно произнес Руппи. — Или вызвать? Ты за
кого

меня принимаешь? За барышника?!

4

Длинная, будто змея-прабабушка, лощина показала наконец хвост. Или
глотку, смотря откуда глядеть. Первые всадники уже поравнялись со
здоровенной, измученной собственными ягодами рябиной, последним до
мученицы было

рысать и рысать вдоль болотистого ручья. Рауф, подобрав еще не
рожденному

полумориску имя, развеселился и теперь рассказывал о дроздах-
рябинниках, способных отогнать от своих гнезд не только ворон, но и не
думающих

покушаться на птенцов людей. Руппи вполуха слушал, имея наготове байку
про

надоедливую кошку. То, что рано или поздно, так или иначе, но Бруно
станет

известно про эйнрехтскую авантюру, Фельсенбург не сомневался, но вот о

Бермессере фельдмаршал сможет узнать лишь от Олафа, если тот

проболтается... Простите, не проболтается, скажет правду, сколь бы горька
та ни

была. Не то чтобы лейтенант боялся правды, просто сейчас она пришлась
бы не

ко времени. Будь тут отец Луциан, Руппи признался бы ему во всем, но агарисец

остался в сбесившейся столице — очень может быть, потому, что не сумел защитить свой родной город...

— Надо же, — прервал свою болтовню Рауф, — фок Плютт собственной персоной. И что человеку на месте не сидится?

— Плютт? — переспросил, проверяя себя, Руппи. — Левый фланг Мельникова

луга... В смысле Половинный курган?

— Он, — кивнул капитан. — Надо думать, без Бруно с Конником, то бишь с

Хеллештерном, поцапался и решил первым доложить.

— Фу, — наморщил нос Руппи.

— Ну, генерал он из лучших и человек неплохой, только уж больно Конника не

жалует... Ага... Вернегеродцы с ним. Точно, поцапались! Плютт на них давно

глаз положил, с их полковником они соседи, тот и рад бы под земляка пойти, а

Хеллештерн уперся.

— Я бы на них поглядел, — бросил заинтригованный Руппи и выслал мориска

вперед.

Презент Леворукого передернул ушами и, убыстрясь, двинулся вдоль топкого

бережка навстречу вдвойне чужим лошадям. Лейтенант не удивился бы, узнав, что побывавший в бою жеребец уразумел: враги носят каски с лебедями. В

планы Фельсен-бурга таранить вернегеродцев никоим образом не входило, и он, поравнявшись с умудрившимся найтись именно сейчас братом Орестом, натянул

повод, стараясь держаться ближе к ручью. Адрианианец быстро поднял и опустил глаза, давая понять, что знакомство до поры до времени лучше скрыть.

Руппи едва заметно кивнул и уставился на статного моложавого генерала и троих сопровождавших его полковников.

Недоброжелатели Хеллештерна, если это были они, все в парадных мундирах, чопорно восседали на своих зильберах; по обе стороны от начальства

истуканами застыли драгуны конвоя, а позади в красивом строю встали рейтары. Ябедничать герой Трех Курганов собирался с размахом, и

приведенный, вернее, уведенный им полк загородил выход из лоцины. Бруно,

которому успели донести о демарше, уже пересел из двуколки на хорошо упитанного жеребца и теперь находился во главе кавалькады. До заявления претензии оставались считанные мгновения, и Руппи, дабы не вылезти на авансцену, заставил свой подарочек остановиться, что тот и сделал, пусть и безо

всякого удовольствия.

— В чем дело, Плютт? — Лица фельдмаршала Руппи не видел, но голос был

умеренно раздраженным. — Что это за представление?

Фок Плютт поднял руку к синей с белым пером шляпе и тут же опустил, словно

шляпа была крапивной.

— Господин Зильбершванфлоссе, — отчеканил он, — вы арестованы за предательство интересов Дриксен и сговор с врагами кесарии. Предлагаю вам

призвать свой конвой не оказывать сопротивления и не лить дриксенскую кровь.

Спина фельдмаршала чуть заметно напряглась, но голос звучал спокойно.

— Плютт, я не расслышал ответ. Я, кажется, вас спросил, что это за представление.

— Сударь, если вы собираетесь тянуть время, пока не подтянется отставший

полк охраны, вы просчитались. Мы не намерены ждать и второй и последний

раз предлагаем...

Они в самом деле хотели обойтись без крови и явно не ждали, что старик примет бой. Еще бы... Удачно выбранное место, полк рейтар, а может, и не

только рейтар, полковников-то трое. Выдвинувшийся в первый ряд Рауф

оглянулся на фельдмаршала, но тот молчал: то ли искал выход, то ли растерялся, то ли подбирал отвратительные любому мужчине слова. Взявшие Бруно в

полукольцо вояки вертели головами, ожидая приказа, но их командиры, в свою

очередь, ждали команды Плютта, а тот не спешил. Может, давал старику время, а, может, собирался с силами сам. Бесноватый на его месте уже пер бы лосем, но

этот Плютт, похоже, просто хотел бить фрошеров. Ну и немного — командовать

армией.

— У вас остается минута.

— Я вас не слышу.

Фельдмаршальский зильбер махнул хвостом, с рябины фейерверком прыснули

те самые дрозды. Мгновения текли, на Руппи никто внимания не обращал, тихо

вытащить из ольстры пистолет было совсем не трудно. Люди Бруно и люди

Плютта, дриксы и... дриксы, кто ерзал в седле, кто каменел неудачным

монументом. Фельсенбург прямо-таки чувствовал неготовность к драке и

мятежников, и конвоя. Ну да, они не отбивали заключенных, и у Двух Китов они

тоже не плясали. Значит, «впереди нет ничего, кроме препятствий», да, Леворукий? Ты прав — и вот он, первый барьер...

Руппи тронул мориска, протискиваясь в первый ряд, под копытом чавкнуло, но

все вокруг считали секунды и играли в гляделки. Кроме Фельсенбурга. Вот и

хорошо. Лейтенант дал Коро шенкелей за мгновение до того, как у генерала-

заговорщика лопнуло терпение. Вперед!

Дождавшийся драки мориск срывается в галоп. До Плютта рукой подать, не

промахнешься. Выстрел, отдача вздергивает руку, отброшенный пистолет, выхваченный клинок. Рядом гремит еще выстрел, краем глаза Фельсенбург

замечает еще кого-то, выскочившего следом. Отлично! А мятежник уже валится

наземь, рывок повода, мориск забирает вправо, и удар шпаги достается

полковнику, только ухватившемуся за эфес. Поздно! Голодная сталь вспарывает

синий бок, и сразу же — рубящий удар. Справа налево, по лицу; генеральский

адъютант заливается кровью. Теперь вот этого — палаш падает из разрубленной

руки, совсем рядом ошалевшие от боли и недоумения глаза. И вот эти

собирались...?!

Шум позади. Бруно требует арестовать мятежников, ему вторит очнувшаяся

труба. Лязгает и звенит железо. Откуда-то возникает брат Орест, с отменной

легкостью орудующий тяжелым кирасирским палашом. Рауф — вот кто

выскочил вслед за Руппи — бьет эфесом по башке впавшего в ступор второго

полковника, и тот рушится взорванной башней.

— Вперед!.. Взять!

— Пли!

Опомнились, голубчики, и те, и эти... Хоть и не до конца: рейтары Плютта

В

машущей железом, рычащей и ржущей куче сейчас больше мешают друг другу, и все равно для троих многовато... Ничего! Ослабить повод, дать волю мориску.

Конь отбивает задом, залиvisto ржет, он доволен. Руппи тоже доволен, особенно вот этим... белобрысым. Прямиком в закат рванул. Что творится

вокруг, непонятно, но стреляют теперь везде. Проснулись... Сони, суслики, сурки, кроты! Бруно, надо думать, уже в тылу, а мы потанцуем!

Ржет и вьется вьюном дареный конь, клинок ловит солнце и смывает его кровью, синие мундиры, перекошенные лица, ругань. И все равно весело, танец

длится, становясь все быстрее, все неистовей пахнет кровью и дымом. Осенью

пахнет. Кого-то рубануть, кого-то сбить лошадиной грудью, пригнуться, пропустив над собой чужой палац, ударить... Это на дуэли не бьют в спину!

— Фельсенбург! Стойте!!!

— Шварцготвотрум! Чего тебе...

— Брат Род... перт, успокойтесь. Кончено. Подошел Ландхутский полк.

Полк охраны всего-навсего уравнивает силы, но главари мятежников валяются в

бурой траве, и это решает дело. Приведенные Плюттом кавалеристы, оставшись

без начальства, биться до конца не желают. Ну и кошки с ними, главное сделано.

— Спасибо, дружище. — Руппи благодарно потрепал мориска по шее, и

ТОТ В

ответ благодушно фыркнул. Начало взаимному уважению было положено.

— Лейтенант Фельсенбург... Вас просит фельдмаршал.

Суматоха, беготня, отводят разоруженных, оказывают помощь раненым.

Интересно, куда делся Рауф? Жалко будет, если погиб... И пистолет жалко, нужно обязательно отыскать.

— Господин фельдмаршал, прибыл по вашему приказу.

— Оказывается, вы умеете выполнять приказы? — Внимательный, с некоторым

подозрением взгляд. — Определенно Ринге может считать вас своей удачей, клинком вы владеете лучше всех известных мне молодых людей. Продержаться

против дюжины не самых дурных солдат и уложить чуть ли не половину — это

искусство.

Чтобы скромно промолчать, Руппи не хватило еще пары покойников. Или хотя

бы одного. Нерастроченная шалая злость взмахнула крыльями и нахально заявила в лицо фельдмаршалу:

— Увезти адмирала цур зее было трудней.

Глава 4

ТАЛИГ. ВОСТОЧНАЯ ПРИДДА

АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 6-й день Осенних Ветров

На перекрестье дорог ждал внушительный всадник с лиловым шарфом, дабы от

имени полковника Придда испросить у Проэмперадора разрешения присоединиться к кавалькаде. Пресловутый Зараза упорно следовал этикету

мирного времени, хотя действующие армии обычно живут проще. Успешно действующие — в том, что дриксенский Фридрих требовал бы дворцовых почестей даже в Торке, Савиньяк не сомневался.

— Помнится, наследник Приддов отличался сдержанностью еще в Олларии, —

заметил Лионель, отпустив «лилового», — однако, судя по докладам, при встрече с бесноватыми фамильная сдержанность ему изменила. Как и нам с

вами, и Давенпорту с Рейфером. Напрашивается вывод, что запрет на войны в

Излом возник из боязни незаметно для себя превратиться в такую же чуму... И

все же безумие началось не на Мельниковом лугу, а в столицах, причем Эйнрехт

до поры был вполне благополучен.

— Это в самом деле так, — подтвердил Райнштайнер. — Можно сказать, что это

так дважды. Если зеленое помешательство не останавливать, оно затопит все, однако если бы те, кто его останавливал, уподоблялись бесноватым, Изломы

переживали бы немногие, а пережив, оставляли бы соответствующие записи. Я

уверен, что зеленая субстанция, если причиной омерзительных событий в Олларии стала именно она, прежде не разливалась.

— Причин должно быть несколько. В Олларии их, видимо, больше, чем в

Эйнрехте, где зелени в прямом смысле не замечено. У нас зелень появилась, самое позднее, в конце прошлого круга, о чем нам и поведала вдова Эктора

Придда...

— А вот и Валентин! — с облегчением перебил Ариго. Копание в старье доводило его до зевоты, но страдалец героически ехал рядом с бароном.

Видимо, укреплял волю. — Сейчас узнаем, как дела в Марагоне.

Эскорт у Придда был приличный, но не чрезмерный — полтора десятка кавалеристов, меньше по нынешним временам взял бы только дурак. Гнедые, отлично выезженные полумориски свитских радовали глаз, но Лионеля прежде

всего занимал светло-серый красавец самого Валентина.

— Придд — безупречный полковник, — счел своим долгом напомнить

Райнштайнер. — За исключением не подобающей такому чину молодости.

Улыбка означала, что барон шутит, но Ариго шутки не оценил.

— Я парню полностью доверяю, — чуть ли не в сороковой раз объявил генерал, явно переживая за своего любимца. Эмиль ответил бы, что не ест полковников, тем более безупречных; Ли усмехнулся и выждал, пока молодой человек с

холодным лицом не о тчеканит положенное по уставу приветствие. Порой

Савиньяк бывал весел, но другие это замечали редко.

— Я помню вашего мориска, — заметил Проэмперадор светским тоном. — Вас

я тоже помню, мы встречались у Капуль-Гизайлей, однако ваша карьера для

меня стала определенной неожиданностью. Примите мои поздравления.

— Благодарю вас, сударь.

— Пустое... — Теперь Лионель смотрел собеседнику прямо в глаза. — Нас с

вами объединяет то, что мы слишком рано и при крайне неприятных

обстоятельствах возглавили свои фамилии. Регент склонен вам доверять, командование Западной армии доверяет вам безоговорочно, но мое отношение к

вам определяется мнением герцога Алва и моей матери.

— Я не имел чести быть представленным графине Савиньяк.

— Моя мать признательна вам за очень своевременное письмо и за пересказ

записок герцогини Гертруды.

— Я был рад услужить госпоже графине, и я продолжаю надеяться на возвращение виконта Сэ.

— Он вернулся.

— Слава Создателю!

Сосулька с хрустом разлетелась и тут же смерзлась обратно, но вырвавшийся

возглас и враз изменившееся лицо свое дело сделали: Лионель увидел мальчишку, еще не повстречавшегося с братом-выходцем. Или самого себя, которому лишь предстояло вести за отцовским гробом мать...

Савиньяк отпустил поводья, доверив Грато подать пример спутникам и эскорту.

— В первую очередь за возвращение моего брата следует благодарить короля

Гаунау, во вторую — вас, ведь это вы просили генерала Рейфера найти виконта

Сэ.

— Я счел правильным использовать представившуюся мне возможность.

— Желаю вам не раскаться в своем поступке. — У Арно теперь есть больше, чем просто друг, а ведь герои едва не перегрызлись насмерть. — Теньент

Савиньяк просится в строй, и я склонен определить его под ваше начало, но

чуть позже. Что вы оставили в Южной Марагоне? Ваш доклад от девятнадцатого Осенних Скал я читал.

— Позавчера моим людям и марагонскому ополчению удалось уничтожить пятый и, насколько мне известно, последний отряд китовников, отколовшийся

от их основных сил. Я почти ручаюсь, что больше дриков в Южной Марагоне

нет — остатки пытавшегося захватить старый Франциск-Вельде пехотного корпуса в относительном порядке отошли за Хербсте. Воспрепятствовать их

переправе у меня возможности не было.

— Пленных по-прежнему нет?

— Нет, монсеньор. Барон Катершванц и командующий марагонским ополчением господин Трогге считают, что я согласился с их решением, но это не

так. Я действовал, исходя из своего внутреннего убеждения, которое, к сожалению, не могу обосновать.

— Этого и не требуется. Китовников и им подобных убивать можно и нужно, о

чем вы скоро узнаете. У вас всё?

— Нет, монсеньор, я обязан сообщить вам об одном обстоятельстве. Скончалась

моя сестра Габриэла, находившаяся в Альт-Вельдере на попечении графа и графини Гирке. Я узнал о ее смерти, уже выехав к вам.

— А я узнаю о том, что вдова Карла Борна проживала не в Васспарде, лишь сейчас. Как она умерла?

— Несчастный случай. Графиня имела обыкновение подолгу гулять в одиночестве, ее нашли в пруду. Судя по всему, она пыталась перебраться с камня

на камень, упала, ударилась головой и захлебнулась.

— Так же, как граф Гирке.

— Моя сестра Ирэна уверена, что это совпадение.

Габриэлу Лионель в последний раз видел на ее свадьбе. Ослепительной

красоты

невеста не сводила влюбленных глаз с жениха. Борн был старше жены, но это

был брак по любви, той самой, что сильнее смерти и страшной пожара.
Жена

сошла с ума еще до казни мужа. Октавий Добрый даровал осужденным право на

прощание с супругой или невестой, только Борн не смог им воспользоваться. Ли

счел это справедливым.

— Монсеньор, я понимаю, что две последовавшие друг за другом почти одинаковые смерти могут вызвать подозрение, но не в данном случае.

— Вам виднее. — Это малодушие, но в замке, где обитает живая Габриэла Борн, граф Савиньяк не остался бы, просто не смог бы. — Что ж, примите мои

соболезнования и можете быть свободны.

— Благодарю вас, но смерть Габриэлы для меня, и особенно для опекавшей ее

графини Гирке, горем не является.

2

Первородный Валентин и его гости подъехали к береговому форту, новость об

этом принесла хозяйка замка. Одетая в лиловое, она была прекрасна, и Мэллит

уверилась, что красота не всегда исполнена могучих соков, она может быть

легка, как туман, и хрупка, как утренний лед.

— Военные не имеют обыкновения мешкать, — объясняла первородная. —

Чтобы умыться с дороги и сменить платье, им хватит часа, и еще столько же

займет служба. Кресло в нижнем храме уже приготовлено, однако сейчас, госпожа баронесса, вам лучше отдохнуть. Принять гостей мне поможет Мелхен, а перед началом службы мы за вами придем.

— Нет. — Нареченная Юлианой была тверда, и Мэллит знала: станет так, как

решено. — Ты хозяйка дома, Ирэна, но вдова Курта — я, и командор Горной

марки — мой гость. Мой долг — встретить его на пороге дома, даже если это

чужой порог.

— Я не намерена спорить, — Ирэна слегка наклонила голову, звездами сверкнули украшавшие прическу аметисты, — но я не могу не напомнить о вашем положении.

— Мое положение естественно для жены и хозяйки. Чем быстрее ты это поймешь, тем для тебя будет лучше. Мелхен, что у тебя с волосами? Где лента?

— Я помогала в кухнях, — начала гоганни. — Утки были...

— Девочка, утки были, а сейчас будут гости. Мужчины, возвращаясь с войны, хотят видеть вокруг себя красоту. Есть они, правда, тоже всегда хотят... Ты

использовала свои травы?

— Я нашла шафран. Здесь в него не верят, но шафран для утки — то же, что

оправа для драгоценного камня.

Шафран нашелся, потому что один из слуг, увидев, как Мэллит выходит из кладовой, предложил помощь. Излишне услужливый не знал, что она возвращала на место колотушку, и гоганни, скрывая истину, спросила о шафране, ведь она слышала, что его привозили из Васспарда. Вместе они отыскали порожденную сердцем цветка драгоценность, что медленно превращалась в прах. Увидев теряющие силу пряности, Мэллит едва не воздела

руки к небесам, как это делал, исполняясь негодования, отец отца. Пять восьмых

найденного было погублено, но оставшегося хватало на пир пиров и свадьбу

свадеб.

— Мелхен, — велела роскошная, — подойди-ка... Мужские глаза надо кормить

прежде желудков. Друзья Курта нас никогда не оставят, но Проэмперадора и

двоих генералов мы увидим еще раз не скоро. Ленту надо перевязать; повернись.

Гоганни повиновалась. Теплые руки что-то делали с ее головой, а хозяйка Альт-

Вельдера смотрела, и в этом взгляде не было яда. Теперь Мэллит удивляло, что

два лица для нее слились в одно, но женщины первородных, собирая волосы в

башни и надевая двойные платья, становятся похожими, как бусины одного

ожерелья и цветы одной клумбы. Можно отличить расцветающее от вянущего, красное от желтого и высокое от низкого, но не одну белую гвоздику от другой.

— Теперь хорошо, — решила роскошная, и они с Ирэнной вышли в первый из

дворов. Ждать не пришлось, сквозь распахнутые ворота Мэллит уже видела

первого из череды всадников, его лошадь была знакомой, а одежда — черной.

Первородный Валентин въезжал в дом своей сестры, и стены этого дома больше

не таили угрозы; смерть, хвала Луне, на сей раз забрала дурную кровь. Гоганни

смотрела, как серебристый жеребец ступает по доскам моста, и вспоминала

листья на стылой воде и ту, что так ненавидела... Закон Кабиохов беспощаден к

злоумышляющим на отца и мать, сына и дочь, брата и сестру, но Мэллит, нанося

удар, не думала о законе. Ее назвали Щитом, и она прикрыла достойного, отдавая первый из множества долгов.

Первородный Валентин остановился у распахнутых ворот, поджидая того, кто

ехал следом. Тоже серый, но со светлой гривой и словно бы усыпанный

снежными монетками конь нес всадника, чей мундир пересекала широкая алая

полоса. Алыми были и перья на шляпе. Королева, которую Мэллит не знала, умерла, но ее цвет, цвет маков и крови, маршалы Талига не снимают, пока не

женится ставший государем мальчик.

За плечом маршала виднелся бирюзовый мундир. Тот, кого называли бароном

Райнштайнером, присоединился к первородному Валентину. Четвертого

всадника гоганни не рассмотрела — его заслоняла лошадь с серебряной гривой; высоко поднимая ноги, она вошла во двор и, повинувшись умелой руке, склонилась

в поклоне.

Нареченная Ирэной посмотрела на Мэллит, и та торопливо приняла из рук

домоправителя поднос с четырьмя наполненными водой кубками. Это заняло

всего мгновение, но приказавший коню склониться уже стоял на земле.

— Добро пожаловать в Альт-Вельдер, граф Савиньяк. — Хозяйка Озерного

замка в своем широком платье казалась лиловым йернским цветком. — Я рада

видеть вас и ваших спутников. Утолите свою жажду.

— Благодарю вас, сударыня.

Мэллит оставалось сделать лишь шаг, и она его сделала, хотя грудь пронзила

резкая боль, а вокруг словно бы зашумел ветер, сквозь который мчался

неистовый конь. Из ставшего алым дня на гоганни глянул огнеглазый сын

Кабиохов. Кубьерта осталась в мертвом доме, но зачем книга, если помнишь, что молния — взгляд его, глаза его — ночь, а дорога — осень...

— Граф, позвольте представить вам Мелхен, баронессу Вейзель. Вы, кажется, единственный из присутствующих, кто с ней еще не знаком.

— Это именно так, — подтвердил барон Райнштайнер. — Я и мой друг граф

Ариго встречали баронессу в Старой Придде. Герман, ты должен помнить...

— Конечно...

Первородный Робер?! Он здесь... Откуда?! Нет! Темноволосый человек похож

на Повелевающего Молниями, но он выше, сильнее и спокойней. Неужели они

прежде встречались? Недостойная хорошо помнит барона по имени Ойген, но

не этого генерала. В Старой Придде столько воинов...

— Вода Альт-Вельдера восхитительна, — произносит барон, и что-то звенит.

Возвращенный на поднос кубок... Она так и стоит с подносом, а нареченная

Ирэной говорит с гостями и братом. Среди них нет и не может быть огнеглазого

Флоха, лишь маршал с алой перевязью.

— Баронесса, — еще один кубок возвращается на поднос, — я много слышал о

вас и счастлив нашему знакомству, пусть оно и омрачено тяжелой потерей.

Он красив и странен, ведь темные глаза просят темных волос, но и только.
Этот

взгляд не откроет рану, а бег пятнистого коня не породит грозы. Маршал
больше

не кажется сыном Кабиоховым, он — человек, он — гость, и ему нужно
отвечать.

— Нар... капитан Давенпорт много говорил о вашей войне и ваших
победах. Вы

посрамили врагов, их было много, и они были разными.

— «Было»? — Улыбка не казалась доброй, но и не пугала. — Что ж,
Давенпорт

умеет успокаивать дам. В отличие от вас, полковник Придд.

Первородный Валентин не успокаивал, он просто отдал свою кровь, а
сказанных

им слов было немного, но каждое оживляло частичку сердца, и оно почти
забилося.

— Здравствуйте, баронесса. Надеюсь, вам здесь не слишком грустно?

— Я много гуляю в саду и на стенах, и я нашла шафран.

3

От поездки в Альт-Вельдер Жермон ничего особенного не ждал и уж точно
не

предполагал, что веселый осенний денек переломит его в общем-то
устоявшееся

бытие. Генеральское сердце не ёкнуло даже тогда, когда Савиньяк по галантной

фамильной привычке заставил своего мориска поклониться вышедшей

навстречу гостям графине Гирке. Ариго разве что одобрил ловкость всадника и

выучку коня.

То, что наследники Вальков подают друзьям воду из местного родника, Жермон

слышал, и это было кстати — утром они с Ойгеном отдали должное

хексбергской соленой рыбке. Спешившись вслед за Савиньяком, Ариго поручил

жеребца слугам и присоединился к церемонии. Хозяйку замка загораживали

спины Валентина и Проэмперадора, которому причитался первый кубок.

Стоящий рядом Райнштайнер сосредоточенно буравил взглядом главную

башню, и предоставленный самому себе Жермон огляделся: вокруг радостно

блестели поймавшие солнце лужицы, в самой большой купались вездесущие

воробьи. Замок казался приятным, а вившиеся над крышами дымки обещали не

только отдых в тепле, но и обед, о котором генерал уже вовсю подумывал.

Обозрев трубы, Ариго перевел взгляд на Савиньяка — тот как раз отступил в

сторону, освобождая дорогу к водопою. Жермон шагнул в брешь, и перед ним

предстала бергерская девица — славненькая, рыженькая, но слишком уж мелкая

для старинного подноса, который она держала. Подкрутив усы, генерал нацелился на одинокий кубок, однако ему уже подавали другой.

— Я рада вас видеть, граф Ариго, — произнесла женщина в лиловом. —
Надеюсь, вам понравится наша вода.

Вода могла быть прекрасной, а могла — отвратительной, могла стать вином, касерой, пивом, чернилами, он все равно проглотил бы и не заметил. Где-то что-

то говорили Валентин с Савиньяком, им отвечал тихий голосок, в арке за спиной

топтались всадники эскорта, двор вообще был забит людьми, лошадьми и воробьями, но они все равно были вдвоем — граф Ариго и строгая красавица с

серебристыми глазами. Она сказала то, что говорила десятки раз десяткам гостей, он что-то промычал и продолжал стоять, пока не получил от позабытого

Ойгена чувствительный тычок. Это подействовало, генерал шмякнул кубок на

поднос, который упорно держала рыженькая девчушка, услышал, что он уже

встречал ее в Старой Придде, извинился, наговорил вежливой мути, выслушал

ответный лепет и вместе со всеми отправился к вдове бедняги Вейзеля.

Жермон приехал именно ради этого — проводы артиллериста были долгом

уцелевших на Мельниковом лугу, но фок Варзов все еще болел, а может, не желал своим присутствием ставить нового командора Горной марки в щекотливое положение. Ариго предложил заменить старика, Ойген одобрил, Савиньяк не возражал, только сейчас все похороны и битвы мира канули в

серебристый омут.

Жермон Ариго с детства терпеть не мог поэзию, особенно любовную. Сам не

понимая почему, будущий генерал шарахался от столь дорогих его матери

рифмованных описаний нежных чувств и роковых страстей. Нет, гвардейский

лоботряс, а позднее — торский офицер девиц и дам не чурался, мало того, в

последний год он стал подумывать о женитьбе, однако никакой взор, в отличие

от пули, Ариго не поражал, а «огнь животворящий» если и бежал по жилам, то

исключительно от касеры. Так было, но сейчас впереди рядом с

Проэмперадором шла она. Жермон видел жесткий стоячий воротник и над ним

— высокую прическу; волосы блестели на солнце, будто спелые каштаны, в

которые упало несколько лиловых звезд. Что свалилось на него, генерал не понимал, только все, что было прежде, внезапно стало неважным.

— Я слышал про нее от Валентина, — шепнул Жермон шагавшему рядом

Ойгену, — она не хотела уезжать.

— Графиня поступила разумно, — немедленно откликнулся бергер. —
Озерный

замок — сильная крепость, к тому же скверна его затронет в последнюю
очередь.

— Скверна? — Какая, к кошкам, скверна?! Он хочет говорить о графине. —
Да, наверное...

— Герман, я уже ставил тебе на вид — ты недооцениваешь опасность.

Привычная нам война отложена, но это не значит, что мы вправе
наслаждаться

миром. Поговорим об этом после, сейчас нам предстоит исполнить наш
долг. Ты

ведь не знаком с баронессой Юлианой?

— Да я и Вейзеля-то узнал лишь в нынешнюю кампанию.

— Это была достойная пара. Именно такая жена должна быть у хорошего
генерала, и, можешь мне поверить, она у тебя будет.

Ойген говорил то же, что и вчера, и месяц назад, но сейчас это стало
чушью.

Жермон больше не желал слышать про светлые косы.

4

Баронессу Вейзель Лионель встречал еще меньше, чем барона, однако
Росио

про столь примечательную пару наболтал немало. Когда он еще болтал про
всякие забавные мелочи, вроде начальства. Савиньяк поклонился крупной

белокурой вдове, что высилась на крыльце, будто принимающий парад военачальник.

— Сударыня, — памятуя об отповеди, данной баронессой марагонским утешителям, Ли решил быть краток, — печальная привилегия сопровождать вас

в храм принадлежит герцогу Алва, но он не может ею воспользоваться. Его заменю я, хоть мне и не выпало чести служить под началом генерала Вейзеля.

— Это объясняет, почему вы не смогли сохранить каданские трофеи, — немедленно сообщила баронесса. — Но воюете вы хорошо, всяко лучше фок

Варзов. Вы не служили под началом моего мужа, однако он с радостью принял

бы под свое начало вашу артиллерию. Хорошо, что вы вспомнили Алву и не стали меня утешать.

— Сударыня, я был рядом с матерью на похоронах отца. Иные утешения сродни

кощунству.

— Да. — Она оперлась на предложенную руку, именно оперлась, тяжело и уверенно. — Наш третий сын, родившийся на девятом году брака, если б не нынешние безобразия, будущей осенью стал бы унаром. Курт хотел, чтобы его

взял Алва, но я прошу об этом вас.

— Если школа оруженосцев сохранится, я так и поступлю.

— От кого это зависит? От Рокэ?

— Регент занят другими делами, баронесса, и он очень далеко. — Так далеко, что даже выходцам не найти! — Судьбу Лаик решит герцог Ноймаринен.

Сударыня, граф Ариго и барон Райнштайнер очень ценили генерала Вейзеля.

Они хотят засвидетельствовать вам свое почтение.

— После службы. Скажите им, что мне не нужны соболезнования, пусть лучше

расскажут про Мельников луг, они ведь там были оба. Я хочу знать все, но это

уместно за столом, когда мужчины пьют и вспоминают. Рокэ мог выпить очень

много, а вы?

— Меньше, но тоже достаточно.

Свести по длинной крутой лестнице беременную, как бы та ни храбрилась, непросто. Ступени были высокими и узкими, и Ли спускался боком, готовясь в

любой миг подхватить баронессу. Не упал никто. Внизу уже ждал беловолосый

священник, которого так и тянуло назвать жрецом, да и пропорции храма криком кричали о гальтарских временах, а вот убранство было новым.

Относительно. Такое литье вошло в моду уже после Двдцатилетней.

Тонуций в рябиновых и еловых ветках гроб был закрыт — прошло слишком много времени, чтобы смотреть в лицо умершего. В ногах, как и положено, лежали шпага и перевязь, в головах стояло кресло для вдовы и скамеечка

для

приемной дочери, остальных ждали недлинные, обитые траурным бархатом

лавки — Франциск разрешил своим последователям разговаривать с Создателем

сидя, но и стоять при этом не запретил. Дворцовый этикет предписывал скорбеть, оставаясь на ногах, однако баронесса Вейзель и графиня Гирке рассудили иначе. Лионель, придерживая шпагу, сел слева от изголовья. Места

хватило бы еще на троих, но рядом устроился только Придд, хозяйка куда-то

пропала, а Райнштайнер с Ариго расположились напротив, так что Савиньяк

мог видеть не только Юлиану, но и генеральские физиономии. Райнштайнер

казался сосредоточенным, Ариго — растерянным и слегка пьяным. Задние скамьи заняли эскорт и слуги — всего человек тридцать, очень скромное прощание.

Проводить Вейзеля, дай им возможность, явилась бы вся Марагона и вся Западная армия, и это не считая земляков и родни. Бергеры, впрочем, еще соберутся у семейной усыпальницы, когда артиллерист вернется домой.

Маркграф, как и положено варвару-агму, устроит пир со стрельбой, но горевать

будет искренне. Вот в Савиньяк на отцовские похороны сбежалась вся знать, и

только Леворукий с Росио знали, как вдове и наследнику хотелось
вышвырнуть

прочь едва ли не половину гостей во главе с тессорием и кансильером.

Вытерпели, чудом не захлебнувшись в лживом сочувствии. Потом Ли
узнал, что

вдова не пролила ни слезинки, да и наследник был подозрительно спокоен
и

вообще слишком долго ехал... Долго, кто спорит. Пока об убийстве
известили

командующего, пока разыскали капитана Лэкдеми, пока тот месил грязь
по

раскисшим дорогам, пробиваясь в ставку маршала...

— Плохо дело, — сказал тогда фок Варзов и с бессильной злостью
оттолкнул

лежащее перед ним яблоко; оно покатилося, сбив лежащие на краю стола

грифели. Ли бросился их собирать, он уже слышал про взбесившегося
Борна и

решил, что «плохо» — это значит идти и стрелять не в дриков, а в своих. В

однокорытников, сослуживцев, собутыльников, сдуру ввязавшихся в
нужный

разве что Эйнрехту с Паоной мятеж.

— Арно погиб, — резко бросил маршал. — Ездил в Борн уговаривать — и

погиб. Две пули — в живот и в голову.. Вторая, слава Создателю, —
наповал.

Тело отдали, уже везут в Савиньяк...

Почему-то он продолжал собирать эти кошачьи грифели и собрал все, последний был синим. Новый граф Савиньяк положил его на стол и, подчиняясь

приказу, сел, чтобы слушать дальше. Фок Варзов никогда не считал нужным

обкладывать младших ватой, Рокэ не случайно угодил в оруженосцы именно к

нему — последний сын собрано Алваро, только что потерявший мать...

Ноймаринен отказался от маркиза Алвасете, сказав, что не сможет выбросить из

головы Карлоса и дриксенские пули. Пуля, убившая отца, числилась талигойской.

Сгорали свечи, над курильницами вился дымок, более горький, чем на юге, вздыхал неожиданный в такой глуши, но очень хороший орган, а Лионель, хоть

и видел все, вернулся в другой храм и в другое время. Рядом молчала мать, кусал губы Эмиль, ничего не понимал одетый в черное Арно и грозовой тучей

застил свет Бертрам. Валмона матери тоже пытались припомнить... Мужчины

замолчали после первой же дуэли, затем Ли одного за другим прикончил любовника одной распутившей язык дряни и брата другой. Этот намек поняли

даже Колиньяры.

Органские стоны уступили место слову. Франциск был прав, переведя

богослужения на язык, понятный каждому крестьянину, но сегодня Ли

предпочел бы гальтарскую службу или, того лучше, морисскую, хотя багряноземельцы своим богам вряд ли поют.

Заученные в детстве фразы будоражили память, бывшее кидалось на грудь неотвязным злющим псом, но Савиньяк раз за разом отпихивал залитую отцовской кровью морду. Он не имел права помнить больше, чем нужно, и приехал в Альт-Вельдер не за прошлым. Договор с Бруно прикрывал спину, армия и гарнизоны начинали избавляться от грязи, но залатать пробойну — еще

не значит пристать к берегу. Несвихнувшаяся часть Талига получила передышку, только вряд ли долгую.

Эпинэ и Левий увели часть горожан — ту, которую задело меньше всего, и теперь они стали заботой Бертрама. Заодно беженцы оттянут на себя самую

настырную часть бесноватых, и в столице установится, а может, уже установилась какая-то власть, которой нужно город кормить. Где брать провизию? Разумеется, в окрестностях, постепенно отдаляясь от Оллари и

растаскивая зелень туда, куда она сама еще не добралась. В Альт-Вельдере играл орган, а в десятках городков и сёл вчерашние соседи безвозвратно делились на мародеров, беженцев и тех, кто готов драться, но поди различи их в

закипающем котле, которым становится внутренность Кольца Эрнани. Такая

мирная, такая зажиточная, ни разу между Франциском и Альдо не

видевшая ни

чужой армии, ни мятежа... А ведь не будь полоумного анакса, Оллария получила

бы наглотавшегося зелени Штанцлера. Это было бы похуже вождя всех варитов!

Память снова показала зубы, потому что кансильер принялся вредить после

казни Борна, для спасения которого не шевельнул и пальцем. Тогдашнему Ли

было не до политики, но позже он попытался разобраться в том, что произошло,

почти сожалея о своем отказе присутствовать на допросах. Сильвестр предлагал

молодому графу пропуск в Багерлее, однако Ли ответил, что доверяет суду и

приедет только на казнь. Эти слова и вытащили его из Торки. Так, по крайней

мере, утверждал дядюшка Гораций, и он же рассказал, что на вопрос о причине

убийства Борн ответил: «Савиньяк меня убедил сложить оружие». Хурии сочли

это издевательством, но иного ответа они не дождались. Предводитель

мятежников держался твердо, а Сильвестр в те поры склонялся к милосердию.

Не будь убийства, да еще столь подлого, Борн отделался бы заключением, однако граф предпочел отрезать себе дорогу назад. Эмиль считал это трусостью, Ли отмалчивался, но сам мостов не жег никогда, как и Алва.

Орган вновь завел что-то умиротворяющее, грустное и знакомое. Вариации на

эту тему звучали в доме Капуль-Гизайлей... Мать жалела баронессу и саму по

себе, и вместе с Эпинэ, Лионель тоже предпочел бы, чтобы красавица осталась

жива. Жена Констанса многое видела и многое запоминала, а рассказы барона

теперь стали важней его антиков. Бросающие столицы и шарахающиеся от моря

холтийцы, сгинувшее без следа Саймурское царство, жмущийся к берегу

султанат, три ринувшихся на сушу моря, что слились в людской памяти в

единый потоп... Искать во всем скрытый смысл глупо, не искать — еще глупее.

Чтобы «стать» Фридрихом, Ли не только расспрашивал шпионов и дипломатов, но и читал посвященные «Неистовому» оды и добывал копии с заказанных

принцем миниатюр. Что было важным, а что — дурной тратой денег и времени, Савиньяк не знал, но бой у Ор-Гаролис он выиграл. Понять высший промысел

совсем не то, что разгадать замысел дурака, однако понять необходимо.

Служба продолжалась, спасибо хоть память унялась и думать больше не

мешала; только в самом конце, подавая руку баронессе, Ли вспомнил

брошенный по кэналлийскому обычаю к ногам матери синий плащ. Вдова

маршала Савиньяка его подняла и накинула себе на плечи, принимая служение

длиной в одну из двух жизней — ее или Рокэ.

— Ей ничем не помочь, — вздохнул дядюшка Горацій, когда мать ушла.

Рокэ не спорил.

— Все, что я могу — это отобрать у дриков Гельбе, — сказал он, — и я отберу.

Через девять лет он это сделал, еще через три — пропал.

Небо над Альт-Вельдером успело стать густо-синим, как грифель, которым фок

Варзов обозначал врагов. Стареющая луна смотрелась в еще не подернувшиеся

ледком лужи, а над башней, что-то обещая, повисла крупная звезда.

Дамы в сопровождении брата хозяйки ушли, чтобы, согласно бергерскому

обычаю, вернуться, когда мужчины поднимут первую чашу. Двери западного

флигеля были распахнуты, окна ярко освещены — Придды знали толк в самых

разных традициях.

— Все сделано очень достойно, — сообщил барон Райншгайнер, — нам остается лишь занять место за столом, не так ли?

— Да, — подтвердил Лионель, потому что бергеру требовалось подтверждение

командора Горной Марки. — Кстати, господа, вы ведь слышали, что Вальдес

собирается обойти Бирюзовые земли и плыть на восток, пока достанет пресной

воды?

Ариго откровенно удивился, Райнштайнер не удивился, но уточнил:

— Я слышал, как об этом говорил молодой Фельсенбург, и нахожу эту затею

приемлемой, но несвоевременной. Вы полагаете иначе?

— Я хочу понять, почему этого и еще многого другого никто не сделал до сих

пор. Идемте, господа, негоже заставлять дам ждать.

Глава 5

ТАЛИГ. АЛЫТ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 6-й день Осенних Ветров

1

Бергерская тризна не задалась, вместо нее случился добродетельный

провинциальный обед, на таких Ли в юности сиживал не единожды. Иногда

подобные трапезы спасают свеженькие женские личики, иногда — мастерство

поваров и местные деликатесы. На сей раз повезло и с тем, и с другим. Хозяйка

была хороша, гоганни в бергерских ленточках — прелестна, но всего лучше

оказалась утка с шафраном, впрочем, выдержанная «Змеиная кровь» была ее

достойна. Савиньяк отдавал должное и тому, и другому, однако привнесенная

хозяевами изысканность явно смущала офицеров бергерского конвоя, а беднягу

Ариго и вовсе лишила свойственного ему аппетита. Райнштайнер преспокойно

ел и пил, но молча, гоганни Мелхен раскрывала ротик, лишь отправляя в него

кусочек съестного, а Придд с сестрой беседу поддерживали, но не вели, да этого

и не требовалось. Говорила баронесса Вейзель, и она имела на это право. Хотя

бы на это.

Ли не знал, как и когда его собственная мать впервые увидела отца, что он

сказал, что она ответила... Хотел бы знать? Теперь — да. Проэмперадор слушал

об отплясавшем свое марагонском празднике и видел, как к пышущей здоровьем

и уверенностью в своих чарах девице подходит чопорный капитан. Пара

знакомится, чинно ест знаменитые пирожки, дефилирует мимо телеги с

игрушечными бедами, присматривается к танцующим, входит в круг. Они не

торопятся — любовь ведет их широкой, проторенной тысячами бергерских

башмаков тропой, но это несомненно любовь. Она длится год за годом, пока ее

не обрывает пуля. Нелепая, случайная, беспощадная.

— ... Курт вспомнил о наших поисках. Конечно, имя «Рокэ» в Бергмарке —

редкость, но наши сыновья будут служить Талигу.

— Несомненно, сударыня. Итак, генерал Вейзель велел назвать сына Рокэ?

— Его сил хватило только на то, чтобы прошептать «Рокэ». Этот глупый Трогге

ничего не понял, ему почудилось, что Курт зовет Первого маршала, такая

нелепость! Хотя Трогге не мог знать, о чем мы говорили утром. Мы встретились

на марагонском празднике, и потеряли друг друга мы тоже в Марагоне...

Графиня Савиньяк молчала, шокируя соседей своей бесчувственностью; баронесса Вейзель говорила и говорила, возвращаясь к истокам своего счастья, чтобы вновь спуститься берегом к устью. Лионель приподнял бокал:

— За вашу первую встречу, сударыня.

Вдова благосклонно кивнула, рассказ продолжался, иногда его прерывали тосты, иногда слуги. Подавали новые блюда, меняли посуду, но выставленное на стол

вино не спешило кончаться — бергеры то ли скромничали, то ли не любили

«этой южной кислятины». Ничего, в Агмшгадте наверстают. Конец трапезе

положили напольные часы, как и многое в этом замке, созданные вскоре после

Двадцатилетней. Изукрашенные серебряными осетрами и лентами водорослей, они били и раньше, но в этот раз все отчего-то замолчали, прервав и так

полумертвую беседу. Когда звон затих, баронесса Вейзель поднялась, следом

вскочила ее приемная дочь, и сразу же начали вставать мужчины; сидеть осталась лишь хозяйка замка, показывая, что за этим столом распоряжается не

она.

— Благодарю вас всех, — вдова медленно переводила взгляд с лица на лицо, —

и приглашаю в наш дом, когда военные смогут оставить армию. Я доверяю маркграфу встретить моего мужа, а мы с Мелхен пока останемся здесь. Курт

велел бы мне именно это. Генерал Райнштайнер, я не сомневаюсь, что вы определили в эскорт хороших солдат, и подтверждаю ваш выбор. Мы до вашего

отъезда еще увидимся, но я говорю сейчас, а вы — слышите. Спокойной всем

ночи. Господин командор?

— К вашим услугам, сударыня.

Она в самом деле устала, это чувствовалось и по походке, еще более тяжелой, чем днем, и по молчанию, которое не нарушали ни гоганни, ни плывущая

впереди графиня Гирке. Серебряный шандал в ее руке наверняка вышел из той

же мастерской, что и часы. Тогдашние Альт-Вельдеры обладали неплохим вкусом и думали о потомках, а теперь их не осталось, разве что титул получит

один из братьев Придда.

Женщина со свечами бесшумно поднималась по лестнице, она вполне могла

сойти за призрак, обстоятельства к этому располагали.

— Бедная девочка, — вздохнула баронесса, — у этого озера она зачахнет. Я так

ей и сказала.

Если ответить нечего, лучше не отвечать. Савиньяк промолчал, это было нетрудно — они почти пришли. У двери госпожа Юлиана неожиданно привстала на цыпочки и поцеловала Проэмперадора в лоб.

— Тебе надо выспаться, — велела она. — Вы все недосыпаете, от этого развивается сердечная болезнь.

— Нашей семье, сударыня, это не свойственно, но я последую вашему совету.

Две женщины исчезают в приоткрывшемся проеме. Третья остается. Это кстати, если только она не уподобится Фриде.

2

Жермон поднялся из-за стола в твердой уверенности, что сыт, однако через полчаса иллюзия рассеялась: Ариго был голоден, как торский волк после недельного бурана. Увы, в отведенных генералу комнатах имелись книги, но не

еда. Голодающий совсем уже собрался спуститься в конюшни и пошарить в седельных сумках — помешал Райнштайнер. Барон отобедал на совесть и теперь решил поговорить, Жермон ничего против не имел и лишь спросил, не

найдется ли у друга чего-нибудь съестного.

— Я видел, что ты плохо ешь, — кивнул бергер, — и зашел узнать, как ты себя

чувствуешь, но твой внешний вид рассеял мои опасения. Тебе не понравилось, как здесь готовят? Это удивительно, в Альт-Вельдере отличная кухня, хоть и

необычная для этих мест.

— Да! — с готовностью подтвердил Ариго, не пробовавший подобных уток даже в гвардейской юности, но почему-то ограничившийся всего одной птицей.

— Сам не знаю, с чего я решил, что сыт. Так у тебя ничего нет?

— Я распорядился об ужине, — невозмутимо сообщил барон. — Правда, я не

думал, что он пригодится немедленно. Герман, у нас слишком мало времени, чтобы ложиться спать вместе с беременной вдовой. Надеюсь, ты понял, что я

имел в виду одновременность отхода ко сну. Я хотел кое-что предложить, но

сперва тебе следует перекусить.

С чем с чем, а с этим Ариго был полностью согласен. Больше, чем есть, ему

хотелось лишь говорить о графине Гирке, но это было неуместно. К тому же

Ойген собрался порассуждать, и его рассуждения остановить было лишь немногим проще, чем разогнавшегося Катершванца. Непарного.

— Я с радостью что-нибудь проглочу, — кивнул Жермон, так как молчание

Райнштайнер мог принять за отказ. — Наверное, я стеснялся. Три дамы и Проэмперадор — это для меня слишком.

Ойген показал зубы, подтверждая, что шутка принята, и они перебрались к бергеру, где вкусно пахло хорошей мясной подливой. Жермон ел, Райнштайнер

катал хлебные шарики и повторял то, что Ариго слышал уже не раз.

— Несомненно, старинные поверья, как золотоземельские, так и привезенные

агмами и варитами, имеют большое значение. — Ойген отправил очередной

шарик в тарелку. — Я готов признать важность саграннских и даже холтийских

легенд, но почему Савиньяк заговорил о затее Вальдеса, которая может осуществиться в лучшем случае через несколько лет? У тебя есть соображения?

— Откуда? — Жермон отодвинул ополовиненное блюдо, понимая, что иначе

друг ляжет спать натошак. — Проще всего спросить самого Савиньяка, но я это

делать отказываюсь.

— У тебя есть на это какие-то причины?

— Нет, — отмахнулся Ариго, — просто не хочу.

Он имел в виду лишь то, что сказал. Экспедиция Вальдеса и рассуждения Проэмперадора не значили ничего в сравнении с высокой прической и

серебряными глазами. Ариго еще мог вполуха слушать про всяческое старье, время от времени глубокомысленно мыча, но не объясняться.

Ойген оставил в покое растерзанную горбушку и положил руку Жермону на

плечо.

— Мне следовало сказать тебе это раньше, — покаялся он, — еще до прибытия

маршала Эмиля, сейчас же это стало насущной необходимостью. Ты слишком

близко к сердцу принял смену командующего, но тебе следует думать не о маршале фок Варзов, а об армии.

— Что? — растерялся Ариго, думавший лишь о молчаливой графине. — Ерунда

какая-то!

— Попробую тебе объяснить, — утешил бергер. — Ты можешь ухаживать за

хорошенькой девушкой. Тебе приятно с ней встречаться, покупать ей бусы и

ленты. Она очень славная, но, когда речь заходит о браке, главным становится, сумеет ли она подарить тебе здорового ребенка и сможешь ли ты на нее

положиться, когда начнутся неприятности. К командующему следует относиться

еще более серьезно, ведь от него зависит гораздо больше, чем благополучие

одной семьи и сохранение одного рода. Я понимаю, фок Варзов тебе дорог, однако Лионель Савиньяк надежен и видит то, что нужно. Он не принесет

нам

непозволительного второго поражения.

— Скажи лучше, что он понимает твои истории про погасшие маяки.

— Не понимает, но желает понять, и это тоже крайне важно. Ты стараешься

быть несправедливым к Савиньяку, потому что испытываешь стыд перед бывшим командующим, а это фок Варзов должен испытывать стыд перед нами.

— Да не предвзят я! — от души гаркнул Жермон. — Ли я плохо помню... Бегали

у нас по Гайярэ два козленка, поди разбери, кто — кто. Хотя мэтра Капотту один

из них хорошо так уел...

Жермон в самом деле без труда привык к близнецам-маршалам, уже взрослым и

обошедшим его на пару корпусов. С Эмилем никаких сложностей не возникло, да и Лионель генералу понравился, жалость и уважение к Вольфгангу этому

отнюдь не мешали.

— Чем меньше ты будешь вспоминать мужа твоей матери, — Ойген был само

назидание, — ее саму и твоих единоутробных братьев, тем лучше. Остаься они

живы, тебе пришлось бы отомстить за убийство отца, причем сделать это так, чтобы не повредить репутации королевы. К счастью, сейчас от тебя ничего

подобного не требуется...

— Делать мне нечего!

— Хорошо, что ты это понимаешь. Напомни, о чем мы говорили.

— О Приддах. — Жермон сам подивился своей способности к вранью. —
Что

убийство наследника, это я про Джастина, чем-то важно.

— Разве я говорил об этом?

— Не сейчас. Весной мне этот Джастин чуть снится не начал, но тогда у
тебя

под рукой был один Валентин, а теперь можно расспросить и его сестру.

Конечно, сейчас не до того, но раз уж мы в Альт-Вельдере...

— Ты правильно сделал, что об этом напомнил. Обычно это я тебя
упрекаю в

поспешности и в том, что ты не все доводишь до конца. Что ж, не будем

откладывать и поговорим с графиней прямо сейчас. Я узнавал, она никогда
не

ложится раньше полуночи, особенно если в замке посторонние.

3

Прогулка под звездами была исполнена очарования и при этом непонятна.

Графиня Гирке чего-то хотела, иначе не предложила бы гостю
полюбоваться

ночным озером. Лионель согласился подняться на стены, хотя два
утопленника

меньше чем за два месяца наводили на размышления. С башен, впрочем,

еще

никто не падал, а прикончить настороженного мужчину непросто, да и зачем?

Савиньяк галантно поддерживал даму под локоток, в узких переходах пропуская

вперед, к неожиданностям он был готов, но угрозы не чувствовал, скорее тщательно скрываемое спутницей сомнение. Хозяйка замка при всей своей светскости напоминала дикую норку, готовую при первом же шорохе метнуться

в реку. Конечно, это могло быть маской, но тогда графине следовало надеть ее

раньше. Тут уж либо безупречный антик, либо трепетная ласточка, но не то и

другое одновременно.

— Вы часто гуляете в темноте?

— Это зависит от погоды. В лунные ночи — да, в дождь мне приходится искать

развлечений в комнатах. Третьего в нашей глуши не дано.

— Но вам удалось заманить в вашу, как вы говорите, глушь прекрасного органиста и великого повара.

— Я должна быть польщена и раздосадована. — В голосе не было ни тени кокетства, но он слегка дрожал. Озноб? Волнение? Страх? — На органе играла

я, а за уток следует благодарить Мелхен. Утром я скажу баронессе Вейзель, что

Прозэмперадор оценил талант ее приемной дочери выше моего.

Это было по меньшей мере забавно: хранительница древних тайн и свидетельница гоганского заговора жарит уток. Бертрам пришел бы в восторг.

— Я сказала что-то смешное?

— О нет! Супруг Мелхен будет счастливейшим из смертных, но в будущем его

ждет участь Валмона.

— Вы изящно уходите от моей музыки. — Графиня двинулась дальше, она шла

с краю, так что гостю падение в щель между зубцами пока не грозило. — Вам

нравится орган?

— Мне больше может сказать гитара.

— Вы играете?

— Не слишком. Играет мой друг.

— Герцог Алва?

-Да.

— В свое время я могла узнать его лучше...

— Не думаю. Когда его еще можно было узнать, вы пребывали в детской.

— Я немногим младше вас, граф... Годами. Не сединой.

Серебристая норка продолжала кружить по берегу, не решаясь отойти от спасительного омута. Стремись Лионель что-то получить, он шагнул бы

навстречу, как бывало в разговорах с ее величеством. Королева и капитан королевской охраны порой оказывали друг другу услуги, но что может предложить сестра Придда? И чего она хочет?

— Сегодня тихо, сударь. Очень тихо. В сильный ветер озеро бьется о берега почти как море. Вы видите эту звезду? Сейчас она висит над фортом.

— Фульгат?

— Да, Фульгат... — Рука графини в который раз за день потянулась к виску.

Похоже, порожденная головной болью привычка. — Его прохождение по себе

же натальному грозит смертью. Иногда это длится несколько дней, иногда

—

несколько месяцев. Так было с моим мужем: он пережил Мельников луг, но

Фульгат пошел назад, став Фульгой. Со звездами трудно спорить...

Значит, муж, то есть майорат и титул. Что ж, покойный Гирке и живой Придд

свою лояльность доказали, а потом, если не они, то кто? Младшие отпрыски

Ноймаринена? Росио шутил об избытке Приддов и Манриков, но слишком много волков немногим лучше. С точки зрения оленя.

— Вы любите звезды, сударыня? Тогда вы вряд ли захотите расстаться с этими

башнями — они созданы, чтобы следить за небом.

— Мне жаль замок, я к нему привязалась. — Все тот же светский тон, все

то же

напряжение в голосе. Нет, не о замке она думает, но о чем же?

— Я только сейчас понял, что вынужден просить у вас прощения. Мы, я имею в

виду и вас, и вашего брата, и генерала Райнштайнера, пытались облегчить горе

баронессы Вейзель, но утрату понесла не только она.

— Мне не за что вас прощать. Я получила ваше письмо с соболезнованиями, разве мой ответ до вас не дошел?

— Вы потеряли не только супруга.

— Я потеряла многих. — Так быстро и так резко она еще не отвечала. — И не я

одна. Простите, я начинаю замерзать.

— Это неудивительно.

Раздумала говорить, что ж, ее право. Вряд ли дело графини Гирке из числа тех, что рушат границы и губят династии. Старых Спрутов больше нет, Валентин вне

подозрений, его братья — мальчишки, самое время похоронить прошлое. В

другие годы это вряд ли бы вышло, но Излом чего только не сотрет.

— Осторожнее, сударыня. Тут ступени.

— Я могу ходить по замку с завязанными глазами... Сударь, я хочу вновь стать

виконтессой Альт-Вельдер. Мой муж пробыл графом Гирке недолго и погиб, будет лучше, если имя тоже исчезнет. Возможно, тогда уснет и привыкшая к

нему смерть.

— Это решать не мне.

— Но ваш друг-регент, играя на гитаре, может вспомнить ваши слова.

Крутая лестница требует внимания и позволяет не отвечать, да она и не ждет

ответа. Что ж, будет вопрос.

— Вам доводилось встречать выходцев, сударыня?

— Какое странное предположение.

— Вы желаете сменить имя. Иногда это служит защитой.

— Ах вот вы о чем. — Теперь она спокойна, ведь решение принято. — Героиней

баллады мне уже не стать — я не нужна ни рыцарям, ни злодеям, ни нечисти.

— Вряд ли героини баллад при жизни думали, что люди с воображением превратят их беды в предмет зависти, а счастье — в нечто позорное.

— С вами страшно иметь дело...

— Не всем.

— Мне страшно.

— Скорее, сударыня, вам холодно.

4

Если б Жермона в предвзятости к Савиньяку обвинили сейчас, он бы в ответ

зарычал. Громко и неубедительно. Ничего странного и тем более дурного в

том, что Проземператор принял предложение хозяйки взглянуть на озеро, не было, однако Ариго казалось, что его обманули и обокрали. Чувство было глупым, несправедливым и при этом чудовищно сильным, хотелось пинать стулья, топтать ногами, хватать со столов вазы и бить их об стену. Жермон сдерживался, злясь на рассеявшегося в кресле Ойгена и стоящего у печи Валентина, заведших

очередной дурацкий разговор. Когда генерал заставил себя вслушаться, он чудом не взорвался — эти двое обсуждали все ту же экспедицию.

— Возможно, Вальдес обнаружит что-то ценное, — предполагал бергер, — но я

не вижу, что это даст нам сейчас.

— Я слышал еще об одной экспедиции. — Валентин взял кочергу и, открыв дверцу печи, пошевелил угли. — Кажется, ее затевали в Дриксен, однако не думаю, чтобы она состоялась.

— А раз так, — не выдержал Ариго, — за какими кошками об этом думать?

Савиньяк говорил еще и о холтийцах, эти вообще воды боятся.

— Очень хорошо, что ты напомнил о Холте. — Воистину, Ойген непрошибаем.

— Мы слишком увлеклись самой экспедицией, в то время как Савиньяк имеет в

виду нечто другое, объединяющее кочевников и вице-адмирала. Но я не представляю, что бы это могло быть.

— Ну так спроси! — Ариго цапнул один из стоящих на подносе бокалов, хоть и

решил не пить самое малое до возвращения графини. — Савиньяк здесь.

— Мне кажется, — вмешался Валентин, — Проэмперадор хочет, чтобы кто-то

из нас либо пришел к такому же выводу, что и он, либо опроверг его.
Холтийцы

двинулись из Седых земель в Золотые по существовавшему тогда сухопутному

перешейку задолго до того, как зашевелились обитавшие на запад от них

вариты. Холтийский исход был прерван затоплением перешейка. Это событие

принято называть потопом, хотя некоторые съентифики считают, что речь идет о

трех отдельных бедствиях в трех разных местах, превращенных человеческой

памятью в нечто единое и ужасное. В любом случае Полночное и нынешнее

Холтийское моря соединились, похоронив несколько племен. Видимо,

пережитый уцелевшими ужас дает о себе знать до сих пор.

— Закатные твари, — не выдержал Ариго, — откуда ты знаешь еще и это?

— Полагаю, от того же человека, что и граф Савиньяк, — предположил Придд.

— От барона Капуль-Гизайля. Господа, кажется, ваше ожидание подходит к концу.

... Они явились вдвоем, Проэмперадор и графиня. На улице подмораживало, и

на щеках женщины проступил румянец. Савиньяк подвел даму к свободному

креслу, а сам, взяв бокал, присоединился к Валентину. Или к печке.

— Озеро при свете звезд в самом деле прекрасно, — обрадовал он. — Господа, вы многое потеряли, но те же воды в блеске солнечных лучей выглядят более

жизнеутверждающе.

— Мужчины часто предпочитают день. — Вино сестре подал брат, и у Жермона

от сердца несколько отлегло. — Я рада вас видеть, ведь мои вечера по большей

части одиноки.

— Это прискорбно, — вежливо пособолезновал Райнштайнер. — Господин

Проземперадор, мы с генералом Ариго просили бы вашего согласия на разговор с

графиней Гирке.

Заорать, что он ничего не просит, Жермону помешала природная правдивость.

Про Джастина напомнил действительно он, и он же предложил расспросить

графиню. Правда, ему представлялся тихий разговор у огня, конечно, в присутствии Валентина, но без Савиньяка и достойных хурия оборотов.

— Вы умеете ставить в тупик, барон, — спокойно произнес Савиньяк. — Как я

могу вас поддержать или... остановить, не зная, в чем суть дела.

— Это я затеял, — бросился в бой Жермон. — Ойген... Генерал Райнштайнер

считает, что... то, что вышло с наследниками некоторых фамилий, не случайность. Весной мы говорили с Валентином о его старшем брате, но генерал остался неудовлетворен.

— Нужно внести ясность. — Бергер негромко хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. — Я убежден в откровенности герцога Придда, но не в

правомерности его выводов. Я по-прежнему предполагаю заговор против ряда

фамилий. Последствия этого заговора мы все сейчас ощущаем. Орудиями преступления могут быть не только яд или кинжал, но и люди, особенно если

они введены в заблуждение. События в Оллари, я имею в виду прошлое лето и

осень, это доказывают.

— В таком случае, — негромко заметил Валентин, — заговор возглавляет судьба. Как писал Лахуза, «стоит тронуть одну ветку дерева, и закачаются все»...

В этом смысле смерть графа Васспарда легко связать и с убийством Эрнани

Последнего, и с решением Эрнани Святого.

— Это было слишком давно, — графиня подошла к брату. — Валентин прав, в

смерти Юстиниана можно винить лишь судьбу и семью.

После такой отповеди оставалось принести извинения и убраться. Жермон

встал, Райнштайнер остался сидеть.

— Сударыня, — скучным голосом уточнил он, — вы подтверждаете, что ваш

брат Юстиниан был застрелен предыдущим графом Гирке по приказу предыдущего же герцога Придда, обеспокоенного сближением наследника с

герцогом Алва?

Графиня передала Валентину свой едва тронутый бокал и поправила выбившийся из прически локон. Она смотрела на Ойгена, и только на Ойгена.

— Барон, я ваша должница. Вы предоставили мне возможность развеять ужасное заблуждение. Отец никогда не отдавал столь чудовищного приказа. Он

вызвал Юстиниана в Васспард, потому что желал примирения с Олларами, то

есть Дораком, Ноймариненом и Алвой. Убийство положило конец надеждам

отца... зачеркнуть прошлые ошибки.

— Это не так, Ирэна. — Другой выпил бы оба кошачьих бокала залпом или швырнул их об пол, Валентин лишь пересек комнату и аккуратно поставил

алатские финтифлюшки на стол. — Юстиниан был предан Первому маршалу, но

понимания в Васспарде это не встретило.

— Вам, Валентин, тогда не было и пятнадцати. — Она снова тронула прическу, однако лицо и голос были даже не спокойны — наполовину

мертвы. — Вы всего

не знали и не могли знать. Юстиниана убила наша сестра Габриэла, теперь я

могу этого не скрывать.

5

В голосе графини больше не чувствовалось напряжения, только тусклая, уверенная безнадежность. Ни брат, ни сестра не сомневались в своих словах, но

был ли прав хоть кто-то? Рокэ думал так же, как Валентин, только он не видел и

не слышал эту женщину.

— То есть, — не преминул уточнить бергер, — вы полагаете, что убийца вам

известен и это — графиня Борн?

— Да, именно.

Габриэла Борн... Счастливая невеста, запертая в отцовском доме безумица.

Убийца с... пистолетом?!

— Герцог Придд, — Лионель повернулся к молодому человеку у стола, — вы

готовы согласиться с вашей сестрой?

— Пока нет, монсеньор.

Что ж, откровенно. Этот «спрут» в самом деле умен и не труслив, а ведь лезть в

семейные подвалы порой страшней, чем в Закат.

— Вам неприятен этот разговор?

— Монсеньор, он необходим. Мы — надеюсь, моя сестра разделяет мое мнение

— всецело полагаемся на благородство здесь присутствующих.

— Конечно, — подтвердила сестра и замолчала.

Двоих «здесь присутствующих» Ли с удовольствием выставил бы, но они весной уже пытались нырнуть в этот омут, к тому же Валентин привязался к

Ариго, а бергер умеет думать. Савиньяк пододвинул одно из кресел якобы ближе

к печи: отсюда было удобнее смотреть на Приддов, пока они не сменят диспозицию.

— Садитесь, Валентин. Ариго, это и к вам относится. — С бокалом и сидя допрос превращается в беседу, а беседа даст больше. По крайней мере, в этом

случае. — Так будет проще всем... Прежде я не задавался вопросом, что же случилось в Васспарде, поскольку всецело полагался на мнение Алвы. Он не

верил в смерть на охоте.

— Герцог Алва полагает виновными отца и дядю, — подтвердил Придд. — Он

сказал мне это при нашей последней встрече, я с ним согласился.

— Нужно вернуться к самому началу, — посоветовал Райнштайнер. — Графа

Васспарда отозвали из армии, причем за ним приехал лично граф Гирке.

— Графине Гирке... может быть неприятно, когда раз за разом треплют ее имя,

— проявил неожиданную заботу о даме Ариго.

Женщина чуть шире раскрыла глаза.

— Благодарю вас, сударь, но я считаю себя виконтессой Альт-Вельдер. Я уже

говорила это графу Савиньяку.

— Я помню, сударыня, — подтвердил упомянутый граф. — До сегодняшнего

дня казалось очевидным, что Юстиниана отозвали, потому что глава семьи не

одобрял его нарождающуюся дружбу с герцогом Алва. Предполагалось, что

Придды состояли в заговоре против короны и опасались наследника, который

вольно или невольно мог их выдать. Вы это опровергаете.

— Я приехала в Васспард по настоянию отца. — Госпожа Ирэна говорила, будто

диктовала письмо. Или завещание. — Отец не имел обыкновения делиться

своими намерениями с членами семьи, но мой муж составлял исключение. Он, как и все марагонцы, был лоялен Олларам. Наш брак, последовавший сразу за

мятежом, в обществе сочли попыткой отмежеваться от Окделлов и Эпинэ. Во

многом так и было, однако Альт-Вельдер выдвинул свое условие. Герцог Придд

должен был дать клятву, что он не состоит в сговоре с союзниками Дриксен и

Гаунау.

— Мараги никогда не простят варитов, — с удовольствием объяснил

Райнштайнер. — Виконт Альт-Вельдер был достоин своих предков.

— Отец принес клятву в моем присутствии. — Странную вдову тысячелетняя

вражда не занимала. — Более того, он обещал со временем принять сторону

Олларов. Мой супруг неоднократно напоминал об этом обещании, предлагая

свое посредничество, но отец не хотел рисковать. Существовали определенные

обстоятельства, большего я сказать не могу.

— Позвольте предположить, какие, — подхватил Лионель, не давая всплывшему

было чудищу вернуться в глубины. — Заговор достался вашему отцу в

наследство. Ваш дед был сторонником Алисы, пусть и не столь неистовым, как

старик Эпинэ. Я хорошо помню Анри-Гийома, он не считался с мнением

наследника, но тот собственного мнения и не имел. В отличие от Вальтера

Придда. Я склонен поверить, что он решил сменить сторону, ведь ваша семья не

участвовала ни в одном из последних мятежей. Думаю, окончательное решение

было принято до восстания Борна, но после покушения на Винной улице.

— Упомянутое происшествие выглядит крайне странно, — заметил

Райнштайнер, видимо, успевший покопаться и в этом чулане. — Слишком много

убийц и ни одного свидетеля.

— Барон, я готов частично удовлетворить ваше любопытство, но сейчас нам

важны не Ветра, а Волны. Заговорщики редко доверяют друг другу и стараются

себя обезопасить еще и от сообщников. Смена знамени требует либо выдачи

соратников, либо особых условий, которые мог обеспечить Алва, но не Альт-

Вельдер. Влияния виконта, при всех его достоинствах, не хватало, чтобы унять

Дорака и раскормленных им Манрика с Колиньяром.

— Все верно. — Госпожа Ирэна поднесла к губам бокал, но вот отпила ли?
—

Позже я узнала от матери, что она просила о посредничестве своего брата-

геренция, однако тот отказался. Гогенлоэ с самого начала были против союза с

Приддами, мать решилась на почти побег.

— В таком случае, — словно подвел черту Райнштайнер, — герцог Придд был

крайне заинтересован в помощи герцога Алва. Полковник, вы готовы это

принять?

6

Обезумевшая родная кровь лучше убивающей в здоровом, якобы в здоровом, уме, тем более что эта ведьма Габриэла очень кстати утонула... Но сколько же

пришлось вынести Ирэне! Годами опекать убийцу брата и молчать, хотя Гирке, тьфу ты, Альт-Вельдер знал, надо думать, всё.

— Герцог Придд был крайне заинтересован в помощи герцога Алва. —
Ойген

хочет докопаться до сути, и правильно. — Полковник, вы готовы это
принять?

— Если отец на самом деле решил договориться с кардиналом
Сильвестром, несомненно. К сожалению, я не могу вспомнить ничего, что
свидетельствовало

бы об этом его намерении. Зато я помню, что Юстиниан очень тепло
отзывался

о Первом маршале и полагал Борна и Окделла предателями. Это привело к
крупной ссоре.

— Ты сам говорил, — не выдержал Жермон, — твой отец где-то
задержался, значит, ссорились без него.

— Ссору, как это уже случалось, начала Габриэла. — Ирэна смотрела на
Жермона, и ничего на свете не было важнее этого взгляда. — Юстиниан
прежде

был с ней дружен; он не мог понять, что говорить с сумасшедшим как с
обычным человеком нельзя.

— Габриэла далеко не всегда выходила к столу, — возразил сестре

Валентин. —

Я хорошо помню, что в ее отсутствие дядя запретил Юстиниану даже упоминать

Первого маршала Талига. Мать его поддержала, а мать почти всегда была согласна с отцом, так что причина была отнюдь не в графине Борн.

— Ваш брат подчинился требованию?

— За столом — да.

— Видимо, — уточнил Савиньяк, — он продолжил разговор про герцога Алва, когда вы остались наедине?

— Именно так.

Мальчишка замерзал на глазах. От воспоминаний. Только лучше прояснить все

сейчас, чем таскать в себе занозу годами, но почему они запомнили поразному?! Эта женщина будет молчать, но не лгать, Валентин такой же.

— Кто-нибудь, — продолжал расспрашивать маршал, — мог слышать ваши с

братом разговоры?

— Это была обычная болтовня, она не имела никакого значения.

— Она могла иметь значение, — не согласился Савиньяк, — если графа

Васспарда не убивали ни дядя, ни сестра. Все мы знаем, на что способны

шалльные пули, но лично мне трудно представить, что графиня Борн предпочла

кинжалу или яду пистолет, который требовалось еще найти и зарядить.

— Габриэла научилась обращаться с оружием в Борне. — Ирэна смотрела куда-

то по верх головы Савиньяка. Если б не собственный, двадцать лет ковырявший

душу гвоздь, Ариго потребовал бы оставить графиню в покое, но раны надо чистить, как бы больно ни было.

— Вы можете сказать, — вновь повел разговор Ойген, — в Васспарде пропадали пистолеты?

— Мне об этом ничего не известно.

Какие у нее красивые руки! Руки, волосы, глаза... Таких женщин не бывает, это

видение, сон, только вот разговор отнюдь не волшебный! Страшный разговор.

— Полковник, — маршал на графиню не смотрит, и это хорошо! — Об оружии

уместнее спросить у вас.

— Я могу сказать одно — убийце, если он сохранил хладнокровие, удобнее

всего было вычистить пистолет и вернуть туда, откуда он его взял. Это могла

быть оружейная, личные комнаты и арсенал гарнизона. Кроме того, в конюшне

для гонцов всегда держали седла с заряженными пистолетами в ольстрах.

— Графиня Борн могла взять один из этих пистолетов и вернуть на место?

— Это мог сделать любой из членов семьи или доверенных слуг, но я не верю, что Габриэла догадалась бы так поступить. Скорее она набросилась

бы на

Юстиниана с ножом, что, собственно, однажды во время обеда и произошло.

— Разделяю ваше неверие. — Ойген, как всегда, церемонен... Неужели они оба

ослепли: южанин и бергер?! — Сударыня, не могли бы вы как можно точнее

описать предшествующий несчастью день?

— Извольте. — Графиня слегка повернулась и теперь смотрела на барона.
— С

утра и до полудня все шло как обычно. Слуги готовились к приезду отца и завтрашнему приему, граф Гирке отлучился по делам, Юстиниан и Валентин

фехтовали, я была с матерью, Габриэла — у себя.

— Я правильно помню, что ваш супруг находился в армии?

— Да, он подал в отставку уже после смерти Юстиниана. Мне продолжать?

— Если вы готовы.

— Я должна. Сразу после полудня отец сообщил о непредвиденной задержке.

— Письмом или на словах?

— Письмом. Он любил повторять: то, что не записано, будет искажено.

— Кто привез письмо?

— Эдуард, молочный брат графа Гирке и наш доверенный слуга. Отец

предпочитал отправлять письма с ним.

— Задержка была случайной?

— Да. — Она опустила ресницы. — Валентин...

— У отца время от времени случались легкие расстройства желудка, — пояснил

брат. — В эти дни, если была такая возможность, он оставался в постели с грелкой.

— Как приняли известие в замке?

— Это никого не удивило.

— Перед обедом, — мягко перебила графиня, — камеристка Габриэлы

доложила, что сестра волнуется. Подобное с ней случалось все чаще, успокаивающее питье помогало не всегда. Мать велела отнести обед в комнаты, но Габриэла отказалась есть у себя и вышла к общему столу. Между ней и

Юстинианом случилась ссора, во время которой сестра схватила со стола нож

для мяса. Ее остановил Гирке.

— Какова была причина ссоры?

— Не все ли теперь равно?

— Нет, сударыня.

— Габриэла начала упрекать Юстиниана в том, что он сидел за одним столом с

убийцей и негодяем, подразумевая герцога Алва. Юстиниан сдерживался, сколько мог, но потом ответил в том смысле, что отношения самой Габриэлы с

убийцей и негодяем совместными трапезами не ограничивались.

7

Два слова, и погибший пять лет назад Джастин перестал быть чужим, но от

того, что граф Савиньяк в очередной раз согласился с Рокэ, ясности не

прибавилось. Вдова Борна могла как оказаться убийцей брата, так и быть ни при

чем. Схваченный в ярости нож — не улика, скорее наоборот.

— Чем завершилась ссора? — Райнштайнер шел к цели медленно и

основательно, словно вычерпывал пруд в поисках клада.

— Графиню Борн увели. — Краткость Придда впечатляла. — Подали

следующую перемену.

Вот так «спруты» и живут, то есть жили. От отобранного ножа к жаркому — или

что там ели в Васспарде?

— Из-за стола мы встали довольно быстро, — вернулась к воспоминаниям

графиня. — Я осталась с матерью, Валентин с Юстинианом поднялись в

фехтовальный зал, а дядя, как и собирался, вызвал управляющего.

— Полковник, как и когда вы расстались с братом?

— Довольно поздно. Юстиниан много рассуждал о том, что пытаться сместить

Фердинанда — не только глупость, но и преступление, которое на руку врагам

Талига. Теперь мне кажется, что, говоря со мной, он готовился к разговору с

отцом. Если потребуется, я могу вспомнить более подробно.

— Доводы вашего брата повлияли на ваши дальнейшие поступки?

— Скорее они заставили меня задуматься, что косвенным образом определило

мое будущее. Когда я вышел из Багерлее, мне осталось решить лишь сиюминутные задачи.

— Валентин, — окликнул уже не казавшийся пьяным Ариго, — ты провел с

Джастином почти неделю, он что-нибудь говорил о своих врагах?

— Или, — добавил Ли, — о друзьях. Кроме Алвы, разумеется.

— Юстиниан резко отзывался о кансилльере, тессории, герцоге Колиньяре и

еще нескольких не столь значительных персонах, но я не назвал бы это личной

враждой. Я отнюдь не уверен, что мой брат был в должной мере знаком со всеми, о ком говорил.

— Господа, — предложила хозяйка, — давайте перейдем в зимнюю столовую.

Там подан легкий ужин.

Мать предложила бы шадди, но Придды любви к морисскому ореху не испытывают. Север и традиции, объединившись, дают много, но отбирают не

меньше. Впрочем, это можно сказать и про юг.

— Я не голоден, — заверил вставший первым Ариго.

— Холодное мясо с горчицей пробуждает память, — наставительно сказал Райнштайнер.

Лионель всмотрелся в серьезное бергерское лицо и не выдержал — брякнул, что

сыр способствует остроте мышления. Барон, запоминая столь полезные сведения, кивнул и вернулся к убийству. Милый дружеский вечер продолжался, Райнштайнер под холодную телятину вытрясал из брата с сестрой душу, а те

пытались делать вид, что это совсем не больно. Они ничего не скрывали и ничего в роковую ночь не видели и не слышали.

Нафехтовавшийся Валентин проспал до утра, об убийстве он узнал после завтрака, который в обители «спрутов» умудрились подать вовремя. За столом

собрались все, кроме Юстиниана и Габриэлы; застольное молчание Валентин

счел следствием дурного настроения наконец приехавшего батюшки, а мертвого

брата увидел уже в домовой церкви.

Сестра знала чуть больше, она допоздна засиделась с письмом мужу, и к ней, увидев свет, постучала камеристка Габриэлы, доложившая, что госпожа

пропала.

Хитрая, как и все сумасшедшие, вдова прикинулась обессиленной

семейной

ссорой и пожелала лечь. Служанка подождала, пока госпожа не уснет, и отправилась по делам, не заперев дверь, а когда вернулась, постель была пуста.

После бурных ссор Габриэла часто сбегала в парк, однако ночь выдалась ненастной, и в мокрых кустах было неуютно. Виконтесса Альт-Вельдер решила, что сестрица прячется в одной из беседок и найти ее труда не составит.

Камеристка думала так же, но опасалась новой вспышки ярости. Лучше всех с

Габриэлой ладил Гирке, и женщины отправились к нему. Граф разбирал счета и

был полностью одет; услышав про бегство племянницы, он без лишних слов

отправился на поиски, взяв с собой камеристку и ее мужа, того самого Эдуарда, что привез письмо. Брат старшего конюха, он обучал господских детей начаткам

верховой езды и пользовался у Габриэлы определенным доверием.

Виконтесса думала дождаться возвращения дяди, но ей внезапно захотелось

спать, а успокаивать сестру обычно приходилось подолгу. Женщина сдалась и

отправилась в постель, дальнейшее она, как и Валентин, знала лишь с чужих

слов.

Поиски решили начать с двух сторон, двигаясь от беседки к беседке

навстречу

друг другу. Если бы беглянку первыми обнаружили слуги, жена осталась бы с

госпожой, а муж известил бы Гирке. Так и получилось, но отправившийся за

графом Эдуард не нашел его ни в одной из беседок. В удивлении он повернул

назад и столкнулся с Гирке, несущим мертвого племянника.

Гирке рассказал, что услышал выстрел и решил посмотреть, в чем дело. Слуги

выстрела не слышали, но они шли с другой стороны парка, к тому же шумел

дождь. Ночью было не до поиска следов, а к утру ливень от них ничего не оставил.

Скорее всего Юстиниана застрелили в прилегающем к внешней стене углу

неподалеку от калитки, ведущей в обширную березовую рощу. Видимо, граф

Васспард выходил за ограду: его сапоги были в грязи, хотя парковые дорожки

содержались в порядке. Подозрительных чужаков в окрестностях замка не

видели, но дождь и темнота могли скрыть шайку разбойников, не то что

одиночку с пистолетом, другое дело, что выманить графа Васспарда в полночь

из дома разбойники никак бы не смогли. Причина — футляр для писем —

нашлась утром в траве; в темноте Гирке с Эдуардом попросту ничего не

заметили.

Глава 6

ГАЙИФА. КИПАРА. КИРКА

ТАЛИГ. АЛЫГ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 7-й день Осенних Ветров

1

День обещал стать ясным. Еще невидимое солнце уже высветлило небо над добродетельной и боголюбивой Киркой, но вместо мирного шума просыпающегося города в раззолоченную гостиную рвался гомон взбудораженной казармы. Скрип кожи, лязг, скрежет и бряканье металла перекрывали раздраженные выкрики сержантов и офицеров... Привычно, но не

здесь же!

Здесь — это в большом и душераздирающе мирном доме преуспевающего виноторговца, с торопливой готовностью предоставленном хозяином в распоряжение спасителей. Удобное место. До аббатства Домашнего Очага, в

котором заперлись бунтовщики, — всего сотня шагов Достойной улицей, ну а

Песья площадь, мягко говоря, не столичных размеров.

— Четверть восьмого, и ничего. — Капрас, с трудом скрывая облегчение, перевел взгляд с огромных часов на старших офицеров корпуса. — Мы зря опасались атаки на рассвете. Мерзавцы еще немного подумают и сдадутся.

Карло очень хотелось на это надеяться, потому что иначе... иначе не миновать

штурма, на подготовку к которому и ушла звездная осенняя ночь. Мятеж придется давить беспощадно, без жалости и сострадания, дабы ни единый солдат и тем паче офицер впредь и подумать не могли о подобном безобразии.

— Лучше бы в самом деле сдались, — разделил начальственную надежду

Василис, — все равно за монастырскими стенами не отсидеться. Ну должны же

они за ночь одуматься!

— Да куда они денутся? — Гапзис вопреки обыкновению был небрит, как сапожная щетка. — К нам ночью почти четыре десятка прибежало.

— Эти не из монастыря, — напомнил Николетис. — Так, по окрестным кустам

прятались, и еще вопрос, от кого. А вот те, что в аббатстве засели... Демоны бы

побрали этого Брацаса! И ведь всего-то субполковник, да еще из занюханного

гарнизона, а как головы балбесам задурил! И добро б только землякам...

— ... что, господа мои, — откликнулся из-за бронзовой танцовщицы отец

Ипполит, — несколько странно. Нуда Создатель вам в помощь.

— К кошкам! — не выдержал восседавший на затканном виноградом диванчике

лысый Додуза. — Куда мы вернулись?!

— Домой, — охотно объяснил Агас. — И привели с собой два батальона мерзавцев. В дополнение к местным. Их здесь явно не хватало.

— Левентис! — рявкнул маршал, и гвардеец потешно прикрыл себе рот рукой.

Это было вопиющим нарушением субординации, по Карло лишь хмыкнул и отвернулся. От всех.

Взгляд уперся в картину. Пухлый юноша в венке из фиалок, собираясь искупаться, пробовал воду ногой. За ним из-за куста следил бородатый охотник, на которого, в свою очередь, таращились овечки — купальщик в венке явно был

пастухом, причем никудышным. Сам Капрас свое стадо тоже не уберег.

Что часть недавних рекрутов, оказавшись вблизи родных мест, дезертирует, маршал ожидал, но то, что парни не ударятся в бега, а примкнут к

взбеленившемуся гарнизонному командиру, стало сюрпризом. Как и сам Брацас, поначалу казавшийся вменяемым. Прибрюшистый субполковник изо всех сил

старался быть полезным, но только здесь, в Кирке, на войну с морисками его не

тянуло. Капрас и не настаивал — толстяк на боевого офицера ну никак не походил...

— К маршалу из Первого полка!

Вбежавший тенъент пребывал не в лучшем виде. Глаза красные, небрит, воротник смят, в общем — не щеголь, вчерашний вечер всем дорого обошелся.

— Говорите!

— Господин маршал, пехота готова. Заслон напротив южной стены усилен двумя ротами. Если бунтовщики захотят прорваться из города, это будет самый

короткий путь.

— Я понял. — Так, пехота на предписанных позициях, половина кавалерии корпуса — на соседней площади и вокруг аббатства, резерв здесь, пора начинать. — Предъявите этой бочке ультиматум. Час на раздумье, не согласится

— ему же хуже. Отправьте к монастырю кого-нибудь с громким голосом, остальным — готовиться к бою. Присутствующим — бриться и завтракать.

Во дворе блестел кирасами и шлемами ровный строй пикинеров, а на высокой, утыканной осколками стекла стене красовался розовый удодей. Необычное

зрелище прикормленную «на счастье» птицу не пугало.

— Господин Карло, могу ли я вас отвлечь? — напомнил о себе отец Ипполит, с

разрешения кипарского епископата прибившийся к корпусу. Капрас не возражал

— толковый священник на войне не помешает, но лучше б клирик остался в

загородном поместье, где сперва устроился маршал. Карло хотел быть поближе

к своим полкам, которые целиком в город никак войти не могли, и еще он хотел

на прощание порадовать Гирени. Радости хватило на три дня. Известия — сначала о беспорядках, а потом и о мятеже — вынудили спешно мчаться в

Кирку и реквизировать под размещение дом поближе к месту событий.

Плачущую Гирени пришлось оставить, и утешать ее было некому — отец

Ипполит рвался спасти души, а не утирать слезы.

— Господин Карло, вы меня слышите?

— Слышу, отвлекайте.

— Я помню, что мятежи и беспорядки случались во все времена. Не только в

наемных полках, дравшихся за пределами Империи, но и в имперских гарнизонах, и даже в гвардии.

— Все так, святой отец, — устало подтвердил Капрас, — но этот случай выводит из себя неожиданностью.

Неожиданностью, в сравнении с которой фельпские сюрпризы кажутся почти

приятными, ведь их преподносил враг, а не собственные солдаты. Сколько ни

перебирал маршал в памяти события последнего месяца, он не мог вспомнить

никаких признаков недовольства. Корпус с самого начала отлично знал, что

предстоит марш к столице и далее — в бой против язычников. Недовольства это

не вызывало, шли чуть ли не с радостью... во всяком случае, никого подгонять

не приходилось. До Кирки, где намечался четырехдневный отдых, добрались на

день раньше намеченного срока, и это при том, что пришлось задержаться
в

Мадоках: покончить с захваченными разбойниками следовало так, чтобы
об

этом узнала вся провинция.

В мирное время возни было бы, конечно, больше — пока все бумаги с
подписями и печатями пройдут положенным им путем, ну а так... Послали
уведомление губернатору и передали ублюдков командиру гарнизона,
которому

по военному времени надлежало исполнить приказ старшего воинского
начальника, то есть маршала Капраса. Вздернули голубчиков любо-дорого
и

пошли дальше, а вчера — рука Карло непроизвольно сжалась в кулак, вот
только

бить было некого — два его батальона по милости этого мешка Брацаса
взбунтовались и отказались покидать провинцию.

— Мы б сейчас как раз выступали, — не выдержал Капрас, — если бы не
эта

тварь! Ну чем, чем, во имя Создателя, он их взял?!

— Не приплетайте сюда Создателя, — попросил священник и замолчал,
однако

на молящегося он не походил. Отец Ипполит вообще молился нечасто —
на

людях, по крайней мере.

Пушек в Альт-Вельдере было не слишком много, но содержались они в образцовом порядке. Врагов ухоженные бронзовые зверюги не видели, зато им

выпала честь отсалютовать лучшему артиллеристу Золотых земель.

Мысль о прощальном залпе забрела в голову Ли случайно, когда он пытался

понять что-то связанное с Вейзелем, и показалась красивой. Польщенная вдова

заверила, что гром пушек ей не повредит, и крепостные орудия лихо рывкнули в

тот самый миг, когда повозка с закрепленным на совесть гробом медленно въехала на устланный еловыми ветками мост.

— Курт был бы доволен, — твердо сказала баронесса и заплакала, очень похоже, что впервые со дня боя у Франциск-Вельде. Рядом кусала губки, бросая на

приемную мать встревоженные беличьи взгляды, гоганни, и смотрела в небо

хозяйка замка.

— Курт был бы доволен, — повторила, не утирая слез, вдова. — Был бы...

Они стояли на башне, пока сопровождавший артиллериста бирюзовый эскорт не

втянулся в ворота берегового форта. Над зубчатыми стенами радостно и

бестактно сияло солнце, а Савиньяку вспоминалось алое мерцанье Фульгата и

напряженный женский голос. Графиня Гирке, урожденная герцогиня Придд, так

и не рассталась со своей тайной, впрочем, ей это шло.

— Всё, — объявила, всхлипнув, баронесса. — Совсеб всё... Бождо идти.

Господид Савидьяк, я подибаю, ваб дадо поговорить с Белхед, до, прошу вас, де

сегодня.

— Разумеется, сударыня, — заверил Лионель, — вам обеим следует отдохнуть.

Райнштайнер на правах земляка подал женщине руку, с другой стороны приемную матушку подхватила сразу ставшая еще мельче и младше Мелхен.

Мать от склепа увел Росио — подошел, молча взял под локоть и увел, пока они с

Эмилем и Бертрамом пытались подобрать какие-то слова. Так и не подобрали.

— Господин Проэмперадор, — задержавшийся на башне Придд был сама учтивость, — я прошу вас о приватном разговоре.

— Что ж, — согласился Савиньяк, — на стенах нам не помешают, а погода хорошая.

— Благодарю вас, — отозвался становящийся все менее чужим полковник.
— Я

также прошу выслушать меня до конца. Я верю своей сестре, но по-прежнему

считаю, что приказ отдал отец. После череды ссор Юстиниан изменил свое

отношение к сестре и не был готов ее защищать ценой полного небытия.
Он

стал бы спасать родителей, герцога Алву, младших братьев и, весьма вероятно, меня с Ирэной, но не Габриэлу и не более отдаленных родичей, а возлюбленной

у него не было. Тем не менее есть одно обстоятельство, косвенно

подтверждающее мнение Ирэны. Габриэла и прежде стреляла из пистолета в

человека, и этим человеком был ваш отец.

Лионель не стал переспрашивать, и просьба собеседника дослушать тут не имела значения: есть известия, в которые веришь сразу, не успев вдуматься, и

лишь потом понимаешь, что за твоей верой стоит множество причин.

— Габриэла очень любила своего мужа, однако считала его нерешительным, —

тихо объяснял Валентин. — Насколько я понимаю, ее взволновало то, что мятежники намеревались отдать трон достойнейшему. Габриэла таковым

полагала своего супруга, но опасалась, что его обойдут ради Эпинэ или

Окделла. Я Карла Борна помню плохо, но, по мнению ее величества, этот

человек принадлежал к числу мужчин, которыми правят женщины, а женщины

дома Борн, за исключением графини Ариго, верили в победу над Олларами. По

настоянию семьи Карл поднял мятеж в одиночку. Предполагалось, что

присоединившиеся признаны самыми достойными не будут, однако сам граф

отнюдь не был уверен в успехе. Маршалу Савиньяку, во всяком случае,

удалось

убедить его сложить оружие. Первой и последней об этом узнала вошедшая в

комнату, где велись переговоры, Габриэла. Господин маршал, прошу меня простить, но я должен закончить.

— Заканчивайте. — Положение обязывало смотреть на собеседника, и Лионель

смотрел. — Я вас слушаю.

— Ваш отец получил смертельную рану в живот, спасти его не представлялось

возможным, и Карл Борн прервал агонию, которая грозила затянуться. Затем он

отослал жену с доверенными людьми в Васспард, внушив ей, что первая рана

была легкой.

— «Савиньяк меня убедил сложить оружие», — отчетливо произнес Ли. — На

вопрос о причине убийства Борн ответил именно так. Следствие сочло это издевательством, а он всего лишь не решился солгать под присягой.

— Теперь я должен принести вам свои извинения за то, что скрыл это обстоятельство до проводов генерала Вейзеля. — Придд был из тех, кто доводит

дело до конца. — Я исходил из того, что вам будет неприятно оставаться под

крышей моей сестры, но ваш статус командора Горной марки не позволял

вам

покинуть Альт-Вельдер, пока тело генерала находилось в замке.

— Графиня Гирке знает?

— О том, что сделала Габриэла, знали только мужчины. Граф Борн, уже будучи

в Багерлее, открылся отцу, а тот поделился с двумя братьями и зятем. Когда я

стал главой фамилии, граф Гирке — я имею в виду супруга Ирэны — счел нужным поставить в известность и меня.

— Теперь мертвы все, кроме вас. Вы сделали то, что не удалось вашему отцу, —

примирили Приддов с Талигом. Зачем вам потребовалось будить прошлое?

— Долг совести — по крайней мере, я его считаю таковым. Я поклялся Удо Борну помешать герцогу Ноймаринен разрушить Борн. О своем брате Конраде

Удо не вспомнил, видимо, потому, что полагал его в безопасности. Я счел опасения Удо необоснованными, однако теперь севером Талига правите вы, и вы

же заключили перемирие с Гаунау и имеете определенное влияние на его величество Хайнриха. Судьба уцелевших Борнов и их родовых земель сейчас

зависит от вас, а граф Савиньяк, в отличие от герцога Алва, не прощает и, в отличие от герцога Ноймаринен, не забывает.

— Вы быстро составляете мнение о людях.

— Это мнение ее величества, и оно не противоречит моим собственным выводам. Сударь, в смерти вашего отца повинна моя сестра. Граф Борн всего

лишь ее любил и был не столь стоек и умен, как казалось многим.

— Мне так не казалось никогда. — Валентин — брат не Габриэлы, будь она

проклята, а Юстиниана! — Кстати, об Удо Борне. Вам доводилось встречаться с

выходцами помимо него и вашего брата?

— К моему сожалению, нет.

Лионель молчал, и Придд счел нужным добавить:

— Меня не посещали ни мои родители, ни другие родственники.

— Если б вам сказали, что в Нохе появились призраки Альдо и очень красивого, еще не старого человека с усами, как бы вы это объяснили?

— Все зависит от того, прав ли я, предполагая во втором господина

Айнсмеллера, растерзанного толпой по приказу господина Альдо именно в Нохе.

— Вам нужно будет описать его госпоже Арамона. Я согласен с вами, графиня

Борн вряд ли убила вашего брата. Если б вы меньше волновались, то поняли бы, что случай с моим отцом ее скорее оправдывает. Чтобы попасть в цель ночью, причем дождливой, когда у пистолета есть все шансы дать осечку, нужен не

просто хороший, а очень хороший стрелок.

— Вы правы, я этого не учел. Нужно ли мне сообщать о нашем разговоре

сестре?

— Не вижу в этом смысла, графиня Гирке и так пережила слишком много.

Граф Савиньяк прощать не умеет и не намерен учиться, но в Альт-Вельдере ему

прощать некого. Камень в пруду освободил многих.

— Благодарю вас за это решение, сударь. Разрешите идти?

— Идите. Впрочем, раз уж вы заговорили о моих полномочиях... Ваше письмо

об услышанной вами во Франциск-Вельде проповеди попало ко мне. Вы совершенно правы, речи про якобы заслуженную простыми людьми кару очень

опасны. Они дают злобе, с которой мы столкнулись, возможность облечься в

мысли и слова и проникнуть туда, куда раньше ей хода не было. Но мы об этом

еще поговорим.

— Конечно, сударь.

Жаль, что Ирэна так похожа на сестру, хотя нет — не жаль. Осень хороша, кто

бы спорил, но грядущую весну на нее менять не стоит, так что пусть виконтесса

Альт-Вельдер смотрит на звезды в одиночестве... Или с кем-нибудь, кому посчастливилось знать лишь одну женщину с серебряными глазами. Ту, которая

не убивала, а загадку Васспарда он решит, потому что теперь хочет се

решить.

Рокэ, тот не сомневался в вине Вальтера... А кстати, почему это он не сомневался?

3

Новости заявили о себе сами — парой донесшихся со стороны аббатства гулких

взрывов, разом превративших умеренно суеющийся двор в настоящий муравейник, и почти тут же — яростной мушкетной пальбой. Команды на штурм быть не могло — до истечения срока ультиматума оставалось около получаса, и Капрас позволил жаждущему хоть чем-то помочь виноторговцу накормить гостей перепелами в желе. Самому маршалу деликатесы в горло не

лезли, зато оставшаяся не только без сна, но и без ужина свита лопала за милую

душу. Блюда стремительно пустели, однако кошачий Брацас не мог и тут не нагадить.

— Немедленно туда! — рявкнул, давясь горяченным шадди, Капрас. —

Выясните, что за... творится!

Левентис вылетел на улицу первым, за ним потянулись и остальные; маршал, прочищая мозги, хватанул ореховой настойки и тоже вышел. Беготня во дворе

почти прекратилась, только рота охраны строилась напротив ворот, держа мушкеты наготове, да переминался с ноги на ногу адъютант так и не

прервавшего завтрак Николетиса.

— Господин Карло... — Отец Ипполит, нет бы составить компанию кавалеристу, тоже выкатился во двор. — Мы ждем нападения?

— Не ждем, но готовы, — бросил на ходу Капрас. Ответ проглотил знакомый

раскатистый рев. Такой обычно вырывается из сотен глоток, когда их обладатели

сходятся в рукопашной. Расстояние и каменные стены глушили звук, но Капрас

понял, что орут на площади и чуть левее. Объяснение этому было лишь одно —

мятежники выбрались из обители и ударили первыми. Первыми?! Полтора

батальона вчерашних новобранцев и провинциальных лопухов атакуют впятеро

превосходящие их силы?

— Да чего они там под крышей святой обители за ночь наглotalись?! —

прошипел Карло. — Не саккоты же!

Отец Ипполит поморщился, но от замечаний воздержался, как и от расспросов.

Ор не смолкал, и это было паршиво! Капрас чувствовал себя сунутой в мешок

собакой, хотя на то, чтобы не гнать людей вслед за Агасом, его хватало. Маршал

успел раз восемь обойти двор, с трудом удерживаясь от того, чтобы чем-нибудь

не запустить то ли в перелетевшего на клумбу с фонтанчиком удодея, то ли

В

наевшегося Николетиса. И запустил бы, не объявись наконец Агас.

— Господин маршал, — докладывал гвардеец спокойно, и все же некоторое

недоумение в голосе проскальзывало, — бунтовщики не стали ждать истечения

срока и атаковали. Они в двух местах взорвали стену монастыря в стороне от

главных ворот и двинулись к Песьей заставе. Негодяи настроены очень решительно и атакуют бегом, по-видимому, хотят вырваться из города. Перед

ними полк Хараса — боюсь, стрелкам придется нелегко.

— Откуда у них столько пороху?

И какого змея им вообще нужно?! Потом, все потом...

План Кирки маршал разглядывал полночи. Взбесившемуся Брацасу, раз уж

драться на монастырских стенах он не захотел, следовало переулками пробиться

к улице Благих Ангелов, где выставить заслон, а если получится, то и баррикаду

соорудить, и уводить людей дальше вниз по улице Доброй Дурочки, к заставе.

Там ни стен, ни ворот, и сады подступают к самому предместью. Ну да, сады, и

за ними — лес, всех разбойников в лес тянет хоть в сказках с балладами, хоть в

жизни.

— Им удалось прорваться на Ангельскую?

— Туда я не ходил, только до площади, дальше отправились люди Гапзиса, они

должны рассказать больше.

Они-то расскажут, однако вот ждать не стоит. Глупо ждать.

— Агас, давай назад! Резерву Гапзиса — на Ангельскую, бегом. Как хотят, но

чтоб мятежников опередили, а «Непреклонному» пикинерскому, вместе с

мушкетерами, с площади, где они стоят, — вдоль монастыря, и сесть сволочам

на хвост. Шевелитесь! Николетис?

— Господин маршал?

— Извольте занять все перекрестки в предместье, сил должно хватить. Если

эти... начнут разбегаться по городу, как крысы, хлопот не оберешься.

Полный, но отнюдь не утративший сноровки командир легкоконного полка, подтверждая получение приказа, поднес руку к новенькой, купленной уже в

Кирке шляпе, взобрался в седло и ускакал. Больше делать было нечего, только

ждать, и маршал вновь принялся кружить вокруг клумбы. Что-то говорили

оставшиеся при начальстве свитские, но толк от подобной болтовни один

—

болтунам так спокойнее. Пришел хозяин, предложил шадди и десерты, а

заодно

и красное прошлого урожая. В больших количествах и, само собой, почти даром. Наверное, вино было хорошим, наверное, не нужно было грубить...

Приутихшая было пальба — похоже, и впрямь резались врукопашную — вспыхнула снова, теперь немного дальше от площади и улицы с домом виноторговца.

— Бацуты бешеные, похоже, у них получается!

— Прошу прощения, — не понял любезный хозяин, — что вы имеете в виду?

— Ничего!

Очень хотелось послать к заставе и свою роту охраны, но Карло решил не горячиться. Сил хватало и так, а если какая-нибудь кучка мятежников вдруг окажется слишком хитрой и отчаянной... Чего-чего, а рисковать своей головой в

провинциальном городишке, откуда до морисков еще месяц добираться, совершенно не тянуло, да и Гирени вечно просит поберечься.

Карло честно себя берег, а звуки боя постепенно стихали, уступая место плеску

фонтана, резким птичьим крикам и лошадиному фырканию.
Осторожничать и

дальше смысла не имело, а доклады лучше принимать среди трупов. Если ты, само собой, хочешь удержать корпус в руках.

Капрас махнул рукой, подзывая свитских.

— Едем. Посмотрим там...

Возвращаться в этот дом он не собирался, уж больно неприятной вышла проведенная здесь ночь. Остатки недоумения, злости, обиды на придурков, из

которых он год делал и почти сделал вояк, липли к золоченой бронзе, мрамору и

шпалерам. Карло знал, что, если когда-нибудь вновь увидит картину с пастухом

и охотником, третьим на ней будет поганый Брацас, не видимый никому, кроме

потерявшего два батальона маршала.

4

Смотреть на площади оказалось не на что: пустота, мусор и никаких следов боя.

Послужившее ночным пристанищем для спятивших бунтовщиков аббатство прикидывалось непричастным, только в серой каменной ограде у дальнего угла

виднелся широкий пролом.

— Второй, — уточнил у Агаса маршал, — за поворотом?

— Да, — подтвердил Левентис и поморщился.

Вторая дыра была куда больше первой, обвалившаяся стена почти перегородила

улицу — пришлось проезжать по одному, прижимаясь к уютному желтому забору, за которым на два голоса надрывались собаки. Хозяева молчали.

Добродетельная Кирка вряд ли до конца поняла, что творится, но на всякий

случай держала ворота, двери и оконные ставни закрытыми. И все равно зеваки

по улицам шлялись. Любопытство — оно вечно, а уж в провинции и с непривычки...

Капрас не сразу понял, что парочка явно прогулявших до утра влюбленных разглядывает труп, но именно этим «голубки» и занимались. Через полсотни

шагов валялось еще трое покойников, судя по всему, зарубленных — светло-

зеленые гарнизонные мундиры обильно заливала кровь из широких ран; чуть

дальше глядел в небо четвертый мертвец. Этого закололи, обломок пики так и

торчал из подвздошья.

Привычная ко всему маршальская лошадь, настороженно поводя ушами,

переступила обычное по военному времени препятствие. Будь это в Фельпе, Кагете, даже в, побери его Леворукий, Бордоне, Капрас остался бы спокоен, но в

центре Гайифы?! И не в лесу, не на большой дороге, даже не на захваченной

спятившими душегубами мельнице — во втором городе провинции...

— Агас, вы что-то понимаете?

— Впереди — сенной рынок, наверное, основная драка была там.

— Я не о том...

— А... Господин маршал, я ничего не понимаю! Не могу понять... Это

Гайифа, я

не сплю, не пьян, не сошел с ума, я все это вижу, только этого быть не может. А

оно — есть!

Стук копыт и многоголосый гомон впереди, за перекрестком. Гапзис все же

успел перекрыть путь в предместья, пока бунтовщики прорывались узкими переулками, тесня растерявшихся стрелков. Прорвались, но дальше не прошли, так здесь и остались.

— Кто-нибудь, подержите коня.

Ветер успел развеять пороховой дым, а трупы были слишком свежими, чтобы

смердеть, пахло разве что подсыхающей кровью, но рыночные мухи уже приступали к пиршеству.

— Агас, найди... Леворукий, имя забыл... Стручок этот чернильный... Пусть

дует к своему градоначальнику и скажет, что можно убирать. Объясни только, как хоронить, чтоб воду не изгадить, — вряд ли они здесь знают.

— Они и не должны. — Физиономия гвардейца была грустной и почти растерянной. — Не Кагета...

Мухи жужжали, трупы лежали, живые — кто вытаскивал своих раненых, кто

обыскивал убитых, кто просто бродил между покойниками. При виде маршала

копошащийся среди смерти народ прекращал свои дела и привычно

вытягивался

в струнку. Капрас всматривался в хмурые рожи, словно видя их впервые.
Вот

эти, выжившие, кто они? Чего от них ждать сегодня ночью, завтра, на марше, в

бою?

Он в своих людей верил, школил их, ругал, злился, но верил — и корпус это доверие оправдывал. Пока не вошел в боголюбивую, чтоб ее, Кирку.

— Господин Карло, — пробормотало сзади, — господин Карло, я хотел бы разобраться...

— Ах, разобраться? — Этот... клирик что, так и будет болтаться под ногами?! —

В чем?

— Здесь сражались, но я не военный.

— Неужели, святой отец?

Чтобы понять, что за схватка кипела у обелиска с правилами имперской торговли, маршалом быть не требуется, достаточно понюхать пороха.

Непривычному тут либо блевать, либо падать, либо, зажмурившись, бежать прочь, но упрямец, хоть и позеленел, желал знать. Что ж, пусть знает!

— Вот те, кого скосили первые залпы. — Карло злобно ткнул хлыстом вправо.

— Трупов много, стреляли хорошо. А дальше — те, кто дорвался-таки до ближнего боя. Тут в дело пошли пики и алебарды.

Вал из человеческих тел наглядно демонстрировал, где Гапзис выстроил свою

пехоту.

— Дальше подкрепления прибывали с обеих сторон, побоище расплескалось на

соседние улицы и захлестнуло весь рынок. Кто-то из мятежников пробовал улизнуть, как те пятеро, которых мы нашли первыми. Таких добивали кавалеристы...

— Кажется, я понял, — пробормотал клирик и, по-женски подобрав полы сутаны, потащился в самую гущу покойников. Маршал поморщился и пошел

рядом, вспоминая предыдущий день и вопли Брацаса. «Бросаете, гады, на съедение дикарям!», «Чего мы в Паону попремся?!», «Там есть кому воевать!»,

«Свой бы дом защитить!..».

Он был бы даже по-своему прав, если б вел себя не как пьяная скотина. И так

большой и грузный, субполковник словно бы еще распух, попытка его скрутить

кончилась ничем, а когда догадались стрелять, было поздно. Брацас уже задурил

голову двоим адъютантам, а на его крики во двор ввалились

предводительствуемые немолодым тенъентом солдаты. И, что хуже всего, эти

были не из местных.

Теперь перебежавший к Брацасу тенъент, отчего-то в одном сапоге, валялся на

рыночной площади. Прошлой осенью он пришел в корпус вместе с кипарскими

рекрутами, надеялся выслужить повышение. Выслужил. Пулю в грудь и распоротое брюхо.

— Теперь он свой дом уж никак не защитит, — отдельно произнес отец Ипполит, — и не свой — тоже. Отпевать не буду. Грех.

— Да вроде ж мятежников всегда отпевали.

— Эти, по сути, самоубийцы. Самоубийц нельзя.

— Вам виднее. Что такое?

— Тело жоака мятежников, возмутительного субполковника Брацаса, найдено

и опознано, — оттарабанил гарнизонный писарь Фурис. В отличие от прочих, он не только не пошел за своим командиром, но и увел у того из-под носа почти

целую роту, правда, говорить по-людски так и не начал. — Если господин маршал желает убедиться лично, следует ехать вон туда, за церковь.

— Хорошо, я посмотрю.

Только у мертвеца не выяснишь, о чем тот думал, подбивая кипарских дурней на

мятеж, чего хотел, на что рассчитывал... Но глянуть надо, для порядка. И сказать

что-то, тут не отмолчишься. Вот бы еще проверить, не завелись ли похожие

настроения и в других полках, больше сюрпризов не хочется.

— Отец Ипполит, вы со мной?

— Разумеется.

Они не добрались даже до лошадей — помешал тенъент-драгун,

целеустремленно пробиравшийся в направлении начальства. Проклиная все на

свете, Капрас ускорил шаг, не оглядываясь на путающегося в своей юбке

священника. Свитские, заметив драгуна, рванули ему наперерез, и маршал

мысленно хмыкнул — от плохих вестей это не спасет, разве что от пули, но из

драгун пока не задурил никто. Этот тоже оказался надежен.

— Господин маршал, — явно побывавший в бою парень старательно отдал честь, — полковник Ламброс докладывает: у Хлебного моста — всё, закончили.

— У Хлебного? — оторопело переспросил маршал, уже ничего не понимая. —

Так, тенъент, переведите дух и давайте с самого начала.

Подробно так подробно, косноязычием вестник не страдал. Из его слов

выходило, что совсем недавно на северной окраине взбунтовался еще один

батальон из резервного полка. Вместо завтрака умники решили идти выручать

Брацаса, а заодно и соседей в это дело втравить. К счастью, офицеры стоящего

рядом драгунского полка оказались людьми не только стойкими, но и

сообразительными. Визитеров без лишних слов скрутили, а полк подняли по

тревоге, не забыв оповестить Ламброса. В общем, за первым же поворотом двинувшуюся в город мятежную колонну встретила конная батарея и драгунские эскадроны. Ультиматумов не предъявляли. Картечью в упор, и тут

же, не давая развернуться, — в сабли. Так что, господин маршал, всё уже.

Всё-то всё, но в глазах тенъента бился тот же вопрос, что мучил самого Капраса,

— ну что же это творится-то, вразуми Создатель?

— Господин маршал, — подъехавшего Николетиса переваривающий новость

Карло сперва не заметил, — мы очистили окрестные улицы, и еще мы вошли в

аббатство... Господин маршал, вам надо это видеть! Это невысказано...

Невысказано!

— Хорошо. Надо, значит, надо.

Глава 7

ТАЛИГ. АЛЫТ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 7-й день Осенних Ветров

1

Беседки теперь не запирали, зачем преграждать дорогу туда, где больше нет зла?

Лишенный листвы нижний парк был пронизан солнечным светом.

Одинокие

деревья среди широких золотистых полян вбирали в себя сияющий день, и Мэллит казалось, что они сами светятся. Негромко шуршали камешки под ногами, в усыпанных ягодами кустах копошились птицы с хохолками, яркие, как

ропись по шелку. Видеть прекрасное и при этом вспоминать скверное трудно и

неприятно, но первородный Валентин просил, и гоганни разбудила былую боль, как злого пса.

Девушка вновь выходила из дома в ночи Луны, смотрела в синие глаза без зрачков, зажимала кровоточащую рану, проваливалась в шепчущий кошмар, но

тот не мог пожрать добычу, ведь в небе светило солнце, а рядом шли сильные и

разумные.

— «Ты», — объясняла Мэллит тому, кого надлежало называть Проэмперадором,

— он шептал «ты», но я не видела, как шевелятся губы и открываются глаза.

— Каким он был, сударыня?

— Он спал, и он желал... Ничтожной не найти слов!

— Позвольте с вами не согласиться. Девушка, не растерявшаяся во время рукопашной и рискнувшая довериться выходцу, не может быть ничтожной.

— Баронесса так воспитана, — первородный Валентин говорил, как всегда, негромко. — У гоганов есть обычай: они избегают называть имена

и склонны к

самоуничижению на словах.

— Опять «большая вода»...

— Сударь?

— Мы к этому скоро вернемся. Баронесса, давайте зайдем с другой стороны.

Валентин, вы можете описать Айнсмеллера?

— Это нетрудно. Господин одних лет с Удо Борном и одного роста и сложения

со мной. Черные прямые волосы чуть выше плеч и черные же небольшие усы...

— Его усы черны, это так. — Как отратно видеть свою тень и две другие по обе

ее стороны... Как отратно дышать и смотреть на клюющих ягоды птиц! — Его

глаза подобны очам серны, если бы та стала рыбой и уснула!

— Поэтично. — Тот, кто был Прозэмперадором, улыбнулся, и Мэллит отчего-то

вспомнился стон и прорастающие сквозь пепел кровавые гвоздики. — Сам

Веннен не дал бы лучшего описания вызывающей омерзение красоты.

Полковник, у вас остались сомнения?

— Нет. — Лицо первородного напомнило о сражении и дурных вестях. — В так

называемую Ночь Расплаты господин цивильный комендант пытался вырваться, но не смог.

— Я слышала, как сказали «стой», и видела лапы зверей, — добавила Мэллит.

— Когтистые, они били то, что вздымало голодного, и оно оседало.

— Это вещество напоминало зеленый мед?

— Пчелы создают иное. Ни... Я уподоблю нареченного Айнсмеллером рыбе в

желе на соусе девяти трав, что покоится среди оливок и нарезанных овощей. Он

был один, и его было много, я видела лица и множество рук, они поднимались, а

стены, что преграждали им путь, покрывались трещинами.

— Сказавшего «стой» вы не рассмотрели?

— Нет, но лилась кровь и дул горячий ветер, вместе они породили цветы, что

называют гвоздиками, а из багрового жара протянулись черные лапы. Такие же, как в убитой аре. Они жили, и когти их ранили колыбель спящего.

— Было ли это подобно коту, выцарапывающему из желе на восьми травах рыбу? — спросил Проэмперадор.

Нареченный Валентином широко раскрыл глаза и внезапно улыбнулся. Мэллит

тоже стало радостно, но не возразить она не могла.

— Трав должно быть девять, и только девять, не считая лимонного сока и тмина.

— Так и будет, сударыня. Валентин, вы любите рыбу в желе?

— Все зависит от сорта рыбы и искусства повара, господин маршал.

— Неубиенно, но, если верить герцогине Гертруде, наше желе намного старше

своей начинки. Баронесса, вы нас очень обяжете, если припомните, что Кубьерта говорит про кровь.

2

Прогулка получалась пугающе молчаливой, и отнюдь не по вине графини, время

от времени отпускаясь замечания о погоде и называвшей деревья и кусты, мимо которых они проходили. Генерал Ариго в ответ лишь кивал; он не спутал

бы розу с ромашкой и елку с дубом, но для Ирэны просто роз не было, отличить

же «Октавию» от «Рассвета» и ягодный тис от каданского генерал не мог, а поэзию он сегодня ненавидел как никогда раньше. Так угодившие в окружение

порой ненавидят свои же не торопящиеся на помощь войска. Могли бы выручить торские звери и птицы, только Жермону хотелось не вести светскую

беседу, а молиться... Вот и брели по белым от солнца дорожкам почти молча.

Все, на что хватило Ариго, — отдать должное талантам Валентина, но это было

еще вчера, как и расспросы о Старой Эпинэ, про которую вечность назад выдворенный в Торку гвардеец сказать мог немного.

— Это краснолистый бук, — объяснила женщина, положив руку в перчатке на

серебристую кору. — Здесь ему не место, но Альт-Вельдеры после

Двадцатилетней пытались спорить с природой. Как ни странно, остров принял

южные растения, хотя на берегу они погибли в первую же зиму.

— Даже так? — удивился Жермон, и тут его осенило: — Сударыня, раз уж мы

заговорили о предках... Я слышал, что Альт-Вельдеры всегда отказывались от

графского титула и называли себя наследниками Вальков. За этим наверняка

что-то кроется.

Ирэна покачала головой и двинулась дальше.

— Эта история — ровесница Иссерциала, который, угождая государю, соединил

ее с преданием об Арсаке и Сервиллии. Из двух, возможно, что и правд, получилась впечатляющая и полезная для анаксии ложь.

— Я не силен в родословных, — не стал врать Ариго. — С десяток гальтарских

родов помню, но Вальков, увы, нет.

— Вальков сделали Вальками будущие Альт-Вельдеры, когда император Эодани

велел своим вассалам сменить имена.

— Я мог бы и догадаться... Прошу вас, продолжайте.

— Даме не пристало рассказывать подобные вещи, но, как я вчера заметила Проэмперадору, моя молодость миновала, и меня некому корить в дурном поведении.

— Если вам неприятно...

— Отчего же. — Она откинула капюшон, сегодня ее прическа была совсем простой. — Но если будет неприятно вам, дайте знать, и я сразу же перейду к

цветам, их здесь много. Летом.

— Здесь и сейчас красиво.

— Спасибо. Вам уже неприятно?

-Нет!

— Препрежне имя Вальков — Кипара, они были кровными вассалами Дома Ветра.

Последнего, кто нам известен в этом роду, звали Лорио. Его мать принадлежала

к роду Борраска, отсюда и традиционное для Повелителей имя. Лорио был верен

анаксии, отважен, удачлив и хорош собой. Он любил женщин, а женщины

любили его. Так продолжалось, пока в красивого военачальника не влюбилась

юная супруга уже не столь молодого анакса. У Лорио достало благородства не

осквернять ложе государя, но анакс все же отправил Кипару на север, наделив

при этом широкими полномочиями. Лорио против подобной ссылки не возражал

— он был человеком деятельным и не видел разницы между столичными красавицами и провинциалками. Именно Кипара начал то, что впоследствии

столь успешно завершил Манлий Ферра, но Вальки в этом уже не

участвовали. Во времена Лорио наш остров никому не принадлежал, на нем был

лишь небольшой храм возле источника, однако земли за мысом уже имели владельца — младшего брата Повелителя Волн, удалившегося из Гальтары по

настоянию семьи. Этот человек привез с собой красавицу жену, которой не слишком интересовался, предпочитая винный кувшин. Оказавшаяся в глуши

женщина стала искать утешения и нашла его в храме на острове. Когда в здешних краях появился Кипара, ей было около сорока, по выглядела она на

двадцать с небольшим. Возможно, благодаря молитвам. Вам не скучно?

— Нет... Генерала Вейзеля отпевали в том храме, где она молилась?

— Церковь Альт-Вельдера много моложе, хоть она и успела побывать

абвениатским святилищем. Храм, где молилась супруга бражника, не

сохранился, остались лишь источник и вера и исполнение желаний. Моя сестра

хотела одного, я — другого. Наши желания убили друг друга. Как вы думаете, что случилось с Лорио?

— Он полюбил эту... паломницу?

— Скорее да, чем нет, женщина же была от страсти вне себя. Кипара, когда бывал в наших краях, а бывал он здесь не слишком часто, охотно проводил с ней

ночи. Пока не встретил совсем юную девушку. Это похоже на прелюдию к истории Рамиро и Октавии, только с другим концом. Любовница не желала

терять Лорио и была достаточно умна, чтобы понять: убийство соперницы скрыть вряд ли удастся, и потом, где одна юная красавица, там и другая, а любовник был нужен ей навсегда. Она взяла самое ценное, что у нее было, и

отправилась в храм. Как вы думаете, чего она просила?

— Любви?

— Это было бы слишком просто для легенды и к тому же невозможно.

— Вы так думаете?

— Я готова поверить, что высшие силы могут превратить человека в животное, разрушить города и повернуть реки, но не более того. Над чувствами и

помыслами они не властны, иначе все веры теряют смысл, а все кары, даже самые справедливые, становятся бессмысленной жестокостью. Женщина хотела, чтобы Лорио принадлежал только ей и не подпускал к себе юных красавиц.

— Он ослеп?

— Вы сочиняли бы красивые поэмы, генерал. Но могла ли любовница быть

уверена, что невеста бросит слепого? Ревнивица попросила, чтобы Лорио не мог

овладеть ни одной девственницей, но чтобы она сама по-прежнему могла удовлетворять его страсть. Ее слышали, но то ли не так поняли, то ли пошутили. Чрево Лорио принялось расти и стало столь огромно и тяжело, что

ему пришлось забыть не только о свадьбе, но и о седле и доспехах.

Изуродованный полководец отказался видеть свою невесту и остался в этом

непреклонен, хотя девушка долгие ночи простаивала у его дверей.

Два года Кипара управлял провинцией, отдавая приказы из окна дома или из

повозки. Говорили, что у него отнялись ноги. Позорную тайну знали лишь доверенные слуги, охрана из числа варваров-агмов и любовница, которая вновь

стала навещать затворника. Так продолжалось, пока анакс не посетил

нынешнюю Марагону. Видимо, ему донесли, что здесь происходит нечто странное.

Остановить государя никто не посмел, он вошел в дом и увидел, что стало с его

былым соперником. Анаксу это зрелище столь понравилось, что он, подарив

Кипаре озеро вместе с окрестностями, велел немедленно вернуться ко двору.

Лорио поблагодарил за оказанную честь, однако испросил месяц для

устройства

дел провинции. Он их в самом деле устроил, но в последнюю ночь исчез вместе

с охраной, и никто не знает его дальнейшей судьбы.

Уходя, Кипара оставил завещание, согласно которому все, чем он владел, переходило к брату его невесты. Анакс, узнав о происшедшем, видимо, устыдился своего поступка. Он запретил своим спутникам вспоминать о судьбе

полководца и подтвердил права предков Альт-Вельдера на его земли; будущие

Вальки, однако, отказались считать себя хозяевами, так как дожидались Лорио.

Не дождалась... Вас не удивляет, что эта история мало известна? Я ее узнала, лишь выйдя замуж.

— Ничуть. Анаксу в самом деле было нечем гордиться.

— О да, а в его свите собрались люди разумные. Иссерциал начинал именно

там, писцом под диктовку, он не только записывал, он запоминал и потом использовал. Во благо анаксии и за достойную плату. Вы хотели что-то сказать?

— Ничего... Раз с Лорио были варвары, они могли отправиться в Торку.

— Очень может быть. Вы не спрашиваете про любовницу?

— Извините. Я думал, если бы с ней что-то произошло, вы сказали бы.

— Это вы извините. Я отвлекла вас от дел и донимаю не слишком красивыми

преданиями. Мой брат — смелый человек, а вот я — нет. Мне нужна

помощь, генерал, и я не хочу.. Не могу обращаться к Валентину. Он слишком много

сделал для того, чтобы наша семья повернулась к Талигу лицом. И при этом я

больше не имею права молчать. Позавчера я пыталась поговорить с Савиньяком

и позорно струсила.

— Я сделаю все, что в моих силах. Что именно?

— Не так быстро, генерал. — Женщина попыталась улыбнуться. — Вы командуете авангардом и привыкли к стремительности. Я так не могу.

— Я буду ждать.

— Наше семейство постепенно начинает тянуть вас в свой омут. Сперва Валентин, потом — я... Вы помните, чем закончился ночной разговор?

— Вы пожаловались на усталость и попросили всех уйти.

— Мне было нужно остаться одной. Я думала всю ночь и поняла, что должна

признаться, а вы мне в этом поможете.

— Как, сударыня?

— Просто будьте рядом... или нет, я опять сбегу. Граф Савиньяк сейчас в саду

вместе с этой девочкой и Валентином — нам нужно их найти, и вы им передадите все, что я сейчас расскажу.

До сего дня Лионель думал, что знает о гоганах лишь самое главное, сейчас он

понял: главное-то как раз и неизвестно, причем не только чужакам, но и самим

«куницам». Мелхен могла ответить разве что на треть задаваемых ей вопросов, а

ведь девушка не раз и не два прочла пресловутую тайную книгу, в которой

правнуки Кабиоховы смешали луну с жареными курами. Но у гоганов подобная

книга хотя бы была...

— Сударыня, — уточнил Савиньяк, — прошу меня простить, ваш народ в самом

деле полагает красивыми лишь очень толстых женщин?

Девушка свела густые темные брови:

— У нас и у вас разные слова. У вас есть толстое дерево, толстое одеяло и толстый человек. У нас говорят, что живое исполнено соков. Это красиво, как

красиво лето, а худоба уродлива, как иссохший ствол и лишенный плоти скелет.

Мои сестры очень хороши, но я родилась от материнской печали, а в печали не

может быть красоты.

— Баронесса, — весьма кстати вмешался Придд, — неужели вы считаете мою

сестру уродливой?

— Первородная Ирэна прекрасна. — Гоганни удивленно раскрыла золотые осенние глаза. — Ее прелесть — прелесть ночной звезды. Мы идем туда, где

гуляла нареченная Габриэлой?

— Вам это неприятно? — спросил Спрут и объяснил: — Баронессу напугала

графиня Борн, с которой она встретилась в озерном лабиринте.

— Я видела нареченную Габриэлой в первый раз, но не в последний; она обещала беду своей сестре и знала, как исполнить обещанное. Теперь зла здесь

нет, только тростники и вода, я не боюсь этого места.

Сухие тростники стояли стеной, слишком бледной для золота и слишком теплой

для серебра. Странное украшение для парка, но Альт-Вельдер вообще был странен.

— Полковник, — решил уточнить Савиньяк, — куда ведет эта тропа?

— Если не ошибиться с поворотом, то к проточному водоему, который питается

от источника. Если мы до него дойдем, то увидим на дне монеты и украшения.

В замке к этому месту относятся, как в Олларии к водопаду в Старом парке.

— Граф Гирке погиб там?

— По другую сторону лабиринта, очень близко от входа, но графиня Борн

утонула в самом водоеме.

— Герцог, вам с Мелхен лучше пойти в обход, а я пройду по лабиринту.

— Господин Проэмперадор, мы пойдем вместе. Вы не знаете дороги, баронесса

не боится, ничего дурного про лабиринт не известно, однако за последнее время

здесь утонули три человека. Это просто обязано быть неприятным совпадением, но вы — Проэмперадор Северо-Запада, а регент болен... Баронесса, вы хотите

бросить монету?

— Я хочу увидеть малое озеро.

— Вы в своем желании не одиноки.

В лабиринте было светло и тревожно, шуршащие стены скрыли все, кроме неба, а тропа, достаточно широкая для двоих, то и дело сплеталась с себе подобными, заставляя выбирать. Заблудиться здесь труда не составляло, однако Лионель как-

то угадывал направление прежде, чем Придд поворачивал. Солнце оказывалось

то за правым плечом, то сзади, то спереди, однажды из зарослей шумно

взлетели утки, потом кто-то небольшой плюхнулся в невидимую воду. Тот, кто

задумывал садовую причуду, успешно создал впечатление, что тростниками

зарос весь мир, а солнце сошло с ума и пустилось в пляс. Не лучшее место для

прогулок безумицы и для прогулок вообще...

Проступившие сквозь смутный шорох голоса показались игрой

воображения, но

Валентин неспешно повернул голову, а гоганни застыла, будто молоденькая дайка, почувывая дичь.

— Мужчина и женщина идут в сердце лабиринта, — сказала она. — Кто они?

— Моя сестра хотела показать генералу Ариго и барону Райнштайнеру парк; это, должно быть, они, — быстро предположил Придд. — Не думал, что Ирэне

нравится это место.

— Оно интересно. — Хозяйка умеет выбирать места для прогулок — ночные

башни, заросли, где тонут... — Сударыня, надеюсь, вы ничего не имеете против

генерала Ариго?

— Генерал Ариго похож на... герцога Эпинэ.

— То есть вы не возражаете?

— Зачем?

— Женщина должна время от времени говорить «нет», по крайней мере в Талиге.

— Я спорила с капитаном Давенпортом. — Девочка все принимала всерьез, но

при этом не казалась глупенькой. — Названный Чарльзом не понимает, что любовь, потеряв сердце, пересчитывает жемчужины счастья, ведь новых уже не

будет.

— Капитан Давенпорт не понимает многого и, видимо, никогда не поймет, но, будучи обиженным, он может стать полезен.

— Я не хотела его обижать, но он полон дождя.

— Исчерпывающе.

Сухой шелест, неразборчивые голоса за полоской воды... Правнучка Кабиохова

права, их там двое, но где в таком случае Райнштайнер?

— Сударыня, раз вы спорите с исполненным дождя, я не стану вам представлять

корнета Понси, это было бы слишком. Не правда ли, герцог?

— Корнет Понси здесь? — Спрут был почти бесстрастен. — Несколько неожиданно.

— Поэт направлен в распоряжение Давенпорта. Вдвоем у них еще есть шанс

оценить радость бытия.

Стал бы он шутить, если б здесь совсем недавно не погибли друг за другом девушка, мужчина и женщина? Женщина, ненавидевшая едва ли не всех оказавшихся сейчас в мертвых тростниках. Выходцы не переносят дневного света, только маленькая Люцилла об этом не знала. Что позволило вырвать у

королевы холода добычу — костяное дерево, текучая вода или кровь

Савиньяков? Хорошо, если последнее.

— Сударыня, я правильно понял, что гоганские дома охраняют не гоганы?..

4

— ...я правильно понял, что гоганские дома охраняют не гоганы?

Ясный и равнодушный голос пробился сквозь страх вновь увидеть синие
пустые

глаза, но уже на женском лице.

— За внешней стеной ходят сторожа, — пролепетала Мэллит, — а во
дворах

рычат псы.

— И никто из ваших мужчин так и не...

Вопросы победителя дриков были легки, а вот каждый следующий шаг
давался

девушке с трудом. Впереди осенняя вода скрывала золото и колыхала
листья, омывая два видевших смерть камня. Никто ни о чем не догадался,
но валуны

знали, как судорожно дернулось тело первородной, как намокшие пряди
смешались с зелеными лентами водорослей... Когда гоганни уходила, озеро
вновь было спокойным, только оно запомнило всё.

— ...постельное и столовое белье у вас не подрубают, но неужели
подшивать

подолы тоже запрещено?

— Так велит Кубьерта. Игла касается ткани, лишь соединяя...

Если первородная вернулась, то за кем? Смерть злобной принесла
облегчение

всему замку, лишь нареченный Эдуардом пил и плакал.

— Господин Проэмперадор Савиньяк... я хочу... просить вас об услуге. Мне нужно загадать желание и отдать судьбе драгоценное... Позвольте мне пойти вперед!

— Никоим образом, сударыня. Либо мы увидим сердце озера втроем, либо я

воспользуюсь властью Проэмперадора и отошлю вас с полковником Приддом

прочь.

— Баронесса опасается, что ненависть графини Борн к нашей семье может быть

сильнее смерти. — Первородный Валентин думал о том же! — К счастью, покойная упустила время. Ее тело никуда не исчезло, как и тело графа Гирке.

Тем не менее нашу прогулку лучше прервать.

— Зачем? — Проэмперадор поднес ко рту сложенные руки. — Ариго, это вы?!

— Да-а-а-а! — немедля откликнулись на крик тростники. — Со мно-о-ой гра-а-

фи-и-иня!..

— Мы идем к пруду! Следуйте туда же!.. Сударыня, вы все еще хотите нас покинуть?

— Нет!

Как она глупа! Солнце — помеха не всякому злу, но мертвые это не любят,

они

хватаются за луну, и та зеленеет.

— Что еще хочет знать перво... Проземперадор?

— Слишком многое даже для Кубьерты. Любопытно, куда эти двое дели барона?

— Господин Райнштайнер хотел быть у... госпожи Юлианы. — Она опять не

смогла произнести слово «мать». Как легко назваться мальчиком Эженом, и как

невозможно стать чужой дочерью, даже любя всем сердцем. — Овдовевшая хотела обсудить завещание любимого.

Тропа в последний раз повернула, блеснула вода. Здесь Мэллит проходила, выбирая, где свершить задуманное, но не нашла нужных камней, а берег был

слишком топким.

— Графиня Борн утонула тут? — Савиньяк желал знать место и этой смерти.

— Нет, — объяснил нареченный Валентином, — это произошло по ту сторону

пруда. Вы хотите пройти туда?

— Не думаю, что кто-то увидит больше Райнштайнера, а он не увидел ничего.

Никто ничего не увидел, не подумал, не нашел, все винили камни и

неосторожность покойной. Роскошная, узнав о смерти, сказала, что Создатель

наконец сжалился над Ирэной, а в кухнях шутили, что «Она» исполнила сразу

сорок желаний. Нареченная Эмилией громко мечтала о собственном доме, в

который теперь они с мужем смогут уехать, а надзирающий над кухнями

вспомнил: в подвале потек один бочонок и его нужно поскорее выпить.

Озерный

замок радовался, радовалась и Мэллит; она ничего не боялась и ни о чем не

думала, пока не послышались голоса и полковник Придд не оттеснил с края

тропы Проэмперадора. Тогда гоганни вспомнила синий взгляд и шепот «ты...», но страхи исчезли при виде генерала Ариго и первородной Ирэны.

Мэллит

прижала ладонь к груди и улыбнулась, словно проснувшись.

— Добрый день, сударыня. — Савиньяк поцеловал руку хозяйки замка. —

Встреча в зачарованных травах, ведь тростники — это травы, наверняка что-то

значит. Что?

— То, что я хотела вас найти. Валентин, я просила графа Ариго сообщить графу

Савиньяку одну вещь, которую сама сказать не смогла.

— В таком случае, — предложил Проэмперадор, — мы с Ариго пройдемся вокруг озера.

— Не нужно. Брату тоже надо это узнать, как и Мелхен, которая имела несчастье

встречаться с Габриэлой. Генерал, прошу вас.

5

Так чудовищно странно Жермон еще себя не чувствовал, но он обещал помочь

ставшей его небом женщине.

— Господин Проэмперадор... — Хорошо, что Савиньяк — Проэмперадор, докладывать начальству проще, чем говорить с сыном маршала Арно. —

Прежде чем убить своего брата, графиня Борн совершила еще одно убийство.

— Да, — ровным голосом подтвердил Савиньяк, — графиня Борн стреляла в

моего отца, но я полагал, что госпожа Ирэна от этого знания была ограждена.

— Ограждена? — неуверенно переспросила графиня. — Создатель... Граф, кто

вам сказал?! Дорак? Колиньяр?

— Вот кто ничего не разглядел в ваших глубинах, так это они.

— Ирэна, — Валентин шагнул к сестре, — о том, что сделала Габриэла, рассказал я. Видимо, мы с вами опять думаем одинаково, это не может не радовать.

— О да. Вам сообщила мать?

— Я не думал, что она знает. Мне рассказал ваш супруг, когда я стал главой дома, он узнал от отца, а тот — непосредственно от графа Борна.

— Значит, — она вымученно улыбнулась и поднесла руку к виску, — мы

хранили змею друг от друга. Матушке написал Борн, когда отсылал жену в Васспард.

— Отцу он сказал во время свидания в Багерлее.

— Сударыня, — прервал мучительный семейный разговор Сани ньяк, — что вы

подумали, узнав о гибели Юстиниана?

— Я вообще не думала... Приехал отец, и с ним один из соседей, у которого хватило простодушия остаться в замке. Занимать гостя пришлось мне, потом

меня сменили двоюродные дядья, а я отправилась на поиски матушкиной левретки. Я обыскала сперва дом, потом — парк и там увидела, что ундиолы все

еще цветут... Я срезала букет, хотела отнести Юстиниану, но его комнаты по

приказу отца заперли, и тут я обезумела. Я колотила в дверь кулаками, кричала, требовала, чтобы меня впустили, мне чудились какие-то голоса. Крики услышал

Валентин, когда он прибежал, костяшки пальцев у меня были разбиты в кровь.

Валентин меня окликнул, я успела оглянуться и первый, и последний раз в жизни потеряла сознание. Оказалось, что у меня начался жар.

Вечером ко мне пришла матушка... Я принялась ей объяснять, что Гину не нашла, но найду обязательно. Мысли у меня путались, я говорила о собаке, но

со стороны казалось — я клянусь найти убийцу. Мать меня оборвала; она

сказала, что поиски — дело старших, а я должна при первой же возможности

вернуться в Марагону и взять с собой Габриэлу. Утром мы уехали.

Сестра хотела остаться, но Эмилия умела с ней обращаться, и Габриэла все же

села в карету. Я никогда не забуду этой дороги.

— Из-за графини Борн?

— Да. Не хочу об этом вспоминать.

— Думаю, скоро вы об этом забудете. Со спокойной совестью и навсегда. Из

слов графини Борн следовало, что Юстиниана убила она?

— Габриэла говорила, что ее месть удалась. Именно так, «месть удалась»...

Сперва я старалась ее понять, потом — не слушать. За Гюнне я пересела на верховую лошадь, оставив Габриэлу на попечение Эмилии. Вечером сестра меня

прокляла.

— За что?

— Она была безумна.

— Но о том, что она дважды убийца, вы тогда еще не думали?

— Нет. Через несколько месяцев Альт-Вельдер навестили родители, тогда я

видела их в последний раз. Я спросила, долго ли сестра будет на моем

попечении, и призналась, что с ней очень тяжело. Тогда матушка сказала, что

положение нашей семьи после смерти Юстиниана очень усложнилось.

Габриэла, если ее услышит кто-либо посторонний, может причинить непоправимый вред, поэтому мне придется окончательно покинуть двор и остаться с сестрой, они же с отцом постараются создать впечатление, что графиня Борн все еще в Васспарде. Я стала возражать, и мать рассказала про

графа Савиньяка. Если бы это раскрылось, самое малое, что угрожало отцу,
—

отставка.

— Но о том, что графиня Борн повинна в смерти Юстиниана, ваша мать не говорила? Это ваши собственные выводы?

— Это признание Габриэлы. Сестра предпочитала изъясняться намеками.

Мелхен слышала, как она говорит; прежде я понимала ее не до конца, но...

рассказ о выстреле в Борне всё поставил на свои места. В том числе и то, почему родители выдали смерть Юстиниана за несчастный случай. Граф Ариго, я должна просить у вас прощения. Из-за меня вы стали свидетелем неприятной

и бессмысленной сцены.

— Позвольте с вами не согласиться. — Савиньяк снял кольцо и бросил в воду.

— Желаю вам счастья, графиня, причем немедленно, хотя это озеро и так

сделало для вас все, что нужно. Последний вопрос: левретка Гина нашлась?

— Нет, — устало сказала графиня. — Наверное, она убежала в рошу и там

погибла, или глупышку украли.

— Вы ошибаетесь. Собственно говоря, вы, как и ваш брат, ошибаетесь во всем.

Валентин, вы неверно поняли вернувшегося. Юстиниан не хотел уводить того, кого любил, но это не значит, что любил он своего убийцу. Если б жертвы всегда

являлись за убийцами, люди или вымерли бы, или разучились убивать. Выходцы

обретают власть над теми, кто способствовал их смерти, если те совершили

нечто совсем уж чудовищное или нарушили определенного вида клятвы.

Мой отец, приехав в Борн, оставил своих людей за стенами замка, положившись

на честь и слово хозяина. Будь виновен в убийстве Карл, до человеческого суда

он бы, весьма вероятно, не дожил, но Габриэла была просто убийцей, и за ней не

пришли. То же и с Юстинианом. Его застрелил человек, не связанный с ним ни

кровным родством, ни дружбой, ни клятвой, возможно, кто-то из людей

Манриков. Этим господам примирение Приддов с Олларами по ряду причин

было крайне невыгодно, а в средствах они никогда не стеснялись. Убить графа

Васспарда, когда он находился в кругу семьи, и распустить слух, что причиной

стала дружба покойного с герцогом Алва, — вполне в их стиле.

— Господин Савиньяк, — теперь сестра молчала, а говорил брат, — мы с Ирэнной были бы счастливы с вами согласиться, но, боюсь, это невозможно.

Юстиниан стал выходцем именно потому, что его убила родная кровь. В

Габриэлу я не верю, я этого не делал, остается...

— Остается меня дослушать. Некоторых вещей вы не знаете и знать не можете, но я не только граф Савиньяк, я еще и господарь Сакаци.
Небезызвестная

Раймонда сохранила бумаги своей матушки и оставила их сыну от первого брака. В итоге они оказались у моей матери, которая, начитавшись алатских

сказок, принялась развлекать собственных сыновей ведьмами, что с помощью

горячей собачьей крови поднимают и подчиняют мертвых. Известно, что

Каролина Борн-Ариго, ее незамужняя сестра и мачеха баловались волшбой, логично предположить, что дамы посвятили в свои занятия и молодую графиню.

Скорее всего, в распоряжении ведьм-аристократок имелись манускрипты, где

описывался или алатский ритуал, или нечто сходное.

Вам лучше знать, когда Габриэла окончательно помутилась рассудком, но

Джастин спорил уже с безумицей. Вдова Карла узнала о смерти Юстиниана

одной из первых, и в ее воспаленном мозгу родилась мысль поднять брата и

заставить отомстить за супруга.

— Создатель... — Ирэна поднесла руку к виску. — Создатель...

— Вам плохо?! — не выдержал Жермон. — Вам не нужно...

— Нужно, только это и нужно! Господин Савиньяк, прошу вас, продолжайте.

— Да, — брат придвинулся к сестре. — Я присоединяюсь к просьбе Ирэны.

- Постараюсь быть как можно более краток. Искаженный или неполный ритуал

дает шанс поднятому освободиться от накинутой «петли», но я склонен искать

причину не в ошибках Габриэлы, а в воле Юстиниана. Как бы то ни было, ваш

брат вырвался и тут же угодил в новую ловушку, алаты называют ее вежета сётевиш». Точного перевода я не знаю, что-то связанное с темной водой и неизбежностью. Суть вежета сётевиш в том, что вставший «холодный» не может

не забрать виновного перед ним особой виной «горячего», то есть живого. В

вашем случае таковой являлась Габриэла, поднявшая родного брата и пытавшаяся его подчинить. Вряд ли вернувшийся понимал причину своей власти над сестрой, скорее всего, он считал ее своей убийцей...

— Мне казалось, — графиня смотрела на Савиньяка, но его ли она видела?
—

выходцы знают, кто их убил.

— Выходцы, сударыня, ошибаются так же, как и люди. Насколько я мог понять, неокончательная смерть дает некоторые мистические знания и прибавляет

смутных, трудно выразимых ощущений, но не делает яснее прошлое, скорее, наоборот.

— Удо шел за своим убийцей, — напомнил Валентин. — Гоганская магия

спутала следы, но в главном выходец не ошибся. Его отравил господин Альдо.

— В истории с Удо свои нюансы. В Черной Алати помнят о господаре, который

сперва помиловал мятежного витязя, а потом отправил на верную смерть. В

Золотую ночь витязь вернулся. Его, как и Борна, подняло чужое вероломство, а

не заклатья на собачьей крови. Темная вода, вежета сётевищ, гонит вставшего к

тому, кто виновен, темная вода всегда находит дорогу. Исполнив

предназначенное, вернувшийся обретает посмертие, которое может стать

долгим, и, как это ни дико звучит, счастливым. Такие выходцы способны

радоваться, случается, они находят и любовь, а небытие, полное небытие, их

пугает. Второй раз выходцы умирают уже окончательно.

— Не думала, что алаты знают столько...

— Не алаты. Мне повезло встретить человека, способного запоминать рассказы

вернувшихся. Становясь выходцами, «остывая», как те говорят, люди не

меняются. Валентин, с этим вы согласны?

— Безусловно.

— То, что я теперь знаю о графине Борн, свидетельствует о ее
исступленной

ненависти к родной крови. Габриэла, стань она нечистой, не успокоилась
бы, пока не уничтожила бы всю семью. У варваров, у суеверной
деревенщины еще

оставался шанс понять, кто пришел, и отбиться, но вы были бы обречены, и

Юстиниан это понял. Он оказался перед выбором: продлить собственное
бытие, забрав сестру, и тем самым дать ей шанс отомстить, или умереть
вновь. Не мне

судить, сколь велика была вероятность, что Габриэла сумеет вернуться, но
ваш

брат, похоже, в этом не сомневался. Ему достало силы воли и любви не
потерять

себя и обратиться к тому, кто мог понять и сделать, что нужно. К вам,
Валентин.

Вы поняли и сделали, однако убийцу, я говорю об убийце Юстиниана,
следует

искать отнюдь не в Васспарде.

Глава 8

ТАЛИГ. ХЕКСБЕРГ

АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 7-й день Осенних Ветров

1

Ставший августейшим отец настаивал и имел на то все основания — наследник

булочника и тот должен быть при пекарне, что уж говорить о будущем герцоге?!

Фельп, конечно, не Талиг, но и не пекарня, а крысы, то есть дуксы, хоть и притихли, случись что, сразу вылезут. Да они и сейчас наверняка вредят, только

скрытно. Нет, отца нельзя оставлять, а Хексберг без одной галеры не пропадет.

Последнее было обидно, однако Луиджи не мог не видеть, что север выбрал не

весло, а парус, и потом здешняя война становилась малопонятной и малоприятной.

Капитан Джильди уселся за стол, намереваясь сообщить великому герцогу

Фельпа о своем возвращении, он даже написал пару фраз, но потом скомкал

лист и засмеялся. Если поторопиться, «Влюбленная акула» войдет в родную

гавань немногим позднее, чем сухопутный курьер въедет в городские ворота со

стороны Веньянейры. Проплывут полосатые скалы Монти-Остро, с

прибрежного бастиона радостно ударит сигнальная пушка, в круге подозрительной

трубы теплая синь сменится белизной палаццо и темной зеленью кипарисов.

Как же давно он всего этого не видел!

— Я возвращаюсь! — объявил капитан Джильди вдруг ставшими очень чужими

стенам, но они промолчали, а о принятом решении хотелось говорить и говорить. С хозяевами, с командой, с готовым пуститься в негоции дриксенским

шкипером. Ближе всех находился вернувшийся с последним приливом Вальдес, и Луиджи отправился к нему.

Дверь в апартаменты вице-адмирала была распахнута настежь, фельпец счел это

приглашением и вошел. В гостиной никого не оказалось, но слева, из обычно

пустовавшего кабинета, доносился странный шум, на который Луиджи и взял

курс. Бешеный обнаружился именно там — закатав рукава, он опорожнял ящики бюро. По цветному ковру раскатились потускневшие сморщенные каштаны, разнокалиберные монеты и какие-то флакончики, на одной куче бумаг

чернел роскошный веер, другую придавила бронзовая рыбина, за плавник которой зацепились жемчужные бусы. Рядом красовалась россыпь винных пробок и тускло блестел стилет, а на следующей бумажной горе чесалась унаследованная от Фельсенбурга кошка.

— Ты что-то потерял? — спросил пораженный разгромом Луиджи. — Что-то

важное?

— Я потерял дядю, — буркнул Кэналлиец, переворачивая последний ящик,

откуда посыпался какой-то порошок. Остро запахло то ли пряностями, то ли

благовониями, кошка чихнула, в безумном прыжке сорвалась со своего пьедестала, который тут же рухнул, и выскочила вон. У Луиджи защекотало в

носу, и капитан, к собственному неудовольствию, тоже принялся неудержимо

чихать. Вальдес стремительно ухватил его за плечо, выволок прочь из комнаты и

захлопнул дверь.

— Это понсонья, — объяснил он. — Вот уж не думал, что она там окажется...

Хорошо хоть листья, а не цветочки.

Выяснить, что такое понсонья, Луиджи не собирался. Продышавшись и шмыгнув носом, капитан осведомился:

— Что-то произошло с генералом Вейзелем?

— Убили. — Кэналлиец уже держал в руках бутылку «Порченой крови». —

Дриксы, причем свихнувшиеся. Правда, дядюшка прихватил с собой чуть ли не

весь «гусиный» полк. Как-то странно, что его нет, бедняга казался таким вечным... Ненавижу смерть! За тетушку. Чтобы родила!

— Здоровье баронессы! — Луиджи честно ополовинил сунутый ему стакан. —

Она знает уже?

— Она мне и написала. Теперь я, видите ли, старший в бергерском роду, опекун

целого выводка, и у меня скоро будет двоюродный братик Рокэ. Таково было

последнее желание дядюшки. Рокэ Вейзель... Я уже боюсь этого ребенка, чтоб

ему как следует родиться!

— За твоего кузена! — поспешно согласился Луиджи. — Ты что-то искал, когда

я пришел?

— Я разбирал бюро. — Вальдес плеснул себе «крови» и выпил не чокаясь. —

Дядюшка пытался меня на это сподвигнуть лет пять. Теперь я это делаю... В

память о нем, кошки б разодрали этих дриков. Впрочем, их уже разодрала дядюшкина картель.

Лучше всего было помолчать, и фельпец это понимал, но понимать — отнюдь не

значит сдержаться.

— Ты потерял родственника, хоть и уважаемого, но докучливого, и сам на себя

не похож, а я... Я наполовину умер с Поликсеной, мне остались только море и

долг. Попробуй это понять хотя бы сейчас!

Вальдес вскочил, но к словам Луиджи это никакого отношения не имело —

вице-адмирал всего лишь впустил Гудрун, немедленно вцепившуюся ему в штанину. Кэналлиец взял кошку на руки.

— Ну, твое высочество, — поморщился он, — ты и сравнил... Дядюшка Везелли, с которым мы грызли друг дружку лет двадцать, и незнамо что.

— Ротгер, я уважаю твою потерю...

— Не уважаешь, иначе не нес бы чушь. Наливай, у меня руки заняты.

— Любовь — не чушь!

— Только ты, в отличие от дядюшки, ни кошки не любил. И кошку тоже не любил. Ты не знаешь, как твоя любовь чихает, как сопит во сне, как смеется.

Она ни разу не вlepила тебе пощечину, не велела надеть теплый набрюшник, не

уселась, когда ты прокладывал курс, на карту, чтобы услышать, как ей идет новая ленточка... Ты умозрителен, а потому твои страдания — дым. В отличие от

моих. Я-то дядюшку от сапог до пробора знал, а теперь его больше не будет. И

для меня, и, что куда паршивей, для Юлианы... А, кЛеворукому! Не сходить ли

нам прогуляться, не зря же я бусы нашел.

— Ты что, собрался к ведьмам?! Но ведь ты, кажется, страдаешь?

— Страдаю, — кивнул Бешеный, — но где сказано, что это надо делать с постной физиономией и на трезвую голову? Только не пеняй мне Кальдмеером.

У меня такое ощущение, что адмирала цур зее спасали, дабы он ввалился в

Рассвет согласно действующим эсператийным циркулярам и все там опошил.

— Кальдмеер?! Почему?

— Да потому, что вечное блаженство подразумевает радость! Чтить Создателя, или кому мы там обязаны что звездами, что виноградом, можно лишь дорожа им

созданным, пусть не всем, но хотя бы главным. Здесь дорожа, кальявэра, на этой

вот самой земле!

2

Ойген аккуратно разложил на столе принадлежности для чистки пистолетов и

закатал рукава рубашки.

— Я совершил ошибку, отпустив тебя на встречу с графиней Гирке одного,
—

признался он. — Я видел, что тебе приятно общество этой дамы, и предполагал, что вы станете гулять по парку и говорить о цветах и прочих приятных вещах. Я

даже не исключал, что на прощание ты поцелуешь ей руку, однако вы против

всякой логики отправились искать Проэмперадора и обсуждать с ним убийства.

Это меня озадачивает.

— Ну не мог же я ей отказать! — огрызнулся Ариго. — Пойми, она не решалась

довериться Савиньяку...

— Ей следовало довериться брату как главе фамилии и предоставить действовать ему.

— Валентин младше!

— Он способен решать, а это умение перестает зависеть от возраста еще до того, как нас отправляют в Лаик. Однако я не прав, выговаривая тебе за женщину, пока еще не ставшую твоей женой.

— Ойген... Что ты несешь?!

Сосредоточенно орудовавший ершиком бергер поднял взгляд на собеседника.

— Извини еще раз, но совершенно очевидно, что ты влюблен. Не столь очевидно, но более чем вероятно, что предмет твоей любви не испытывал к покойному мужу нежных чувств и уклонялся от полноценного исполнения супружеского долга, принимая настой алатской ветропляски, который выращивал в своем саду. То, что графиня сделала поверенным своей тайны тебя, говорит о многом, тем более что она несомненно привязана к брату, а брат к тебе

относится с удивительной для Приддов теплотой. Все вместе однозначно указывает на то, что по истечении разумного срока ты женишься на графине

Гирке и получишь в управление Альт-Вельдер. Это очень хорошо, потому что

ты сможешь жить на севере, который стал тебе родным, и в корне пресечешь

претензии на эти земли со стороны сомнительных особ. Кроме того, браки по

любви угодны небесам.

— Кому?!

— Я не расположен к богословским беседам, — Райнштайнер уже вернулся к

своему занятию. — К тому же твои мысли поглощены другим.

— Ойген!!!

Ошалевший Жермон шарахнулся к окну, на котором обнаружил свою собственную шляпу, перчатки и кусок вчерашнего пирога с вареньем из ревеня.

Генерал, сам не понимая зачем, потащил его в рот.

— Когда вы поженитесь, — припечатал бергер, — тебе придется класть свои

вещи на место и есть исключительно с тарелки. Думаю, в конце концов ты к

этому привыкнешь.

— Да! — заорал Ариго, жуя подсохшее тесто. — Я ее люблю... Леворукий знает, как это вышло! Ее загораживал Савиньяк, потом он отошел, Ирэна на меня

посмотрела, и... всё!

— Я неоднократно слышал, что так бывает, — Райнштайнер отложил ершик и

взялся за промасленную ветошь, — причем не только у людей несобранных.

Собственно говоря, подобным образом женился генерал Вейзель, и брак оказался очень удачным. Вам не следует тянуть.

— Это ты ей скажи!

— Я уже сказал это главе фамилии.

— Ты уже... что?!

Остаток пирога тоже был поражен, так поражен, что крошки проскочили не в то

горло. Ариго задыхался и кашлял, видя сквозь наворачнувшиеся слезы, как

Райнштайнер откладывает пистолет и встает. Пушечный удар по спине выбил

зловредные крошки, и генерал, вытирая глаза, уставился на побратима, успевшего налить воды из цветочной вазы в подвернувшийся стакан.

— Выпей, — велел Райнштайнер. — Рисковать собой, увлекая солдат в атаку, в

некоторых случаях необходимо. Рисковать собой, перекусывая на ходу, глупо

всегда. Если бы тут не оказалось меня, ты мог задохнуться и не дожить до такого важного события, как свадьба.

— Ты скха-скхазал Вален-тхину... — прокашлял Жермон. — Кто тебя просил?!

— Это мой долг перед тобой. — Ойген выглядел слегка удивленным. — Я обещал найти тебе невесту, ты ее нашел сам, но женщин часто теряют из-за

нерешительности и неумения с ними обращаться. Валентин достаточно умен, чтобы объяснить сестре то, на что ты, находясь в помраченном состоянии, неспособен, однако я не собираюсь читать тебе мораль.

— Разрубленный Змей, а что ты делаешь?!

— Прощу твоей помощи. Я намерен довести одно из начатых дел до конца, а

именно — понять, что же произошло в Васспарде, когда туда приехал Юстиниан.

— Так ясно же все! — Жермон поискал глазами, куда бы деть пустой стакан, но

в пределах досягаемости повсюду валялись какие-то вещи, пришлось ставить на

тот же подоконник.

— Что тебе ясно? — невозмутимо уточнил бергер, возвращаясь к пистолету.

— Что в семье нет сыноубийцы.

— Послушай, Герман, ты меня поражаешь. — Таким тоном обычно просят

передать соус или горчицу. — Что убийца не принадлежит к семейству Приддов, а само убийство есть следствие разветвленного заговора, я говорил тебе еще

зимой. Узнать истину нам помешали неприятные события и проистекающая из

скрытности сестры убежденность Валентина в том, что виноват их с

Юстинианом отец. Теперь мы узнали, что герцог Вальтер хотел порвать с

мятежниками и посвятил в свои замыслы жену, зятя, дочь и брата.

Сыновьям и

двоюродным братьям ничего известно не было. Ты думал об этом?

— Нет.

— Иногда ты меня удручаешь. Попробуй объяснить, почему сыновья ничего не

знали о намерении отца.

— Валентину только исполнилось пятнадцать.

— Допустим. А Юстиниан? Почему мать ему ничего не сказала? Почему не

прервала безобразную сцену за столом?

— Вальтер хотел все объяснить наследнику лично.

— Несомненно, но почему?

— Из-за Габриэлы, наверное...

— Герман, я понимаю, ты сейчас не склонен к размышлениям, но неужели братья, узнай они правду, стали бы растравлять душевную болезнь сестры?

Напротив, поняв, как обстоят дела на самом деле, Юстиниан воздержался бы от

споров за столом в присутствии графини Борн.

— Хорошо, — сдался Ариго, — из меня и в обычное-то время отгадчик никакой, а сейчас и вовсе. По твоей милости, кстати говоря... Ну зачем было говорить

Валентину...

— Я тебе уже объяснил, — бергер чуть повысил голос, — твою любовь нельзя

предоставлять лишь тебе. Что до загадки, над которой ты не желаешь думать, то

Вальтер Придд не мог не понимать, что уклонение от участия в мятежах вызовет

у сообщников подозрение. С другой стороны, он, будучи супремом, знал, что

Манрик и Колиньяр ищут доказательства причастности Приддов к заговору. Что

это означает?

— Ойген!!!

— Это означает, что в Васспарде был или мог быть шпион. Ссора Юстиниана с

Габриэлой при полном невмешательстве дяди и матери свидетельствовала, что

глава семьи решения еще не принял, наследник же лоялен власти. Юстиниана

убили. Почему?

— Закатные твари, спроси Савиньяка!

— Прозэмперадор полагает, что это не является первоочередным, но до конца

следует доводить любое дело. Хотя бы потому, что шпион мог уцелеть и теперь

пойдет на все, чтобы его не разоблачили.

— А почему именно «теперь»? — не понял Жермон. — Что случилось-то?

— Кто бы ни был покровителем шпиона — Колиньяр, Манрик, кто-то из иноземных послов, он сейчас ему ничем не поможет. Изменилось, как ты понимаешь, и положение Приддов.

— Допустим, — пробормотал Жермон. — Значит, ты думаешь, что шпион все

еще здесь и он опасен?

— Я отнюдь не уверен, что Гирке утонул по собственной неосторожности.
В

случайности смерти Габриэлы сомневаться не приходится — я выяснил,
кто и

где находился. Единственным возможным убийцей могла быть вдова
Вейзель, что, согласись, абсурдно. С Гирке все не так просто, от
подозрений свободна

лишь жена. Она спустилась в цветник, когда граф еще был в своих
комнатах, и

оставалась там, пока ее не позвали к телу мужа.

З

То, что обещания надо выполнять, Юхану объяснил дед-боцман, от души
выдравший будущего шкипера за почти уморенную соседкину герань,
которую

боцманский внук взялся поливать в отсутствие хозяйки. Герань оклемалась,
а

выдранный навеки усвоил нехитрое правило: не можешь, не хочешь — не
берись, а взялся — делай. Через двадцать лет дедова наука обернулась
таким

прибытком, что Добряк окончательно уверовал в то, что держать слово
нужно, сейчас же речь шла, ни много ни мало, о просьбе Фельсенбурга.

Правду сказать, шкипер с удовольствием променял бы визиты к Ледяному
на

собственноручную разгрузку бочек с ворванью, но деваться было некуда.
Раз в

четыре дня Добряк надевал выходную куртку и топал в дом Бешеного, где развлекал шкафы и стулья портовыми сплетнями. Шкафы и стулья молчали, Кальдмеер внимательно слушал, дергал щекой, задавал ровно два вопроса и

угощал гостя можжевеловой. Выпивка знаменовала конец аудиенции, которую

приходилось запивать отдельно, что Клюгкатер и проделывал в обществе окончательно выздоровевшего Лёффера, однако сегодня до компаньона не дошло. Пожелав подопечному доброго здоровья, Юхан привычно ринулся прочь, но на лестнице его перехватил хозяйский адъютант. Бешеный желал видеть шкипера, а от таких приглашений, господа селедки, лучше не увиливать.

Если ты, само собой, не Бермессер.

Адмирал сидел на подоконнике распахнутого окна и дразнил Фельсенбургову

трехцветку, норовящую цапнуть нахала за руку. Безуспешно.

— Прощу. — Фрошер кивком указал на кресло у стены. — Так и ходите?

Добряк пожал плечами.

— Хожу. Вроде как никто не против.

— Вам воздастся. Кэналлийским. Разрешение о закупке подписал глава дома

Салина, отменить его может только собрано, но такое он не отменяет. Вы любите гордиться?

— Смотря чем...

— Вы единственный дрикс, получивший такое право. Джильди собрался домой, вы успеете проскочить до штормов.

— Вот спасибо, господин адмирал! — Бешеный тоже слово держит, даже самое

ерундовое, потому-то ему и везет! — Точно впору нос до небес задрать. Когда

его высочество уходит, не скажете?

— Послезавтра. — Вальдес изловчился и опрокинул кошку на спину. — Ветер

будет попутным.

Тут-то Юхана и накрыло. Все складывалось одно к одному — и решение фельпца, и бумага от Салины, и погода. В том, что на юге ждет немалая прибыль, Добряк тоже не сомневался, но идти в Померанцевое море было невозможно, и отнюдь не из-за карауливших «Утенка» гадостей. Добряка схватила не осторожность, а нечто, не понятное ему самому и сильное, как дюжина китов.

— Не пойду я в Фельп, — отрезал Юхан. — Сейчас не пойду.

— Любопытно. — Вальдес присвистнул и спрыгнул с подоконника. — Вы же

так стремились торговать кэналлийским! Подумайте, вдруг вы найдете новое

вино и назовете его «Слезы Бе-Ме»?

— Да хочу я! — взвыл шкипер. — Как вы про бумагу сказали, чуть в пляс не

пустился, и вдруг — бац, понял, что нельзя.

— Бойтесь?

— Это я весной боялся. И прошлой осенью, когда в штормягу со всеми не полез... Торстен его разберет, что оно такое, но пусть уж его высочество другую

лоханку прихватит, вон их сколько в порту киснет. Что братъ, я прикинул, а дальше его дело.

Бешеный снял кольцо, подкинул, поймал, снова подкинул. Ну, тут хоть не пропадет, а вот в море такими изумрудами играть — дурь несусветная. Ага!
А

фельпский фрахт вместе с принцем коту под хвост посылать — не дурь?!
Если

то, что Джилди заплатит, сложить с тем, что на «Верной звезде» нашлось,
и

пустить на кэналлийское, можно не один кораблик прикупить, а пару.
Старый

Канмахер — готовый шкипер, а что ему теперь на берегу делать? Без внука-то...

Лёффер — не моряк, конечно, зато грамотный и надежный, его в порту посадить

самое то. Три лоханки уже склада требуют, и для кэналлийского, и для седоземельских мехов — не бросать же задумку, уж больно хороша!

— Ну что, шкипер, не передумали?

«Трехцветная кошка» и еще один, пока безымянный, кораблик, качнув парусами, отправились в Закат. Клюгкатер громко вздохнул и безнадежно

махнул ручищей.

— А кошку Фельсенбургу отвезете? — внезапно предложил Вальдес. — Правда, придется посуху.

Такого фортеля Юхан не ожидал, только Бешеный, похоже, не шутил. Смотрел в

упор, будто в тот вечерочек на палубе своей «Твари», и играл кольцом; вроде и

не глядя играл, а оно, как и тогда, никак не падало. Рука Ключкатера сама

полезла за пазуху, где скрывались «цыпочки», и вытащила флягу.

Спрашивать

совета змеехвосток вслух при фрошерском адмирале Добряк все же не стал.

Просто щелкнул лыбящуюся красотку по отполированному до блеска пузу и

твердо сказал:

— Отвезу.

4

Отказать сразу и Ойгену, и Валентину Ариго не мог, хотя не представлял, какой

от него прок. В Борне он в последний раз был лет тридцать назад, в Васспарде

не бывал вовсе, а допрашивать умел разве что пленных. Генерал обреченно

подкрутил усы и отправился в бывший кабинет Гирке, которого Райнштайнер во

избежание путаницы предложил называть Альт-Вельдером. Комната Жермону

внезапно не понравилась, оказалось, что он не переносит дубовых панелей и

тяжелых бронзовых штуковин, годящихся для швыряния в опротивевших гостей, но не для украшения жизни. Вот вид из окна открывался чудесный; спускающийся к озеру парк немного портила лишь дальняя стена замка.

Уходящие в воду скалы были бы куда красивее, но замок без внешних укреплений — просто усадьба. Такая, как Гайярэ, в которую рано или поздно

придется ехать, чтобы вступить во владение всем, включая фамильный склеп.

— Ты чем-то недоволен? — как мог участливо спросил Ойген. — Если тебе

настолько неприятно...

— Не «настолько»... — Верхний парк был пуст, то есть какие-то люди там возились, но лиловой женской фигуры среди них не наблюдалось. — Просто я

из-за здешних убийств и выходцев подумал про своих... родителей. Тревожить

мертвых скверно, но от того, что мать и отец рядом, мне не по себе. Почему он

за ней не пришел? После всего...

— Возможно, она приняла какие-то меры, а возможно, он не захотел возвращаться или не понял, что убит. Или обознался, как Удо Борн.

Стук в дверь отправил родительские тени назад, в Гайярэ. Ойген молчал, пришлось крикнуть «Войдите!». Женщина средних лет, с обернутыми вокруг

головы косами, сделала положенный в хорошем доме книксен и вопросительно

установилась на Жермона. Расположившегося в кресле у печи Ойгена она пока не

заметила.

— Господин генерал, — обеспокоенной служанка не казалась, — меня к вам

послали.

— Как тебя зовут? — спросил Ариго, испытывая сильнейшее желание дружески

огреть затаившегося Райнштайнера кочергой.

— Эмилия, господин генерал.

— Ты ведь из Борна? — Проклятье, о чем с ней говорить?! — Давно оттуда?

— Двенадцатый год, господин.

— А твой муж родом из Васспарда?

— Из Васспарда.

Вдаваться в подробности Эмилия не собиралась, так и стояла, глядя на хозяйского гостя неглупыми голубыми глазами. От этого взгляда и молчания

Райнштайнера становилось все неудобнее. Хоть бы научили, о чем спрашивать!

— И что? — наугад выстрелил Ариго. — В Борне колдовали?

— Нет! — Женщина решительно махнула головой. — Разве нам можно?

— А кому можно? — подал голос со своего кресла теребящий какой-то шнур

Райнштайнер. — Единокровной сестре хозяина? Это она учила графиню Борн?

— Ну... — служанка замялась, — откуда ж нам знать такое?

— Ты принесла собачку герцогини Придд своей хозяйке. Ты знала, для чего?

-Нет!

— Не знала?

— Я левретку эту восьмой дорогой обходила... Уж больно злая была.

— Но госпожа велела ее поймать?

— Господин барон, ничего такого она мне не велела.

— Тебя видели.

— Неправда ваша, Создателем клянусь!

— Им часто клянутся.

— Господин генерал! — Зайцы порой шарахаются от собак к охотнику, Эмилия

шарахнулась к Ариго. — Господин генерал! Не колдовала я и собачку не трогала, ошибка это! Я — честная эсператистка...

— То есть уже преступница, — продолжал загонять добычу Райнштайнер.

—

Агарисская ересь, даже не усугубленная колдовством и предательством, подлежит наказанию.

— Да что ж это такое! Мы с Эдуардом господам хорошо служили...

Спросите...

Госпожу спросите, как я с сестрицей ее маялась, а уж Эдуард... Он же их всех на

лошадках катал, как маленькие были... Эрза Габриэлу, эрза Ирэну, эра

Юстиниана... Вы эра Валентина спросите! Он нас знает!.. Предательство, скажете тоже...

— Да. — Райнштайнер с несвойственной ему яростью дернул несчастный шнур.

— Предательство, приползшее из Борна. Герцог Валентин слишком молод, чтобы помнить, но улика есть, и мы ее найдем, а заодно и свидетельство колдовства, убившего графа Гирке и графиню Борн. Сейчас мы обобщем...

— Господин барон! — Раскрасневшаяся растрепанная Мелхен вбежала в кабинет, даже не постучав. — Господин генерал! Идемте со мной! Скорее!.. Это

очень важно... Это важно, как дрожжи для хлеба, как масло для...

— Быстрей, Ариго!

Райнштайнер схватил остолбеневшего Жермона под руку и поволок вслед за

метнувшейся прочь гоганни.

5

Что-то случилось со вдовой Вейзеля — умом Жермон это понимал, но ужас, которого генерал еще не испытывал, рычал про Ирэну. Утонувшую, свалившуюся с лестницы, угоревшую, застреленную бродящим по замку злодеем.

Они с Ойгеном молча бежали за Мелхен, которой Райнштайнер не дал и рта

раскрыть; мелькали шпалеры и статуи, то и дело приходилось куда-то

сворачивать. Когда девушка выскочила к знакомой лестнице, Ариго немного

перевел дух — комнаты Ирэны были в другом крыле, значит, все-таки

баронесса, но зачем ей аж два генерала?! А гоганни уже толкала тяжелую

дверь... Гостиная, в которой Юлиана рассказывала гостям о муже, была пуста и

чисто убрана. В вазах топорщились рыжие зимние цветы, от печи тянуло теплом, к ней уютно жались удобные кресла.

— Садись, — распорядился Райнштайнер, — будем ждать.

— Кого?! — Жермон оторопело уставился на бергера и приглаживавшую волосы Мелхен. — Где баронесса?.. Что, Леворукий побери, случилось?!

— Прости, Герман. — Райнштайнер уже уселся, вытянув длинные ноги. — Я

слишком уныл, чтобы изображать тревогу. Ты — другое дело, видел бы ты свое

лицо на Мельниковом лугу! Я не мог этим твоим свойством не воспользоваться.

— Ойген, какого...

— Подожди, я как раз объясняю. Мы загнали Эмилию в угол, пригрозили ей и

ее мужу обыском, и тут нас неожиданно, это самое главное, вызвали к баронессе

Вейзель. Ее, кстати, сейчас нет.

— А где она?

— Госпожа Ирэна по просьбе брата увела ее к себе.

— Так ты и Валентина в это втянул?!

— Если быть откровенным, а с друзьями я предпочитаю откровенность, то план

предложил Придд, я всего лишь не поставил тебя в известность. Твое лицо ввело бы в заблуждение не только Эмилию, но и самого Штанцлера.

— Первородный Валентин просил меня войти по звонку и научил, что говорить,

— объяснила гоганни.

— Вы не вошли... — простонал Ариго. — Вы ворвались! На вас лица не было, я

Леворукий знает что вообразил...

— Я открыла дверцу печи и ждала, пока лицо мое станет горячим и красным. Я

сняла ленту и растрепала волосы.

— Сударыня, все было очень к месту — одобрил барон, и гоганни в ответ опустила глаза и улыбнулась. Злиться на них было невозможно, а то, что он вобьет в голову глупость про Ирэну, никто предвидеть не мог. Глупость на то и

глупость, что умный человек ее не придумает.

-Ну и долго нам здесь сидеть? — фыркнул Ариго, по примеру Мелхен

приглаживая шевелюру.

— Не думаю. Эмилия должна воспользоваться случаем и броситься либо уничтожать улики, либо к мужу, если он ее сообщник. Разумеется, за ней проследят.

— А с чего ты решил, что она виновна?

— Мы исключили Приддов из числа возможных убийц, — напомнил барон, —

но убийство графа Васспарда посторонним без помощи внутри замка невозможно. Кто-то должен был выманить жертву в сад, просто прогулка в такую погоду исключалась. Я вижу две возможности: либо Юстиниана просили

помочь в поисках сестры, либо он шел на свидание. Предположение, что о встрече в этот день и в этот час он условился еще в Торке, я отверг как маловероятное. В дороге с молодым человеком находился граф Гирке, который

после гибели племянника должен был вспомнить малейшие подробности.

Конечно, самого графа мы не можем расспросить, но то, что было объявлено о

смерти на охоте, говорит само за себя. Имей Вальтер Придд хоть какой-нибудь

след, он бы так быстро не сдался.

— У Спрута могли быть улики, которые вредили бы ему самому или семье.

— В первую очередь ему вредило исчезновение тела. Покойного видели не

только члены семьи и слуги, но и навязавшийся Приддам гость. О том, что Юстиниан стал выходцем, знал Валентин и могла знать Габриэла. Я говорю

«могла», потому что неизвестно, как происходит обряд и видела ли колдующая

дама его последствия. Возможно, ее окончательное сумасшествие — следствие

неудачно проведенного ритуала. Как бы то ни было, пропажа трупа лишила

Приддов возможности требовать королевского расследования, а их собственные

поиски зашли в тупик, и теперь мы знаем почему.

— Лично я не знаю! — отрезал ошалевший от старых интриг Жермон. —

Савиньяк плюнул на прошлые мерзости, и хорошо. Живые хотят жить, да и войну еще никто не отменял.

— Взаимные подозрения членов семьи не дали герцогу Вальтеру сложить целостную картину. — Сам Ойген означенную картину, похоже, почти сложил, и

это ему ужасно нравилось. — Политические соображения вынудили «спрутов»

скрыть правду, но ты меня отвлек. Тайная встреча в саду не могла бы

состояться, если бы глава дома вернулся тогда, когда намеревался. Мы можем

быть уверены, что вечер и большую часть ночи он провел бы с наследником. Те, кто выманил Юстиниана, должны были знать, что его отец задерживается.

Напрашивается вывод, что у них были свои люди либо в замке, либо в свите Вальтера.

— Наверное...

— Тогда этим людям пришлось бы посылать весть о непредвиденной задержке, а это не так просто и требует времени. Представь, что кто-то ждет удобного

случая убить Юстиниана.

Бергер принялся загибать пальцы.

— Он должен где-то скрываться, не привлекая к себе внимания. Он должен незаметно добраться до замка и незаметно же вернуться в убежище. При этом

он знает, что жертва прибыла в замок и ожидает отца и других членов семьи.

Придды — семейство многочисленное, к тому же при каждом из гостей будет

свита. Разумнее всего покончить с делом, пока Васспард не переполнен, однако

наш убийца дотягивает до последней ночи, которой, не случись у герцога

Вальтера расстройства желудка, вообще не было бы.

— Когда ты так все расписал, выходит какой-то бред!

— Это потому, что ты не желаешь думать. — В голосе Ойгена слышалась

укоризна. — Убийца ждал, потому что знал: Юстиниан в определенное время

окажется в нужном месте. А откуда он мог это узнать, Герман?

— Ты же сам говорил! Шпион в доме...

— Скажи мне, как шпион заставит жертву сделать то, что ему нужно? И как

поставит в известность сообщника?

— Генерал Ариго не помнит, что привезший письмо от нареченного Вальтером

взял в жены Эмилию, — пролепетала Мел-хен. Жермон совсем о ней позабыл, а

девушка сидела на скамеечке у печи и слушала. И, царап ее котенок, понимала!

— То есть он привез не только письмо от герцога, — подхватил чужую догадку

Ариго, — но и письмо Юстиниану, которое и выманило беднягу из дома? Но от

кого?

— Утром на месте убийства нашли футляр с письмом. Якобы от королевы, но на

самом деле оно было поддельным. Герцогиня Придд рассказала дочери, что ее

величество не могла в указанный в письме день ничего написать, потому что

накануне сильно обожгла руку. Маршал Савиньяк помнит этот случай, он сам с

помощью ныне покойного государя обрабатывал ожог.

— Письмо про меня подделал Штанцлер! — Вот ведь гадина! — Он мог и второе написать.

— Я помню про дриксенского гуся, однако тессорий не менее опытен в работе с

бумагами, чем кансилльер. Как ты понимаешь, письмо не объяснит, ни кем оно

написано, ни как получено. Его мог передать как убийца, так и курьер убийцы.

Менее вероятно, что курьеров было двое, но со счетов нельзя сбрасывать и этого.

— Барон Райнштайнер и полковник Придд сказали, что женатый на Эмилии

Эдуард может скрывать многое, — вновь подала голос Мелхен. — Я могу принести закуски и напитки, это скрасит ожидание и сделает беседу приятной.

— Мелхен, вы — редкая умница. — Ойген неторопливо выбрался из кресла. —

Но мы пробыли в комнатах баронессы Вейзель достаточно, чтобы усыпить подозрения. Пойдем, Герман, посмотрим, дал ли замысел Валентина плоды.

— Идем. — Жермон, которого все больше затягивала охота, с готовностью вскочил. — Мелхен, спасибо за гостеприимство, мы вам очень обязаны.

— Я счастлива быть нужной, — живо откликнулась девушка, и вдруг личико ее

стало грустным. — Только... господин Райнштайнер, не называйте меня умницей. Никогда.

Глава 9

ТАЛИГ. АЛЫТ-ВЕЛЬДЕР

ГЕЛЬБЕ.

ГРОНИГЕНСКИЙ ТРАКТ

400 год К. С. 7-й день Осенних Ветров

1

Мэллит вошла к хозяйке замка, радуясь — похожий на первородного Робера

генерал не разгадал ее хитрости, значит, поверит и служившая безумной.

Любопытство, некогда гнавшее дочь Жаймиоля то в ночной город, то в чертог

ары, вновь подняло

голову, и девушка желала знать, кто попал в ловушку — глупая курица или

ядовитая крыса? В то, что охотники, получив свою добычу, вернутся и все

расскажут, гоганни не верила, но повелевающий Волнами не оставит сестру в

неведении, так почему бы не отнести роскошной шаль?

— Мелхен, — первородная Ирэна поправила волосы, — как мило...

— Я принесла шаль, — объяснила гоганни, и нареченная Юлианой покачала

головой.

— Мне не холодно, — сказала она, — но ты кстати. Мы говорим о твоих утках.

Мэллит улыбнулась, ей нравилось отдавать то, что она взяла в доме своем. Они

говорили об утиных грудках и могучих бедрах нухутских петухов, пока служанка не объявила, что пришел граф Савиньяк. Гоганни, не желая мешать

тому, кто был маршалом и Проэмперадором, поднялась, но ее удержали.

— Сударыня, — попросил отмеченный пламенем Флоха, — прошу вас остаться.

Я собирался склонить хозяйку Альт-Вельдера к посредничеству, но ваше и баронессы Вейзель присутствие здесь вряд ли случайно. Кто-то упорно хочет от

всех нас откровенности, и я не намерен с ним спорить.

— В последние дни мне досталось слишком много правды. — Нареченная Ирэнрой расправила поясную ленту. — Я не уверена, что смогу вынести еще больше.

— Моя просьба, сударыня, будет неприятна не вам, а баронессе. —

Проэмперадор наклонил и поднял голову. Мэллит нравился этот способ просить

прощения, но он годился лишь для мужчин.

— Что вам нужно, командор?

Нареченная Юлианой повернулась в кресле и теперь смотрела на человека, у

которого было так много званий и дел.

— Я понимаю, как вам сейчас нужна поддержка дочери, и все же прошу отпустить Мелхен со мной и бароном Райнштайнером. Надеюсь, вы нас

поймете.

— Хорошо, — твердо сказала осиротевшая. — И не надо мне ничего объяснять.

Мы с Мелхен приехали, потому что у нее было важное дело, и оно не завершено. Всю жизнь я провожала мужа, теперь я буду провожать детей, но вы

поклонитесь защищать Мелхен так, как это делал бы Курт.

— Госпожа Юлиана, — Проземператор коснулся своей шпаги; первородные, когда обещают, любят ощущать рукой оружие, — я не могу заботиться о Мелхен

так, как генерал Вейзель, я буду защищать ее, как граф Савиньяк. Вы вправе требовать клятвы — что ж, я клянусь своей кровью.

— Мелхен, — роскошная положила руку на чрево, губы ее дрожали, — решать

тебе, но Курт хотел бы, чтобы ты исполнила свой долг... Ты нужна командору

Горной марки, а обо мне здесь позаботятся.

— Конечно. — Первородная Ирэна тоже поднялась. — Я давала клятву перед

алтарем, я ее как могла исполнила, но в этом году кровь стала значить больше

слов. Я тоже клянусь кровью... Мелхен, я сделаю для госпожи Юлианы все, что

в моих силах.

— Спасибо, девочка, — поблагодарила потерявшая Курта. — Мелхен, надеюсь, ты едешь?

— Да, — ответила гоганни и поняла, что плачет, но не знает отчего. — Я еду с

подобным... Проэмперадором, и да будет Луна добра к Озерному замку... Я буду

вспоминать старое и искать следы тени...

— Весной в следах тени вырастет девять и один цветок света, — пообещал удивительный. — Госпожа Юлиана, возможно, ваш супруг упоминал о порученце герцога Алва, сейчас он адъютант моего брата. Я надеюсь, что сестра

Герарда и Мелхен станут добрыми подругами.

— Курт говорил... Да... Молодой человек подавал... подает блестящие надежды.

Девочка моя, обязательно скажи ему... скажи...

— Мы будем ждать вас, Мелхен. — Голос первородной Ирэны вновь стал ровен

и светел, как дорогой жемчуг. — Эр Лионель, садитесь. Если не секрет, что вам

дают рассказы о гоганских обычаях? Это наверняка любопытно, к тому же нам

нужно успокоиться.

— Мелхен, — роскошная вытерла глаза, — дай мне шаль. И пару слив...

Мэллит принесла и то, и другое. Больше всего девушке хотелось устроиться возле ног той, что даже в своем несчастье согревала других, но в присутствии

хозяйки замка подобное было неуместно. Мэллит вернулась в свое кресло,

слишком большое и высокое, чтобы в нем было приятно сидеть.

— Я рада, — старательно произнесла гоганни, — что мои слова принесли пользу.

— И очень большую, — заверил Проэмперадор. — Даже не будь встречи под

яблоней, я остался бы вашим должником, ведь теперь я знаю о Кубьерте из первых рук. Однако начать мне придется издалека. Милые дамы, полагаю, вам

не доводилось встречать настоящих морисков? Не лошадей.

— Этого еще не хватало! — Роскошная положила косточку на блюдо. —

Впрочем, от морисков хотя бы нет вреда. Лучше бы мараги имели соседями их, а не дриксов.

— Фелипе Рафиано пишет, — мягко вмешалась нареченная Ирэной, — что багряноземельцы просты, как меч, и не терпят золота. Это в самом деле так? Вы, граф, их видели?

— Видел. В Алвасете и в зеркале... Внешне я истинный агирниец, сударыня.

Жители Дигады и Межевых островов черноволосы, как марикьяре, но им дано

право называть себя морисками. Зегинцев и садрийцев я не встречал, но, по

словам Алвы, внешне они мало отличаются от его родичей. В Багряных землях

нет рыжих и желтоглазых. Кроме гоганов.

Что до обычаев и веры, то и здесь правнуки Кабиоховы не имеют с

соседями

ничего общего. Гоганы не воюют в привычном для нас понимании, прячут и

откармливают своих женщин, не обращаются друг к другу напрямую, избегают

называть имена, не подшивают одежду, носят желтое и черное...
Перечислять

можно долго. Нам эти обычаи могут казаться верхом нелепости, но точно так же

нас смешит и холтийская манера каждое царствование менять столицу и
шарахаться от моря. Но продолжим ли мы смеяться, узнав, что запрет
родился

из пережитого уцелевшими ужаса? Холтийцы бегут от воды потому, что в
свое

время чудом не утонули. Мы в Золотых землях подобного пока еще не
испытали.

— «Пока»? Это не слишком обнадеживает.

— Неужели вы хотите, чтобы вас обнадежили?

— Мы хотим, чтобы выросли наши дети. — Роскошная так и не сняла
ладонь с

живота. — И поэтому мы хотим знать все, как есть.

— Но не сейчас, — отказалась от разговора про страшное первородная
Ирэна.

— Я готова слушать, что мы все утонем, лишь после ужина и в присутствии
брата. Сейчас будет лучше, если Проземперадор откроет нам тайну

неподшитых

платьев.

— Она проста, сударыня. Проста и трагична. Вспомните, как победители-бириссцы поступили с побежденными бакранами, а потом представьте другую

войну и другое поражение, вынудившее некогда благополучный народ под угрозой гибели покинуть насиженные места. Это было давно, очень давно, только обычаи хранят старые беды, как янтарь — мух.

Толстые женщины — это память о голоде, поварское искусство, кстати говоря, тоже. «Жизненные соки» невесты, когда она становится матерью, позволяют

выносить и выкормить ребенка. Неподрубленная ткань? Ниток хватало лишь на

то, чтобы не разваливались платья, а желтое и черное носили, скрываясь среди

песков и камней. Странное для нас выражение «встать к жаровне» — отголосок

скитаний, когда изгнанники вместо постоянных печей имели разве что

набиваемый угольями переносной железный короб. Отсутствие воинов — воля

победителей, цена за хоть какую-то жизнь. Запрет на оружие вынуждает искать

спасения в магии, страх накликасть беду — подменять имена и говорить о себе в

третьем лице. «Блистательные» и «недостойные» — тени былых унижений во

имя выживания, но победители вымерли, а проигравшим удалось спастись.
Я

почти уверен, что гоганы в Багряные земли явились из Бирюзовых, и мориски

чужаков приняли, хоть и без особого восторга...

Проэмперадор с лицом огнеглазого Флоха сказал, и Мэллит поняла — так и

было! Непокорная Сунилли любила царя сердца своего в иных землях, и был он

врагом племени Сунилли по слову, а не по крови. Мэллит никогда не хотела, чтобы медноволосая красавица отдала свое сердце хмурому шаду, и так и стало.

— Мелхен, — окликнул Проэмперадор, — надеюсь, вы на меня не обижены?

— Я рада, — призналась девушка. — Теперь я вижу смысл смыслов и тень великого в малом и привычном.

Победитель многих врагов встал и слегка поклонился — эта талигойская привычка Мэллит тоже нравилась, но сейчас гоганни думала о былом. О великой беде, от которой ушел ее народ, пережив беду меньшую. Там были желтые пески и черные скалы, теперь они стали сукном и шелком, смутным

запретом, в котором больше нет смысла.

— Все-таки, эр Лионель, вы нас напугали. — Нареченная Ирэной улыбнулась и

принялась зажигать свечи. — Чужое прошлое слишком печально, чтобы стать

нашим будущим, а к этому, если я правильно понимаю опасения барона Райнштайнера, все и склоняется.

— Несомненно, графиня, но барон не учел одну вещь. Шар судеб останавливают первородные. То есть мы.

2

Можно было выехать и завтра утром, но Бруно велел отправляться немедленно, и Руппи отправился. Поручение было не лучше и не хуже предыдущих —

доставить генерал-интенданту Неффе-цур-Фрохе, готовящему армейские тылы к

маршу, рескрипт фельдмаршала и лично убедиться, что приказ выполняется.

Личное убеждение подразумевало объезд не то семи, не то восьми обозов и разговоры с самыми жирными из тыловых крыс.

Руперт мог бы поклясться, что Бруно предъявляет его армии, как наутро после

свадьбы предъявляют гостям рубашку добродетельной невесты. Дескать, вот он, наследник Фельсенбургов и внук Элизы фок Штарквинд, прибыл к армии и

состоит при главе рода Зильбершванфлоссе. Все братья кесаря заодно, так что

извольте-ка, господа хорошие, отринуть эйнрехтскую дурь и вести себя как положено. То, что Фельсенбург для особых поручений пристрелил вышедшего

из подчинения генерала и перебил с дюжину его сторонников, придавало

демонстрации дополнительный вес. Еще бы! При фельдмаршале болтается отнюдь не папенькин сын и бабушкин внучек — молодчик и с клинком в дружбе, и с пистолетами, а идет за старым Бруно и не брыкается. Ну и вы идите.

Изображать из себя плюмаж на фельдмаршальской шляпе было не слишком приятно, но Руппи старика понимал. Бруно старался пускать в дело все резервы, а резервов было не густо: что имеешь, с того и ходи. Подвернулся родич —

зашли с родича... Имелись в этом и хорошие стороны — во-первых, обедать с

адъютантами и крахмальными салфетками пребывающему в постоянных разъездах лейтенанту приходилось через раз, во-вторых, брат Орест принялся

окормлять свою вооруженную паству, а с адрианианцем можно было говорить

если не обо всем, то о многом. Ну и наконец, подворачивалась оказия под благовидным предлогом повидать ребят Роткопфа, объясниться и еще раз подтвердить дарение Краба, благо Коро, которого Руппи переименовал в Морока, нравился лейтенанту все больше. Может, жеребцы Савиньяков и были

лучше, Руппи это ничуть не задевало. Сегодня же проведенный три дня над кормушкой с овсом мориск явил себя по всей обещанной фрошерами красе.

Сытая застоявшаяся лошадь — отменное средство от дурного настроения и верчения в мозгах. Конечно, если вы умеете ездить и любите летать. Почуяв на

спине уже привычного всадника, а под копытами — звонкую подмерзшую землю, Морок бочил, разносил из кентера в карьер и самозабвенно изображал

испуг, под предлогом коего то осаживал, то шарахался. Когда через час подобных развлечений безобразник малость выдохся, в голове Руппи не осталось ни единой посторонней мысли. Потрудившиеся на совесть мышцы

мелко подрагивали, зато на душе стало на удивление легко. Потрепав мориска

по лоснящейся шее, Фельсенбург вернулся на дорогу, где смиренно рысил положенный доверенному лицу фельдмаршала эскорт.

— Зависть — грех, — признался брат Орест, — но я сейчас вам завидовал.

— Я сам себе завидую, — усмехнулся Руперт. — Странное дело... Когда я в море, мне не надо ничего, кроме моря, а сел на лошадь — скакал бы и скакал!

Все равно куда, лишь бы ветер в лицо.

— А когда вы в бою? В лощине вы казались не менее счастливым, чем сейчас.

— Даже так?

— Именно так.

— Буду знать. А несчастным я вам еще не казался?

— Разве что за столом у господина фельдмаршала, да и то, — монах подмигнул,

— это было очень зубастое несчастье. Вы еще не говорили с командующим

о

талигойском способе борьбы с бесноватыми? Полковник Лауэншельд в этой

части своей миссии не преуспел. Я, впрочем, тоже.

— Вся беда в Плютте, — живо нашел виноватого Руперт. — Взбесись он, Бруно

поверил бы, но мерзавец просто решил переметнуться к Марге.

— Его сторонники не хотели терять победу, — напомнил монах. — Не забывайте, армейцы не видели эйнрехтских расправ, это они отбили Гельбе и

дошли до Южной Марагоны. Кажется, вам зимой предлагали повоевать на суше?

— Да, но кем бы я был, если бы бросил Олафа?!

— Я не об этом. Если б вы прошли маршем по фрошерскому берегу Хербсте, если б ломали и сломали врага у Трех Курганов, вы бы приняли перемирие?

— Вряд ли... Но то, что сделали с Гудрун...

— Я видел, что случилось с принцессой. Не надо мне об этом рассказывать. Вы, брат Ротгер, честный человек. Честный в том достаточно редком смысле, когда

не лгут самому себе и не закрывают глаза на крайне неприятные вещи. Будь

иначе, вы бы весной поручили вашего адмирала бабушке, кесарю и Создателю.

Спросите себя, кого бы вы выбрали, если б стали обычным рейтарским

капитаном. Фельдмаршала, что сговорился с фрошерами, или генерала, сказавшего сговору «нет»?

Брат Орест умел не только орудовать палашом и править каретой, но и спрашивать. Что можно увидеть из наконец-то ставшей победоносной Южной

армии, где враг рядом, а от столицы требуются разве что жалованье и порох?

Фридрих не скупился и не мешал побеждать, ну так и Марге не мешает, наоборот, а вот старый Бруно...

— Брат Орест, боюсь, в таком случае я согласился бы с Плюттом, но я — не капитан рейтар.

— Тогда думайте, что вы сможете сказать такому капитану! Словами, не пистолетом. Смена власти для простого вояки — столичные игрушки, не идущие ни в какое сравнение с правильной войной. Объяснить, чем Марге опасней Савиньяка, непросто. Доказать человеку, что один и один не обязательно будет два, можно; вы попробуйте доказать, что при этом один и один — еще и кит с голубыми крыльями.

— Зачем доказывать? — усмехнулся Руппи, сдерживая вновь задурившего мориска. — Я просто убью кита и покажу нашему капитану тушу. Крылья он увидит сам.

3

Те, кого Мэллит хотела встретить, вернулись со своей охоты поздней, чем

думалось гоганни, и лица двоих были довольны. Лишь повелевающий
Волнами

скрывал свои мысли, как толща воды скрывает лежащие на дне раковины.

— Господин Проэмперадор... — Бергер Райнштайнер любил говорить
первым и

много, но кто осмелится назвать болтливым водопад? — Нам удалось
внести

некоторую ясность в обстоятельства гибели Юстиниана Придда. Мое
предположение подтвердилось полностью.

— Интересно. — Первородный Лионель поставил бокал на стол. —
Госпожа

Ирэна, вы позволите гостям сесть?

— Садитесь, господа. — Рука без единого кольца, призывая слуг, дернула
витой

шнур. — Сейчас вам подадут приборы.

— Взгляните, монсеньор. — Нареченный Валентином протянул
Проэмперадору

бумагу и повернулся к сестре. — Эмилия хранила письмо-пропуск к графу

Манрику, а ее супруг — некое подобие открытого листа. Он успел его
разорвать, но не избавиться от обрывков. Пропуск не пострадал. При
внимательном

рассмотрении обе бумаги вызвали у барона Райнштайнера серьезные
сомнения.

— Но сначала, — голос барона был исполнен торжественности, — я
должен

отметить заслуги полковника Придда. Он не только придумал очень

разумный

план, но и лично проследил за Эмилией, поспешившей предупредить мужа
о

готовящемся обыске. Догадка о тайнике тоже полностью подтвердилась,
хотя

хранившиеся там письма вряд ли являются подлинниками. Во всяком
случае, я

никогда не слышал о подобных обязательствах как со стороны тессория,
так и со

стороны иных высших должностных лиц Талига. Бумаги составлены по
образу

и подобию гайифских открытых листов, выдаваемых шпионам, оказавшим

империи серьезную услугу. Тем не менее подделка выполнена очень
тщательно, Манрику будет непросто опровергнуть ее подлинность, если,
разумеется, он в

самом деле не имеет к ней отношения. Тот, кто задумывает убийство,
должен

озаботиться доказательствами своей непричастности, невиновному
подобное

просто не придет в голову.

— Согласен с вашими выводами. — Подобный Флоху посмотрел бумагу на
свет.

— Господин тессорий всегда пользовался именно этим сортом. Кто же и
при

каких обстоятельствах вручил сие приглашение?

— Некий господин с военной выправкой и ничем не примечательной, но

приятной внешности. Никто из нас узнать его по описанию не смог. Скорее всего, это был чей-то доверенный слуга.

— Поразительное открытие! Что же в таком случае удалось прояснить?

— Обстоятельства убийства, но сперва я должен рассказать о некоторых предшествующих обстоятельствах. Для простоты я хотел бы называть дам Борн

по именам. Герман, это тебя не слишком огорчит?

— Нет. — Похожий на первородного Робера был странно резок, и Мэллит это

удивило. — Пусть будут имена.

— Спасибо, Герман. Эмилия — дочь камеристки матери Карла Борна. Ваша

догадка, господин Проэмперадор, подтвердилась. Дамы Борн пытались заниматься магией, и слуги об этом знали. Прислуживать молодой графине Эмилия стала, когда Габриэла отослала прежнюю камеристку, свою молочную

сестру, в Васспард.

— Она считала, что Беата слишком предана нашему дому.

Нареченная Ирэной смотрела на того, кого называли Германом, — наверное, она

тоже была удивлена.

— Спасибо, сударыня, — поблагодарил Райнштайнер, — это все объясняет.

Эмилия вышла замуж за доверенного слугу Приддов, особо привязанного к

росшей у него на глазах Габриэле. Супруги сопровождали графиню в Васспард

после убийства маршала Савиньяка; упомянутый человек с военной выправкой

перехватил их в дороге. Эмилия и Эдуард, будучи допрошены по отдельности, показали, что им пригрозили Занхой за пособничество мятежникам, после чего

предложили поступить на службу к графу Манрику. В случае согласия им обещали полное прощение и значительную для них сумму денег. Я, однако, склонен думать, что сговор произошел либо раньше, либо позже и что всё определяли деньги.

— Если раньше, то это было в Борне. — Первородная Ирэна поднесла руку ко

лбу. — В окрестностях Васспарда слишком много преданных нам людей.

— Эдуарда могли уговорить в любом месте. — Первородный Валентин был задумчив. — Этот... человек всегда сопровождал отца в его разъездах.

— У них все решает Эмилия, — не согласилась сестра. — Хотя так ли это теперь важно? Что они сделали с Юстинианом?

— Ничего, Ирэна. — Нареченный Валентином поднял голову и теперь смотрел

на Райнштайнера. — Господин генерал, я прошу разрешения досказать.

— Говорите, Валентин, — откликнулся вместо Райнштайнера Савиньяк. —

Теперь мне окончательно ясен смысл пословицы «змея нужно искать в Борне».

А господина с военной выправкой я поискал бы среди подручных

Штанцлера.

— Юстиниан вышел в сад, чтобы отыскать и вернуть Габриэлу. —

Первородного слушали шестеро, но говорил он лишь с сестрой. — Эмилия сказала ему то же, что и вам с дядей, только часом раньше. Больше от нее ничего не требовалось. Эдуард сделал больше. Он задержал отца, ему это было

нетрудно, и привез приказ — выманить Юстиниана в сад ближе к полуночи и

подстроить так, чтобы он пришел к дальней калитке, где к этому времени уже

должен был лежать футляр с письмом. И муж, и жена думали, что граф

Васспард просто найдет письмо, после чего с ним кто-то переговорит. Убийства

они не ждали. Ирэна, я хотел и хочу их уничтожить, но они всего лишь предатели.

Глава 10

ГЕЛЬБЕ. НОЙЕМЮИСТЕР

АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР

ГЕЛЬБЕ. АФФЕНТАЛЬ

400 год К.С. 8-й день Осенних Ветров

1

Руппи проспал. Осознанно — приоткрыл на рассвете один глаз, понял, что пора

вставать, отвернулся к стенке и замотался в одеяло. Двухчасовая задержка ни

отечество, ни армию не губила, зато исключала присутствие на трапезе, каковые

у фельдмаршала начинались строго по часам. Лейтенант же хотел доложить об

исполнении, когда свита расползется, а сам Бруно после опять-таки

традиционного послеобеденного отдыха возьмется за бумаги. На сей раз

разговор, если его не затягивать, вернувшись к «крылатому киту», обещал стать

совсем коротким. Стоит ли снова колотить в замурованную дверь, Фельсенбург

еще не решил. После истории с Рейфером новых поводов для тревоги не

возникало, а демарш Плютта окончательно убедил Бруно, что ему противостоят

обычные интриганы. Даже убийство Фридриха и Гудрун объяснялось трусостью

будущего временщика, не рискнувшего вступить за проигравшего

покровителя. Трусость в самом деле была. Когда-то... К несчастью, Бруно

слишком хорошо знал прежнего Марге, чтобы поверить в нового.

Руппи долго бился, обдумывая разговор, и еще дольше завтракал и проверял

оружие, с которым, беря пример с Олафа, приучился возиться лично. Мающийся

от безделья папаша Симон был отпущен прогуляться, что и определило

ближайшее будущее офицера для особых поручений при особе командующего

Южной армией. Фельсенбург стирал с рук оружейное масло, когда вернувшийся

палач странным голосом попросил разрешения обратиться.

— Ну, что такое? — осведомился лейтенант, в голове которого начинал складываться некий хитрый переход от рутинного доклада к тому, что в самом

деле было важным.

— Господин лейтенант, огородник здешний говорит — в Аффентале, это городок неподалеку, беспорядки. Он с утра капусту туда повез, глянул одним

глазом, и назад. Так и не продал ничего. Испугался.

— Фрошеры?

— Если бы! В полку, что там стоит, беспорядки. Вроде драка большая была, и

чуть ли не кого из господ офицеров положили.

В Аффентале набирался сил и отдыхал Лоуварденский полк, вернее то, что от

него оставили буря и талигойцы. Туда же должны были подойти и резервы, но

их ждали не раньше, чем на третий день, считая с сегодняшнего. Это

Фельсенбург знал точно, так как инспектировать вновь прибывших надлежало

ему.

— Драка, значит? — Руперт быстро вытер руки. — Что ж, поглядим.

В том, что отдохнувшие вояки малость побузотерили, ничего необычного не

было, но рассказ огородника следовало проверить. Хотя бы для того, чтобы понять, насколько правдив будет рапорт о происшествии, если таковой вообще

составят. В армии, в действующей армии, не любят впутывать высокое начальство в мелкие неприятности, и все равно глупость офицеров, влезших в

драку на глазах не только у подчиненных, но и у местных, раздражала. Где-где, а

здесь и сейчас дриксенской армии следует если не быть безупречной, то хотя бы

выглядеть. А эти... При едва вернувшихся в подданство Дриксен огородниках!

ТЬфу!..

Аффенталь приближался, раздражение росло. Сначала несильное, безотчетное и

непонятное — что ж это так гнусно-то стало? — оно крепло едва ли не с

каждым конским шагом. Подобного Руппи не испытывал ни у Старых Боен, ни в

Эйнрехте, ни в обществе свихнувшегося фрошера. Осенний ветер пах прелой

листвой, травной горечью и немного дымком, а хотелось зажать нос и погнать

коня прочь, словно вокруг не поля раскинулись, а столичная свалка.

— Брат Орест, — окликнул лейтенант едущего рядом адрианианца, — вы ничего не чувствуете?

Брат Орест не чувствовал ничего.

2

Жермон Ариго не родился стратегом. Войны начинали, вели, выигрывали и проигрывали другие, а он служил как мог. Говорят, хорошо... Идти впереди армии, отступить, обнажив шпагу, рядом с последним солдатом, стоять до конца

— это было по нему. Да, однажды, спасибо лихорадке с ежом, ему удалось разгадать план Бруно, но это не сделало генерала ни маршалом, ни пророком.

Ариго не представлял, что станет с Золотыми землями, Талигом, им самим, но

в одном генерал не сомневался: его будущее, короткое ли, длинное, зависит от

решения вдовы с серебряными глазами. Жермон не мог уехать, не

объяснившись, именно потому, что не знал будущего. Если его убьют, он ее

больше никогда не увидит. Если останется жив, беда может случиться с ней, с

замком, с миром, в котором что-то проваливалось, что-то тонуло, что-то горело...

До отъезда оставался лишь день, вернее полдня; генерал застегнул все пуговицы, подкрутил усы и отправился на поиски хозяйки.

Солнце продолжало оборонять Альт-Вельдер от подступающей зимы, и

графиня

была в своем парке среди укрытых еловыми ветками клумб и ослепительно-

белых мраморных ваз, в которых догорали рыжие растрепанные цветы. Их названия Жермон не знал, это был отличный повод для начала беседы, но генерал шел за другим.

— Сударыня, — отрапортовал он, — я искал вас.

— Вы меня нашли. — Она почти улыбнулась. — Издали вы так похожи на Эпинэ...

— Мы — родня. По отцу.

— Я знаю. — Женщина медленно пошла вдоль длинного темно-зеленого вала, под которым засыпало что-то южное и нежное. В прошлый раз она представляла

свои растения, но названия в генеральской голове не задержались, только голос.

— Сегодня хорошая погода, граф. Не хотите спуститься к озеру?

— Мне все равно. — К кошкам погоду, цветы и родню! — Сударыня... Я никогда

на такое не отважился бы, но Райнштайнер твердит, что все паршиво, и

Савиньяк с этим согласен. Бруно уходит, но эти бесноватые, говорят, еще хуже

«гусей». Человеку много не надо: одна пуля — и всё... Он уже ничего не скажет, а я должен... Я вас люблю, Ирэна... Ну вот и всё, вот и сказал! Никогда не думал, что так бывает на самом деле, но моя жизнь стала другой! И это — навсегда.

— Спасибо... — Она продолжала идти, и Ариго шел рядом, не отрывая взгляда

от двух скользящих впереди теней. — Я отвечу, только мне нужно понять, когда

и как?

— О чем... вы?

— Когда вы решили, что... я вам нужна?

— Как только увидел... Сперва вас загоразживал Савиньяк, потом он отшагнул к

Мелхен, которую я не узнал, хоть и встречал прежде. Вы предложили мне воды, я увидел ваши глаза... Я пил и не понимал, что пью, я вообще ничего не

понимал!

— Значит, я вам понравилась до того, как вы взяли чашу?

— Да... Это важно?

— Возможно.

Она поигрывала поднятой дубовой веточкой, на которой держалась розетка

желто-коричневых листьев. Дуб — дерево Борнов, но он растет и здесь, здесь

много чего растет. Женщина остановилась и провела пальцами по лицу, будто

снимая паутину.

— Генерал, вы верите в договор с... их в разных местах называют по-разному, но

они все-таки твари.

— Я не знаю, во что я верю! Наверное, что-то такое есть, только я не задумывался. Я воевал всю жизнь, кроме самого начала... Мой единственный

договор — присяга. Странно звучит, я понимаю... Нет, у меня были женщины, если вдруг вы об этом, но я большинство и вспомнить-то не могу.

— Разумеется, были. — Ирэна шире распахнула свои поразительные глаза.
—

Мне не важно, что было у вас, я боюсь того, что было у меня. Я, как дурочка из

сказки, сама не знаю, что сказала...

— Что-то случилось? — Создатель, какой глупый вопрос, под стать задавшему

его глупцу! — Я могу помочь?

— Я не знаю, в том-то и беда. — Она поднесла ветку к лицу, будто желая защититься. — Если бы вы увидели меня раньше, если бы хотя бы привезли Гирке... Впрочем, нет, тогда было бы еще хуже!

— Ирэна, ради Создателя!.. Объясните понятно, иначе я свихнусь. Я ничего не

могу просить, просто помните, что есть такой... генерал, для которого вы — всё.

— А как же присяга?

— Тогда — всё, кроме присяги.

— Вы честны, я тоже попробую. Я в юности имела глупость влюбиться в одного

из ваших кузенов. Мало того, я сделала нечто для нашей семьи чудовищное: призналась в своем чувстве. Герой моих снов удивился, что-то забормотал... Ему

было неприятно и странно, я попыталась сохранить лицо — можно подумать, это было возможно — и ушла. Мне было больно, но любовь из души вытекла, как из треснувшей чашки. Нет, зла я Роберу не желала, зачем?

Потом был весь этот ужас с мятежом, отцу чудом удалось остаться в стороне.

Если бы Окделл дожил до суда, нам пришел бы конец. Эгмонт, доказывая, что

всегда вел себя как рыцарь, выдал бы всех, кто когда бы то ни было участвовал в

алисианских заговорах. Не из страха, а чтобы о нем не подумали дурно... Нас, и

не только нас, сам того не ведая, спас Алва, хотя, возможно, Ворон как раз знал, что делает. Валентин считает именно так, а брат ошибается редко, реже нас

всех. Но я хотела сказать о другом. Сперва объявили, что все ушедшие к Ренкваху Эпинэ погибли, потом оказалось, что Робер выжил.

Значит, Робер Эпинэ. Кузен, на которого ты, по всеобщему мнению, похож.

Единственный уцелевший, и, судя по всему, хороший человек.

— Что ж, сударыня, я вас понял...

— Поняли? Как можно понять человека, который не понимает сам себя?

Который еще ничего не сказал? Я приняла предложение Альт-Вельдера, потому

что любовь от меня отвернулась, но жизнь на этом не кончилась. Семья нуждалась в нашем браке, а семья, граф, это так много... Я знаю о вашем несчастье, вам было очень плохо, неудивительно, что вы не заметили свободы, которую получили, но я продолжаю увливать. Мы, спруты, очень скользкие, этого у нас не отнять. Вы готовы слушать дальше?

-Да.

— Осталось совсем мало. Альт-Вельдер был со мной безупречен, а я... боюсь, это я убила его. Невольно, но убила.

— Ирэна, не шутите так! Ойген... Райнштайнер вынюхал здесь все. Когда он

говорил про вас, я чуть с кулаками на него не бросался, зато теперь известно

точно, кто и где был... Вы не могли никого убить!

— Все не так просто. — Она вновь говорила тихо и отрешенно, будто называя

цветы. — Пожалуйста, дослушайте... Баронесса Вейзель обожала своего Курта, но своих детей она любила бы, кто бы ни был их отцом, я же... Я знала, что

детей Альт-Вельдера любить не смогу. Я боялась и не хотела рожать, пила траву, лгала... Так и жила, пока мужа не привезли с Мельникова луга. Разумеется, я

ухаживала за ним, ведь это было моим долгом. Однажды ночью я поняла, что, лишая человека наследников, поступаю подло и нарушаю данную у алтаря

клятву. В Альт-Вельдере есть поверье про источник в лабиринте — туда несут

подарки и просят помощи. У меня было ожерелье, которое я очень любила,

хотя

вообще к драгоценностям равнодушна.

Утром я бросила его в воду, оно опустилось на дно... Вы видели этот пруд,
в

солнечный день там разглядишь каждый камешек. Я смотрела на уже не
мои

изумруды и думала, как хорошо любить, просто любить и быть нужной
тому, кто

нужен тебе. Я вспоминала Робера Эпинэ, его лицо, улыбку, манеру
говорить, представляла, каким он стал сейчас... Кажется, у меня мелькнули
мысли о

вдовстве, о том, что Валентин свободен от прошлого, а я привязана к мужу
и

безумной сестре.

Меня застигла сбежавшая от слуг Габриэла, она вела себя ужасно... Для нее
я

была тюремщицей, предательницей, самым страшным врагом, но она
оставалась

моей сестрой, родной кровью. Габриэла как-то поняла, чего я искала в

лабиринте. Я бросилась прочь, она осталась на месте и продолжала
кричать мне

в спину. На четвертый день Гирке зачем-то пошел в лабиринт и утонул,
потом

погибла Габриэла и появились вы. Теперь понимаете?

— Нет. — Жермон в самом деле ничего не понимал. — Нет, сударыня.

— Что-то, что здесь живет, разом освободило меня от нелюбви и долга, а

затем

привело сюда вас, такого похожего на мою девичью любовь. И вы меня полюбили. Вы ли, Жермон? А если это игра закатной твари? Она дает мне все, чего я хотела, и тут же отбирает, потому что я становлюсь убийцей, а вы просто

околдованы. Если б не это, вы смотрели бы на меня, как некогда Робер, и не

знали, что говорить забывшей гордость женщине.

— Закатные твари!..

— Они. — Ирэна вновь была спокойна. — И они меня не отпустят. Раньше я

думала, в моей жизни не будет ничего страшней Габриэлы.

— Сударыня, мне плевать, околдован я или нет! Если это устроила тварь, спасибо ей, но... Вы же сами мне говорили, сами!

— Что я говорила, генерал?

Как же она сжимает эту ветку, и этот взгляд... Сразу и озеро, и небо, и зима!

— Этот Лорио или как его?.. Нечисть не полезла в его любовь, значит, ей это не

под силу, и вообще дело не во мне, а в вас. Вы сможете меня полюбить? Или я

слишком похож на кузена?

— Не слишком. Последние годы я видела больше цветов, чем лиц. Можно любить хризантемы и не любить йернские шары, но это не значит, что все хризантемы одинаковы. Так и лица... Мне не нравился Гирке, мне не

нравится

Райнштайнер...

— А Савиньяк? — Вопрос был чудовищен, как и весь разговор.

— Он слишком похож на членов нашей семьи, чтобы с ним рядом спокойно

дышалось. Я попробовала сказать ему то, что считала правдой, и не смогла, а

вам сказала сразу же. Я почти люблю вас, генерал. Почти, потому что не знаю, кем же я здесь стала!

— «Почти» мне хватит... Вы будете моей женой?

— Как же вы быстро...

— Я командую авангардом, сударыня. Медлить мне не положено. Да или нет?

— Вы это уже говорили... Валентину, когда звали его к себе.

— Выходит, я повторяюсь... Так нет или да?

-Да.

— Вы сказали, я слышал — больше я вас не отпущу. Идемте.

— Куда?

— К Проэмператору, и к кошкам приличия! У нас Излом, и я вас наконец нашел.

По дороге сюда я завернул в церковь и спросил... Для свадьбы без помолвки

нужно разрешение короля или кардинала, но если Проэмператор решает

вопросы войны и мира, этот он тоже как-нибудь решит.

— Вы хотите?..

— Я хочу умереть вашим мужем, сударыня. То есть я умирать совсем не хочу, но

браслет мне нужен. И вам тоже. Я должен на вас жениться прежде, чем уеду, иначе мы друг друга потеряем.

— Почему вы так говорите?

— Не знаю. Еще раз, нет или да?

Она не ответила, просто протянула руку — ни кольца, ни браслета, даже вдовьего, на ней не было, только зажатая в холодных мальчиках дубовая веточка.

Жермон ее высвободил и бережно вставил в одну из ваз, к рыжим, не желающим

признавать зиму цветам.

3

Когда показались первые дома, желание сбежать, зажав нос, сменилось куда

более сильным желанием выхватить пистолет и очертя голову броситься вперед.

Руперт так и поступил бы, будь он пресловутым капитаном рейтар. Тронув для

некоторого успокоения ольстру, лейтенант перевел мориска с рыси на шаг и

выпалил:

— Брат Орест, как хотите, но что-то не так либо со мной, либо с этим городишкой!

— Я бы не исключал ни одной из названных возможностей, а также их объединения.

Монах рассеянно коснулся груди, и Руппи вспомнил холод эйнрехтской ночи и

обнаружившийся под снятым балахоном арсенал. Оказавшись в армии, адрианианец стал носить палаш открыто, но вряд ли ограничивался лишь им.

— Поводов для тревоги я пока не вижу, но будем бдительны.

Высказавшись, «лев» замолчал, предоставив действовать офицеру.
Злосчастный

городок стоял смирно, дым над ним не клубился, колокол не звонил, воронье

не кружило, да и с чего бы?

Можно было пройтись по домам и расспросить местных: Гельбе было под фрошерами не столь долго, чтобы здесь забыли родной язык, но что-то словно

под локоть толкало.

— Симон, — негромко окликнул Руппи «слугу», — ты говорил, Целлер — человек толковый?

— Точно так, но леноват.

— Остаетесь с эскортом здесь, ты — за старшего. Услышите что-то странное —

один ждет, другой идет и смотрит, только тихо. При необходимости доложите...

тому, кому сочтете нужным. Ясно?

— Сделаем, сударь. Осмелюсь доложить... Негоже вам только со святым отцом.

Не по уставу.

— Шварцготвотрум! — Никуда не денешься: Фельсенбургу при особе Бруно

шляться без свиты негоже. — Вы, двое, со мной.

Тракт вливался в более или менее широкую улицу, и Руперт, кивнув

адрианианцу, просто поехал вперед, надеясь выбраться к рынку. Так и оказалось

— обогнули укrywшийся за крепким забором дом и увидели явно торговую площадь. Вороной раздраженно замотал головой: мориску здесь не нравилось, Руппи — тоже.

Местных видно не было, разве что у бесколёсной телеги лежало, сидело и чесалось с полдюжины ничейных псов. Собаки молчали, зато с дальнего конца

площади, где клубилась не слишком густая толпа, доносились обрывки каких-то

тирад. Голос был один — похоже, кто-то держал речь перед подобием строя.

Вылезших к рынку лоуварденцев было больше батальона, но ощутимо меньше

полка. Там же сгрудились фуражиры, обозники, артиллеристы и даже кучка

рейтар. Охранения бездельники не выставили, но мирной картина не казалась.

— Надо бы послушать. — Брат Орест говорил негромко и быстро. — Для начала.

— Согласен.

Спешиваться Фельсенбург счел излишним. Велев солдатам ждать у собачьей

телеги и освободив на всякий случай правую руку, он тронул Морока коленом, и

жеребец послушно зашагал к не замечающей пополнения толпе.

Голос, все тот же — сильный, хриплый, низкий, продолжал вещать. Стоящие не

так чтобы плотно зеваки перед всадниками расступались, и вскоре Руппи увидел

широкую спину, обтянутую синим мундиром конного мушкетерского полка.

Человек стоял, чуть наклонившись вперед, иногда он потрясал кулаком и топал

ногой. Шляпы оратор не носил, но шитый золотом воротник изобличал офицера.

Речь продолжалась. Первое, что разобрал в словесном потоке Фельсенбург, было

«варитская доблесть», вторым прилетел «завет Торстена».

— Слыхали? — спросил не отстававший адрианианец, и Руппи кивнул: вот она, зараза, добралась. Где святой Торстен, там и кит. Собственно, кит был уже здесь.

На воткнутом в землю флаге, при котором торчали часовые в мундирах опять-

таки конных мушкетеров, тех самых, что, согласно диспозиции, ждали через два

дня. А они поторопились — правда, вряд ли всем полком.

— Слева, — шепнул брат Орест, — у домов, с полдесятка верхом. Похоже, пока

все.

— Значит, рванули вперед основных сил.

Офицер, знаменщик и конвой — не так уж и много... Но была драка, каких-то

офицеров побили. Каких-то или... всех?

Солдаты в строю, если это убожество можно назвать «прекрасным дриксенским

строем»; празднующиеся и вовсе что хотят, то и делают, зато никого из

начальства! Удрали? Попрятались? Под арестом? Мертвы? Как бы то ни было, китовник распинается, и никто его не обрывает.

— У стены, — снова доложил монах, — трупы. Чьи, не разобрать.

Очень может быть — тех, кто не желал слушать о варитском величии, но тебе-то

что делать? Удрать можно, никто и не чихнет, а дальше? Курьера — к Бруно, самому — к Рейферу? Наоборот? Привести рейтар — полсуток, не меньше, за

это время, если фрошеры с Рауфом не путают, десяток китовников обернется

нарой батальонов, вот этих самых, внимающих. А если еще и на местных перекинется?

— ...вам не дают пустить кровь извечным врагам! Кто не дает? Враг! Враг худший, чем марагские свиньи, и потому сперва мы покончим с ним. Хватит с

нас забывших законы неженков и врунов! Только мы! Мы, вариты и потомки варитов...

Отрывистая, с «проглоченными» концами слов речь выдавала уроженца Северной Марагоны — само собой, не марага. Этому перемирие поперек горла

и без Марге, так, может, он никакой и не бесноватый, а вроде Плютта? Рвется

резать кипрейщиков, да гад Бруно не дает? Но унять крикуна все равно нужно.

Унять, а потом образумить солдат.

— Его нужно остановить, — снимает с языка брат Орест. — И желательно немедленно.

— Как? Божьим словом?

— ...беспощадность! Запомните, первый наш враг — изменники-лжевариты!

Они отказались от своих обычаев! Они предали мечи и зажгли вонючие свечи!

Мы очистим Золотые земли от мусора, но сперва очистимся сами. К змею перевязи и бритые морды! К змею — чужие титулы! К змею — кесарскую тухлятину! Кто чист кровью и живет по завету Торстена, тот и прав! Кто прав и

силен, тот и вождь! Я уже показал вам, что значит порядок. Теперь вы увидите, что такое победа! Что такое право варита! Я очистил ваш полк от гнили, теперь

мы вместе очистим другие полки. Вместе нас много! Вместе мы — дружина, как

в прежние золотые времена...

Прежние времена — что от них осталось-то, кроме сказок? Хотя и от сказок

бывает прок...

Темные ели Фельсенбурга, летнее солнце, на маминых коленях книга с массивными застежками — «Песнь о златовласой волшебнице Кунигунде» маме

подарил отец. Для мамы главное — любовь Кунигунды и Зигмунда, для семилетнего Руппи — бой без щитов...

— Пора! — рычит марагонец. — Даю вам на сборы...

Даешь, говоришь? Ну, спасибо, любезный!

Тычок в конский бок вышел сильнее, чем хотелось. Недовольный Морок ржет, делает лансаду и, удержанный всадником, замирает в двух шагах от крикуна.

— А так ли ты доблестен, чтобы звать за собой? — бросает Руппи в лицо обернувшемуся китовнику. — Как наши предки решали такие вопросы, знаешь?

Или сказать?

4

Мушкетер, надо отдать ему должное, не растерялся, а возликовал. Еще бы,

ведь

к нему прямо в руки валилось то, чего так не хватало для полного успеха.

Затрясти на глазах будущих дружин наглого штабного щенка — это не только

доказать свою силу, это окончательно оторвать полк от армии и подчинить себе!

Обведя собравшихся вояк горделивым взглядом, китовник повелительно взмахнул рукой и, расправив плечи, направился к центру площади, всем своим

видом показывая, как ему не терпится прикончить соперника.

Эдакой уверенности обзавидовался бы сам Торстен, про сомнения которого сочинили аж пять песен. Одна другой кровавей, к слову сказать.

Фельсенбург, в отличие от варита, не торопился, зачем? Лейтенант спешился, лишь когда противник, остановившись точно посреди лишенного торговцев и

покупателей рынка, повернулся и сбросил мундир.

— Мой Врагоруб привык к крови погуще, — объявил он, пробуя сапогом землю,

— но и такая выпивка сойдет.

Угрожающе блеснул обнаженный клинок. Руппи взгляделся и присвистнул.

Китовник, несомненно, был мушкетером, но вместо положенной по уставу шпаги таскал здоровенный рейтарский палаш с широким клинком и затейливой

гардой-корзинкой. Если б не она, Врагоруб сошел бы за меч времен

фрошерского Франциска. Шпага Руппи, хоть и боевая, была полегче. И «попроворней». Неплохое преимущество, особенно в сочетании со школой Ринге и уроками Вальдеса, но варитить так варитить, а палаш брата Ореста не

уступал капитанскому, разве что «корзина», защищавшая кисть, была другой

формы, попроще.

— Брат Орест, — громко и весело попросил лейтенант, — ваш клинок сейчас

больше к месту. Не одолжите? Под залог моей красотки.

Адрианианец приподнял брови. Едва заметно, но намек Фельсенбург понял: чужое оружие вместо своего, привычного, может дорого обойтись. Это было

истинной правдой, но Руппи уже понесло. Лейтенант лихо подмигнул монаху, и

тот неторопливо вынул из ножен свой палаш.

— Как пожелаете, брат мой.

Взвесить клинок в руке, на мгновение поймать солнце, проверить баланс... Удар

крест-накрест рассекает воздух. Тот в ответ ободряюще свистит. Отлично!

Руппи шел к предвкушающему триумф сопернику и не мог сдержать улыбки.

Хорошо сработанное оружие удобно лежало в руке, предвещая отличный бой, и

разве что не пело, а перед глазами всплывали бабушкины шпалеры. Древние

неистовые воины, священный круг, смертельный поединок... Ты так хотел носить шлем и махать огромным мечом! В семь лет. Позже появились мечты

посолидней.

— Вы бы, лейтенант, исповедались. — Зубы у противника были крепкими и

белыми. — Я готов подождать. Недолго.

— Для начала запомни, — отрезал Руппи, покачивая в руке оружие, столь похожее на мечи предков, — вежливого «вы» вариты не знали. Это пришло от

фрошеров. Надо думать, они хорошо тебя напугали, иначе с чего бы ты сбежал в

тыл?

Ответный рык превзошел все ожидания, но Руппи не вслушивался, его занимали

лишь глаза. Белые от ярости, закатившиеся, те самые.

Значит — бесноватый, значит — все правильно! Себя лейтенант не видел, только свою тень, сливающуюся с тенью китовника в чудовищные песочные часы.

Площадь слушала замысловатую капитанскую брань и ждала крови, поединок

для нее был не просто зрелищем. Брат Орест со шпагой Руппи спокойно стоял в

первом ряду. Кому он, хотелось бы знать, доверил лошадей? Площадь ждала и

дождалась. Китовник выорал, что хотел, и теперь был готов убивать, но

оставлять за ним последнее слово?

— Я за свою кровь ручаюсь, а вот с кем согрешила твоя бабушка, уж не с марагом ли?

На смуглом лице злоба, ярость, желание не просто прикончить, а раздавить.

Зарычит и бросится? Нет, берет себя в руки. Он — бесноватый, это так, но он не

безумен, как тот фрошерский капитан... Два капитана, и оба взбесились.

Смешно, ну ведь смешно же! Да и покойный Эбби ходил в том же чине... Как

все же опасно быть капитаном, если ты свинья.

Забавная мысль мелькнула и исчезла, растворившись в поднимающейся изнутри

ярости. Холодной, расчетливой и при этом шалой, будто пляшущее по льдам

солнце. Ночь и звезды хороши, но насколько все же правильней убивать днем.

Мгновения неподвижности, стихающий гул... Напряжение, кажется, можно резать ножом, как сыр, но это ненадолго.

— Ты послал кесарию к змею и с ней вместе отправил туда свой чин. Ты не

капитан, не офицер, не воин. Ты — никто.

Теперь они стояли лицом к лицу, упершись друг в друга тяжелыми взглядами, будто готовые к драке коты, что, страдая противника, тоже орут. Но коты иногда

отступают. Тут не отступит никто, а кто выживет, тот выживет — и в себя, и в

победу верят оба.

5

Китовник и Фельсенбург одновременно шагнули вперед с клинками наготове.

Тело подчинилось разуму, сдержав неистовое желание ударить первым.

— Э-эх-х! — Чужая сталь метнулась к голове, грозя снести половину черепа.

— Ха! — Лязг и скрежет металла по металлу. Принятый на защиту удар отдается в руке. Мушкетер силен, но и Руппи не слабее. А теперь — ответ, получай!

Сухопутчик и моряк кружат друг вокруг друга, не разрывая дистанции, удары

сыплются градом в обе стороны. Из-за тяжести оружия схватка не столь виртуозна, как у эйнрехтских мастеров клинка, зато яростна.

Двое рубятся от души, с искрами, звоном и хэканьем, будто время в самом деле

потекло вспять, выплюнув на базарную площадь не доведших свой бой до конца

кровников. Китовник держится, не выказывая ни единого признака слабости, лишь меняется выражение лица. Сквозь злую радость, грибами, что прорывают

палые листья, прорастает упорство. Мрачное, сосредоточенное, тяжелое. До

голубчика доходит: легкой победе не бывать, но мысли о проигрыше он не

допускает. С чего бы? Он умел, он быстр, он — будущий вождь... Как бы не так!

— Ты — падаль!

Короткая, на три-четыре вдоха, пауза. Мушкетер рычит, Фельсенбург просто

усмехается, и снова в круговорот атак и защит, как в омут. Танец длится. Ноги и

клинок не тяжелеют, дыхание не сбивается, пот не заливает глаза, напротив, гривастой волной накатывает дикая, неистовая радость, укрепляя силы, даря

выносливость, убыстряя движения. Вперед, флот, вперед!

«Сквозь шторм и снег!», сквозь пронизанную светом осень...

Стоп. Хватит — сходиться с «бесноватым» вплотную незачем, борьба и тем более драка нужны ему, но не тебе! Дистанцию... Держать дистанцию, а мушкетер чем дальше, тем больше лезет в ближний бой, и это можно использовать!

Шорох подошв по сухой серой земле, как бы мерзавец не угостил ею — правил

поединка это не нарушит...

— Ну-ка, мараг, держись!

Посыпавшиеся на китовника удары не были ни точными, ни особо сильными, да

Руппи к этому и не стремился. Просто танцевал. Дразнил, обманывал, завлекал.

Кошка играла с мышью по имени Смерть. Кошка знала, что делает, смерть

—
нет...

Справа, снизу вверх. Слева, от плеча, опять справа.

Наглый щенок зарвался, вошел в раж и вот-вот подставится. Китовник ждет, изо

всех сил не давая сбить себя с позиции. Конечно, ждет — ведь рубиться в таком

темпе без передыху долго нельзя. Ты об этом забыл, мушкетер помнит. Он умен, он опытен, он будет велик... Сейчас выдохшийся наглец прервет атаку, и тогда...

Ну-ка, еще раз в голову. Отбил, теперь косо вниз, в бедро, и получай свою паузу!

Есть! Китовник рвется вперед, как пришпоренный, чтобы смять, проткнуть

насквозь, уничтожить. Проворот, противник пролетает мимо и уже не успевает

закрыться. То, что зимой не сработало против Арно, теперь вышло почти идеально — пусть не изысканный укол, а кровавый, с хрустом разрубаемых костей, удар, но цели-то он достигает!

Бесноватый вздрагивает, скрючивается. И тут же, толком не повернувшись и

непримиримо рыкнув, выбрасывает свой палаш в отчаянной попытке достать

врага. Достать-то достал, но укол выходит слабым. Зато руку ты, белоглазый, подставил!

Великолепный — Руппи сам в этот миг собой любовался — косой удар, и

перерубленная в локте рука падает наземь, так и не выпустив замысловатой

рукояти. Все, победа, только этого мало! Нужно что-то еще, чтобы больше ни

одна сволочь!..

Китовник слабеет, его колени подкашиваются, но левая рука все равно тянется

подобрать Врагоруб. Что ж, так еще удобней. Последний, завершающий удар —

по склоненной шее и со всей силы. Снова хруст и влажное чмокание рассекаемой плоти... Ничего ж себе! Бьет алый фонтан, отсеченную голову отбрасывает на пару шагов, и она, откатившись от тела, таращится в небо уже

мертвыми глазами. Шея — это же не рука! Как?! Потом, все потом... Сейчас

Зигмундом из маминой книжки подхватить отрубленную башку и поднять за

волосы как можно выше. Кровь мерно капает на землю и пачкает сапоги.

«Дурная кровь», вот уж точно. Площадь молчит, ждет, ей... мало?!

— Вот он! — Фельсенбург трясет варварским трофеем. — А вот цена его воплей. Не знаю, кем он был, но я — Руперт фок Фельсенбург, прямой потомок

Торстена! И мне не нужна эта снулая рыбина и присосавшийся к ней Марге! И

вам она не нужна. А ну подайте мне эту тряпку. Живо!

Подчинятся? Попробуют убить? И куда девать этот кочан? А никуда!

Отслужившая свое голова летит к бывшему хозяину, отскакивает от обтянутой

взмокшей рубахой груди, утыкается носом в землю, будто нюхает. Смешно...

— Господин лейтенант... — Капрал-пехотинец подносит знамя с китом. Не из

страха: приказ сильнейшего — закон. И еще трое крутятся рядом и смотрят на

вожака, с обожанием смотрят. Вот ведь гадость!

С хрустом переламывается древко — еслиб не хватило силы, вышло бы глупо, но ведь хватило же! Кит не вышит, когда б они успели, — намалеван на полотне, хоть и со тщанием. Вытереть сапоги, швырнуть под ноги, обвести глазами

площадь.

— Кто-нибудь еще хочет в Торстенов круг? В священный круг варитов? Кто-нибудь хочет, чтоб и эти земли оделись льдом?!

Не хочет никто, и никто не уходит, они все еще чего-то ждут. От него ждут. А

китовников у стены не видно, удрали.

Подходит адрианианец, протягивает платок.

— Зажмите как следует. Рану зажмите. Куда вас?

— В запястье. Так, чуть царапнуло... Брат Орест, что это за чудо с отрубанием

головы?

— Клинок орденой выделки. Сталь получше обычной, но и удар у вас вышел

— просто загляденье. Вот и результат.

— Я старался. Пошлите за Симоном, он мне нужен тут, и где Морок?

— За углом с солдатами. Вам требуется конь?

— Да вроде нет...

Фридрих вечно вещал с коня, но сейчас это было бы нелепо, не в атаку же болванов звать.

— Полк, в строй!

Строятся торопливо, но четко и слаженно — не новобранцы, и это самое скверное. Если зараза доберется до ветеранов, армии конец, и как бы не вместе с кесарией.

— Брат Ротгер, не лучше ли вам взять вашу шпагу?

— Лучше.

А ведь такое у Торстена тоже было. Вышедшая из повиновения о тцовская дружина и возжелавший власти то ли дядя, то ли двоюродный дед. Торстен его

прикончил и принялся сомневаться, с тоит ли снимать с отца королевский пояс

или подождать несколько лет... А голубчики уже в строю, и с ними нужно что-то

делать. Песня о Торстене, словно в насмешку, повторяется даже и мелочах.

Значит, иди и пой, хотя без панциря, шлема и раскрашенного в родовые цвета

щита какой ты, к кошкам, воитель, так, юнец незаслуженный... Нуда какой есть.

— Лоуварденцы! Вы, кажется, были дриксами? Вы дрались у Мельникова...
У

Трех Курганов, честно дрались. Где ваше знамя? Знамя, которое вы прославили?

И где, наконец, ваши офицеры?!

III. «ДЕСЯТКА ПОСОХОВ»[5]

Политика—слишком серьезное дело, чтобы доверять ее политикам.

Шарль де Голль

Глава 1

ТАЛИГ. ВНУТРЕННЯЯ ЭПИНЭ

ГЕЛЬБЕ

400 год К. С. 9-й день Осенних Ветров

1

Оставляя сына Катари на попечение Аннибала Карваля, Иноходец чувствовал

себя дважды предателем, но сидеть в замке и дальше он не мог. Дело маршала

— война, и дело командующего ополчением — война, на которой младенцам не

место. До Старой Эпинэ бесноватым не добраться, но способные вешать господ

и резать солдат слуги нуждались не просто в узле в строгом железе. Выход был

один — Аннибал. Робер так и сказал.

— Да, Монсеньор, — капитан Карваль невыносимо знакомо наклонил голову, —

с его высочеством все будет в порядке.

— Аннибал, вы бы наверняка предпочли воевать...

— Это неважно, Монсеньор. Тут меня знают, и тут нужен южанин.

— Тут нужны вы!

Карваль, пусть и младший, дурить не даст никому, при нем все распоряжения

врача будут исполняться неукоснительно. Главное — ребенок, а не то, что при

виде брата Никола герцогу Эпинэ хочется взвыть. Душа Иноходца вообще напоминала переживший осаду или чуму город: в этом доме жила Катари, в

этом — Левий, в этих — Жильбер, Удо, Енниоль, Мильжа... Теперь двери заколочены, окна темны, но по соседству горят огоньки. Там расчесывает волосы Марианна, мирно спит еще непонятно на кого похожий Октавий, щурится графиня Савиньяк, подсовывает своему Монсеньору ужин Дювье. Там

пытаются начать заново семь тысяч ушедших от зеленой чумы горожан и стряхивают с сабель скверную кровь алаты, там Дракко кладет голову на плечо

Соне, цветут, не пуская осень, лилии и поет вода. Жизнь не кончена, а

значит, надо помнить и жить, то есть делать дело.

Иноходец мотался по Внутренней Эпинэ, принимая пополнение и вправляя мозги бывшим соратникам. То, что в восстание героев втравили дед со Штанцлером, меняло немного, по крайней мере, пока внутри Кольца хозяйничали бесноватые. Данарская дуксия казалась смешной и нелепой, однако

считаться с ней приходилось, мало того, третьего дня курьер Проэмперадора

«обрадовал» вестями о выступающей из столицы на юг чуть ли не армии.

Куда именно нацелились данарии, Валмон не сообщал, так что готовиться к

встрече надлежало по всему югу, от Шевр-Нуар до Ларитана. Времени, как всегда, не хватало, тащить ополченцев за Кольцо Иноходец опасался, остатки

вырвавшихся из Олларии полков разумней всего было держать в резерве, а

витязи Балинта уже ушли. Одна радость — кэналлийское начальство и

командующего ополчением о данарском визите уведомили одновременно; оставалось договориться о совместных действиях, и Эпинэ, разогнав

порученцев с приказами по лагерям, помчался к Новобарсинской заставе. С

рзем Эчеверрией ни малейших трудностей не возникло.

— Рэй Сета встретит врага за Кольцом и даст вам время выйти на позиции,
—

спокойствию наместника Алвасете могли бы позавидовать бириссцы. —
Если с

рзем Сетой что-то случится, его заменю я. Верно и обратное.

— Меня заменит Гаржиак, — с ходу решил позабывший было о смерти

Иноходец.

— Я его знаю, — кивнул рэй. — Хороший выбор, но собрано желает видеть вас

живым.

— Я постараюсь, — засмеялся Эпинэ, и тут его осенило, что данариям еще ползти и ползти, а от лагеря Гаржиака до Капуля пара часов рысью.

То, что баронесса рассталась с Арлеттой, Робера не удивило: графиня рвалась к

сыновьям, а Марианна желанием видеть Лионеля не горела. Насколько бывший

Прозэмперадор столицы понял свою возлюбленную, с нее стало бы затаиться, чтобы потом, когда все уляжется, отправиться на юг. Другое дело, что ничего не

улеглось, но почему бы Марианне не послать весточку пока еще мужу?

Иноходец верил барону, обещавшему тотчас передавать любые вести, но гонец

бы отправился в Старую Эпинэ и еще неизвестно, доверил бы он письмо

Аннибалу или нет, откровенный же разговор с Гаржиаком был необходим в любом случае. Год назад еще бывший бароном Констанс наотрез отказался идти

в Олларию. Радетели Великой Эпинэ потребовали объяснений и услышали, что

поджог леса не лучший способ защитить овец от волков. Онемел даже

Пуэн, а

Гаржиак спокойно взял у старого слуги плащ, коротко поклонился и вышел.

Вновь Робер увидел строптивца уже в Старой Эпинэ, его никто не приглашал, но Констанс Гаржиак уходил и приходил по собственному почину. Ломаться и

отнекиваться вообще было не в его духе. Катари это оценила: бывший мятежник

был не только польщен, но и сменил ель на сосну[6].

— Можете на меня рассчитывать, но лучше бы обойтись без перетасовок.

—

Граф аккуратно отложил приказ о своем вступлении в командование «в случае, если герцог Эпинэ не сможет исполнять свои обязанности». — Должен вам

заметить, что вы изменились.

— То есть? — не понял Иноходец. — Простите, к вечеру я начинаю плохо соображать.

— В прошлом году вы на первый взгляд соглашались с ни кошки не понимающими крикунами, но еще немного, и мы оказались бы возле урготской

границы. Сейчас вы без боя не отдадите ни одного придорожного трактира.

Разумеется, я осознаю разницу между королевскими войсками и данарской

сволочью, но родичей мятежников ничего хорошего ждать не могло.

Почему вы

пятились?

— Это так важно?

— Для Валмона — нет, для меня — да. Вы не верили в успех восстания и хотели

спасти повисшее на вашей шее дурачье?

— А вы? — Эпинэ едва не прикрыл ладонями глаза, но сейчас это было бы неуместно. При таких разговорах взгляд не прячут.

— Не верил. И при этом не смог бросить наше в самом деле оскорбленное в

лучших чувствах дурачье. Чтобы я это сделал, понадобилась очень дурно пахнущая победа. Очень надеюсь, вы ее не ждали.

— Не ждал.

— Значит, вы рассчитывали на Валмона?

— На Алву, — признался Робер, — хотя думаю, Валмон тоже знал.

— О чем?

— Алва и Савиньяк не желали отдавать Надор Манрикам, а Эпинэ —

Колиньярам. Савиньяк через мою мать предложил мне вернуться, я узнал об

этом уже в замке, а дальше как с горы понеслось... И все же я надеялся, что

Ворон всех нас вытащит.

— Жаль, вы держали это в тайне от Флоримона... От Шуэза. Тогда он не пошел

бы на крайности.

— Он и не пошел. — Открыл бы Никола Гаржиаку правду? Наверняка!

Маленький генерал не просто признался кардиналу в том, что не давало ему

покоя, он велел рассказать... — В меня стрелял Карваль. Он как-то догадался, что я не собираюсь создавать Великую Эпинэ, и счел предателем. Как и Шуэза.

Потом Никола многое понял.

— Не он один, — вздохнул Гаржиак. — Стригущий лишай омерзителен, но, в

отличие от чумы, не смертелен. Мараны — лишай. Карваль решил от него избавиться при помощи топора, семь лет назад я был не лучше.

— Вы были лучше год назад. Будет что-то срочное, пошлите в Капуль, я буду

там.

— Когда вас ждать назад? — деловито уточнил Гаржиак.

— Завтра, — бросил Робер и понял, что ведет себя по-свински. — Вы не представляете, Констанс, как я вам благодарен.

— Я тоже. Вы дали нам всем возможность... вернуться в Талиг и при этом не

сдаться.

— Не я, сестра. И Валмон с Савиньяками, хотя первым был Алва. Он отпустил

меня в Сагранне, а теперь мне кажется, что в Ренквахе он нас тоже отпускал.

— Это неприятно для нашего самолюбия, но слишком похоже на правду.

Спасибо за откровенность, Монсеньор. Никогда не был сторонником

объяснений, однако есть вещи, которые лучше знать, а теперь загадайте желание.

— Какое? Зачем?

— Мое имя Констанс, вы едете к Констансу.

— Ах да... Хорошо, загадал.

Пусть Марианна будет в Капуле! Нет, это слишком, это невозможно, но пусть

барон получит от нее письмо... Уж для этого-то никаких чудес не требуется!

Сперва Робер не задумывался о том, как Коко выбрался из Олларии вместе с

пусть и небольшим, но караваном, потом вспомнил про «висельников» и

Салига-Салигана. Новоиспеченный дукс друзьям по-своему предан, и баронесса

это знает, они почти наверняка встретились, а барон еще более наверняка

состоит с Салиганом в переписке, не бросит же он свою коллекцию на произвол

судьбы! Коко должен сообщить маркизу о выполнении поручения, а тот

расскажет Марианне, что ее глупый маршал выбрался из ловушки. Салиган

—

вор и шпион, но не бесчувственная дубина, будь иначе, он бы не вернул цепь

Никола...

Когда за еще густыми каштанами показался кокетливый флюгер-морискилла, Робер почти уверился, что его ждет, самое малое, переданный

на словах привет.

О том, что хозяина не окажется дома, Эпинэ не подумал, а его не оказалось.

Незнакомый пожилой домоправитель со сдержанным достоинством сообщил, что господин барон в отъезде, но легкий ужин будет подан не позднее, чем через

час, камин же в Ящеричной гостиной разожгут незамедлительно.

Робер оглянулся на свой эскорт — не то чтобы чрезмерный, но значительный.

Домоправитель понял это по-своему и объяснил, что Капуль с радостью примет

и людей, и лошадей. Это все и решило — гнать на ночь глядя уставший отряд к

Гаржиаку смысла не имело. Велев неизменному Дювье устраиваться, Эпинэ

проследовал за юным слугой, судя по носу и родинке на щеке, внуком домоправителя.

Ящеричная гостиная была выдержана в зеленых тонах. Разумеется, она уступала

столичным залам, но рука Коко ощущалась и здесь. На небольшом возвышении

томно скучали музыкальные инструменты, малахитовые занавеси удерживались

черными шнурами, а с каминной полки глядели игривые ящерицы с

подсвечниками, вырастающими из бронзовых шипастых спин. Еще одна

ящерица обитала в камине среди пылающего огня. Знакомо пахло

горьковатыми

багряноземельскими смолами.

— А где Эвро? — спросил Эпинэ у занявшегося сервировкой слуги. —

Левретка...

— У хозяйки, — откликнулся тот, сосредоточенно ровняя ножи и вилки.

— Что?! Что ты сказал?

— У хозяйки песик, — растерянно повторил парнишка. — В Уточках...

— Хозяйка... Она там?!

— Конечно. И хозяин туда поехали.

— Где? Где эти Уточки?!

Робер еще никогда не седлал коня так быстро. Бедный Дракко остался без ужина, но пешком до этих самых Уточек часа три.

— Если б господин сказали, что у него срочное...

— Мне нужна ваша госпожа!

— Она тут не бывает!

— Поэтому я и еду.

— Монсеньор, — Дювье уже держал Мэтра Жанно за недоуздок, — вы не можете один!

— Разумеется, я и дороги-то не знаю. Меня проводит... Как тебя зовут?

— Жак, то есть... Мое имя — Эпий.

— Монсеньор, мы с вами. — Дювье не отцепится, разве что дать ему по

башке.

— Хорошо.

Идти друг к другу целую вечность и встретиться при ораве хороших, замечательных, бесценных людей, Леворукий бы их побрал!.. Так, может, послать записку? И остаться на всю ночь с ящерицами и флейтами?!

Немыслимо!

— Эпий, она здорова?

— Да... Спасибо святой Октавии, обошлось.

2

— Я подтвердил, что вы действовали в рамках выданных вам полномочий.

—

Фельдмаршал говорил, будто незрелый лимон сосал. — Я даже готов допустить, что вы не нашли иного выхода.

— Его не было, — твердо сказал Руппи. Бруно молчал, и лейтенант понял, что

мысль следует развить и притянуть к уставу хоть бы и за уши. — Солдатам

надлежало увидеть, что подстрекательство к мятежу, участие в оном и уступки

мятежникам ведут на соседние сучья. Не хватит сучьев — на соседние деревья.

— Необдуманное действие далеко не всегда лучше бездействия, —

осчастливило умной мыслью начальство. — Правда, на нашей стороне брат

Орест и печальный опыт Рейфера, потерявшего почти всю пехоту. И все же риск

был чрезмерным.

— Отнюдь нет. Обычному кавалеристу, пусть и опытному, со мной не справиться.

— А если бы вам попался необычный? Я могу себе позволить потерять сотню

младших офицеров, но гибель или публичное поражение наследника

Фельсенбургов будет иметь крайне неприятные последствия. Извольте об этом

помнить.

— Я помню, — заверил Руппи, поскольку Бруно без заверений не отцепился бы.

— Очень хорошо, — кивнул командующий. — На свидетелей произвела впечатление сноровка вашего слуги. Где вы его нашли?

— Киппе — флагманский палач Западного флота. Я забрал его у Вальдеса, когда

мне предложили отправиться к регенту.

— Вот как... — Фельдмаршал жевал уже не два лимона, а все четыре. — Ваши

похождения обрастают все новыми подробностями. Теперь при вас оказался

палач. Скоро выяснится, что вы замешаны в деле «Верной звезды».

— Я замешан, — не стал темнить Фельсенбург. — Память «Ноордкроне»

требовала казни дезертиров, и они были казнены. Вы с бабушкой Элизой могли

отправить мерзавцев на плаху обычным путем, но предпочли самоустраниться.

— Этого еще не хватало! — Бруно откинулся на спинку походного кресла и глубокомысленно забарабанил пальцами по столешнице. Руппи знал, что некогда принц брал уроки игры на клавикордах, не преуспел, зато обрел привычку выстукивать единственную освоенную до конца пьесу. Кажется, «На память Элизе».

Фельдмаршал стучал, Руперт ждал, понимая, что отправляться под арест нельзя.

Если глава дома Зильбершванфлоссе окажется непоправимо глуп, придется бежать к фрошерам, вернее, к гаунау, и с их помощью брать в оборот уже бабушку. На всякий случай Руппи прикинул расстояние до приоткрытого — Бруно ценил свежий воздух — окна. Мориск стоит у коновязи, перемахнуть невысокий забор и уйти в поля ему как яблоко схрумкать. Главной опасностью

будут мушкеты конвоя, но тут уж от них с Мороком ничего не зависит. Только от

удачи.

— Я не желаю ничего знать о ваших прошлых выходках, — наконец сварливо

изрек Бруно. — Этот Киппе не болтун?

— Он — уважаемый член гильдии. Кажется, палачи дают обет молчать о том, что видят и слышат во время работы.

— Я буду вынужден принять к вам меры, но не прежде, чем о вашем поступке

станет широко известно. Если вам нужно написать в Хексберг, напишите.

— Мне не нужно.

— Тогда с этим закончено. У вас есть что сказать?

-Да.

Речь о бесноватых и мерах, которые нужно срочно принимать, Фельсенбург сочинил загодя, взяв за основу доводы Лауэншельда. Сам Бруно был не чужд

многословия, но в других его не терпел, поэтому лейтенант втиснулся в

скромные пять минут. Особых надежд на свое красноречие он не возлагал, но

попытаться следовало. Фельдмаршал, надо отдать ему справедливость, выслушал не перебивая.

— Жаль, — заметил он, — что не удалось захватить спутников вашего

мушкетера. Это либо отколовшаяся часть корпуса, что гнался за Рейфером, либо

перебежчики от самого Рейфера, либо кто-то от Марге. В последнем случае

следует ждать новых попыток подбить моих солдат к мятежу.

Подстрекатели

могут помешать готовиться к походу, значит, все их поползновения следует

пресекать. Я отдам соответствующие приказы насчет офицеров, которые

разъезжают по чужим полкам. Вы что-то имеете добавить?

— Этого мало, господин фельдмаршал. Меры, которые принимает маршал Савиньяк...

— Савиньяк — еретик, как и все фрошеры. То, что случилось у них, в Дриксен невозможно.

— Я видел бесноватого фрошера, и я видел китовников.

— А я слышал и о тех, и о других, но не нахожу ни малейшего сходства.

Савиньяк вам показал сумасшедшего, и что с того? Мушкетер, с которым вы

дрались, находился в здравом уме и очень не хотел упускать свой шанс, а его

приятели и не подумали на вас нападать. У меня не так много времени, но я

вынужден его тратить на ваши домыслы.

— Это не обязательно.

— Это было бы не обязательно, будь вы простым офицером. Между прочим, вы

теперь капитан рейтар. Я счел правильным привести ваш чин в соответствие с

армейским.

— Благодарю.

— Помолчите, второй раз я вам ничего объяснять не буду. Вы видите туман и

ждете, что из него выйдут чудовища, а это не туман, а дым. Только пожар при

всей его простоте не менее смертоносен, особенно в ветреную погоду.

— Господин ф...

— Молчать! И слушать. После смерти Готфрида случилось то, чего не было со

дня основания кесарии. Сейчас каждый может забраться выше, чем ему дано от

рождения. Каждый! И в этом разгадка того, что происходит. Пока все было тихо, мещанин мог дослужиться до полковника или шаутбенахта и получить за свои

заслуги личное дворянство. Таких, как ваш оружейник, отхвативших широкую

перевязь и титул, были единицы, и они даже при всех своих регалиях не могли

сравняться с представителями великих фамилий. Таков был общий порядок, и

это разумно.

Только и старые семьи некогда были молодыми. Их основатели оказались дерзкими и везучими, им удалось вырваться вперед и закрепить свое первенство, остальные смирились и приняли установленные победителями правила. Теперь правил больше нет. Никаких. Теперь Марге хочет стать кесарем, Греслау хотел стать фельдмаршалом, а ваш капитан — генералом.

Наше дело — им этого не позволить, и мы не позволим, но не мешайте смуту с

гаунаскими бреднями про Излом. Вы меня поняли?

— Да, — ответил Руппи, потому что спорить с Бруно было не менее

бессмысленно, чем выгребать против отлива.

— Тогда займитесь делом. Я получил от Элизы второе письмо. Ваша бабка еще

не осознала до конца, с чем столкнулась, но воспринимает Марге с понятным

опасением. Ее настораживает наглость новоявленного «вождя»,

сообразительность в деле укрепления власти и то, что за ним идут. Марге уже

потребовал от Штарквиндов и Фельсенбургов признания, а его посланцы появились в ваших владениях. Они пытаются перетянуть местные власти и дворянство на свою сторону, но пока с неопределенным успехом.

Тем не менее Штарквинды встревожены. Я в своем прошлом письме уже обозначил неприятие эйнрехтской клики, и Элиза предлагает совместные действия. Она поднимает великих баронов и объявляет им о позиции дома Зильбершванфлоссе, что должно подбодрить врагов Марге. Я сообщил ей о перемирии с Талигом и переговорах с гаунау, а заодно предупредил о неуместности слишком тесного сближения с Хайнрихом. Вам же лучше воздержаться от публичного восхищения Жирным и его медведями. Гаунау увидели возможность отодрать у Дриксен кусок, и они постараются его отодрать, тем паче, что олень оказался им не по зубам. Я встречался с Савиньяком, он опасней пресловутого Алвы. Ворон верен Олларам, Савиньяк

отбросит все, что ему в настоящий момент мешает, включая Создателя,

своего

короля и свою кровь. Хайнрих такой же. Я бы не удивился, узнав, что изначально эти двое сговорились поживиться за счет Каданы. Разрыв с Фридрихом пришелся слишком кстати, чтобы отнести его на счет простого совпадения. Ради добычи Жирный предал и старый союз, и семейные узы. Для

гаунау это не в первый раз: вспомните Двдцатилетнюю. Тогда медведь спасал

свою берлогу, теперь перед ним маячит ценный приз — Штарквинд, а возможно, и часть Фельсенбурга. Отсюда и заигрывание с вами. Выбирая между

Марге и Хайнрихом, кого бы вы выбрали?

Марге Руппи не выбрал бы, даже иди дело к союзу с Леворуким, но лейтенант, то есть, простите, капитан, был слишком внуком своей бабки, чтобы

откровенничать с главой дома Зиль-бершванфлоссе. Руппи старательно поморщился.

— Оба хуже, — отрезал он. — То есть, господин фельдмаршал, я не собираюсь

признавать своим кесарем ни того, ни другого.

— Что ж, — Бруно сменил гнев на милость, а незримый лимон — на яблоко, а

то и вовсе на грушу, — в таком случае идите, принимайте у Рауфа роту моего

личного конвоя. С вами под окнами я буду спать спокойно, сколько бы

подозрительных мушкетеров ни появилось в округе.

3

Гнать сумасшедшим карьером мешали сгустившиеся сумерки и незнакомая ухабистая дорога. Себя бы Робер не жалел, но ломать ноги Дракко?! Они ползли, то есть ехали рысью. Кажется, было холодно и выпал иней, кажется, светила луна, кажется, Дювье что-то говорил. Поглощенный будущим счастьем

Робер не слышал, хоть и отвечал. Сейчас они с Марианной встретятся, прикоснутся друг к другу, останутся вдвоем... Коко исчезнет, как исчезал всегда, но с разводом решать придется немедленно, с разводом и женитьбой, а тут без

Валмона не обойтись. Отец Марсея против не будет, в конце концов, он вновь

встал на ноги не где-нибудь, а в Старой Эпинэ!

Брат Анджело считает, что внезапное исцеление, как и смерти, связано с местом.

Уж не потому ли маршал Рене бросил Грозовой холм ради ничем на первый

взгляд не примечательной рощи, а дед протянул дольше, чем следовало? Рыцарь

королевы! Великий Анри-Гийом... Племянник потерявшего всех сыновей герцога, угодивший в Повелители и погубивший уже свою семью. Нет уж!

Лучше перебраться в старый замок, пусть заброшенный, но чистый от ненависти, дурных смертей и грешных снов. Южную башню алаты уже обжили, хоть сейчас въезжай, да и все крыло в относительном порядке. Октавию лучше

расти подальше от Анри-Гийома, даже мертвого, а Левий поймет, понял бы...

Придет время, и кардинал вернется в Старую Барсину, в затопленный храм.

«Львы» наверняка прятали что-то гальтарское, не потащили же они антики в

Агарис, а Коко в поисках древностей облазил кучу руин, он раскроет секрет

Славы, особенно, если поманить его какой-нибудь маской. Барон не должен

остаться внакладе, он хотел найти в провинции юную блондинку, и отлично! В

Оллари взойдет новая звезда, а Марианна будет светить только одному!

Поворот, расступившаяся рощица, шум воды... Эпий-Жак говорил про мельницу

и птичьи загоны, отсюда и Уточки. Марианна зовет себя птичницей, она здесь

родилась? Лэйе Астрапэ, надо же такое забыть! Они ведь росли вместе с

Салиганом, а тот не то из Сабве, не то вовсе с урготской границы... А ведь у

Марианны родни нет, только нашедший ей мужа маркиз, так что от визитов в

Эпинэ обормоту не отвертеться, будь он хоть четырежды дуксом и восемь раз

ворюгой...

Сонная деревня пахнет дымком, огни погашены, лениво лают не знавшие настоящих врагов собаки. Милое местечко, но слишком уж близко от

Кольца!

Как бы любимая ни упиралась, а перебираться ей придется прямо сейчас. С

Дювье, он и так все знает.

— Ты поедешь домой, — сказал вслух Робер. Тьма ответила близким звоном

колокола, а церковь — вторая из названных примет. Теперь главное не

пропустить поворот! Узкая дорога, почти тропа, упирается в светлые ворота, так

и хочется перелезть через стену и побежать к светящемуся окну, потому что оно

не может не светиться! Марианна ложится поздно, а они научились чувствовать

друг друга. Баронесса поймет, что он здесь, уже поняла...

— Кто? — спрашивают из-за ворот. — Кто приехал?

— Герцог Эпинэ!

— Они это! — подтверждает Эпий-Жак. — Хозяйка им во как нужна! Аж кушать не стали.

— Сейчас хозяина кликну. Вы уж погодите чуток.

С хозяина и начнем! Пусть называет любую цену..

— Дорогой Робер! — Кругленький, просто одетый мужчина знакомо раскидывает руки. — Здесь?! В нашей пейзажной глуши? Какая

неожиданность! Какая восхитительная и ужасная неожиданность! Я совершенно

не готов...

— Неважно, Коко! Я был поблизости, заехал, узнал... Лэйе Астрапэ, я к ней!

— «К ней»? — переспросил Капуль. — Боюсь, здесь вышла...

— Мне нужна Марианна! Навсегда нужна... То есть до моей смерти. Я ее заберу

сегодня. Сейчас!

— Сударь, успокойтесь, пройдемте в дом. Наш уговор, само собой, в силе, но

что вас так взволновало?

— Вы спрашиваете?! Жак сказал, что вы у Марианны. Она тут, даже Эвро забрала...

— Он именно так сказал? Эпий, что ты сказал монсеньору?

— Что песка здесь... То есть собачка у хозяйки, ну и вы...

— Гальтарские боги! Я могу лишь просить прощения за косноязычие этого создания. Да, Эвро здесь, но не Марианна. Видите ли... Эпий, оставь нас. Я

должен вам кое в чем признаться. Понимаете... Я высоко ценю Марианну, более

того, в некотором смысле я ее создал, но... у меня есть семья. Конечно, она не

для столицы, хотя мне удалось привить Марию некоторую долю изысканности.

— Марию?

Марианны нет, барон что-то лопочет, а ноги и спину начинает сводить

усталость. И холодно, закатные твари, как же сразу стало холодно.

— Увы... Но входите же! Поверьте, только здесь, в провинции, я отдыхаю душой. Филиппа может показаться простоватой, но она умеет создать уют, именно уют. Звезда в небе и свеча на столе равно необходимы, пусть и в разное время.

— Филиппа?

— Мою супругу, именно супругу, зовут Филиппа. Надеюсь на вашу скромность

и ваш такт! Понимаете... Вчера я вновь стал отцом. В наш жестокий век это

такая ответственность...

Робера вели, и он шел к дому, где не было Марианны. Шел, поднимался по ступенькам, отдавал кому-то плащ и шляпу.

Откуда-то выскочила Эвро, сварливо твякнула и была ухвачена бароном. Полная

пожилая женщина улыбалась, приседала, называла каких-то детей, дети, не то

пятеро, не то шестеро, благовоспитанно здоровались. Метались, собирая на

стол, две курносые служанки, о чем-то разглагольствовал барон, потом защебетало — толстощекий мальчуган сдернул с клетки расшитый розами и

незабудками чехол.

— Марк! — прикрикнул барон. — Это неприлично. Меня удручают наши

клирики... Почему, принимая одни имена, они отвергают другие, столь же древние? Нам запретили назвать сына Лаконием. Да... В деревне меня знают как

моего же управляющего. Надеюсь, вы сохраните этот маленький секрет?

— Конечно, — равнодушно пообещал Иноходец и вдруг спохватился: — Но...

Марианна знает о... вашей супруге?

— Я не скрывал, что Марий — мой сын и что у меня есть и другие дети, но в

подробности она не посвящена. Буду честен. То, что вы видите, достаточный

повод для признания брака недействительным, но я по-прежнему считаю себя в

ответе за Марианну и не готов вверить ее человеку, который все воюет и воюет.

Вы ведь воюете?

— Приходится... Через неделю или близко к тому на Кольце начнутся бои.

— Вот видите!.. Дорогой Робер, я жажду представить вас Филиппе, но сперва

умоляю вымыть руки и переобуться. Невидимая грязь, которую мы носим на

руках и обуви, вредоносна и для рожениц, и для младенцев. Вы, будучи опекуном его высочества, не можете этого не знать.

— Да, мне сказали...

Глава 2

ГАЙИФА. ГРАНИЦА КИПАРЫ И МИРИКИИ

БАКРИЯ. ХАМДАВА

400 год К. С. 10— 15-й дни Осенних Ветров

1

Чиновников Капрас не то чтобы недолюбливал, но полагал неизбежным злом.

Когда молодые приятели молодого Карло, подвыпив, грозились перетопить зануд в Полтуке, будущий маршал резонно возражал, что без писанины не обойтись, а будет писанина, будут и чиновники, так что чернильные души имеют право на существование. Пока не нацепят военный мундир. Время и мориски подтвердили правоту Капраса — Коллегия провалила все, что могла, и

получила по заслугам, хотя лучше бы обошлось без расплавленного сургуча в

глотках. Чище было бы и быстрее; впрочем, кто знает, до чего дошел бы сам

Капрас при виде шадских орд на имперских трактах. Хотелось думать, что сам

бы он все же предпочел бить язычников.

— Господин маршал, — Левентис сунул тщательно причесанную голову в низенькую дверь, — вы задерживаетесь дольше, чем собирались.

— Тьфу ты, бацута! — ругнулся маршал, хватая шляпу. Накануне они решили, что командующий заставит ждать себя четверть часа, но последнее время Карло

тянуло на размышления и воспоминания. Видимо, давала о себе знать

подползающая старость... Турагис, тот и вовсе докатился до мемуаров, но бывшему стратегу доходит седьмой десяток.

— Пятнадцать лет у меня точно есть, — бросил кому-то невидимому Капрас и, поймав взгляд гвардейца, объяснил: — Турагис разводит лошадей и пишет

воспоминания, но я моложе и, прежде чем учить потомков, повоюю сам!

— Разумеется, сударь. — Агас подавил усмешку. Конечно, могло и показаться, но потомков лучше было не поминать. Гирени где-то подхватила это слово и

немедленно переименовала «детку» в «патомка», заодно решив, что он вырастет

полководцем с «балшим корпусом». Голосок у девчонки был звонкий,

радовалась она по-кагетски бурно, и не слышать ее Левентис не мог. А Капрас

не мог о ней не думать, разумеется, когда находилось время.

Маршал то по-дурацки улыбался, то начинал злиться, пока не въехал во двор

гостиницы, захваченной губернатором Мирикии, субгубернатором Кипары и

зятем губернатора Ионики, спасибо, хоть без губернатора Левкры обошлось.

Значительные персоны в одиночку отродясь не путешествовали, места в мало

чем отличавшемся от села городишке на всех не хватало, и Капрас со своими

офицерами по совету отца Ипполита перебрался в расположенную

неподалеку

резиденцию ордена Знания. Кормили святые братья сносно, клопов в тюфяках

не водилось, к тому же подобный маневр исключал тайные предварительные

беседы, на желательность которых усиленно намекали визитеры. Следуя совету

Агаса, Карло последовательно уклонился от трех частных ужинов, зато

теперь его ждал общий завтрак, и такого роскошества захудалый трактирчик

еще не видел.

Вспомнив, чем в походе довольствуются офицеры, Карло чуть не брякнул, что

готов взять любого из превосходительных и субпревосходительных в интенданты. Удержался. Воздал должную хвалу уже не Богоизбранному, но

Божественному Сервиллию, тут же верноподданно подхваченную тремя

голосами — двумя вальяжными и одним высоким и брюзгливым.

Обладатель

последнего замещал плененного губернатора и с делами вроде бы справлялся, хоть внешнестью и напоминал помершего от неустанных трудов и памятного

Агасу несварения. Зато краснощекий мирикиец уверенно шел к

апоплексическому удару. Здоровьем мог похвастаться разве что зять губернатора

Ионики, седовласый и подтянутый.

Капрас был маршалом и принимающей стороной, мирикиец имел самый высокий чин, однако начал беседу ионикиец. Это не удивляло — Агас успел

объяснить, что граф Домприс принадлежит к одной из влиятельнейших семей, и

его сватовство к молоденькой провинциалке родители девицы сочли даром свыше. То, что зять оказался старше тестя, никого не смутило. За три года дар

свыше дважды стал отцом, а тесть уместил свою задницу в губернаторское кресло, все были счастливы, и тут нагрянули мориски.

— ... мирное течение нашей жизни необратимо нарушено. — Домприс словно

бы прочел мысли Карло. — Мы даже не предоставлены самим себе, это еще

можно было бы перенести! Нас, как выразился мой старей конюх, превратили в

корову, которую доят, но не кормят и не защищают от волков. Образ грубый, можно сказать — варварский, но верный. Кипара, Мирикия и Ионика должны

исполнять волю Божественного Сервиллия, но как это делать, когда северо-

восток разоряют дикари, а восток заполонили банды мародеров? Мы не воины, и мы спрашиваем воина. Три провинции ждут вашего слова, маршал Капрас! Не

вчера и не завтра — сейчас. Что вы посоветуете? Что вы думаете о положении, в

котором мы оказались?

То, что он в самом деле думает, Карло счел за благо оставить при себе, однако

молчание выглядело бы излишне красноречивым.

— Я думаю, — нашелся маршал, — что нам прежде всего нужно позавтракать.

— Отличная мысль! — оживился мирикиец. — Я всегда говорил, что голод

лишает сообразительности, поэтому бедняки столь неразвиты. Дорогой Капрас, прошу обратить внимание: все, что находится по правую руку от меня, происходит из вверенной мне провинции. Мой повар путешествует со мной —

надеюсь, вы оцените его мастерство.

— Со мной путешествуют разве что вино и некая малоизвестная закуска,
—

вновь заявил о себе Домприс. — Надеюсь, ни у кого любовь к отечеству не

вступает в противоречие с любовью к кэналлийскому? Я не занимаю
никаких

постов и поэтому могу сказать, что женщины, вино и шадди превыше
политики.

— Тем не менее вы здесь, — процедил зеленый субгубернатор. — А ведь в
Ионике не слышно ни о бакранах, ни о разбойниках.

— Господа, — укорил мирикиец, оглядывая стол, — господа... Серьезный
разговор на голодный желудок — ошибка... Леворукий, откуда взялось это?

«Это» покоилось на изящном, явно не местном блюде и напоминало

растрескавшиеся бурые хлебцы, которые принял бы не всякий нищий.

Капрас

почувствовал подвох и промолчал, кипарец поморщился, Домприс улыбнулся.

— Перед вами «молоко Литто», — пояснил он. — Его начали готовить у

высочества Менелаоса лет девять или десять назад... Грустно думать, что

великие повара, врачи, музыканты разделяют участь своих не всегда великих

господ, но не хочу портить вам удовольствие. Почти полный рецепт этого

кушанья — его высочество велел скрыть лишь одну из приправ — мне прислали

накануне свадьбы. Разумеется, я поручился за своих слуг, и они меня не

подвели. Я умею добиваться верности и умею быть благодарным.

Намек сиял ярче путеводной звезды Ретаннэ, но «понимать» Капрас не спешил, как и пробовать бурую радость. Чтобы не показаться слишком угрюмым, маршал пригубил вражеского вина. Прежде он ничего против кэналлийского не

имел, но оно попадало в Гайифу через Фельп, а это с недавних пор стало

неприятным.

— Благодарными умеют быть не только в Ионике. — Кипарец ковырялся

золотой ложечкой в изящной миске, но что в ней было? — Совет нам нужен, но

гораздо больше нам нужна кавалерия.

— Приказ Божественного свят...

Добряк-мирикиец и рад был бы продолжать, но коричневый деликатес,

который

он рискнул взять, оказался с подвохом: раскусить его отчего-то не вышло, пришлось совать в рот целиком. Губернатор был слишком воспитан, чтобы говорить в таком положении, так что беседу продолжил кипарец.

— Но почему бы вам, — субгубернатор отодвинул загадочную миску, — пока вы

набираете рекрутов и собираете обоз, не очистить окрестности от разбойников?

В конце концов, от этого зависят и ваши сборы. Я делаю все возможное, чтобы

снабдить корпус фуражом и провиантом, но мои люди, которых чудовищно мало, заняты отражением бакранских набегов. Я не могу обеспечить охрану

обозов за пределами Кипары, а власти Мирикии, увы, бессильны. Да, сударь, —

бледно-зеленый субгубернатор обернулся к краснощекому губернатору, — если

вы хотите получить помощь, вам придется признать, что самим вам не справиться!

— А разве то, что я здесь, не признание? — Губернатор победил-таки «молоко

Литто» и теперь лучился довольством. — Восхитительно, но порции следует

делать в два раза меньше... Господа, здесь мухи!

Несколько мух в самом деле прорвались сквозь старые кисейные занавески и

деловито кружили над столом. Проведший лето в кишачей насекомых Кагете

маршал их даже не заметил, но губернаторы отливающих зеленью и синевой

жужжащих туч явно не видели.

— Господа. — Капрас подцепил вилкой уже дважды расхваленное лакомство, но

этим пока и ограничился. — Мухи не мориски и даже не бакраны.

— Несомненно, — зять махнул белоснежной салфеткой с монограммой, —
однако они разносят желудочные болезни.

— Мухи? — удивился мирикиец. — Какая глупость! Желудочные болезни
бывают от сырой воды, грубой пищи и переутомления!

— Хорошо. — Кипарец вытащил платок и утер лоб. — Не о мухах придется
говорить мне. Нам трудно собрать запрошенное количество провианта,
фуража

и тягловой силы, и не менее трудно сохранить собранное. Господин
губернатор

Мирикии при мне получил сообщение о нападении крупной шайки на
следовавший паонским трактом обоз.

— Солдатский провиант забрали почти весь, — нехотя уточнил толстяк, —
то, что не унесли, уничтожили. Перерезали ненужных лошадей, сожгли
фуражное

зерно... Таких оглоедов у нас еще не было!

— Обозники защищались? — Карло спрашивал, почти не сомневаясь в
ответе.

— Их что, вообще никто не сопровождал?

— Милиция, два десятка человек. Я бы считал, что к бойне привела именно попытка отбиться, если бы за три дня до этого другая шайка не вырезала подчистую еще один обоз. Этот шел без охраны, сопротивляться не пытался

никто.

Два случая сразу, да еще столь вопиющих! А если прибавить зверства на мельнице и в захваченной мятежниками обители...

— Понятно.

Капрас оглядел непритязательную комнату со статуэткой покровительствующего трактирщикам святого Винцента, пестрыми половичками и все еще с портретом Дивина. Вломиться в такой дом проще простого, была бы наглость, чего удивляться, что солдаты из местных рвутся

защищать родных. До прямого мятежа, слава Создателю, больше не доходило, но если навести хоть какой-то порядок, парни охотнее пойдут в бой, да и

кавалерию надо тренировать. С морисками придется тяжелей, чем с ошалевшим

от безнаказанности сбродом.

— Нам нужна помощь, — подвел итог субпревосходительный и вновь утер лоб.

— Люди начинают бояться, — поддержал соседа мирикиец. — Я говорю о людях добропорядочных. Недобропорядочные принимаются грабить, и

унять их

могут только драгуны на дорогах.

— Не стану вас чрезмерно обнадеживать, — Карло смотрел в глаза толстяку —

не потому, что тот был выше других по чину, просто мирикиец начинал нравиться, — однако, пока я здесь, легкая кавалерия будет патрулировать дороги. Но с талигойскими налетами справляйтесь сами, размазывать корпус

вдоль границ я не собираюсь.

— Как?! — почти взвыл субгубернатор. — Как справляться?! Какими силами?!

Разве что вы оставите мне хоть сколько-нибудь обученных людей. В обмен я

наберу вам рекрутов, вы их подучите, пока будете идти к Пао... Прошу простить...

Окончательно позеленевший кипарец неловко вскочил и бросился прочь, даже

не сняв салфетки. Карло зачем-то заглянул в покинутую миску и глупо подумал, что полковников с интендантами, заставляющих солдат жрать подобное, следует

немедленно вешать.

2

Бонифаций бурчал и фырчал, однако Матильде это нравилось. Второй супруг, в

отличие от первого, не ныл, а злился, не забывая прикидывать, как

сподручней

ухватить павлина за четырежды радужный хвост. При жене прикидывать, что

вызывало особенное умиление. Пара старых толстых коняк, непрерывно

бранясь, волокла одну телегу, получая при этом все больше удовольствия. В том

числе и от перепалок.

— Эй, — прервала бурчание принцесса, — твое высокопреосвященство, хватит

ругаться. Давай решать, чего мы хотим добиться от этих...

— А ты, гордость моя стриженная, не знаешь? — немедленно откликнулся

Бонифаций. — Нужно, чтоб еретики малые отринули большого, только как их

на сие подвигнуть? Если б у Ореста сего все сыпалось, было бы проще, а от победителя отходит либо великий ум, либо величайшая глупость, я же оных пока не зрю. Помнишь, что Баата про нечестивцев чиновных рек?

— Я еще из ума не выжила, — проворковала алатка, подпирая подбородок кулаком. План Алвы строился на морисских победах, но багряноземельцы вопреки всем расчетам откатились от Паоны и вроде бы встали на Полтуке.

Убираться за море язычники не торопились, однако и вперед не шли,

Бонифацию это не нравилось.

— Точно ли сей Орест силен? — то и дело вопрошал кардинал. — Или же мы

зрим хитрость зегинскую? Сожжешь Паону — союзники скажут, что назад пора.

А если не жечь? Не выиграв войны, уходить невместно — и скверну не побороли, и по носу получили, нос же у властителей земных — болезненное место.

Рокэ говорит, Садр с Агирнэ только корабли дали, войско же, что в Гайифу вторглось, — сплошь зегинцы. Оно и понятно — близко, да и зуб у них на соседей, никого не удивит, коль зазимуют у Паоны. Вроде и при деле, не придерёшься, а корни к весне пустят, что твой пырей. Не выполоть.

Резонов в мужниных рассуждениях хватало: Алва додумался откусить у павлина

зад, так почему бы восточным морискам не замахнуться на перед?
Садрийские и

агирнийские суда уйдут зимовать если не на Дигаду, то к Межевым островам, а

зегинцы останутся выжигать скверну и спасать свою репутацию. Весной союзники узнают, что репутация спасена аж до талигойской границы, и в их, союзников, присутствии никто не нуждается. Талиг получит головную боль, но

ему не впервой, а вот что ждет Алат? Зятем нар-шадом Альберт при всей своей

пронырливости не обзавелся.

— Эй, — раздалось под ухом, и на плечи Матильды легли знакомые лапищи. —

Может, из ума ты и не выжила, но прихватил тебя демон молчания. Не ко

времени.

— Я думала, — с достоинством произнесла алатка, по-кошачьи вывернувшись

из слишком жарких для делового разговора объятий. Бонифаций хрюкнул и чинно уселся на низкий, обитый бархатом стульчик без спинки. Тот просел, но

выдержал, точно мелкая рудничная лошадка, на которую взгромоздился подгулявший здоровяк.

— Мыслящий угоден Создателю, — изрек временно отвергнутый супруг, — дурак же из орудий Врага — страшнейшее. Что удумала?

— Баата рассказывал, — напомнила на всякий случай принцесса, — как ему

показался Капрас. Если такого умеючи подтолкнуть, корпус к Паоне не пойдет.

Главное — решить, под какое место толкать.

Бонифаций свел брови, похожие на толстые тополиные сережки, если б те вдруг

вздумали сразу почернеть и поседеть.

— Мы, душа моя, — объявил он, — не с Капрасом встречаемся, но с чиновниками. К Капрасу я тебя и не взял бы. Знаю я этих маршалов и тебя знаю.

— К Капрасу я сама не поеду, — с готовностью подхватила Матильда. — Нужен

мне маршал без гитары! Вот Алва или...

— Не ввергай во искушение, непутевая! — потребовал супруг. — Лучше подумай, чем нам жуков чернильных пугать, а чем приманивать.

Матильда запустила руку в миску с мелким, но вкусным виноградом и задумалась. На сей раз — о чернильных жуках, то есть о двух губернаторах и

одном субгубернаторе, что, потерпев неудачу с Баатой, сунулись к Бонифацию.

Гайифцы искали управу на бакранов. Алаты на месте имперцев собирали бы

ополчение, но павлин воюет не саблями, а монетой. Нападает — платит, чтобы

не драться самому, обороняется — бежит откупаться. Чиновники посчитали и

пришли к выводу: дать взятку проще и дешевле, чем вооружать отнюдь не рвущихся в бой байбаков.

— Деньги! — решительно объявила Матильда. — С них нужно требовать деньги. Непреклонно и побольше! Иначе не поймут, а повод у нас есть: Баата им

сказал, что бакраны рвутся помочь разоренной Варасте, вот пусть компенсацию

и выплатят. Напрямую, не дожидаясь, когда за ней на козлах прискачут.

Бонифаций задумчиво почесал нос.

— На то они возразят, что Варасту потрошили бириссцы, а посему претензии

если кому и предъявлять, то сыну Адгемара... Только доводы хороши, когда

не

ты на сковородке сидишь, но враг твой. Про бакранов скажем, что они простодушны, как дети малые. Кого могут, кого можно, того и грабят.

— Такое в Гайифе поймут, — согласилась Матильда и осознала, что хочет это

услышать. Нет! Она хочет это сказать! Лично. — Заодно напомним, что покойного казара подстрекала Паона.

— И Агарис, — затянул свое Бонифаций, — за что и поплатился, ибо мориски

суть орудие Создателя. Он, в великой милости своей, насылает на еретиков язычников, заместо саранчи или чумы, что по их грехам причитаются. Есть в

Книге Ожидания подходящее место про малое зло, что вяжет руки большому и

отверзает двери осознанию и просветлению. Я про то напомним, а потом и про

наследство нечестивых, что можно избыть.

— Как бы им объяснить, — грядущие переговоры увлекали все больше, — что

за паонские пакости Паоне и отвечать, а с тех, кто сам по себе, спроса особого

не будет?

— Вот ты, сладость моя, на сие и намекнешь. Как сестра Альберта. То, что просто так от империи не отложишься, губернаторы понимают, но почему бы не

пригласить в поручители соседнего монарха?

— Это потом. — Матильда щелчком отправила одинокую виноградину через

полкомнаты. — Алва твой соврать не даст, быстро такое не делается. На первый

раз вытребуем из пограничных провинций деньги, причем прилично. Так, чтобы

превосходительные закряхтели.

— И никаких обещаний, что набег не возобновятся, — рубанул супруг. —

Сейчас осень, сбор урожая. Пусть собирают, а там поглядим. Может, козопасы

через три месяца и вернутся, кто их, диких, знает?

— А ведь у бакранов, — подхватила Матильда, — скоро свои праздники... Козий

гон и свадьбы. Это месяца два, не меньше, а что потом, мы знать не можем.

— Угу, — кивнул Бонифаций и перевел взгляд на стоящие в углу часы. К слову

сказать, гайифские. — Не рано, а умерщвление плоти еще никого к Создателю

не приближало. Во гроб загоняло, не без того, только душу делом спасают, вот

мы и спасем... Значит, радость моя, тянем со сквернавцев золото и внушаем им

потихоньку, что с Талигом при посредничестве Альберта, которому тоже

неплохо бы заплатить, нужно договариваться. Благо Орест заладил одно —

бросайте все и помогайте Паоне от шадов отмахиваться.
Превосходительный, что у Коннера сидит, жалуется: прежде слезные
вопли, мол, нас тут грабят, ровно в песок уходили. Нынешняя власть, по
всему, не лучше. Сказать чего

хочешь?

— Хочу. Про маршала.

Крючок остался непроглоченным, однако Матильду это не задело, уж
больно ей

нравилась пришедшая в голову мысль.

— Надо, чтобы чинуши взяли в оборот Капраса сами. Деньги деньгами,
Альберт

Альбертом, только без собственной силы им между бакранами и Паоной
не

выжить. Когда под рукой армия — и талигойцы с алатами сговорчивей
станут, и

богоданец, прежде чем цапнуть, подумает.

— А что? — почесал нос Бонифаций. — Так и сделаем... На завтрак были
бакранские безобразия и свидание Лисенка с Ка-прасом. Наши переговоры
и

последующие негоции — обед, ну а ужин опять Баате подавать. Взял вояку

павлиньего в родичи, пусть его и убалтывает не мешать морискам
изничтожать

ересь, ибо волк, режущий паршивых овец, угоден Создателю.

Паршивых овец Матильда спасти не собиралась, но постоянные разговоры
о

ереси навязли в зубах, к тому же принцессе внезапно захотелось чего-то

потребовать. И получить.

— Знаешь что, — объявила ее высочество, — хватит эту вашу Ожиданку везде

совать! Ты и по-человечески говорить можешь, сама слышала. Только что. Вот

впредь так и говори.

Супруг не возражал. Правду сказать, он вообще рта не раскрыл, просто запер

двери и задернул что-то вроде портьер. Средь бела дня, не дожидаясь обеда, будучи духовным лицом и вообще кардиналом. Матильда еще успела вспомнить

Адриана с Левием и подумать, что олларрианство победило эсператизм отнюдь

не случайно. И поделом.

3

Реветь Гирени умела не хуже, чем хлопать в ладоши и смеяться. Глаза кагетки в

одно мгновение наполнялись слезами, точеный носик краснел, и начиналось...

Девчонка давала фору хорошему фонтану — правда, остановить ее было проще

простого: поцеловать и исполнить желание, но вот этого-то Карло и не мог.

— Ты уедешь! — страшным голосом повторил маршал. — А если ты... Если ты

будешь меня... Если я рассержусь, то отправлю тебя в Ионику. К

губернаторскому зятю.

— Дет!!! Де дадо!..

Теперь это было два, четыре, восемь фонтанов. Гирени рыдала, Капрас держался, вздернув подбородок и сжав губы. Так он стоял, когда его распекали в

Коллегии за проигранную Коллегией же кампанию. Тогда Капрасу хотелось

схватить Доверенного стратега его величества за горло, слегка придушить и

отшвырнуть в украшенный императорским бюстом угол, после чего уйти. Грубо

выругавшись и плюнув на навощенный до зеркального блеска пол. Желание

было почти непреодолимым, но Карло все же сдержался и вышел от

Забардзакиса, сохранив перевязь. Остался цел и бюст Дивина, но не тронуть

ненавистное начальство было легче, чем не целовать исходящую слезами глупышку.

— Ты уедешь! — опять прорычал маршал, принуждая себя стоять столбом, так

как первый же шаг вперед означал капитуляцию почище фельпской. —

Выбирай: Турагис или Домприс?

— Я хачу с тобой!!! Нэ давай мэня другим мужам... Что я дэлала нэ так?! Я ношу тваего патомка... Ани выбросат его слугам!

— Чего?! — не понял Карло. — Кого выбросит? Кто?

— Мужи нэ лубят чужих патомков! Они хатят женчину и детков от себя! Нэ дари мэня!

— Создатель... — Капрас из последних сил отскочил к двери и уселся на стул, благословляя поставивших его возле самого входа монахов. — Что ты несешь?

Куда тебя отдают?

— Ты гаварил... Ты сам гаварил... Зять, он толстый и красивый... Как мой прошлый гасподин. Зять приносил мне вкуности... Он патом прасил, и ты нас с

деткам отдавал! Он тэбэ палэзный...

— Чушь какая! — Только не вставать! Не приближаться, не целовать, не гладить, не обнимать! — Граф Домприс женат и любит жену. У него две дочери, ты ему не нужна. Он приходил из вежливости.

— Мужи нэ ходат дла вежливасти к чужим женчинам. Толко сматрэть!

— У нас ходят. Чтобы сделать приятное мне, делают приятное тебе. Привыкай!

— Ты главнэе?! — Как быстро у нее высыхают слезки! — Главное зята? Он приносил падарок мнэ, чтобы я гаварила как он хочэт?

— А что он хотел?..

— Чтобы ты оставался... Мы можем тут жит... Харашо жит. Патомку будэт харашо... Мэня нэ надо таскават... Таскат на вайну...

— В этом он прав. Гирени, я не могу держать тебя... вас с деткой при себе. И на

войне тебе не место. Ты можешь вернуться в Каге...

— Нэт! — Побелевший было носик опять начал краснеть. — Нэ...

— Ты, — командным голосом продолжал маршал, — можешь поехать с графом

Домприсом, и ты можешь остаться у Турагиса. Он — хороший человек и мой

друг.

— Ты гаварил, он старый...

— Достаточно старый, чтобы ты его не боялась, — заверил Карло, хотя спать с

девчонками можно и в семьдесят. — Он разводит лошадей... До женщин ему

дела нет, а я буду приезжать. Как только смогу, так и приеду!

— Если у старика многа лошадей, приезать буду я! Ты пра нас забудэш!

— Не забуду, а теперь кыш! У меня дела. У меня в самом деле дела, Гирени.

Занятая позиция давала преимущество, и Капрас воспользовался ею в полной

мере. Распахнул дверь и громовым голосом потребовал адъютанта. Вошел Агас, причем столь быстро, что в голову маршала закралось подозрение. Сам Карло в

юности развлекал приятелей рассказами о супружеской жизни своего генерала, а мельницы Создателя мелют долго, но наверняка...

— Мой маршал, — Агас смотрел мимо Гирени, и вообще ему нравились пухленькие блондинки, — прибыл нарочный. Уведомление из Паоны о прибытии императорского легата.

— Кого?! Гирени, сказано же... Иди собирайся. Агас, выведи... проводи ее.

Плакса убралась. С видом несправедливо наказанной, но все равно верной собаки. Ее в самом деле придется навещать, такую нельзя не навещать, хотя часто не получится. Разговоры о том, что маршал не может без своей девки, никому не нужны, а разговоры пойдут. Впрочем, если покупать у Турагиса

лошадей для ремонта... Плохих старик разводить не станет и вряд ли будет драть

четыре шкуры, в денежных делах он никогда силен не был.

Послание Агас оставил на столе. На футляре, сменив привычного Дивина, красовался портрет нового императора. Поза и одежды повторяли знаменитое

изображение Сервиллия, художник лишь пририсовал коронационные регалии.

Маршал открыл крышку и обнаружил, что курьерскую стрелу сменил пучок молний, такого значка прежде не было. Как и «императорских легатов».

Доставшегося Карло звали Лидас Сервиллионик, причем не простой, а прибожественный, Карло не враз сообразил, что это означает приближенность к

Божественному. В целом же рескрипт был вполне приличным, не сравнить с

письмами из Коллегии. Сервиллионик прибывал, чтобы проинспектировать и в

случае необходимости заменить местные власти. Полномочий вмешиваться в

дела корпуса у него не имелось, однако маршалу Капрасу надлежало

оказывать

ему всяческое содействие. Разумеется, не в ущерб исполнению основного приказа. Карло это вполне устраивало — всяко лучше иметь дело с одним легатом, чем с троицей юлящих чинуш, норовящих побольше получить и поменьше дать, к тому же прибожественный мог рассказать и о Паоне, и о морисках.

— Читай, — велел Карло вернувшемуся Левентису. — Никогда не слышал о Сервиллиониках... Повезло ему с фамилией.

— Вряд ли это фамилия, — не согласился гвардеец, покончив с посланием,
—

похоже, они все сервиллионики... Я про легатов. Клирики, уходя от мира, отказываются от прежнего имени, Орест, став божественным, мог перенять этот

обычай.

— Мог, — согласился Карло, понимая, что отца Ипполита на время встречи с

прибожественным придется куда-то деть. Во всем вменяемый клирик в отношении нового императора занял не лучшую позицию. Карло понимал, что

священника коробит обожествление живого человека, но Создатель не торопился помогать своим детям, а Орест помог. И пусть называет себя как хочет.

— Госпожа Гирени начала собираться, — не стал развивать скользкую тему

Агас.

— Очень хорошо. Турагису я напишу прямо сейчас, и утром пусть...

— Я... ыду! — знакомо завопило за дверью. — Я крикну в это нэстыдное
лицо!

Я... трэбую пысмо! Я трэбую посланцы ымператора... Я гост отца, и я
трэбую

уважения сына. Принц отвечает за слово старшего... Я трэбую... Хрш...
Хыр...

Бат... су... М-м-м...

— Вывели, — удовлетворенно сказал Агас. — Мой маршал, позвольте вас
поздравить с удачным назначением. Господин Фурис — настоящая находка.

Бывший гарнизонный писарь, водворившись в приемной командующего,
умудрился навести казавшийся до того невозможным порядок. Теперь
Карло не

удивляло, что Фурис справился с мятежниками, такой одолел бы и дожиху

Гастаки! Пургат ему и вовсе был на один зуб, но корпус склочный казарон
не

украшал, а легат мог так или иначе на него напороться. Рассказывай потом
о

неуместной жалости и о том, что Пургат слышит только то, что хочет, и
понимает, как ему нравится.

— Агас, — распорядился маршал, — отвезешь Турагису не только Гирени,
но и

Пургата. Я напишу, а ты от себя добавь... Старик — человек крутой,
управится.

Да, отнеси письмо Фурису, пусть запишет в свою книгу.

— Уже записано. — Агас перевернул футляр и вдруг присвистнул. Карло взгляделся и понял, что герб империи тоже изменился. Нет, сам павлин остался

павлином, но роскошный хвост превратился в веер из бьющих во все стороны

молний, а некогда золотые розы налились кровью.

Глава 3

БАКРИЯ. ХАНДАВА

ТАЛИГ. СТАРАЯ ПРИДДА

400 год К. С. 16-й день Осенних Ветров

1

Молодая мать чувствовала себя прекрасно. Настолько, что вернулась к живописи и всю размазывала нишу в своей гостиной. Первым, к вящему

восторгу бакранской родни, принцесса изобразила козла с сияющими рогами.

Козел, ненавязчиво напоминающий его величество Бакну, умильно тянулся к

стройному человеку, у которого еще не имелось лица, однако намеченные парой

штрихов волосы позволяли сделать определенные выводы. Матильда сделала, но предпочла оставить при себе.

— Отличный козел, — похвалила она, — только не слишком ли вы утомляетесь?

— О нет, — заверила Этери, вытирая кисти тряпочкой. — Надо же мне что-то

делать, пока Премудрая не позволит мне выходить.

— И когда она позволит?

— Когда отвернется Зло, — улыбнулась кагетка. — Только не спрашивайте, когда именно это будет, я не знаю. Хотите персиков?

— Пожалуй. — Матильда вновь глянула на картину и уселась в застеленное лохматой шкурой кресло. — Как малышка?

— Чудесно. Я готова поверить, что козье молоко лучше материнского и тем более кормилицыного, хоть вначале и волновалась. Может быть, вы желаете

вашего вина?

— Желаю. — Персик алатка все-таки взяла. — Мне повезло, что в Хандаве есть

мансай.

— А мне повезло, что в Хандаву приехали вы.

В комнате приятно пахло фруктами, цветами и чем-то, на чём замешивают краски. Обиталище Этери вообще было приятным, но не иметь возможности

даже птичек покормить... И все из-за свихнувшегося олуха, который если чего и

хотел, так удрать!

То, что вломившегося в принцессин садик безумца покромсали на куски, Матильда восприняла без особого удивления, чудеса начались потом. Бедную

Этери заперли в ее домике, вокруг которого неустанно водили то рожавшую

лишь двойни козу, то падавшего с обрыва и не сломавшего при этом шею козла.

Когда кагетка родила, ребенка тут же забрала премудрая, дабы выкормить «отвращающим Зло молоком», а Этери остались краски, кисти и стены.

Навещать затворницу, впрочем, не возбранялось.

— Я закончу роспись к началу Осенних Волн, — призналась дочь Адгемара, —

и устрою небольшой праздник. Надеюсь, вы к тому времени уже вернетесь?

— Наверное, но вряд ли надолго. Бонифацию нужно в Талиг, он все-таки кардинал.

— Я все время об этом забываю! Его высокопреосвященство ведет себя как Проэмперадор. Проэмперадор Варасты. Мне вдруг подумалось... — Этери широко распахнула глаза. — У нас есть обычай отмечать день рождения отсутствующего друга, по нашим поверьям, это дарует ему удачу, а герцог Алва

родился в начале Осенних Волн. Можно приурочить праздник сразу к его дню

рождения, вашему возвращению и новому отъезду.

— И к окончанию картины, — подхватила разгадавшая слишком незамысловатую для дочери Лиса хитрость Матильда. — У нас будут целых четыре повода.

— Тогда решено. — Молодая мать пригубила свой бокал. Пила она, как бабочка, зато разливала вино не хуже пройдохи Валме. — А ведь я так и не рассказала

вам, как появились тергачи.

— Разве? — удивилась алатка. — Я так поняла, что заезжий красавец понадобился сразу обеим царевнам, и, чтобы не было ссор, его пришлось превратить в петуха, а сестер — в куриц.

— Это было бы грустно... — Этери поставила вино на стол, резко так поставила, даже слегка расплескав. — Если бы всех мужчин, желанных более чем одной

женщине, превращали в петухов, мир заполнили бы никчемные уродцы и их

потомки.

— Действительно, — от души согласилась супруга кардинала, понимая, что

логика собеседницы ей положительно нравится. Да и сама лисонька тоже.

—

Тогда кто и как оброс перьями?

— Когда обе царевны выгащили одинаковый жребий, раздались такие звуки, будто у самых облаков тронули струну. Жених пропал, словно его никогда не

было, а ночью царевны увидели во сне неизвестный им цветок, и он обещал

каждой исполнить любое желание, кроме одного. Обе сказали, что хотят вернуть

исчезнувшее, но цветок ответил, что именно это и невозможно...

История тергачей, похоже, была заклётой. Не успела Матильда обругать болтливое растение, как явился начальник бакранского караула. Красивый бородач изобразил нечто, отдаленно напоминающее гвардейское приветствие, и объявил, что ее высокопреосвященству призывает его высокопреосвященство.

2

Старая Придда была кусочком юности. Счастливой. Увы, счастье узнает себя

лишь на старых портретах и никогда — в зеркале. Граф Лэкдеми, он же корнет, тенъент, капитан Савиньяк радовался и злился, получал выволочки и ордена, досадовал, заключал пари, дрался, бегал на свидания, пока не оказался главой

дома и не понял, сколько солнца осталось в прошлом. Север надолго исчез из

жизни, чтобы вернуться тающими снегами, войной, обвалами, и, наконец, проэмперадорством. Шалую молодость он, разумеется, не вернул.

— К регенту, — бросил Лионель подтянувшись при виде маршала караулу.

Совсем рядом, в Арсенальном крыле, жила мать, а отнюдь не железное тело

требовало отдыха, однако Ли не был бы Ли, если б не стал сейчас слегка

Рудольфом. Разговор с матерью до встречи с регентом, горячая вода и кусок

мыла до встречи с регентом, наспех проглоченный кусок мяса до встречи с регентом — это новые занозы в и без того исцарапанном самолюбии

Ноймаринена. Мелкие, но явно лишние.

— Господин маршал, пожалуйста, сюда.

Знакомая анфилада, и тепло печей, тоже знакомое: обычно старые замки холодны, как склепы, тем более поздней осенью, но тот, кто перестраивал Старую Придду, мерзнуть не желал. От души протопленные комнаты почти пусты. В Олларию в конце осени съезжались все, кто мог, а здесь людей немного

и те все больше военные. Женщин не видно вовсе — герцог болеет и при этом

воюет, ему не до светских приемов. В адъютантской памятные по Тарме капитаны возятся с картами, славно пахнет заваренной мятой... Отобрать бы и

выпить, но пить придется вино, которое, без сомнения, подадут. Пить, докладывать, усмехаться в ответ на предложение отдохнуть. Ты, Проэмперадор, именно что железный, или, по крайней мере, изволь таковым казаться, ведь всем

этим капитанам нужна уверенность. Старики ее больше не дают, остался ты и, пока еще, вера в Алву на юге.

— Мой маршал, вас ждут!

— Благодарю.

Рудольф, как всегда, прогуливался, под расстегнутым мундиром виднелась вязаная торская кофта. Выглядел герцог неплохо — лучше, чем в прошлый раз.

— Ну, здравствуй, — на ходу бросил он. — Устал?

— От чего? — ответил улыбкой Ли.

— Кто тебя такого разберет... Год в войне, день в седле. Мог бы и с матери начать.

— Арно нашелся, она это знает. А я знаю, что ей с вами ничего не грозит.

— Надо думать. — Рудольф знакомо и неторопливо побрел к окну. Он никогда

не приглашал сестр тех, кого считал своими — друзья и союзники устраивались

кто где хотел, наливали стаканы, брали с блюда пироги. Хозяин бродил, гости

жевали, и все верили всем, ну или делали вид.

— С тинтой не спеши, — донеслось от окна, — сейчас приволокут вашу с Рокэ

кислятину. Что горит — а ведь горит, если ты ворвался ко мне, даже не сполоснувшись?

— Могло загореться доверие. — Откровенность — сильный козырь, если ею не

злоупотреблять. — Моя мать — не просто мать, а мытье — хороший предлог

для уединения со слугой-шпионом.

— Ты держишь здесь шпионов?

— Нет. Мы с Райнштайнером готовы поручиться за армию и гарнизоны к западу

от Аконы.

— Твоя мать расскажет о съезде дворян провинции... — Теперь Рудольф

разглядывал что-то во дворе. — Ловушка сработала, но зрелище было мерзким

на редкость.

— Фок Шнаузер или Ботмер?

— Оба. И еще одиннадцать подонков.

— Для провинции не так уж и много.

— Войны, — задумчиво произнес герцог и потер поясницу. — Не нюхавших

пороха в наших краях не сыщешь, разве что привезенные жены. Дриксы с гаунау не первый век сдирают с нас шелуху, вот гнилье и вылезает сразу или

почти сразу. Да уж!.. Воевали, воевали и вдруг мир. Странное чувство...

— Мир у нас с Бруно, — уточнил Савиньяк. — Мира с Марге быть не может, для него не сожрать Марагону означает отправиться вслед за Фридрихом на кол.

— Рапорты я, само собой, читаю, но про Бруно там маловато. Как думаешь, старый бык совладеет с Эйнрехтом?

— Он попробует. В любом случае мы можем ставить только против китовников.

— То есть на Бруно и старуху Штарквинд?

— И на молодого Фельсенбурга. Этот на одной земле с Марге жить не станет.

— А на одной земле с родичами и нами? Ладно, не к спеху... Деньги нужны?

— На войну пока хватает. — Клад Манлия ждет своего часа и дождется. В

тишине и покое. — Хватило бы на мир.

— Бертрам есть не просит, но и делиться не торопится. — Рудольф отвернулся

от окна, однако назад не побрел, так и встал, слегка расставив ноги. — В Ноймаре налоги собрали, а как Надор?

— В этом году ничего не даст, но себя прокормит. Манрик прислал отчет, считать он еще не разучился, а воровать научится вряд ли. Хочет строить мануфактуры и менять местных коров на горных алатских.

— Пусть строит, — махнул рукой Ноймаринен. — Как вышло, что Жермон женился на вдове Гирке?

— Любовь заняла место смерти, только и всего, что-то одно должно было с ними остаться. — Прежде Рудольф без причин направление разговора не менял.

Не хочет говорить о деле или только о Манрике? — Пара получилась очень красивая, правда, я отнюдь не уверен, что дал влюбленным законное разрешение. Придется справиться у мэтра Инголса.

— Мне давно никого так не хотелось убить, — ухмыльнулся регент, — но этот

кошачий адвокат прав сто сорок раз из ста. Если ему доверять, о бумагах можно

не думать. Ты доверяешь?

— Пожалуй. — Сколько еще не Прозэмперадор платил еще не вице-супремму, Рудольфа не касается. — Он был умен в Олларии и вряд ли поглупел в Придде.

— В Придде он обнаглел. Я издам рескрипт, предписывающий членам регентского совета носить шпаги.

— Мэтр не будет расставаться с мантией, только и всего, а оружие судейского

при исполнении — закон и только закон.

— И это знаешь? — Ноймаринен хмыкнул, но не ревниво и не подозрительно.

— Вас только за пегой кобылой посылать. Ему ставьте!

Вошедшие ординарцы принялись ставить. Вино, пирожки, нарезанное холодное

мясо, зеленые северные яблоки, которые вечно норовили сбежать со стола Варзова.

— Мне написал Вольфганг. — Регент тоже увидел яблоки и тоже вспомнил маршала Запада. Бывшего... — Он отдышался и рвется в армию хоть полковником. Необходимости нет, но держать его в Вольфзее не полюдски. С

другой стороны, фок Варзов слишком долго командовал армиями, чтобы принять какую-то мелочь. Сейчас он думает, что согласен на все, только, боюсь, это «все» — до первого полученного приказа. Если, конечно, кто-то из вас, малолеток, рискнет приказывать маршалу фок Варзов.

— Я рискну. — Ли подхватил и подбросил яблоко. — Гонять разбойников, равно

как и душить Данарию, должны подвижные части, к тому же...

— «К тому же»... — угрюмо передразнил Рудольф. — Договаривай уж!

Стратег...

— К тому же Бруно может не удержать вожжи, и его армия, или ее часть, бросится за Хербсте. Тех, кто рвался в Ноймар, я бы со счета тоже не сбрасывал,

воевать можно и зимой. Алонсо это успешно доказал, а дриксы вряд ли забыли

«Снежную кампанию» двести семьдесят четвертого года. На выдумки «гуси» не

горазды, но по части присвоения чужого опыта равных им нет.

— Не доверяешь ты старикам, — задумчиво произнес Рудольф. — Мы тоже не

доверяли. Сорок лет тому назад.

— Бруно в одних годах с Хайнрихом. — Ли чудом не поднял бровь, как это делали Росио и Леворукий. — Могу еще вспомнить Валмона и собственных

мать с дядюшкой. Господин регент, вы вольны обижаться, но разговор о старости — это с вашей стороны чистое кокетство. Что до Бруно, то ему придется грести против очень сильного течения. Дриксы рвутся воевать, благо у

них это впервые за последние тридцать лет неплохо получается.

— Значит, оставим Вольфганга на северном берегу. — Рудольф не злился, напротив. Если б еще герцог стал в один ряд с Хайнрихом и Бертрамом. — Я

устал изображать сердечную болезнь и при этом не пускать сюда Георгию, так

что быть тебе Проэмперадором Оллари.

— Нет. — Ли отложил яблоко. — Прозэмперадор Оллари — Робер Эпинэ.

Такова воля Катарины, подтвержденная Алвой. Я готов стать разве что

Прозэмперадором Кольца Эрнани.

— Называйся как хочешь, но столицу пора приводить в порядок. — А вот это

главное, что бы ни было сказано еще и сколько бы они ни проговорили! —

Сперва я думал послать Людвига, но моим сыновьям столько талигойской крови

не пролить.

— Эмилю тоже, — на всякий случай отметил Ли.

— Ему в Оллари делать нечего, как и Жермону. — Рудольф, диво дивное, подошел и сел напротив. Теперь юг и север смотрели друг другу в глаза. — Я

вижу троих. Тебя, Райнштайнера и, не удивляйся, Придда, при всей его

молодости. Другим через себя не переступить; мне, к слову сказать, тоже.

Взгляд Рудольфа был тяжелым и требовательным — так и должен смотреть

регент. Ноймаринен долго думал и пришел к выводу, что Олларию пора топить в

крови. Ли думал не меньше и полагал это преждевременным. Не из-за крови как

таковой, из-за погасших маяков и расплескавшихся колодцев. Гнать в зелень

десятки тысяч вооруженных, привыкших к драке людей следует с открытыми

глазами. И только если другого выхода не будет.

Несогласный волк скалится, олень наклоняет украшенную рогами голову, люди... Люди ведут себя по-разному. Лионель улыбнулся и налил себе вина.

Левой, причем вышло это само собой.

— Монсеньор, я бы сперва посмотрел, что выйдет у Бруно, и узнал подробности

разгрома морисков под Паоной, — предложил он.

— Не хочешь. — В голосе Рудольфа досада мешалась с удовлетворением.
— Не

такой уж ты и Леворукий... Но дожидаться Алву я тебе не дам.

— У Рокэ мориски. — Ждать некого, только этого еще не знают. Весной догадаются, но пока ты не совсем один хотя бы в чужих головах. — Но кроме

меня и Райнштайнера, есть Эчеверрия с Дьегарроном.

— Хочешь оставить кровь кэналлийцам?

Эмиль ответил бы, что кэналлийцы не меньшие талигойцы, чем бергеры и ноймары, Ли обошелся без этого.

— Я оставлю всю кровь талигойцам, — пообещал он. — Но прежде пойму, сколько ее нужно. И когда.

3

Бонифаций высился посреди гостиной, и столь тяжелого взгляда алатка не видела даже после глупости с гитарой и гитаристом.

— Письма привезли, — кратко, как того вечно требовала ее

высокопреосвященство, объявил он, и принцессе внезапно стало зябко. — Из

Тронко и от Дъегаррона. Читать будешь?

— Буду, — решила Матильда, отчего-то подумав, что Алва допрыгался, и совсем

этому не обрадовавшись.

— После прочтешь, — тут же передумал аспид. — А то, пока ждать буду, лопну.

Твой Эпинэ с твоим Левием прохрюкали-таки Олларию, а твой Дъегаррон ни

кошки решить не может. Источает невинность, аки сноп лилий — аромат, а голова у кого болеть будет? А, неразумная?

— У тебя! — рявкнула принцесса, испытывая непонятное облегчение от того, что дело не в Вороне. — Что там еще в Олларии вашей стряслось? Все слопали

и теперь клянчат? Надо кормить: столица, куда денешься!

— Может, и надо, толком не понять. — Муженек поморщился и плюхнулся на

стул. — Губернатор и прежде умом не блистал, ну так Сильвестру не умные

надобны были, а смирные. Вот и наплодил баранов с печатями.

Касера была совсем рядом, но наливать кардинал не спешил. Матильде пить

тоже не хотелось. Женщина чинно опустилась на софу, в последние дни бывшую местом супружеских утех, и рявкнула:

— Ты либо письма давай, либо говори толком! Губернаторов хаешь, а сам?

— А мне, твою инфантерию, тошно! — огрызнулся кардинал. — От

блеющих и

ноющих, и не тебе меня язвить! Толком же...

Толком выходило, что с месяц назад за Кольцо стали рваться беженцы, и несли

эти беженцы какую-то ерунду о погромщиках, от которых не стало житья, о

взявших их сторону военных и даже о дуксах, причем не простых, а свободных.

Озадаченные адуаны беженцев, как было велено, перехватывали; когда же одно

и то же пришлось слушать по десятому разу, решили-таки прогуляться за

Кольцо. До Оллари, само собой, не добрались, но там по всем признакам и

впрямь творилась какая-то «муть». Адуанский командир послал весть в Тронко,

где по причине кагетско-гайифских дел сидел лишь по горло занятый рыбной

ловлей губернатор. Болван с перепугу схватился за перо, дабы...

Бонифаций вытащил из кармана бумагу и прочел:

— «...дабы донести до Вашего сведения, что мы столкнулись с той угрозой, по

причине коей регент Талига, Прозэмперадор Варасты и Первый маршал Талига

объявил карантин. С глубокой печалью я вынужден сообщить, что предвижу

серьезные затруднения и полагаю необходимым присутствие Вашего

Высокопреосвященства в Тронко. В тяжкую для Отечества годину
вверенная

мне провинция нуждается в защите, и я испытываю надежду, что Ваше

Высокопреосвященство поддержит мою настоятельную просьбу,
обращенную к

маршалу Дъегаррону. Я не допускаю ни малейшего сомнения, что регент
Талига

и Прозэмперадор Варасты победоносный герцог Алва сам незамедлительно

вызвал бы маршала Дъегаррона, тем более что нынешнее положение

враждебной нам Гайифы исключает ее вторжение в наши пределы, а
поэтому

держат значительные силы на границе есть недомыслие и
расточительство.

Моя близкая родственница, очень хорошо знающая регента Талига герцога

Алва, разделяет мою уверенность...»

— «Хорошо знающая»? — не удержалась Матильда. — Это как? Я Адриана
за

сорок лет так и не узнала, а сколько та родственница Алву видела и с какой

стороны?

— Вот с той самой и видела, — хмыкнул Бонифаций. — Если свечка
горела, вестимо. Дурак-губернатор удумал, что мы всё тут бросим и
регентскую

любовницу охранять устремимся.

— Да не удумал он ничего. — Матильда, улучив момент, завладела
письмом и

прочла-таки до конца. — Наоборот. Эта гроза осетров хочет, чтобы за него думали мы. Дескать, дорогие Алвины друзья, вернитесь и скажите, что мне, бедному, делать. И армию приведите... Дъегаррон что пишет? Начнешь дурить, штофом брошу. Мне ближе.

— Язва! — В раскатистом голосе отчетливо слышалась нежность. — Чума варастийская! Да разве стану я от тебя сии плачи прятать? Читай, а я уповать

буду, что поймешь ты наконец, где телок неразумный, а где — бык, волками травленный.

Аспид лукавил: он не ревновал, сейчас — нет. Когда Дъегаррон взялся за гитару, было дело, но сейчас Бонифаций думал об Оллари, той самой, откуда его

выставили, продержав семь лет в Багерлее, и которую он украдкой любил. Вот и

врал себе и жене, но прочесть письмо грустного маркиза следовало, и отнюдь не

из-за диких мальв и чужих напевов, которые брали за душу, будто свои.

«Ваше высокопреосвященство, — Дъегаррон в отличие от губернатора писал без

завитушек во всех смыслах этого слова, — пересылаю адресованное Вам письмо губернатора, наверняка в главном повторяющее полученное мной.

Прежде чем действовать, я должен понять, что происходит, причем я имею в

виду не только и не столько Олларию. Герцог Алва мне ничего не сообщил, но,

возможно, он оставил указания Вам. Если это так, я как командующий

армией, которой, видимо, придется действовать в пределах Кольца, должен знать все. В

любом случае прошу Вас поторопиться с переговорами, так как вся моя армия

или же ее часть в ближайшее время будет передислоцирована в окрестности

Тронко...»

Менее похожего на плачи письма вообразить было трудно. Дъегаррон был молчальником, и голова у него вечно болела, но думать и решать он умел. Когда

речь шла о деле...

— Я сейчас тоже плач устрою! — пригрозила Матильда. — Что будем делать?

Готовились к одному, а выходит другое. Дъегаррону и впрямь придется уйти, и

кто тогда будет павлиньих губернаторов пугать? Надо и о лисятах подумать.

Говорим или тянем, пока сами не узнают? Я бы сказала. Пусть видят, что мы им

доверяем и от твоего Талига не оторвались.

— Если бы... — Бонифаций все еще не смотрел ни на касеру, нив вырез

жениного платья. — Не ждал я пинка под зад... Думал, Оллария потихоньку

оживает, да нечего было на еретика с мятежником надеяться. Они, может, и

хотели как лучше, только грязным веником ковры не чистят...

— За глаза и о Леворуком не судят! — взвилась Матильда. — Веники... Аты

эти

веники видел?

— Я Олларию видел... — Бонифаций опять почесал нос, и вышло это грустно.

— Там каштаны сейчас падают... А может, отпадали уже? Забыл. И жил бы себе

да жил, а тут... Ты Триумфальную помнишь?

— Эта которая от главных ворот к дворцу? — уточнила принцесса. — Длинная

такая...

— От ворот Роз! — рявкнул Бонифаций. — Длинная... Ничего-то ты, душа твоя

алатская, не понимаешь! Это же Оллария, и там сейчас опять...

— Это у тебя Оллария, а у меня — Сакаци! Чуть не полсотни лет, как сбежала, и

тоже не думала, пока не вернулась... Ну не могу я этих зегинцев к алатской границе пустить!

— Значит, не пустим, — пообещал Бонифаций. — Но побегать придется.

4

Ли приехал засветло и, никуда не заходя, прошел к Рудольфу. Это было правильно: те, кто прежде в себе не сомневался, а потом дал маху, становятся

мнительны. Ноймаринен никогда не заподозрил бы Савиньяков в заговоре, зато

вполне мог подумать, что Юг временного регента со счетов почти сбросил.
И

без того непростых отношений это точно бы не улучшило.

Арлетта вздохнула и в сотый раз обошла свои апартаменты. Она кружила по

комнатам, то садясь, то вставая, то хватаясь за в одночасье ставшие
скучными

или глуповатыми книги, а уставший с дороги сын совсем рядом говорил о
том,

что могло ждать до утра. И ждало бы, будь Рудольф Диомидом или хотя бы
Бертрамом.

Графиня провела пальцем по дубовой завитушке, вытащила из бюро
записки

Эрнани, потом свой перевод, села, открыла чернильницу, встала и ушла к
окну.

За стеклами смеркалось, поднявшийся ветер гонял сухие листья, пытаюсь
свить

из них желтую пляшущую змею. Увидеть отсюда входящих в дом было

невозможно, но ждать тянет если не на башне, то у окна. Арлетта
щурилась, вглядываясь в пустой вечер, пока в анфиладе не раздались
приближающиеся

шаги. Женщина поднесла руку к воротнику и быстро уселась за стол у

предусмотрительно открытой чернильницы. Она не собиралась
оборачиваться, пока сын не подойдет, но Ли окликнул ее с порога. Прежде
он вел себя иначе.

— Мне уже сказали, что ты тут. — Арлетта сунула предательски сухое перо

В

чернила. — Хорошо, что ты начал с Рудольфа, но материнское сердце предпочло

бы, чтоб ты поел.

— Рудольф меня накормил, — утешил выросший в Проэмперадора белоголовый

мальш. — Все еще переводишь эти назидания?

— Не могу отделаться от ощущения, что в них кроется что-то действительно

ценное. Мир?

— Два мира. — Рука сына ослабила шейный платок. — С Бруно и с Рудольфом.

Он хотел знать все.

— Как и я. Тебе придется повторить свой рассказ, если ты, конечно, успеешь.

— Я задержусь на пару дней, но один придется посвятить мэтру Инголсу.

— Алатское наследство оказалось полезней, чем думалось. Рудольф только спрашивал или еще и рассказывал?

— Он дал прочесть письма Бертрама, но ты наверняка знаешь больше.

— Бертрам снова ходит. С отвычки это не просто, но он всегда был упорным и

собирается еще и на коня сесть. Возможно, уже сел — последнее письмо

помечено 24-м днем Осенних Скал. Два доклада на один вечер — это слишком.

Ступай отдыхать.

— Я уже отдыхаю. — Ли огляделся и передвинул два кресла к окну. —
Теперь

Валмона назовут притворщиком.

— Не ты, надеюсь.

— Бертрам слишком мужчина, чтобы добровольно превратиться в колоду,
особенно при тебе. Кто его исцелил? Мориски?

— Нет. Я назвала бы это чудом, но тебе лучше прочесть самому и о чуде, и
об

Эпинэ, и о Паоне с Данарией. Пересказ никогда не бывает точен, а ты
потом

скажешь, что заметил.

— Проверяешь свои выводы?

— Немного, — созналась Арлетта, любуясь своим лучшим произведением.

Запыленный с дороги и несомненно усталый, Ли был невозможно хорош
собой.

— Мне написала маркграфиня. Очень милое письмо с предостережением
против дам Арамона.

— Ты вняла?

— С чего бы? Дочь в самом деле полезна при ловле бесноватых?

— Сын тоже, хоть и в меньшей степени. Мать все еще здесь?

— Да, и я этому рада. Приятная женщина: ни малейшей утонченности,
говорит

ужасающие вещи, причем исключительно в прозе. Мы проводим время

просто

отлично.

— Пригласи ее к завтраку. Как Проземператор я обязан выразить госпоже Арамона благодарность, а как честный человек — подтвердить, что репутация

Селины под защитой не только моей, но и Райнштайнера.

— А что ты, как честный человек, выразил маркграфине?

— Ничего.

— Значит, это было невыразимо. Ты ее оставил?

— Да, — не стал закидывать сын. Вдаваться в подробности он, впрочем, тоже не

стремился, разве что ухмыльнулся каким-то своим мыслям.

— Прежде твои связи обходились без последствий.

— И опять ты знаешь больше, чем я думал.

— Наверняка я знаю лишь о Марианне, что и позволяет сделать вывод — остальные не доставляли хлопот.

— Баронесса их тоже не доставляла. Ты хочешь знать о Фриде?

— Не слишком, — слегка покривила душой графиня, — но должна. Она — дочь

Рудольфа.

— Я бы сказал, что она — внучка Алисы и, если не путаю, троюродная племянница покойной Гудрун.

— Ты объяснил или отшутился?

— Тебе — объяснил. Пока Фриде хотелось величия и удовольствий по отдельности, все было прекрасно.

— Итак, она разглядела в тебе величие. Вплоть до королевского... Ты, дитя мое, отнюдь не похож на Фридриха, ты ни на кого не похож. У Рудольфа хорошая для

нашего возраста память, он заметил, что из трех моих сыновей детского прозвища не чурается только самый страшный. Разумеется, он извинился за

оговорку.

— Естественно, ведь он хотел сказать «старший», а «Ли» на взгляд Эмиля звучит лучше «Ми», и это так и есть. Давно хотел тебя поблагодарить за отсутствие на стенах Сэ младенческих портретов. Боюсь, будь они там, замок

сгорел бы задолго до мятежа.

— Мой детский портретик именно это и сделал, — засмеялась Арлетта. —

Сгорел... Мы жгли его вместе с твоим отцом и смеялись. Ты очень похож на

Арно. Не для всех — все помнят маршала Савиньяка человеком, до конца цеплявшимся за дружбу, — для меня. С мужем я, вопреки крови Рафиано, была

откровенна, теперь я откровенна с тобой.

— Вот ты и бросила на весы последнюю песчинку. — Ли видел отлично, но

порой щурился. Коты и кони в таком случае прижимают уши. — Минуту назад я

не знал, скажу тебе или нет, теперь знаю. Отца застрелила графиня Борн. Карл

всего лишь прекратил агонию, спас жену и отправился в Занху. Месяц назад

Габриэла Борн утонула, и Придды заговорили. Карл почти согласился сдаться, но Габриэла не сомневалась в победе и сожгла за мужем мосты.

— Ты поверил? — выдавила из себя Арлетта.

— Это все ставит на свои места. Ты помнишь показания Борна?

Она помнила.

— Возьми письма Бертрама, там много важного, в том числе про скверну, и

ступай спать. Или не спать... Когда я вспоминаю, я должна быть одна.

Встал, собрал бумаги, резко развернулся, вышел. Ли не говорит не нужных слов

никому, Фриде уж точно он не сказал ничего опасного, но ненависть — вроде

омелы: чтобы разрастись, земля ей не требуется.

Графиня подошла к окну, в которое скребся ветер. Сын прав, что рассказал, но

имя убийцы не меняет ничего. Занха была мелочью, хоть и справедливой: возмездие, в отличие от мести, необходимо. Чтобы негодяй больше ничего не

натворил, чтобы люди видели — мерзавцы свое получили, только чужой

смертью дыру в жизни не залатать. Арно нет и не будет, его не заменят ни

сыновья, ни внуки, ни притчи, ни Талиг... Как бы мальчишки ни бросали ей
в

окно цветы, как бы важны ни были дела, она одна.

— Мама.

— Ты еще здесь?

— Я ждал в гостиной. В Сэ ты тоже уходила стоять к окну, я помню.

Сыновья не обнимали ее с одиннадцати лет, Арлетта сама их отучала, это
было

невероятно трудно, особенно с младшим, но сегодня Ли сделал по-своему.
Мать

и сын долго молчали у остывающей печи, а потом заговорили о Старой
Эпинэ и

опытах графа Валмона.

Глава 4

ТАЛИГ. СТАРАЯ ПРИДДА

БАКРИЯ. ХАНДАВА

400 год К. С. 17-й день Осенних Ветров

1

Непонятная штукавина над главной башней Хандавы гордо реяла,
извивалась и

колыхалась, бестактно напоминая о том, как виконт Валме подъезжал к
замку в

обществе Алвы. Стань Марсель пьяненьким кардиналом, он зашмыгал бы

носом, но рядом гарцевал приосанившийся Бурраз, и бывший урготский

посол

даже не вздохнул.

— Казар уехал, — внезапно сообщил казарон. — По южной дороге.

— Значит, — виконт злобно выдернул из грядки души морковь печали, — эта

штука вроде флюгера, только указывает не направление ветра, а дорогу казара?

— Последние двадцать семь лет, — охотно подтвердил посол. — В старые времена лент было столько, сколько казаронских родов, все они были равной

длины и связывались в единый узел, сквозь который проходило копье. Адгемар

заменял узел золотым шаром и назвал его сердцем солнца. Казаронам очень

понравилось... Я хотел сказать, большинству казаронов.

— Кто-нибудь из тех, кому не понравилось, еще жив? — любопытствовал

Марсель, вообразив на месте одного из неоценивших папеньку. Правда, тогда

Ворон с пистолетом Адгемару вряд ли бы потребовался.

— Не нравится может как громко, так и тихо. — Кагет улыбнулся роскошной

дипломатической улыбкой. — Поскольку я следую к своему государю с важным

донесением, я не должен заезжать в чужие замки.

— Если замок чужой, — слегка удивился талигоец, — как на нем оказался этот

лилион?

— Казар Баата увидел свет в Хандаве, и, когда он был коронован, крепость получила право на «сердце солнца». Конечно, бакраны могут его снять... Мы

простимся на мосту.

Мост виконта более чем устраивал. Как и отсутствие в Хандаве Бааты.

— Желая вам побыстрее понять, нравится ли вам... последняя кагетская мода.

— Марсель сверкнул зубами вряд ли хуже катета или волкодава. — Только не

говорите мне, что в ваши годы поздно менять покрой камзола... Простите, запамятовал, как называется то, что на вас надето.

— Гав-быр-гав-гав, — пролаял Бурраз. Повторять виконт не рискнул, это сделал

вертевшийся возле всадников Котик, растерявший в дороге последнюю львиность.

— Он запомнит, — пообещал Валме и протянул руку. Рукопожатие вышло не

столько посольским, сколько боевым, и кавалькада в шикарных «гавбырах» устремилась по следу Лисенка. Валме подождал, пока кагеты не исчезнут из

виду, и завернул мориску к Хандаве, даже не глянув на свой эскорт и следующего с оным смиренного брата Сэц-Гайярэ.

Массивные, сложенные из здоровенных камней стены вырастали стремительно, заслоняя и окрестные горы, и небо; теперь, чтобы разглядеть реющую

штуковину, пришлось бы задирать голову до потери шляпы. Шляпу Марсель давно променял на кэналлийский берет, но взирать на «сердце солнца» все равно

не хотелось.

— Я утратил начальство, — с чувством произнес Валме, подъезжая к первым из

не то трех, не то четырех ворот, — и тоска моя зла, но ее я развею, вновь вскочив на козла...

Рассказывать про Алву Марсель не собирался, будь его воля, виконт и про Олларию умолчал бы, только дорогой Бурраз и явно не дешевый Пьетро выбора

не оставляли. Да и Дъегаррон с его адуанами за прошедшие недели успел узнать

слишком много, чтобы вранье имело смысл.

— Не скажу, что разумно жить всегда не по лжи,

Неприятная правда — как в подушке ежи!

Раздавшийся в ответ надсадный и при этом жизнеутверждающий вой мог бы

испугать, но Валме помнил длиннющие бакранские трубы и знал, что ревут они

исключительно от радости. О бедах дети козла предпочитали молчать.

— Нам рады, Капитан, — объяснил виконт прижавшей на всякий случай

уши

кобыле. Мориска то ли поняла, то ли поверила Котику, с которым за время пути

успела сдружиться. Ворота неторопливо открылись, выпустив пару козлеристов.

Васильковых рогов Марсель еще не видел, и это наверняка что-то да значило.

— Замок Хандава приветствует виконта для особых поручений! — отгарабанил

красивый бакран с синей, в цвет рогов, повязкой вокруг головы. — Теньент

Жакна, начальник славного дневного караула. Радостна ли твоя дорога, гость?

— Я стремился к своему козлу, — проявил учтивость Валме. — Воссоединение

с ним — большое счастье.

— Он ждет тебя! — сверкнул очами, потому что это были именно очи, а не какие-то там глаза, бакран. — Я проведу тебя, а о твоих людях позаботятся мои

люди. Только скажи, что ты ручаешься за каждого из них.

— За адуанов и солдат я, несомненно, ручаюсь, — теньент Жакна не походил на

гайифского шпиона, но осторожность есть осторожность, — за капитана

Темплтона тоже. Кроме них с разрешения регента с нами путешествует

эсператистский монах. Неприятностей от него не будет, но что у него в голове, не представляю.

— Он будет сыт, но дальше первой стены не пройдет. Идем!

То, что ведут его не к Бонифацию и не к бакранскому начальству, виконт осознал лишь в одном из многочисленных замковых дворов, превращенных в

козлятню. Простых рогачей держали на привязи, но Мэгнус удостоился

отдельного загона, над входом в который красовался козлиный череп. Мало того, на мертвые рога навязали черные и зеленые ленты, и это было столь трогательно, что Марсель не мог не ответить на любезность.

— Я привез привет от вашего друга, — объявил спутнику виконт, — он верит, что копыта бакранских козлов будут и впредь попирать зло и нести к победе.

— Когда он вернется? — подался вперед бакран. — Здесь творятся дурные дела, а слова премудрых темны.

— Регент вернется, когда это будет нужно, а мы должны быть достойны его доверия, — неопределенно обнадежил Валме и вступил в загон. Его узнали. Нет, не так, его узнали, а под рукой опять не оказалось ни сахара, ни печенья, ни хотя

бы яблока!

— Прости, дитя Бакры! — извинился Валме. — Виноват. Я никогда не являлся к

дамам без подарка, а ведь большинство из них значило для меня куда меньше, чем вы с Готти. Клянусь принести тебе ведро грушаков и новые ленты.

Мэгнус тряхнул бородой, что-то ловко подхватил с чисто выметенной земли и

зادвигал челюстями. Виконт не сразу сообразил, что козел жует его

собственный, невзначай оброненный платок.

2

Член Регентского Совета барон Инголс судебную мантию не носил, шпагу, впрочем, тоже.

— Нет ничего глупей, чем выставлять напоказ оружие, которым не владеешь, —

объяснил свой вид законник. — Это равносильно приглашению применить его

против тебя.

— В Старой Придде? — с готовностью подыграл Лионель. Мэтр заслужил не

только свои деньги и якобы совершенно ему ненужное баронство, но и право

время от времени поучать молодого, все еще молодого Проэмперадора.

Молоденького капитана личной королевской охраны адвокат обучил многому, правда, до Сагранской кампании адвокат этого не понимал. Скорее всего...

— Не важно, что адъютанты герцога Ноймаринен не навяжут мне дуэль, — с

удовольствием развил мысль законник. — Важно, что я не могу парировать

самый жалкий удар, таким образом становясь заложником выставленной

напоказ шпаги и чужой ноли. Здесь уместно напомнить прецедент Леонарда

Манрика, и я его напоминаю. Что до ваших дел, то записки Эрнани я прочел, их

можно использовать при обосновании позиций по, самое малое, трем

направлениям. Готовы и документы по Сакаци, однако алатская сторона отчет в

оговоренный срок не представила. Вы намерены признать причину, по которой

это не сделано, уважительной, или же мне следует начать дело по расторжению

соглашения?

— Я подумаю, — Лионель положил навряд ли знавший иглы и шелк вышивальный столик кiset. — Ваш гонорар.

— Чрезмерно, — вынес вердикт законник, взвесив гонорар на руке. — Дела

Эпинэ, можно сказать, не было вообще, а дело Аллы успешно разрешилось без

моего вмешательства.

— И все же взгляните, — не удержался от усмешки Савиньяк. Мэтр неспешно

распустил шнурок. Блеснуло. При свечах золото ярче, женщины, как правило, тоже.

— Почтенное клеймо, — продолговатый брусок в холеных, слегка запачканных

чернилами руках выглядел аллегорично. — С ним что-то связано?

— Косвенно. Манлий Ферра покупке варваров предпочел союз, и выделенное

Эрнани Святым золото осталось нетронутым. На мой взгляд, работу по обоснованию регентских полномочий ее величества Катарины следует оплатить

именно из этих средств.

— Вы убедите меня принять плату, — мэтр неторопливо вернул пока еще не

гонорар на столик, — если устраните одно противоречие. Прямым наследником

Манлия является герцог Ноймаринен.

— Ферра не владел этим золотом, оно принадлежало Золотой империи, чьим

преемником, как явствует из откровений другого Эрнани, в конце концов стал

Талиг.

— Регентом же Талига, — подхватил адвокат, — является герцог Алва, а при

невозможности исполнения им своих обязанностей — все тот же герцог Ноймаринен.

— Он, как вы знаете, болен. — Ли неспешно откупорил бутылку с кэналлийским. Ему и прежде нравилось говорить с законником, сперва это просто развлекало, затем начало приносить ощутимую пользу.

— Глава дома Савиньяк не счел нужным напомнить о том, что в случае отсутствия Алвы и болезни Ноймаринена, если она достаточно тяжела, регентом

становится он. Как и о том, что регент вправе назначить Проэмперадора, но

отстранить назначенного может лишь дееспособный король.

— Я не возьмусь напоминать о том, чего не знаю.

— Редкое качество. — Инголс слегка подвинул золото, это никоим образом не

было отказом, но кокетничают не только дамы и герцоги. — Упомянутый закон, составленный по образцу дриксенского и утвержденный Франциском Вторым, был применен лишь единожды — вдовствующая королева Алиса назначила

Прозэмперадором Олларию герцога Эпинэ. Отстранение регентши было проведено в нарушение множества законов, но обрело легитимность после подписания Фердинандом в день его совершеннолетия соответствующего эдикта. Оный эдикт составлен более или менее грамотно и предельно скрупулезно, однако тот, кто его готовил, сосредоточился исключительно на

правлении Алисы. Составитель не забыл практически ничего, среди прочего

было отменено и проэмперадорство высланного после переворота в свои владения Эпинэ. Обратите внимание: проэмперадорство конкретного человека, но не сама процедура отстранения от должности. Таким образом, граф, вы

останетесь в вашем нынешнем положении до совершеннолетия его нынешнего

величества или же до смены династии.

— Я все-таки ваш должник. — Темно-красная струя послушно полилась в бокалы. Ли всегда любил разливать хорошее вино. — Хоть и не в такой мере, как Оллария и Оллары.

— Удачный должник — залог благополучной старости. — Инголс, не

глядя, взял

бокал. — В суде, если б мы представляли разные стороны, я бы привел вас к

присяге и спросил, как давно вы знаете о смерти герцога Алва.

— Это был бы не лучший ваш вопрос, даже если бы я воспринимал присягу по-

варварски, то есть серьезно. Алва отбыл на юг, и моя мать смотрела ему вслед.

Долго смотрела... Больше я не знаю ничего. Вы располагаете временем? Если

да, я бы просил вас прочесть письма графа Валмона.

Мэтр со вниманием читал, Ли прихлебывал вино и вспоминал Олларию, дворец

и плотного адвоката в украшенном оленем кресле.

Договор об алатском наследстве связывал дом Савиньяк с домом Мекчеи куда

сильней, чем могло показаться. Альберту это не нравилось, однако пересмотреть

условия мог лишь потомок старшего из сыновей Раймонды. Тогдашний

алатский посол счел, что сын убитого маршала не станет вдаваться в

подробности, разве что спросит про доход, но Ли был еще и племянником

экстерриора. Он взял бумаги, пообещал дать ответ через неделю и отправился

выяснять, кто в Олларии берется за дела о спорном наследстве. Штанцлер, Придд и Гогенлоэ, не сговариваясь, назвали некоего Инголса. Дядюшка Рафиано

вернулся в столицу, когда мэтр выставил Альберту встречные требования, и пришел в полный восторг, хоть и назвал адвоката человеком супрема. Ли это не

смущало, дворцовая жизнь порождала вопрос за вопросом, и граф Савиньяк

снова и снова посылал за законником.

Доверяли ли они друг другу? Разумеется, нет, но мэтр Инголс получал неплохие

деньги, а Лионель потихоньку овладевал оружием куда более смертоносным, чем шпага. Штанцлер успел стать врагом Талига, Сильвестр перестал быть

вторым Франциском, мэтр резко, слишком резко, порвал с Приддом, а Савиньяк

улыбался, разливал вино и вежливо спрашивал о некогда громких делах и

допущенных великими умами ошибках. Зашла речь и о Золотом Договоре. Ругая

победителей, позволивших побежденным связать себя вроде бы ничего не

значущими оговорками, адвокат вряд ли думал, что ломает игру нынешним

врагам Талига. Ли об этом тоже не думал, он просто поделился услышанным с

Рокэ.

Законников Карла Третьего мэтр костерил зимой, а в конце весны пришли вести

из Сагранны и с ними война, на первый взгляд — безнадежная. Решение нашел

Алва, но заплатил за яйцо, из которого вылупилась великая Бакрия, Ли.

Заплатил очень щедро и «по поручению Проэмперадора Варасты». Мэтр спокойно принял деньги, а когда подробности Сагранской кампании стали известны не только графу Савиньяку, нанес визит.

Они выложили карты на стол. В рукаве у Инголса наверняка оставалась пара

крупных козырей, а у самого Ли был наготове Повелитель Кошек. Не

потребовалось, обошлись деньгами, которые законник полностью отработал

еще до отъезда Савиньяка в армию. Берясь защищать Алву, мэтр рисковал

головой бесплатно и к тому же зря: Рокэ погнал Высокий Суд туда, куда хотел, и

почти выиграл, другое дело, что Альдо верил в свою силу не до конца. Горе-

анакс не сомневался в победе над конем, но не над лучшей шпагой Золотых

Земель. Теперь таковой стал, видимо, Ротгер. Или Райнштайнер? Или ты... Не

выяснить, пока не понадобится убивать.

— Познавательльно, — мэтр Инголс отложил письма, — но эти казусы не для

юриста.

— Эти казусы для человека, пытавшегося спасти Олларию.

— Если судить по результату, а законники полагают главным его, а не

затраченные усилия, мы, то есть Проэмперадор Эпинэ и его окружение, потерпели полный провал, хоть и приобрели некоторый опыт. Тем не менее, господин регент, я к вашим услугам.

— Проэмперадор.

— Формально. — Юридическая длань неспешно опустилась на слиток, словно

принося присягу. — Вы платите золотом Манлия за услуги, оказанные Талигу, значит, вы считаете это своим правом и обязанностью. В противном случае вы

бы действовали от имени Алвы, как в случае с Кагетой, или предоставили бы

действовать герцогу Ноймаринен. Если вам нужно мое мнение, то пожалуйста

— вы поступаете верно. При необходимости я обосную законность передачи

вам всех полномочий. В строжайшем соответствии с Кодексом Франциска и

последующими дополнениями.

Мэтр был немногим легче Хайнриха и предпочитал вино пиву, а бумаги — мечу, но оба говорили об одном и том же. Правда, просвещенный законник выразился

резче и определенной варварского короля. Видимо, потому, что был талигойцем.

Не по рождению, по готовности драться там, где другие бегут. Ли усмехнулся и

поднял левой рукой бокал.

— Закон, храни Талиг, а если не закон, то... и закон тоже.

3

Наследник Валмонов отродясь не стремился к чрезмерному знанию,

однако

неопределенности не терпел. Еще в детстве, набедокурив и по возможности

запутав следы, Марсель отправлялся к родителю, чтобы понять, пронесло или

нет, с годами эта склонность лишь окрепла. Валме предпочел бы своими глазами

видеть, как Рокэ летит в дыру, но из-за дурацкого гвоздя замешкался, а круглая

пакость без дна и без Алвы намекала, но не доказывала. Это порождало сомнения и терзания, к которым виконт был лоялен разве что в стихах. Когда

имелось дело или хотя бы приятное безделье, сомнения докучали не слишком, но в казарском гнезде, куда Марсель залез, ожидая загулявших среди местных

красот супругов, поэтическая дрянь явила себя во всей красе. Валме злобно опустошал подносы с фруктами и сладостями, которые приволокли излишне усердные слуги, любовался величественным, чтоб ему провалиться, ландшафтом и пытался думать о папенькиных фокусах с крашеной водой и предсказаниях.

Если древние кликуши не просто получали удовольствие, расписывая

«растерзанные пожары и полыхающие трупы», то хоронить Ворона рано.

«Покинуть империю» отнюдь не равняется «умереть», а дыра была, мягко говоря, странной. Не менее странной, чем сам Рокэ, да и байки о приходах и

уходах сперва Абвениев, а потом и Создателя должны были откуда-то взяться.

— Мало нам богов было, — буркнул виконт, замахиваясь на объявившуюся возле подноса осу, — теперь еще и Алву чтить и ожидать... Гадость... Ведь гадость же?

Сидящий рядом Котик издал многозначительный звук. В песьих глазах читалось

пресловутое «что и того более ожидаю», но в данном случае дело было поправимым.

— Погоди, сейчас воздам, — заверил Марсель, торопливо пробуя местные лакомства. Два первых для собаки были слишком едкими, третье, рассыпчато-

ореховое, отправилось напрямиком в умильную пасть.

— Вообще-то, — заметил Валме, — Хандава — место спорное, и но нас травить

неразумно, а казар — юноша дальновидный. Ешь спокойно.

Котик в дальновидности Бааты не сомневался, и неядреные лакомства

кончились быстро. Марселя это устроило — не жевать по ожиданию, когда под

носом груда еды, непросто, а жевать — потакать затаившемуся, но ждущему

своего часа пузу. От пуза Котик защищал не хуже, чем от волков и бесноватых.

— Да будет благословен тот день, — Марсель по-кардинальски поднял палец, —

когда я выпросил собаку... Ну и когда встретил Рокэ, потому что первое не произошло бы без второго. Осознаем сие и вознесем хвалу.

— Р-ннгг! — немедленно отозвался все понимающий Котик. — Р-вр-р-ннгг!

Это не была хвала, это означало, что приближается кто-то безопасный и даже

свой, а уж заявить о себе или затаиться — решать хозяину. Марсель вытер руки

о расписное кагетское полотенце и перегнулся через кованое ограждение. Вверх

по лестнице ползли два солидных жука — черный и винно-красный: его высокопреосвященство предпочитал заниматься государственными делами в

обществе супруги.

Кормили в Сагранне на убой, а собаку царственно-духовная чета не держала.

Воздвигшийся на пороге беседки Бонифаций был мокр и красен, будто омытый

дождем плод абехо, а волосы Матильды липли ко лбу, хотя пыхла она заметно

тише благоверного.

— Отсюда, — начала разговор алатка, — Баата уронил своего братца...

— Нам ронять некого, — развел руками виконт. — Конечно, можно было захватить с собой виконта Дарзье... Вы его не знаете, но подобный спутник удлинит бы дорогу, и потом — я ничего не знал про беседку. Ваше

высочество, ваше высокопреосвященство, вы поднялись в эту обитель очень кстати.

— Станешь говорить о пейзажах, — пригрозила Матильда, — пристрелю.

— При Котике? Не успеете. Ваше высочество, вам ведь нравился Эпинэ?

— Да! — с вызовом бросила женщина. — Он...

— За ним присматривают. Мой батюшка и... не только.

— А с чего ты, сыне, начал с Эпинэ? — осведомился продышавшийся Бонифаций. — И где Рокэ?

Валме отправил в рот не годившуюся Готти тянучку. Бонифаций ждал ответа, и

он любил Алву. Валме решил быть правдивым и при этом тактичным.

— Разве я сторож регенту? — осведомился он. — Откуда мне знать, куда он

провалился, но дела в Талиге запаршивели так, что всей помощи оттуда — я и

Готти.

— Скорее уж Готти и ты, — очень кстати фыркнула алатка. — Так что там с

Эпинэ?

— Да жив он, — отмахнулся супруг. — С Олларией что? Без утайки говори, как

есть, и всё!

— Вы хотели всё, ну так вот оно! — отрезал Марсель спустя час, если не больше. — Я умолкаю, пока мне не дадут сырых яиц. Иначе мир и капитан

Гастаки лишатся моих песен, а я на это пойти не могу.

Виконт почти не врал, он в самом деле охрип и едва ли не впервые в жизни преисполнился жалости к ликторам. Бонифацию пришлось легче: во-первых, он

знал не столь уж и много того, чего не знали папенька с Дъегарроном, а во-вторых, клирик есть клирик. У этого же глотка была и вовсе луженой, ибо святой отец не только проповедовал, но и командовал; ну и бражничал, само

собой. Бонифаций почесал нос, он уже обо всем спросил, всех обругал и явно

наладился думать.

Темнело, небо стало бархатно-синим, башни, деревья и близкие горы — черными, а дальние куда-то пропали. Над беседкой деловито порхали вылетевшие на охоту нетопыри, всё вместе стало бы роскошной декорацией для

какой-нибудь мистерии, и Валме решил расписать хандавские сумерки Елене, пусть подумает, куда их девать. Чтобы больше увидеть, виконт подошел к

узорчатой, разукрашенной бронзовыми цветами и ягодами ограде. Горные вершины засыпали в вечерней тиши, синие долины наполнились свежей мглой.

Черно-синий покой завораживал, листья обвивавших беседку растений, и те не

дрожали. Хотелось выкинуть из головы всю набившуюся туда дрянь и отдохнуть, ну или хотя бы излить это желание в стихах.

Марсель бездумно вертел плохо закрепленную на своем штырьке бронзовую

земляничину и пытался подобрать достойные спускающейся ночи слова. Увы, результат очаровал бы разве что Зою, посылать подобное Елене было неприлично, но подарить принцессе свет выплывшего из-за черной горы прозрачного месяца хотелось.

Замечтавшись, Валме напрочь позабыл о почтенной чете, а когда та напомнила о

себе раздраженными голосами, сразу и удивился, и возмутился. Впрочем, супруги тоже запомнили, что они не одни.

— ...не вернусь! — приглушенно рычала алатка. — Поеду к святой Шаре каяться... Что с еретиком на старости лет связалась...

— ...а и не возвращайся! Мне же проще! Пока тебя, брыкливицу, спасешь, целое

стадо в Рассвет вогнать можно, а стадо мое велико теперь...

Марсель поморщился и прищелкнул пальцами. Чуть слышно, но Котику хватило. Волкодав с готовностью подал голос, и спорщики замолкли.

— Ваше высокопреосвященство, — наследник Валмонов напоследок крутанул

бронзовую ягоду и отвернулся и от горы, и от поэзии, — ваше высочество, мы с

Котиком ценим ваше доверие, но богословские разговоры нас удручают.

Позвольте нам, пока еще не совсем стемнело, удалиться.

— И когда ты, чадо, начал дозволения на такие дела просить? — проворчал

Бонифаций. — Уж не тогда ли, когда за Алвой увязался? Ответствуй лучше, что

дурного в том, что я супругу к брату ее отсылаю, да не просто так, а по делу? За

Альбертом сим глаз да глаз нужен. Пока Гайифе мориски о Создателе напоминали, а в Талиге все на круги своя возвращалось, Алат с Кагетой друзьями нам были, а что теперь?

— А то, — откликнулась, поднимаясь, Матильда, — что Альберт не такой дурак, чтобы против Черной Алати переть, а слово Балинта у нас помнят. Ну а

попрет, Карой с Лагаши живо ему мармалюцу покажут!

— Когда барсы Варасту трепали, Альберт за павлиний хвост схватился, и никто

ему по рукам не дал.

— Дали бы, если б до дела дошло, — не усомнилась в земляках алатка. —

Даром, что ли, после дури саграннской послом в Талиге Балинт Карой стал?

Пока Альдо... Пока я в Олларии торчала, он, морда эдакая, во дворец носу не

казал. И ведь знал, что там я, а все равно «болел». Это Карои-то!..

— Ты, душа моя, зубы нам не заговаривай. Карой не Карой, а сестра Альберту

— ты!

— Нужен тебе Альберт! Ты меня в Алати гонишь, потому что воевать

собрался... Так вот, твой высокопреосвященств, либо я — твоя

высокопреосвященства и еду с тобой, либо я — алатка и еду в Алат.
Навсегда!

Зашуршало и смолкло, на фоне звездно-синего неба обозначился женский силуэт. Отвернувшись от мужа Матильда смотрела на поднимающийся туман, как сам Марсель парой минут раньше. Бонифаций остался у стола, он наверняка

уже понял: такую жену спрятать не выйдет.

Виконт как мог громко зевнул и перебрался к кардиналу.

— Горы и туманы клонят ко сну, — сообщил он, — а спать здесь по ряду причин

неудобно... С вашего разрешения, я оставлю эти созвездия вам, только скажите, куда и когда мы едем? Я, как вы понимаете, представляю регента и немного —

Валмонов.

— Как гонец от Лисенка прибудет, так и выедем, — с готовностью откликнулся

Бонифаций. — Кагеты у нас за посредников.

— Значит — кагеты, нас трое и эскорт.

— От Дьегаррона бы офицера неплохо. Чтобы видели — тут он и к бою готов.

— Я вам Темплтона привез. Для почету.

— Дуглас тут?! — обрадовалась из сумерек Матильда. — Это про...

Что-то щелкнуло, что-то тяжело зашуршало, короткий лай слился с коротким же

криком и мгновенно оборвался. Марсель рванулся на шум и тут же замер —

Матильда на четвереньках отползала от бездны напрямиком к опрокинувшему

лавку супругу. Рядом вертелся Котик. Все были живы, всё было на месте. Кроме

решетки...

— Твою же... — Женщина прекратила отползать, перевернулась и села прямо на

пол. — В рукав вцепился... Иначе... Иначе бы уже все!

Бонифаций что-то прохрипел и бухнулся возле жены. Это было трогательно, это

было ужасно трогательно, но Марселя занимала решетка, вернее — ее отсутствие. Откладывая осмотр виконт не стал, хотя фонарем никто не озаботился, а отблески от факелов с лестницы лишь порождали тени и путали.

Осторожно, пробуя каждый камень, Валме двинулся от стола к краю бездны.

Пол был надежным, ажурные столбики тоже стояли, а вот ограда... Один ее кусок, как раз над обрывом, опустился на манер откидного корабельного борта.

То, что опиравшаяся на него женщина не полетела в пропасть, было просто чудом, и чудо это ждало похвалы.

— Потерпи, — заверил спасителя Марсель, — сейчас найдем что-нибудь достойное... Для начала.

Виконт опустился на колени и, покрепче вцепившись в столбик, попробовал

поднять решетку, та послушно, не скрипнув, поднялась и встала на место. Она

казалась прочной, но достаточно облокотиться... Неплохая ловушка, но почему о

ней не предупредили? Беседку убирают слуги, в нее могут забраться гости, значит...

Мелькнувшая догадка оказалась верной. Бронзовая ягодка вертелась отнюдь не

по нерадивости кузнеца! Поежившись от того, чего не случилось, Валме

повернул подлую штуковину в другую сторону, вернулся назад и толкнул

решетку, та не шевельнулась. Что ж, еще одной чужой тайной стало меньше.

— Эй, — все еще хрипло окликнула Матильда. — Там... Что там было?

— Один маленький казарский секрет, — почти спокойно объяснил Марсель. —

Вот так братьев из беседок и роняют. Любопытное решение... Что-то вроде

клинка в трости, но не столь надежно.

Глава 5

ТАЛИГ. ОКРЕСТНОСТИ ЛЕСА СВЯТОЙ МАРТИНЫ

АКОНА

400 год К. С. 22-й день Осенних Ветров

1

Лошадь Валмона впечатляла. Несведущий бы счел, что Проэмперадор Юга взгромоздился на отожравшегося и отмытого обозного битюга, но Робер сразу

понял: перед ним — настоящий рыцарский конь. Предки громадины таскали на

себе не только наездников, но и десятки пессан железа, потомку достался только

всадник, зато какой! Бертрам казался вздумавшим проехаться монументом.

— Да, — изрек монумент, проследив взгляд Эпинэ, — я внушителен. И так, маршал, нам предстоят средней приятности разговоры. Вас что-то смущает?

Пытаться соврать было бессмысленно, и Робер пустил в ход совет мэтра

Инголса: сунуть часть правды во встречный вопрос и прикрыть чем-то, связанным с собеседником.

— Почему конная прогулка? — старательно удивился Иноходец. — Почему именно здесь?

Граф Бертрам снял с плеча одну из множества летавших над полем паутинок.

— Валмоны убирают то, что им не нравится, — напомнил он, — но отсутствие

неприятного — полдела. От жизни следует получать удовольствие или хотя бы

удовлетворение. Я слишком долго не садился в седло — это достаточный повод

для прогулки в пристойном обществе. Вижу, вас несколько раздражает это место.

— Просто я помню...

— Бывает, — согласился Проэмперадор, направляя своего гиганта вдоль

пестрой опушки. Эпинэ счел это приглашением, а топтавшийся на

почтительном расстоянии черно-зеленый эскорт — приказом. Небольшая и при

этом солидная кавалькада неспешно двинулась сквозь две осени —
прошлую и

настоящую — к лесу Святой Мартины. Пейзаж был самым мирным —
Пуэн с

управляющим не сочли возможным потерять урожай, и прилегающие к роще
поля

были вспаханы, засеяны и убраны. Веселое солнышко то и дело
выбиралось из-

под пушистых облачков, и золотящаяся под нежаркими лучами стерня
твердила

о том, что хлеб прекрасно растет на крови.

— С погодой нам повезло, — прервал молчание Валмон, — в отличие от
Манрика-младшего.

— Вы правы, — глухо подтвердил Робер, — тогда был дождь.

— Приятная рощица, — граф пристально взглянул на спутника. — Для
меня

место вашей драки именно рощица, как для вас Мельников луг — всего
лишь

приречный луг. Память и потери — дело сугубо интимное, потому я и не

переносу все эти «скорбим с вами», «разделяем ваше горе»... Разделить

можно

пристрастие к сыру или кэналлийскому, в крайнем случае — не слишком нравственную красотку. Вы согласны?

Согласен ли он с тем, что в равнодушных утешителей хочется всадить пулю?

Что про горящий заживо тополь он не расскажет даже Марианне, а Бурраз с

Балинтом ему ближе далекого Ариго, каким бы замечательным кузен ни был?

— Да! — если он не скажет этого сейчас, он вообще не скажет. —
Господин

Проэмперадор, я не могу заменить Заля, сейчас не могу... Не мне судить, какой

из меня маршал, но я не оставлю Кольцо! Даже не потому, что вы отдали мне

ополчение Внутренней Эпинэ, с данарской сволочью я буду драться, пока...
либо

они, либо я!

— Вы только не волнуйтесь, — посоветовал Проэмперадор. — То, что вы не

бросаете даже тех, кого следует, я уже понял. Как и то, что к бесноватым у вас

особый счет. У вас на редкость выразительное лицо, шпионы в вашем окружении крайне нежелательны.

— Откуда им сейчас взяться? — удивился Робер, — Я про шпионов... Им и

платить-то некому, данарии не платят, остальным не до нас.

— К тому же вы отнюдь не глупы, — Валмон продолжал развивать свою мысль,

— простодушны, дружелюбны, доверчивы, но никоим образом не глупы. К Залю мы еще вернемся; в нашу прошлую встречу я был несколько выбит из колеи и забыл кое-что прояснить. Сколькими языками вы владеете?

— Только талиг.

— Очевидное самоуничижение. Самое малое, вы владеете алатским, кагетским

и бирисским.

— Какое там, владею, — мотнул головой Иноходец, — если припечет, смогу

объясниться, но почти все алаты знают талиг.

— Про бирисцев подобного не скажешь.

— Бири я более или менее разбираю, мы же дрались вместе!

— Гайи? Гоганский?

— С Ламбросом мы говорили на талиг, с гоганами тоже. Они нас понимают куда

лучше, чем мы их.

— И еще, — монумент чуть возвысил голос, словно подводя итог, — вы не упрямы и не чванливы. Для внука Анри-Гийома удивительно.

— Упрямитесь нас отучил именно дед. Что до чванства, то, проиграв по всем

статьям, нос особо не задерешь.

— У многих это получается просто отлично, — не согласился Валмон, — правда, на что-либо иное эти господа не годятся. В отличие от вас.

— Пуэн и Гаржиак всегда вели себя достойно. Борнов, я про Рихарда и Удо, вы

не знали, как и Темплтона.

— При чем здесь они?

— Разве вы не о прошлогоднем... даже не знаю, как назвать то, что мы устроили.

— Недоразумение во всех смыслах данного слова. Забудьте. Что происходит на

Кольце?

— Мне трудно что-то добавить к имеющемуся у вас докладу.

— Можете не добавлять.

— Но... Вы прочли?

— Неважно. Сомнений в целях новоявленных дуксов у вас нет?

— Именно так, сударь. Предположения, что данарии под шумок попробуют проникнуть в Варасту, не подтвердились. Либо данный маневр вообще не затевался, либо они сочли нас более легкой добычей и сосредоточились на Внутренней Эпинэ.

О том, что ублюдки наверняка рассчитывали переманить на свою сторону недавних мятежников, Иноходец смолчал. Его дело было не гадать, а

докладывать, он и докладывал, то есть пересказывал свой собственный рапорт.

Повторять единожды записанное проще, чем сочинять на ходу, и Робер благополучно справился с описанием противника, после чего перешел непосредственно к боям. Данарии ухитрились появиться на три дня раньше, чем

ожидалось, но это им не слишком помогло. Первыми «гостей» согласно диспозиции встретили кэналийцы. Легкая кавалерия и время выгадала, и потерь серьезных не понесла, а когда Эпинэ был готов, оторвалась от бесноватых и присоединилась к ополчению. Они с рэем Сетой еще успели выпить и выспаться, потом стало не до гулянок. Данарии, числом не то семь, не

то восемь тысяч, прорывались сразу по трем главным дорогам, Эчеверрия, Робер и Гаржиак их не пускали. К счастью, приличной конницей атакующие так

и не разжились, зато исхитрились приволочь из Олларии пушки, причем в изрядном количестве. Мало того, у них, судя по всему, завелся недурной командир. Этим своим выводом Иноходец все-таки поделился, и тут две осени

внезапно стали одной, провонявшей кровью и порохом. Робер тщетно пытался

унять взбудораженную память и вернуться к докладу, но равнодушные выхолощенные слова не выговаривались, хоть умри.

— Итак, — с некоторым раздражением подсказал собеседник, — данарии

озаботились доставить пушки.

— Прошу прощения, — окрестности Лэ радовали тишиной: Колиньярам хода

сюда больше не было, но бесноватые так просто не уймутся! — Написать мне

удалось внятно, а сейчас...

— Сейчас вы пытаетесь изъясняться на языке Манриков. Говорите, как говорится, Валме вас понимал, я тоже как-нибудь разберусь.

— Спасибо, — от души поблагодарил Робер. — Они догадались подтащить пушки к повороту на...

Гады догадались, и добрая треть мушкетерской роты в считанные минуты превратилась в груды истекающего кровью мяса. «Ох, знал бы, перетопил бы к

змею весь арсенал! — прошипел тогда бывший Проэмперадор и гаркнул: —

Пехота! За деревья! Живо!» Уцелевшие шарахнулись за вековые каштаны, а Робер бросил имевшуюся в его распоряжении конницу на батарею. И сам бросился. Они доскакали прежде, чем артиллеристы успели перезарядить орудия. Дальше была рубка и неистовая, исступленная радость от того, что эти

больше ничего не натворят. Затем пришел черед «тех», которых было много больше.

Командующий ополчением метался от отряда к отряду, подгонял, осаживал, вел

в бой, выводил из боя, успокаивал необстрелянных, гнал в опасные места прошедших Олларию и Барсину ветеранов. Те сражались отменно, но их здесь

была едва ли треть, а данарии, по своему обыкновению, перли вперед, наплевав

на встречный огонь, лишь бы дорваться до рукопашной.

— Теперь я понял, — после первых боев с чувством признался Гаржиак, — а

ведь не верилось... Ну нельзя же так себя не жалеть!

— Можно, как видите, — утешил соратника вконец измотанный Робер. Гаржиак

помянул Леворукого и поплелся к своим. На следующий день южанам снова

пришлось пятиться, уж больно упорно погнал вперед собранных в кулак сумасшедших все еще безликий и безымянный мерзавец. Выстоять под таким

напором было можно, лишь положив уйму своих, — Иноходца подобный размен

не устраивал. Приходилось отступать и стрелять, пропускать и стрелять в спину, скрываться в садах и рощах и стрелять во фланг. Схватки медленно, но

неуклонно смещались в глубь провинции, и все же ополченцы не побежали, а к

ночи стали подтягиваться кэналлийцы с дальних застав. Эчевееррия справедливо

счел, что пехота не может летать с тракта на тракт, а преимущество в

кавалерии

— это и преимущество в маневренности.

На рассвете Робер и рэй Сета ударили сообща, и малость подрастерявшие прыть

бесноватые откатились назад, в пределы Кольца. Их вожак тут же принялся

искать свободный путь, но обогнать конницу ему ни разу не удалось, а потом

зарядили дожди, и все как-то стихло. Эпинэ пожал руку выручившему его рэю и

вернулся в приспособленный под ставку трактирчик, где сочинил и тут же

отправил злополучный доклад. Дювье приволок ужин, Робер заставил себя

ковырнуться в рагу, но стоило бесценному сержанту убраться, рухнул на

застеленную желтой периной кровать. Он проспал больше суток, и спал бы

дальше, не прискачи гонец от Валмона. Проэмперадор Юга желал видеть

командующего ополчением Внутренней Эпинэ в замке Лэ «так быстро, как это

позволяет состояние дел на Кольце». Дела позволяли, и Робер выехал сразу.

2

Ариго витал в свадебно-розовых облаках, а Эмиль банально не желал думать, но

отпускать счастливого мужа и гулящего жениха Савиньяк не собирался. Высшие

офицеры Западной армии и союзнического бергерского корпуса должны

совещаться с Проэмперадором, иначе на военных станут смотреть как на приложение к властям. Лионеля это по ряду причин не устраивало, а братца с

Жермоном не устраивало копание в «потусторонней мути».

— Пожалуй, — задумчиво произнес Ли, — я произведу в генералы Придда. Он, по крайней мере, готов думать не только о дамах и дриксах.

— Герман еще всегда готов думать об обеде, — подхватил шутку Райнштайнер,

— но очевидное непонимание важности того, что мы обсуждаем, удручает.

— Удручают ваши попытки остановить дождь, — отмахнулся Эмиль. — Можете

дуть, хоть лопнуть, тучи не разогнать. Остается сидеть под крышей, пока само

не кончится, но на деле все не так уж и скверно. «Гусям» и «павлинам» сейчас

хуже, чем нам, а свернуть шею дуксии можно за пару месяцев. Жермон, ведь

так?

— Конечно, — блаженно улыбнулся тот и внезапно переменялся в лице. — Но

штурмовать Олларию я не хочу.

— До штурма нам далеко, — успокоил молодожена Проэмперадор. — Без надежного тыла я Кольцо не перейду.

— И это правильно во всех отношениях, — поддержал бергер. — Лионель, я

давно хочу узнать, почему вы придаете такое значение намерению Вальдеса отправиться после войны в морскую экспедицию. Вы полагаете, что он может

обнаружить что-то важное? В таком случае стоит ли ждать? Наше господство на

море неоспоримо, Талиг в состоянии отпустить несколько кораблей и одного

адмирала прямо сейчас.

— Несомненно. — Почему бы и не объяснить? Райнштайнер или поймет и согласится, или укажет на ошибку, что не менее ценно. — Не представляю, что

найдет Вальдес — возможно, ничего, а возможно, страну, где пчелы, и те будут

из золота... Вы, Ойген, слишком буквально толкуете мои вопросы. Меня занимает не замысел Вальдеса, а то, почему этого не сделали прежде. Почему

никто до сих пор не обогнул Бирюзовые земли? Почему никто не попытался по

ним прогуляться? Почему до Франциска Вараста пустовала, а до прихода Алвы

бакраны сидели в своих горах?

— Про Варасту унары и те знают, — зевнул Эмиль. — Церковный запрет.

— Церковь, любезный братец, еще и разврат запрещает, толку-то... Кстати, о

церкви. Почему абвениаты пальцем не шевельнули, когда начали крушить их

храмы?

— Леворукий их знает... — Господину командующему все явственней хотелось

на волю. — Лень было.

— Не сказал бы, что ваши шутки уместны, — попытался воззвать Райнштайнер.

Ничуть не пристыженный братец возвел глаза к потолку, и тут на пороге возник

адъютант.

— Монсеньор, — странным голосом доложил он, — «фульгаты» задержали

девицу в маске. Она намеревалась влезть в кухонное окно. Поняв, что ее заметили, незнакомка сперва пыталась скрыться, потом угрожала кинжалом, а

теперь под угрозой самоубийства настаивает на немедленной аудиенции.

— Вы уверены, что это девица, а не корнет Понси?

— Монсеньор...

— Ну, мог же он переодеться? Хорошо, давайте ее сюда, и желательно без кинжала и яда. — А ведь тут прозвучало что-то любопытное. Или не прозвучало, а мелькнуло в голове?

— Ли, ты начинаешь опережать Алву. — Оживившийся Эмиль принялся сворачивать карты, для него совещание уже закончилось. — Рокэ частенько забирается к женщинам в окна, но к тебе они лезут сами.

— Небесспорный вывод. — А вот Райнштайнер явно намерен выпроводить девицу и продолжить разговор. — Герцог Алва, насколько известно, посещает

дам, которых сам выбирает, и тогда, когда полагает возможным и нужным.

— Существенное отличие, — согласился Лионель. Что же и кто сказал? А ведь

сказал! — В любом случае, сейчас я к личной жизни не расположен.

— Монсеньор, к вам дама. Она желает сохранить инкогнито.

Назвать это дамой можно было лишь с натяжкой. Незнакомка в мантилье и черной шелковой маске была не крупней гоганни. За исключением красноречиво

распиравшей платьице груди — впрочем, женщины давно научились что-то подкладывать, что-то утягивать.

— Граф Савиньяк? — требовательно пискнула маска. — Мне нужен разговор

наедине!

— Нет. — Тербит оборку. Браслета не видно, но ручки молодые, изящные.

Дворянские ручки, хоть и без колец. И голосок господский, просить не приучена, вот топать ножкой — запросто. Ножка, кстати, должна быть маленькой...

— Но я не могу.. — запротестовала знакомка. — Это очень... очень... приватно!

— Эти господа не имеют обыкновения выдавать чужие тайны. — Лезть в

ОКНО В

юбках с оборками... Селина надела бы мужское платье, но у Селины умная мать.

— Сударыня, либо вы будете говорить при них, либо вас проводят туда, куда вы

пожелаете.

— Мне надо в тюрьму! — Глаза блестят даже сквозь маску. Любовь, надо думать, и сейчас станет ясно, к кому. Молчать, так молчать, чтобы первыми заговорили мужчины, она вряд ли умеет, разве что Эмиль встрянет. Ариго слишком стеснителен и к тому же по самую шляпу влюблен, а Райнштайнер

блюдет субординацию и хочет говорить о Вальдесе.

Девушка замерла. Наверняка она сейчас кусала губы — не будь маски, это могло

бы растрогать.

— Вы... Он... Андрэ... Капитан Фантэн... Он дрался на Мельниковом лугу! Его

нельзя...

Дальше были слезы. Подлинные. Лицо скрывал черный шелк, но враз ставший

насморочным голос сомнений не оставлял. Она рыдала и все равно что-то пыталась объяснить, глотая слова и шмыгая носом. Стоя среди сидящих мужчин. Ариго, впрочем, уже собрался вскочить, Эмиль пока терпел — его предпоследняя довоенная пассия была живым фонтаном.

— Спокойно, — внезапно велел Райнштайнер. Не девице, генералу. —

Спокойно, Герман. Дело капитана Фантэна мне известно.

— Выйдите, сударыня. Когда успокоитесь, можете вернуться.

— Дет! — Она таки топнула ногой. — Я должда остаться.

— Сударыня, — Савиньяк поймал и удержал чужой жаркий взгляд, — вы вернетесь, когда успокоитесь и сможете внятно изъясняться. Если вам не догадаются дать воды, я сменю адъютанта.

Вышла, можно сказать, выскочила. Любопытно, чья она дочь?

— Любовь, особенно чужая, не повод увиливать и отлынивать. — Лионель взял

свернутую братцем карту и с удовольствием развернул. Лет двадцать назад он

бы показал язык, он бы его и сейчас показал, но Райнштайнер бы расстроился.

Огорчать бергеров Савиньяк не любил, к тому же с бароном почти назрел брудершафт. — Ойген, что вам известно об этом капитане?

— Всё. Капитан Фантэн, вне всякого сомнения, преступник, и его военные заслуги этого обстоятельства не отменяют. — Райнштайнер обернулся к Ариго.

— Ты слишком несдержан для нынешнего года. Насколько подробно мне обрисовать обстоятельства?

— Количество подробностей, — Проэмперадор торжественно разгладил норовящий загнуться лист, — зависит от числа сомнений. Таковые

имеются?

З

Льнущий к лесу овраг и осень напоминали о мятеже, монументальный спутник

— о том, что прошлогодняя мечта о поводьях сбылась. Ты больше ничего не

решаешь, значит, можешь не сомневаться, не врать, не брать на душу грехи. Вот

чего ты не можешь, так это сбросить всадника и умчаться в поля. То есть на

поиски Марианны. Вернее, можешь, и тебя даже поймут, но бесноватые по доброй воле не уймутся, а в Эпинэ деревушки и городки на каждом шагу. Те же

Уточки, в которых барон прячет настоящую семью... Что же им, подниматься и

уходить непонятно куда?

Робер пошарил взглядом по рыжим кустам и узнал бревна, больше не

притворявшиеся пушками. Дальше, за ложной батареей, прятался пострадавший

от адъютантского пари муравейник, а по веткам прыгали сороки, которых не

сумел перестрелять погибший ни за что дуралей...

— Виконт Валме, выявив у вас задатки рака печального образа, проявил

фамильную наблюдательность, — с умеренной гордостью сообщил

Прозэмперадор. — Вы пятитесь в прошлое, норовя при этом страдать,

однако

времени на страдания у нас нет. Вы ничего не упустили?

— Существенного — вроде бы нет... В своем рапорте я еще перечисляю отличившихся и прошу офицерский патент для сержанта Дювье. Он заменил

сразу двух капитанов, кроме того, Дювье зарекомендовал себя... вы не представляете, сколько он делал в Олларии!

— Я, — недовольно выпятил губу Валмон, — не представляю, в отличие от вас.

Почему этот парень до сих пор ходит в сержантах, и с какой стати с ним должен

возиться я, когда Проэмперадор Олларии — вы?

— Как-то в голову не пришло! После смерти сестры в столице никого не осталось... То есть не оставалось от Талига, его высокопреосвященство не мог, а

я — бывший мятежник.

Граф Бертрам величественно поморщился.

— Ваше бестолковое бескорыстие было бы чудовищным, не уравнивая оно

корыстную глупость немалого стада. Если предсмертную волю Катарины еще

можно ставить под сомнение, то выбор Алвы обжалованию не подлежит. Как и

ваши решения.

А ведь точно! Приказ Проэмперадора вправе отменить только регент, но Ворон

против производства Дювье возражать не станет.

— Благодарю за совет, я так и сделаю.

— Не забудьте указать надлежащие дату и место. Оллария. Число любое между

смертью ее величества и бунтом. Что вы знаете об овцах?

— О ком? — Эпинэ показалось, что он ослышался.

— Об овцах. — Внушительный перст указал на примыкающие к лесу постройки, прошлой осенью их не было. — Исключительно полезные животные. Впрочем, лучше убедиться лично, это нас не слишком задержит.

— Я в вашем распоряжении.

— Вы трогательны. — Валмон шевельнул поводьями, и рыцарский мерин послушно зашагал к деревянным воротцам, он чудесно обходился без войн и

прочих турниров. Любопытно, где таких еще разводят? Копыта — с тарелку...

Ленивое любопытство зевнуло и уронило морду на лапы. Две сросшиеся осени, убоявшись Проэмперадора с его советами, убрались в овраг еще раньше, оставив Иноходцу запах вербы и легкое сожаление о краткости передышки.

Завтра все завертится снова, а сейчас пусть будут овцы и тишина.

Лица коснулась паутинка, солнце очередной раз высунулось из туч, будто

Клемент из хлебницы. Кажется, с крысами дневное светило еще никто не

сравнивал. Можно стать первым, только нет у герцога Эпинэ такого желания!

Ему и нужно-то всего Марианна, замок на Грозовом холме и Октавий.
Катари не

желала для сына ни судьбы короля, ни судьбы Ворона, для сестры счастьем
была мирная жизнь в родном Гайярэ, потому она и поняла...

— Эпинэ, — заметил Прэмперадор, когда из совсем уже близких ворот
выскочило пятеро, — я назначил вам вполне приличного управляющего, но
понимать, что и почему он делает или же не делает, вы должны. Тот же
Пуэн

осознает, что холмы Лэ созданы для овец, а не для Колиньяров.

— Сударь, — граф на что-то намекает, но понять его впору разве что
наследнику, — так вы меня вызвали, чтобы я разобрался в делах... в
управлении

своими землями?

— Я преследую несколько целей, и намерен начать с наименее значимой.

Управляющего Пуэна и его помощников вы помните?

— Не уверен. Солдат я запоминаю лучше, и потом...

— Вам было не до того, — согласился Валмон, слегка шевельнув рукой. —

Чудовищная победа, мерзкие союзники, инцидент с гоганами... Тем не
менее, не

справляйся управляющий со своими обязанностями, вы бы его запомнили
хотя

бы потому, что вам пришлось бы самолично добывать лекарей, простыни и

фураж. Когда нужное находится сразу, не задумываются, каких усилий это кому-

то стоит. Лучшие слуги и лучшие губернаторы незаметны. Посторонитесь.

— Простите. — Иноходец вынудил полумориска отшагнуть, давая дорогу паре

здоровяков с чем-то вроде малярной лестницы красного дерева, еще один молодчик в черном и зеленом взял под уздцы и не думавшего гарцевать мерина.

Созерцать спуск почти божества на землю Робер не стал — вспомнил, что граф

не терпит, когда за ним подглядывают. Тоже спешившись и предупредив

подскочившего парня, что фамильярностей Дракко не потерпит, Эпинэ двинулся

вдоль изгороди, за которой толкались и блеяли остриженные овцы, серые с черными мордами и ногами. Загон упирался в сараи, у которых волей-неволей

пришлось обернуться, чтобы узреть нечто вроде малого королевского выхода.

Проэмперадор, опираясь на трость, шествовал тем же путем, что и Робер, следом ползла разномастная свита. В Старой Эпинэ граф передвигался с

большим трудом, и, пожалуй, с тех пор он несколько похудел. Дед, годами

предрекавший «проклятому Бертраму» смерть от собственного жира, пришел

бы в неистовство.

Стоять пнем, когда в твою сторону направляется столь значительная особа, неправильно, и Робер, обойдя процессию по дуге, присоединился к черно-

зеленому капитану.

— Эпинэ, — немедленно раздалось спереди, — прошу вас подойти и послушать

этого господина.

Имени Валмон не назвал, но рассуждающий о мясе, шерсти и кожах крепко

сбитый моложавый живчик мог быть лишь управляющим Лэ. Чувствуя на себе

цепкий взгляд Проэмпера-дора, Робер честно сосредоточился на овечьей премудрости. Год назад он бы половины не понял, а половину пропустил мимо

ушей, но необходимость кормить и содержать хоть в каком-то порядке город и

гарнизон любого сделает немного интендантом. Дед думал о свободной Эпинэ, но не о том, как она станет сводить концы с концами, до внука дошло, что

заговорами и грозными словесами сыт не будешь. То ли дело — овцы! В графстве осело до тысячи беженцев, наверняка найдутся и скорняки, и коптильщики...

— Я вам очень обязан, — поблагодарил умолкшего овечьего жреца Робер,
—

теперь я хотя бы представляю, с чего начинать.

— Вам потребуются знающие люди, — оживился рассказчик. — Особенно если

вы решитесь на агарийские породы.

— Каждый должен заниматься своим делом, — пророкотал Валмон, обводя

взглядом помощников управляющего. — Вот этот, несмотря на крайнюю юность, выглядит толковым. Пусть осмотрит пустующие угодья и доложит.

— То, что я слышал о владениях Повелителей Молний, вселяет большую надежду, — немедленно объявил в самом деле совсем молоденький избранник.

— Я с великой радостью сяду на коня и объеду ждущие своего часа земли.

Смушковые породы...

Вторая порция овечьей науки оказалась лишь немногим короче первой, но заметно проще. «Толковый» брался прикинуть, сколько голов сможет безболезненно кормиться в Старой Эпинэ, после чего предстояло выбрать подходящую породу. Парень горой стоял за агарийских смушковых, хоть и признавал, что они прихотливей черных алатских и прожорливей серых местных.

— Герцог подумает, — пресек доступные лишь избранным тонкости Валмон и

махнул рукой, подзывая носителей лестницы. Визит был окончен, но Робер счел

правильным поблагодарить управляющего за прошлогоднее гостеприимство.

— Счастлив быть полезным монсеньору и его людям, — поклонился тот.
—

Правду сказать, тогда мы пережили очень... неприятные дни. Родные — моя

супруга из Валмона — уговаривали меня оставить место и перебраться в

благополучную провинцию. Я почти решился.

— Что же вас удержало?

— Сам не знаю... Господин граф не вдавался в хозяйственные дела, уходить, не

оставив замены, было бы дурно, а зимой... неприятности должны были на некоторое время стихнуть. Я решил задержаться, чтобы найти преемника, и тут

все наладилось.

— Здесь, — уточнил Эпинэ.

— К весенней стрижке мятежников в Олларии не будет, — заверил адепт Великой Овцы. — Ваш конь, монсеньор.

— Благодарю. — А ведь это счастье — без посторонней помощи вскочить в

седло! Лошади вообще счастье, которое не всегда замечаешь, но всегда чувствуешь. Робер с трудом удержался от того, чтоб у всех на глазах обнять полумориска, хорошо хоть в карманах отыскался кусок сахара. Дракко взял подношение и мотнул гривой, явно предлагая пробежаться.

— Вечером, — шепнул любимцу герцог, — обязательно...

Валмон уже взгромоздился на своего великана. Читать по лицам Иноходец никогда не умел, но, кажется, Проэмперадор был доволен. Жаль, у большинства

памятников физиономии если не злобные, то надутые. Довольный собой, своей

жизнью и своим царствованием король на ухоженной площади вселяет надежду.

— Итак? — спросил граф, не подозревая о пробужденных его видом умствованиях. — Что скажете?

— Нужно попробовать. Мое место с ополченцами, но я здесь и не нужен.

Управляющего прислали вы, если этот парень убедит его и Аннибала... Карваля, пусть начинают.

— Отлично, — колыхнул всеми подбородками Валмон. — Не терплю долгов, а

вам я задолжал ноги. В ответ вы получаете спокойный сон.

— Простите, не понимаю.

— Вы, — уведомил Проэмперадор, высылая своего великана, — склонны страдать о преждевременно задутых огоньках и сорванных бутонах, ну так здешний бутон успешно распустился и заблагоухал. Овчиной. Чудом не убитый

вами гоганский агнец полчаса объяснял вам же, с каких овец сдирают лучшие

шкуры, и остался неузнанным. Теперь, засыпая, вы смело можете считать овец, а не выдуманные грехи.

— Его высокопреосвященство говорил... — Говорил, что мальчик выжил и сейчас в Лэ, а он забыл, зато вспомнилось другое.

Начиналась весна, в лужах купались воробьи, из земли лезли ростки, которым

предстояло стать гиацинтами, нарциссами, тюльпанами, а кардинал трогал

своего голубя и предлагал спрашивать, только вот ошалевший от Багерлее и переворота Эпинэ ничего знать не желал. Все устроилось, впереди маячила прорва неотложных, но понятных дел, а ковыряться в прошлом хотелось даже

меньше, чем думать о будущем, и вот опять... Понятное, хоть и полное гари, настоящее, омерзительное минувшее и полное нежелание гадать о том, что дальше. Есть Алва, есть Валмон, пусть решают и приказывают, он исполнит.

— Так что же вам поведал покойный кардинал?

— Что нельзя натягивать свою совесть на весь Талиг, и что Олларию стенающий

призрак без надобности. Олларию я не удержал, не знаю, можно ли вообще было это сделать, но считать свои промахи я стану зимой у камина. Если вообще

стану... На Кольце стенающие призраки не нужны, значит, их не будет.

— Образно, — одобрил Валмон, — и без излишнего воя. Врожденный вкус не

портится даже в самом дурном обществе. Обратное неверно: дурновкусие порой

излечимо. Что ж, вернемся к делам. Вы более чем кто-либо наблюдали

бесноватых, постарайтесь вспомнить — всегда ли они вели себя одинаково, или

их злобность и упорство так или иначе менялись.

4

...Все в самом деле было ясно до предела — банда, грабежи, приговор.

Единственно возможный, да и началось все банально до предела. Полторы дюжины дезертиров из Резервной армии после смерти Альдо, немного покурлесив внутри Кольца, подались в родные места. Просочившись поодиночке сквозь кордоны, умники встретились и поняли, что здесь придется

вести себя аккуратнее. У одного в Аконе отыскался родич-трактирщик, через

которого стали потихоньку сбывать награбленное, и тут вмешался

квартировавший в трактире Андрэ Фантэн. Как-то прознав о хозяйских

делишках, он сперва потребовал взять его в долю, а затем прибрал банду к

рукам. Добычи, по его мнению, было маловато, и доблестный капитан придумал

использовать трактирщика, благо тот жил у нужных ворот.

После заключения перемирия кое-кто из состоятельных людей, бросивших свои

поместья из страха перед Бруно, решил вернуться. На север и северо-запад

потянулись небольшие караванчики и обозы, на них-то шайка и нацелилась.

Расчет был на то, что уехавших еще долго никто не хватится, главное — трупов

и пустых экипажей на виду не оставлять.

Поначалу мерзавцам везло, однако потом за патрулирование дорог взялся

Райнштайнер. Банда попалась прямо во время налета — один из путников, пожилой дворянин, едва увидев разбойников, пальнул из пистолета, и выстрел

услышал оказавшийся неподалеку патруль. Большая часть налетчиков погибла в

схватке, одному, на гнедом полумориске, удалось удрать, остальных расстреляли

на месте. Тем бы и кончилось, но все тот же дворянин поделился с бергерами

своими подозрениями: вдова скончавшегося по весне ювелира ехала в довольно-

таки непрезентабельной повозке, его собственная карета выглядел куда богаче, однако грабители первым делом кинулись к ювелирше. И так старательно

рылись! Будто знали. А откуда? Тут вдова и припомнила, как закупала на дорожку провизию, а весельчак-трактирщик ее расспрашивал. Когда утром проезжали мимо трактира, хозяин стоял у ворот с каким-то молодчиком, очень

может быть, что с разбойником.

Предложение осмотреть трупы почтенная дама приняла охотно и без колебаний

указала на одного из громил. Наведались к трактирщику, нашли спрятанную в

колбасном погребе не сбытую с рук добычу, а на конюшне — вымотанного полумориска. Припертый к стенке хозяин охал и жаловался, дескать, один раз, случайно, взял по дешевке, а так он ни-ни... Не убедил, голубчика потащили в

тюрьму — и тут он «вспомнил» про жильца. Навестили жильца, тот лежал в

постели — дескать, старые раны замучили. Завел разговор о Мельниковом луге

и Болотном кургане, предложил вина, вознегодовал на преступников, без спросу

взявших и едва не уморивших его бесценного коня...

Окажись на месте бергеров кто другой, дело кончилось бы выпивкой и хлопаньем по плечу, но зверюги Райнштайнера комнату все же обыскали и нашли зашитые за подкладку плаща серьги и кольца, явно не фамильные. Вот

тут-то «герой» и сорвался. Почти раскидал солдат, прорываясь к окну, но только

«почти».

— В настоящее время преступники находятся в тюрьме, — заключил барон. —

Сомнений в их вине нет ни малейших. Если на их счет не поступит особых распоряжений, утром оба будут повешены.

— Не поступит. Пригласите девицу.

Она вошла через несколько минут, как была, с черным, отороченным кружевом

шелком вместо лица, и выслушала ответ. Потом опустилась на колени так

стремительно, что это показалось падением. Зрелище было не из приятных, и

Лионель, опережая сердобольных кавалеров, велел:

— Встаньте. И отправляйтесь домой.

Рука без браслета метнулась к маске и дернулась назад, словно кружево

оказалось раскаленным. Что ж, значит, лица они так и не увидят, хотя выяснить, кто из благородных аконских девиц попался капитану Фантэну, не так уж и

трудно. Вопрос, нужно ли.

— Я отомщу... — пообещала она с порога. — Вам отомщу!

— Если это вас отвлечет... — пожал плечами Ли. Угрозы предпочтительней слез, но вместе с тем и глупее. Сам Лионель не угрожал никому и никогда: зачем

угрожать, если можешь убить? А если не можешь, изливать свое бессилие тем

более глупо.

— Неприятный визит. — Райнштайнер поднялся и закрыл не тронутую

адъютантами дверь. — Я должен в очередной раз выразить вам свое уважение, Лионель, и принести извинения. Ненависть этой девицы должна была

обратиться на меня.

— Она просто не поняла... — вздохнул Ариго. — Для нее Фантэн — герой...

Бедняжка не верит, что защитник Болотного — преступник и грабитель!

— Герман, ты можешь ее догнать и объяснить, что жены, матери и невесты, с

которых ее герой снимал кольца, придерживаются на его счет иного мнения, но

не советую. Не эта женщина переступит через любовь ради справедливости.

— Малышка в этом не виновата... — убежденно сказал сын убийцы, сочинившей множество сонетов о всепоглощающей любви. — От меня еще что-

то нужно?

— Нет. И от Эмиля, к слову сказать, тоже.

— Хвала Леворукому, — делано хмыкнул братец. — Барон, а не могло быть ошибки? Если б меня пытались арестовать по такому обвинению, я тоже озверел бы.

— Ошибка исключена, — отрезал бергер. — Должен сказать, что твоей супруге, Герман, повезло, как и невесте графа Лэкдеми. Вас можно любить, не выбирая

между любовью и совестью.

— Нашим с вами женам, Ойген, когда мы победим, будет труднее, —

усмехнулся Лионель. — Или, наоборот, легче. Будь здесь графиня Савиньяк, она

написала бы притчу о слезинке волчицы, слезинке овцы и совести волкодава, но

вы спрашивали про Вальдеса. Извольте. Мне кажется крайне важным, что

золотоземельцы, вернее потомки золотоанаксианцев, не делали и до сих пор не

делают того, что для древних варитов и, видимо, холтийцев было естественным.

— Я упустил из вида эту несообразность, — признал бергер. — Это лишний раз

доказывает, что вы являетесь командором Бергмарк по праву. Иметь превосходящее тебя сообразительностью начальство — величайшая удача.

— Не большая, чем иметь рядом человека, с которым можно серьезно обсуждать

невозможные вещи, — лучшего момента для брудершафта, пожалуй, не найти.

— Ойген, мне кажется, нам пора переходить на «ты».

Глава 6

КАГЕТА. ЛО-МРЫХЗЖАК

400 год К.С. 23-й день Осенних Ветров

1

— Это было так странно — наши встречи у грота,

На пороге заката, на пороге греха.

Мы тогда не спешили, нас удерживал кто-то,

Кто-то вечный и тайный, как начало стиха...

— Дай! — Змеехвостая дева выхватила у Марсея жеманно звякнувшую лютню.

— Къш, шпанастый! Я сама буду петь!

— Я — капитан, и родина моя Бордон,

Я верю морю, кораблю и шпаге...

Уже не дева, а самая настоящая Зоя, обвившись четырьмя радужными хвостами

вокруг четырех ножек заваленного снедью стола, со страстью щипала

струны, и

те от ужаса вызванивали омерзительно сладенькую мелодию.

— Ди-и-дина -ди! Ди-и-дина-дина-ди-и-и...

О-о, мой сюсь, о мой ма-асенький сю-юсь...

Виконт по возможности незаметно заткнул уши, но ближайший из Зоинных

хвостов взмыл в воздух и, проведя по лицу горячей — это выходец-то! —

тряпкой, шумно и знакомо задышал. Валме приоткрыл глаза и узрел над собой

родную морду.

— Ди-и-дина-ди!.. — продолжало вызванивать от окна; казалось, это бренчит

розовенькое от витражей солнце. Виконт скосил глаза и обнаружил здоровенные

золоченые часы с расписным циферблатом и целующимися птичками наверху.

Вчера этой штуковины виконт не заметил — было темно, меж зубов набилось

волокнистое кагетское мясо с кагетскими же мелко порубленными травками, а

потом — Марсель едва успел вытащить зубную нить — в дверь заскреблись.

Уже зная, чего ждать, виконт открыл, и в спальню вкатились три красотки.

Талиг наследник Валмонов не опозорил, однако в подробностях разглядывать

отведенную ему комнату времени не было, а поганые часы то ли ночью не

звонили, то ли Валме сперва был слишком занят, а потом еще более
слишком

утомлен...

— Гав! — напомнил о себе Котик, и по лицу Марсея вновь прошла
горячая

тряпка. — Гав-у-у-гм!

Виконт понял и встал: волкодав отличался недюжинным умом и дал бы
фору

любому из обитателей казаронской усадьбы, которую для почета
именовали

замком, но отодвигать засовы пес не умел.

Истомившийся Котик выскочил вон, едва не сбив ждавшего на пороге
седовласого слугу с умывальным прибором.

— Вада, судар! — значительно провозгласил кагет.

— Не вода, — поправил окончательно проснувшийся сударь, — а утро!
Нужно

говорить «утро, сударь», только тогда ты станешь настоящим утренним
кошмаром.

— Утра, судар! — охотно повторил носитель таза. — Трапэза! Казарон
Муллухт-ло-Пархуп завоет к сталу!

— Доложи, что иду. — На рассвете кагеты были бы ужасны, однако успело
перевалить за полдень, а в это время Марсель к убийству не стремился.

Пробуждаясь без посторонней помощи, виконт гнусно радовался
отсутствию

Алвы или кого-нибудь в этом же роде, но радость иссякала после бритья —
в

крайнем случае после первой чашки шадди. Рокэ не только не давал

высыпаться, он делал бытие ярче и, при всех своих кульбитах и обмороках,
надежнее. И уж всяко при Вороне «павлины» были бы сговорчивей... Нуда
и

сейчас должно выйти неплохо!

Попробовав пальцем воду, Валме поискал глазами зеркало и нашел. Такое
же

гайифское, как и часы, — а еще в комнате имелись соплеменные
подсвечники-

удоды, с полдюжины разнокалиберных ваз, набитых аляповатыми
восковыми

цветами, четыре чудовищные скульптурные группки и очень недурные
шкуры, на которых были развешены сабли и кинжалы, опять-таки весьма
приличные. В

целом же спальня как нельзя лучше сочеталась с посетившими Марсея
предутренними грезами.

— Это просто прелестно — столько золота сразу,

И часы так подходят к умывальному тазу...

— Ди-и-дина-ди-и, — тут же откликнулись польщенные часы. Была
половина

первого, и внизу у «стала», среди гор мяса и рек вина, ждал казарон
Муллухт. И

это не считая дороги, которая тоже ждала и, пожалуй, даже манила —
только

будет ли она манить после завтрака по-кагетски?

Марсель с подозрением ущипнул пузо, но оно пока вело себя смирно, то есть

почти отсутствовало. Натягивая рубаху, виконт заметил две привязанные к спинке кровати ленточки — зеленую и желтую. Ночью они вились в косах увеселявших хозяйского гостя кагеток. Бурраз как-то упомянул, что, если женщина довольна, она, уходя, оставит мужчине ленту для волос, а если разочарована, неумеха найдет в своей обуви какой-нибудь фрукт или овощ посочнее. Дам было три, и виконт старательно вытряхнул сапоги, но знака неудовольствия в них не обнаружил. Значит, третья красotka если и досадовала, то не слишком. Валме попробовал догадаться, кому он угодил не до конца, однако гости были слишком похожи, чтобы их различать.

— Виконт, — позвали из-за двери, — виконт, вы проснулись?

— Я даже побрился, — похвастался Марсель. — Входите, Дуглас, хотя вообще-

то нам пора выходить. И завтракать.

— Этого-то я и боюсь, — признался бывший мятежник. — Не поверите, я почти

хочу в Агарис, там мы так славно голодали!

— Человеку свойственно превозносить прошлое в ущерб настоящему, — припомнил чью-то сентенцию Валме. — Лично я гостеприимством господина

Муллухта скорее доволен. Для такой глуши очень и очень неплохо. Как вам здешние красавицы?

— Не знаю, не пробовал.

— Жаль, что не зашли вчера, мы бы премило провели время. Помнится, Готти

как-то вступил в полемику с тремя философами, им не нравилось, когда одним

— всё, а другим — ничего. Хотя вру, им не нравилось что-то другое...

— Если вы думаете, что казарон не прислал мне своих наложниц, вы ошибаетесь. Скреблись, как кошки, только я их не впустил. Это же дикарство

какое-то...

— И что с того? — отмахнулся бывший посол. — Не принимать подарков —

неприлично и недипломатично. Если ваш пес притащит вам что-то ненужное, вы же его не обидите?

— Я не собираюсь заводить собаку, — засмеялся Темплтон. — И козла тоже, кстати сказать.

— Без собаки вам никогда не познать себя до конца, — пригрозил Марсель. —

Козлы же даруют нам чувство полета! То, что рожденный ползать не может летать, — глупость, просто нужно на кого-то сесть.

— У меня отличная лошадь, — выкрутился Дуглас, — и очень прыгучая. Не козел, но не каждый полумориск догонит, не говоря уж о линарцах. Адуаны, по

сути, вывели новую породу, осталось ее назвать, описать и начать продавать.

Кончится война, займусь — не выгонять же из Темплтона дядю с семейством, а

жить на что-то нужно.

— Можно еще торговать саграннскими сырами, — посоветовал Валме и глянул

на часы. До следующего ди-и-дина оставалось две минуты. — Идемте, пока не

забренчало.

— Я, пожалуй, от хозяйского общества воздержусь. Нам с Пьетро можно, он

монах, а я — смиренный начальник эскорта и жду курьера от генерала.

— Тогда присмотрите за моей собакой. Тесть нашего хозяина склонен к философии, а Котик в диспутах бывает излишне категоричен.

Закрывая дверь, Марсель заметил привязанную к ручке снаружи оранжевую

ленту. Третья девушка осталась так довольна, что решила поведать об этом всем.

2

Пистолеты Матильда заряжала по утрам, и делала это с тем непередаваемым

чувством, с каким обладательницы стройных ножек и роскошных волос

натягивают чулки и берутся за гребень. Красотки любят это проделывать на

глазах у любовников и любимых мужей, вот и алатка возилась с оружием при

Бонифации, а тот смотрел, что-то мурлыкая себе под нос.

День обещал быть славным, неплоха была и ночь, проведенная в поместье казарона средней руки — как и большинство его собратьев, шумного и гостеприимного. Шум усугублялся гостящей родней и тем, что хозяин в недавней заварухе не прогадал со стороной: два его законных сына и трое побочных вовсю служили Баате. Дошлые отпрыски уже принесли любящему

отцу кое-какие выгоды, а ожидалось еще больше — ведь на землях сторонников

Хаммаила сейчас такое происходит, о-о-о! Может, и сыновьям какие-нибудь

владения достанутся, ведь столько их глупых хозяев расстались со своими пустыми головами, и еще многие расстанутся! А если и нет — все равно Баата

своих верных сторонников не забывает, да и добыча в покинутых поместьях неплоха. В общем, есть повод порадоваться жизни и разделить эту радость с

друзьями казара, которых, несомненно, привел в Мрыхзжак если не сам Создатель, то кто-то из его главных ангелов.

Радость выражалась надежным дедовским способом — казарон закатил в честь

гостей пир. В Черной Алати попить-покушать тоже были не дураки, однако витязям до гостеприимного Муллухта было что Бочке до мориска, хорошо, хоть

кагетские жены после полуночи оставляют своих мужчин веселиться на

свободе. Матильду, разумеется, никто из-за стола не гнал, только сидеть рядом с

хозяином и не жрать смог бы разве что святой Эдуард. Или не Эдуард — жития

принцесса помнила скверно, но какой-то болван, оказавшись на пиру у северных

варваров, продолжал блюсти пост и блюл, пока взбешенный хозяин не разрубил

упрямого гостя пополам, отчего случилось неземное благоуханье, а

потрясенный варит незамедлительно перешел в эсператизм. Святой, правда, обратно не сросся.

— Эй, — окликнула Матильда, — твой высокопреосвященств, кого зарубили на

пиру за отказ от мяса во время поста?

— Дурака, — благодушно откликнулся выпавшийся Бонифаций, — и

богохульника к тому же. Воссесть за чужой стол и испортить людям обед есть

невежество и гордыня. Творящий же сие именем Его свершает богохульство и

отвращает вкушающих от Создателя. Ибо как чтить отца, что попрекает детей

своих сладким куском?

— Я бы тебе сказала как, — хмыкнула Матильда, — только ты по-алатски, как я

по-кагетски... Хорошо, что мы здесь заночевали, но второй ужин будет слишком, а ведь наш хозяин не из самых богатых.

— Самых мы объехали, ибо всему есть предел: и желудку, и времени. Идем, душа моя, ибо тот, по чьей вине стынет мясо, немногим лучше твоего святого.

— Он и твой тоже! — слегка цапнула аспида Матильда. — Святые, что жили до

Оллара, у нас общие.

— А вот и нет. — Бонифаций привычно поднял палец. — Великий Франциск

непотребных святых упразднил, оставил лишь тех, от кого польза есть — если

не душе, то Талигу. А какая польза от разрубленного ханжи? Скота хотя бы съесть можно... Почему серьги малые вздела? Непорядок.

— Я не Дерево Урожая, а супруга кардинала Талига, — наставительно сказала

принцесса, но серьги заменила. Причем с удовольствием. Спускаться по широкой, хоть и деревянной, лестнице рука об руку с внушительным супругом

тоже было приятно.

Хозяин уже восседал за разноцветным от яств столом. И в Алате, и в Агарисе, и

в Талиге кушанья по глазам не били. Да, сласти попадались яркие, а мясо украшали красными, желтыми и зелеными овощами, но именно украшали.

Здесь же царили ядовитая зелень и неистовая желтизна, а оттенки красного и

вовсе напоминали о закате, но Матильда все равно похвалила.

— Так красыво, — обрадовался казарон. — Жить надо ярко, как птыца!

— Воробьи считают иначе.

— Варабэй нэ счтытает, варабэй нэ может. Он бэднак! Голуб тоже бэднак, но он

уже блэстыт! В крэстийанской хабле мало нищрта. В замке казарона живот радуга.

— А что тогда живет в четырежды радужной Паоне? — поддержал разговор

сидящий по правую руку от хозяина Валме.

— Воры! — отрезал хозяйский тесть, вооруженный ногой нухутского петуха. —

Оны крадут всё и продают как свое! Оны кралы наших птыц, вытыкалы на своих шпалэрах и говорылы — гайыфский стыл! Мы украшалы замкы птыцамы, когда гайыфцы ходылы в сэрых трапках!

— Возможно, — предположил наследник Валмонов, — серое было в моде?

— Пробуй это выно! Харошее, старший сын прыслал вмэсте с часамы. —

Хозяин жил сегодняшним днем и думал о том, что ему уже привезли и привезут

еще. — Целая тэлэга часов, и всэ пают! Тэпэр у мэна в каждой спалнэ часы с

птыцамы!.. И вот это тоже пробуй... Из пагрэбов замка Марапон!

— Это мы научылы Гайифу всэму! — стоял на своем тесть. Тоций, в чем-то

парчовом, он то грыз нухутскую ногу, то принимался ею размахивать, и

Матильда не выдержала.

— Ваш родственник, — сообщила она казарону, — напоминает мне друзей моего покойного мужа.

— Много ест, — кивнул казарон, — и много говорит, но мнэ ест чем кормыт. Он

умный, а за столом должно быт много всэх и много разговоров! Пробуй эту птыцу! Ее тушили в траве кры-гж-бш...

Умопомрачительно запахло — слуги водрузили на стол здоровенный чан. Будь

такой у древних варитов, святой сдался бы и остался неразрубленным, но пожиратель нухутских ног был пресыщен.

— ...училы их пысат! — продолжал возмущаться он из-за плеча зятя. — Аны

кралы наши буквы! Мы — патомкы саймуров, а кто гайыфцы? Откуда оны прышлы? Зачэм?

— Я сегодня же доведу ваше мнение до сведения гайифской стороны, — пообещал Валме. — Скажите, а шпалеры с дамами- воительницами — это чисто

имперское или тоже позаимствовано у вас?

— Нэт, — вступил хозяин, — это прыдумалы глупцы! Развэ дама можэт ваеват?!

Зачэм?! Ваюет мужчына, дама его любыт, а он любыт даму!

— Господа, — подал голос от двери уклонившийся от завтрака Дуглас, — к

моему глубокому сожалению, должен напомнить, что нужно спешить.
Только

что прибыл курьер от генерала Коннера. Доверенные лица его величества
Бааты

уже на месте. Его высокопреосвященство и ее высочество ждут в аббатстве
Гидеона Горного не позднее шести пополудни.

3

Дорога оставалась горной, хотя близость равнины и ощущалась. Склоны
стали

пониже, камешки под копытами помельче, ручьи потише, но необычная,
резкая

красота все еще радовала глаз, а дующий в спину прохладный ветер делал
дневную жару терпимой. Пегая мориска неутомимо вышагивала между
мерином

Бонифация и гнедым Крепьюшом Коннера, присоединившегося к
кавалькаде, едва набитый часами, винами и гостеприимством дом скрылся
из глаз. Да, лошади были веселы, а вот Бонифаций усиленно хмурился,
сведя и так

чрезмерные брови в толстенную черно-седую гусеницу.

То, что кардинал предоставил драгоценную супругу Темплтону с Пьетро,
говорило о многом: его высокопреосвященство явно собирался изречь
нечто то

ли секретное, то ли не слишком приятное, а пока собирался с мыслями.
Валме

не торопил — думал о том, как четверо конных ехали с перевала, а следом
за

ними катилась ночь. С чего прощальная кэналлийская кантина влезла в голову, виконт не представлял, но жутковатая четверка незримо двигалась рядом и

волокла с собой тьму, которую не чуяли ни кони, ни два рыскающих вокруг отряда волкодава. Будет смешно, если ее унюхал Бонифаций.

Когда возглавлявшие колонну адуаны перешли очередную речку, его высокопреосвященство переложил поводья в левую руку, почесал нос и объявил, что в аббатство ехать нельзя.

— Гнездо еретиков? — участливо спросил несколько разочарованный Марсель.

— Гнездо? — хрюкнул олларианец. — Так, гнездышко воробьиное... Не в том

суть. Еретики строят крепко, а что у них в головах, один Леворукий разберет.

Может статься, что въехать мы въедем, да не выедем. Сам я туда полезу, если

выхода другого не отыщем, но супругу не потащу!

— Да уж, — признал Коннер, — оплошали мы с этим монастырем... Что теперь-

то делать? На кагетской стороне до первой пристойной халупы — день, не

меньше, в Гайифу лезть нам нельзя, да и «павлины» вроде как к Гидеону

наладились. Помолиться. Иначе им никак, свои же за хвост схватят: дескать, такие-сякие, что ж вы с врагами шашни разводите?!

— А может, святые отцы в самом деле святые? — предположил Марсель.

— От

мира удалились, птицам проповедуют, земному чужды, скверне не подвластны...

К таким можно и захватить.

— Это гидеоньши-то, жабу их соловей, святые? — Генерал-адуан саркастически хмыкнул. — Да они тут на деньгах сидят! Видали б вы эту обитель — прямо торговый двор! Церковка крохотная, а склады как в Тронко в

речном порту. Оно и понятно: Гайифа с клириков, что в Кагете осели, половинную пошлину берет, ну те и рады стараться. К «павлинам» вино и шерсть тащат, а назад — всяческую дребедень...

— Часы? — оживился Марсель. — С музычкой?

— Может, и часы... Лишь бы доход был.

— Значит, святых там нет, и мир не перевернулся? — деловито уточнил

Марсель. — Тогда нашим монахам с Лисенком ссориться не резон, он за пакость

Талигу их самих без шерсти оставит.

— Торгашам не резон, покуда они — торгаши. — Брови Бонифация расходиться

не желали, так и топорщились на переносице. Выглядело впечатляюще. —

Шпиону Бааты тоже не резон было кормящую руку кусать, однако же укусил, не

побоялся. А ну как еретики паонские свою скверну приволочь успели, а монастырь горный даже с козлами быстро не взять!

— До чего же хорошо, — Марсель подмигнул Коннеру, — до чего же

хорошо, что у нас случился умный кардинал, а то папенька чуть не решил, что таковые

только у эсператистов водились.

— Ты, чадо, не заговаривайся и не отвлекайся. — Бонифаций грозно сунул руку

за пазуху и вытащил флягу. А мог бы и кинжал: таковой у его

высокопреосвященства имелся, и как раз за пазухой. — Сильвестр, чтоб его, тварь такую, из ямы змеиной да на пригорочек выпустили, не дураком был.

Одна беда: нам сейчас не кардинальские подштанники ворошить, а кызаргам в

мешок лезть. И полезем, куда денемся, но благоверную мою надо удержать.

Может, ее с коня уронить? Не здесь, а когда камней поменьше будет.

— Не будет, — утешил генерал-адун, — разве что у самого брода, а там поздно

что-то кумекать. А если, ваше высокопреосвященство, того? Правду сказать?

Что без нее драться сподручней...

— Я не то чтобы совсем против драки, — протянул Валме, ловя за хвосты и

подтягивая сразу две мысли, — но я не хочу драться там, где не хочу. В обитель

в таком настроении лезть, видимо, грех, однако не в том суть. Мы едем на

переговоры, а посредники у нас кто? Кагеты. Значит, и встречаться нужно на

кагетской земле. Аббатство же — эсператистское, то есть, где б его ни

построили, оно стоит на земле Агариса, и хозяин там — Эсперадор, а если Эсперадора нет, то богопротивный, не спорю, конклав. Вы, ваше высокопреосвященство, как глава церкви Талига, можете, если пожелаете, принять приглашение равного, только где таковой?

— Рыбу кормит, — весело подхватил Коннер. — Здорово придумано!

— Сейчас еще здоровее будет, — пообещал Валме. — Кагеты встречают «павлинов» у брода, там же должны караулить и наши.

— Почему «должны», там они...

— И отлично. Дождя нет, сухо, сядем натравку и переговорим. Нужно только

решить, как мы там оказались. Для четырежды радужного Сервиллия и тех, кто

будет ему доносить.

— Чего проще? — засмеялся Коннер. — Порыбачить по дороге в Равиат заехали. Рыбеха тут одна водится, пальчики оближешь, только далеко ее даже в

бочке не увезти. Уснет, а снулая она не в пример хуже.

— Точно! — припомнил Валме. — Мирикийский крутолобик где-то здесь и

обитает! Надо спросить, как его кагеты зовут, наверняка звучно... Ваше

высокопреосвященство, вы с ее высочеством польстились на рыбку, а с

гайифскими паломниками встретитесь случайно. Поболтаете о рыбалке, потом

«павлины» — молиться, а вы — как хотите.

— Хвалу Создателю я всяко воздам, — кивнул кардинал. — Хорошо придумано.

Жаль, снасти не прихватили, ну да кто ж его знал? Что ж, сын мой, гони кого-

нибудь к кагетам в монастырь и к переправе, пусть лагерь разбивают. Успеете в

два конца?

— Успеем. Ты, капитан, гулять не раздумал еще?

— Я? — притворно возмутился Валме, как всегда перед прыжком ощутивший

гаденькое желание отыграть назад. Ну за какими кошками он решил промять

Мэгнуса и бакранов?! Расчувствовался, наплел о великом козлином

предназначении, горцы воспряли, а тут еще и старая гримза завела про Зло, которое нужно отвратить. Присутствовавшего при сем Валме разобрал смех, но

бывший посол сдержался. Зато брякнул, что долг бакранов — пробраться в

Гайифу и посмотреть, не замышляют ли там предательства.

Объяснять волоокому Жакне, сколь важен будущий поход, было упоительно, но

теперь пришла пора пересаживаться на козла и куда-то скакать, рискуя сломать

шею. Вообще-то Марселя никто за реку не гнал, только вот беспастушные

бакраны в Гайифе могли наерундить. Напугать тех же чиновников или нарваться

на парней Капраса. Удержать распаленных собственной пророчицей и

приветом

от Алвы горцев было не проще, чем завидевших рогатую даму настоящих козлов.

— В следующий раз, — сказал себе по-кэналлийски Валме, — не станешь...

Как будет «вредничать», виконт не знал, а отступать было поздно. Неизбежность

в лице глазастика Жакны уже себя обозначила, и потом репутация есть репутация. В Варасте и Сагранне наследника Валмонов почитали отчаянным, приходилось соответствовать.

— Ну, — буднично хмыкнул Бонифаций, — счастливо... Не балбесничайте там

лишку!

— Не будем, — от души заверил Валме, заворачивая недоумевающую кобылу.

— А вы без нас не впадите в какую-нибудь ересь и не подавитесь. Крутолобик

принадлежит к костистым рыбам.

Глава 7

ГРАНИЦА КАГЕТЫ И ГАЙИФЫ

400 год К. С. 23-й день Осенних Ветров

1

Бочка задрал башку и пошло, не по-военному, заржал, сообщая о своей персоне

пока еще невидимым чужим лошадям. Запыленный отряд как раз огибал
каменистый горб, в который вцепились доцветающие дикие розы; сколько
таких

осталось позади, одинаковых и при этом неповторимых, как большинство
жизней человеческих! А время равнодушным всадником едет мимо, не
глядя на

скромные кустики, которым только и остается, что цвести, цвести,
цвести... До

зимы.

Разожравшийся на кагетских харчах рысак опять заржал, попытался
прибавить, и тотчас до путников донесся лихой адуанский свист —
добрались-таки! Вот и

славно — Матильда уже подумывала об отдыхе, но время поджимало, а
неизбежное супружеское квохтанье больше злило, чем умиляло, правда,
обойтись без него женщина уже не могла. Вот так и становятся курицами,
коровами, комнатными, позабывшими об охоте дайтами... Сказал бы ей кто
год

назад, а тем более — сорок, сама заржала б не хуже Бочки!

— Все в порядке, душа моя. — Поминаемый в мыслях супруг ловко оттер
конем

кобылу Дугласа. — С полчаса назад к переправе прибыл гайифский
разъезд.

Превосходительные вот-вот нагрянут, только и успеем, что ноги размять.

Ничего, спровадим еретиков и возрадуемся.

— На камушках? — хмыкнула алатка. — А где казароны с мясом и вином?
Я к

ним привыкла.

— Казароны едут, вино есть, а вот мясу не время! У Старого Рцука вкушать не

рыбу — богохульство и ересь, место же здесь для лагеря по сухим погодам недурственное.

— Поверить, что ли? — Принцесса сдержала зачужавшего воду Бочку. — Пить не

дам, не воображай! И драться не дам! Герой...

Герой фыркнул и попробовал растащить; Матильда привычно направила поганца в круп идущего впереди адуанского мерина. Она могла сто раз пересесть на лошадь без придури, но боевых друзей не бросают, и потом, рысак

был земляком. Последней памятью о черных горах, старом замке, первом поцелуе...

— Нам вниз, — указал кивком супруг, — к Обросшему Яйцу.

— Куда-куда?

— Разуй очи дивные, узришь.

Пришлось зреть. У источенного временем и ветрами обелиска дорога разветвлялась. Налево тракт отворачивал от реки и в обход низкой, но когтистой

гряды устремлялся к отвергнутому монастырю; направо дорога ныряла вниз, к

переправе через Старый Рцук. Холодный и быстрый, он слегка замедлял свой

бег, русло становилось шире и, видимо, мельче — в начале осени, во всяком

случае, здесь обходились без моста. Речная долина была просторной и более или

менее ровной, однако на горизонте вновь синели горы, а на саму переправу

накатывалось пресловутое Обросшее Яйцо, словно бы оставленное на берегу

чудовищной черепахой. С острого его конца к вершине вела вполне приличная

тропа, теряющаяся среди невысоких горных сосен.

— Там и родник есть, — супруг хвастался, словно Яйцо было его

собственностью, — и дрова... Ну, ядовитая, кто алкал казаронов? Любуйся.

Они подъезжали по монастырской дороге, пара разряженных красавцев и свита, довольно-таки по местным обычаям и беспокойным временам скромная: до

сотни кагетов и десятков бириссцев — доверенным лицам казара без «барсов»

никак. И все же заметней всех был обвешанный оружием великан-казарон

—

будто зубр в коровьем стаде!

— Жабу ж его соловей, — прошептала для порядка Матильда.

— Воистину, твою кавалерию! — откликнулся супруг. Ему было проще:

пригладил волосню, и готово, хотя... Нет, Матильда честно волокла с собой

сундук с женским барахлом и к переговорам собиралась переодеться, но раз уж

ее застали в таком виде...

— Так и буду, — отрезала сестра великого герцога, воинственно тряхнув запыленной гривой. — Во-первых, поздно, а во-вторых, не скакать же по камням

в юбках. А еретики потерпят.

— Оно так, — не стал спорить Бонифаций. — Еретики ныне не только тебя, они

козлов вытерпят, лишь бы те в землях их не резвились. А щеку все же утри, ибо

пятно!

Матильда хмыкнула и дала Бочке шенкелей. Лицо ее высочество вытерла лишь

тогда, когда между ней и супругом набилось с дюжину адуанов.

2

— Капитан при особе регента, пора. Это надобное место. — Жакна, приглашая, взмахнул рукой, и сопровождавший отряд сержант-варастиец уважительно

присвистнул. Валме как-то сдержался.

Да уж, приехали... Дорога-тропа вывела всю компанию к обрыву, внизу выли

и плевался один из не то пяти, не то шести кагетских Рцуков. Единственная на

несколько дней пути переправа была ниже, однако форсировать реки и

штурмовать бастионы можно и в неудобных местах. Некоторые так и поступают, а другие бегут рядом и удивляются — не неудобникам, самим себе.

— А почему именно оно — надобное? — Марсель, реноме есть реноме, заставил себя подмигнуть адуану. — Что в нем такого?

— Камни. — Бакран вновь махнул рукой в сторону теснины. — Спускаться можно везде, переходить — нет.

— Логично. — Валме спрыгнул с мориски и отдал повод адуану. — Хоть она и

кобыла, ее зовут Капитан. Не удивляйтесь, это в честь одной бордонской дамы, которая командовала галеасом. — Сержант явно не понял, и Марсель пояснил:

— Это большая лодка и долгая история. В любом случае, у дамы ничего не получилось, зато она вышла замуж по любви. Вы тут поосторожней без нас и

вообще берегите его высокопреосвященство. Кардиналом в наше время быть

опасно.

— Так вы тоже, того... — Адуан поднапрягся и присоветовал: — Шеи не ломайте!

— Как можно?! — возмутился желавший себе того же Валме и занялся

Мэгнусом. На сей раз краснеть не пришлось: прихваченная у ценителя поющих

часов лепешка окончила свой земной путь с честью. Виконт потрепал рогача по

могучей шее и развернул к реке, отдавая себя на волю судьбы и козла.

Первые бакраны были уже на середине спуска, Мэгнус горделиво мемекнул и

ринулся догонять. Нет, ну что бы мы без этих рогатых красавцев делали!
Сами

ведь дорогу выбирают, и безошибочно; острые раздвоенные копыта
ступают

уверенно, никаких тебе ненадежных камушков, срывающихся из-под ног,
никаких просчетов и спотыканий. Воистину, хочешь жить — доверься
козлу, не

хочешь... Виконт хотел, он всегда хотел жить, но, когда влезал в какой-
нибудь

штурм или лодку, это чувство становилось особенно сильным.

— Это глупо и странно — открывать сердце Злу,

Но глупей многократно не верить козлу..

Марсель вверялся, еще бы! Попробуй виконт сейчас направлять своего
скакуна

— и лететь бы им, ну или ему одному, вниз до тех самых «подходящих»
каменюк, окруженных омерзительной белой пеной. Атак ничего, пусть не
горделиво, зато надежно — это как царствовать, но не править... Главное,
чтобы

козел, то есть маршал, кардинал, кансильер, знал, куда ступить! Мэгнус
сиганул через два уступа, селезенка виконта екнула и растолкала сомнения.

Руки чуть было не дернули повод, но Валме удержался: козлов на спуске
воспитывать — это как Алвой на бастионе командовать.

— Я тебе доверяю, друг испытанный мой,

И отнюдь не желаю падать вниз головой...

Тряхнуло, рядом что-то посыпалось. Сверху... Конечно, они же не последние.

Разрубленный Змей, да они чуть ли не впереди всех и уже у самой реки!
Пара

прыжков — и все, вот она, ровная земля под ногами и гнусная река впереди. И

вот эти валуны — «подходящее место»?! Кем надо быть, чтобы туда лезть?
А

еще течение... Данар со всеми своими бревнами и бурунами — едва ли не пруд, сонный такой, мирный, милый.

— Капитан для особых поручений, — в глазах Жакны светился какой-то

девичий восторг, — ты рожден на козле! Кто ходил с тобой, говорит, ты

беседуешь с Бакрой. Я сейчас слышал это сам, и Бакра слышит. Он отвечает

тебе — и ты идешь куда правильно, а мы идем за тобой. Куда? Где Зло? Где наша дорога?

— На том берегу! — Язык виконта был куда храбрее его самого. И глупей.
—

Там и Зло, и грушаки, и часы со шпалерами. Там все, кроме нас!

— Мы там будем!

Бакран описал рукой круг, видимо священный, и послал своего скакуна в реку

— то есть не в реку, а через нее. Косматый рогач собирался не плыть, а скакать, его поход в Гайифу не пугал, Мэгнуса — тоже. Чернозеленорог сердцем чуял,

что Валмон должен быть быстрее. Виконт не успел ни с мыслями

собраться, ни

схватить за шкурку внутреннего труса, а козел уже отталкивался от ближайшей

из мокрых глыб. В лицо плюнуло брызгами, вокруг завывало и заревело. Ничего

отвратительней беснующегося Рцука виконту еще не попадалось. Никакой бастион, никакой абордаж, да что там, никакой обрыв не могли равняться со

скачущим по камням потоком. Одинокий валун... Россыпь, водяная пыль.

Ничего, козлы переберутся, а в воду лучше не глядеть. В самом деле лучше...

Мэгнус споткнулся? Чушь! Ненадежный камень? К кошкам!

— Вижу, близится берег этой гнусной реки,

Восхищаться подобным могут лишь дураки!

Дураки, придурки, ослы, болваны... Они лезут в реки, садятся в лодки, куда-то

плывут, и пусть их, а он будет сидеть сиднем! Хватит с него рек и морей, он переселяется в Пол вару, там сухо. В Валмоне тоже сухо, там астры, папенька и

капканная хворь. Ну и мать с братцами, но это лучше воды, даже если над ней

привесили радугу. Четырежды радужные... Мерзость! Не нужен нам берег гайифский, и радуга нам не нужна, но придется терпеть ее, а заодно часы, шпалеры, чиновников...

Особенно дикий прыжок, хруст гальки, Мэгнус встает на все четыре ноги и

больше никуда не скачет. Перебрались и даже не слишком вымокли, а радуга

над водой и белая пена по большому счету красивы. Когда становятся прошлым, ну и на шпалерах, а также в стихах и письмах, которые так ценят дамы. Не все

— некоторые. Принцесса Юлия была бы в восторге, и Свободная Дженнифер

тоже, но их тут нет — и слава кошкам, а вот адуаны есть.

Виконт обернулся, помахал сгрудившемуся на кагетском обрыве разъезду и поскакал отвращать Зло. Которое если здесь и обитало, то исключительно на

твердой и, самое главное, сухой земле, а следовательно, было не таким уж и

злом.

З

На Обросшем Яйце Матильда ожидала найти разве что собранный второпях

хворост и брошенные на траву плащи, однако кагеты знамя гостеприимства не

уронили и здесь. Паршивцы успели и полог из плотной ткани натянуть — шатер

не шатер, но от солнца защищает, и ковры расстелить, а на них — хочешь верь, хочешь нет — разбросать подушки. Притомившаяся в пути принцесса едва не

шмякнулась на ближайшую, круглую, с медузьею бахромой — не дала гордость.

Высокородная дама небрежно бросила на затканый угрожающего вида малиновками ковер перчатки, сама же, не сутулясь и не отставляя умученный

седлом зад, промаршировала к речному обрыву. В нависавшие над пропастью

камни вцепилась мертвая сосна, напомнившая о сгоревшей Белой Ели; женщина

оперлась о прохладный, почти белый ствол и глянула вниз. Чуть ли не под ногами переливался Рцук, в нем исчезала серая от пыли дорога, дальше, за рекой, виднелась неширокая долинка, огороженная грядой желтых холмов. Из-за

них и должны были вынырнуть переговорщики, пока же на гайифском берегу

валяли дурака несколько остолопов в зеленых мундирах. Неподалеку паслись

оседланные лошади, а на кагетской стороне под обрывом бездельничали вояки

из охраны казаронов и составившие им компанию парни Коннера, да стояла

непонятно как здесь очутившаяся обозная повозка. Прочие оставили за Яйцом, а

эту за какими-то кошками приволокли.

Вокруг толкались кагеты, которым что-то втолковывал Коннер, и крутились два

волкодава. Принцесса сперва вяло удивилась — с чего бы это генералу бросать

кардинала и бежать на берег, потом вспомнила про рыбу и наклонности
варастийца. Если б не «павлины», генерал уже полез бы в реку, а вот
Матильде

лезть никуда не хотелось, даже подушки и ковры больше не манили...

Женщина бездумно поглаживала лишенную коры древесину, наслаждаясь
пронизанным солнцем покоем и странным чувством, что все уже хорошо, а
будет еще лучше. До зимы далеко, да и сама зима не так уж страшна, если
есть

огонь и вино, а рядом — нужный человек. У Матильды Алатской все это
было, прошлое смыла вода и унесла в море, где слезы становятся солью, а
печали —

шумом прибоя, но горечь моря — не горечь сердца, она вечна, она
прекрасна, она рождает не слезы, а песни. Море поет о дальних берегах, а
река — о море, к

которому спешит, желая отдаться и отдать влившуюся в ее воды горечь...

— Ваше высочество, разрешите нарушить ваше уединение, пока это не
сделали

другие. — Утративший акцент густой голос больше не казался ни глупым,
ни

напыщенным, зато напоминал о прошлом беспардонном вранье. Нужном,
кто

спорит, только чувствовать себя душой на старости лет все равно
неприятно.

Особенно если хочешь забыть, если почти забыла и просто слушала реку и
смотрела на солнце.

— Вы уже нарушили, — сдержанно произнесла женщина. — В чем дело,

господин Бурраз? Обязательные комплименты моей красоте вы исполнили,
с

удачным браком поздравили, что-то еще?

— Довольно много. — Казарон и не подумал обидеться, послы вообще не
обижаются, а этот к тому же еще и кагет, принимающий гостей. — Хотя
признаю, что это место не способствует деловым беседам. Я с трудом
заставил

себя вспомнить о долге.

— И зря. — Матильда вновь погладила вдруг показавшееся лошадью
дерево и

окончательно сосредоточилась на приставленном к ним Баатой пройдохе.
— О

том, что ваши интересы совпадают с нашими и вы всемерно готовы
помогать

драгоценным друзьям, мой супруг осведомлен. То, что казару хочется
узнать

побольше о планах и намерениях регента, особенно в свете творящейся
вокруг

неразберихи, понятно, но об Алве лучше говорить с виконтом Валме. Вы с
ним, кажется, в дружбе?

— В определенном смысле. — Кагет улыбнулся, как улыбнулся бы

разболтавшийся с дайтой лис. Черно-бурый такой, с белым воротником. —
Ее

высочество Этери заметила, что мы с виконтом Валме похожи. Это
облегчает

взаимопонимание и делает приятным совместное застолье, но всегда ли

сходство порождает дружбу?

— Не всегда. Ваш спутник, ээ-э... достойный и верный сподвижник казара Бааты, не сочтет вашу отлучку заговором?

— Маргупу-ло-Прампуше, так же как и мне, велено обеспечить успех переговоров. Я лучше знаю талигойцев, ло-Прампуша представляет себе положение, в котором оказались власти Кипары и Мирикии. Могут ли они поддерживать у себя порядок, имеет ли смысл им доверять и, если все же договариваться, сдержат ли они слово.

— Не сомневаюсь, — проникновенно сказала Матильда, — что казарон Прампуша скажет казару правду, но что он будет говорить нам? И, чтобы избавить вас от дурацкого разговора, я не знаю, как события в Гайифе влияют на

планы Алвы. Вы могли бы спросить меня прямо, не заходя кругом через Паону

и Кипару.

— Зачем спрашивать о том, чего вы не можете знать? — Кагет наклонился и

поднял что-то с усыпанной иголками земли. — Кусок коры, но как похож на

спящего льва... Ваше высочество, вы не спрашиваете об Олларии, а ведь я там

был. В городе остались люди, которых вы знали, я счел, что это заслуживает

разговора наедине.

— Не с вами! — с нежданно проклюнувшейся злостью рявкнула алатка. —

Эпинэ жив, Альдо мертв. Что вам еще?

— Мне — ничего. Но я обязан принести вам извинения за свое прошлое поведение. Лучшее, что я мог сделать для своего казара и для будущего, — это

изображать чванливого петуха.

— Вы не петух. — Матильда остановилась и посмотрела разряженному красавцу в глаза. — Вы орел. Немного стервятник, но орел.

— Благодарю вас.

— Не за что! Просто запомните, что о своем внуке я ни слышать, ни говорить не

желаю.

Она не только не желала, она бы не успела: ло-Прампуша, или как его там, показался из-за янтарных стволов, он явно не собирался оставлять напарника

без присмотра.

— Казарон Бурраз, — быстро сказала алатка, — вы спасали людей в Олларии, и

вы дрались вместе с Робером Эпинэ... Я на вас зла, но я вам верю, зато не верю

вашему казару! И вашему спутнику, между прочим, тоже, а он идет сюда.

— Вы ошибаетесь, — так же тихо и быстро поправил стервятник. — Мой казар

и мой спутник умны, а в нынешние времена предать сильного союзника ради

мелкой выгоды может лишь глупец.

4

Подъем на гайифский берег, не менее крутой, чем кагетский, одарил Марсея

весьма сильными впечатлениями. Само собой, неприятными, однако затем все

наладилось. Козлы неумоимо петляли хитрыми местными тропами, взбирались

на горки, спускались, снова поднимались — и, разумеется, никакого «Зла», от

которого требовалось защитить достойных участников переговоров, не попадалось. Часа через полтора Валме не то чтобы заскучал, но молчать надоело, только светский разговор в новом обществе просто так не заведешь.

Виконт перебрал в уме несколько способов и наконец принялся без слов мурлыкать песенку о белом козленке.

Когда пятилетнего наследника Валмонов стали удручать музыкой, он и представить не мог, насколько эта наука облегчит жизнь, особенно личную.

Милый мальчик возненавидел незатейливые мелодии, но в память они въелись

намертво. Попев минут пять, Валме сделал серьезное лицо и окликнул трусившего рядом Жакну.

— Я не лучший певец, но эту песню часто поет регент. Он слышал ее в

бакранском селении, но забыл спросить, о чем она.

— Это хорошая песня. — Бакран и не подумал удивиться. — Но ее поют иначе.

Ее поют так.

Окажись здесь маэстро Гроссфихтенбаум или кто-то ему подобный, он сунул бы

Жакну в мешок и уволок в свой театр. Голос у парня, хоть тот и старался петь

негромко, был потрясающий, а уж в сочетании с внешностью!.. За Жакну хозяин

любой оперы отдал бы душу, жену и лучшую шляпу, но загнать горца на подмостки смог бы разве что Бакра. Лично, а не через какую-нибудь премудрую.

Самым же странным было то, что мотив несомненно походил на талигойскую

детскую песенку — пусть как Котик на Эвро, но походил.

— Хотелось бы понять смысл, — заметил Валме, когда дувший в лицо ветерок

унес последние ноты к Рцуку. — Мне почудилось слово «абехо»...

— Так и есть! — просиял, напомнив кого-то знакомого, Жакна. — Я пел о том, как приходит весна и расцветают деревья абехо. Это очень красиво, и становится еще лучше, когда на берег реки, очень высокий, выше того, где мы

спускались, выходит девушка. Она говорит с тем, кого любит и кто сейчас далеко. Она просит Бакру сделать так, чтобы ее слова донеслись до ее

любимого... Чтоб он знал, как она его любит, и делал, для чего ушел, а она его

дождется и сохранит их любовь.

— Очень правильно, — согласился Марсель. — Ваши женщины умны, они умеют отпускать мужчин.

— Они привыкли, — кивнул певец. — Моя сестра познала мужа лишь по воле

Бакры. Теперь ее ждет посох премудрой.

— Это как? — живо заинтересовался Марсель. — Я про премудрость... Она

связана не только с высшей... с волей Бакры, но и с, гм, познанием мужа?

— Тропы Бакры знает лишь сам Бакра. — Горец говорил спокойно и охотно; еще немного, и можно переходить к чему-нибудь занимательному, а может быть, и полезному. — Девочку отдают в дом мужа, но не мужу.

— Это мне уже объяснили, — пришпорил разговор Валме, узнавший о горском

обычае и выходках Ворона от Коннера. Хорошее тогда было время и война веселая, не то что теперь!

— Мужа сестры убили прежде, чем он... — Бакран задумался, явно подбирая

талигойские слова, потом погладил своего скакуна и нашелся: — Он не успел

покрыть жену, и она ждала, когда Бакра подарит ей непустую ночь. Многие ждут, но ей Бакра явил особую милость...

— Регент? — догадался Марсель. — Правда, тогда он был

Прымпердором...

— Он дал нам все и только женщину оставил пустой. В этом есть смысл, и премудрая его разглядела. Бакра пожелал вывести нас из пыли, и стало так, как

нужно. Значит, ему нужно, чтобы сестра не качала колыбель. Значит, к ней входил не мой брат, а посланец Бакры. Зачем? Дать ей мудрость, которой еще не знали.

Подвернувшийся обрывчик очень кстати прервал разговор, дав Марселю время

для размышлений. Бакранскую вдову было ужасно жаль. Рокэ заморочил бедняжке голову и пропал... Ему не впервой: Клелию во второй раз он вовсе не

заметил, хотя не заметить столь чудовищное платье нужно суметь. Ничего, толстенную бордонку выдадут замуж за какого-нибудь дожа, и худо будет уже

ему. Еще бы не худо, если тебя каждую ночь будут сравнивать с Ал вой, да не с

настоящим, а с придуманным. Страстно влюбленным и осчастливленным ласками твоей жены, которая сейчас едва ворочается... В том, что Клелия в постели едва ворочается, Марсель не сомневался, но дело было не в ней, а в

чуть не бросившейся с башни бакранке. Коннер, цапни его выдра, расписал тоненькую горскую девочку как живую, а Жакна со своими, надо думать, фамильными глазищами и песенными талантами нанес последний штрих...

Валме настолько был занят одинокой вдовой, что почти не заметил уступчатого

спуска — похоже, последнего. Отряд выбирался из лабиринта скал, гор и холмов, пора было думать о деле, то есть о том, как и бакранов выгулять, и чего-

нибудь не натворить, но судьба черноглазой малышки требовала вмешательства.

Отдавать такую в бессемейные мымры было и глупо, и жестоко.

— Вы неверно истолковали волю Бакры, — непререкаемым тоном объявил виконт. — Мудрость подождет до возвращения регента. В первый раз ничего не

вышло, потому что рядом было Зло!

— Не так! — Бакран аж остановил своего козла. — Совсем не так! В деревню

Зло не может войти, его гонят стены, козлиный помет и собаки, а женщины

носят ожерелья из косточек абехо.

— Это другое Зло, — нашелся Валме. — Банальное. Регент его прогонял, оно

уходило и возвращалось. Вы видели оруженосца Рокэ? Ну вот, все дело в нем, то

есть в проклятии, из-за которого потом провалился целый замок. В других горах, не ваших... С вами обошлось, потому что регент любит ваш народ, но, чтобы вас защитить, потребовались все его силы. Потому-то никто и не родился, но это не повод отбирать у твоей сестры...

Переливчатый свист из-за рошцы слева донес, что фланговый дозор

обнаружил

нечто важное. Всех тонкостей бакранских сигналов Валме не знал, но сейчас, похоже, требовалось присутствие начальства. Жакна описал рукой уже

знакомый круг и погнал своего козла на свист. Валме покосился на остальных

бородачей и, подавая им пример, потихоньку тронулся следом.

— Это было откровение, — сообщил он Мэгнусу, — ниспосланное Бакрой.

Должен же был его кто-то ниспослать, если до вас по-хорошему не доходило!

«Ни у кого из повелителей не останется наследников...» Еще бы, ведь

повелителям нужны все их силы, иначе случится дыра, которую придется

затыкать императору. Собой, между прочим. А если император, затыкая, покинет то, чем должен править, начнутся безобразия... Хотя может быть и по-

другому. Наследников нет, чтобы не делиться, только чем?

— Госпадинприрегента! — доложил вынырнувший из-за акаций бакранский

десятник. — Нашла странный! Надо смотрел.

Странным оказались два бездыханных тела на пятнистой осыпи. Человек и лошадь. Оба — «раздетые»: кобыла — без сбруи, всадник — без сапог и верхней одежды.

— Тут уже смотрели. — Жакна был собран и по-адуански деловит. — И там, внизу, тоже. За ним гнались от тех роц. Пять врагов... или больше. Там земля

есть, следы остались.

Проследив обозначенное взмахом посоха направление, Марсель живо додумал

остальное:

— Бедолага понял, что понизу не уйти, и рискнул — вверх по склону. Но тут

осыпь, его кобылка нашим красавцам не чета, свалилась, сломала ногу. Враги

поднялись сюда, добили и обобрали.

— Недавно, — подсказал бакран. — Стервозники не успели. Надо хоронить?

— Надо рассмотреть.

Марсель прыгнул наземь. Покатился серый камушек, склон наискось

перечеркнула птичья тень — «стервозники» не опаздывают, значит, прошло не

больше получаса. При желании убийц можно нагнать, чем не отвращение Зла?

Виконт неохотно присел на корточки, разглядывая трупы. Лошадка была

хорошая, ухоженная и упитанная. Седок тоже от недоедания не страдал и со

своим пузом боролся не слишком успешно. Лицо разбито, но то, что покойник

чисто выбрит, разобрать можно... Прическа — от нее мало что осталось, но если

попытаться представить себе «до»... Так, руки... И за ногтями следил...

— Я могу ошибаться, — вынес вердикт Валме, — но больше всего похоже на

средней руки дворянина. Для лошади военного гнедая тяжеловата, на такой удобно ехать не спеша, наслаждаясь красотой садов... А не идти в бой и тем более не удирать от врагов.

— Они забрали все и ушли туда, откуда прискакали, — подхватил Жакна.
— Я

думаю, их мало, они ничего не делают нам. Они ничего не делают тем, кто едет

на переправу. Но они плохие.

— Несомненно, — подтвердил Марсель. С полдюжины грабителей, напавших

на одинокого путника, опасности не представляли, но что было не попросить

брата Пьетро... скажем так, помолиться о здравии хотя бы Матильды.

Глава 8

ГРАНИЦА КАГЕТЫ И ГАЙИФЫ

400 год К. С. 23-й день Осенних Ветров

1

«Едут!» — расположившийся у обрыва дозорный ткнул рукой в невидимый с

ковров гайифский берег.

Непоседа Бурраз немедленно вскочил, а может, ему просто надоел Прампуша, который, напротив, поудобней устроился в гнезде из подушек. Именно потому, что Бурраз вскочил. Кагетские дипломаты недолюбливали

друг друга столь

откровенно, что обжегшаяся на поддельных дураках принцесса заподозрила

нежнейшую дружбу. Впрочем, казароны могли и не врать: вечно прятать за пазухой кошку надоедает.

— В Гайифе ничего не делают зра. — Акцент Прампуши был чуть отчетливей

акцента Бурраза, почти незаметного. А вот бакраны умудрялись говорить на

талиг чисто, только в окончаниях путались. — Если гайифцы прибыли почти на

час раньше, чем договорено, значит, они показывают, что переговоры им очень

важны и они готовы уступить. Я советовал бы передать им, что ее высочество не

готова, и начать точно в назначенный срок. Я скрашу их ожидание.

— Хорошо, — с неудовольствием согласилась женщина, понимая, что рыться в

альбертовом сундуке таки придется. Бонифаций хмыкнул и поднялся вслед за

женой — если нет служанки, камеристкой волей-неволей становится муж. Ну

или любовник, только это в прошлом. — Какое платье надеть? В самом царственном я сварюсь.

— Черное возьми, — присоветовал благоверный. — Вырез большой, а вид

пристойный. И цвет богоугодный.

Выбор был верным, да и ругаться не хотелось. Матильда вообще пребывала в

благодушном настроении, когда заступивший ей с Бонифацием дорогу великан

из свиты Бурраза пророкотал:

— Он гаварыт, сматритэ, они сылна таропятся. Слышком сыл-на. И малаых!

— Постой-ка, душа моя, я сейчас... — пообещал Бонифаций, но Матильда стоять не собиралась, так что у обрыва супруги очутились вместе. Всадники, не

больше десятка, неслись к броду галопом. Без всякого строя, изрядно растянувшейся цепочкой, и ничего хорошего столь бешеная скачка не сулила.

— Они точно гайифцы? — Сердце екнуло при мысли об ушедшем на чужой берег отряде.

— Козлы с такой скоростью по ровному не поскачут. — Подоспевший Дуглас

торопливо настраивал зрительную трубу. — Это не бакраны. Леворукий, мне

надо бежать!..

— Успеешь, сыне! — прикрикнул Бонифаций. — Коннер не сплхует, а с горы

всяко видней.

Внизу адуаны и кагеты вскакивали в седла, строясь для приема гостей.

Видеть

странных всадников они не могли, но суета на вершине давала понять — кто-то

едет. И кто, если не переговорщики? Гайифский дозор тоже был на ногах: один, в изумрудном мундире, догадался взобраться на здоровенный камень и, загородившись от солнца рукой, глядел на ведущую к броду дорогу. Тонконогий

и зеленый, он походил на встревоженного кузнечика.

— Я бы сказал, — заявил сквозь крепчающий гомон Бурраз, — так торопятся

доставить важные и дурные вести. Но еще вернее — так уходят от погони.

— Последний болтается в седле словно раненый, — угрюмо подхватил Дуглас.

— Потому и отстал... И я разглядел имперские мундиры, самое малое на двоих.

Секунды утекали вместе с водами Рцука, всадники все так же, не сбавляя хода, мчались к реке.

— Вот, — великан выбросил ручищу вперед, — пагона!

Матильда прищурилась, вглядываясь в гайифские холмы. Уже не десяток, гораздо больше мелких фигурок перечными зернами высыпалось из ложбины и

покатилось вслед за первой компанией.

— Тры минуты, и бэглецы будут здес.

— Четыре.

— Первые двое раньше... Ох, что-то не похоже это на губернаторских чиновников, совсем не похоже.

— Легкая кавалерия?

— Капрас нэ зелоный...

— Значит, местные. Простите, господа, я все-таки вниз.

Бонифаций не ответил, а Матильда спохватилась, когда Дуглас уже скрылся за

соснами. Казароны хмурились и переглядывались, разве что торчавший за плечом Бурраза здоровяк оживился и проверил, как ходит в ножнах сабля.

Дурной пример заразителен, и принцесса потянула из-за пояса пистолет, поймала взгляд мужа и сунула обратно. Времени ушло всего ничего, но первая

пара, далеко обогнав товарищей, как раз доскакала до Рцука. Подлетели к караулившему брод разъезду, замахали руками и все вместе направили коней в

воду. Взлетели брызги, лошади, мотая головами, устремились к кагетскому берегу.. Они не плыли, а шли по брюхо в воде, так что брод в самом деле оказался бродом.

Отставшим объясняться было не с кем, они просто влетели в реку. Все? Нет, один махнул товарищам и повернул коня. Оказалось — поскакал помочь

раненому, подхватил уже падающего, перевалил к себе...

— Маладэц! — изрек великан и перешел на кагетский, Бурраз коротко ответил.

Местный лай Матильда не разбирала, но резкий жест правой рукой от себя был

уже знаком. Не разрешил, и даже Бочке ясно, что именно. Драку. Понять

бы еще, с кем... А кагеты с адуанами внизу готовились к бою. Спешились, рассыпались

по берегу напротив брода, прячась за камнями, благо таковых было полно.

Лошадей отвели подальше и тоже за камни. Чтобы и не мешали, и были под

рукой.

— Сейчас, душа моя... Сейчас и узнаем, что там за безобразие.

Первые гайифцы уже вовсю что-то объясняли вышедшему к самой воде

Коннеру. Генерал-адуан слушал, а его подчиненные держали гостей под

прицелами мушкетов. Это была война, и то, что пришло из империи, могло быть

отнюдь не тем, чем казалось на первый взгляд.

2

Все стояли столбом и таращились друг на друга: благородные господа с горки

разглядывали, что творится на берегу, а там по обе стороны Рцука замерли в

ожидании конные и пешие. На правой, гайифской, стороне торчало с полсотни

разномастно одетых верховых, все с оружием, причем не толпой, а

развернувшись в две пусть и кривые, но шеренги. Еще трое, видимо главных, выехало вперед, к самой воде спускаться не стали, остановились в сотне шагов.

Опасаются стрельбы? Еще бы, на левом берегу примерно столько же стрелков с

мушкетами наготове.

— Стоят, твою кавалерию, — проворчала, не в силах вынести тишины,

Матильда.

— Плохой поэт, — немедленно откликнулся Бурраз, — назвал бы это затишьем

перед бурей.

— Буря не буря, — с благодарностью подхватила принцесса, — но дождик с

громом в виде пальбы будет.

— Сэйчас многое прояснится. — Прампуша был верен себе: он смотрел не за

реку, а на тропу, где в просвете веток уже мелькало черно-белое.

Талигоец...

Дуглас!

— Ну, — нарушила все уставы и субординации Матильда, — что там?

Темплтон пожал плечами, он казался не столько встревоженным, сколько удивленным.

— Беглецы из гайифского эскорта. Их сержанта люди Коннера узнали, он был в

охране чиновника, привозившего послание от кипарского субгубернатора.

Сержант говорит, утром депутация выехала из местечка, где ночевала, намереваясь в условленное время быть на переправе. В паре хорн от реки

караван атаковала большая банда. Сержанта с десятком солдат как раз перед

этим отправили вперед, предупредить о скором прибытии, но едва они отъехали, как произошло нападение. Прорваться назад не вышло, поскакали сюда. О том, что в округе орудуют налетчики, власти знали, но подобной наглости никто не

предполагал. И такой численности тоже. За разъездом гналось полсотни, следовательно, на колонну напало в несколько раз больше. Сержант просит

помощи, но, по мнению генерала Коннера, с которым я согласен, этого делать не

стоит. Вместе с кагетами у нас чуть больше полутора сотен бойцов, причем их

обязанность — охранять ваше высокопреосвященство и представителей казара.

— Вы расспросили свидетеля, и вы располагаете зрительной трубой, — вмешался упомянутый представитель. — Что скажете о разбойниках?

— Интересные разбойники. Очень. Одеты кто как, оружия много, но тоже разное, и при этом вполне приличные лошади под верх, таких у крестьян и трактирщиков не раздобудешь. Стоят, будто знают, что такое строй. На переодетых солдат не похожи, но и обычной бандой не назовешь. Больше всего

похоже на ополчение или на повстанцев, которых кто-то школит и обеспечивает.

Примерно так выглядели... мятежники Борна, но, насколько мне известно, в

Гайифе никто не восставал.

— Ваше высочество, — твердо сказал Прампуша, — вам лучше проследовать в

монастырь и нэ покидать его, пока мы нэ поймем, что происходит. Очевидно, что переговоры кем-то сорваны. Пока остановимся на этом, хотя кое-какие

соображения у меня имеются.

— Дорогой друг имеет в виду императорских легатов? — Бурраз не преминул

ослепительно улыбнуться. — Легат, узнав о переговорах, мог арестовать или

попытаться арестовать чиновников за предательство, и легаты в самом деле собирают ополчение против морисков, но они не нападают из-за угла. Или сержант врет, или это не легат.

— Я ему верю, — твердо сказал Дуглас. — Тем более что он не один, но я расспрошу и солдат.

— Надо было сделать это сразу, теперь они будут лгать.

— Вышедшие из боя солдаты к вранью не склонны. — Похоже, Темплтону

Прампуша не нравился, а может, ему не нравилось вспоминать Борна. — Кроме

того, переправившихся спешили и отделили от сержанта, а на галопе не очень

сговоришься. Ваше высокопреосвященство, я сейчас пришлю людей для сопровождения ее высочества.

— Я вином не торгую, — отрезала Матильда и уже окончательно выгатила из-

за пояса пистолет, — и часами тоже. Не знаю, что за банды гуляют по Гайифе, но в аббатстве мне делать нечего.

— Вы несправедливы, — попытался возразить Прампуша. — И отец настоятель, и отец эконом известны своим благочестием. Они не могут отказать в ночлеге и

молитве проезжающим путникам, и не их вина, что здесь в основном ездят торговцы.

— Мне достаточно молитв моего супруга, а кардинал всяко благочестивей аббата. У вас там, за Рцуком, губернаторов грабят. Помогать будем?

Воцарилось молчание, и ее высочество с достоинством и пистолетом неспешно

вернулась к обрыву. Внизу все так же торчали друг против друга с оружием наготове, только на гайифской стороне несколько всадников спустились к самой

воде. Неспешно проехали вдоль берега, посмотрели на перекрывших развилку

черно-белых и оранжевых солдат и присоединились к стоявшей отдельно тройце. Доклад, а это несомненно был доклад, оказался коротким. Затем вся

компания развернула коней и спокойной рысью стала удаляться от берега.

3

Подвернувшиеся убийцы были просто прелесть что такое. Они несомненно несли зло и не кому-нибудь, а гайифцам. Искореняй — не хочу, переговорам это

не повредит, к тому же таких не жаль. Кем надо быть, чтобы жалеть мерзавцев, добывающих тех, кто разбился на горной тропе? В горах, на море и в прочих

чащах с пустынями приличные люди друг друга спасают, местные же

«стервозники» были неприличными, и Валме с чистой совестью спустил на них

своих бакранов. Отряд, выслав вперед усиленный дозор, уверенно шел по следу.

Пересекли ручеек, миновали рощу, за ней обнаружилась тропа, уводящая к следующей гряде. Один из горцев по предыдущим набегам помнил, что за ней

должна быть дорога. Объезжать холмы не стали, чего время терять? Виконт досадовал лишь на отсутствие Котика, которого давно следовало приучить ездить верхом. Подсаживают же мориски охотничьих гепардов на седла, чтобы

показать им дичь, а волкодав всяко умней голенастой мелкоголовой кошки.

Да, собаки не хватало, и Жакна ее заменить не мог, зато Валме понял, кого ему

напоминает спутник. Герарда! Утреннее чудовище так же старалось, так же

смотрело и так же подавало большие надежды. Из Жакны, если его не украдет

Капуль-Гизайль, выйдет пусть и бакранский, но маршал. Валме окинул взором

едущего рядом парня и решил, что мундир ему нужен не талигойского покроя, а

кагетского, только, разумеется, без галунов и однотонный. Будущий маршал от

козлерии взгляд виконта истолковал по-своему, то есть по-герардову, и

бодро

заявил, что они справятся и поедут дальше, на поиски более крупного зла, потому что регент ждет от бакранов великих и регулярных подвигов.

Марсель

молча почесал своего козла — с бакранами следовало вести себя сдержанно, уж

слишком буквально они все понимали.

— Мы покараем убийц и вернемся, — твердо сказал виконт. — Так надо.

— Капитан при особе регента видит, — обрадовал Жакна. — Мы радостно делаем, как надо.

Это умиляло, но заставляло задуматься о будущем уставе бакранской армии. И о

том, что предугадать, как отзовется сказанное тобой слово, нам не дано. Валме

всего лишь спросил о Роже — он всех о ней расспрашивал, но бакраны любят

подробности, и виконт объяснил, что, хотя Рожа осталась в Олларии, он видел

ее в луже, когда был с Алвой у премудрой. Сказал и забыл, а горец запомнил. Ну

точно Герард.

Раздался очередной свист, и тут же с ближайшего склона вниз ринулся козел с

круглым черным пятном на боку. Валме помнил, что он шел в передовом дозоре.

Ну что ж, господа разбойники, сейчас с вас спросят и за всадника, и за

кобылу.

— Он говорит? — спросил Жакна, и Валме постарался кивнуть

поначальственней. Это было просто, трудней оказалось понять, поскольку

хозяин пятнистого козла докладывал на талиг и, судя по всему, немало этим

гордился. Тем не менее Валме как-то разобрал, что дозор добрался до верха, откуда открылась интересная картина: небольшая долинка, окруженная

холмами, на дальнем конце — широкий проход. Хм, если подумать, за ним и

должна быть та самая дорога... Ну а в долинке вместо умиротворяющей красоты

осенних роц — толпа разбойников и приведенный ими торговый караван.

Бандиты оказались людьми обстоятельными — захватили, отогнали в укромное

место и теперь без помех и спешки занимались добычей. Заодно стало понятно

упорство, с которым гнались за покойником. Дележ награбленного не терпит

суеты и постороннего вмешательства.

— Там пленные, — добрался до главного бакран-разведчик. — Злодеев меньше, чем нас. Они поставили сторожей только в проходе. Я спускался до середины, никто не заметил. Они не смотрят сюда. Совсем.

Что бакранский отряд больше, обнадеживало, и все равно, если душегубов и

меньше сотни, то ненамного. Надо же, какие банды тут развелись...

— Мы искореняем? — деловито осведомился Жакна, тронув свой посох, как

какой-нибудь Савиньяк тронул бы шпагу. Валме ничего не трогал, ввязываться в

крупную драку умным ему не казалось, но, с другой стороны, предъявить чиновникам отбитых пленных и скрученных бандитов было бы во всех отношениях полезно. Это подчеркнуло бы осведомленность талигойской стороны в гайифских делах и укрепило бы будущий договор. Отбитые негодяи молчать не станут и, если кто-то при них начнет честить губернатора за перемирие, свое слово скажут. Кроме того, бакраны стремились

искоренять, а Мэгнус — прогуляться по скалам. Марсель поправил наружную

ленту и скомандовал:

— Идем вверх двумя отрядами, только тихо. Нужно застать Зло врасплох.

4

В дальних холмах снова замельтешило, и тут же воздвигшийся на обрыве вооруженной до зубов сосной великан возопил:

— Ешо кто-та!.. Тэпер ых болше.

— Да, — согласился Бурраз. — Колонна всадников, большая... Торопятся, но не

слишком.

— Подкрепление к этим... или бакраны?

— Для Валме, душа моя, слишком быстро. Если ему не придется бежать.

— Этому паршивцу? — хмыкнула принцесса. — Такие только от невест бегают... И от родни.

— От графа Валмона убежать затруднительно. — Бурраз то ли с восхищением, то ли с осуждением покачал головой. — К тому же его здесь нет.

— Господа, — вмешался не отрывавшийся от трубы Дуглас, — вам не кажется, что шайка одна?

Парень угадал — уходившие от реки бандиты остановились и спокойно ждали, затем два отряда слились в один.

— Аны возвращаются. Будет драка?

— Вряд ли те, кто напал на субгубернатора, вздумали замэнить его на переговорах, — улыбнулся Прампуша.

— Брод быстро не перейти, — то ли напомнил, то ли утешил Темплтон, — да

еще под огнем. Желаете взглянуть?

Матильда желала, но уступила первенство мужчинам. Они передавали трубу из

рук в руки, пытаясь понять, что затеяли странные разбойники. Теперь их

набиралось больше двух сотен, и они нестройной колонной скакали прямо к

переправе. Бандиты были далеко и почти не существовали, пока прибор не

добрался до алатки и она не увидела светло-желтый круг и на нем черные

стремительные фигурки. Стало жутко. Она не понимала почему, она вообще

ничего не понимала, едва не потеряв голову сразу от ужаса и омерзения.
Все

набиравшие и набиравшие ход всадники были гаже любой нечисти.
Хотелось

швырнуть дорожную трубу с обрыва, бросить все, взобраться в седло и гнать, гнать, гнать прочь!

— Сударыня, — что-то заметивший Дуглас взял из рук принцессы свое сокровище, — они не прорвутся через реку и уж тем более не доберутся сюда, но вам, возможно, в самом деле...

— Твою кавалерию, нет! — Она заорала не на Темплтона, а на собственный

страх, и тот, рыча и морща верхнюю губу, попятился. Женщина улыбнулась

мужу и, заставляя себя идти медленно, двинулась вдоль обрыва к почти

сакацкому стволу. На полдороге ее обогнали Темплтон и сияющий великан, которого наконец-то отпустили вниз. Кагет не боялся, такие ничего не боятся.

Белый ствол был по-прежнему прохладным и гладким; мелкие сучья сосна

давно потеряла, и теперь в небо тянулась шестипалая рука. На одном «пальце»

устроилась черная птица — не ворон, крупнее. Казалось, прячущийся в холме

гигант надел кольцо с карасом и, хвастаясь, растопырил пальцы.

— Мир вам, сударыня.

— Пьетро?! Вы-то что здесь делаете?

— Что всегда. Прошу у Создателя милости к одним и прощения для других.

— Я думала, вы в аббатстве.

— Мои братья во мне не нуждаются.

Матильда в монахе тоже не нуждалась, однако рычать на него было не за что.

Бестолочь и бестолочь, но, кажется, и впрямь верующая. Не всякий, когда творится такое, будет перебирать четки и говорить о прощении.

— Отправляйтесь в обитель.

— Я готов сопровождать туда вас.

— Я остаюсь.

— На все воля Создателя. — Монах отсчитал несколько жемчужин. — Его высокопреосвященство Левий желал бы, чтобы я сейчас был с вами. Так и будет.

Левий был не настолько безмозгл, чтобы перед боем кому-то навязывать неумеху в балахоне, скорей уж кардинал приставил бы к ней серого капитана.

Но живые вечно «знают» желания умерших, в этом монашек не одинок.

— Оставайтесь, — разрешила принцесса, будто это зависело от нее. Воля у

Пьетро при всей его умоленности имелась, иначе он сюда просто не добрался

бы. — Твою кавалерию, да они не сбавляют хода!

Возглавлявший гонку разбойник на серой лошади уже проскочил камень, на

котором прежде торчал гайифский наблюдатель. Неужели сейчас вот так, галопом, вниз к воде и сюда?!

Оказалось, не совсем. Доскакав до прибрежных валунов, всадники из головы

колонны раздались по сторонам, растеклись вдоль берега и шустро спешили.

Один, в ярко-желтой рубахе и с офицерской шляпой на башке, явно главарь, размахивал руками — подгонял своих красавцев. Стрелки едва успели

разбежаться по берегу и приготовить оружие, как оставшиеся верхом погнали

коней в реку, правда, не галопом. У полосы валунов передовые принялись сдерживать лошадей — чем ближе к реке, тем сильнее сбавляя ход. Перед бродом возникло подобие давки, и тут выскочивший «желтый», потрясая пистолетами, выпалил в воздух. Это был первый выстрел, а дальше пошло.

Прикрывая переправляющихся, затрещали чужие мушкеты, спустя мгновения

им ответили свои.

Глава 9

ГРАНИЦА КАГЕТЫ И ГАЙИФЫ

400 год К. С. 23-й день Осенних Ветров

1

— Ваше высочество, — кротко заметил Пьетро, — вы стоите слишком открыто.

Для прицельного выстрела далеко, но ведь бывают и случайные пули.

— Идите вы, сударь, к Леворукому, — вежливо посоветовала монаху принцесса, однако, подумав, отшагнула от берега и встала все за той же

мертвой сосной, благо из-за нее было отлично видно, как разбойники, преодолевая течение и не

обращая внимания на чужие мушкетеры, прут через реку. Узость брода вынуждала

их сбиваться поплотней, что изрядно замедляло переправу; кое-кому из крайних

места все равно не хватило, а Рцук шуток и глупостей не понимал. Лошадей

посбивало с ног и потащило — кого вниз по течению прочь от переправы, кого

— на своих же товарок, добавляя суеты и беспорядка. Оба берега заволочло

пороховым дымом, но реку было видно хорошо. Там, словно на батальном

полотне, вскидывались и падали кони, валились из седел всадники — мерзавцы

еще и до середины русла не добрались, а Матильда уже насчитала пятерых...

Есть, еще один опрокинулся в ледяную воду! Зато остальные рвались к кагетскому берегу, будто там их ждал ценнейший приз.

— Ваше высочество, отойдите.

— Чего ради?! — рявкнула алатка в безмятежное личико.

— Ради тех, кто вас любил и любит!

— Сами скажут, без посредников!

— Его святейшество Адриан не скажет больше ничего...

— Что?! — не поверила своим ушам Матильда. — Какое тебе дело...

— Его святейшество просил его высокопреосвященство Левия и меня
заботиться о вас.

— Обо мне?! Может, и о моей воспитаннице тоже?!

— О вас. Но «человек есть еще и те, кто ему дорог». Я любил старика, я о
вас

позабочусь. Отойдите от обрыва.

Она не отошла — отскочила, потому что иначе схватить монаха за грудки и
не

получалось, но паршивец увернулся, а за спиной раздались голоса.

— ...полоса в два десятка шагов, и все, пойдет рукопашная.

— Сэйчас добэрутся. Пора помогать...

Позади звенели шпорами, спеша вниз. Похоже, кто-то из парней Коннера и
кагет

Дуглас уже на берегу, а Бонифацию звенеть нечем. Матильда взглянула в
лицо

монаху, и тот ответил прямым мужским взглядом. Дико, невозможно
знакомым.

— Ваше высочество, если вы хотите видеть бой, присоединитесь к супругу.
Там

более или менее безопасно.

Да, бой, супруг, настоящее, и к кошкам прошлое, чьими бы глазами оно ни
пялилось!

Бонифаций не сказал ни слова, только придвинулся совсем близко, тут же
торчал

Прампуша и топтались пара адуанов и трое бириссцев. Остальные ушли вниз, и

даже Бочка понял бы, зачем: остановить переправу у стрелков не получилось.

— Да, — нарушил молчание Прампуша, — выбрались-таки злодеи! Тэперь —

только сабли.

— Воистину.

Первые всадники, даже не отряхнувшись, рванули к талигойцам. Рявкнули напоследок мушкеты. Двое бандитов рухнули сразу, третий — на полдороге.

— Лэворукий, их тут уже пятеро... И еще двое...

Адуаны почти прекратили стрелять по броду, слишком близко были враги, зато с

того берега палили непрерывно, а «желтый» прыгал по камням, как обезьяна. Ну

чтоб тебе, тварь, ту самую «случайную» пулю не поймать, а?!

Стрелки опустили бесполезные мушкеты и отошли, вперед кинулись кагеты с

бириссцами. Ну да, саблями — им привычней, а разбойнички рубаки не очень, даже отсюда видно, вон как валяются. Но числом давят.

— Нэ могу туда, — отрывисто сказал Прампуша. — Сэрдце...

Матильда кивнула, но казарон вряд ли заметил. Он не объяснялся, а говорил сам

с собой. Пусть и вслух, и на талиг. Он хотел быть внизу, где в смертельной

сумятице мелькали бирисские седины, адуанские платки, яркое разбойничье

тряпье. То и дело из кипучей сумятицы выныривал великан-кагет, пару раз мелькнул Бурраз, а может, Матильде очень хотелось, чтобы это был именно он...

Среди пеших крутились конные разбойники и с полдюжины адуанов на поджарых рыжих прыгунах, от которых проку на берегу явно было поболее, чем

от строевых лошадей.

— Не пустим, душа моя, еретиков. Узок брод-то, вот если б всей силой

навалились... Да и то — трусов у них нет, но и бойцов

опытных зрю немного, а мушкетами издали не решить. О, наши грядут! Не

увлеклись бы только...

В тыл разбойникам вылетели из-за холма кавалеристы Дугласа, и тут же по ним

ударил залп. Не удержал, но несколько трупов на камнях осталось. Из драки

выбралась лошадь с пустым седлом, вскинулась на дыбы и, задрав хвост, рванула вверх по дороге, прочь от брода. К Бонифацию подбежал адуан, что-то

шепнул.

— Не уеду! — на всякий случай напомнила Матильда.

— Да кто тебя гонит, неразумная, — проворчал супруг. Он казался спокойным, как и Прамбуша. Не собирается дрожать и Пьетро... Или наладившимся смолоду

в Рассвет никакие душегубы не страшны? Матильда в «сады росны, сады дивны» не рвалась, Заката не боялась, но на нее опять накатил страх.

Непонятный, липкий, путающий мысли, а желтый мерзавец опять размахался, гоня в воду уже стрелков.

— Нуда, им сейчас дела нет... — согласился с бандитским вожаком Бонифаций.

— Не стрелять же в общую свалку, а переправившимся с подходом Дугласа приходится все хуже.

— Агр-бр... — почти прошептал Прамбуша. — Батс'ута ута...

Из свалки вывалились двое, и эти двое были Матильде знакомы. Великан одной

рукой сжимал саблю, а другой поддерживал, почти волок на себе

окровавленного казарона. Бурраз-ло-Ваухсар наконец-то нарвался...

2

Все-таки подзорная труба — удобная вещь! Не соревнуйся с горцами в зоркости, Марсель мог с полной уверенностью сказать, что связанная и прислоненная к

борту почти очищенной повозки компания на торговцев совершенно не похожа.

А уж как не похожа вычурная карета на добротные и скромные экипажи почтенных негоциантов! Вывод набивался с настырностью ныне свободной

Дженнифер. То, что в мирикийском захолустье оказалось аж два каравана важных персон, Валме не допускал. Значит, господин губернатор, господин

субгубернатор и господин зять губернатора влипли. Мало того, вместе с

ними

влипла затея Алвы, и так по милости радужного Сервиллия изрядно потускневшая. А разбойников и впрямь не меньше сотни. Развели господ павлины стервозников, ничего не скажешь!

Валме опустил трубу и за неимением Котика поманил Жакну.

— Нас сюда привел сам Бакра, — объявил виконт и даже не слишком соврал. —

Эти люди ехали на встречу с его высокопреосвященством, но их перехватили.

Нужно спуститься и разбить мерзавцам, которые смеют нарушать планы регента, головы.

— Нас привел ты, — уточнил бакран. — Ты воистину знаешь! Твой дар бесценен, оставайся здесь и смотри в трубу. Мы все сделаем как надо, а если я

не вернусь, скажи моей сестре то, что говорил мне. Я оставлю с тобой пятерых

воинов, они говорят на талиг, но плохо.

— «Это будет прекрасно, — мурлыкнул Валме, — спуститься с горы...»

Вообще-то виконт если и собирался в бой, то даже не во второй волне, а последним, но этот бакранский Герард со своей заботой, еще более кошачий

Шеманталь со своим языком и репутация... Проклятая репутация сорвиголовы и

певуна, за свою отчаянность отмеченного самим Алвой! Как же, отметит

он, тварь провалившаяся!

Валме убрал трубу в футляр, каковой и вручил Жакне. Тот растерянно взял,
и

мстительный Марсель тут же сунул ему еще и шляпу.

— Нам с Мэгнусом нужно вниз, а ты будешь ждать здесь. Я знаю, так надо.
Будь

внимателен и не пропусти важное!

Герард тоже огорченно моргал, но плевать на начальство и делать по-
своему, а

еще лучше — выполнять приказы, но так, чтобы приказавшие лишались
речи и

даже чувств, герарды не умеют. Валме по-бакрански взмахнул рукой и
вполне

уверенно послал рогача на врагов.

Когда козел лихо сиганул на первый уступ, Марсель в очередной раз понял,
что

был не прав. Это Жакне следовало атаковать вниз по склону, а наследнику

Валмонов — взирать на сие сверху, но было поздно. Мэгнус, все
убыстряясь, летел вперед, обгоняя одного соплеменника, второго,
третьего... Счастливые

бакраны уже крутили над головами боевые посохи. Козел скакал,
вдохновенье

не накатывало, но горцы, несомненно, ждали песен, и Марсель заорал
старое и

проверенное:

— Благодатное лето сменило весну,

Розы радуют глаз, о-о!

Еще несколько козлов безнадежно отстали, зато крыши экипажей стали больше

— вопрос: выдержит ли крыша кареты козла?

— Подойдите, эрэа, скорее к окну,

Поглядите хоть раз, о-о!

З

Будь Матильде пятнадцать и даже тридцать, она уже ринулась бы на берег с пистолетом в одной руке и порванными полотенцами в другой. А не было бы

полотенец, разодрала бы нижнюю юбку, рубаху, наконец, но разменявшая седьмой десяток принцесса понимала — внизу она станет помехой, а рану любой адуан перевяжет лучше. И все же...

— «Милосердники», среди прочего, врачуют... А ну-ка, голубок, дуй к Бурразу!

— Нет, сударыня.

Пьетро спокойно, слишком спокойно для впервые оказавшегося в подобной заварухе, отсчитывал жемчужины.

— Адриан тебе дал бы «нет»! Там раненые!

— Вы — здесь.

Точно, внучек, если только не сын! Адриан так и изъяснялся, коротко, спокойно, напрочь отсекая желание возражать, но что с этим кошачьим Бурразом?! Ходил

бы — дохромал бы наверх, да и великана больше не видать... Сидит со своим

казароном? Тоже допрыгался?!

— Ваше высочество, посмотрите на реку!

— А если меня застрелят? — съехидничала принцесса, хотя место, где они

стояли, было почти безопасным. — Вы тут, а я — в Рассвете. Такая, в белом

венчике...

— Душа моя! — окликнул, не оборачиваясь, Бонифаций. — Глянь-ка!

Выказывать норов и дальше Матильда не стала, а при первом же взгляде вниз

стало не до норова, потому что в реке кто-то спятил — всадники, лошади или

все сразу. Кони били задом, вскидывались на дыбы, шарахались друг от друга и

тут же сталкивались, роняя седоков в воду, и сами падали, поднимались, пытались повернуть назад.

— Им всем стал очень нэ нравиться Рцук, — заметил Прампу-ша. — Почему?

Матильда не знала, и никто не знал, хотя всадники, надо думать, орали о том, что с ними творится. Вот этот, свалившийся, уж точно не только колотил

руками, но и вопил... Увы, что именно, в шуме непрекращающегося боя было не

разобрать. Сбросившая ездока серая смогла-таки выбраться из воды и, хромя, дунула прочь. Это стало сигналом для и так артачившихся коней на

берегу. Кто-

то из всадников удержался в седле и удержал лошадь, но с десяток разбойников

понеслись вслед за хромой и, враз ее обогнав, наметом пошли к холмам.

«Желтый» затряс над головой кулаками, но понесшим коням он был не указ, да

и тонущим стало не до начальства, а тонуло уже человек пять. Прямо напротив

Матильды свалился вместе с конем еще один бандит. Ушел под воду, вынырнул, снова ушел... рядом завалилась на бок лошадь, рыжий круп так и не дал

увидеть, смог ли выплыть человек.

Непонятное безумие в пару минут превратило Рцук в мутный бурый суп и напрочь сорвало переправу. Взбаламученная река опустела, выбравшиеся назад

разбойники сгрудились на мокрой гальке и по новой в воду не лезли. Бившиеся

на левом берегу остались без подкрепления, а их и так с одной стороны теснили

распалившиеся кагеты, а с другой — плотный строй талигойцев. Ну и адуаны

старались не отставать. Непрошенных гостей отжимали к броду, кто-то должен

был струсить первым, и он струсил. Всадник в синем, извернувшись, вышел из

боя, и тут-то засевавшая в реке угроза явила себя во всей красе. Влетевшая в

воду

гнедая дернулась, подпрыгнула, чуть ли не полностью выскочив из воды, и седок кувыркнулся, подняв фонтан брызг.

Еще всплеск, еще... В судорогах он там бьется, что ли?! Бился... Течение потащило тело от брода, судя по неподвижности — бесчувственное. Или мертвое. Толпившиеся уже у пенной кромки приятели неудачника несколько раз

выпалили по реке и утопленнику. Добить, что ли, решили?

— Самое время ударить, — выдохнул Прампуша. — Самое!..

Внизу думали так же. Защитники берега наподдали так, что недорезанные разбойники — и оставшиеся при конях, и спешенные, — почти не отбиваясь, повалили назад, кагеты, «барсы» и талигойцы за ними. Проклятый «желтый»

заскакал между своими стрелками, и те, сожри их Зверь, не сплеховали. Грянули

мушкеты, поплыли дымные клубочки, три фигурки — черно-белая и две оранжевые — свалились под ноги товарищам. Темплтону с Коннером и кто там

распоряжался у кагетов, этого хватило — защитники брода отхлынули под укрытие камней. Возобновилась перестрелка, кто-то из отставших разбойников

поймал пулю, и Рцук поволок очередное тело к морю, но больше не случилось

ничего. Что бы ни водилось в реке, оно либо ушло, либо нажралось, а люди с

обеих сторон и вовсе были сыты по горло. Бой откровенно затухал,
Матильда

утерла лоб и объявила:

— Вы как хотите, а я иду искать Бурраза.

Пошли все, даже не отнимавший руку от груди Прампуша.

4

Мэгнус нацелился сигануть на карету, Марсель едва сумел его отвернуть —

ноги-шеи остались целы, но козел врезался сразу в нескольких
головорезов, совершенно от такой выходки одуревших. Очень кстати —
виконт как раз успел

вытащить пистолеты. Парой злодеев в этом мире стало меньше, затем
пришлось

работать палашом. Валме старался, но главные подвиги совершил вдруг

озверевший Мэгнус, прямо-таки вбивший одного ублюдка в скалу и

размозживший башку другому. Стало грязно, и виконт послал бодуна в
прыжок

сразу через камень и трупы. Козел взвился соколом, виконт не свалился
лишь

чудом, зато настроение вознеслось до небес. Марсель орал хвалу боевым

рогачам, рубил, топтал и чувствовал себя просто прекрасно, но какой
экстаз

длится долго? Бой почти равен любви — сборы, сомнения, предвкушения и

краткий полет, после которого тянет либо спать, либо удрать, либо выпить
и

поговорить.

Валме окинул взглядом откуда-то взявшуюся пятерку суровых бородачей и
стряхнул с клинка кровь.

— Бакра и регент могут быть довольны, — строго объявил он, и бородачи
кивнули. — Дамы... ваши матери и жены могут вами гордиться, а слава
бакранской козлерии скоро затмит славу алатской конницы. Когда мы
победим

здесь, регент поведет вас в иные горы, еще не знавшие козлиных копыт и
сопутствующих им подвигов, но это впереди. Сейчас нужно освободить
пленных.

Бакраны воздели, именно воздели к небу свои посохи — они были
довольны и

речью, и сражением. Бедный Жакна на вершине остался без боя и без
славы... А

нечего отговаривать офицера при особе регента от драки, когда тому
самому не

хочется в нее лезть!

— Мне нужна моя шляпа и другие вещи, — решил Валме, — а вам нужен
ваш

командир. Я велел ему ждать на горе, потому что мне было на его счет
откровение, но сейчас ему пора спуститься.

Высокий горец без лишних слов послал бурого рогача наверх. Валме
застегнул

ольстры и повернул к каретам, у которых перед атакой заметил пленных.

Бой затих. Никто не стрелял, не лязгали клинки, не орали дерущиеся, не

хрипели раненые; победа была полной, а выводы — мерзкими. Банальным разбойничкам, когда припечет, положено бросать добычу и удирать, благо лошади под рукой, до прохода и хорны не наберется, а козел на равнине коню не

соперник. Положено, но эти не побежали! Нет, то самое бесполезное охранение

как раз и унесло ноги, зато остальные приняли бой, и теперь Мэгнусу приходилось то и дело перешагивать или обходить тела гак и не сдавшихся любителей чужого добра. Расколотые, как полосатые йернские тыквы, головы

впечатляли. Поучиться орудовать посохом, что ли? Вдруг пригодится, с другой

стороны — очень уж неаккуратно...

— А-а-гав... атва... гагр... — проревело совсем рядом, и из-за длинной крытой

фуры вывалилось двое — разбойник, а за ним бакран. Рука гайифца висела плетью, но левой он еще пытался отмахиваться здоровенным тесаком.

— ...иаки... фати...

— ...кыкна... кувр! — Взмах посоха, тесак улетает под телегу, но разбойника это

не останавливает, придурок рычит и кидается на горца с пустыми... нет, раздери

его кошки, с одной пустой рукой. Конец посоха тут же врезается в грудь, слышится хруст ребер, над ухом гавкает пистолет... Ага, вот и Жакна спустился!

Сбоку выскакивает еще один бородач, спотыкается, делает чуть ли ни танцевальный пируэт и с маху всаживает в разбойника немалый кинжал. Ого!

Как они сурово... Чуют что-то? Вот и Матильда рассказывала... Похоже, папенька с колодцами кругом прав, и от этого только хуже: одно дело — взбесившиеся горожане, даже подавшиеся в бандиты, и совсем другое — император с гвардией. Хорошо хоть о том, что пленных брать не стоит, бакранам

можно не говорить.

— Капитан при особе! — Жакна молчать и мыслить не собирался, ему все было

ясно. — Наши воины пресекли Зло внизу, а я поймал странного человека наверху. Вот шляпа и прибор, чтобы видеть.

— Спасибо, Герард!

— Почему... Ге-рард?

Положение стало щекотливым, но объяснить про рэя Кальперадо было бестактно.

— Что значит имя «Жакна»? — строго спросил Валме.

— Это имя для взрослого, но неженатого. Оно значит... — бакран задумался, подбирая слова, — полный разумной старательности!

— То есть усердный. У нас есть имя «Герард». С одного из, гм, древних языков

оно переводится «жизнерадостно-усердный». Я назвал тебя так из

благодарности.

— Это обычай? — уточнил Жакна.

— Не слишком распространенный. Только не подумайте, что мне не нравится, как звучит ваше имя, оно прекрасно! Скажу больше, как только я встречу одного

совершенно изумительного молодого офицера по имени Герард, я обязательно

назову его Жакна.

— Тогда, — с явным удовольствием сообщил бакран, — ты сделаешь нас побратимами. У меня уже есть два побратима из Талига, но я хочу четверых.

— Они у тебя будут, — пообещал Валме. — Так кого ты поймал?

— Странного человека. Он знает талиг, но не хочет говорить ни с кем, кроме ее

высокопреосвященствы, только называет ее не так. Я едва понял, чего он хочет.

Я его связал. Это правильно?

— Правильно, Герард, — заверил виконт и спрыгнул с Мэгнуса. Говорить с гайифскими чиновниками со спины козла было бы недипломатично.

Глава 10

ГРАНИЦА КАГЕТЫ И ГАЙИФЫ

ГАЙИФА. ТРИГАЛИКИ

400 год К. С. 23-й день Осенних Ветров

1

Почему-то Матильду понесло искать Бурраза у реки. Казарона могли

уволочь и

наверняка уволокли подальше от перестрелки, но женщину на берег прямо-таки

тянуло. Так и не отцепившийся Пьетро молчал, а на Бонифация с Прампушей

навалились дела. Не женские, как объявил супруг, и при этом так зыркнул, что

алатка, для порядка хмыкнув, убралась восвояси. Стрельба стихла —

разбойники перебрались к дороге, там их уже было не достать. Быстрый Рцук

унес, что мог, и вода, обтекавшая конские туши, вновь была чистой. Захотелось

умыться, и Матильда пошла вдоль берега вверх, где в реку выдавалось что-то

вроде каменистого, заросшего дикими розами мыска. Она оказалась не одинока: у самой воды на корточках сидел плечистый адуан, еще двое буравили взглядом

небольшой заливчик. Матильда ускорила шаг, и тут же дружелюбно гавкнул

пес... Двое! Оказавшийся Коннером адуан вскочил, а его приятель сорвал с себя

рубаху и что-то торопливо прикрыл. Варастийцы тоже занимались неженским

делом, но Коннер наверняка знал про Бурраза и не только про него. Матильда

решительно направилась к скрытной компании, хоть и видела, что рады ей

только псы.

— Сударыня, — нет, он точно смущен, — все в порядке?

— Видимо, — кивнула принцесса. — Не думала вас тут встретить.

— Так ведь рыбка, — буркнул адуан, продолжая вглядываться в речные волны.

— Разыгралась...

— Врете, — отрезала женщина. Коннер был помешан на охоте и рыбалке, что

однажды спасло ему жизнь, но ловить этого дурацкого крутолобика сейчас?! —

Где ваши снасти, господа? Где улов? Рубахой прикрыли?

— Тьфу ты их жабу соловей! — Генерал-адуан замахал рукой и внезапно рассмеялся. — Она, конечно, рыбка, да не та! Я их запустил, когда вовсе худо

стало. Карасик, тот сразу вернулся, а Рыбка загуляла... Да и я хорош, рывкнул

сдуру, теперь вот сиди, жди... Будто других дел нет.

— Никак плывет!

— Точно... Вы уж простите.

Коннер вновь уселся на корточки, сунул руку в реку и принялся что-то

бормотать. Один из псов, виляя хвостом, полез в воду, второй, вытянувшись в

струнку, застыл на берегу, ему явно было не по себе. Матильде тоже, и еще

очень хотелось шугануть полуголого адуана и взглянуть, что же там, под

рубахой.

Плеснуло, как плещет хвостом большая рыба. Коннер в ответ тихонько засвистел.

— Ваше высочество, — окликнул Пьетро, — посмотрите влево. Там, у самого берега... Под водой.

Матильда сощурилась и, кажется, разглядела длинную темную тень. Плеск раздался ближе, адуан продолжал насвистывать, шерсть на затылке оставшегося

на берегу пса встала дыбом, зато торой завилял обрубок хвоста. А потом из

воды высунулась здоровенная блестящая башка. Усатая, с черным носом, большими любопытными глазами и трепещущей рыбиной в пасти.

— Рыбка... — почти пропел Коннер. — Радость ты моя... Вот спасибо! Хороший

улов... Хороший... Ну же, давай, иди сюда!

Усатое чудо наполовину высунулось из воды, явив пару коротких лап, и сунуло

рыбину адуану. Тот, продолжая ворковать, взял, а непонятный зверь, по-змеиному извернувшись, исчез в воде, на прощание улыбнувшись во всю пасть.

Блеснули внушительные клыки.

— Твою ж... — начал Коннер. — Простите, сударыня! Она не уймется, пока штук десять не притащит. Говорю же, расстроилась...

— Это... — Матильда помедлила, — это она у брода?!

— А кто ж еще! Я их с собой потащил, а то дураков уж больно много.
Сунут

руку, а потом — в крик. Или, того хуже, дрянь какую-нибудь зверятам
скормят.

Ну и кагетов с «павлинами» удивить хотел, не без того. Паршивцы чего
только

не держат, а такого им ни в жизнь не заполучить!

— Твою кавалерию... Так это и есть твои выдры?! Я думала, они
помельче... С

собаку хотя бы...

— Были с собаку. И с кошку были, когда я их нашел. Насилу выкормил...
Жан, корзинку, корзинку тащи! Она вылезет, как корзинку свою заполнит,
не раньше.

Жан послушно помчался за корзинкой. Это было так неожиданно и славно:
река, рыба, ручная зверюга с любопытными глазами. Умиленная Матильда
шагнула

вперед и едва не наступила на что-то не слишком большое, прикрытое
рубашкой, из-под которой высовывался башмак и часть ноги в щегольском
чулке... А вот человека под рубашкой почему-то не было.

— Хозяин, надо думать, к морю плывет, — буркнул Коннер. — И поделом.

— Это она... притащила?

— Кто же еще? Я охотиться велел, а она делиться приучена. Да не
смотрите вы, незачем. Лучше на облака гляньте, красота ведь.

— Да, — согласилась женщина, — красота.

Неведомого разбойника алатка жалеть и не думала, но оторванная веселым

зверем нога была жуткой. Еще приснится... Вылезет из-под рубашки и заковыляет по комнате. Как есть, в башмаке с пряжкой и добротном дворянском чулке.

— Я хотела умыться, — хрипло произнесла женщина. — И мне надо найти Бурраза. Он командовал кагетами, потом его ранило...

— Сейчас умоемся. — Коннер проследил взгляд Матильды, подхватил ногу

вместе с рубахой и зашвырнул в Рцук. — Ступай к хозяину.. Четыре ветра тебя

подгоняй! Бурраз жив пока, а дальше как Создатель попустит. Руку ему разворотило. Спасибо хоть левую...

— Ваше высочество, — подал голос Пьетро, — вот теперь я и в самом деле могу

быть полезен не вам. Нужно спешить.

Плеснуло. Выдра приволокла новую рыбину и помчалась за следующей. Рыбку

простили, Рыбка была счастлива.

2

Капрас перечитывал письмо Гирени и глупейшим образом улыбался. Вообще-то

оно было письмом Турагиса, причем срочным и важным, — от дурешки же, то

есть про дурешку, была лишь пара строчек. И вот эти-то строчки командующий

корпусом, негодуя сам на себя, перечитал раз двадцать. В день отъезда кагетка

сунула любопытный нос в комнату, где Карло беседовал с добившимся-таки

приватной встречи губернаторским зятем, назвала гостя в глаза красивым и пышным, схлопотала выволочку и разревелась. Теперь она через Турагиса передавала, что «тот красивый, а ты — очень любимый». Старик, надо думать, от души веселился, записывая эти слова...

— Сударь, — доложил от двери вызванный загодя Агас, — простите, что задержался.

— Надеюсь, на это были причины. — Карло с поспешностью застигнутого ментором школяра перевернул первый лист. — К Турагису нагрянул императорский легат. Следующие, надо думать, мы. Ты Лидаса Сфагнаса прежде знал?

— Постольку-поскольку... Добрый мальй, звезд с неба не хватает, но не педант

и уж точно не трус — на счету три дуэли и прорва стихов. А что с ним?

— Прибожественность. Он, видишь ли, оказался нашим сервиллиоником. Ты

был прав — это не фамилия... погоди минутку!

Начало письма Карло успел запомнить, но главное, ради чего бывший лучший, но опальный стратег взялся за перо, прочел через строчку, показывать же

письмо Агасу не следовало отнюдь не из-за Гирени. Капрас теперь уже

внимательно перечел написанные твердым, крупным почерком строки.

...твой собачник уморителен и сам похож на пустолайку со скотного двора.
Я

дал ему с дюжину псов, благо на конюшнях их развелось больше, чем требуется

для охраны и прогонки лошадей. Моим парням кагетская забава по нраву, а твой

дурачок дополнительно радует их своим носом, которым только навоз клевать.

Смех возвышает, так что смейся, малыш Карло, над чем можно, и особенно над

тем, над чем нельзя, и ты вознесешься выше серьезных выскочек, на какую бы

гору те ни влезли. Если смех даровал нам Леворукий, Создателя он в конце концов победит, можешь мне поверить.

Сейчас я смеюсь над прибожественным (именно так!) легатом божественного

Сервиллия, ну и над Сервиллием тоже, однако легат ближе. Прежде он звался

капитаном Сфагнасом. Приличная фамилия, достойные отец и дядья, но

прихвостни Ореста в родне и званиях отныне не нуждаются. Им довольно на

каждом углу верещать о близости к императору, у них нет семьи и нет имени, все они «сервиллионики». Если захочешь вывести легата из себя, называй его

капитаном и вспоминай о заслугах его отца-полковника. Именно так я и

поступал, и теперь мой дом свободен, я тебе пишу, а прибожественный убрался, и я от души желаю ему вернуться впотьмах с коня.

Этот щенок имел наглость нагрязнуть без предупреждения, потребовать две сотни выездженных лошадей и разинуть рот на моего лучшего жеребца (уверяю

тебя, нет такой водовозной клячи, которая позарилась бы на подобного всадника), а получив отказ, объявил меня изменником и пособником разбойников. Он глуп. С теми болванами, которых он привел, мои конюхи справились бы шая. Так не приезжают к разбойникам, так вваливаются к подчиненным, но я, Сервиллий Турагис, свое отподчинился.

Если легату нужны изменники и негодяи, пусть ищет их в Белой Усадьбе — когда-нибудь, и надеюсь, что скоро, я доберусь до этого рассадника подонков!

Никогда не подумал бы, что мерзавцы могут разводить лошадей, но эти разводят. Самое же смешное — я уже говорил тебе, что все время смеюсь, — это

предсказание, которым размахивает легат. Дескать, Гайифу спасет и поднимет из

праха новый Сервиллий. Только засевшего в Паоне отце- и братоубийцу — надеюсь, последнее для тебя очевидно — звали и зовут Орест, так что спасать

остатки Отечества, увы, предстоит мне. Нареченному Сервиллием, когда на

свете не было даже тебя, не то что этих испорченных до мозга костей

молокососов! Что ж, спасу, но не раньше зимы и желательно с твоей помощью.

Второй раз дурака мориски не сваляют, так что армию надо подготовить к будущим жестоким боям.

Орест и его красавцы с багряноземельцами толком не сталкивались и вряд ли

понимают, что победили лишь благодаря тупости Коллегии. Мориски вломились

в Гайифу, как волк в овчарню, а перейдя Полтук, окончательно уверились в нашей немощи. То, что в армии нашлись парни, готовые рвать врагов зубами, невзирая на тупость начальства, для зарвавшихся язычников стало сюрпризом.

Разумеется, они отошли, но лишь для того, чтобы подтянуть свои силы и взяться

за дело как следует. Прогулка кончилась, началась война, а воевать они, уверяю

тебя, умеют. Я оказался здесь не за поражения, а за то, что требовал не

относиться к морискам свысока, они давят отнюдь не числом, как утверждал

Забардзакис, — вот уж кому по заслугам досталось!

До Ореста дойдет, что ему нужны не курящие фимиам лизоблюды, а толковые

вояки, не раньше, чем его сунут в мешок с ызаргами, а его сунут. И вот тогда

придет наш черед, а пока твое дело — сохранить и усилить корпус. Ну, и

порядок в провинции навести, не без того. Первый же бой тебе предстоит с

прибожественным и в одиночку, так что вот тебе окончательная
диспозиция.

Сфагнас — сволочь, как и все крутящиеся вокруг Ореста, и доверять ему
нельзя; к счастью, он глуп, я это писал выше, но не мешает и повторить.

Сил у

столичного удодея немного — полсотни гвардейской конницы и свора
«героев», набранных в Паоне и по дороге сюда. Всего сотни три. Бойцы
только первые, остальные годны разве что поселян гонять, хорошо если
друг дружку не

постреляют или себя не порежут. Ладно, хватит бумагу марать, надо бы

поговорить по-человечески. Яне так давно на зимнюю квартиру прибыл,
еще до

конца не разгребся, но за неделку управлюсь и можешь приезжать.

Девочку

свою наведишь, на мои табунчики полюбуйся, ну и обсудим жизнь нашу

—

есть ведь что обсудить, да?

Сервиллий Турагис, стратег империи. Ни единого раза пока не
божественный.

Писано в Речной Усадьбе (Мирикия), в 21-й день Осенних Ветров.

— Твой «добрый мальй», — Карло как можно небрежней бросил
крамольное

письмо на стол, — имел неосторожность завернуть к Турагису за
лошадьми.

— Представляю, — хмыкнул Агас. — Бедняга Лидас к нему со всей душой
и

рескриптом о вспомоществовании, а старик — нос сморщил, и ну рычать.

Спасибо, не укусил... Но вообще Сфагнас — это не так уж и плохо. Если ему

спокойно и с уважением раз десять повторить, что два и два будет четыре, он

поймет и потащит свое понимание дальше. Жаль, нарвался он именно на

Турагиса, теперь встопорщится и решит, что в провинции его не уважают. Если

нужно, я к нему съезжу.

— Дождемся уведомления. Должен же он сообщить о своем прибытии, да и

приказ наверняка на наш счет имеется. — Капрас покосился на письмо и понял, что его надо уничтожить. Желательно немедленно, и не важно, что там про

Гирени. — Так с чего ты задержался?

— Эстафета. Был очередной налет, теперь уже в окрестностях Кипары.

Сожжено село, правда, небольшое. Субгубернатор счел нужным нас уведомить.

— Правильно сделал. — «Порядок в провинции...» Как его, к змею,

поддерживать, если надо спешить?! Но как спешить без фуража, лошадиного

ремонта и с солдатами, которым боязно за покинутые дома?! — Сегодня

отправим к границе пару дополнительных эскадронов, а я, пожалуй, еще раз

встречусь с чиновниками. Может, и сам в Кипару заверну.

— Руку ниже локтя нужно отнять. Кость раздроблена, ее не собрать, неминуемо

заражение.

Пьетро не утешительствовал, но много ли он понимал? Левия пользовал другой

монах, а этот болтался в секретарях; только прихватить с собой на переговоры

лекаря никто не догадался.

— Нэт! — взвыл так и не оставивший то ли друга, то ли господина великан. —

Нэ можна!

— Нужно. — Бурраз казался спокойным, будто речь была не о нем. — Когда?

— Чем быстрее, тем лучше, и в любом случае сегодня. Возможно, в обители

есть врач.

— Там есть отец эконом... — кагет улыбнулся, — ты справишься?

— Это не слишком сложно. Вам, когда я буду рубить кость, придется труднее.

Болеутоляющего у меня нет, только касера. Вас придется или оглушить, или

привязать.

— Привязывай.

Отнять руку... Звучит лучше, чем отрезать, отпилить, оторвать, откусить... Рыбка

вот ногу оттяпала. Матильда осторожно, стараясь никого не задеть, стала отступать к соснам, ей вообще не следовало приходиться... Кому понравится, что

на тебя пялится чужая баба, а ты не то лежишь, не то сидишь, и тебя собираются

связывать и резать.

— Ваше высочество, — внезапно окликнул казарон, — вы уходите? Да, зрелище

не из лучших... Но я прошу вас остаться. Иначе мне придется звать Прампушу.

— Если я нужна. — Твою кавалерию, она если что и умеет, так роды у сук принимать. — Я мало на что годна.

— Вы женщина... Благородная женщина... Мать. Я не буду кричать при женщине и при враге тоже не закричу, но женщина лучше... В Талиге... я довел

наши традиции до абсурда, но мы... некоторые из нас... в самом деле такие...

Вернее, такими были наши... предки.

— Хорошо! — крикнула принцесса, словно вокруг были глухие тергачи. — Конечно!

— Спасибо... Только не смотрите... Теперь я скажу несколько слов своему другу...

Слов потребовалось гораздо больше — великан явно упирался; наконец последовал резкий, короткий приказ. По лицу здоровяка прошла судорога,

но

больше он не возражал. Бурраз устало откинулся на седельные сумки, Пьетро

что-то велел адуанам. Появился Бонифаций — он уже знал, потому что ничего

не спросил. Даже что здесь забыла его благоверная.

Приготовления не затянулись. Великан перетащил Бурраза к костру, за натянутую между двух сосен парадную попону с золотым шитьем, вернулся и

уселся чуть ли не у ног Матильды, обхватив голову ручищами. За попоной звякало, шуршало, шумно дышало и раздавались отрывистые приказы. Потом

послышался глухой стук. Алатка не представляла, как долго все длилось.

Хотелось выпить, и молиться тоже хотелось. Героиням баллад такое выпадает в

шестнадцать... Ей в четыре раза больше, а Бурраз ей никто. Был никто до этого

полудня.

— Душа моя, — пророкотало из-за попоны, — явись-ка.

Пьетро и помогавший ему Бонифаций были аккуратней Рыбки: ничего страшного на земле не валялось. Матильда увидела очень бледного, лежащего

пластом казарона и небольшой костер, над которым кипел котелок.

— Ваше высочество, — Пьетро был сама безмятежность, — все прошло

хорошо.

— Да, — подтвердил Бурраз. — Хорошо... Теперь мне осталась... лишь дипломатия... Жаль... Всегда предпочитал... иметь выбор.

— А то одной рукой не дерутся! — взвилась алатка, как вживую увидев Сакаци

и старые портреты. — Золтан Дранный не только без руки дрался, но и без носа и

уха... А Иштван Конник без двух ног был, так вся сила в руки ушла. Ну и задал

же он агарам жару!

Может, Бурраз ее услышал, а может, уже и нет. Кричать он не кричал, зато, когда

все кончилось, потерял сознание. Очень незаметно.

4

Обедать Капрас собрался с Ламбросом — давно не говорили по душам, да и

узнать, как там с выучкой пушкарей, не мешало. Одна батарея, пусть и

отличная, мало что решает, а Карло хотел явиться к Паоне во всеоружии, благо

пушки лили как раз в Мирикии. Маршал старался в облаках не витать, но порой

не выдерживал, представлял свой доклад Сервиллию. «Ваше величество, я

привел корпус так быстро, как это было возможно. Одиннадцать тысяч пехоты, три тысячи кавалерии и четыре маневренные батареи, хорошо

зарекомендовавшие себя во время марша...»

— Господин маршал, срочный пакет из Мирикии!

— Кошки побрали бы этих чинуш! Давайте.

Ошибка обнаружилась при первом же взгляде на печать, а при вскрытии выяснилось, что кошки чинуш таки побрали: прибожественный сервиллионик, как ни старался, не смог найти ни субгубернатора Кипары, ни губернатора

Мирикии. Единственным никуда не девшимся оказался Турагис, похоже, доведший легата до исступления. Прискакав из негостеприимного имения в

пустую Миркию, прибожественный выплеснул скопившуюся ярость в письме

командующему корпусом. Бывший капитан требовал в свое полное

распоряжение два легкоконных полка и один драгунский, грозя в случае отказа

обвинением в сговоре с изменником и еретиком Турагисом, наводнившим провинцию своими головорезами. Дойдя до этого места, Капрас хмыкнул, хотя

смешного было мало. Разве что жалобы старого стратега и молодого легата друг

на друга.

Не разбушуйся Турагис и не накатай полного громов и молний письма, Карло, прочитав послание прибожественного, озверел бы, а так... Как ни странно, маршал проникся к угодившему во взбаламученную провинцию ровеснику

Агаса сочувствием. Мальчишка же, хоть и с полномочиями! Хочет и дело сделать, и себя показать, а нарывается то на тихое противодействие

чиновников, то на взбучку от опального вояки. Тут забушуешь, но ни маршалу Капрасу, ни

Оресту-Сервиллию, ни империи, как бы выпренно это ни звучало, закусивший

удила легат пользы не принесет — значит, надо договариваться и успокаивать.

Всех. Судя по отзывам Агаса и не самому глупому при всей его бурности

письму, это еще возможно. Если не избегать встреч и не грубить, а дать понять, что командующий корпусом относится к доверенному лицу императора с

должным уважением и готов оказывать ему определенную помощь. Не обязан, а

именно готов.

Карло не терпел крючкотворства, но без него, если ты родился в империи, не

выживешь не только в Паоне, но и в самой глухой провинции. Орест мог себя

назвать божественным, но не рассылать циркуляров и уведомлений не мог.

Согласно новому уложению прибожественные имели право смещать

губернаторов и наказывать вплоть до казни провинциальных чиновников

любого ранга, а также требовать всяческого содействия от местных жителей.

Только маршалы проходят по иному ведомству, а без военной поддержки

бывший гвардейский капитан с одним эскадроном остается никем. Турагис со

своими конюхами, что наверняка успели нанюхаться багряноземельского

пороха, это показали и самому легату, и соседям, и чиновникам.

Когда все имеющиеся в распоряжении императора войска брошены на морисков, чудом оказавшийся в тылу пристойный — это Карло мог утверждать

с чистой совестью — корпус становится решающим доводом в любом противостоянии. Чиновники это поняли, Турагис в армию верил всегда, а теперь

и до легата доходит, что не с его силами взнудать губернаторов и унять бакранов. Горящий рвением сервиллионик нагрязнул в Кипару, а субгубернатор

куда-то уехал. Прибожественный, еще держа себя в руках, помчался в Мирикию, завернул по дороге к Турагису за лошадьми и получил выволочку. Опять как-то

сдержался, влетел в город, а там никого! Разумеется, в гвардейскую башку пришло, что чиновники от него прячутся, хотя местное начальство, не ожидая от

столичного ревизора такой прыти, просто обдeldывало свои делишки. Агас

намекал, да Капрас и сам видел, что чиновной троице выделенных для

патрулирования дорог драгун мало. Потерпев неудачу с собственными

военными, умники могли сунуться к алатам, благо те за умеренное

вознаграждение всегда готовы саблей помахать. Правда, Алат сейчас повернулся

лицом к Талигу, ну так наемники на то и наемники, что продаются, кому хотят, а

герцог глаза закроет, он всегда закрывал...

— Господин маршал, — прервал размышления о большой политике Йорго,
—

пришел отец Ипполит и готов обед.

— Пусть накроют на двоих.

— Я предлагал, только у нас — клецки из телячьих мозгов, а отец Ипполит постится. Ему нужны крутые яйца, зелень и холодная вода.

— Ну так пусть сварят! Петухи все утро орали, значит, и яйца найдутся.

— И все же мне лучше обедать не с вами. — Священник не стал ждать приглашения и явно слышал конец разговора. — Постящийся собеседник вызывает у непостящегося неловкость, да и нос мой при мне. Аромат подливы

меня уже навел на греховные мысли.

— Так не постились бы... Кому это сейчас нужно?!

— Если это и нужно, в чем я никогда не был до конца уверен, то именно сейчас.

— Отец Ипполит, опять же без приглашения, опустился на застеленный сшитым

из тряпок ковриком табурет. — Мне всегда казалось странным лишать себя удовольствий, кои Создатель даровал заведомо безгрешным, то есть детям и

животным. Вера должна быть источником спокойствия и радости, а не еще одним уложением о наказаниях, пусть и посмертных.

— Ну и отлично, — буркнул не испытывавший тяги к богословию Капрас.

— То

есть я с вами согласен и, признаться, голоден, как нагулявшийся кот.

— Я вижу, — священник улыбнулся, — вы не склонны обсуждать Эсператию.

Вы и не должны этого делать. То, что вы сейчас даете людям, важнее — а даете

вы им покой и уверенность в том, что их защищают. Носи я мундир, я забыл бы

о душе, спасая провинцию, и очень удивился бы, однажды очнувшись в

Рассветных Садах. Не бойтесь, я вас сейчас отпущу к вашим клеткам и вашим

трудам...

— Я не боюсь!

— Бойтесь. Люди дела боятся многословных рассуждений о ненужных им вещах. Верно и обратное, любители много и цветисто рассуждать обо всем бессильны перед самым простеньким дельцем, однако мне следует объясниться.

Я не ханжа и не святоша, но я осознанно посвятил себя вере, которая сейчас в

смертельной опасности. Значит, я должен быть безупречен, даже если эта

безупречность мне и кажется нарочитой. Пол года назад я не соблюдал постов и

не возносил положенное количество молитв, теперь я это делаю и буду делать, пока не минует угроза. Или, что вернее, пока я жив.

— Мориски до Кипары не дойдут, — твердо сказал Карло, — они не дойдут

даже до Мирикии, у них просто не хватит сил и средств.

— Я не о язычниках, хоть они и сожгли Агарис. Как это ни дико, мориски сейчас скорей поддерживают огонь эсператизма, чем гасят его. Перед лицом

язычников мы вспоминаем, кто мы есть, и беремся за оружие. Это внушает надежду, отбирает же ее совсем иное.

Господин Капрас, я много думал, я писал моим собратьям, тем, кому я доверяю

и чье мнение ценю. Я получил несколько ответов, в том числе и из Паоны, от

своего наставника. Вам вряд ли что-то скажет его имя, но к нему прислушивался

сам епископ Оноре, а ведь он причислен к лику святых. Причем по заслугам и

отнюдь не за мученическую кончину.. То, что творит император Орест, не от

Создателя. Насаждается ересь, в сравнении с которой эгидианство и

олларианство — лепет невинного младенца. Франциск всего лишь утверждал, что ему явился святой Адриан, и, видимо, не лгал: всем нам снятся сны о

сокровенном, и многие из нас им верят. Орест же объявил себя не посланцем, но

почти воплощением Создателя. Если императору будет везти и впредь, он

объявит себя живым богом, кардинал по трусости и себялюбию его поддержит, и это будет концом Гайифы и началом кровавого безумия.

Маршал Капрас, если вы читаете и ожидаете, вы не должны играть в эту игру.

Мориски зимой утратят прыть, еретики — нет. Поверьте, в Паоне происходит

немыслимое. Разбойники, с которых началось наше знакомство, там не висели

бы, а вешали. Именем божественного Сервиллия!

Ипполит замолчал, и стало до жути тихо, потому что смешки драгун под окном, жужжание залетевших мух, собачий лай, какая-то возня в ставшей приемной

комнатенке были крошечной тишиной. И в этой тишине громко бухало сердце

самого Капраса — так колотится сердце загоняемой лошади.

— Не преувеличивайте! — не то приказал, не то взмолился маршал, понимая, что к прибожественному нельзя подпускать не только стратега, но и клирика. —

Остатки разбитой армии дорвались до тех, кто виновен в разгроме, не более

того. Ваш наставник никогда ничего подобного не видел, вот и ужаснулся.

Оресту оставалось либо бежать и прятаться, либо попробовать обуздать армию, и он это сделал. Неважно как.

— Вы ошибаетесь, — твердо сказал отец Ипполит. — Это очень важно...

Собственно говоря, важно только это. Прошу вас, когда станете говорить с легатом, вспомните не только про морисков, но и про девушку с мельницы.

— Вспомнить? — переспросил Карло. — Я ее не забывал.

5

Уменьшившаяся чуть ли не на треть колонна разбойников тянулась на запад.

Зрелище успокаивало, и Матильда долго не выпускала из рук трубу, потому и

заметила всадников, скакавших наперерез отступавшим. Не отряд, всего несколько человек, издали не сосчитать... Принцесса завертела головой, но поблизости не оказалось ни Бонифация, ни Коннера, ни хотя бы Пьетро, охранники же понимали не больше нее. Алатка тихонько ругнулась и отправилась на поиски кого-нибудь из офицеров. Первым нашелся Дуглас, и они

долго по очереди глядели, как бандиты, свернув с дороги, уходят уже на юг.

— Там на два дня пути приличной переправы нет, — заверил Темплтон. — Не

стоит беспокоиться.

— С чего мне беспокоиться? — устало удивилась принцесса. — Пойду посижу

— ноги...

Это воистину был день неисполненных намерений — едва Матильда взобралась

на холм, как на нее обрушился полный красивый монах. Серое, отлично подогнанное одеяние стоило не дешевле роскошного бального туалета, а сверкающий наперсный знак отлично сочетался с золотым браслетом, каковой

святому отцу вообще-то не полагался.

— Ваше высочество, — пропел клирик, — сколь счастлив я видеть вас в добром

здравии. Я — смиренный брат Кирилл, эконоом обители святого...

— Мне говорили, — прервала Матильда, — вы известны своим благочестием.

Что вам нужно?

— О... Дать кров сестре по вере и последнее утешение страждущим. Кроме того, я тревожусь о судьбе направлявшихся к нам паломников.

— Они должны были забрать у вас вино или подвезти вам часы?

Обалдел. Обалдевшее благочестие выглядит омерзительно — вернее, оно выглядит самим собой. Позабывшая при виде торгаша в рясе о собственном эсператизме Матильда уже приготовила тираду о гайифских еретиках — помешал Дуглас, увернувшийся от благословения при помощи зрительной трубы.

— Опять едут! — воскликнул он. — Целый отряд... Это не тропа контрабандистов, это столичный тракт какой-то!

— Кто едет?! — заволновался эконом. — Не наши ли задержавшиеся из-за нападения головорезов братья?

— Бакраны. — Темплтон был краток. — Лошади двигаются иначе.

Монах увял, как оказалось, преждевременно. Обормот при особе Ворона умудрился-таки выручить гайифских чиновников и прихватил их с собой.

Скачки по горам в такой компании были невозможны, и разросшийся отряд

рискнул свернуть к броду.

Первым Рцук перешел бакранский разъезд, доложивший о схватке, Валме с

десятком бородачей отстал от гонцов на несколько минут. То ли настроение

всадника передалось козлу, то ли всадник решил пококетничать, но его скакун

гарцевал, как заправский мориск. Рогатый стервец подскакивал на четырех ногах, сдавал вбок, бил копытом, нагибая голову, и разве что не плясал. Картину

дополнял бросившийся навстречу хозяину и теперь прыгавший наперегонки с

козлом волкодав, для полного счастья не хватало только Рыбки с ее улыбочкой.

— Этот достойнейший молодой человек и есть офицер для особых поручений

при особе регента Талига? — живо заинтересовался отец эконома. — Мы будем

рады принять и его! Да, мы принадлежим к разным церквям, но слишком

утомителен и страшен был день виконта и добродетелен его поступок, чтобы

отказать ему в приюте...

— Восхитительная вышла прогулочка, — сообщил четверть часа спустя

достойнейший. — Хотя у вас тоже было очень мило. Готти, надеюсь, ты уделил

стихийным матерьялистам должное внимание?

— Они с Лово не сплеховали, — похвалил псов Коннер, — да и вы, гляжу, тоже.

— Вокруг слишком много зла, — задумчиво протянул Валме, — в какое-

нибудь

обязательно попадешь... Переговоры, тем не менее, состоятся. «Павлины»

сейчас будут. Они взволнованы и слегка ошипаны — обратная сторона

путешествия со всеми удобствами. Когда я говорю — «со всеми», это значит со

всеми, подробности я вынужден опустить. На некоторое время.

— Не тяни, чадо, — потребовал Бонифаций. — Когда еще мы уединимся...

— У меня нет слов, это надо видеть! Признаться, я совершил кражу. Вы по долгу службы про соблазны и искушения знаете всё. Я соблазнился. С другой

стороны, имею же я право на сувенир от спасенных. Кстати, вы брали пленных?

— Не сдавались, гады, — покачал головой Коннер. — Раненых несколько попало...

— Порасспрашивать грешников соблазн был, — Бонифаций еще ничего не сказал, а Матильда уже поняла, что за «мужское дело» было у мужа с кагетами,

— совладали.

— Бакраны тоже совладали, — кивнул Валме. — Интереснейшая все-таки вещь

— их посохи.

— Господа, — окликнул Дуглас, — карета переправилась.

— Изначально карет было три, — пояснил предводитель бакранов, — и больше

дюжины повозок, но матерьялисты успели перерезать кучеров и угнать

половину лошадей, так что провинции пришлось объединить, а ценностями

поступиться.

— Чего ты бандитов матерьялистами честишь? — удивился Бонифаций. — Они, поди, и грамоте не обучены.

— И что с того? — Виконт выпутал из собачьей шерсти репей и взялся за

следующий. — Кто-то умом доходит, а эти сердцем чувствуют... Главное — родиться

курицей, а в мечтах быть коршуном. Не потому, что тот красив и свободен, а

потому что кур таскает. Бурраз очень расстроился?

— Тебя бы на его место! — не выдержала Матильда.

— Не стоит, — отказался поганец. — Я ничего не имею против Бааты, он

полезен, но от его поручений — увольте. К тому же пришлось бы учить язык, а

он, в отличие от кэналлийского, неблагозвучен. Рассказать вам про гайифцев?

Мне симпатичнее всех кипарец, особенно после того, как я проник в его душу.

Впрочем, ее высочеству бедняга вряд ли понравится, чиновники со слабым

пищеварением не для дам... Мирикиец провинциален и прост — этот заплатит, особенно если накормить чем-нибудь вкусным. Он возил с собой повара, но

беднягу зарезали.

— Будет рыба, — внес свой вклад Коннер. — На угольях... Встречать пойдём, или как?

— Я устал, — поморщился Валме, — а у Готти — репья... С другой стороны, спасли «павлинов» мы с бакранами. Будет неправильно, если их встретит кагет, который к тому же не Бурраз.

— Истину глаголешь. — Бонифаций встал и отряхнул рясу. — Ну, душа моя, пошли.

Спуск, по сравнению с прошлым разом, вырос чуть ли не вчетверо, но Матильда

доковыляла до расстеленных у реки ковров и успевшего переодеться Прампуши.

Гости уже вылезли из кареты и как могли изображали спокойное достоинство, но разглядеть чиновную троицу принцесса не смогла — взгляд уперся в столь

знакомую фигуру, что пришлось ущипнуть себя за запястье. Нет, это не было

бредом, иначе сном оказывалось все — битва, выдра, взгляд Адриана на чужом

молодом лице. Ее высочество на всякий случай пару раз моргнула, затем торопливо вытащила пистолет и сунула Бонифацию.

— Спрячь... И не отдавай, пока этот... не уберется.

— Не беги праведного гнева, — посоветовал супруг, засовывая дар Дъегаррона

куда-то под рясу. — Кого пристрелить-то тянет?

— Твою кавалерию... Хогберда!!!

Глава 11

ТАЛИГ. СТАРАЯ ПРИДДА

ГАЙИФА. МИРИКИЯ

КАГЕТА. ОБИТЕЛЬ СВ. ГИДЕОНА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ

400 год К. С. 23-й день Осенних Ветров — 2-й день Осенних Волн

1

«Милая мама, здравствуй!

В прошлый раз я тебе писала, что наша армия будет зимовать в Аконе, и мне

тоже нужно быть там, потому что со мной находить бесноватых получается

быстрее, чем с Герардом. Так вот, мы уже на месте и останемся здесь самое

малое до весны. Акона — довольно большой город, Герард говорит, что в него

поместится девять и три четверти Кошоне или семнадцать с четвертью Гёрле.

Герард будет жить вместе со своим маршалом, аяи Мелхен — в Старошпажном

предместье. Это очень хорошее место на правом берегу Виборы, в нем селятся

почтенные и уважаемые люди.

Про Мелхен ты знаешь не все. Из Гёрле я тебе написала, что моя будущая

подруга — приемная дочь Вейзелей, это правда, но на самом деле она не

бергерка, а гоганни из Агариса. Этот народ не живет в Талиге, а в древности им

было очень тяжело, и поэтому их обычаи нам кажутся странными. Я не знаю, смогли бы мы пережить то, что пережили гоганы: им пришлось сперва

скитаться по пустыне, а потом бежать в Багряные земли, где уже жили мориски.

Багряноземельцы пришельцев не обидели, но и не приняли, и гоганы стали жить

среди других, как будто они совсем одни.

Родные Мелхен погибли от непонятного колдовства, это знают герцог Придд, барон Райнштайнер, герцог Ноймаринен и Монсеньор, а теперь еще и я. Про

Мелхен я много напишу в конце, а сначала расскажу, как мы устроились, ведь

ты хочешь это знать и любишь хорошие дома.

Монсеньор еще в Гёрле распорядился подыскать нам подходящее жилье, и нам

подыскали двухэтажный особняк с мезонином. Дом старой постройки, из тесаного камня, первый этаж совсем древний, выше надстроено уже после

Двадцатилетней войны. Маршалу здесь очень нравится, он сразу понял, что мы

здесь будем жить, и я уже пускала его погулять. За домом есть сад, а еще дальше

— речка, приток Виборы, за ней тоже предместья, но попроще. Там стоят

«фульгаты», которые теперь объезжают окрестности вместе с бергеррами, потому

что прошлое начальство расплодило мародеров, но ты не волнуйся, в

городе их

нет, а скоро не будет и на дорогах.

Домовладелец — драгунский полковник господин Шерце, он сейчас в армии, а

госпожа полковница с детьми гостит у своей матери в Жевале, это недалеко от

Креденьи, где живет господин граф. За домом смотрит управляющий господин

Густав, он уже пожилой и раньше был военным. Его сын погиб на Мельниковом

лугу, и господину Густаву пришлось подыскать себе место, потому что он не

воровал и у него нет состоятельных родственников. Бабушке бы господин

Густав не понравился, а бабушка не понравилась бы ему, особенно если бы

стала говорить, что воруют и обманывают все. Если можно, постарайся сделать

так, чтобы я не встречалась с бабушкой и господином графом, потому что мне

пришлось бы им сказать, что они ошибаются и ведут себя некрасиво. В Кошоне

я о таких вещах не думала, но теперь я узнала много порядочных людей, и мне

за них ужасно обидно.

Кроме господина Густава и его жены, доброй женщины с больными ногами, от

прежних хозяев остались кухарка и служанка для комнат, она ночует у себя

дома, а ее муж по утрам топит нам печи. Еще есть садовник, который приходит

один раз в три дня, но зимой у него работы не будет. Сначала я думала, что было

бы хорошо, если бы с нами поселилась госпожа Беата, у которой в Гёрле квартировали маршал Эмиль Савиньяк и Монсеньор. Госпожа Беата очень хотела перебраться в Акону, но Монсеньор сказал, что нам она не нужна, и господин Густав подобрал для нас с Мелхен горничную, дочь убитого два года

назад сержанта. Девушку зовут Нора, и ей нравится грызть орехи и болтать с

двумя солдатами, которые нас по очереди охраняют. Нора очень хочет замуж, и

ей все равно за кого, по-моему, это глупо и непорядочно.

Соседей мы пока не знаем, но в Аконе очень уважают Савиньяков и ждут, что

Монсеньор наведет порядок, а мы находимся под его покровительством. Сейчас

в городе и пригородах собралось много беженцев, но в Старошпажном домов

кому попало не сдают, поэтому из чужих здесь только мы. Ты не любишь, когда

поблизости есть трактир, и здесь его нет. Улица и переулок очень тихие, людей

мало, потому что многие на войне, а их семьи уехали, когда Бруно перешел

Хербсте. Я сказала капитану Уилеру, что мы с тобой не уехали бы, но,

оказывается, если женщины в безопасности, мужчинам спокойнее, так что не

надо им навязывать свое общество.

Барон Райнштайнер приходил проверить, как мы устроились, и остался доволен.

Он теперь комендант Аконы, и Монсеньор ему полностью доверяет. За мной

будут посылать, когда потребуется проверить, все ли хорошо с разными людьми.

После моего последнего письма меня просили помочь шесть раз, и два раза это

были просто глупые и неприятные люди.

Монсеньор, когда вернется от мамы и регента, будет жить вместе с братом в

самом центре на Ратушной площади, в доме генерала фок Лоос. Господин

генерал отослал свою семью, но его матушка здесь, у нее свой дом в пяти

улицах от нашего. Госпожа фок Лоос — вдова и очень любит кошек, сегодня

утром она приходила посмотреть на Маршала, который ей очень понравился.

Старая дама хочет, чтобы у ее любимицы были от него котята, невесту я еще не

видела, но она полосатая с белым горлышком и пушистая. На нас с Мелхен

госпожа фок Лоос тоже смотрела и сказала, что нам лучше остаться на севере, тогда мы выйдем замуж за приличных людей, а не за шалопаев.

Почему

женщины так любят говорить о женихах? Мне все равно, а Мелхен такие разговоры очень расстраивают.

Герард станет у нас бывать в свободное от службы и занятий время. Он и виконт

Сэ собираются каждый день фехтовать. Виконт — младший брат Монсеньора, он был в плену у дриков и вернулся, его в честь отца зовут Арно, и он очень

похож на маршала Эмиля. На Монсеньора он тоже похож, но только когда не

смотрит в глаза и не улыбается. Виконт Сэ поставит Герарду руку, а Герард поможет ему изучать фортификацию.

Мама, ты не представляешь, как я рада за госпожу графиню и за Монсеньора!

Понимаешь, они не могли ничего сделать, потому что маршал фок Варзов безнадежно проиграл летнюю кампанию, а переговоры об обмене пленными

начинает тот, кто победил. Капитан Уилер мне по секрету сказал, что с дриками

договаривался Его Величество Хайнрих, так что не зря он нам с тобой так понравился. Барон Райнштайнер не любит варитов, но считает, что Его

Величеству можно верить, и убийцу Ее Величества, если он сбежал в Гаунау, обязательно поймают и накажут.

После того как дрики вернули брата Монсеньора, Монсеньор вернул им графа

Фельсенбурга, это тот самый приятный молодой человек, с которым мы

встретились по дороге в Гёрле и который так понравился Маршалу и не понравился корнету Понси. Я думаю, что хорошие люди есть везде, и лучше

такой дрикс, как граф Руперт, и такой гауна, как Его Величество Хайнрих, чем

такие талигойцы, как господин Кнуд и капитан Оксхолл. Монсеньор хочет, чтобы дрикс понимали, кто такие бесноватые, поэтому он показал Фельсенбургу

капитана Оксхолла. Тот повел себя скверно, и графу Руперту пришлось выбить

ему зубы, Герард говорит, он сделал это очень ловко. Хорошо, что в Старой

Придде теперь чисто и можно не волноваться за тебя и госпожу графиню.

Бывают ли у тебя Зоя и папенька ? Ко мне они не приходили, думаю, это потому, что поблизости не было смерти, которая открывает им дорогу. По моему, герцог

Придд (с ним, бароном Райнштайнером и Мелхен мы встретились на пути в

Акону и дальше путешествовали вместе) расстроился, когда не узнал

покончившую с собой даму, а ведь он не знал, как это важно. Ты должна

помнить герцога по Оллари, он всегда присылал Ее Величеству хризантемы, и

ты их хвалила. Герцог Придд давно знаком с Мелхен и очень ей нравится. В

Аконе Придд проводил нас до самого дома, а Мелхен после его ухода долго не

разбирала вещи. Я сделала вид, что ищу Маршала, и подошла к ней, но она не

хотела ничего говорить.

Вчера нам нанес визит капитан Давенпорт, ты видела, как он застрелил графа

Рокслея и выпрыгнул в окно. Господин Давенпорт с нами обедал и очень интересно рассказывал о том, как Монсеньор воевал в Гаунау. Герард

утверждает, что рейд Лионеля Савиньяка войдет в историю военного искусства, но Герард там не был, а капитан Давенпорт состоял офицером для особых

поручений при особе Монсеньора и все видел сам. Он так странно говорит о

Монсеньоре — если не слушать, а только смотреть, можно подумать, что

капитан Давенпорт Монсеньора очень не любит, а если только слушать, понимаешь, что Монсеньор — великий человек. Герцог Придд тоже считает, что

Монсеньор уже дважды спас Талиг, но Герарду больше нравится маршал Эмиль.

После Октавианской ночи он приходил к нам на улицу Хромого Цыпленка, но я

тогда запомнила только Монсеньора Рокэ, а если бы с ним был Монсеньор

Лионель, я запомнила бы обоих.

Герард говорит, что братья Савиньяк с детства дружат с герцогом Алва, но мне

кажется, Монсеньор Лионель дружит больше, потому что им интереснее

разговаривать. Для дружбы это самое главное, с Айри мы все время говорили, а

теперь я говорю с Мелхен, но это началось не сразу. Меня посадили к ней

В

возок, и первые два дня она только молчала и смотрела, это было страшно неловко, я даже подумала, что она не слишком умна. То, что я ошиблась, я поняла, когда однажды за ужином к нам присоединились барон Райнштайнер с

герцогом Приддом и начали спрашивать о гоганах.

Мелхен знает много гоганских преданий, и все такие красивые. Мне они сразу

понравились, и я так и сказала, а барон объяснил, что в них скрыты важные вещи, которые нужно разгадать. Это как с кладом, мы сможем его найти, если

узнаем ту даму, которая себя убила. Когда мы остались одни, я пожалела, что

гоганам нельзя жить в Талиге, тогда Мелхен призналась, что она — гоганни и

рассказала, как герцог Придд спас ее от выходца, который все перепутал. Я не

сразу поняла, что это был Удо Борн, мы с тобой видели его в Олларии, и мне его

очень жалко.

Капитан Давенпорт к нам приходил, потому что ухаживает за Мелхен. Когда он

кончил рассказывать о сражении у Ор-Гаролис, которое выиграл Монсеньор, то

попросил разрешения переговорить с Мелхен наедине. Я догадалась, что он

будет делать предложение, потому что точно так же вел себя господин

Гутенброд, имевший в отношении тебя серьезные намерения. Потом капитан

наступил на Маршала и ушел. Я поняла, что Мелхен ему отказала, и не удивилась, ведь она в дороге ни разу его не вспоминала. Она рассказывает

только о герцоге Придде и немного о капитане Бертольде, которому заряжала

пистолеты во время сражения. Я думаю, этот Бертольд похож на капитана

Уилера, а с ним сразу и весело, и спокойно. К сожалению, с Давенпортом трудно

даже говорить, хотя он — настоящий герой и очень порядочный мужчина. Если

бы Нора не была служанкой, она могла бы за него выйти, ведь ей просто нужно

замуж, а Мелхен не такая, и ей стало очень плохо. Она долго сидела в саду, и я

не могла ее там оставить. Мелхен этого не хотела, но я подумала, что мне лучше

побыть с ней.

Я рассказала ей, как мы познакомились с Монсеньором Рокэ и Монсеньором

Лионелем и как он тебя спас. Потом к нам пришел Маршал и в первый раз

прыгнул на колени к Мелхен, она заплакала, и Маршал очень удивился. Тогда

она мне ничего не сказала, только сейчас, когда ушел Герард.

Мама, пожалуйста, сожги это письмо, чтобы его никто не прочитал, даже графиня Савиньяк. Мелхен мне верит, и я ее очень люблю. Помнишь, как быстро мы с Айри подружились? Ты еще удивлялась, а мы сразу друг друга поняли, и это неправда, что женщина женщине всегда змея, особенно если замешан мужчина! Я бы для Айри и Ее Величества сделала все, а ведь я сразу

влюбилась в Монсеньора Рокэ, хоть и понимала, что это глупо, некрасиво и бесполезно. Ты этого не знала, но пусть моя тайна и тайна Мелхен будут на одной странице, иначе я стану предательницей. Если бы я могла что-то сделать

сама, я бы тебе не написала, но я в этом ничего не понимаю. Монсеньор и барон

Райнштайнер знают, что Мелхен убежала из дома и ее взяла к себе принцесса

Матильда, но случилось это потому, что она любила Альдо.

Я не понимаю, как можно полюбить такого человека! Ты его называла красотуном, а Ее Величество говорила, что в нем воплотилось все самое отвратительное, что только может быть в мужчине и дворянине. Наверное, дело

в том, что Мелхен — гоганни, и она не понимала, какие скверные и подлые мы

бываем. Самое плохое, что Альдо ее испортил. Так говорит бабушка, я думаю, тебе не понравится это выражение, мне оно кажется гадким, но я не знаю, как

сказать лучше. Мэллит с Альдо было очень плохо, но она терпела, чтобы

его не

обидеть, а этот красотун на следующий день ее выгнал, потому что она пришла

к нему, когда он занимался своими делами. Мелхен думала, что он ее любит и

стесняется к ней после всего прийти, но Альдо сказал, что он будет к ней

приходить, когда захочет, только он — Ракан и женится на принцессе, а гоганни

ему не пара. После этого Мелхен убежала еще раз, и ей помогли генерал

Карваль, полковник Придд и сержант Дювье.

Теперь Мелхен боится того, что бывает между мужчиной и женщиной, и думает, что это можно только терпеть, но ведь это не так? Помнишь, как ты застала

папеньку с Фантиной, а я захотела яблоко, вышла на кухню и вас всех увидела ?

Утром ты мне объяснила, что мужчины и женщины должны бывать друг с

другом, только нельзя при этом вести себя по-скотски, и что папенька был не

прав, делая это в своем доме, и лучше бы ему было Фантину куда-нибудь

увести. И Ее Величество говорила, что девушки часто ошибаются, но нельзя из-

за одной ошибки погубить свою жизнь и жизнь того, кто такую девушку

полюбит. И еще она объяснила, что первая любовь — сон, который может быть

прекрасным, а может быть страшным. Если сон прекрасный, просыпаться очень

грустно, а если страшный, нужно, чтобы тебя поскорее разбудили. Мелхен видела очень плохой сон, и мне кажется, она до сих пор не проснулась.

Мама, я не знаю, что с ней делать! Капитан Давенпорт ей не нужен, но она много думает о герцоге Придде, а еще есть капитан Бертольд, могут быть и другие. Она очень красивая и очень добрая, нужно, чтобы у нее все наладилось, но как это сделать ?

Герард говорит, что виконт Сэ скоро приедет в Старую Придду к маме, раньше

он не мог, но теперь перемирие и ему дают отпуск. Пожалуйста, передай с ним

ответ, я буду очень ждать. Если бы ты была с нами, ты объяснила бы Мелхен все

сама, но ты нужна графине Савиньяк, и надо дожидаться Зою и найти клад, потому что война стоит очень дорого.

У нас все еще тепло и сухо, слуги не помнят такой сухой осени. Если бы

Монсеньор не добился мира с Бруно, сейчас еще воевали бы. Какая погода в

Старой Придде и виделась ли ты с Монсеньором ? Я его ни о чем не просила, он

сам сказал, что зайдет к тебе и подтвердит, что я все сделала правильно.

Маршал сидит рядом со мной и передает тебе привет. Скоро его понесут

жениться, я боюсь, что он сбежит и его придется искать по всему городу. Этот

господин опять начал ловить голубей, я уже два раза находила их крылья. Ну

почему они такие глупые и неосторожные? Милая мама, я тебя целую и очень-

очень люблю. Береги себя и напиши, как себя на самом деле чувствует графиня

Савиньяк, я боюсь, что при Монсеньоре она станет хорохориться. Капитан

Уилер рассказал мне, как на нее напал бесноватый ментор, а Ее Величество

говорила, что внезапный испуг плохо действует на сердце.

Твоя Сэль.

P. S. Завтра сержант Аспе везет в Старую Придду что-то важное и заодно

прихватит мое письмо. Господин Аспе-старший — помощник таможенного

нотариуса в Лараке, он очень хотел, чтобы сын стал законником, а ему

понравилось ловить контрабандистов. Потом Аспе встретился с капитаном

Уилером, и тот взял его к себе. Я думаю, что каждый должен делать то, что ему

нравится, и тогда он станет делать это хорошо. Еще раз тебя целую!

Пожалуйста, не сердись на «фульгатов» за то, что они взяли меня с собой.

Капитан Уилер мне очень помог и продолжает помогать. Мы обязательно

увидимся, но сейчас ты нужна графине Савиньяк, а я — Монсеньору и барону

Райнштайнеру.

P.P.S. Если ты будешь кормить сержанта Аспе, учти, что его зовут Ульгим, он

очень любит мясо, которое почти подгорело, и пьет ту же тинту, что и папенька.

Разумеется, гонец был накормлен и облизан. Не до тошнотворности, но до осознания собственной мужественности. Такое действовало даже на Арнольда, только у Луизы не хватало терпения изображать перед муженьком хрупкую

бестолковую лилию, вот маменька на этом собаку съела. Правда, господин граф

на улице Хромого Цыпленка бывал не каждый день, и Аглая могла грызть домочадцев в свое удовольствие. Что устроил бы «нежный цветочек», проведая

о внучкиной эскападе, капитанша представляла с трудом, сама же Луиза могла

лишь завидовать Сэлю, не только разъезжающей по Талигу с бравыми вояками, но и добившейся от них братской нежности.

В том, что «закатные кошки» сделают рагу из любого, кто окрысится на Селину, Луиза не сомневалась. Как и в том, что их красивый капитан при всей своей

разухабистости совершенно безопасен. И бесполезен — не вообще, а как жених.

Прочитав и перечитав дочкино послание, госпожа Арамона пришла к

обнадеживающему выводу — Сэль больше не собирается оставаться в девах и

воспитывать детей Алвы, иначе она нипочем бы не призналась в теперьюже

проходящей любви. Место одного «Монсеньора» незаметно занимает другой, но

дочке это еще требуется понять, а Савиньяку — принять. Тут очень бы пригодилась лихорадка или тяжелая, но не смертельная рана, однако маршалов

ранят реже, чем капитанов.

Госпожа Арамона с сожалением выбросила из головы прелестную картинку с

мечущимся в неопасной горячке белокурым красавцем и возлагающей ему на

лоб тряпочку дочкой. Предполагать, что Проэмперадор примется звать в бреду

Сэль, было слишком даже для размечтавшейся мамыши. Для начала хватит и

того, что Савиньяк не подпустил к девочкам явно наладившуюся за братцами-

маршалами лахудру и выполнил данное Селине обещание, лично удостоверив, что девица Арамона, удрав с «фульгатами», действовала на благо Талига.

С умилением вспомнив совместный завтрак графини, Луиза заперла письмо в

бюро и принялась наводить порядок в успевших скопиться вещах, попутно

соображая, как втолковать заботливой подружке, что Мелхен поможет только

мужчина. Опытный и при этом терпеливый и добрый.

Обычно занятые руки заставляли лучше работать и голову, но в этот раз

капитанша провозилась до ночи. Женщина разобрала два сундука и корзинку с

нитками для вышивания, показала прислуге, как гладить алатские шали, собственноручно пересадила чрезмерно разросшуюся комнатную розу, заменила

свечи в парадных подсвечниках и, тряхнув надорской стариной, убила на лету

робкую, одинокую моль. Наконец в голове сложилось что-то удобоваримое.

Госпожа Арамона заперла изнутри дверь, дважды перечитала дочкино послание, торжественно разложила на столе письменные принадлежности и взялась за

перо, чувствуя себя сказочной умницей, которой нужно раздобыть и пристроить

к делу закатную тварь, не назвав при этом ее по имени.

2

Еще зеленая травка, лужи загустевающей крови, туча торопливых всезнающих

мух и трупы. Обобранные, раздетые и разутые... Вокруг разбросано не устроившее грабителей барахло, тут же искромсанные туши... Валяются вперемешку с убитыми людьми: в обозе была скотина — прирезали и разделали

на скорую руку, ловко разделали, надо отдать мерзавцам должное, мясник позавидовал бы. Ветерок носит высыпавшуюся из прорванного мешка муку, в

нос бьет запах смерти, привычный любому военному. Непривычно, что это

Гайифа, — хотя, пожалуй, пора привыкать.

Капрас, не спешиваясь, медленно объехал уютную, окруженную

боярышником

полянку, на которую очередные разбойники отогнали очередную добычу.

Приказывать было нечего, обнаружившие бойню драгуны и так всюю
искали

следы; маршалу уже доложили, что душегубов было до полусотни, —
хорошему

эскадрону на один укус, тем паче пленных Карло брать не велел. Хватит!

Мародеров и убийц лучше кончать там, где они попались, а вот убитых
надо

похоронить по-человечески.

— Отца Ипполита бы сюда, — пробормотал явно думавший о том же Агас.

— Сюда — да, — откликнулся Карло, — но не в Мирикию... А священника
в

самом деле пусть найдут — чего-чего, а уж клириков у нас в досталь.

— Таких, как наш?

— Всяких! — рявкнул маршал, и, словно в ответ, рядом закаркала ворона.
Мухи

узнают первыми, но падальщики отстают ненамного. У них на этой поляне
свой

интерес, а маршал Капрас ворон гонять не нанимался.

— Оставим разъезд, пусть дождутся местных со священником и догоняют.

Капрас развернул равнодушного, много повидавшего полумориска. Мимо

поплыли пестрые осенние деревья, они старались облетать помедленнее и

вообще делали вид, что еще лето.

Когда узкая — и как только протащили телеги? — тропа влилась в проселок, маршала догнал Фурис, роскошным казенным слогом сообщивший, что

преступники угнали до полудюжины телег с фуражом и прочим имуществом, из

чего следовало: скорость и маневренность у них теперь не те.

— Что ж, — подытожил Капрас, — будем надеяться, эти бандиты больше ничего не натворят.

— Если наши кавалеристы должным образом исполнят свой долг, — педантично

уточнил бывший писарь. — Господин маршал, вам что-нибудь дал осмотр места

трагедии? Я, к моему глубочайшему сожалению, не вынес для себя ничего примечательного.

— Да, ничего неожиданного. Именно об этом чиновники и говорили: грабители

увозят то, что им кажется ценным, остальное уничтожают на месте.

— Подобный образ действий в самом деле обращает на себя внимание.

Господин маршал, не сочтите мои слова за попытку оказать на вас давление, но

я начинаю склоняться к тому, что покидать приграничные провинции, не

очистив их от преступников, будет ошибкой. Армия, особенно в зимнее время

года, нуждается в фураже и провианте, лишившись их, она перестает быть армией. Если вверенный вам корпус...

— Это очевидно, — оборвал поток циркулярного красноречия Карло. —

Поэтому мы и едем в Мирикию.

— А... — Озадаченный Фурис стал похож на разбуженного суслика. — Мне было сообщено, что целью нашей экспедиции является покупка или же реквизиция артиллерийских орудий.

— И это тоже.

Резонов для поездки хватало. Карло в самом деле хотел взглянуть на литейный

двор и лично обговорить заказ. То, что пушки льют в той же Мирикии, где бесится Сервиллионик, было совпадением, которым не воспользовался бы только осел. Встреча с легатом необходима, но пускать его в распоряжение корпуса Капрас не хотел: если прибожественный окажется дураком или дрянью, это бросит тень и на Сервиллия, к тому же далеко не все офицеры готовы

поступаться своей гордостью ради чужой. Капрас до известной степени был

готов, но не при подчиненных же! Ну а если императорский посланец — брошенный в мутную воду щенок, его надо вытаскивать, а не хихикать, глядя, как он барахтается. Иными словами, объяснять легату то, что очевидно

маршалу, лучше наедине. Кроме того, неподалеку от Мирикии обитает Турагис, которого давно пора навестить. Договориться о лошадях, попытаться уговорить

не вставать в позу и... проведать Гирени.

В том, что без девчонки стало тоскливо до невозможности, Карло себе

признался, лишь объявив о поездке. И наутро выехал. Разумеется, приняв меры

предосторожности — мало ли что придет в голову грабителям или...

разобиженному на весь свет легату? Пара эскадронов сделают юношу разумнее, да и местным вид проходящей конницы полезен.

Конница проходила бодро, вокруг не менее бодро рыскали разъезды, а Фурис, прихваченный по причине невозмутимости и достойного лучшего из чинуш

крючкотворства, допекал командира кавалеристов. Теперь уже доверенный

куратор походной канцелярии и начальник штаба корпуса, он двадцать раз на

дню напоминал, что следует «вести тщательный поиск по ходу отряда», то есть

сворачивать на все проселки и заглядывать во все колодцы. Вот один из

разъездов и заглянул...

Самого Карло смотреть на мертвецов никто не заставлял, но он все-таки поехал, в первую очередь из-за Фуриса. На марше доверенный куратор был хорош, в

бумагомарании — прекрасен, но с убитыми имел дело лишь однажды, а

осмотреть «место происшествия» пожелал. И осмотрел.

— Сударь, — окликнул Капрас, — вы не голодны?

Еще одной особенностью канцеляриста было тщательнейшее сокрытие голода, жажды, желания спать, зубной боли — словом, всего того, что отличает

человека от небожителя или полена. Однако подобные потребности начальства

зануда учитывал.

— Разъезд, проводивший поиск в южном направлении, обнаружил постоянный

двор, производящий благоприятное впечатление.

— Ну и отлично...

Увитый жимолостью домик благоприятное впечатление в самом деле производил; при виде него так и тянуло спешиться, спросить лучшего вина и

лучшую комнату. Гирени пришла бы в восторг... Ничего, в Мирикии не только

пушки льют, там еще плетут кружева. То есть не в самой Мирикии, поблизости, но продают-то наверняка в городе — не все же увозят перекупщики, да и вряд

ли в Паоне сейчас спрос на кружево.

Внутри трактир был еще симпатичней, чем снаружи, и гостям в нем чистосердечно обрадовались. Хозяин, не переставая болтать, бросился накрывать на стол и тут же крупно удивил — по его словам, ни банд, ни обозов с

утра в нужную сторону не проходило.

— То, что вокруг беспокойно, все знают, — разглагольствовал трактирщик, расставляя горшочки с разноцветными подливами, — но в нашей округе пока

тихо было. До сегодняшнего дня, прими Создатель их души... Вот ведь не зря

моей хозяйке ночью сова послышалась. Отродясь у нас никаких сов не

водилось, а сегодня ухала, как нанятая... А в Белой Усадьбе и вовсе дело было...

Мне тамошний парень, что дыни привозит, хорошие у них дыни... Так вот, Апо

этот мне рассказал. Двухголовый жеребенок у них на конюшнях родился, да еще

и пегий! Прирезать бы да сжечь, а хозяин не велит! Говорит, к удаче... Где ж

такое видано, чтоб урод двуглавый удачу принес? Только странный он там, хозяин-то. Прежде ничего был, а как жену с новорожденным схоронил, заговариваться стал. Создателя ругает... Дескать, будь у того совесть, те, кто

любит, в один день умирали бы... А еще будто бы...

— Постой-ка, — перебил Капрас. — Эта Белая Усадьба далеко?

— Да как сказать... На своих двоих далековато, а на четырех — за полдня спокойно доберетесь. Если напрямик.

— Агас, — велел Капрас, поняв, что разбойникам отнюдь не требовалось разъезжать по тракту, — отправь-ка туда разъезд потолковой. Чтобы прежде

времени не спугнули.

3

Хогберд до Матильды таки добрался. Женщина пряталась от пакостника в супружеской спальне, в мыльне и даже в храме, однако удрать от неизбежности

еще не удавалось никому.

— Хватит дурить, неразумная, — объявил Бонифаций после дневной трапезы.

— Гад сей выслужиться жаждет, ну так яви если не милосердие, то корысть. Все

одно зачтется, ибо на пользу делу и во вред ереси.

— Ладно, — поморщилась принцесса, — но если пользы не будет...

— Рыбке отдадим, — пообещал супруг, — только не дожدهшься ты того. Знал

бы твой боров мало, уже б в болоте засмертном по шею сидел, задом пиявиц

кормя, а носом — комаров.

— Хорошо бы, — мечтательно протянула алатка, которой подобная кара показалась самой что ни на есть для Хогберда подходящей. — Только не знает

он ни змея. Именно потому, что жив.

— Всякие знания есть, — супруг остервенело почесал нос, словно в него уже

впился загробный комар, — одни в гроб толкают, другие из оного тянут. Ступай

и разведай, а пистолеты у меня пока побудут.

— Сама же их отдала, — напомнила алатка. — Кто ж борова из морисских пистолетов бьет? Метлой бы его или лопатой.

— Не время нынче для бития. Хогберд нам ручным нужен и для дела. Дабы, в

Гайифу возвернувшись, кое за чем приглядывал, а для того должен хитрован

увериться, что если не в Талиге, то в Кагете ждет его домик с садиком да

пенсион.

— Пусть лучше его Валме купит, — предложила Матильда. — Дело как раз по

нему!

— Вьюнош сей без нас знает, что ему покупать и когда. Был бы нужен боров, купил бы борова, а он его тебе привез. Может, пойдешь уже? А как вернешься, мы... делами богоугодными при займемся?

— Как вернусь — выпью, — пригрозила принцесса, но встала. Дом, где

устроились они с Бонифацием, принадлежал гоганскому негоцианту. Пускать

иноверцев в монастырские стены было бы для монахов слишком, но и торговлей

поступить святыя отцы не могли. В итоге какой-то достославный возжаждал

горного воздуха и отстроился возле самой обители! Разумеется, он ничего не

покупал, ничего не продавал, а путешествующих соплеменников пускал

исключительно из человеколюбия, в котором не уступал благочестивым

соседям. Принять гостей самого казара гоган счел за величайшую честь, Бонифаций же свою нелюбовь к еретикам на иноверцев не распространял, так

что довольны были все.

Молчаливый рыженький юноша, чем-то напоминавший брошенную в Алате

Мэллицу, провел гостью во внутренний двор, где журчал фонтанчик и сидел

Хогберд, при виде принцессы оторвавший от мраморной скамьи отнюдь не усохший зад. Без бороды поганец выглядел чуть младше и намного противней, а

может, Матильда от него просто отвыкла. Предложи женщине кто-нибудь выбор

— руку Хогберду для поцелуя или жабу за шиворот, у барона не осталось бы ни

единого шанса, но жабу не предлагали. Матильда ослабилась и сунула барону

лапу.

— Вы помолодели, — прошипела она. — Я с трудом вас узнала...

— Вы сняли эти слова с моего языка, — пропел поганец. — Ах, ваше высочество... Вы не возражаете, если я буду называть вас по-прежнему?

— Отнюдь нет! Мезальянс закрепляет за особой королевской крови девический

титул. — Вот тебе, покойный Анэсти, вот вам всем, пролоты агарисские!
— Я

родилась принцессой Алати, я ею и умру.

— Это мудрое правило, — ничуть не смутился Хогберд. Еще бы, боров теперь

был не бородатым талигойцем, но бритым гайифцем. — Но как же я счастлив...

О великом счастье пришлось слушать внимательно. Некогда Матильда уже прохлопала несомые потоком баронского красноречия важные вещи. На сей раз

Хогберд расписывал свои неиссякаемые, но исключительно целомудренные

чувства и благодарил Создателя и всех святых за чудесное спасение прекрасной

принцессы и еще более чудесное ее появление здесь, на краю земли, среди

монахов и козлов. Минут через десять стало ясно, что по делу барон первым не

заговорит. Алатка собралась с духом и перевела взгляд с гревшейся на солнце

очень приятной ящерицы на собеседника.

— Хватит, Хогберд, — велела она. — Я женщина, и я любопытна. Поведайте, как на краю земли оказались вы и где ваша борода?

— Увы, ваше высочество. — Хогберд печально улыбнулся, обладай он красой и

молодостью Лисенка, это могло бы подействовать. — Я давно утратил право

быть собой, иначе я не мог бы спасать тех немногих, кто мне дорог, и служить

моему несчастному отечеству. Жизнь носила меня, как ветер носит осенние

листья. Я менял города, я менял страны, я менял одежду и даже лицо, оставляя

себе лишь имя, память и дело. Те, кому я помогал, принимали мою помощь со

снисходительной улыбкой. Те, кому я служил, платили, с пренебрежением

называя меня шпионом и наемником. Да, я шпион, я наемник, так что же?

Пусть

меня так называют, я к этому привык. Никто никогда не узнает, как одинок и

темен мой путь... Моя судьба всегда носить маску, но как же она мне ненавистна! Иногда, чаще всего ночами, я мечтаю о том, как сорву изувечившую

меня личину, и мир переменится вместе со мной. Исчезнут ложь, равнодушие, черствость, презрение к тем, кто не понят, кто не выставляет свои чувства и свои

раны напоказ...

— Барон! — возопила принцесса, понимая, сколь прав был придерживавший пистолеты Бонифаций, — Почему вы не приехали вместе со всеми в Талиг?

Почему вас не утопили мориски? Как вы выбрались из Агариса?

— Я счел свой долг исполненным, — с кроткой печалью объяснил Хогберд. —

Наш дорогой Альдо победил, его признавали короли и герцоги, его венчали на

царство, а я был живым напоминанием об оскорбительном, не достойном величия прошлом. Так я думал тогда...

— С вашим опытом? — не выдержала принцесса. — С вашим чутьем? Не увидеть, что мой внук... вряд ли задержится на троне.

— Я ошибся, — развел короткопалыми руками барон. — Поддержка Эсперадора

и помощь сопредельных держав дарили уверенность, тем более что я узнал

о

пленении Ворона. Не увидеть в этом перст судьбы было невозможно, и я сказал

тем, кто полагал себя моими хозяевами: «Я устал, я ухожу».

Да, я имел право уйти, ведь справедливость восторжествовала. Меня отпустили, но без вас Агарис опустел... У меня имелись скромные сбережения, и я решил

поселиться в предместье Паоны. Мой слуга — последнее, что у меня оставалось

от родины, — последовал за мной. Я мечтал о покое, но пришли мориски, в

столице стало тревожно, и я начал думать о переезде в провинцию. В начале

лета меня нашел зять губернатора Ионики и предложил небольшую должность в

канцелярии тестя. Не скрою, им нужен был человек, знающий Талиг и талигойцев. Так я оказался здесь.

Прошное, ваше высочество, не отпускает. Обычно оно нас терзает, но на сей раз

принесло мне великую радость встречи с той...

— Да-да, — Матильда торопливо закивала, спугнув ящерицу, — вы уже говорили... Значит, вы служите губернатору Ионики?

— Я служу отечеству и своим друзьям, — поправил Хогберд. — Сил у меня уже

немного, но они ваши, сударыня.

— Трогательно... Вы готовы вернуться в строй во имя нашей... дружбы, хотя мечтаете о спокойной жизни в спокойной стране? Такой, как Кагета.

— Или Алат... Я по рождению северянин, но люблю тепло. Порой мне представляется в воображении уютный дом. Старый слуга зажигает свечи, в

окна заглядывают ветви цветущих вишен... Я сижу за столом и пишу о великой

эпохе и великих людях, которых мне довелось знать. Увы, я прожил грешную

жизнь и, возможно, не заслуживаю Рассвета...

— Мой супруг полагает, что вы заслужили... или можете заслужить покой.

Странно, мы только что говорили именно об этом. О домике с садиком в мирной, солнечной богоугодной стране.

— Я мечтал бы засвидетельствовать свое почтение его высокопреосвященству

кардиналу Талигойскому. Это, вне всякого сомнения, выдающийся ум. Мне

доводилось встречаться с теми, кто знал графа Фукиано в молодости, они

сожалели, что столь блестящий и подававший такие надежды богослов...

— Сел в тюрьму? — подсказала принцесса, понимая, что ее миссия выполнена, а договариваться о цене будет уже Бонифаций. — Мой муж полагает, что

приобрел бесценный опыт и без Багерлее вряд ли добился бы своего нынешнего

положения. Я передам ему ваши слова, и он примет вас сегодня же, ведь завтра

вы возвращаетесь в Гайифу.

— Я еще не решил...

— А как же ваш слуга и ваши сбережения?

— Они не столь значимы, чтобы их нельзя было спасти. Что до моего слуги, то я

вне себя от беспокойства. Бедный Мишель, как всегда, путешествовал со мной, и тут случился этот кошмарный налет. Лошадь несчастного оказалась слишком

пуглива и понесла, несколько разбойников бросилось в погоню. Больше я о нем

не знаю ничего, и, кстати, о лошадях... Ваше высочество, я видел вас утром во

время конной прогулки. Посадка Великолепной Матильды, как всегда,

безупречна, но ваш конь... Прощу прощения, но ему пристало возить телеги, а

не носить на себе блистательных всадниц! Увы, в здешних краях достойного вас

линарца добыть трудно, а местные кони для дам не годятся, но у святых отцов, по счастью, оказался отличный мерин. И пусть я небогат, я не мог его для вас не

купить. Принцесса Талигойи, принцесса Алата, супруга его

высокопреосвященства, лучшая женщина, которую я знаю, должна ездить на

достойном ее коне!

— Сколько? — взяла быка за рога Матильда. — Сколько вы потратили?

— О, сущие пустяки! В других местах такие кони стоят много дороже, но

святые братья не умеют вести дела. Линарца редкой масти — а он, сударыня, горностаевый — они отдали за две с половиной тысячи.

Хогберд мог сбрить бороду, сменить подданство, потолстеть, исхудать, но ничто

и никогда не отучило бы его от привычки втридорога всучивать «лучшим друзьям» всякую дрянь, причем так, что не купить было невозможно. Почти.

— Я не могу принять такое сокровище от мужчины без разрешения моего супруга. — Матильда старалась говорить с достоинством, но ее душил смех. —

И не могу возместить вам затраты, ведь своих средств у меня сейчас нет. Если

вам удастся уговорить его высокопреосвященство принять ваш подарок, я буду в

восторге.

— Вы хотите сказать, что коня должен принять ваш супруг? — Хогберд умел

собой владеть, но Матильда могла поклясться, что наконец-то цапнула подонка

за чувствительное место. — Но уместно ли духовному лицу...

— Пожалуй, не совсем. — Алатка сощурилась и нанесла последний удар. —

Разумней всего предложить линарца виконту Валме, объяснив, что это для меня.

Но вы начали рассказывать, что вашего слугу понесла лошадь...

— Проклятая скотина... — Невзрачный туповатый мальй твердил это как заведенный. — Понесла... Кто ж ее знал, паскуду такую...

То, что понесшая паскуда спасла жизнь не столько себе, сколько наезднику, до

олуха не доходило. Слуга чинуши средней руки может лучше всех в мире

гладить нарукавники и чистить башмаки, но связно описать стычку с

разбойниками не в состоянии. Спасибо хоть командир патруля, на который

выскочила очумевшая и, кстати, очень неплохая кобыла с десятком висевших у

нее на хвосте головорезов, не зря получал императорское серебро.

Преследователей шуганул, от лепета слуги про тысячу разбойников не

отмахнулся, а прошел по следам. Ну и обнаружил нечто, о чем следовало

немедленно доложить начальству.

Гнали так, что дорога съела полтора дня против обычных трех, но о фокусах на

кагетской границе Капрас узнал вовремя, то есть до встречи с легатом.

Маршал

как раз заканчивал с обедом, собираясь часок вздремнуть, а потом на пару с

Атасом поискать подходы к прибожественному. Все накрылось кошачьим

хвостом, когда вернулся разъезд. Не тот, что отправился к Белой Усадьбе, второй, карауливший тракт со стороны Ситии. А ведь не удержи Карло

утренняя находка, он уже свернул бы на Мирикию, и новости пронесли бы

мимо.

Сперва маршал не слишком впечатлился: драгуны видели десяток-другой всадников, а болтовня о множестве душегубов стоила недорого, однако все оказалось куда как непросто. Многочисленные трупы, следы, уводящие к границе, невнятность с тем, кто, куда и зачем шел... Большая, можно сказать, огромная банда действительно существовала и захватила немалый караван, но

была, в свою очередь, перебита, а добыча — угнана в Кагету. Что с ней случилось

дальше, ни олух слуга, ни бравый сержант не знали. Драгуны и так сделали что

могли и больше.

— Молодцы, — от души поблагодарил маршал и своих разведчиков, и расторопных драгун. — Закончим, спросите у трактирщика чего хотите. И чтоб

не жались — платит казна! Входите, Фурис. Сержант, еще раз и подробно.

Докладчиком заросший могучей рыжей щетиной кипарец был толковым, как бы

не поумней кое-кого из офицеров. Не мялся, не путался, лишнего не говорил, свои заслуги не выпячивал, а заслуги несомненно имелись.

— Повезло, что нас, если издали глядеть, как бы вроде больше выходило, —

честно признавался драгун. — Головорезы не разобрали, что на десяток моих

ребят — три десятка косоруких ополченцев, вот и убрались. С этого... Микис его

имя, он не здешний, из Агариса... Так вот, Микис этот только и мычал про разбойников... И про своего господина — дескать, спасайте! Ну, отправились мы

посмотреть, что и как; добрались аж до Рцука, до переправы... Дальше Кагета

уже, туда мы не совались, да и дозоры на той стороне крутились, но наш берег

облазили. Кавалерия там точно была, хоть и не тысяча, как Микису почудилась, но пара эскадронов, не меньше. Весь берег копытами изрыт, тряпки кровавые

валяются, ну и всякое разное... Где — шляпа, где пыжи, куртку даже одну

нашли, сукно хорошее... По всему видно, драка на переправе была, но на другом

берегу. Конники эти в Кагету наладились, да не вышло, турнули их.

На ночь мы стали у самого брода, решили — если банда вернется, на ту сторону

рванем, костры там горели. Ничего, пронесло... Утром прошлись немного по

следам, только куда нам такую ораву гнать, да и сухо, на тракте много не

углядишь, а вот место, где на обоз напали, нашли...

Самое неприятное выяснилось дальше. Дошлые разбойники потрошить добычу

на дороге не стали. Захватили, отогнали в укромное место и без помех и спешки

занялись разбором награбленного. Вот тут-то удача стервятникам и изменила, зато очередная бакранская стая поживилась на славу. Грабители

если и ждали

нападения, то со стороны тракта, а ударили по ним сверху. Всадники на козлах

на этот раз не церемонились...

— Ты уверен? — не поверил Капрас, представлявший бакранские налеты несколько иначе. — Это именно бакраны?

Сержант был уверен. Во-первых, козлиные следы с конскими не спутать, а лощинка оказалась сыровата, все истоптано, во-вторых...

— Палками они своими орудовали, ничем другим так бошки не расквасишь.

Нашли мы одну такую... С наскоку да умеючи приложить — всё, мозги вон!

— Значит, бакраны начали убивать. — Карло повернулся к молчаливому Фурису. — Это многое меняет.

— Осмелюсь доложить, палками только разбойников положили. Пленных, тех, кто с обозом попался, другие резали. С душой так, не наспех... Но хозяина

Микиса мы не нашли, все покойники из простых были — слуги, возницы...

И тут доверенный куратор походной канцелярии наконец задал вопрос, с которого следовало начать. С кем путешествовал хозяин Микиса, куда эти достойные господа направлялись и что было в обозе. Ответ заставил маршала

грубо и отчаянно выругаться, сержант же не присвистнул лишь из

субординации. На границе Гайифы и Кагеты непонятно куда сгнуло начальство

двух провинций, за какими-то кошками наладившееся на богомолье в кагетский

монастырь.

5

На капитуляцию Бордона это совсем не походило, та была куда богаче — одна

рассыпающая цветы Клелия чего стоила! С другой стороны, дожи вам не

полтора губернатора с бантиком, им положено сдаваться красиво — с девами и

музыкой, а гайифские чиновники — такая проза... На первый взгляд. На второй

троица была разнообразной, примечательной и себе на уме. Худющий хитрец, прибрюшистый простофиля и вальяжный белотелый красавец слишком

походили на персонажей комедии, чтобы быть настоящими. И спорили, и почти

ссорились они тоже как-то слаженно, при этом упирая на то, что каждый за себя.

Эпинэ наверняка поверил бы, но таких на переговоры не берут, вот Бонифаций

был прекрасен — то обличая ересь, то проявляя корыстолюбие, то выказывая

полную неосведомленность и цитируя, цитируя, цитируя, кардинал содрал с

гайифцев на пару шкур больше, чем ожидалось. Впрочем, больше всех

переговорам поспособствовали бандиты, и, не загуби какой-то гад Бурразу

руку, Марсель проникся бы к душегубам подобием благодарности — спасенные

губернаторы, как и спасенные девицы, становятся сговорчивей. Главное, чтобы

спаситель знал, чего хочет, и не был слишком уж тошнотворен и тороплив.

Требования талигойцев гайифцев не шокировали, напротив! Расставание с

некоторой суммой было предопределено, спасители, пусть и на козлах, подоспели вовремя, а пьяные вечерние оговорки — мог же наследник Валмонов

после боя выпить — давали пищу для размышлений: Алва не любит Гайифу, как

его предок не любил Уэрту, но это не помешало Алонсо спеться с Балинтом... А

ведь Алат немногим больше трех гайифских провинций... Или четырех, если

умные люди найдутся и в Левкре.

— Проводить гостей не собираетесь? — Темплтон вырядился в парадный мундир, и правильно! — Все-таки вы их спасли.

— Их спас великий Бакра, — зевнул Валме и едва не хлопнул себя по лбу.
—

Герард!..

— Кто? — не понял Темплтон.

— Его надо видеть, — рассеянно откликнулся Марсель, оглядывая тенистый

двор и увитую чем-то цветущим террасу, на которой уже маялись гайифцы,
— и

желательно утром... Прошу меня простить.

Бакраны стали лагерем сразу за гоганским домом, в котором устроились

Бонифаций с супругой. Бежать было недалеко, Жакна отыскался сразу, однако

назад виконт успел лишь к самому концу немудреной церемонии.

Гайифцы, подписав личные долговые обязательства на имя ее высочества Матильды

Алати, в сопровождении заимодавицы и настоятеля спускались во двор к теперь

уже двум каретам. Вторую благочестивым эсператистам послал Создатель в

лице смиренных служителей его.

Насколько успел понять Валме, благочестивым гостям обители Гидеона Горного

Создатель посылал едва ли не всё — был бы кошелек. Дойдя до столь

богоугодной мысли, Марсель решил ее проверить и за ужином посетовал отцу

эконому на отсутствие дамского общества, особо упирая на нехватку в здешних

краях светлых волос. Создатель не сплеховал — ночью Марселю явился

белокурый ангел, довольно-таки искушенный в плотских утехах.

Единственное, чего ему не доставало, — это изысканного серебристого хвоста, но требовать

подобного от ангела было бы слишком. После завтрака виконт пожертвовал на

храм столько же, сколько обычно жертвовал барону на музыку. Судя по

медовой

искре в глазах отца эконома, музыка в Олларии стоила дороже молитв в Кагете, о чем Валме и отписал в Ургот ее высочеству. Само собой, не объясняя, как

пришел к подобному выводу.

— Ну и где ты болтался? — Генеральский мундир Коннера отнюдь не портил, но в адуанском он был самобытнее. — Проводить «павлинов» не хочешь?

— Именно что хочу, — заверил Валме, — потому и болтался. Как прошло?

— Да ничего вроде... Гости закорючки поставили, потом хозяйка расписалась, а

кагеты засвидетельствовали. Все честь по чести, только вместо бедняги Бурраза

настоятель руку приложил. Теперь гайфцы, если не заплатят, не только жульем

выйдут, но и грешниками.

— Воистину. — Валме приласкал опять нахватавшегося репьев Готти. — Как бы

его в седло подсаживать?

— Да запросто, — оживился генерал, — мы своих куда только не возим.

Главное, чтоб коняка двойной вес выдержала и чтоб они с псом знакомы были и

доверяли друг дружке. Ну и хозяину, конечно, уж больно им обоим неудобно и

противно бывает... Если ты провожать надумал, кого-то из моих спешить

придется, твою красотку как раз перековать взяли.

— Провожать надо также, как встречал, иначе могут истолковать... Вы идите, мы с Герардом догоним.

Коннер понимающе хмыкнул и потопал к своим адуанам, настоятель поднял

руку, благословляя гайифских паломников, и кареты тронулись.

— Сыне, — проревело сверху, — что застыл, аки статуя? Снизойди-ка до нас, грешных.

Валме снизошел, то есть поднялся на террасу, где ныне властвовал Бонифаций.

Весь в черном, чисто выбритый, с внушительным обручальным браслетом, он

не потерялся б и рядом с папенькой, не то что с тремя гайифцами.

— Ваше высокопреосвященство, — не стал скрывать своего впечатления

Марсель, — вы поражаете, как Нохский собор, да стоит он вечно. Много взяли?

— Не дороже денег, а вот что взял ты?

— Ваше высокопреосвященство, — понизил голос виконт, — здесь дама.

— Дама, — вмешалась алатка, удивительно похорошевшая после непадения из

беседки, — знает, зачем к нашему хозяину вчера из обители приходили.

— Сударыня, — в самом деле не понял Валме, — вы о чем? Разумеется, святые

отцы — те, кто умеет читать, — читают не только писание. Возможно, у них с

субгубернатором Кипары одни и те же вкусы, и они, вне всякого сомнения, ведут дела с гоганами, но почему вчера?

— Это я должна сказать?

— Душа моя, — поднял брови Бонифаций, — ты о чем?

— А вы о чем? — прыснула алатка. — Убоялись при мне о веселых девицах

говорить, ханжи эдакие! Не застрелю.

— О девицах я говорить могу всегда, — запротестовал Марсель. — А вот о том, что изъяс из имущества кипарца — нет, это будет неизящно. Так что смотрите

сами, оно у Коннера в обозе. Прошу простить, прибыл мой эскорт.

Славный Жакна не только оседлал козлов, но и нацепил на Мэгнуса нарожные

ленты. Это было красиво, это было...

— Ваше высочество, — попросил Валме, — если я не в бою и не в лодке запою

про «это было», стреляйте без предупреждения. С вашего разрешения...

Самый большой из не съеденных за столом переговоров фруктов достался и так

довольному жизнью Мэгнусу. Горделивое «ме-ме-е-е», не самая приятная

козлиная рысца... Ничего, до горного кряжа, который сейчас огибают кареты, рукой подать.

На первом уступе догорал шиповник, и Марсель не удержался, вставил в

петлицу красный цветок. Жакна внимательно посмотрел и уподобился. Горная

роза в петлице... Почему бы ей не украсить форму бакранской козлерии, которую нужно придумать прежде, чем муж Этери возьмет за образец какой-

нибудь кагетский ужас? Бедные бакраны так долго просидели в своей Полваре, что просто не понимают, сколь кошмарны порой яркие краски...

— Капитан при особе, я могу прервать твои мысли?

— Герард, ты можешь все! К тому же я думал о вашем народе.

— Тогда ответь. Премудрая говорит, это знаешь лишь ты. Регент к нам вернется?

— Премудрая?

Ну почему старая карга не назвала кого-нибудь другого?.. Объяви премудрая, что судьба Ворона ведома лишь «капитану при особе», Марсель всерьез

уверовал бы в бакранское колдовство, но о возвращении Алвы виконт не знал

ничего. Из такой дыры обычным ходом не вылезти, да и пора бы уже

объявиться... Значит, погиб?! Не верится! Особенно в Барсине, да и сейчас, в не

сдающихся осени горах. Есть люди, без которых мир тускнеет, но камни под

копытами поют, а солнце пляшет в дальних ледниках, превращая их в горящий

янтарь. И эта роза...

— Ты дал клятву молчать? Тогда не отвечай.

— К кошкам клятвы! — И к кошкам дыру, смерть и прочую дрянь! — Регент

вернется, и вернется именно сюда, к вам! Главное... чтоб вы были достойны.

— Я понял. Это самое важное — быть достойным!

— Именно, — подтвердил виконт. Герардов хлебом не корми, дай за кем-нибудь

тянуться и чему-нибудь учиться. Вот так и создаются великие Бакрии.

Знакомый переливчатый свист возвестил о том, что пора вниз. Караван они обогнали, осталось красиво встать на склоне — пусть господа гайифы задерут

головы и посмотрят снизу вверх. На козлов, на всадников, на народ, который

никто не принимал в расчет, — но когда весы колеблются, бросай на свою чашу

все! Хоть бакранов, хоть призраков, хоть дурные стихи... Сейчас можно, и потом

«это было» и «это будет» разнятся, как Фердинанд и Лисенок!

— Это будет прекрасно, — заорал Валме, пуская Мэгнуса вниз, где извилистой

тропой ползли какие-то букашки, — победить всех врагов и заставить склониться их пред блеском рогов!..

Они вылетели на загодя выбранный разведчиками Жакны уступ, и Валме

выстрелил в воздух, привлекая внимание. Маленький Коннер пальнул в ответ, маленький Сэц-Гайярэ поднял руку в благословляющем жесте, маленький, но

все равно гнусный Хогберд на горностаевой кляче снял шляпу и церемонно ею

взмахнул. Кареты и всадники ненадолго остановились и поползли дальше.

Смотреть им вслед и страдать Марсель не стал — он, как и папенька, не любил

страданий, даже чужих. Прозэмперадор Юга полагал, что врагов не мучают, а

убивают, терзаться же по этому поводу столь же глупо, как оплакивать жаркое

или меховую оторочку. Офицер при особе регента был согласен с родителем

целиком и полностью.

IV. «СПЛА» («ПОХОТЬ»)¹

При нашем нынешнем положении самым разумным было бы ничего не щадить.

Ответ Шарля де Голля Полю Рейно

Глава 1

ГАЙИФА. МИРИКИЯ. БЕЛАЯ УСАДЬБА

400 год К. С. 3-й день Осенних Волн

1

Первый взгляд проснувшегося Капраса упал на икону, которую маршал, ложась, как-то не заметил. Симпатичный лысый старичок радостно, по-детски улыбался, благословляя всех, кто попался под руку. Перед иконой стоял букетик красных

ягод, а за нее были заткнуты белоснежные перья. Святого Карло не опознал, но

не помолиться в ответ на такую улыбку просто не вышло. Маршал, пару раз

запнувшись, прочел «Ураторе» и, сам себе удивляясь, попросил, чтобы у Гирени

все обошлось. Неожиданно стало очень спокойно, и это чувство не покидало

командующего все утро. Вернувшийся из Мирикии порученец своими новостями настроения не испортил. Подумаешь, нет губернатора, зато и оставшиеся чиновники, и владельцы литейного двора очень-очень ждут господина маршала... вместе с его эскортом.

— Провинциальное гостеприимство, приправленное страхом. — Агасу в последние дни святые вряд ли улыбались. — А губернаторы не лучшее время

для разъездов выбрали, хотя в лучшее они к казару не побежали бы.

— Странно это...

Литейщики есть, пушки постараемся добыть, а вот как быть с кружевами?

Послать Агаса? Столичная птица выберет, что нужно.

— Вы полагаете странным визит наших отсутствующих друзей в Кагету? — уточнил еще не знающий о кружевном будущем гвардеец. — Слуга твердит про

Гидеона Горного, с чего ему врать? Да и не выходит в другое место: дорога, на

которой подкараулили превосходительных, ведет только к броду. От вас они добились меньше, чем хотели, вот и бросились к Лисенку, а что тайком, так ведь

вы — враг нового казара.

— Глупо вышло.

Чиновники юлили, он юлил, а потом раз — и легат с разбойниками... Не считая

морисков и талигойцев.

— Сударь, — Агас заговорил извиняющимся тоном, сейчас примется

растолковывать всякую политическую дрянь, — все знают, что вас
посылали

защищать Хаммаила, а Талиг сделал ставку на Лисенка. Вас отозвали, и
сразу

же Хаммаил был убит. Естественно предположить, что переговоры с
убийцей

казара, за которого вы воевали, вас не обрадуют. Кроме того,
превосходительные

по-своему правы: если Лисенок сочтет нужным унять бакранов, он их
уймет, а

он сочтет, если его устроит цена и не будет неприятностей из Талига.

— Вот именно, — фыркнул Капрас. — Баате важно удержаться, мы ему
здесь не

помощники. В отличие от Дъегаррона. С какой стати ему нам помогать?

— Деньги. Такой свистопляски ни одна сокровищница не выдержит, а
Кагету, прежде чем начать стричь, нужно накормить. И потом Кипара,
Левкр, Ионики и

Мирикия — это отнюдь не Гайифа.

— Что за чушь?!

— Отчего же? Была Золотая империя, стали Гайифа, Талигойя и всякая
мелочь; была Уэрта, есть Агария и Алат...

— Глупо сравнивать. Алаты с агарийцами друг друга не выносят... У них и

языки-то разные! Но с местным начальством выходит паршиво: я им
убалтывать

Лисенка мешать не стал бы, а вот Сфагнаса они задели за живое... Йорго, ну что

там еще загорелось?

— Из Белой Усадьбы вернулся разъезд. — Чем парень был хорош, так это тем, что не лез с каждым чихом. — На ведущей в поместье дороге нашли следы

повозок, похоже, тех самых, вчерашних.

— Что собой представляет дорога?

— Она больше напоминает тропу. Отходит от нашего проселка возле речки и

ведет через заброшенные сады, а главный подъезд к усадьбе — со стороны Мирикийского тракта. Хорнах в восьми назад от развилки, на которую должны

выехать мы.

— Вот и хорошо, срежем угол... — А ведь не упомяни Турагис мерзавцев из Белой Усадьбы, разбойнички продолжали бы резать и дальше! — Проверим поместье, и в Мирикию. Караулить кто-то остался?

— Никое поставил двоих возле ближних, Садовых, ворот, остальные вернулись.

Похоже, Садовые используют для завоза добычи, а в Мирикийские въезжают те, кому нечего скрывать. Главным образом барышники и зеленщики, раньше

хозяева вовсю торговали лошадьми и всяким тепличным.

Раньше торговали, теперь грабят... Бывает и такое.

— По дороге многих встретили?

— Как на проселок свернули, пару раз натыкались на крестьян. Никое клянется, это были именно крестьяне, а не переодетые бандиты. От усадьбы люди не

шарахаются, но и не ходят туда. Прежде гости там не переводились, но хозяин

года три назад овдовел, и как отрезало!

— Сколько там может быть этой швали, прикидывали?

— Прежде было не очень много: здоровых мужчин и полусотни не набиралось.

Весело жили, шумно, но ничего дурного про них не слышали.

— Сегодня услышат, и надо, чтоб в последний раз. Бандитскому кублу здесь не

место, так что прощайся со своей подружкой. Завтракаем и выступаем.

— Господин маршал, я...

— Тебе двадцать три, а живем один раз. Деньги есть?

— Я... Я плачу за себя сам!

— Вот и молодец. Ступай... Да, пошли уведомить легата, что мы задержимся.

Часа на четыре, думаю.

Сфагнас уже дважды ломился в пустой дом, а из третьего его вышвырнули. Если

опять выйдет накладка, прибожественный уверится либо в заговоре, либо в том, что север плевать хотел и на него, и на Сервиллия. Допустить такого Капрас не

мог: вражда с легатом вынуждала к немедленному уходу, а маршал почти решил

задержаться и вымести разгулявшуюся нечисть хотя бы с главных трактов.
Да и

оставлять три провинции на разобиженного столичного мальчишку Карло
себя

вправе не считал. Хуже скверного начальника, хоть губернатора, хоть
стратега, может быть лишь пустота.

— Агас, — окликнул маршал, — пока не отыщутся эти кошачьи чинуши, я
никуда не двинусь. Так что готовься ехать к Баате. С письмом от его
сестры...

— Сударь?

— Казар узнал, что Гирени — его пропавшая сестра. Незаконная, но у
кагетов

на это смотрят проще.

Сам Капрас в сказку о родстве не верил, полагая ее разновидностью
взятки, но, если врет государь сопредельной и не откровенно враждебной
державы, ему

приходится верить. Хотя бы на словах.

— Я готов выехать прямо сейчас.

— Сперва познакомишь меня с легатом, но прежде всего покончим со
здешней

шайкой.

2

Дорогу не зря называли Садовой, она извивалась среди сливовых садов,
таких

запущенных, что они стали почти лесом. Пахло осенью и забродившей

падалицей, этот запах слегка кружил голову. Осень вообще время безумств, хоть

у оленей, хоть у глядящих за море птиц, хоть у людей... Время, когда зрелость

переходит в старость, — тоже осень, и те, кто не желает смириться с

неизбежным, готовы на все, лишь бы задержать облетающую жизнь. Как же, ухватишь лошадь за хвост или тем более — за копыта! Отшвырнет, если не

убьет на месте, и помчится дальше... Чем бы ни заполнял свое изгнание

Турагис, он сброшен в придорожную канаву, конь сменил седока, и обратной

дороги нет, тем более что Оресту нет и тридцати пяти. Конечно, вступали на

трон и вовсе дети, но за них правили люди зрелые. Теперь все иначе —

император пробует именно править и окружает себя либо ровесниками, либо

теми, кто еще моложе. Удержаться в седле при таком раскладе человеку в

возрасте трудно: ошибешься — вышвырнут, как ненужную рухлядь, окажешься

умней и дальновидней — чего доброго, взревнуют. Как же, они такие умные, такие смелые, такие взрослые, и вдруг какой-то дядька носом в собственную

глупость как кутят тычет...

— Фр-р-р! — Прямо из-под конских копыт взлетела пестрая птица, не то дрозд, не то полевой скворец. Взлетела и вдруг почти рухнула наземь.

— Больная, что ли? — буркнул Капрас и тут же увидел целую стайку таких

же

пеструшек. Птицы неуклюже скакали, галдели, садились, вскакивали, затем

одна ткнулась клювом в землю, дернулась, поднялась, затрепыхалась...

— Падалицы нажрались, — объяснили сзади, — у нас в Пенье тоже так...
Если

алычи много и не убирать. Коты со всей округи сбегаются.

— Хорошо им, сразу и закусил, и выпил...

— Котов нашим пойлом не проймешь, им кошачья трава нужна...

— Сколько же их тут!

Пьяные птицы были всюду. Они пытались взлетать, лезли под копыта, орали...

Похоже, откочевывавшая на зимовку стая заночевала в здешних садах и уже никуда не полетела. Полетит ли завтра? Или так и будет клевать отраву и бестолково копошиться на земле до холодов, когда взлетать станет поздно?

Всадники, кто морщась, кто посмеиваясь, придерживали лошадей, стараясь не

задеть крылатых бражниц, а те, как и положено пьяным, опасности не замечали.

Одна дурища умудрилась взлететь, но сразу же завалилась на крыло и врезалась

в Йорго. Адъютант невольно вскинул руку и ухватил незадачливую летунью.

Физиономия у парня была растерянной, добыча надсадно орала, разевая

немалый клюв. Похоже, она все-таки была дроздом.

— Выкинь, — велел Капрас, которому внезапно стало противно. Адъютант поспешно подчинился.

— Я случайно, — объяснил он, вытирая руки. — Летело... Господин маршал...

— Все в порядке. — Карло шевельнул поводом. — Давай рысью.

Слава Создателю, пошли быстрее. Тянуло перейти на галоп, но командующий

корпусом, да еще на паршивой незнакомой дороге, позволить себе такого не мог.

Тем не менее сливы остались за спиной, а впереди замаячил просвет, который

становился все шире. Деревья сменились кустами, лишь одно, здоровенное, пережившее с десятков императоров, рискнуло оторваться от собратьев. На

нижней ветке сидела совершенно трезвая и молчаливая ворона, выше виднелись

шары омелы, взгляд Капраса добрался до верхних полузасохших ветвей, скользнул еще дальше, в солнечную осеннюю синеву. Белые вальжжные облака

равнодушно плыли на юго-запад, не замечая, что к ним тянется серый клубящийся собрат.

— Пресловутая Белая Усадьба должна находиться за следующим холмом, —

возвестил Фурис, будто никто не был в состоянии догадаться. — Очевидный

пожар предполагает, что среди встреченных разведчиками поселян все же

находился пособник разбойников.

— Похоже, ушли гады, — не смог сдержать злости Капрас, — и за собой все

подожгли. Странно, что в сторону тракта, хотя тут может быть и третья дорога, о

которой знают одни местные. А, не возвращаться же! Йорго, подгони драгун, может, хоть кого-нибудь прихватим.

Отряд с готовностью ускорил ход, перебираясь через пологую впадину, потом

опять пришлось подниматься. Разбойников могли и не предупреждать, просто

им взбрело в голову сменить логово — преступники часто обладают звериным

чутьем, да и кавалеристы, рыская по округе, не особенно скрывались. Чего

удивляться, что бандиты подались туда, где овцы есть, а псов мало, и те на цепи.

— Господин маршал, разведчики вернулись.

— Слишком быстро.

— Встретили парней, что оставил Никое...

— Давай их сюда!

— Началось все недавно, — парой минут спустя сообщил веснушчатый драгун,

— солнце как раз над этим вот кленом было... Сначала палить начали, потом

задымило. Но стрелять не переставали, только перед вами и утихло. Мы пока к

ограде не совались, без приказа-то!

— Похоже, перегрызлись.

— Скорее всего, но могли и лишних кончать. Чтоб и с собой не тащить, и свидетелей не оставлять.

— Нам меньше работы будет.

— Или больше. Если догонять.

Проклятье, надо было не разведчиков посылать, а сразу же эскадрон!
Ночью

кони среди этих кошачьих слив поломали бы ноги, но в обход, по

Мирикийскому тракту, прошли бы. А второй эскадрон с рассветом погнать
прямой дорогой, беря разбойников в клещи. Теперь же мерзавцы, если
рискнули

уходить трактом, имеют фору, а лошади у них свежее.

— Смотрим?

Василис все знал и так, но субординация и присутствие зануды Фуриса
вынудили его спросить. Капрас поморщился и махнул рукой: мол, сам
знаешь, и

тут же десяток драгун, развернувшись пошире, потрусили к усадьбе,
которая

просто не могла иметь иного названия. Белый обелиск на невысоком холме
и

тоже белые лестница со стеной словно бы ждали лучшего из пейзажистов.

Тихую, ясную в своей простоте красоту уродовал лишь дымный столб над

парком. Ну и драгуны в своих ярких мундирах с пейзажем явно не сочетались.

Триста шагов до чуть ли не светящейся ограды, двести... Переходят на медленную рысь, стена и ворота уже совсем близко, самое время стрелять.

Кружатся в воздухе листья, светит солнце... Если огонь не откроют сейчас, значит, ушли. И что дальше? Пытаться догнать или мчаться ублажать легата, а

может, разделиться? Василис с бандой справится, а вот произведет ли маршал с

одним эскадроном должное впечатление на прибожественного сервиллионика?

Всадники уже у стены, стрелять поздно, о чем, разумеется, сообщает Фурис.

Агас пожимает плечами, но любопытный Йорго высылает своего мышастого

вперед. Что-то то ли чмокает, то ли щелкает, негромкий, явно безобидный звук

отчего-то заставляет вздрогнуть. Второй щелчок... Создатель, это же бешеный

огурец! Защищается как может, хотя он никому не нужен.

— В Фельпе эта дрянь вызревает раньше, — буркнул Карло, потому что устал

молчать. — Кажется, нам достанутся одни головешки.

— То, что поместье покинуто, очевидно, — согласился Фурис, и тут, будто в

насмешку, створки ворот дернулись и поползли в стороны, выпуская

наружу

кого-то в платье военного покроя.

Издали незнакомец напоминал младшего офицера и при ближайшем рассмотрении таковым и оказался, правда, не без странностей. Нет, форма изменилась мало — тенъентский шарф украсила золотая полоса, да на шляпе

появилась кокарда с расходящимися веером молниями. Выглядело непривычно, но терпимо, куда больше удивлял сам офицер. Уже немолодой, похожий на

очень строгую рыбу в мундире, он глядел на маршала как на пустое место. И это

не было ни столичным пренебрежением к провинциалу, ни гвардейским — к

тянущему свою ляжку вояке, а на паркетного, не нюхавшего порошу шаркуна, от

которого тошнит ветеранов любого звания, Капрас не походил.

— Господин командующий, — странным голосом доложил сопровождавший

рыбину разведчик, — усадьба занята боже... при-божественным отрядом...

Разб...

— Прибожественный сервиллионик, — поправил странный тенъент, — выжигает разбойничье гнездо.

— Сперва представьтесь, — холодно велел Капрас. — Потом можете доложить.

Рыбина неторопливо поднесла плавник к кокарде и, не выказывая никаких

чувств — да и откуда бы они у нее? — изрекла:

— Носитель первой молнии северной гвардии Анастас. По приказу сервиллионика наблюдаю за Садовыми воротами. Белая Усадьба взята, разбойники подвергаются должному наказанию.

— Легат Сфагнас здесь?

— Прибожественный сервиллионик в парке у пруда. Я готов вас сопровождать.

— Что ж, — медленно и уверенно, точно перед ним была норовистая лошадь, сказал Капрас, — взглянем на разбойничье гнездо изнутри. В любом случае это

займет меньше времени, чем заняло бы его взятие. Господа, вперед.

Анастас не возражал, не было попыток ни уволочь к прибожественному одного

только маршала, ни хотя бы стать проводником. Впрочем, дорога была как на

ладони, неширокая — проедет либо телега, либо пара всадников, — она полого

поднималась к добротным, но отнюдь не крепостным воротам. В Гайифе до

недавнего времени парки огораживали для красоты и защиты от пасущегося на

окрестных лугах скота, вот в Кагете с ее вечно грызущимися казаронами замки

оставались крепостями. Еще полгода назад Капрас считал это дикостью.

Ехали молча, говорить в присутствии «молниеносящей» рыбины не тянуло, потому Карло и разобрал на пределе слуха что-то очень тихое и очень

неприятное, то тянущееся, то прерывистое. То, что это крики, стало ясно лишь у

самых ворот. Однажды при Карло пьяный в стельку урод пытался резать свинью, и та визжала, пока взбешенный тогда еще корнет не пристрелил бьющееся окровавленное животное, хотя, по чести говоря, стрелять следовало в

забойщика. Только вряд ли в Белой Усадьбе сейчас колют свиней.

Анастас поднял руку, и ворота немедленно открыли. Четверо парней с уже знакомыми кокардами вытянулись по обе стороны обсаженной платанами аллеи, чуть подалее виднелось несколько оседланных лошадей. Больше ничто на

присутствие военных не указывало, а парк и вовсе дышал покоем. Если, конечно, оглохнуть.

— Пр'бжественнсрвлионик н'плщди, — доложил ражий малый, из которого, скинь он мундир, вышел бы отменный бандит. — М'ст н'пчинилище.

— Придется объехать пруд, мост разрушен, — равнодушно перевел теньент.
—

Это с четверть хорны.

— Хорошо, — все тем же ровным начальственным голосом ответил Капрас. —

Четверо остаются здесь, в помощь людям легата.

Не оглядываться, не удивляться, не спрашивать и помнить о циркуляре! О благословенном столичном циркуляре, согласно которому командующий корпусом легату не подчинен. Бумага с печатями и два эскадрона — отличные

аргументы, а крики, кажется, прекратились.

Заваленная рыжими листьями аллея выводила на берег длинного пруда со множеством островков — на одном примостилась беседка, на другом расправлял крылья мраморный лебедь. Пара его живых собратьев неспешно

скользила по водному зеркалу, в которое гляделся красивый белый дом.

Кажется, не горящий.

— Орест Второй, — пробормотал Левентис, и Анастас немедленно обратил на

гвардейца рыбий взор:

— Божественный Сервиллий.

— Подобные особняки вошли в моду при Оресте Втором, — лениво объяснил

Агас, — здешний, видимо, из самых ранних: позднее одно из крыльев стали

завершать башней, с которой можно наблюдать за звездами.

Звезды рыбу, само собой, не занимали, но объясниться она соизволила.

— Именовать Божественного Сервиллия иным образом — оскорблять Создателя.

Агас смолчал, Карло тоже, хотя одернуть тенъента, в присутствии маршала выговаривающего капитану, следовало. Тягостное молчание нарушали лишь

кони, которым парк, при всем его кажущемся спокойствии, не нравился, а

может, они просто чуяли дым. Пруд все тянулся, радуя глаз то островком с купой деревьев, то статуей, затем отряд добрался до речушки, через которую

был перекинут узкий мостик. Мостик украшали огромные мраморные вазы, соединенные провисающими цепями, в вазах вовсю цвели настурции, а к одной

из цепей было прикручено что-то, оказавшееся женскими руками. На этот раз

Капрас не сдержался.

— Снять! — распорядился он, не останавливая коня и не поворачивая головы.

— Теньент, что это значит?

— Я не теньент, я носитель первой молнии.

— Вы — теньент, — Капрас чуть повысил голос, — по крайней мере, пока я не

увижу нового устава, и вы можете поплатиться за свою дерзость. Чей это труп?

— Не могу знать, — философски приняла выволочку рыба. — Я здесь прежде

не проезжал.

— Скорее всего, ее повесили вчера, — доложил через несколько мгновений

Агас. — Не очень молодая, по виду — служанка.

Еще один поворот, статуя бегущего юноши, и аллея раздвоилась: одна устремлялась в сторону дома, другая — к распахнутым воротам, возле которых

белела — опять белела! — чем-то увитая привратницкая и валялись трупы.

— Вы здесь вошли?

— За туями через стену перелезли, — обращения «господин маршал» рыба упорно избегала, — пробрались сюда и часовому голову проломили. Открыли

ворота, а из караулки еще с пару дюжин гадов выскочило, а цацы наши гвардейские замешкались. Пока дотащились, черви полудохлые, моих тут треть

осталась... Но ворота закрыть мы не дали! — Рыба впервые заговорила как человек, и глаза у нее ожили. — Только бандиты, что в доме засели, слышали

пальбу, так что врасплох застать не вышло.

— Был бой?

— Хорошо так резались, сами увидите. Много потеряли, особенно этих... недопесков.

Ну да, «герои», толком не обученные, но преисполненные храбрости, — беда

любого путного теньента, а рыба, судя по всему, была путным. И явно не столичным.

— Вы, часом, не у Задаваки, — Капрас оговорился нарочно, — не в армии Трастиса служили?

— Я был уволен после Зегинского похода. Вернулся в строй по призыву Божественного Сервиллия.

— Здесь неподалеку живет стратег Турагис.

— Будь он проклят... Святотатец!

Капрас вспомнил письмо стратега и подавил опасную усмешку. С точки зрения

рыбы, Турагис был не меньшим святотатцем и богохульником, чем вся прибожественная братия — с точки зрения отца Ипполита. Только глупо кидаться друг на друга из-за молчащего Создателя, когда на юге орудуют мориски, а у тебя под носом разбойники режут обозников и вешают старых служанок. Ветер, видимо, придерживался сходного мнения. Взметнув ворох

красных листьев, он принес на берег омерзительную, напоминающую о смерти

вонь. Несло горелым мясом, и вряд ли виной тому был зазевавшийся повар.

— Успели в амбаре укрыться, крысы, — объяснил тенъент, — сейчас увидите.

Стены каменные, окошки крохотные, рavelин, да и только! Ну, мы дверь подперли и крышу подпалили...

У подпертой какой-то хозяйственной железякой двери валялась женщина с вышибленными мозгами. Средних лет, хорошо одетая, не госпожа, но и на служанку не похожа.

— Выпустить хотела, — пояснил веселый сержант с молнией на кокарде.

— По-

хорошему б к хахалю пихнуть, так не отпирать же было!

За сгоревшим амбаром лежали дворы, где и случилась главная драка.
Пороховой

запах уже рассеялся, но пролитая на утоптанную землю кровь загустеть не успела.

— Господин маршал, — Анастас все же произнес сакраментальное слово,
—

лошадей лучше оставить.

— Пожалуй. — А еще надо оставить эскадрон и... Агаса!

— Левентис, останетесь здесь. Это дело не трудней, чем у дворца Хаммаила.

— Да, господин маршал, мне тоже так кажется.

— Я на вас надеюсь. Фурис, Йорго, со мной.

Неприятно, когда между тобой и твоими людьми высится огромный домина, тем

более такой. Вблизи Белая Усадьба оказалась гораздо хуже, чем виделась с другого берега: ухоженное, с добротными постройками поместье было разгромлено напрочь. Стены — да, остались, и крыши тоже... Но двери и окна

— их что, нарочно высаживали? Обломки мебели, опрокинутые возы и карета с

ни много ни мало, графским гербом, груды поломанной, порезанной домашней

утвари. И трупы. Мужчины, все больше разбойники — одеты разномастно, ремни и перевязи с ножнами выдают характер занятий, на мертвых рожах

—

гримаса последнего ожесточения, но женщины, но детишки... Меньше, конечно, чем взрослых, и все равно много, слишком много... Ну куда ж вы лезли-то, надо

было прятаться! Среди тел и обломков деловито снуют люди с молниями, уносят своих, обшаривают чужих. Раненых не видно — тут били

исключительно насмерть... или успели всех прирезать?

— Господин маршал, — тихо спросил Фурис, — вы помните аббатство в моей

Кирке?

Капрас помнил. Там орудовали мятежники, здесь — сперва разбойники, затем

императорский легат, но разницы не было. Маршал Капрас ее, во всяком случае, не заметил.

Глава 2

ГАЙИФА. МИРИКИЯ. БЕЛАЯ УСАДЬБА

400 год К. С. 3 — 4-й дни Осенних Волн

1

Высокий постамент с обломанными выше колен мраморными женскими ногами

и четыре простецкие телеги вокруг. Оглобли задраны к небу, на них насажены

люди. Кто-то еще даже шевелится, но уже не кричит, а вокруг то же, что и на

служебных дворах, — трупы, обломки, осколки, брошенные впопыхах мешки, целые и лопнувшие. Только среди вытоптаных клумб и узоров из

разноцветных камешков разгром бьет в глаза еще сильнее...

— Прибожественный сервиллионик на балконе, — докладывает Анастас, чуть

ли не пританцовывая от странного для такой рыбины возбуждения.

Действительно, на узорчатую балюстраду облокотился некто худощавый, с непокрытой лохматой головой. Заметил, приветливо махнул рукой и сразу исчез

в лишенном двери проеме.

— Прибожественный сервиллионик сейчас спустится.

— Хорошо. — О тех, кто на телегах, Капрас спрашивать не стал. Живодеры получили то, на что долго нарывались, не расстреливать же их, как пленных или

даже мятежников. — Благодарю вас, тенъент, можете быть свободны.

Карло не сомневался, что Анастас дождется своего прибожественного, но внезапно ожившая рыбина ринулась к телегам. Маршал остался со своими офицерами. Их, слава Создателю, зрелище не притягивало.

— Казнь должна производиться по закону, — изрек вполне пришедший в себя

Фурис, — иначе она не укрепляет справедливость, а способствует произволу.

— Согласно циркуляру, легат имеет право выносить смертные приговоры.

— Если все должным образом оформлено. — Сбить бывшего писаря было невозможно. — Где приговор и копии с него? У меня нет уверенности, что

известны хотя бы имена казнимых, а как и с кого в подобном случае требовать

возмещения причиненного преступниками ущерба?

— Я скажу легату. — Воистину, чернильный зануда послан корпусу свыше!

Легат может ненавидеть крючкотворство, но гайифец есть гайифец, если его и

можно посадить на цепь, то на бумажную. — Хотелось бы знать, куда делся

хозяин? Даже четырежды сумасшедший не устроит в своем доме такой свинарник! Парк, там, где не было драки, в полном порядке.

— Напрашивается вывод, что усадьбу разгромили разбойники, следовательно, хозяин не может их возглавлять.

— Если только не сбежал, услышав, что поблизости появились войска.

— Тоже вероятно, однако местные уроженцы вряд ли стали бы высаживать окна

и крушить статуи, а это сделано не сегодня. Господин маршал, к нам идут...

— Спасибо. — Карло, не оборачиваясь, чуть возвысил голос. — Я не раз говорил, что осенние шторма временно лишат морисков возможности использовать корабли для переброски резервов в нужное место. В этих условиях, подготовив и собрав достаточную армию, можно отвоевать некоторые

прибрежные участки. Нанося удары всей силой по отдельным корпусам...

— Уже воюете? — весело спросили за спиной.

Якобы не подозревавший о приближении легата маршал обернулся и столкнулся

с задорным, смеющимся взглядом.

— Вот мы и встретились, — императорский посланец оказался еще моложе, чем

думалось, — и раньше, чем собирались. Лидас сервиллионик, к вашим услугам!

— Маршал Капрас, — на представление отвечают представлением. — По дороге мне попался разграбленный обоз, решил принять срочные меры, но вы

меня опередили.

— Отыскать бандитов в этой кошачьей Мирикии проще, чем губернатора.

Видимо, их больше... — Легат по-дружески подхватил Капраса под руку. — Не

рискну приглашать вас в то, чем теперь является этот дом, но у пруда есть беседка со скамьями и столом. Вы вполне можете сесть спиной к этим злосчастливым телегам.

— С вашего разрешения я сяду лицом к собеседнику, — возразил Карло, разглядывая прибожественного. Лидас Сфагнас, несомненно, был до мозга

костей гвардейцем, Капрас и сам некогда носил волосы ниже плеч и подводил

черным глаза. Став наемником, он долго привыкал к короткой — в походе не до

куаферов — стрижке. Прибожественный же, сменив мундир, сохранил гвардейские локоны, вот только гребень они, похоже, видели нечасто.

— Даже не знаю... — опять улыбнулся легат. — С чего начинать, не знаю.

Предложил бы пообедать, только у меня ничего нет, а из мяса тут найдешь разве

что человечину. Меня, что бы ни думали здешние чинуши, на нее как-то не тянет, и вас, видимо, тоже. Есть еще лебеди на пруду, все равно им зимой без

хозяев конец — крылья подрезаны.

— Мне смерть от голода пока не грозит. — После писем Турагиса и самого

Сфагнаса Карло ожидал встретить что угодно, но не ясные глаза и странные

шутки. — Да и у моих людей седельные сумки никогда не пустуют.

— Полезная привычка, прикажу с завтрашнего дня возить с собой сухари и так

далее... Сударь, нам слишком многое надо обсудить, в один разговор мы не уложимся.

— Мне тоже так кажется. Как вы знаете, я получил ваше письмо...

— Более того, вы не сгнули при моем приближении. Минутку!

Говорить с помощником, судя по прическе, тоже гвардейцем, в присутствии

маршала легат все же не стал. Капрас сидел на белой — проклятье, здесь все

либо белое, либо черное, обугленное, — скамье и смотрел на пару стройных

молодых людей. Они что-то живо обсуждали, а над ними вился дым — башня в

парке никак не прогорала до конца. Маршал поежился: от воды тянуло осенним

холодом, а может, не от воды, а от близости смерти. На пожары и кровь

Капрас

глядел дольше, чем Лидас и его ровесники — на солнце, а в Кагете трупов
у

дороги вообще не замечали... Карло тоже не замечал, а тут всей кожей
чувствовал — лежат! В нескольких шагах от пруда с нелетающими
лебедями и

кружевной беседкой на рукотворном полуострове.

— Закатные твари! — Вернувшийся легат с маху бросился на мраморную
скамейку. — Я думал, потери все-таки меньше...

— Теньент Анастас доложил, что застать разбойников врасплох не удалось.

— Дурака я свалял, — не стал вилять прибожественный, — вот и положил
треть

своих. Думал, бандиты, перепившись с очередной добычи, оружия поднять
не

смогут, а кто на ногах — в бегство ударится, так ведь нет! Получил

полноценный бой, и еще какой! Ни один сам не сдался, брали разве что
раненых

и оглушенных. Главарь в донжоне этом дурачком сгорел, не поверите, до
последнего богохульствовал...

Карло промышчал что-то неопределенное. Проклятья, которыми его самого
осыпали схваченные в Кирке мятежники, вполне сходили за богохульство,
но

отец Ипполит записал в еретики тех, кто соглашался считать Ореста
посланцем

свыше.

— Добровольцев набрать не штука, но кем я своих конников заменю? —
Легат

по-школярски поставил локти на теплый от солнца каменный столик и
положил

на сцепленные руки подбородок. — А у вас что новенького?

— Получил доклад с границы. — Такого не утаишь, да и зачем? — Я не
спешил

бы судить чиновников, хотя, как всякий военный, их и не люблю. Мы им не
помогаем, своих сил нет, они решили обратиться к Создателю...

— К Создателю?! — присвистнул сервиллионик. — Чинуши?!

— Губернатор Мирикии и субгубернатор Кипары направлялись в обитель

Гидеона Горного, — догадки про Баату Карло оставил при себе, — и по
дороге

попались в лапы необычно большой банде. Судя по следам, которые видели
мои

драгуны, этой сволочи собралось не меньше двух эскадронов.

Превосходительных захватили вместе с обозом, и почти сразу же банду
атаковал

бакранский отряд, который добычу отбил и угнал в Кагету. За Рцук мои

драгуны, само собой, не совались, но, похоже, мы с вами теперь
единственное

начальство на две провинции: губернатора Кипары бакраны захватили еще
раньше.

— Как тут у вас... у нас занято. — Теперь легат накручивал длинную прядь на

украшенный золотым перстнем палец. — А ведь я на вас злился, было дело!.. На

то, что император дерется с морисками, а вы в тылу застряли. Я даже знал, с

каких слов начну разговор: «Почему вы, маршал, еще не в пути? Я полагал, корпус давно на марше, его так ждут в столице. Припасы, снабжение? Не

беспокойтесь, сейчас все пойдет по-новому, вам быстро все соберут и доставят.

Воля божественного Сервиллия должна быть исполнена!..»

— Разумеется, — на всякий случай согласился Капрас. — Но отправка обозов, как видите, дело не такое уж и легкое.

— Еще бы! Это в дороге все казалось очевидным... Приехал, а тут готовое приложение к вашим докладам. Конные банды режутся с пришедшими из-за

реки бакранами, все всех грабят, даже солдат не боятся, а превосходительные

как провалились... Пришлось застрять в Мирикии и, в отсутствие местных болванов, наводить порядок.

Прибожественный тряхнул головой, пытаясь отбросить лезущие на глаза волосы, но те были слишком длинными. Черные пряди придавали легату сходство с молодым невыезженным конем — и за ухо в шутку схватит, и копытом по лбу врежет. Не со зла, сдуру.

— С вашими силами вы ничего не добьетесь, — твердо сказал Карло. —

Здесьняя банда была не так уж и велика, но потери в самом деле
непозволительные. Нужна армия, хотя бы на первое время, пока не удастся
собрать и обучить милицию. Вы не представляете, как я стремлюсь
заняться

тем, что умею лучше всего, то есть войной по всем правилам, но свободные
от

морисков провинции должны исправно поставлять провиант, фураж,
орудия, рекрутов. А для этого, как вы правильно сказали, нужен порядок.

— Хорошая речь, — сверкнул глазами легат, — но я и без нее поумнел...
Только

дурак упорствует в своих ошибках, а Сервиллию дураки не нужны, не
любит он

их... Вернемся в Мирикию, тут же напишу, что вам нужно задержаться
самое

малое до Излома. Это — главное, остальное обсудим в дороге, мне эти
лебеди

что-то поднадоели.

— Вы хотите ехать прямо сейчас?

— Естественно! — Сфагнас был само удивление. — Свое дело мы сделали,
предоставим остальное воронам, да и окрестное дворянство съезжается. Я
их

созвал, и я не губернатор, чтобы теряться.

— В таком случае в самом деле нужно поторопиться. Я присоединюсь к
вам

послезавтра.

— Почему?

— Потому что здесь завершено далеко не все, а завтра я должен заняться пушками. Тут каждый день на счету. Господин Сфагнас...

— Как вы меня назвали?

— Мой офицер для особых поручений служил с вами и назвал ваше...
прежнее

имя.

— Здесь кто-то из наших?! Кто?

— Агас Левентис, я его к вам пришлю... Сударь, в мои годы трудно отказываться

от привычных имен и званий, да и в них ли дело?

— И в них тоже, но, пока мы одни, говорите как вам удобней. Только, во имя

Леворукого, зачем вам эта скотобойня?

Затем, раздери тебя кошки, что услышанное и увиденное нужно переварить.

Затем, что маршал Капрас отнюдь не горит желанием стоять рядом с прибожественным сервиллиоником на встрече с мирикийскими дворянами, среди которых может оказаться и Турагис. Затем, что письма, посланные с

дороги, перехватить труднее.

— Я считаю своим долгом остаться, — как можно уверенней произнес Карло,

— потому что нужно проверить окрестности. Часть разбойников могла находиться за пределами усадьбы, в таком случае они вернутся, а значит, их

нужно встретить. Мои драгуны с этим справятся лучше ваших добровольцев, к

тому же при мне больше людей, и они не измотаны схваткой. Кроме того, придется осмотреть поместье, составить и засвидетельствовать акт о состоянии,

в котором оно находится, провести хотя бы предварительную опись имущества

и обеспечить его охрану. Ну и оставлять покойников воронам неразумно. Еще

достаточно тепло, и может вспыхнуть зараза, а пустая усадьба притянет к себе

другие шайки и мародеров из местных. Вы не знаете, где хозяин и связан ли он с

разбойниками?

— Понятия не имею, но пособники свое получили...

— Пособники?

— А как прикажете называть тех, кто обихаживал этих живодеров? Ну ничего, теперь все, слышите — все! — поймут, как нельзя поступать. Приютили, понимаете ли, мразь всякую, кормили, поили... Любили, между прочим!

— Возможно, у них не было выбора.

— Выбор есть всегда, — отрезал легат. — У тех, кто здесь болтался, он точно

имелся. И у тех, кто сидит по домам, когда нужно морисков бить, тоже... был.

Больше не будет!

— Значит, — подловил собеседника на слове Карло, — иногда выбора все же не

бывает?

— Заговорился... Выбор за ними. Либо они возьмутся за оружие и исполнят

свой долг перед Создателем и Сервиллием, либо их вознесут поближе к

лучезарному светилу. Пусть узрят свет поярче, раз уж огонь, что зажег

император, им не нужен. Я странно выгляжу в ваших глазах? Погодите...

Когда

дойдете до Паоны, вы сами поймете, кто нас ведет! Он — не Орест. Он —

Божеественный Сервиллий!

— Я готов это признать...

— Но еще не признали! Неудивительно: Орест был Орестом, принц и принц.

Мы его держались лишь потому, что остальные еще хуже были, и вдруг...

Теперь

за ним нельзя не идти, и мы идем, только ведет нас отнюдь не сын болвана

Дивина!

Мы знали, что остановим морисков, и мы остановили, хотя те же мы месяцем

раньше бежали, бросая пушки и захромавших лошадей! Мы знаем, что мы

победим и вернемся — живыми, веселыми, гордыми! Пока вы не пойдете с ним

и по его приказу в бой, вы будете сомневаться, потому что наш разум к

подобному не готов... Я ни разу, понимаете, ни разу не усомнился в победе и в

том, что со мной ничего не случится!

— А те, кто погиб... Что чувствовали они?

— Те, кто умирал, видели то, что нам пока недоступно... — чуть ли не с грустью

сказал Лидас. — Когда-нибудь это увижу и я... Но сначала мы с вами очистим

север, только учтите: миндальничать я не дам ни вам, ни кому бы то ни было! Я

видел, как вы смотрели, вернее, не смотрели на казненных. Привыкайте. Или

вы, вроде епископа Мирикийского, против подобных мер?

— Я просто не вижу в данном случае смысла. — Если его не проймет этот довод, его не проймет ничто. — Разбойников нужно казнить прилюдно и законно. Это убедит порядочных обывателей в том, что власть не дремлет, ну а

мерзавцы, прежде чем кого-нибудь зарезать, четырежды подумают. Или хотя бы

дважды.

— А ведь вы опять правы, — легко согласился легат, — я привык действовать не

откладывая, однако казнь без зрителей полезна бандитам, но не отечеству.

Больше этого не повторится, обещаю. Что ж, оставайтесь, но ночевать в

большом доме лично я не советую, уж лучше палатка.

— Благодарю за совет.

— Взаимно. И передайте бродяге Агасу, чтоб поторопился, а то я без него все

выпью и всех съем.

В последнее Капрас не поверил, в первое, кстати говоря, тоже.

2

Палатка не понадобилась, потому что парни Василиса наткнулись на жилище то

ли управляющего, то ли старшего садовника. Одинокий домик в дальнем углу

парка каким-то чудом остался цел. Похоже, перетрудившимся разбойникам

стало лень разносить еще и его, а может, здесь обитали те самые пособники, о

которых говорил Лидас, или выручила все еще густая листва, но симпатичное

строенье с черепичной крышей сохранило и двери, и окна. Мало того, в

законом ящике обнаружилось жаркое, которое оставалось лишь разогреть. К

трапезе поспела и хозяйка — толстая полосатая кошка, ничтоже сумняшеся

вспрыгнувшая Фурису на колени. От неожиданности бывший писарь выронил

уже насаженный на вилку кусок, тот плюхнулся обратно в тарелку, полетели

брызги.

— Кошка, — констатировал доверенный куратор походной канцелярии.

— Несомненно, — кивнул маршал. Урчащая животиная, лампа с желтыми кувшинками, задернутые занавески и аромат подливы были чем-то очень правильным, тем, что должно существовать всегда и везде. В отличие от чудовищного тумана за окном и еще более чудовищных дел последних месяцев.

— Иногда мне кажется, — признался Капрас, — что я только лишь еду в Фельп.

Заночевал на постоялом дворе, переел на ночь и вижу кошмар... Кругом творится то, чего просто не может быть, и добро б оно было просто страшным

или опасным, как те же мориски... Оно же еще и нелепо! Дурацкие колючие

корабли, козлиные всадники, оружие казароны, хвосты из молний...

— Однажды я уснул в жаркий полдень. — Фурис упорно пытался донести вилку

до рта через топчущуюся по его коленям полосатку. — Рядом на столе лежал

вскрытый гранат, который привлек пчелу. Так вот, за миг до пробуждения я увидел сон...

Воспоминания прервала опять-таки кошка. Толкнув доверенного куратора походной канцелярии под локоть, животиная сиганула на пол, и тут же раздалась

голоса и стук. Карло на всякий случай принялся торопливо очищать свою

тарелку: такой вот гомон, когда все распоряжения отданы и офицеры отпущены, слишком часто оборачивается немедленной скачкой.

— Господин маршал, — доложил Йорго, — в усадьбу через Садовые ворота хотел попасть молодой человек с собакой. Драться не пытался, бежать тоже, хотя мог — он, в отличие от часовых, был верхом. Вы говорили, нужно

разыскать кого-то из здешних, а этот называет себя сыном управляющего. На

разбойника не похож.

— Давай его сюда... Минут через десять.

Вернувшейся кошке от колен было отказано, доедали молча и быстро — возникший из тумана незнакомец разбудил прикорнувшую было тревогу. Потом

ординарец убирал со стола, а Карло бездумно разглядывал чужое жилище, в

которое вряд ли кто-нибудь вернется... Хотя есть же у графа какая-то родня, да и

сам он вполне может быть жив. Турагис считал хозяина Белой Усадьбы мерзавцем, нужно выяснить подробности... Возможно, вдовец привечал разбойников из страха, только бешеных собак лучше не подкармливать.

Последнее Карло сказал вслух и услышал от Фуриса, что бешеные собаки ничего не едят. Не могут глотать.

— Надо же, — пробормотал маршал. Больше до возвращения адъютанта не было произнесено ни слова. Хмурый, как и все в этот вечер, Йорго ввел в

комнату высокого опрятного парня, совсем молодого. Правильное лицо и добротное платье делали его похожим на дворянина, отсутствие шпаги и шляпа

без пера напоминали, что полосатая муха — еще не оса.

— Пагос Тагарис, — доложил адъютант. — Сын покойного управляющего... То

есть уже три года покойного.

— Это так, господин. — Пагос со странным выражением на лице разглядывал

гостя, которому самое место было в господском доме. Из-под стола вылезла все

та же кошка, встала на дыбки, пытаясь запустить когти парню в ногу, тот поморщился:

— Дыма, кыш! Не до тебя...

— Судя по всему, — осенило Карло, — я сижу за вашим столом.

— Ничего страшного, господин. Это большая честь для нас, а господин граф

никого не принимает. Вообще никого. Я могу спросить, где моя мать?

— Ваша мать?

— И сестра. Дыма, отстань!

— Садись, — велел Карло, понимая, что добрые драгуны предпочли ничего не

объяснять, а поднявшийся на закате туман позволял видеть разве что спину

идущего впереди. — Ты когда уехал и зачем?

— Позавчера утром. У господина графа в Мирикии есть поверенный, нужно

было отвезти бумаги.

— На дорогах сейчас опасно, ты уехал один?

— Нет, господин, нас было семь человек. Мы везли овощи из теплиц, у нас очень хорошие овощи. Прежде были цветы, но господин граф, овдовев, велел

все переделать.

— Как вышло, что ты оставил спутников?

— Я решил вернуться раньше.

— Почему?

— Сам не знаю, господин... Просто понял, что должен ехать. Я слышал, что в

Кипаре нападают на обозы, но у нас, хвала Создателю, тихо. И потом, у меня

собака и хорошая лошадь. Я знаю окрестности и сумел бы объехать любую засаду.

Обходить засады, чтобы угодить в ставший кошмаром родной дом. Если что и

нужно объезжать, так это Белую Усадьбу, но бедняга ехал именно сюда. Отчего-

то маршал не сомневался, что перед ним не разбойник и не пособник, хотя подкрепить свою уверенность ничем не мог.

— Господин... Мне сказали в «Радостной цапле», что у нас солдаты. —

Глаза

парня растерянно шарили по комнате. — Я так обрадовался! Сейчас все хотят

заполучить на постой эскадрон... Господин, что-то случилось? Здесь? Дыма, да

уйди же ты!

— Сколько людей оставалось в усадьбе? Без вас?

— Как всегда. — Он все еще ничего не понимал и уже боялся спрашивать.
— В

большом доме двадцать семь, а всего, с конюхами и садовниками, восемьдесят

шесть, и еще дети...

— Вы, я полагаю, умеете писать, — подал голос Фурис. — Утром вам придется

составить полный реестр.

— Да, господин... Во имя Создателя, какой реестр?!

— Белую Усадьбу захватили разбойники. Сегодня их уничтожили, но ты первый

из ее обитателей, которого мы видим живым, — объяснил Капрас и малодушно

добавил: — Конечно, кто-то ушел Мирикийским трактом.

— Разбойники? — Тагарис казался оглушенным. — У нас?.. А господин граф?!

Он... где?

— Опиши его.

Под описание не подошел никто из покойников. Хозяину Белой Усадьбы было

слегка за пятьдесят, он был худощавым, чернобровым и при этом совершенно

седым, носил родовой траур и чисто брился. Его дочерей — беловолосых девочек семи и одиннадцати лет, тоже нигде не видели, а граф их от себя не отпускал. Вторым смыслом его существования были лошади, но в ближних конюшнях стояли только разбойничьи верховые и два длинногривых крепеньких

пони.

— Поскольку, — подвел итог расспросам Фурис, — ни разбойники, ни люди

императорского легата никого не хоронили, можно предположить, что хозяин с

семейством заблаговременно покинул усадьбу. Своих родных, Тагарис, опишите

драгунам, хотя наиболее действенным будет утром осмотреть погибших.

— Да, господин, я... посмотрю. Если господин граф уехал, моя мать должна

была уехать с ним. Она — молочная сестра госпожи Элпис... сестры господина

графа. После смерти хозяйки мои мать и сестра занимались девочками, только...

— голос Тагариса дрогнул, — только я ничего про отъезд не слышал.

— Отъезд мог быть внезапным, — предположил Фурис, но Капрас уже понял, что зря почти порадовался за парня и его уцелевшую родню.

— Но, господин... Дома все как всегда. Если только они совсем сюда не заходили...

А они заходили, потому что жаркому нет и суток, и хлеб мягкий!

— Ты с собакой, — отрывисто сказал маршал, — может быть, она найдет.

Собака нашла. Не прошло и часа, как Йорго срывающимся голосом доложил, что женщина с разможенной головой у сгоревшего амбара была матерью

Тагариса. Пособницей, как сказал бы сервиллионик. Сестра бедняги, как и граф

с семейством и кровными лошадьми, исчезли бесследно, куда бесследней прохлаждающихся в Кагете превосходительных.

Маршал выслушал, отправил докладчика спать, лег, отвернулся к стенке и принялся считать драгун. Он считал их, пока не увидел, как старый Турагис сажает Гирени на длинногривого солового пони и смеется.

З

Утро началось затемно, то есть оно еще и не думало начинаться. От окна тянуло

сыростью и прелыми листьями, а по стене прыгали тени от фонаря, который

держал всклокоченный Йорго.

— Там... На пожарище... — Адъютант явно пытался подобрать слова, а они не

подбирались. — Драгуны видят... Все видят.

— Что видят? — Капрас уже протягивал руку за мундиром. Сколько же он

спал?

Часа два? Три? Но какой славный сон, вот бы ему сбыться!

— Она... Матушка Тагари.

— Так она жива?!

— Нет... Мой маршал... Драгун говорит, сквозь нее видно. И она опять... отпирает...

— Разрубленный Змей!

Они нырнули в туман, будто в чан с известкой. Явившийся доложить о призраке

сержант тащил фонарь, превращенный непроглядной мглой в светящийся одуванчик. Сбиться с дороги было невозможно: по сторонам стеной стояли стриженные туи, впереди выла собака. С нее и началось. Не желавший умолкать

пес допек начальника караула, и он велел хозяину «унять скотину». Тагарис, не

говоря ни слова, поднялся. Собака выла у амбара, а не гнать парня в одиночку

туда, где убили его мать, у драгун совести хватило. Пошли втроем и увидели.

Собственно говоря, шести глаз вполне хватало, чтобы удостовериться явление

призрака и даже включить в рапорт. Подобное, само собой, случалось нечасто,

но ничего невероятного в нем не было, да и опасности привидения не

представляли. Не выходцы и не закатные твари... Маршал с чистой совестью

мог остаться досыпать, только есть пакости, которые начальство делит с подчиненными. Если оно, конечно, не Забардзакис.

Под ногу сунулся какой-то дурацкий корень, Карло споткнулся, но устоял, и

вообще нога была правой, так что дурной приметой это не считалось.

— Осторожней бы, — сказал сержант, поднимая повыше свой «одуванчик».

Берегом идем.

Туман превращал тьму в неопрятные седины. Где-то спали лебеди с

подрезанными крыльями, где-то вбирала ночную сырость, превращаясь в грязь, вчерашняя зола. Были б видны звезды, можно было бы понять, который час, а

так... Вроде бы призраки исчезают перед самым рассветом: если матушка Тагари

пропадет до их прихода, значит, почти утро.

Успели. Туман набивался в глаза, будто снег; чтобы хоть что-то разглядеть, пришлось подойти совсем близко. Каменные, потерявшие деревянную крышу

стены уходили вверх, притворяясь горами или древней башней, а скорее всего, они и были когда-то таковой. Собака, крупная кагетская овчарка, выла, задрав

голову туда, где могла находиться луна. Рядом стоял хозяин. Сын... Призрак его

не узнавал, он вообще не оглядывался, пытаясь отпихнуть прозрачными

руками

что-то вроде бороны, подпиравшей окованную железом дверь, от которой отказался даже огонь. Чтобы свернуть зубчатую холеру, требовалось трое-четверо мужчин из плоти и крови, причем не абы каких, но, говорят, призраки

забывают все, кроме самого для них главного... Чуть светящаяся худенькая фигурка пыталась ухватиться за станину, только руки проходили сквозь металл.

Женщина вряд ли это понимала, она знала лишь одно — сдвинуть, оттащить, выпустить... Карло сделал еще шаг, теперь он стоял даже ближе сына и видел

напряженное лицо «пособницы», закушенную в невозможном усилии губу...

Смотреть на такое было невозможно, Капрас и не смог.

— Драгуны, — рявкнул он, — хватит пялиться! Помогите!..

Дикий приказ никого не удивил, напротив. Сержант и еще

двое ринулись к станине. Отвалить ее удалось не сразу, а ведь дорвавшиеся до

хоть какого-то действия солдаты себя не жалели! Молодцам сервиллионика

одной бороны показалось мало, к порогу подкатили еще пару жерновов и

набитые песком бочки. Отвалили и их, оставшаяся без опоры дверь повалилась

вперед. Вояки отскочили, женщина, не будь она уже мертва, погибла бы на

месте, но опаленное чудище прошло сквозь сотканное из тумана и света тело и

грохнулось оземь, а матушка Тагари кинулась в открывшуюся дыру. Капрас, будто пришитый, двинулся следом и уперся в тошнотворную грудку на пороге.

Разбойники до последнего пытались вырваться... И богохульствовали они, надо

думать, тоже до последнего, но призрака обгоревшее мясо не задержало. В

глубине черного провала женский силуэт казался до невозможности четким.

Светящиеся руки то сжимались в кулаки, колотя по невидимой стене, то обшаривали ее, то царапали...

— Когда рассветет, — хрипло велел Капрас, — найдите ломы и разбейте стену.

Это еще предстояло сделать, но маршал уже знал, что там найдут. Вдовый граф, две белокурые девочки и сестра Пагоса Белую Усадьбу так и не покинули.

Через полчаса Карло молча поднялся в седло. Запах гари преследовал маршала

до заваленных скисшими сливами одичавших садов. Вчера Карло и помыслить

не мог, что хмельная вонь окажется спасением, а она таки оказалась. Пьяные

птицы улетели или уснули. Возможно, конские копыта и давили пестрые тельца, ночь и туман не позволяли разглядеть даже стволы деревьев. Все, что осталось

Капрасу, — это грива и уши его лошади да смутная фигура едущего первым сержанта. Карло никогда не имел склонности к поэзии, но залитая белесой

мглой дорога казалась отражением того, что творилось на душе, хотя могло быть

и наоборот.

Глава 3

ТАЛИГ. АКОНА

400 год К. С. 4-й день Осенних Волн

1

Мясо юной свиньи было достойно лучшей из подлив, и Мэллит не выдержала.

Нет, мясной сок с двумя жалкими травками не убил бы кушанье, как не убивают

бедные одежды истинную красоту, но шелк и бархат помогают ей предстать в

полном блеске!

— Мы успеем, — уверяла гоганни подругу. — Лучше пусть твой брат подождет, зато к сытости прибавится наслаждение.

— Он все слопает, даже копыта, — названная Сэль улыбнулась, — но я хочу научиться. Пошли.

Кухня была велика и при всей своей чистоте лишена порядка, а главная над ней

исполнена добродушия. Бренда готовила сытную, скучную пищу, которую поглощают уставшие мужчины, не зная, что ежедневный ужин может стать праздником. Мэллит было жаль их и жаль отличного мяса, превращаемого то в

сухие опилки, то в обожженные подметки. Гоганни встала к печи, и обитатели

дома познали хорошее — только зачем делать мало, если можно сделать все? На

рынке стали покупать сметану и твердый сыр, а подобный Флоху Проэмперадор

прислал специи; не было лишь красных соусных плодов, слишком нежных для

долгой дороги, но для подливы восьми и одной травы они не нужны.

— Недостойн...

— Мелхен! Ты опять?!

— С тобой я забываю, что надо говорить не как в родном доме. Я всегда рада

видеть Герарда, только пусть сегодня он помогает своему маршалу на три четверти часа дольше.

— Не волнуйся, он вечно опаздывает... Что мне делать? Тереть сыр или траву

резать?

— Травы должны отдохнуть в прохладной воде и обсохнуть на полотне...

Почему, когда ждешь, время ползет больной змеей, а когда не успеваешь, летит

серым в серебряных пятнах мориском? Мэллит успела лишь натереть и смешать

с пряностями сыр, когда дважды и еще один раз ударил дверной молоток.

Сегодня названный Герардом явился раньше срока.

— Это потому, что мы не готовы. — Сэль на мгновение задумалась. — Ничего, будет резать лук. От Норы никакого толку, а ты свое уже отплакала...

— Встречай торопливого, — улыбнулась Мэллит, выбирая из пяти чесночных

головок лучшую, и подруга убежала. Три головки гоганни отвергла сразу, две

казались родными сестрами.

— Да возьмите по зубчику с каждой, — подсказала та, что готовила, не умея. —

А что останется, на холодное пусти... Ой, барышня!

Мэллит тоже услышала короткий мужской вскрик и рычание, но рвалось оно из

человеческой глотки. Туда пришла беда, туда побежала Сэль! Не помня себя, Мэллит рванулась к двери, чтобы увидеть, как, пошатываясь, пятится

приставленный к двери, как в грудь ему вонзается метательный нож...

— Грабители! — Сэль хватает гоганни за руку. — Много...

— Сюда! — зовет добрая Бренда. — Сюда, барышни!

— Погреб под кухней! — шепчет вжавшаяся в нишу Селина. — Скорей...

— Нет! — У дверей — страшные, но под окнами спальни растёт дерево. —

Прячься... Ничтожная приведет мужчин!

— Мелхен...

— Я смогу... Через окно.

— Давай!.. Но сперва я... уведу...

Подруга поняла всё и сделала многое. Выскочила навстречу преступным, громко

крикнула, обернувшись в сторону кухни, «Мелхен, Бренда — скорее в погреб», и сама бросилась бежать.

— Вот! Вот эта... Белявая!

Двое тяжелых и сильных пустились в погоню. Топоча, они промчались мимо

Мэллит, и девушку обдало запахом гнилого лука. Она долго не сможет есть лук... Даже лучший. Из прихожей крикнули что-то гадкое, там оставались чужие, они стерегли вход, но гоганни знала иные дороги. Сбросить туфли, котенком скользнуть к лестнице, прочь от загоняющих иную дичь злобных псов, и вот она, скорлупа древнего воина. Рыцарские доспехи, так их зовут, закрывают

от тех, кто у двери: Мэллит видит злобных, они ее нет!

— Видать, обе там — хрипит первый. — Сучонок-то две...

— Красавчик същел! Была бы девка, а уж он...

Сказанных дальше слов Мэллит не знала, но в них были грязь и злоба. Во имя

Создателево и Кабиохово, засов на садовой двери! Кузнец исполнил заказ, но

плотник придет только завтра... Ключ в нише у лестницы, его нужно взять!

Пусть злобные отвернутся хоть на два удара сердца. Тогда она успеет...

Внизу грохочут и рычат. Значит, Сэль и Бренда закрылись в погребе, там толстая

дверь, но у плиты лежит топор... Бренда могла о нем забыть.

— Э! — Один из двоих тычет пальцем в глубь коридора. — Никак за сундуком

кто... Ну-ка, глянь!

— Не нукай, не запрягал!

Отвернулись. Пора!.. Лестница пуста... Нет! У нижних ступеней два тела.

Старый домоправитель и его жена. Да отворит Луна им дверь в лучшее...

— Фу ты, котяра! — рычат страшные, но вот она, ниша. Как же тяжелы здесь

ключи! А теперь вверх, вверх, пока те не смотрят.

Гоганни взлетела по лестнице, пронеслась коротенькой анфиладой, вбежала в

спальню. Задвинуть засов, заткнуть юбку за пояс, распахнуть окно... Хвала всем, кто есть, его еще не замазали на зиму. Толстый ясень тянет навстречу ветви, кажется — близко, но прыгать придется... Если промахнешься... Как можно слушать свой страх, когда внизу беда, а между ней и подругой всего лишь дверь?! Мэллит проверила ключ и прыгнула, нога соскользнула, но руки

вцепились в толстый сук, и все стало просто. По ветке — к стволу и по нему

вниз, в кусты, чье имя не вспомнить. Сад пуст — подлые не догадались выставить стражу, — мерзнут в ожидании зимы убранные гряды, памятью о

смерти встают сухие мальвы. Брошенная тачка, куча мертвых веток, прогоревший костер, снова кусты, ограда... Наконец-то! Но через нее еще

нужно

перебраться. Старая яблоня обещает помощь, ее ствол толст, а сучья кажутся

надежными. Добраться до развилки, пройти по изогнутой ветви и вот он, верх

стены. Переулок безлюден, да и что толку колотить в двери, за которыми нет

мужчин? Закричать?! Кто-то услышит, и первыми будут сами убийцы... Ограда

высока, а внизу — канава, остается вцепиться в край старой кладки. Ладони

соскальзывают, падение становится прыжком, черная вода обжигает холодом, но

ноги целы. Всё, теперь бежать.

По переулку до улицы, мимо садов... Заколоченный дом, в другом ждут сына и

внуков две старухи, они не помогут... Вот и Мощеная, тоже пустая, но на

площади должен быть патруль! Должен, во имя Кабиохово! Здесь уже можно

кричать, и Мэллит кричит. Две горожанки разевают рты, осанистый старик

шарахается в сторону. Дальше, дальше, к площади... Мирным и неразумным не

объяснить. Будут вздохи и бьющие по бедрам руки, а нужна сила... Как длинна

дорога, как слеп и неповоротлив покой!

Собственноручно вручить дочери письмо от матушки и рассказать, как та устроилась в Старой Придде — может ли быть повод достойней? Тут даже старый Катершванц не придерется, а завтра Ли отлучится на целый день. За

старшего останется Эмиль, но с ним всегда было проще.

— Завтра явлюсь к вам на прием, — пригрозил Арно. — С прошением о переводе к «фульгатам».

— Разве для этого требуется виза командующего армией? — Герард мог с ходу

назвать любого полководца любой эпохи, но в жизни оставался балда балдой. —

Насколько мне известно...

— Про нашу семейку тебе известно маловато, — хмыкнул виконт Сэ. — Ли надо объезжать за четыре хорны на пегой кобыле, а с Эмилем, если его загнать в

угол, можно договориться. Хотя сам Ли, было дело, заставил Рафиано отпустить

его из оруженосцев и на правах отпущенного удрал в Торку прежде, чем кто-то

что-то понял. Ему, видишь ли, было можно, а я сиди при штабе, и все из-за паршивого смерча! Если б не он, ни к каким бы «гусям» я не попал. Руппи...

Фельсенбург угодил к нам дважды, и никто его на цепь не сажает. Ладно б еще

мать боялась, но она ничего против войны не имеет... О! Глянь-ка...

Городская дурочка, босая, в подоткнутой чуть ли не до пояса зеленой юбчонке с

воплями выскочила из-за угла и, будто за ней гнались закатные твари, пошла

галопом вниз по улице.

— Мелхен!!!

Точно, кляча твоя несусветная! Точно!!!

Герард ринулся вперед раньше, но Арно его обогнал и расставил руки.

Задыхающаяся девушка с разгону врезалась ему в грудь.

— В доме... Пришли убивать... Четыре... Или больше... Сэль и кухонная... в погребе...

— На плац! — Холодина, а она почти голая! — Герард, бежим!

— Нужно через сад... Засов не поставили, я забирала ключ. Вот...

— Умница! — бесценная железяка перекочевывает за пазуху — Ты, давай...

— Я... на площадь... Там стражные!

— Лучше в «Хромого полковника»... В нем вечно бергеры сидят! Это прямо за

углом...

— Ничтожная... приведет...

— Сиди в трактире, мы тебя заберем... Никуда не уходи, слышишь?! Герард, быстро!

Хорошо, что они уже здесь, скверно, что еще здесь... Поворот, чья-то рожа с

разинутым ртом. Ну что таращится?! Сапоги ломают ледок на лужах, тянутся и

тянутся дома... Ведь было же рукой подать, а стало как до Оллари!.. «Четверо

или больше». По двое на шпагу, значит!

— Герард, убиваем... Понял? Двоих надо сразу!

— Как...

— Как получится!

Чтоб он еще раз вышел без пистолетов! Хорошо хоть кинжал алвасетский. Ну

что же стена у них такая длинная-то?! Дверь в погреб взломать раз плюнуть, было б чем...

— Молодые люди! Молодые люди... Вы куда?!

— К кошкам!

Последний поворот, пустое крыльцо, бело-синие ставни. Закрыты. Наглухо. На

первом этаже не живут... В дверь? Коридор узкий, прихожая маленькая, так ведь

еще и запрут, сволочи, пока высадишь... Правильно рыжулька сказала — через

сад нужно.

— Поворачивай!

Переулок, почти щель меж двумя глухими стенами, канавы, покой...

— Герард, подсади...

Понял и уже приготовился. На сцепленные руки, на плечо — оп! Спасибо
хоть

стекло битых поверху не натыкали, хотя зачем? В Аконе всегда спокойно.

— Цепляйся! — Сбросить и намотать на предплечье перевязь,
распластаться на

ограде, свесить руку. — Должна выдержать, кожа хорошая!

Шумное дыхание, воздух со свистом вылетает сквозь оскаленные зубы
Герарда.

Тянем, тянем, носки сапог цепляются за малейшую неровность в камне...
Есть!

— Думал, не удержишь!

— Не очень-то ты и тяжелый!

— Прыгаем.

Хрустнули кусты чего-то такого... в белых ягодах, взлетела сойка. Тихий
сад, тихий дом, только на самом верху окно распахнуто. Что-то выкинули?
Но внизу

ничего не валяется. Еще одна сойка, примороженные бурые мальвы, сухие
листья.

— Где... садовая дверь?! У меня... ключ...

3

Вывески есть не везде, а город остается чужим, «Хромой полковник»,
какой он?

Трактиры шумны, но зима закрывает окна... Может, все же на площадь?
Там не

заблудишься... Опять смотрят...

— Барышня, вам помочь?

— Ничт... Я ищю «Хромого полковника».

— Вы его уже нашли.

Немолодой. Глаза смеются, добрые глаза. Без грязи.

— Мне нужен... Там пьют бергеры, а у нас — убийцы. Стража далеко, на площади...

— Где убийцы?

— Туда уже бегут... Двое... Теньентов... Убийц много. Я видела четверых!

— Сударыня, поправьте юбку и накиньте плащ. Грудная лихорадка вам не нужна.

Взял под руку, повел, с ним можно идти, как с воином Дювье, как с Бертольдом.

Они похожи, только лица разные и раны тоже. Странно, она взяла плащ нареченного Арно и не заметила.

— «Хромой полковник»...

— Не напоминайте мне о моем увечье, сударыня. Нам налево!

— Моя подруга в погребе, убийцы ломают дверь.

— Барышня, доверьтесь теньентам. Они всеильны.

Вход — в переулке, и небольшая вывеска тоже там. Если бежать большой улицей, не заметишь. Ступени уводят вниз, к низкой двери с прорезанным окошечком; внутри жарко и душно, здесь пьют пиво и едят горелое мясо. Воины

в бирюзовом за угловым столом стучат кружками и смеются... Бергеры, она их

нашла!

— Господа, — зычно кричит хромой полковник, — господа бергеры! Вы срочно

нужны даме!

Обернулись. Как их трудно различать. Если б здесь был хоть кто-то из Озерного

замка, но они везут мертвого Курта.

— Я баронесса Вейзель, — твердо произносит Мэллит, найдя взглядом самого

крепкого. — Я живу с подругой в доме полковника Шерце. К нам ворвались

разбойники... Там дерутся!

4

Арно пошел первым, и зря — он совсем не знал нижнего этажа. Впрочем, от

садовой двери вел лишь один коридорчик, освещенный похожим на бойницу

окошком. Пол очень кстати устлала какие-то коврики, а впереди раздавались

голоса и глухие удары вперемешку со скрежетом — налетчики все еще ломали

дверь. Это обнадеживало.

Коридорчик вильнул и вывел под главную лестницу. Стучали справа, слева

ругались.

— Эй вы, — требовал хриплый голос, — сколько можно?! Быстрее давайте! Или

бросаем дело.

— Заткнись, Трепыхало! — огрызнулись сквозь непрерывный стук. — Как сделают, так и бросят. Наше дело — улица...

Ответный залп брани, достойная отповедь и окрик снизу, куда более низкий и

громкий:

— Кончай собачиться... Еще немного. Слышь, поддается. Щас...

Удары все сильнее, и хорошо — глушат звук шагов.

— Двое — в прихожей... — за каким-то змеем объясняет Герард. — Внизу, в

кухне ломают дверь...

Там тоже двое, не меньше. Кто-то орудует ломом или топором, а кто-то бранится

с караульными. За лестницей налево — прихожая с хрипатым Трепыхало;

направо, если тут, как везде, — спуск к кухне и погребу. А ведь и наверху кто-то

наверняка шурует — если грабить, так только там.

— Герард, они не видят друг друга!

— Конечно, не видят.

— Так чего, кляча твоя несусветная, ждать?! Когда двери в самом деле высадят?

Надо бить... В обе стороны одновременно. Мне — кухня, тебе — прихожая.

— Как скажешь.

— Кинжал есть?

-Да.

— Лучше им.

Одновременно обнажить кинжалы — тесновато раньше строили,
длинными

клинками тут разве что на втором этаже махать сподручно, — крадучись
выйти

из укрытия...

— Давай!

Дверь внизу явственно затрещала, и Арно, уже не скрываясь и не
оглядываясь, оленем сиганул вниз, через все ступени, в полумрак,
освещаемый парой

светильничков. Перед самым носом возникла обтянутая чем-то темным
широкая

спина. Клинок вошел в нее почти беззвучно. Вошел и тут же вышел — его
ждала новая цель, а может, и не одна.

Безымянное тело вздрогнуло, издало стонущий звук и осело, открывая
взгляду

удивленную физиономию второго. Этот красавец трудился над дверью, и в
лапе

у него был топор. Ничего, в дверной нише особо не размахнешься.

Рывок, и нога в тяжелом ботфорте врезается мерзавцу в брюхо, бандит
отлетает

к стене, глухой удар — затылок встретился с камнем.

— Маловато будет!

Один за другим еще два пинка, в грудь и заросшую кабаньей щетиной челюсть.

Вот теперь в самый раз, долго не очухается! Фу-у... успели!

— Сударыня... — Арно вежливо постучал. — Селина! Будете выходить, смотрите под ноги, я тут слегка намусорил. Кроме того, я не знаю, куда положить ключик.

— Вы...

— Виконт Сэ, если вы меня вдруг забыли, привез письмо от вашей матушки. Я

только утром вернулся из Старой Придды, мой первый визит — к вам.

— Мелхен... Вы видели Мелхен?!

— Разумеется. Все, что ей грозит, это небольшая простуда.

— Мы сейчас выйдем... Только бочонки от двери откатим.

— Нет-нет, не торопитесь! — громилу с топором он оглушил, но не связал, как

дела у Герарда — неизвестно, а в доме наверняка найдется еще какая-нибудь

дрянь. — Покидать убежище в отсутствие защиты — лишней, совершенно ненужный риск, а я к моему глубокому сожал...

Дикий грохот наверху — грохот, звон и вопли.

— Прошу прощения. Надо поддержать нашего рэя.

Задержка была ерундовой, но в прихожей успело стихнуть, зато взлетающий по

ступенькам вверх теньент услышал топот на лестнице — кто-то сбегал с верхних этажей. Бандит неся, стуча башмаками по старому дереву и на ходу

поминая всякие мерзости; столкновения было не избежать, сейчас этот быстроногий выскочит в коридор и...

Прыгать навстречу Арно не стал, незачем — он банально выставил ногу, и бегун

о нее столь же незатейливо споткнулся. Поганец просто обязан был, упав, врезаться лбом в стену, избавив теньента от дальнейших забот, но поди ж ты —

шустрый мальй, спасая башку, извернулся, будто ызарг, да еще успел подставить руку, смягчив удар. Крепко приложился плечом, выдохнул ругательство и почти мгновенно оказался на ногах. Ему не хватало пары мгновений, чтобы опомниться и понять, что к чему... И не хватит.

— Кляча твоя несусветная... Получай!

Руку с кинжалом, ну и тесачок у бандита, сбиваем влево... Вот так... Отлично!

Кэналлийский клинок послушно входит меж ребер. А ведь приложился б о стенку, еще пожил бы... некоторое время.

Любоваться на подыхающего бегуна было некогда, в прихожей опять заорали.

Оставив налетчика биться в агонии, Арно бросился на крик, но спешка

оказалась излишней. Схватка заканчивалась, на полу зажимал руками живот

некто в одежде зажиточного горожанина, а единственный целый разбойник

пятился к двери, суматошно отмахиваясь от теснящего его Герарда. И этот с

тесачищем! Мода у аконских головорезов, что ли, на здоровенные клинки?

Толку-то от них! Против шпаги, которую напарник, вырвавшись из тесноты

коридора, успел обнажить, у этой железяки шансов нет. Только чего рэй

возится-то? Приколол бы придурка... Герард медлил, а бандит нащупал за

спиной ручку двери, рванул на себя и, не оборачиваясь, вывалился в уличный

сумрак. Арно хотел сказать соратнику что-то нелестное — не успел: снаружи

донеслась бергерская брань и звуки ударов.

Глава 4

ТАЛИГ. АКОНА

400 год К. С. 4-й день Осенних Волн

1

В последний раз эту часть карты Талига Ли разглядывал едва ли не в Лаик, не

было нужды: юго-запад не имел опасных границ, там не вспыхивали мятежи и

не гнездились сторонники Алисы. Провинциальная знать средней руки

чужеземную королеву так и не приняла, зато потом вела себя лояльно, владельцы прядильных и ткацких мануфактур дорожили коронными заказами, а

негоциантов больше всего заботило, как бы перекупить у кэналлийцев местные

и морисские товары да перепродать в Ардору. Сытая, размеренная жизнь, когда

не станешь героем, но и мерзавцем быть трудновато — соседи не одобряют.

— Не поедет, — объявил вставший за плечом Эмиль, — даже не думай...

— Кто? — поднял глаза на брата Ли.

— Мать, разумеется. И потом, где-где, а в Старой Придде совершенно безопасно.

— Если б на меня свалилось дерево, — задумчиво произнес Лионель, — ты

почувствовал бы?

— Наверное, — проявил осмотрительность братец. — А что?

— Просто на меня валится Талиг, — зевнул Ли. — А ты все не чувствуешь и не

чувствуешь... Я не потащу мать в Рафиано, и я ее туда не пущу, даже если сама

захочет.

— О да, ты отправишь ее к Хайнриху.

— Если потребуется. Эмиль, ты все же маршал, а не жаба, попробуй подумать

— у тебя получится.

— Жаба?

— Они видят только то, что двигается. Но когда уже двинулось, бывает поздно.

— Я не жаба, — заверил Эмиль, отступая к двери, — я болван. Бесчувственный.

Тебе на голову в самом деле рухнуло что-то тяжеленькое, а я даже не чихнул. Ну

что может там двинуться? Ардора на нас нападет? Или сразу Кэналлоа?

— Бре-ке-кекс, коакс, коакс!

От пущенного в него ботфорта Ли увернулся лишь благодаря огромному опыту.

Атрибут гаунасского Леворукого просвистел над самым ухом, свалился на стол и

тут же отправился назад, но не долетел — был пойман вошедшим

Райнштайнером.

— Господа, — сообщил бергер, воссоединяя добычу с ее завалившейся набок

парой, — если б не счастливая случайность, мне пришлось бы сообщить вам

пренеприятное известие. Мы можем обсудить происшествие во время обеда. На

нашем аппетите случившееся отразиться не должно, а решение следует принять

незамедлительно.

— Есть я хочу! — Эмиль хлопнул себя по животу — будь он Валмоном или хотя

бы фок Варзов, это бы впечатлило. — Скажу больше, я хочу жрать, и аппетит

мне испортит разве что особо нудный клирик, но вы, Ойген, невозможны.

Почему бы сразу не сказать, чего и где не случилось?

— Сразу я ловил принадлежащую Проземперадору обувь, — с достоинством произнес бергер. — Это несколько сбило меня с мысли. Обеды вам носят из

«Разгульного чиж»?

— Право, не знаю. — В дела ординарцев Лионель вмешивался лишь по необходимости, но таковой не случалось давно.

— У них желто-зеленые салфетки и переизбыток специй.

— С точки зрения бергера. — Савиньяк поднялся и на правах хозяина распахнул

дверь в примыкавшую к рабочей комнате столовую. — Прощу. Что за происшествие не отразится на нашем аппетите?

— Неудачное покушение на девицу Арамона. — Райнштайнер, как всегда внимательно, осмотрел сервировку. Ему нравилось обедать в богатых домах, хотя обзавестись собственным он не стремился. — Да, это «Разгульный чиж».

— Можно послать в другой трактир.

— Мы не вправе разбрасываться своим временем, — пошел на жертву барон. —

Подлинной целью преступников был ты, Лионель. Не имея возможности до тебя

добраться, злоумышленники вознамерились похитить и жестоко убить девушку, которую полагали твоей возлюбленной. Завтра тебе предстояло получить ее

голову в корзине бессмертников. Убиты домоправитель с женой, юная служанка

и солдат, который, останься он жив, получил бы взыскание за ненадлежащее

исполнение своих обязанностей. К счастью, намеченная жертва и кухарка

догадались запереться в погребе, а молодая баронесса Вейзель сумела выбраться

из дома и привести помощь. Тем не менее, не встретиться ей по пути ваш брат и

рэй Кальперадо, разбойники успели бы осуществить свой замысел.

— Бред какой-то, — оголодавшего Эмиля пронять было непросто. — Мальш, надеюсь, не сплеховал?

— Молодые люди убили троих преступников на месте. Еще двое были схвачены

с поличным и дали показания, которые при проверке полностью подтвердились.

Сомнений в том, кто и зачем нанял убийц, нет, однако мне хотелось бы проверить вашу догадливость. Лионель, кто может тебе мстить подобным образом?

— Не имею ни малейшего представления, — твердо сказал Ли, не собиравшийся вспоминать маркграфиню.

— Днем ты обычно забываешь о дамах, — поддел Эмиль, снимая желто-

зеленую салфетку. — Ищи самую ревнивую, не ошибешься.

— Мы воюем, если ты не заметил. — Поститься из-за сорвавшегося покушения

Проземперадор не собирался. — Что до специй, то, если на то пошло, их не хватает... Ревнивой даме, о брат мой, чтобы нанять местных душегубов, нужно, самое малое, появиться в расположении твоей армии и оглядеться. Что до

квартирных хозяек, то я не настолько люблю булочки с корицей. Ойген, меня

сейчас занимает юго-запад...

— Это, вне всякого сомнения важно, но не безотлагательно. — Бергер проглотил

кусочек призванной возбуждать аппетит копченой рыбы и отложил вилку. —

Должен вам сообщить, что вы оба правы, хоть и не до конца. Маршал Эмиль

почувствовал в преступлении женскую руку, а ты, Лионель, совершенно обоснованно заметил, что у дамы со стороны возникли бы серьезные трудности

в поисках и найме убийц.

2

— Нету хозяйки, — развела руками худющая гримза в черном. — Усвятой

Леокадии они!.. Молебен вчерась заказали. Они кажинный день заказывают...

— Молебен, говоришь? — ухмыльнулся капитан Уилер. — Богоугодненько.

Парни, кто-нибудь останьтесь, развлеките бабушку, а мы — во храм.

Арно, само собой, не остался: зачем торчать у норы, если можно догнать и

схватить за горло? Храм Святой Леокадии, для провинции более чем приличный, был в минуте ходьбы от увитого плющом домика вдовы органиста — по

всеобщему мнению, особы благочестивой, но суровой. Благочестие, однако, не

мешало ей укрывать краденое и водить дружбу с аконским отребьем, за

умеренную плату согласившимся оказать услугу. Нет, не вдовице, благородной

даме в маске, пожелавшей получить голову девицы Арамона.

То, что заговор сорвался, было чудом. Налетчики разузнали все, вплоть до

условного стука, но кошка-судьба любит поиграть с крысами! Именно в этот

день в Акону вернулся виконт Сэ, твердо решивший покончить со службой при

особах братцев-маршалов. Герард же так рвался вручить сестре материнское

письмо, что нарушил привычный порядок и отказался от ежедневного

фехтования. Если б не это, девушку не спасли бы даже бергеры и

столкнувшиеся с ними на выходе из трактира «фульгаты». Арно едва язык не

показал, когда полтора десятка матерых вояк только и смогли, что схватить за

шиворот последнего стоящего на ногах громилу. Тогда они еще думали, что это

грабители...

Допросы не затянулись. Уилер, недолго думая, окатил водой оглушенного разбойника, так и валявшегося у недовзломанной двери, а когда тот очнулся, сунул его ноги в печку. Запираться красавчик не стал, только орал, что он в

первый и последний раз, а вожак — вот он, лежит, не дышит.

— Хорошо ты его, — одобрил виконта «закатный кот», и тут на кухню ввалился

бергерский капитан, вытрясший из второго пленника имя все той же вдовы.

«Маску» из всей компании знал разве что покойный вожак, но ни горцы, ни

«фульгаты» не сомневались: если прижать ведьму, она вывалит все. С Селиной

оставили Герарда и четверку дюжих бергеров, остальные помчались к вдове.

Уже у цели Арно вспомнил про отправленную в трактир Мелхен. Решили

забрать девушку позже — всех занимала охота; не каждый день удается

предотвратить убийство, и уж тем более не каждый день одна женщина хочет

получить голову другой.

— Спорим, — предлагал пари Уилер, — жена это... Страшная и ревнивая! Так

что не женитесь, братцы, а коль сдуреете и женитесь — учитесь ходить с завязанными глазами.

— Это у тебя подружки нет...

— Ха, у него и жены нет!

— И тещи!

— Вот потому и нет!Цыц!Входим смиренно, выводим без шума.

Нищий на паперти вдову показал охотно. На ведьму она не походила —
статная

женщина средних лет, в Сэ такие то и дело выходят замуж, а потом еще и
рожают...

В храме обошлось без шума, но вот за его порогом началось! Невинная
жертва

требовала сразу епископа и Проэмперадора, грозила Закатом, призывала

Создателя и всю Акону в свидетели своего добронравия. Арно почти
поверил, бергерский капитан задумался и предложил очную ставку с
разбойниками, Уилер — обыск. Это было ближе и быстрее, и это
сработало! В погребке, под

капустной бочкой, обнаружился тайник-колодец, а в нем — уйма всякой

всячины: от торских меховых сапожек до дриксенских пистолетов и
морисских

благовоний.

— Мужнина память? — Уилер сунул под нос вдовице белый, шитый
золотом

камзол с дырой от пули на спине. — Проэмперадор с епископом, говоришь
? А в

колодец не хочешь ? Вот в этот самый ?

Вдова не хотела. Бледная, с поджатыми, трясущимися губами, она смотрела
на

красноречивые приготовления и наконец выдохнула: «Гизелла... Дочка хромого

Вернера».

3

— Господа, — спросил Райнштайнер, — помните не столь давний случай, который нам показался забавным? «Фульгаты» задержали девицу в маске, влюбленную в разбойника.

Звонящий яростный голосок и маску Эмиль вспомнил сразу. Девочка в своей

нелепой попытке спасти подонка-любовника была трогательной и смешной. Она

так и убежала, не открыв лица, — один из грустных курьезов тяжелой осени.

Маршал хотел рассказать о незадачливой мстительнице Франческе, но замотался и до сих пор не написал. Цветущие дельфиниумы и неистово

полыхнувшая страсть, едва не задержавшая армию, — где теперь все это?! Нет, отказываться от своего слова Эмиль не собирался, просто север превратил

бордонские ночи в сон. Прекрасный, но такой далекий...

— Я бы не назвал этот случай значительным, — бергер был не из тех, при ком

можно витать в облаках и воспоминаниях, — но он из числа запоминающихся.

Принять всерьез прозвучавшие угрозы было затруднительно, и тем не менее

история получила продолжение. Видимо, ты, Лионель, произвел на девицу

куда

более сильное впечатление, чем казалось.

— Он это может, — хмыкнул Эмиль. — Особенно после разбойного капитана.

Другое дело, что братец предпочитает дам рассудительных.

— Возможно, я в самом деле неспособен оценить бурные чувства, — задумчиво

произнес Ли. — Так кем оказалась наша маска?

— Дочь полковника фок Дахе.

— Единственной? — зачем-то уточнил Эмиль.

— Дочь — да. Было еще трое сыновей, после Мельникова остался один.

Очень неприятная история. Как в свое время отметил Герман, лучше бы капитан

Фантэн погиб на Болотном.

— Для девицы и ее семьи — несомненно, — с подобным выражением Ли в детстве изрекал вещи, не шокировавшие разве что мать и Валмона, — однако

больше всего пользы негодяй принес, став покойным. Теперь Акона знает, что

былые заслуги — не повод прощать нынешние преступления. К зиме об этом

будет осведомлена вся Придда.

— А я, — опять не удержался Эмиль, — отнюдь не уверен, что эта тварь не

сбежала бы с Болотного, если б могла. Своих приятелей он, во всяком случае, бросил. В Двдцатилетнюю такие красавцы оказывались у Пеллота!

— Фантэн повешен, — напомнил барон, принимая от ординарца суп с мясными

клетками. — Сейчас мне, как военному коменданту Аконы, надлежит решить

судьбу девицы и ее сообщников, среди которых имеется еще одна женщина. Не

дворянка, но это мало что меняет. Подобное преступление даже в мирное время

карается смертью, однако в Талиге женщин не казнят.

Я не вижу достойного выхода, и это меня расстраивает. Девица молода, ее родные имеют несомненные заслуги перед отечеством, но вряд ли меньшие

имел погибший домоправитель, спасший у Виндблуме знамя и к тому же

потерявший на Мельниковом лугу сына и зятя. Казнь пойманных разбойников

при сохранении жизни нанимателя произведет неприятное впечатление на

горожан, помиловать всех тем более невозможно. Боюсь, мне придется передать

решение Проэмперадору.

— Свалите на Франциска, — предложил Эмиль. — Женщин не казнят, это так

же очевидно, как то, что не бросают знамен.

— Распространенное заблуждение. — Ли больше не думал об оставшейся

на

письменном столе карте. — Я тоже так считал, пока не вернулся из Старой

Придды. То, с каким тщанием Борн скрывал правду о жене, заставило меня

глянуть в кодекс и задать пару вопросов мэтру Инголсу. Франциск подбирал

себе в помощники умниц, но закладывался на дураков, оттого его законы очень

подробны и не допускают двусмысленных толкований. Слова «не подлежат

смертной казни» там отсутствуют. Женщин, независимо от их происхождения, в

Талиге не вешают, не колесуют, не казнят мечом, топором и дубиной, не

подвергают утоплению и удушению, не сжигают, не забивают камнями, не

хоронят и не варят заживо, не разрывают при помощи тяглового скота, не

расстреливают из луков и арбалетов, не сажают на кол, не сбрасывают со стен и

обрывов, ну и так далее. Марагонец перечислил все известные в его время

способы казни, не упомянув при этом яд и кинжал, на что, видимо, имел свой

резон, только время на месте не стоит. В нашем случае повесят только мужчин, женщины будут расстреляны из мушкетов. Это кодексу Франциска не

противоречит.

— Но в приговор придется внести разъяснение. — Бергер заметно оживился. —

Жаль, целью покушения оказалась девица, чье имя упорно связывают с

твоим.

Это может создать впечатление личной мести, а не торжества закона.

— На какое-то время. Наше дело, чтобы оно оказалось как можно короче.

Любые попытки нанести серьезный вред родным и близким тех, кто находится

на службе Талига и исполняет приказы регента и проэмперадоров, должны караться смертью. Любые, Ойген, причем немедленно. Исключения либо превратятся в правило, либо повлекут уйму претензий к нам же.

— Это очевидно, — кивнул Райнштайнер. — Я прослежу за тем, чтобы не было

проволочки.

— Жаль! — Будет ссора, но молча любоваться на две кувалды в человеческом

обличье Эмиль не мог. — Жаль, вы не заставили девочку снять маску, тогда вы

меньше думали бы о правилах и исключениях... Первая любовь дорог не

разбирает. Мать, когда влюбилась, тоже могла бы убить, ты это от нее сто раз

слышал!

— Она и сейчас может, если потребуется. — Этот... Проэмперадор, раздери его

кошки, уже решил! — Мы все можем убивать и убиваем, вопрос — как, когда и

для чего. Эта девочка собралась отрезать голову другой девочке, а заодно

смахнуть в Рассвет пяток человек, просто оказавшихся на пути ее мести.

— Хорошо. — Эмиль оттолкнул тарелку; опрокинулся бокал, спасибо, что пустой. — Ответь только — если бы убийцей отца по-прежнему считался Карл

Борн, ты отправил бы влюбленную дурочку под пули?

— Это не изменило бы ровным счетом ничего. Графиня Борн не имеет ни малейшего отношения ни к смерти Катарины, ни к покушению на Винной улице, ни к тому, что сотворили с Жермоном Ариго и его отцом. Там убивали из

любви и способствовали убийствам другие дамы. Любой из них достаточно, чтобы сегодня принять нужное решение. Ты тоже ответь. Почему тебя волнует

только одна казнь, женщин ведь две? Может быть, у второй тоже детский голосок и взрослая грудь?

— Вторая преступница, — тоном коновала сообщил бергер, — вдова.

Последний год она состояла в связи с трактирщиком, повешенным вместе с

капитаном Фантэном. Часть награбленного хранилась у нее, и у нее же капитан

встречался со своей девицей.

— В таком случае старуха несчастную дурочку и подбила!

— Насколько мне известно, вдова не столь и стара. Она связывала с трактирщиком последнюю надежду обрести семью и была к нему привязана не

меньше, чем девица к капитану. — Райнштайнер не мог предотвратить покушение, зато теперь он знал все. — Тем не менее голову Селины Арамона

требовала младшая. Доставить подарок Проэмператору Гизелла фок Дахе намеревалась лично.

— Начиталась всякой ерунды!.. Держу пари, она никогда не видела отрубленных

голов и до встречи с этим проходимцем ни о чем таком не думала!

— Мало ли о чем мы не думаем, главное — что мы делаем. Или не делаем.
—

Ли отодвинул тарелку со студнем, который терпеть не мог. — Если бы год назад

тому же Фельсенбургу предсказали, что он пойдет по дриксенским трупам, наш

бравый моряк пришиб бы предсказателя на месте. Ойген, раз уж ты тут, ответь, тебя не тревожит юго-запад?

— Юго-запад чего?

— Талига. Эмиль мне только что объяснил, что там нет врагов, но бергеров, марагов и адуанов там тоже нет.

Глава 5

ТАЛИГ. АКОНА

400 год К. С. 4-й день Осенних Волн

1

Эмиль уже час как умчался гонять своих орлов, Райнштайнер остался и теперь

усиленно думал над вываленной на него заумью. Савиньяк барона не торопил; забравшись с ногами на диван, Проэмперадор разглядывал занавешенное

осенней синью окно и пытался определить, кто же причинит следующие неприятности. Бруно повернулся к Марге — соответственно, вождю явно не

всех варитов, прежде чем соваться на юг, придется покончить со старым быком, который как раз набирает разгон. Хайнрих будет держать слово и думать, чем

лучше прирастить Гаунау — Каданой или Дриксен, а уже недалекая в здешних

краях зима сделает перевалы непроходимыми. И она же скует льдом Хербсте, превратив реку в отличную дорогу, но сперва пройдут осенние дожди, да и лед

какое-то время будет тонок... По всему выходит, что на северных рубежах несколько месяцев не случится ничего. Будь Ли взбесившимся дриксом, он такую очевидность нипочем бы не упустил... Попробовал бы не упустить, потому что Бруно тех, кто у него на пути, щадить не станет.

— Лионель, — торжественно произнес Райнштайнер, — твое предположение

слишком похоже на истину, чтобы от него отмахнуться. Если колодец переполнен, вода польется там, где край ниже всего. Данарии не могут не попытаться захватить юго-запад, но эти провинции в свое время противились

Алисе, а позднее не порождали неприятностей; к тому же Кольцо Эрнани укреплено за счет армии маршала Эмиля и кэналлийцев. Несомненно,

шайки

мародеров будут просачиваться сквозь кордоны, и мы должны указать на это

губернатору, однако благополучие и привычка удержат местных жителей от поисков удачи на дорогах.

— Олларии нужно кого-то есть, — напомнил Лионель, — иначе хвост сожрет

голову, и голова это понимает. У Сервиллия в наличии мориски, у Марге — вековая мечта отыграться, а дуксия? Подробностей мы пока не знаем, но какой-

то порядок в городе и окрестностях она навела. Граф Валмон пытается смотреть

на скверну с точки зрения описательных наук, пока лучшего подхода я не вижу.

Помнишь опыт с магнитом и железными опилками?

Ойген помнил наверняка, такие бароны учатся старательно и не забывают ничего, но научная беседа не состоялась — ворвался Арно. Встрепанный и готовый к драке.

— Господин Проэмперадор, — виконт Сэ демонстративно щелкнул каблуками,

— прошу вас о приватной аудиенции.

— Вы сделали что-то непристойное? — «Вы» так «вы», не жалко.

— Я, — в письме это «Я» было бы четырежды подчеркнуто, — нет!

— В таком случае барон Райнштайнер остается с нами.

— Пусть, — сверкнул глазами Арно. — Я привел полковника фок Дахе, и я требую, чтобы ты его принял!

— Переход на «ты», когда разговор уже начат, уместен лишь в любовных беседах. Где вы обрели полковника?

— К Селине и Мелхен ворвались разбойники. Мелхен смогла вылезти в окно и

побежала за помощью. Первыми...

— По существу, пожалуйста.

— Извольте дослушать, господин Проэмперадор!

— Извольте четко выражать свои мысли, тенъент. Или хотя бы свои чувства.

2

Отыскать дом, где жила Гизелла, труда не составляло, но вдову с собой все-таки

прихватили. Как свидетельницу и соучастницу. Она шла сама, стараясь делать

вид, что ничего не случилось, мало ли куда и зачем она ведет военных, а их на

севере если не любят, то ценят. Как прочную дверь или высокий забор, за

которыми бродят воры и волки — бродят, зарятся, а войти не могут. Горожане

проводжали разношерстную целеустремленную компанию любопытными

взглядами, кто-то улыбался, кто-то подмигивал — охота продолжалась, и все

было просто прекрасно!

Нужный особнячок оказался поменьше и победней того, в который водворили

Селину с Мелхен. Два этажа, замшелая каменная — других в Аконе не признавали — ограда, высокие, гнущиеся от чудовищного урожая рябины...

Дверь открыл одорукий слуга, улыбнулся и по-военному доложил, что господин полковник с барышней в столовой. Уилер почему-то промешкал, и

Арно назвалса первым.

— Заходите, молодые люди. — Невысокий человек, заметно хромя, уже спускался по скрипучей деревянной лестнице. — Вижу, что успели, ну и слава

Создателю! А вот перекусить вы успели вряд ли... Добрый день, госпожа Теодолина. Какими судьбами?

— Я дом показала, — глухо ответила вдова, — показала дом... Я...

— Нареченный Арно! — Мелхен, обогнав хозяина, слетела вниз. — Ты обещал, ты нашел!..

— Да... Вот... Мелхен, как тебя сюда занесло?!

— Я искала «Хромого полковника». Искала, бежала, боялась не найти!

— И едва не проскочила мимо меня, — подсказал хозяин, — а уж более хромого

полковника в Аконе нету.

— Мы нашли помощь! Нич... Я хотела остаться, как ты велел, но господин

Вернер сказал, что надо ждать здесь!

— Не оставлять же юную барышню одну в трактире, пусть и военном. У меня у

самого дочка... Такая же махонькая!

Тут-то Арно и стало жутко. Теньент сто раз с головой нырнул бы в какой-нибудь

потоп или провалился сквозь землю, лишь бы оказаться подальше от чистой, пахнувшей мятой прихожей. Потому что дочь приветившего Мелхен славного

человека наняла убийц, а он ничего не знал!

— Я хочу услышать о жизни, — негромко попросила Мелхен. — Я видела мертвых стариков, я знаю, Сэль и добрая Бренда успели укрыться... Ты беспокоен, это пугает.

— Селина жива, кухарка тоже... Когда мы прибежали, дверь еще ломали, убиты

солдат, домоправитель с женой и девушка-служанка. Второй служанки не было...

— Названная Фелицией отпросилась к дочери.

— Ее счастье! Мелхен, тебе нужно домой. Немедленно! Капитан, — окликнул

Арно «фульгата», — прошу вас выделить двоих людей.

— Не стоит, теньент. — Полковник больше не улыбался. — Барышню провожу

я... И помогу чем смогу. Бедняга Густав, он же мне теперь снится будет... После

гибели сына он стал искать себе место. Сам я обхожусь двумя слугами, но жена

Шерце как раз собиралась уезжать и не знала, на кого оставить дом.

— Я сожалею, господин полковник, — резко сказал Уилер, — госпожу баронессу проводят мои люди. Сударыня, вы должны поторопиться.

Фок Дахе не настаивал: военный до мозга костей, как Эмиль, как другие, среди

которых рос Арно, он чувствовал, когда спор невозможен.

— Мелхен, — только и сказал он, — возьми с сундука накидку, а вечером промой и перевяжи ноги.

— Я исполню. — Маленькая баронесса тоже почуяла неладное, хотя она и прежде была молчалива. — Но у меня есть плащ названного Арно.

— Военные плащи не для барышень.

— Я не подумала, я благодарна.

Больше не возражая, девушка тихо завернулась в белую с тоненькой красной

оторочкой накидку, Арно глянул вниз — на Мелхен были кожаные торские башмаки без каблуков, явно с ноги другой женщины.

Баронесса поймала его взгляд и вздохнула.

— Я разулась из-за дерева, — объяснила она. — Чтобы не упасть...

Достославный Вернер, ваш свет заставил забыть о тьме, а тепло — о холоде. Я

должна быть с Селиной...

Здесь она быть не должна! Дрянь судьба выпустила когти, послав на помощь

Мелхен отца Гизеллы, хотя вдруг вдовица врет? Конечно, врет, вспомнила первое

попавшееся имя и пытается впутать дочку фок Дахе. Чтобы спрятаться за чужое

дворянство и заслуги.

— Поднимайтесь в гостиную, — негромко пригласил полковник, когда фигурка

в накидке исчезла за дверью. — Не знаю, что у вас за дело, но на пороге только

клирики с кружками топчутся.

— Им незачем заходить! — звонко выкрикнули сверху, из мятного полумрака.

— Этим господам нужна я!

— Ты? — опешил фок Дахе. — Птиченька, что за выдумки?! И зачем ты встала, ты же...

— Это не ваше дело, господин полковник! — Тоненькая девушка с копной темных, схваченных белой лентой волос уже спускалась. — Я готова. Ко всему.

З

— Я привел его, — с вызовом выпалил Арно, — потому что ты иногда бываешь

человеком!

— Не сегодня, — уточнил Лионель. — Ойген, ты склонен встретиться с

полковником фок Дахе?

— Я уже упоминал, что у него безупречная репутация, — обрадовал бергер. —

Я не собирался посещать фок Дахе, но не принять его, когда он уже здесь, полагаю несправедливым и неправильным. Однако еще более неправильным

полагаю изменить уже принятое решение.

— Теньент Савиньяк, пригласите полковника и предупредите о присутствии при

разговоре генерала Райнштайнера и своем. Впрочем, от последнего полковник

вправе отказаться.

— Ли... Господин маршал...

— Теньент, вы хороший рассказчик и уже сообщили все, что могли.

Если хотя бы раз дать себя уговорить, заступничков придется выдворять в

Гаунау. Подальше от просителей, которые полезут в окна и печные трубы. Мать

разжалобить трудно, особенно после признаний Капотты, но братцы для родства

с Леворуким слишком сентиментальны.

— Я очень привязан к Герману Ариго, — заметил из своего угла Райнштайнер,

— но в некоторых случаях я рад его отсутствию. Мы все-таки совершили

ошибку, при первой встрече отпустив девицу фок Дахе без неприятных для нее

последствий. Весьма вероятно, что должное внушение предотвратило бы пять

смертей, включая ее собственную.

— Сейчас — да.

— Ты не согласен?

— Если вино отравлено, его лучше выплеснуть, пока его кто-нибудь не выпил, а

в этой бутылке яда на роту. Здравствуйте, полковник.

— Добрый день, господин Проэмперадор.

— Садитесь, фок Дахе. Вряд ли вы считаете этот день добрым.

Сел без лишних слов. Каменное лицо, поношенный мундир, ордена... На колени

такой не встанет.

— Я благодарен виконту Сэ за возможность вас увидеть. Я знаю, что совершила

моя дочь. Что ждет ее и нашу семью?

— Семью — ничего, кроме соседских пересудов. Гизелла фок Дахе и ее сообщники приговорены к смертной казни. Приговор утвержден военным комендантом Аконы бароном Райнштайнером и может быть отменен лишь волей Проэмперадора или регента. Я его отменять не намерен.

— Могу я узнать, будет ли казнь публичной?

— Насколько мне известно, нет. Барон?

— Казнь будет проведена на заднем дворе кавалеристских казарм. Вы

желаете

увидеть дочь?

— Нет, господин комендант. Все уже сказано.

4

— ...Все уже сказано.

Да, все было сказано... Очень бледная девушка стояла на последней ступени

лестницы и, держась рукой за шишечку на перилах, говорила, говорила, говорила... Мужчины молчали — бергеры, «фульгаты», окаменевший

полковник, непостижимо похожий на свою потерявшую любовь дочь.

— Я заплатила долг. Той же монетой. Жаль, мне не удалось преподнести

Савиньяку подарок, придется ему прийти за ним самому... Ко мне он тоже

придет, только он мне ничего уже не сделает, слышите?! Мне никто ничего не

сделает! Меня повесили вместе с Андрэ, я мертва. Я хочу к Андрэ, и я буду с

ним в Закате, нам там будет хорошо! Весело нам там будет, а Проэмперадор

останется здесь. Зная, что его красотка была бы жива, если б он пощадил

Андрэ! Он будет это вспоминать каждое утро...

— Не будет, — отрезал Уилер. — Селина жива и здорова, но отвечать вам

придется — убиты трое слуг и солдат.

— Жива?! — Она вскрикнула, будто наступила на ядовитую змею. — Как?!

— Охотнички боگوی уберегли... Ну и две очень хорошие шпаги.
Собирайтесь, сударыня. Ваши признания нам здорово помогли.

— Создателя б побоялась, — внезапно вмешалась вдова. — В Закат она
хочет...

К зверюге своему... Будет тебе Закат!

— И тебе будет, — засмеялась Гизелла. — Только мне в Закат и надо! Мы с

Андрэ пойдём сквозь пламя рука об руку, а Леворукий нас поймет. Он
любит

таких, как Андрэ, а Андрэ выбрал меня! До Последнего Суда мы будем, и
будем

вместе, а дальше все равно. Идемте, крысята. Где моя накидка ?

— Я ее одолжил... — Полковник, не отрываясь, глядел на дочь. —
Птиченька

моя...

— Хватит! Хватит птичек и пташек! Я тебе не воробей, и я не твоя...
Старый

башмак, как же я тебя ненавижу! Только поэтому ты и жив! И еще потому,
что

боишься не смерти. Вот это ты и получишь! «Честное имя», «честная
бедность»,

«честная шпага»... «Мерзавец заслужил петлю»... А ты заслужил меня! Вот
я

тебя — нет, только меня никто не спросил! Я просто родилась в этом...
сундуке с

дранными мундирами!

Она уже не была бледной — с румянцем на скулах и горящими глазами

Гизелла

фок Дахе походила на загнанную мориску. Пусть убийцу, мориски-убийцы
—

лучшие в мире кони.

— Сударыня, — бергерский капитан как-то умудрился сохранить
спокойствие,

— вы в присутствии свидетелей признали, что из ненависти к
Проземперадору

покушались на девицу Арамона. Вы арестованы. Оденьтесь и следуйте за
нами.

— Мне нечего надеть.

— В сундуке, — глухо сказал полковник.

Девушка не шевельнулась. Кто-то из бергеров сгреб в охапку лежащие на
сундуке вещи, второй поднял крышку, дохнуло полынью и лавандой. Бергер
вытащил пару женских накидок — черную и голубую с серебром. Девушка
взяла черную, поднесла к глазам, сморщилась и швырнула под ноги.

— Отогреюсь в Закате, — сказала она. — Да что ж вы стоите?! Идемте же
наконец! Лучше четыре палача, чем это... гнездо с филином!

— ...Виконт Сэ присутствовал при аресте моей дочери. Если вы сочтете
нужным, он доложит.

— Не сочту. — На сей раз проклятая краткость Ли была к месту. —
Сомнений, как я понимаю, нет, самооговор исключен, улики и свидетельства
более чем

достаточно. Я могу лишь выразить вам свое сочувствие.

— Господин Проэмперадор, вы можете больше. Нет, это не касается приговора.

— Я слушаю.

— Как она умрет? Прежде женщин дворянского происхождения не казнили.

— Мужчины будут повешены, женщины расстреляны. Если вы захотите забрать

тело, вы его заберете.

— Я хочу большего. Видеть, как это произойдет. Ручаюсь, что не буду...

препятствовать. Она будет против, но... должен! И еще я должен похоронить

Густава и его жену, это тоже мой долг.

— Хорошо. Барон, у вас нет возражений?

— У меня есть только сожаления.

— В таком случае, полковник, можете идти. Теньент Савиньяк, помогите господину фок Дахе выправить соответствующие бумаги и принесите на подпись барону.

5

— Я испытал двойную неловкость, — барон Райнштайнер позволил налить себе

касеры, — поскольку ожидал иных просьб. Торка кует людей из лучшего железа.

— Да, — согласился Лионель. — Из полковника вполне можно делать гвозди и

подковы, найти крепче будет трудно. Вечером от Арно стоит ждать большой

глупости.

— Ты очень кстати вызвал Придда. — Бергер задумчиво посмотрел на графин и

отошел к окну. — Поскольку вражда осталась в прошлом, тенъент обратится за

помощью к однокорытнику. Я верю в здравомыслие молодого Валентина, в Марагоне он показал себя отлично — я не имею в виду сражение, хоть он отличился и там. Мараги будут рады видеть шурина Альт-Вельдера своим военным губернатором.

— Не сомневаюсь, но то, что я намерен поручить Придду, важнее. Нам скоро

будет не хватать денег, и чем успешней пойдут наши дела, тем больше придется

тратить. Первые годы мира обходятся дороже войны, когда люди еще готовы

терпеть.

— Это несколько примиряет меня с новым положением Манрика, но чем здесь

поможет Придд?

— Я поручу ему найти клад Ферры. Клад, как ты знаешь, существует, его надо

отыскать и незаметно перевезти в Бергмарк. Второе — трудно, первое — очень

трудно, зато вполне в духе Придда.

— Попытаться, несомненно, следует... Кажется, тебе предстоит еще один разговор о несостоявшемся убийстве. В вашу с братом резиденцию только что

вошла девица Арамона.

— Одна?

— В сопровождении капитана Уилера. С твоего разрешения я вернусь в комендатуру.

— Ступай.

— Я буду исходить из того, что твое решение неизменно.

— Твое решение, Ойген, с которым я полностью согласен. Мы не можем тратить

себя на то, что сделают другие.

Барон все-таки столкнулся в дверях с Селиной. Для девицы, которой чудом не

отрезали голову, она выглядела очаровательно. Но не настолько, чтобы миловать

убийцу, пусть и по просьбе жертвы.

— Я вас поздравляю. — Савиньяк слегка поклонился. — Теперь вы можете праздновать день рождения дважды в году.

— Почему? — удивилась девица.

— Потому что вас едва не убили.

— В Надоре было хуже. — Селина вздохнула, видимо, что-то вспомнив. —

И в

Октавианскую ночь... Тогда мы не ждали помощи, а ночь все тянулась, и нужно

было читать вслух. Монсеньор, я знаю, вы очень заняты, но я должна...

Понимаете, оно совпало — убийцы и письмо от мамы. Я решила попросить вас

сразу, чтобы не опоздать. Мы все можем умереть, а мертвые, если

возвращаются, так путано говорят! Я думала, кого еще можно попросить, и

никого не вспомнила. Герард тут совсем не годится, а говорить с другими я не

могу, ведь это не моя беда. Вы в самом деле можете сейчас слушать?

— Могу, но не слишком долго.

— Это не про меня... Со мной такого не случилось. Понимаете, она полюбила

очень дурного человека — хуже, наверное, просто не бывает.

— И что с того? — Как же голубицы любят сострадать схваченным за горло

змеям, но Селина до последнего дня голубицей выглядела разве что издали. —

И почему с вами не явился виконт Сэ?

— Он ушел, — спокойно объяснила заступница. — Надо было найти тех, кто

прислал убийц, а Герард остался с нами.

— Тогда кто вам поведал о роковой любви к негодяю?

— Мелхен. Монсеньор, я еще никогда не выдавала чужих секретов, но мама пишет, что все очень плохо. Если девушке в первый раз не повезло, нужен кто-

то очень умный и умелый. Но умелые чаще развлекаются, чем любят, и еще они

боятся себя связать. А те, кто хочет жениться, или мало что понимают, или бывают... Мама их назвала дундуками, и мне кажется, что капитан Давенпорт —

настоящий дундук. Если Мелхен за него выйдет, ей всякий раз будет становиться плохо, а она решит, что так и надо. Понимаете, она никогда не будет

говорить, что получается не так, а дундук сам ничего не поймет.

Кажется, Селина думала, что все объяснила, но Савиньяк уразумел одно — заступаться за мстительную Гизеллу девица Арамо-на не собиралась.

— Какого мерзавца и кто любил? — уточнил Ли, чувствуя себя сразу Райнштайнером и герцогиней Колиньяр. — И при чем тут Мелхен?

— Альдо. — Сэль чуть удивленно раскрыла глаза и зачастила: — Мелхен влюбилась в Альдо, она думала, что он ее тоже любит. Один раз ночью он к ней

пришел как мужчина... Ей было очень плохо, но она делала все, чтобы его не

огорчить, ведь у него были неприятности. Потом она поняла, что Альдо — злобный поганец, и убежала, но теперь она думает, что ей всегда будет скверно и

что это она такая неудачная.

Мелхен, когда была маленькой, долго болела, она не могла ничего есть, ее тошнило от самого вкусного, а сейчас ее тошнит от любви. Ну, такой, которой

надо заниматься с мужем. Баронесса Вейзель... которая вдова, хочет, чтобы

Мелхен вышла замуж, и она выйдет, чтобы ее не огорчать, только если она

выйдет... не поняв, что может быть иначе, ее будет тошнить всю жизнь, и ей

придется врать, чтобы не обижать мужа. А мужчины бывают очень

настойчивыми, если любят жену.

— Бывают, — подтвердил Савиньяк, когда собеседница дотараторила явно

заготовленную по дороге речь. — Иными словами, надо отвадить от Мелхен

капитана Давенпорта? Хорошо, этому достойному офицеру в самом деле лучше

стрелять Рокслеев, чем жениться.

— Но ведь будут и другие, — резонно предположила Селина. — Дундуков

много, а Мелхен — красавица. Мне кажется, ей нравится герцог Придд, но он

такой молодой... Он может не очень уметь, и потом я с ним говорить не смогу.

Монсеньор, вы делаете хорошо всё. Я слышала, вы посещали Звезду Олларии и

не только ее. У вас бы всё получилось...

Сомнений больше не было. Умница думала-думала и додумалась до того, что

«Монсеньор» может исправить то, что натворил поганец Альдо. Потому что

Герард еще ничего не умеет, Придд тоже слишком молод и к нему не подступиться, Давенпорт — дундук, а Мелхен тошнит.

— Только не говорите Мелхен, что я рассказала про Альдо, — попросила заступница. — Иначе она огорчится.

— Селина... — начал Савиньяк и понял, что не представляет, что отвечать. Вот

заржать в голос, как это делает Хайнрих, маршалу хотелось. От восторга и преклонения перед девичьей дружбой и изобретательностью.

— Так вы сделаете, Монсеньор? — Леворукий, ей еще и подтверждение требуется! — Понимаете, нельзя терять время.

— Селина... У меня... слишком много дел!

— Герард говорил, но до Излома вы сумеете? Мелхен думает, вы похожи на Флоха...

— И на него тоже? Селина, умнее всего отправить Мелхен к моей матери, она —

человек опытный и добрый.

— Нет, Монсеньор. Будь это так, мама об этом подумала бы. Монсеньор, я пойду... Меня ждут, и я... Я могу оставить вам мамино письмо, там все понятно

написано.

— Не нужно, — заверил Савиньяк, и удивительное создание с чувством выполненного долга выскользнуло из комнаты. Оно жаждало творить добро, и оно творило.

— Закатные твари, — с умеренной нежностью пробормотал Проэмперадор, — и этого ангела назначили мне в любовницы!

Глава 6

БАКРИЯ. ХАНДАВА

ДРИКСЕН. ГАНСЕНКИРХЕ

400 год К. С. 4-й день Осенних Волн

1

Плеснуло, из воды высунулась мокрая коричневая башка, в похожей на капкан

пасти бился судак, которому не повезло. Губернатор Кипары, которому не повезло несколько раньше и чуть меньше, попятился, едва не отдавив лапу

Котику. Волкодав вежливо рыкнул, Коннер расплылся в ухмылке.

— Рыбка, — запел он, — лапулюшка ты моя... Плыви к папане!

Выдра перевернулась на спину и, придерживая передними лапами немалую

рыбину, с готовностью устремила к берегу. Любопытно, угнала бы за ней

змеехвостая прелестница, и нет ли где-нибудь выдродев, и если нет, то почему?

— Не лучше ли отойти? — Кипарец старался вести себя с достоинством, но

Рыбка его явно смущала. — Разумеется, ручной зверь не... причинит нам вреда, но он нас обрызгает!

— Эт' непременно, — весело подтвердил генерал-адуан. — От-ряхаются они

знатно. В жару — милое дело, как под дождичком стоишь.

— Сегодня прохладно, — сказал губернатор. Валме хмыкнул и подошел к самой

кромке воды — зверюга была красивой и обладала чудесным нравом, к тому же

гайицам полезно наблюдать талигойскую отвагу.

Рыбка уже выбралась на берег. Самозабвенно отряхнувшись, она вновь ухватила

добычу зубами и, напрочь проигнорировав наследника Валмонов, шустро поскакала к любимому хозяину.

— Приучена, — объяснил тот. — Все для папани, а уж он решит, с кем

поделиться... Сейчас как запечем! Ну, Рыбка, ну, лапушка, ну, удружила, ну, давай поцелуемся!

Привыкшего к волкодавьи нежностям Валме сюсюканье с выдрой не удивляло, однако превосходительный попятился еще сильнее, и Марсель решил, что пора

переходить к делу, благо чистить судаков Валме никогда не стремился, он и пистолеты-то чистил безо всякого удовольствия.

— Сударь, — виконт подхватил гайи́фца под руку, — предлагаю прогуляться

вдоль озера, вряд ли вы скоро увидите сей ландшафт вновь. Судак по-адуански

поспеет не раньше чем через час. Когда будет готово, за нами пришлют, так что

время у нас пока есть, пусть и немного.

— У вас немного, — с некоторой грустью уточнил превосходительный. — Что

до меня, то в последние месяцы времени у меня более чем достаточно.

— Вам надоела варастийская кухня?

— Если я скажу «да», то рискую получить кухню бакранскую. Чего не хотелось

бы.

— Это зависит лишь от вас. — Пару валунов Марсель приметил еще во время

первой в здешних краях рыбалки с выдрами, совершенно не дипломатической, зато развеселой. — Вернее, от нескольких писем, которые оказались в руках

частично у нас, частично — у маршала Капраса. Писем, где вы жалуетесь на

Военную коллегия, оставившую Кипару без защиты, и намекаете на то, что

если Паона не желает заботиться о провинциях, то и провинции не обязаны

радеть о Паоне. Эта мысль, само собой, выражена не столь прямо, но вы,

имперцы, такие витиеватые...

— Создатель! — Растерянный губернатор выпучил глаза, на породистом и обильном щеками лице это выглядело забавно. — Я не писал Капрасу! С чего

бы мне писать этому солдафону? Он же не видит дальше своего корпуса.

— Вы недооцениваете солдафонов, — мягко укорил Валме. — Что до писем и

черновиков к ним, то кое-что есть и у меня. Присядемте, только подстелите

плащ. Сидение на холодном и жестком порождает боли в крестце — забыл, как

они называются по науке. Читайте.

Гайифец читал, и выражение у него было такое, словно крестец о себе уже заявил. Предпочитавший угрюмым физиономиям красивые виды Марсель принялся бросать в воду камешки, любясь на образуемые ими круги и на пейзаж. Лежавшее в паре хорн от Хандавы проточное озеро было мечтой не

только повара, но и художника. Валме подмывало попросить у Этери краски и

изобразить серебристые ели и выступающие из воды причудливые камни. Один

из них был прямо-таки создан для змедевы, но сейчас на нем ссорилось утиное

общество. При желании птиц можно было сбить из пистолета и попросить

Рыбку принести. А можно было и не стрелять — хватать тех, кто наверху,

выдра

умела, другое дело, что жалкие комки перьев ее привлекали мало, а вот козленка

с водопою она как-то уволокла. На глазах у матери и, что печальней всего, у бакрана, который возлагал на родившуюся белоснежной жертву большие надежды.

— Это подделка! — простонало за спиной. — Изумительная, но подделка!
Я

никогда... Ни один здравомыслящий человек не доверит подобные мысли бумаге!

— Но вы их разделяете, не так ли?

— Это озеро прекрасно! — отрезал губернатор. — Хотел бы я быть художником, чтобы перенести на холст его красоту.

— Будь вы художником, вы переносили бы на холсты пышнотелых дам в декольтированных доспехах. Я видел вашу резиденцию, и у меня нет сомнений, что убранство соответствует вкусам хозяина. Мне как талигойцу будет жаль, если воительниц сменят смазливые флейтисты.

— Я не писал этих писем, виконт.

— А так ли это важно? — Марсель бросил еще один камешек. — Что бы вы ни

говорили о Капрасе, думать он умеет, и ваши...

— Старый прием, сударь, да и я не молод. Эти письма не мои.

— Вы достаточно молоды, чтобы... заказывать шпалеры. В любом случае маршал Капрас, прочитав письмо, которое счел вашим, ускоренным

маршем

двинулся спасать отечество. Увы, положение в приграничных провинциях оказалось хуже, чем говорилось в письмах, поскольку к бакранским налетам

прибавились местные мародеры, обнаглевшие до того, что захватили троих ваших братьев... Ехавших, между прочим, на встречу с нами. Вот, кстати говоря, эти письма.

— Вы их прочли?

— Как можно? — возмутился Валме, не только не писавший упомянутых писем, но и не читавший. Зачем? Чиновник не доверит бумаге ничего, что не

понравится тому, кто взялся это письмо передать.

Невинный намек на тоскующего в плену собрата троим превосходительным

бросила Матильда. Утром ей с поклонами вручили аж три послания.

— Поразительно. — Тоскующий отложил последний лист. — Поразительные

события, если эти письма подлинны. И поразительное искусство, если это —

подделка.

— Давайте исходить из их подлинности, тем более что у вас есть возможность

это проверить. Почему бы вам не вернуться в Гайифу и вновь не возглавить вашу провинцию? В империи полагают, что вы у бакранов; никого не удивит, если казар Баата через свою сестру добьется вашего освобождения.

— А потом станет известно, что я был у талигойцев и что талигойцы меня отпустили, поверив, что я пекусь о Кипаре больше, чем о Паоне.

— Не понимаю, — пожал плечами Валме, — как это станет известно? Капрас не

доносчик и к тому же знать не знает, кто вас захватил.

— Тот, кто подбросил эти фальшивки в мою резиденцию, — с горечью произнес

губернатор, — вряд ли ограничился Капрасом. Это озеро в самом деле прекрасно, на его берегах хочется пребывать вечно. Тем более что за Рцуком

меня если кто и ждет, то дознаватели.

— Не преувеличивайте. Ваши письма указали дорогу, но следовавшие к святому

Гидеону господа вступили на нее по доброй воле. Если в итоге она приведет к

созданию... пусть будет Великого герцогства Кипарского, вам дадут орден.

Интересно, как он будет выглядеть? Павлин исключен, а как вам золотой, осыпанный бирюзой — ведь в ваших краях добывают бирюзу — грушак?

Балинт Мекчеи, оказавшись в подобной ситуации, использовал перец. Знаете, кто стал первым кавалером ордена Перца?

— Герцог Алва.

— Алонсо Алва, — педантично уточнил Валме. — Это был первый случай, когда Алва приняли иностранный орден. Кэналлийские Вороны — очень

странная фамилия... На первый взгляд они равнодушны к наградам, но стоит

покуситься на монарха, который их чем-то пожаловал, и покусившегося ждут

крупные неприятности. Сударь, ну зачем вам отказываться от... заслуженной

награды? Неужели вы хотите отдать первенство угодившим к разбойникам

недотепам? Лично меня это коробит! Одно дело, отступая перед превосходящим

противником, попасть к нему в плен — это не стыдно хоть бы и королю. И

совсем другое — не суметь извести бандитов и в конце концов стать их

добычей. Волкодав, растерзанный волками, вызывает уважение, а что вызовет

неряха, заживо сожранный клопами в собственной спальне?

— Я не писал этих писем.

— Это ваше последнее слово?

— Виконт, — на породистом лице была искренняя скорбь, — вы же видели

моего субгубернатора. Его единственная слабость — его желудок. Найди он

способ войти в приличную семью, он пошел бы очень далеко, но стал лишь

вторым в приграничной провинции. Теперь он первый, и это первенство он не

уступит. Найденные вами письма — это только начало...

— О! — восхитился Валме. — Так этот господин безупречен? Может, он еще и

добродетелен?

— Как святой Гидеон, — с горечью признал превосходительный. — Вы видели

мои шпалеры? Когда их повесили, субгубернатор стал пользоваться лестницей

для слуг, за что снискал похвалу епископа кипарского, а он у нас, увы, из ордена

Чистоты. Надеюсь, вы понимаете, что это значит?

— О да! И это прекрасно. Ваш безупречный у нас, то есть, простите, у вас в руках, но начнем мы с рыбы.

2

Письмо командующего Горной армией доставили около полудня, но Бруно не

был бы Бруно, если б отложил обед и послеобеденный отдых. Свой резон в этом

был — неизменность фельдмаршальских привычек намекала на то, что старик

все еще хозяин положения.

Впрочем, новых желающих усомниться в главенстве Бруно не находилось.

Капитан Рауф, сдавая Руппи роту, беззлобно заметил, что присутствие

Фельсенбурга напрочь отбивает охоту спорить. Руппи в ответ пожал плечами, но

услышать такое от не самого плохого рубаки было лестно. Школа Ринге, сама по

себе очень неплохая, вкупе с фрошерскими вывертами творила чудеса. Иногда

Руппи казалось — еще немного, и он обретет дар боевого предвидения, который

приписывали Торстену и которым владел Вальдес. Увы, искры — это еще не

пламя, порой Фельсенбург в самом деле угадывал, но, похоже, для этого требовалась ставка большая, чем жизнь. Бешеный же умудрялся угадывать даже

на тренировках.

— Господин капитан, — порученец, немногим старше самого Руппи, смотрел на

«полоумного Фельсенбурга» с плохо скрываемым восхищением, — вас вызывает фельдмаршал!

— Спасибо, Мики, — полоумный Фельсенбург с трудом сдержал желание дернуть благоговеющего за нос или за ухо и направился к начальству. Когда-то

он мчался в каюту Ледяного, с трудом скрывая счастливую улыбку, но это было

море, и это была юность, которая взяла и кончилась — то ли на эйнрехтской

крыше, то ли на Китенке. Отношения с Бруно были сухи, как порох у хорошего

интенданта, однако искры пока не летели. Чего им лететь, если и глава дома

Зильбершванфлоссе, и наследник дома Фельсенбургов сходятся как в том, что с

чумой надо кончать, так и в том, что сделать это непросто.

Уладив дела с фрошерами, высвободив свои силы и проведя необходимую подготовку, Бруно двинулся на север, собираясь проутюжить Дриксен от Гельбе

до Полуночного моря. Кампания обещала стать на редкость пакостной даже при

том, что старый бык мог рассчитывать не только на собственные силы. На

северо-востоке и востоке собирали ополчение Штарквинды, а еще была армия, противостоявшая ноймарам. Когда, развязавшись с гаунау, бергеры и части

Савиньяка укрепили оборону перевалов, командующий Горной армией поневоле

убавил прыть, и Бруно надеялся на его помощь. Обмен письмами пошел сразу

же после прихода новостей из столицы: генерал фок Гетц выражал лояльность

братьям кесаря. Вначале этого хватало, теперь требовалось больше.

— Медленно ходите. — Облаченный в незастегнутый мундир — еще одна

послеобеденная традиция, — Бруно с удобством расположился в разборном

потертом кресле, с которым никогда не расставался. Будь это Олаф и будь Руппи

прежним, эта привязанность к старой вещи умилила бы. — Ваша прыть

проявляется очень избирательно.

— Да, — согласился Фельсенбург, — в приемных тереться я не умею. Зато ваша

охрана скоро не только сможет со зверским видом стоять у вашей палатки,

но и

в поле начнет чувствовать себя как дома. Вроде наших «быкодеров» и фрошерских «фульгатов». Савиньяка охраняют именно они.

— Что ж, лишние тренировки еще никому не вредили. Можете считать, что я

вами как капитаном моего конвоя доволен. Фок Гетц прислал толковое письмо.

Он опасается уводить всю свою армию на запад: фрошерам и ноймарам в их

нынешнем положении генерал готов доверять, но вот насчет Хайнриха он испытывает серьезные сомнения. Финт с выходом из войны показал, что

Медведь способен на резкие движения, и как бы он теперь не вознамерился

прибратить к рукам Аар. Родственные узы Бербрудеров с нами больше не связывают, от угрозы с юга Хайнрих себя обезопасил, а в кесарии — разлад.

Самое время откусить что-нибудь на западе.

— Мне кажется, Хайнрих нацелился на восток. Я слышал, что Савиньяк, по

сути, отдал ему Кадану. Она до Двдцатилетней принадлежала Гаунау, а «медведи» не любят терять.

— Возможно, вы правы, а возможно, вы услышали то, что вам позволили.

Хайнрих вполне способен сожрать и Кадану, и Аар. Что до Савиньяка, то его это

устроит полностью. Нежелание отгрыгивать проглоченное сделает союз с Талигом постоянным, а после смерти Фридриха Кримхильде нужен новый муж.

Гаунассский принц стоит выше талигойского графа.

— Савиньяк предан Талигу.

— И эта преданность доделает остальное. Превратить Гаунау в огромную Бергмарку — задача, достойная Леворукого... Гетц предлагает передать под мое

начало третью часть своей армии, сам же с оставшимися силами передвинется

поближе к гаунаусской границе и будет поддерживать порядок, попутно присматривая за талигойцами. Что ж, пусть попробует. В конце концов, это неплохой резерв. Хочешь возразить?

— Нет, если Гетц останется на вашей стороне.

— К Марге он не переметнется: в штабе Горной армии у меня есть свои люди, они подтверждают, что командующему с китовниками не по пути. Он хочет

воевать здесь, и воевать с привычным врагом, и еще он хочет стать

фельдмаршалом. Шанс наследовать мне у него имеется, зато нет ни малейшего

шанса оттеснить столичных любимчиков нового вождя. Вот взбунтоваться там

могут — вряд ли при Гетце есть кто-нибудь, способный рубить мятежные головы простым палахом.

— Это был особенный палаш, — в который раз объяснил Руппи. Порой лейтенанту казалось, что его зловещей репутации кто-то усердно способствует, распространяя особо живописные подробности. Больше других на этого «кого-

то» походил фельдмаршал, но привычку спрашивать в лоб Руппи утратил вместе

с иссиня-черным морским мундиром.

— Допустим, — добродушно согласился Бруно. — О письме Гетца я мог капитану охраны и не сообщать, а вот вам придется объяснить, что от вас нужно

пресловутому Вальдесу. Он, видите ли, прислал вам письмо на мое имя.

Наглость неопишная, но, насколько мне известно, этот человек не считается ни

с чем.

— Да, Бешеный очень своеобразен. — Что-то с Ледяным... Больше Вальдесу

писать не о чем! — Не представляю, что ему могло от меня понадобиться.

Возможно, он вспомнил, что забыл передать привет своей тетушке.

— Прочтете при мне. Я не имею обыкновения читать письма своих родственников. Первым.

Глотать письма глупо, но читать об Олафе Бруно не будет. Что же там произошло?! Эсператия почитает самоубийство грехом, но можно просто не

пить лекарств, просто подняться в бурю на обледеневшую крышу, просто пойти

вдоль обрыва, не глядя под ноги... Руппи, демонстративно пожав плечами, взял

со стола футляр с морским пейзажем. Острые лучи вспарывали черные тучи, по

свинцовому злему морю неслась стремительная серебряная полоса...
Совсем как

тогда, в последний день «Ноорд-кроне».

«Ведьмы плачут, — так начать мог только Бешеный, — не забывайте об этом!

Что до прочего, любезный Фельсенбург, то вы наверняка забыли о вашей свите, а она, между прочим, по-прежнему требует места и точит когти о дядюшкину

память. Вы не замечали, что кошачьи плачи тише людского молчания ?

Объясните принцу Бруно, что шкипер Ключкатор — честнейший человек и истинный дрикс, и ваш мундир вновь покроется белой шерстью. Берегите своего фельдмаршала, он не читает Эсператию и не проигрывает сражений; впрочем, первое есть следствие второго, так что не давайте ему проигрывать, а

кэналлийское у вас будет...»

С Олафом все было хорошо — то есть, конечно же, плохо, но по-прежнему, а

Бруно... Передавая послание Бешеного фельдмаршалу, наследник

Фельсенбургов веселился, как школяр, которому посчастливилось подсыпать

придире-ментору нарианского листа.

Окна апартаментов его высокопреосвященства выходили в один из малых хандавских садов, где имелся свой ручеек. Лучшего нельзя было и желать!

— Ставьте здесь, — велел Марсель паре загодя веселящихся адуанов и занялся

сытым, но печальным кипарцем.

— Вам, сударь, повезло, — подбодрил губернатора Валме, — что я слегка мародер.

— «Слегка»? — попробовал уязвить превосходительный. — Валмоны всегда

знали толк в грабежах.

— Это были ответные визиты, — напомнил виконт. — Но в чем-то вы правы —

все крупные состояния наживаются несправедливым путем. К счастью, наше уже

нажито, поэтому я беру лишь то, что завораживает и потрясает. Ваших

вооруженных красавиц или вот это, гм, сооружение. Попробуйте угадать его

предназначение. Хотя, возможно, вам известен ответ.

Кипарец покосился на поспешающих адуанов.

— Палатка для полуденного отдыха? — предположил он.

— Не совсем. Вы когда-нибудь путешествовали в обществе своего завистника?

— Нет.

— Вы совершили ошибку. Субгубернатор, как вы знаете, слаб желудком, и

слабость эта может настигнуть его везде. Будучи человеком предусмотрительным, он принял меры. Скоро вы все увидите сами.

— Так это — походное... — Губернатор замолк, подыскивая слова.

— Будьте проще, мы в дикой стране. Это походный нужник, который можно

установить в любом месте, в том числе и над расщелиной и нешироким ручьем.

— Забавно, но необходимо. Человеку в чинах нельзя показываться подданным

империи в недостойном виде.

— Несомненно, однако эта палатка являет собой нечто большее, нежели осознанную и овеществленную необходимость. Минуту терпения.

Адуаны, сдерживая смешки, заканчивали водружать на разборный мостик подобие портшеза. Сооружение делало честь породившей его мысли, а ведь сперва Марсель прошел мимо, приняв его за обозный хлам. Спасла бакранская

любопытность: Жакна пощупал полог и обнаружил, что серый холст подбит

пунцовым шелком, однако больше всего бакрана заинтересовали сундучок с

орнаментом из странных цветов и кресло с круглой дырой, которую прикрывала

расписанная такими же цветами крышка. С изящной ручкой в виде все того же

цветка.

— Непонятно, — твердил бакран. — Как сидеть? Совсем неудобно.

Валме не выдержал, полез смотреть — и не пожалел. Будь Капуль-Гизайль не

столь изыскан, он выдержал бы будуар супруги именно в таких тонах, а не будь

бакран бакраном, он понял бы, что орнамент состоит отнюдь не из цветочных

бутонов. Заинтригованный Марсель, памятуя о гайифских традициях, не стал

возиться с замком, а призвал на помощь Мэгнуса, проломившего крышку с одного удара копытом. Ядовитая иголка таки была, и стерегла она книги и свитки!

Роскошно проиллюстрированные, они произвели бы в Лаик фурор. Если бы

каким-то чудом там оказались. Особенно хорош был запретный Иссерциал —

правда, иллюстратор явно предпочитал изображать дам, но как! Злоключения

похищенной Элкимены соперничали с развлечениями знаменитых гальтарских

распутниц, не было разве что птицерыбодур. Хозяин палатки-оборотня знал

толк в теории! Что до ее применения, то бедняга вряд ли мог этим похвастаться, вот и грезил, сидя с книжкой над ручьем.

— Так что готово, — доложил хмыкающий капрал. — В лучшем виде.

— Прощу! — Валме галантно поднял полог. — Выбираете книгу, снимаете

крышку и некий предмет одежды, садитесь. Все отлично продумано.

Превосходительный исчез в обители субгубернаторских грез, и Валме принялся

выпутывать из гривы Готти очередные репья. Виконт чувствовал себя немного

предателем, но кто же таскает в обозе обнаженную душу? Затежник получит от

вернувшегося начальства одну из своих книжек и притихнет, ну а

превосходительный, если повезет ему и Талигу, — обретет орден. Некоторую

трудность являл собой «сбежавший» от Лисенка гвардеец. Если он не был с

Капрасом откровенен, неожиданное прибытие превосходительного выбьет парня из колеи.

— Завтра поедем встречать казара, — поделился с псом виконт. — Кто гвардейца упустил, тому его и предупреждать. Хочешь пряник?

Котик счел вопрос бессмысленным, но облизнул хозяина и получил целых

два пряника; посыпались крошки, на них из кустов выпорхнула дубоносая птица, а из сооружения — губернатор, и лицо его было... странным.

— И как вам обратная сторона добродетели? — любопытствовал Валме. —

Не правда ли, занимательно?

— О да! Знаете, виконт, я начинаю думать о нем лучше.

— В таком случае верните страдальцу хотя бы Иссерциала. Кстати, сударь, неужели бедный трагик останется под запретом и в великом герцогстве

Кипарском?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — развел руками превосходительный. —

Ведь я его прежде не читал.

— Ну так прочтите по дороге. Если все же решитесь нас покинуть.

— Пожалуй. — Лицо гайифца стало почти мечтательным. — Да, я еду, и чем

скорее, тем лучше.

Глава 7

ТАЛИГ. АКОНА

400 год К. С. 4-й день Осенних Волн

1

Ловушки бывают всякие. Бывают медвежьи и волчьи, а бывают маршальские и

проэмперадорские: угодишь в яму с обещанием или, того хуже, с законом — не

выберешься. Арно Савиньяк не зря приходился родичем экстерриору: слегка

успокоившись, он понял — Гизеллу Ли с Райнштайнером не помилуют, как бы

они ни сочувствовали бедолаге-полковнику. Именно поэтому братец не желает

ее видеть и о ней слышать. Более того, он прав: нельзя миловать

преступницу, которую осудил целый город. Своди кудлатая дурочка счеты с разлучницей, ее

бы пожалели. Подругу законченного подонка, ничего не знавшую о его

делишках, — тоже, но весь ужас был в том, что полковничья дочка знала про

своего капитана все. Она мстила за получившего по заслугам мародера, и

мстила человеку заведомо непричастному. Другое дело, что девица фок Дахе

вряд ли соображала, что затевает.

В детстве Арно частенько ненавидел то братцев, то ментора — случалось, и

ногами топал, и вопил. В том числе и об убийстве. Выкрики Гизеллы имели ту

же цену. По-хорошему, злюку следовало ткнуть носом в окровавленные трупы

стариков, которых она знала с детства и чьей дружбой с отцом воспользовалась.

Не проведай паршивка «дядю Густава», не выпроси, когда кто приходит, кто

уходит, как стучит, налетчикам просто не открыли бы. Город узнал и об этом —

разбойники оказались разговорчивыми, их слушали два десятка бергеров и

фульгатов, а уж заставить молчать вырвавшуюся из погребка кухарку...

Вина Гизеллы была бесспорной, приговор, особенно по военному времени, тоже; хромой полковник это понял и сдался. Окажись Арно на месте бедняги, он

тоже сжал бы зубы и пошел хоронить убитого друга, однако виконт смотрел с

другого берега, и еще он твердо знал: выход есть всегда. Чтобы в Аконе был порядок, а власти пользовались уважением, Гизелла фок Дахе должна умереть.

Чтобы в мире стало чуточку больше надежды, Гизелла фок Дахе должна жить.

Ни Лионель, ни Райнштайнер свести эти концы вместе права не имеют, но виконт Сэ свободен.

Решение пришло, когда Арно переходил пятый за сегодняшний день мост. На

ходу лучше думалось, и тенъент мало что замечал, но визгливый женский вопль

«Да я скорей утоплюсь!» не расслышал бы только глухарь. Арно глянул в темную речную воду и понял — вот оно! Конечно, виновника выставят на год-

два в Торку или, того хлеще, в Сагранну, так он и сам не прочь, все равно северную войну Ли прекратил.

Виконт бросил в Выбору монетку — поблагодарил за подсказку. Всего-то и требовалось подделать записку Проэмперадора, пожелавшего допросить девицу

фок Дахе лично, забрать Гизеллу и препроводить в Старую Придду к матери, а в

городе объявить, что преступница, когда ее везли через мост, изловчилась и прыгнула в реку. Было темно, тела не нашли. Что ж, если кому охота

разменять

пулю на воду, так тому и быть...

Вчерне план сложился за пару минут, но по плану только парады проходят, да и

те не всегда — то конь захромает, то дождь польет. Первой загвоздкой стал

приказ. Что и какими словами писать, Арно знал, но сам был неспособен

подделывать хотя бы точку.. Правда, Герард успел сообщить, что в Акону вернулся

Придд. Этот изобразит любой почерк и не поморщится, Сузе-Музе не впервой!

2

— Как ты смогла? — воскликнул нареченный Герардом. — После всего?!

С

больными ногами?! Такое только в королевском дворце подавать... Нет, как ты

только смогла?!

— Но если не я, то кто? — удивилась Мелхен. — Добрая Бренда потрясена, и у

нее подгорела капуста. Я велела ей идти к дочери и выпить пива. Оно

омерзительно по цвету, вкусу и запаху, но отяжеляет, а тяжесть тела не дает

летать страхам души.

— Я теперь люблю пиво. — Брат Селины взглянул на общее блюдо, где

оставался еще один кусок мяса, и быстро отвернулся. — Бергеры так славно его

пьют. Йоганн Катершванц мне рассказал про пену, в Кошоне я не думал, что это

так важно...

— Доедай, — велела Селина. — Тебе завтра ехать.

— После полудня. На утро Проэмперадор пригласил Придда, а маршал — генерала Ариго.

— Хорошо, что Монсеньор еще и Проэмперадор, — заметила Селина, — так о

них проще говорить. Когда братья вместе, их не перепутаешь, а вот за глаза трудно. Вы их между собой как зовете?

— По-разному. — Герард взял не только мяса, он слил себе на тарелку сок, и

Мэллит не могла не возгордиться. — Ор-гаролиссцы, то есть те, кто из армии

твоего Монсеньора, зовут его «наш» или «Леворукий». Понимаешь, на севере

Леворукого рисуют черноглазым, а у Савиньяков еще и родовые цвета —

черный с алым. И еще он очень хорошо фехтует левой. Не хуже, чем правой, только, Сэль, я к нему переходить не хочу. Я вообще ни к кому переходить не

буду, разве что Монсеньор приедет. Настоящий.

— А тебя разве кто-то зовет?

— Нет, но ты же понимаешь...

— Что я понимаю? Погоди! Маршал пришел...

— Кто?!

— Мяк! Мя-а-ак!

Подруга вскочила и побежала к двери, за которой раздавались требовательные

крики. Герард рассмеялся:

— Опять забыл про вашего зверя! Лучше бы вы его переназвали...

— Вот еще! — Сэль села, и черно-белый тут же оказался у нее на коленях.

—

Просто соображай лучше! Когда ты на службе и тебе говорят про маршала, ты

же не думаешь, что пришел кот.

— Не думаю. Сэль, я в самом деле хочу остаться с маршалом Эмилом.

— А что, ты ему уже надоел? Ты можешь. Правда, Мелхен?

Мэллит улыбнулась:

— Надоедают противные и назойливые. Я слишком редко вижу твоего брата, он

красив и приятен.

— Спасибо, Мелхен. Сэль, мне нужно с тобой серьезно поговорить. Иди речь о

твоей чести, я, конечно, остался бы с тобой, но Проэмператору можно доверять.

Конечно, совсем одну я тебя оставить не могу, но ведь ты теперь с Мелхен...

— Я еще и с Маршалом. Оставайся с кем хочешь, но с Монсеньором спокойнее.

Нареченный Герардом не стал возражать, однако в глазах его билось несогласие, и Мэллит думала так же — воин с лицом огнеглазого Флоха нес в себе грозу.

Немногие могут мирно спать под блеск молний.

— Мелхен, — прервала молчание Сель. — А ты что скажешь? Кто из Савиньяков лучше?

— Я не говорила с тем, кого зовут Эмилем, — начала объяснять гоганни.
—

Младший из трех братьев вобрал в себя солнце, словно янтарь, он радуется и греет; старший же подобен бриллианту, что вырезает след на сердце. Но, когда

он обнажит оружие, за его спиной будет мир.

— Он хороший Прозэмперадор, — подтвердил Герард. — Сэль!!!

Именуемый Маршалом уже был на столе и неспешно пробирался меж тарелок, к чему-то принюхиваясь.

— Кошачий корень! — воскликнула Селина, подхватив кота под живот, однако

могучие когти впились в скатерть и повлекли ее за собой. Зазвенело: масленка

стукнулась о сотейник. — Ты в подливу кошачий корень клала?

— Я не знаю всех ваших имен наших трав...

— Давай! — Рука Герарда протянулась к коту и была встречена исполненной

когтей лапой. — Разрубленный Змей...

— Он такого не любит... — начала Селина. — Слышите?

Стук дверного молотка напомнил о дневной беде, и Мэллит быстро взяла мясной нож.

— Кто-то пришел, — подтвердил Герард, забыв о крови на руке. — Я посмотрю.

— Там «фульгаты», они справятся. — Сэль взяла не кота, но манящее его блюдо, и понесла прочь. — Я заварю шиповник...

— Добрый вечер, сударыни.

— Монсеньор! — Селина торопливо поставила ношу на буфет. — Как хорошо!

А я и не думала...

— Не нанести визит даме, которую собирались убить мне назло, верх невежливости.

Первородный Лионель переступил порог, и брат Селины, вскочив, выпятил грудь и щелкнул каблуками.

— Господин Проэмперадор, с вашего разрешения... Мы кушаем.

— Только, — перебила подруга, — мы уже все съели, но есть сладкий пирог и

яблоки.

Нареченная Селиной рада, она верит молниям и не боится гроз; да пошлет этим

двоим Кабиох всю радость, что отнята у недостойной.

— Я могу встать к печи, — предложила Мелхен. — Если запечь жесткий хлеб с

сыром и мелко нарубленным...

— Мя-а-а-а!

— Маршал! Ну сколько можно тебе...

Кот стремился к вожаденной подливе, но не рассчитал: прыжок не достиг цели, а коготь зацепился за салфетку, на которой сушились зимние цветы. Погибая, они осыпали словно бы набросившего плащ зверя легким розовым пеплом.

Черно-белый чихнул и принялся отряхиваться, это было смешно, и все засмеялись.

3

Валентин читал — впрочем, этот умник читал всегда. При виде Арно он заложил книгу тоненькой серебряной полосой, поднялся и протянул руку.

— Хорошо, что ты здесь, — не стал ходить кругами Арно. — Нужна твоя помощь. Дело скверное и деликатное... Перекусить у тебя найдется, а то я с утра

не ужинал?

— Ужин из «Разгульного чижа» доставят к девяти. — Валентин приоткрыл дверь и велел удвоить заказ. — Столько твое дело терпит?

— Оно терпит до ночи. Знаешь, зачем тебя выгнали из Марагоны?

— Нет, но, поскольку там я приносил заметную пользу и твой брат это знает, жду чего-то важного.

— Тебя отправляют за кладом. Как сказочного простофилю... Ты слышал о золоте Ферры?

— Разумеется.

— Сэль Арамона с матерью не только видели клад, но и взяли несколько слитков и серебряную маску. По их словам, золота — целый колодец, но вся

беда в том, что тайник им показали выходцы. Точнее, наш Свин и его посмертная жена. Сейчас скажешь, что я пьян и брежу.

— Не скажу. История с исчезновением Арамоны проходила через ведомство

супрема, меня довольно подробно спрашивали о том, что я видел, а из вопросов всегда что-нибудь да вынесешь. Кое-что мне известно и от отца, и оно

неплохо согласуется с твоим рассказом: Свина вполне могли забрать выходцы.

Еще что-нибудь о кладе Манлия известно?

— Он спрятан в подвале, а наверху покончила с собой какая-то дама.

— О даме меня уже спрашивали, хоть и не вдаваясь в подробности. К сожалению, я не смог припомнить подходящего по времени самоубийства.

Возможно, имеет смысл начать с помещения.

— Селина расскажет, что сможет вспомнить. Понимаешь, Свин подарил этот

клад ей.

— Очень удачно. Если она на правах хозяйки даст нам разрешение, мы сможем

войти, но место, похоже, придется искать самим. В самом деле сказка, но

бывают и более безнадежные поручения. У нас еще полчаса, мы вполне

можем

обсудить твое деликатное дело. С кем ты дерешься?

— Все гораздо хуже...

Объяснять Арно учили и научили родственнички, не терпевшие «э-э-э... бе-е...

этот самый, который»; Спрут же, хоть после Мельникова луга и перестал кусаться, был немногим лучше Ли, так что рассказ Арно продумал по дороге.

Вышло коротко и по существу. Придд, во всяком случае, задумался, ничего не

уточняя и сведя брови на переносице. Арно однокорытника не торопил: чем

больше Зараза отыщет в плане прорех, тем легче будет, когда дойдет до дела.

— Значит, — Валентин вновь глядел прямо, — Гизелла фок Дахе

воспользовалась дружбой собственного отца с домоправителем? При этом она

знала, что вдова органиста привечает аконских «висельников», хотя здесь их, видимо, зовут иначе. Кроме того, в день налета девица сказалась больной.

— Да, только что об этом теперь говорить?!

— Арно, если ты ничего не перепутал, предоставь сию особу ее участи. Я

понимаю, какое впечатление производит хрупкая одинокая женщина в

окружении стражи, — этим приемом драматурги беззастенчиво пользуются со

времен Иссерциала, но Гизелла фок Дахе — не Элкимена и не плясунья-монахиня.

— Она дурочка, — охотно согласился Арно, — злющая, но это пройдет. Я же

говорил, что отвезу ее к матери.

— Графиня Савиньяк достойна восхищения, но здесь, поверь мне, она бессильна. Эта девица переступила грань между человеком и тварью.

— Ты же ее не видел... Тоже мне «тварь», девчонка с белой ленточкой! Дело в

мерзавце, который ее покорил, ну и в балладах, куда же без них! Девушки любят

разбойников, над этим еще Веннен смеялся.

— Тогда назови книжного разбойника, который просто хотел денег. Много и

сразу. У того же Дидериха всё первое действие, а иногда и второе, будущего разбойника изгоняют, несправедливо лишают наследства, проклинаят,

оговаривают. У несчастного не остается выхода, он уходит в лес, но и там

стариков с женщинами не режет. Мне порой кажется, что разбойники Дидериха

вообще кушали веточки...

— Валентин, мы не о том! Для капитана я и пальцем не шевельнул бы, даже

если б передо мной на колени встали.

— Так девица перед Проэмперадором и встала. После чего попыталась

прислать

ему голову, как она полагала, возлюбленной. Взгляни на это с другой стороны.

Что ты скажешь, если невеста убитого солдата, чтобы отплатить спасенной тобой Гизелле, подожжет дом ее отца, а потом проберется в Старую Придду и

зарежет твою мать?

— Чушь!

— Да, причем по двум причинам. Во-первых, увезти девицу фок Дахе ты не сможешь, во-вторых, она любит только себя. Соответственно, убив ее отца, больно ей не сделать. Она, похоже, сама его почти убила.

Полковник за какие-то четверть часа и впрямь превратился в привидение, но что

поделать, если в девичью головку вмещается только одно горе?

— То есть ты отказываешься?

— В данном случае. На земле и так слишком много гадюк.

— Хорошо, я все сделаю один. Надеюсь, ты не донесешь.

— Нет, разумеется. Впрочем, не думаю, что будет на что доносить, и уж точно

это не помешает мне накормить тебя ужином. Если ты, разумеется, станешь

теперь ужинать.

— Стану, кляча твоя несусветная!.. Проклятье, я же рассчитывал на твои таланты. Ну не умею я письма подделывать! Ладно, приказ будет устным, а

мою

физиономию не спутаешь... Только ты, выцарапывая Алву, вряд ли думал о тех, кого при этом убьют. И выспрашивать у тех, кто тебе доверял, тоже не стеснялся. Ты — молодец, Гизелла — дура, но вели-то вы себя одинаково.

— Передергиваешь.

Придд и не думал закипать, Арно тоже не злился — просто было горько, что

друг, а Валентин успел стать именно другом, отказывает в помощи. Не из страха, потому что не согласен, и его с этого несогласия не своротить.

— У меня была сестра. — Спрут подвинул кувшин с рябиновыми ветками и

принялся собирать разложенные книги. — Если не трудно, положи вот это на

бюро... Однажды она убила — видимо, из любви, как она ее понимала; семья ее

защитила, и началась ненависть. Габриэла не желала ненавидеть себя и потому

возненавидела нас. Смерть родителей сделала ее счастливой почти на месяц, потом ей захотелось большего. В конце концов сестра убила снова. Этого не

доказать, но я не сомневаюсь, что графа Гирке утопила она. Меня Габриэла не

трогала лишь потому, что ждала, когда я буду счастлив и очень не захочу умирать.

— Теперь до меня дошло... — Вот так и понимаешь, с чего Валентин был

сосулька сосулькой! — Извини.

— Не за что. Будешь пить?

— Бокал выпью.

— Вино торское.

— Пусть.

Кислое вино и жирные колбаски с капустой... Герцог Придд, прежний герцог

Придд, вряд ли такое взял бы в рот. Полковник Зараза и не заметил, как перестал быть сынком супрема.

— Ты очень изменился после Лаик, — негромко сказал Придд. — Я, видимо, тоже?

— Леворукий... Именно об этом я и думал! Но если изменились мы, почему бы

не измениться Гизелле? Живой. Мертвые не меняются.

— Такие, как она или моя сестра, в известном смысле умирают при жизни. Ты

согласен с тем, что заложники на войне — неизбежное зло?

— Пожалуй...

— Война списывает многое и еще больше требует, но тот, кто переносит правила войны в мирную жизнь, должен быть уничтожен. Вне зависимости от

того, женщина он или мужчина, везло ему или нет. Если б гаунау принялись по

ночам убивать наших солдат, твой брат за одного вешал бы десяток, а вот

Бруно

вешал марагов уже без всяких «если». Вздерни он в отместку за Ор-Гаролис

тебя, ведь в Двадцатилетнюю дриксы так и поступали, мы в ответ расстреляли

бы Фельсенбурга, но это война, а на войне нет места личному.

Война существует по законам смерти, мир — по законам жизни. На войне мы

убиваем, обманываем, грабим. Врагов. У них нет лиц и имен, они нам лично

ничего не сделали, но они носят чужой мундир и вредят Талигу. Ты мне

напомнил о том, что я сделал в Оллари, но это тоже была война. Не скрою, обманывать тех, у кого есть лицо, голос, взгляд, — труднее. Не знаю, как бы я

выдержал, если бы господин Альдо был таким, как герцог Эпинэ, а на месте

Окделла оказался ты, только в Аконе нет вражеских солдат и нет узурпатора.

Зато здесь живет девушка, готовая убить свою ровесницу, чтобы причинить боль

другому человеку. Тебе ее все еще жаль?

— Да! А ты ее просто не видел.

— Ты это уже говорил. Это не аргумент.

— Аргумент, — Арно поднял бокал, — лучший из всех. Ты, господин Зараза, ее

просто не видел.

Глава 8

ТАЛИГ. АКОНА

400 год К. С. Ночь с 4 на 5-й день Осенних Волн

1

Звезды висели на ветвях, будто каштаны, и, как каштаны, они срывались и падали, превращаясь в иглу, за которой тянется мерцающая нить. Мэллит пыталась узнать созвездия, что висели над Агарисом, но северное небо было

другим. Гоганни куталась в шаль и думала о том, что добрая Бренда все еще плоха, а в доме мало хлеба и ночуют двое мужчин, которые встанут голодными.

Если они будут долго спать, можно успеть на рынок, только будут ли там достойные куры?

Становилось все холодней, пора было закрывать окно, задвигать смешную заслонку на печной трубе и готовить постель. Девушка отвернулась от звезд и

тронула непривычно большой башмак. Она обещала полковнику перевязать сбитые ноги, но отдирать присохшую ткань не хотелось, а в доме отца негнойные раны тревожили раз в день. Когда Мэллит разогнулась, звезды заступила высокая тень. Мужчина стоял на той самой развилке, что так помогла

утром.

— Сударыня, — сказал гость, и гоганни узнала Проэмперадора, — вас не

затруднит посторониться?

Мэллит отшагнула; она ставила ноги ребром, но все равно стало больно, и боль

помешала заметить прыжок.

— Выйти таким путем легче, чем войти, — первородный Лионель закрыл окно,

— тем не менее вы рисковали.

— Я умею, — сказала гоганни прежде, чем подумала, и ей пришлось продолжить: — В Агарисе я выходила из своей спальни через окно, но там дерево росло ближе. Я боялась, только другой дороги не было.

— Одна из великих истин, — спокойно подтвердил победитель дриков. — Если

нет другой дороги, приходится прыгать. Вам лучше сесть.

-Да...

— Так садитесь. Сегодня выдался странный день, давайте и закончим его странно.

— Первородный Лионель поднялся из сада?

— Нет, прошел по карнизу, в детстве мы с братом часто так развлекались —

правда, башенки Сэ заметно выше.

— Но почему... первородный отверг дверь?

— Потому что открыто было окно.

— Я должна что-то вспомнить?

— Не думаю. Ночь, открытое окно и свет в нем притягивают мужчин.
Разве вы

этого не знали? И разве вы смотрели на звезды просто так, ничего и никого
не

ожидая? О чем вы думали?

— Завтра вы и брат Селины будете голодны, — тихо сказала Мэллит. — Я
думала о том, как успеть на рынок.

— Неправда.

— Я думала об этом.

— Несомненно, вы собирались на рынок, но, обдумывая завтрак, не
кутаются в

шаль, не поднимают лицо к звездам, не выходят к перекрестью дорог, а
окно —

это всегда перепутье, граница между «остаться» и «уйти». За порогом
всегда

ждет дорога, но за окном их три.

— Так говорит ваша Кубьерта?

— Так молчите вы... Я люблю смотреть чужими глазами. Вы пытались
узнать

агарисские звезды и жалели о доме, которого больше нет. Не жалейте,
просто

помните.

— Я помню... — Первородный Лионель слышит безмолвное, такое бывает.
Он

знает о правнуках Кабиоховых то, что они забыли сами. Первородный

скоро

уйдет. Жаль... — Я нужна?

Не ответил, подошел к печи, пошевелил угли, вернулся.

— Еще рано закрывать вьюшку. И думать про утро тоже рано, сударыня. Не будем оскорблять ночь, она сделала что могла, остается принять ее подарок.

Взглядом можно удержать, и названный Лионелем удержал. Мэллит не могла не

смотреть в черные глаза, и тьма в них была иной, чем у нареченного Робером.

Теперь гоганни поняла, зачем он пришел, но разве можно забыть

омерзительнейшую из правд? Сны, приходившие в Хексберг, были приятны, но

лживы и не имели конца, а истина в гадких кровавых пятнах гнила в Олларии.

Гоганни вздернула подбородок.

— Я жгу свечи, но я не зову! У меня разбиты ноги. Я лягу спать и утром пойду

на рынок в больших башмаках. Ценит ли первородный кур?

— Не сейчас.

На лице Альдо была бы ярость, на лице Робера — грусть, а нареченный Чарльзом стал бы сетовать, не словами — голосом и душой. Проэмперадор улыбнулся.

— У меня нет сердца! — выдохнула Мэллит. — У меня больше нет

сердца...

— Сударыня, если б оно у вас было, я никогда не посмел бы предложить вам

себя. Так вышло, что у меня сердца тоже нет.

— Разве первородного топили в грязи? Разве он отдал все и обрел пустоту?

— Все было проще. — Он не приближался, напротив, отступил в глубь комнаты.

— Я таким родился. Каждый чем-то да обделен, но сын моего отца понял: человек бессердечный не должен приближаться к человеку с сердцем. Иначе он

его вырвет, и другому станет очень больно.

— Так и было, — призналась гоганни. Душа хотела забыть, тело помнило и боялось. — Я вижу сны, но я не смогу...

— Вы так уверены?

— Глаза нареченной Сэль стали звездами, когда вы вошли. Я — пепел, она —

цветок! — Мэллит лгала и говорила правду. — Как я останусь с подругой, украв

ее мечту? Это исполненная зла захотела взять за свою любовь — вашу.

— Она больше не хочет ничего. Разве Селина говорила, что я ей нужен?

— Нет... Она говорила, что вы — добрый человек, такой же добрый, как Повелевающий Ветрами и та, что называлась королевой Талига.

— Пожалуй. — Большое покрывало расстилали с помощью палки,

Прозэмперадор сдернул его одним рывком. — Мы и вправду многим

похожи, и

завтра станем похожи еще сильнее. Может быть... Сударыня, я не стану класть

между нами шпагу, она холодная и сквозь сон может показаться змеей. Кроме

того, я предпочитаю заточенное оружие, а одалживать на одну ночь тупое было

бы странно. Клянусь своей кровью, я не трону вас без вашего на то желания.

Более того, я не коснусь вас первым. Идите сюда.

2

О том, что Гизелла могла оказаться никудьшной наездницей, Арно подумал уже

у самых ворот. Что ж, если так, придется купить в первой же деревне двуколку и

пару лошадок. Кан обучен сопровождать экипаж, он просто пойдет рядом, хотя

почему это дочь полковника и подружка разбойника будет нескладней той же

Сэль? Арно еще раз повторил придуманный приказ, медлить и дальше было уже

нельзя. Проэмперадор засиживается с бумагами за полночь, но тащить к себе

девушку в эту пору не станет даже он.

В горле пересохло, Арно облизнул губы и взялся за тяжелое бронзовое кольцо, которое держало в пасти странное животное, рогатое и клыкастое,

— то ли

вепрь, то ли тур.

— Кто идет?

— Теньент Савиньяк. Приказ Проэмперадора.

Открыли, само собой, сразу. Начальник караула, как и положено, отдал честь, подоспевший солдат взял мориска под уздцы. В Аконе имелась и обычная

тюрьма, но самых матерых зверей Райнштайнер держал в казармах. Арно это

было на руку — вояки его знали, к тому же тюремщики подозрительны и

слишком любят бумаги. Виконт спросил дежурного офицера, тот кивнул, зевнул, соврал, что уже знает, и велел солдату с фонарем проводить теньента, куда

велено. Ни расспросов, ни сомнений — разве придет кому-то в голову, что брат

Проэмперадора собирается похитить осужденную? Другому, самое малое, навязали бы эскорт, хотя эскорт для такой пичуги? Смешно!

Миновали еще одни ворота, теперь они шли переходом, соединявшим два двора.

Вокруг была темнота, над головой — тоже, но со звездами, которые то и дело

сыпались вниз. Арно протянул руку, коснувшись старого кирпича. Снаружи

казармы казались просто большими, но мать как-то обронила, что ночь делает

большое огромным. Арно тогда было лет шесть, он тайком выбрался в парк

посмотреть на нетопырей, а парк внезапно превратился в лес... Мать с

Гизеллой

справится, тут только и нужно, что поставить злюку в тупик и заставить слушать. Мигнуло — солдат опустил фонарь, — желтое пятно заскользило по утоптанной земле.

— Каменюки тут, — объяснил провожатый за мгновение до того, как из земли

вылезло два булыжника. — С дырками. На счастье лежат, не трогаем... Но башку ночью раскроить — раз плюнуть.

«Счастливые» камни словно сторожили второй двор: сразу же подслеповатыми

глазками замигали окна часовни. Солдат свернул к крыльцу, желтый луч

облизал вцепившийся в разбитые ступени пучок крапивы. Тоже на счастье не

трогают?

— Сюда. Сударь... Дозвольте, я здесь подожду... Лютая уж больно покойница

была, до остатнего ярилась...

— Так... — начал Арно и осекся, переваривая услышанное.

— Дозвольте не ходить, — завел свое провожатый. Теньент резко кивнул, шагнул через две ступеньки, распахнул дверь и увидел два закрытых гроба.

Возле одного горели свечи, в головах второго стоял полковник. Ему позволили

остаться с дочерью, а она возражать больше не могла. Можно было уйти, лучше

всего было уйти, но Арно подошел. Полковник услышал шаги, обернулся, кивнул. Удирать стало поздно, что говорить — теньент не представлял.

Безмолвно оплавливались дорогие черные свечи, но цветов не было: то ли не разрешили, то ли старик не захотел или просто забыл. О каких только мелочах

он не передумал, а если что и требовалось, то охапка иммортелей.

Крайняя слева свеча замигала и начала крениться, и тут же начал оседать полковник. Арно его подхватил, на висках старика — он стал совсем стариком

— выступили бисеринки пота, губы посинели, и что с этим делать, виконт не

представлял. Все, на что его хватило, — выволочь беднягу на свежий воздух.

Солдат оказался умнее, а может, уже видел такое.

— Сюда ложите! — велел он теньенту. — И под голову что-то суньте... Хоть бы

мой мундир. Посидите с ним, я приведу кого надо...

— Я... не умру, — успокоил полковник. — До похорон... Спасибо, что пришли...

— Я цветов не принес, — повинулся Арно, будто это имело какое-то значение.

— Не подумал...

— Не надо... цветов... Не невесту хороним...

Помощь добиралась целую вечность, полковник не умирал и больше ничего не

говорил, жалкий свет в окошках часовни заморгал и потух, будто старуха глаза

закрыла, потом раздались шаги. Два фонаря, носилки, низенькая, толстая фигура и рядом высокий силуэт в офицерском мундире. Такой знакомый!

— Валентин! Ты как тут..

— Решил за тобой зайти. Когда мы говорили, я предполагал подобный исход, но

не был уверен до конца. Отойдем, тут нужен врач.

— Ну и что бы ты делал, если б я не опоздал?

— Тебе это очень не понравится, но я почти решил превратить задуманную тобой ложь в правду.

— «Почти»?!

— Я принял твой довод. Сперва я должен был увидеть девушку. Она ведь должна была утонуть, не так ли?

3

Нареченный Лионелем не солгал, он уснул, не коснувшись недостойной и не

раздеваясь, спящий был прекрасен, его вид радовал взгляд, но смущал душу.

Мэллит осторожно коснулась плеча первородного, и тот, не открывая глаз, накрыл ее руку своей. В Хексберге гоганни снились улыбки и легкие, как

весенний ветер на берегу, поцелуи; это было прекрасно, но потом раздавался

звон, будто от разбитого хрустала, и берег моря становился смятыми

простынями. Проснувшись, гоганни долго лежала, глядя на свечу и
пытаясь

вернуть радость, но возвращалась лишь гадкая ночь с мертвой любовью.

Сегодня не было свечи, и берега с розовой пеной тоже не было, волосы
гостя

золотил масляный ночник, и все равно она спала и видела сон. Разве стал
бы

Проэмперадор входить в окно и говорить как правнук Кабиохов?
Талигойцы

скрывают потаенное, они молчат или лгут, пряча желание, а потом хватают
ту, что не убежала и не затворила двери. Мужчина, не удовлетворивший
свою

страсть, не уснет рядом с женщиной, это Мэллит знала от сестер...
Девушка

осторожно высвободила руку и села, обхватив коленки. Сон был таким
ясным, и

он пришел после полного событий дня. Дерево под окном спасло три
жизни, оттого оно и приснилось полным звезд, но грезы затянулись, и в
них прорастала

горечь.

Губы Мэллит пересохли, и сердце стучало так, будто она вновь бежала
пустой

улицей. До воды было не дотянуться, и девушка встала, помня о многом, но
не о

сбитых ногах. Боль тут же провела по ступне раскаленными когтями; боль
не

снится, она будит, однако все осталось по-прежнему — слабый золотистый

свет

и спящий с лицом огнеглазого Флоха... Кто скажет, как сыны Кабиоховы

входили к дочерям человеческим? Может быть, те, кто изведал их любовь, думали, что спят? Может быть, они спали?

Мэллит тихонько взяла ночник и, забившись в уголок, сменила повязки. Что

делать дальше, она не представляла, все было слишком странно, но бежать не

тянуло — напротив. Ей хотелось знать, многих ли брал ночами за руку названный Лионелем и что он им говорил? У свободных мужчин, если они знатны и богаты, всегда будут женщины, только первородный не хочет принести

слезы той, что даст ему мимолетную радость. Селина говорит, он добр, и он

сумел увидеть в Кубьерте былые беды...

Дитя должно быть сыто, даже если мать голодна, но сколько без хлеба

продержится худая? Пояс невесты породила нужда; тех, кто жил в Золотых землях, не изгоняли в пустыни, и у них иная память и иная красота. Здесь

Мэллит красива, а подобный Флоху будет красив всюду. Девушка тихонько

вернулась на свой край постели, та скрипнула, и на этот раз мужчина приоткрыл

глаза.

— Первородный меня простит, мне не спится.

— Я догадался... Надеюсь, не по моей вине. Мне говорили, что во сне я

спокоен.

— Это так. Я думала об услышанном. Я росла больной, я не принесу первородному радости и не получу ее. Так бывает.

— О Кабиох, и все потомки его! — Названный Лионелем приподнялся на локте

и, смеясь, смотрел на Мэллит. — И кто же вам такое сказал? Наверняка какой-

нибудь глупый лекарь... Пичкал вас соком восьми и одной лягушки и бормотал

заумную чушь... Лекари, дай им волю, объявят смыслом жизни клистир и теплое

молоко с пенкой. И с маслом. От такого и впрямь затошнит, только это не значит, что затошнит от вина.

— Первородный Лионель... Меня в самом деле... Я молчу, почему вы меня слышите?!

— Я — первородный из дома Молнии, а вы, похоже, отмечены именно Флохом.

Альдо вел род от бастарда Придда, ваша ара ответила не ему, а Эпинэ. Как вышестоящему.

— Повелевающему Молниями?

— Да. Ну а вас по ошибке связали то ли с Волной, то ли просто ни с чем.

Неудивительно, что вам было дурно, но почему вам должно стать плохо сейчас?

Вы потеряли, я никогда не имел. Мы не причиним друг другу вреда и, кто знает, возможно, сможем вспоминать эту ночь с нежностью. Сейчас очень

скверные

времена, сударыня, было бы обидно потерять то красивое, что нам еще доступно, и унести в никуда память о боли.

— Первородный...

— Именно, прекрасная Мэллит. Флох нас с вами не оставит.

Протянутая рука легла на одеяло в волоске от коленей Мэллит, сверкнуло одинокое кольцо. Алый камень словно подтверждал сказанное. Как было не

коснуться его?

— Смелее, сударыня... Вы позволите помочь вам развязать пояс?

-Я... Да.

— Не бойтесь. Должен же кто-то вас и впрямь научить. Так что вам говорил

глупый лекарь?

— Недостойная не спрашивала лекарей, — пролепетала Мэллит, понимая, что

теперь не уйти.

— Если нет лекаря, зачем бояться? — удивился непостижимый.

— Что мне делать? — прошептала гоганни.

— Ничего. — Чужие губы легонько коснулись ее собственных. — Вернее, делайте что нравится... Остальное забудьте.

И она забыла, вернее, оно забылось само. Мэллит думала о любви, ждала любви, ненавидела любовь и ничего не знала о том, чего же она хотела и от

чего

бежала. Гоганни летела на звездных качелях, и первый ветер стонал, вскрикивал, смеялся ее голосом, а второй что-то отвечал, но девушка не слушала, пока тот, кто был с ней, не откинулся на спину.

— И что вы скажете теперь? Много правды сказал ваш лекарь?

— Первородный... Такого не бывает... Но я... Вам понравилось?

— Главное, чтобы понравилось вам. — Нареченный Лионелем говорил тихо, словно засыпая. — Запомните главное правило: женщине хорошо, когда ей

хорошо, а мужчине, если он мужчина, хорошо, когда хорошо женщине. Вы меня

поняли?

Мэллит не ответила, боясь спугнуть и так уходящее. Проэмперадор был прав, в

ее жизнь вошло много бед и лишь один мужчина — тот, кого она сейчас обнимала и кого вряд ли обнимет еще раз. Дело было не в том, что ей не хотелось бежать, бежать и бежать, и не в том, что она забыла обо всем, кроме

ласкавших ее рук. Все началось, когда человек с ликом сына Кабиохова поклялся кровью не касаться ее первым. За несколько часов Мэллит поняла больше, чем за все прожитые в пустоте годы. Теперь она знала и то, зачем рождаются, и то, что она так и ушла бы в то никуда, что пожирает всех, ушла, думая, что навеки обделена.

— Ну вот, — горячие пальцы убрали слезинки со щеки, — а говорите,

хорошо...

-Я...

— Вы. Я. И целая вечность до рассвета. Не правда ли, это радует?

Глава 9

ТАЛИГ. КОЛЬЦО ЭРНАНИ

АКОНА

400 год К. С. 5-й день Осенних Волн

1

«...я смотрю на лист бумаги, а вижу, как ты улыбаешься и расчесываешь волосы, они льются, как водопад, к которому я тебя еще отведу. Качнется тростник, и

вода запоет о счастье, которое обязательно случится, но сейчас я один. Ты пропала даже из снов, и я знаю, почему. Последние недели на меня свалилась

уйма всякой всячины, а ты всегда старалась мне не мешать. Теперь я сделал почти все, что нужно, осталось совсем немного, к тому же за дело берется осень

с ее дождями, и я опять вправе думать о тебе, так что возвращайся.
Последний

раз ты мне снилась с цветком лилии, я видел такие у поющего водопада, и внезапно обнаружил в собственном саду; они не отцветали до самого моего

отъезда, а может быть, цветут и сейчас. Ты их увидишь, но жить мы будем в старом замке на холме, весной ты заплетешь косы и станешь ходить

босиком, а я

нарву тебе диких маков и покажу, как пляшут кони. Я почти забыл, как это, мечтать и загадывать, но появилась ты и я вспомнил.

За окном с вишен облетают последние листья, если б мы не встретились, не

поняли друг друга, я бы видел подступившую вплотную зиму, но ты есть, и я

жду весну и тебя. Жду, но не тороплю. Береги себя и позволь самому старому из

твоих друзей защищать тебя. Хранить и перевозить драгоценности ему не

впервой, а кто ты, если не драгоценность? До весны, моя драгоценная, или до

ночи. Лучше до ночи! Тогда мне будет проще дождаться весны».

Поставить точку оказалось куда трудней, чем ни разу не назвать свою любовь по

имени, а ведь на поэтическом турнире в Ариго, где участникам дали похожее

задание, Робер проиграл с таким треском, что хозяйка поднесла руки к вискам и

посетовала, что шпага столь враждебна перу. В ответ откровенно скучавший дед

заявил, что владение клинком во всех смыслах важней владения языком тоже во

всех смыслах, графиня слегка поморщилась и огласила новое задание. Воспеть

красоту дамы, используя сравнения и намеки, по возможности необычные.

Иноходец вымучил из себя что-то про розу и приготовился к новым вздохам, но

судьям стало не до посредственности — уж больно необычные сравнения пустил в ход Ли Савиньяк. Удрученная хозяйка турнира выразила надежду, что

любовь откроет такому странному Лионелю глаза. Странный Лионель возразил, что деву с лебединой шеей и серебряными руками уместней любить с

закрытыми глазами, тогда как достойная линарца грива частично искупит достойное его же лицо. Кажется, именно тогда будущий Проэмперадор впервые

услышал о своем бессердечии. Или это было позже?

— Арлина, — ужаснулась, уже не вспомнить из-за чего, графиня Ариго, — я

начинаю бояться, что твой старший сын напрочь лишен сердца.

— Зато не лишен ума и вкуса, — вступился за племянника Рафиано, — а без

них, в отличие от сердца, моему преемнику не обойтись.

Рафиано?! Тогда это точно был другой турнир! Лебединые шеи воспевали в отсутствие экстерриора, но отсутствие у Савиньяка сердца Марианна тоже заметила. И хвала Леворукому..

Эпинэ стряхнул с письма песок и быстро дописал — «знаешь, я почти уверился, что сердце в наше время мешает жить, а теперь я счастлив, что оно у меня есть и

я могу отдать его тебе!» Перечитал написанное раз пять, улыбнулся, убрал в

футляр и приготовился писать Салигану, то есть, конечно же, дуксу Салигу,
к

каковому Коко как раз отправлял надежного человека. Спасители антиков
продолжали шастать в Олларию и обратно. Как командующий ополчением,
Эпинэдолжен был положить этому конец, как прикованный к военным
лагерям

влюбленный — воспользовался оказией. Совесть молчала, вернее, кивала
на

Валмона, несомненно получавшего новости из столицы, причем Робер не
исключал, что источник был один и тот же.

— Монсеньор! — дежурный порученец распахнул дверь, — граф
Литенкетте.

— Здесь я — полковник, — поправил изрядно осунувшийся Эрвин,
стягивая

перчатки, — графом мне быть обрыдло.

— Эрвин! — Иноходец вскочил, раскрывая объятия и слегка радуясь тому,
что

одно письмо закончено и убрано, а второе даже не начато. — Хорошо, что
ты

здесь!

— И будет еще лучше, если я сделаю что-нибудь толковое, — засмеялся
ноймар,

— а то сплошные разговоры и обеды, обеды и разговоры... Кстати, я есть
хочу.

— Накормим. — Робер поискал глазами порученца, — Тащи, что
повкуснее.

— И побыстрей, — уточнил негаданный гость. — Мы с тобой едва у Валмона

не столкнулись, от него я про тебя и узнал.

— Ты ездил к Проэмперадору?

— Получилось, что к нему. Ты вряд ли знаешь, но еще до вашего мятежа под

начало Залю временно передали несколько ноймарских полков. Сейчас отец

решил, что им можно найти лучшее применение, чем безделье на Каделе. Я у

отца для особых поручений, вот и отправился вызволять своих, а заодно

выражать дружеские чувства Валмону. Чувства-то я выразил, а вот с главным то

ли промашка, то ли пустышка. Заль наврал Проэмперадору и по собственному

почину выступил на северо-запад. Ты что?

— Ничего, — хмыкнул Робер, — просто Валмон написал Алве, что Заля лучше

поменять, а я числюсь маршалом. Когда меня вытащили с Кольца, я испугался.

По срокам не складывалось, но с Ворона стало бы прислать Бертраму

открытый лист на смену командующего. Слушай, чего мы стоим?

— От радости, наверное, — предположил Литенкетте и тут же уселся, — по

тебе не скажешь, что ты недавно от Валмона! Кожа да кости.

— Так бесноватые же!

— Я этой радости тоже хлебнул. Отец меня бросил на чистку гарнизонов, ну и

мерзкое же дело!

— Зато нужное. Мы этого не сделали, вот и огребли. А ведь могли хотя бы барсинцев передавить!

— Мы бы тоже огребли, не догадайся Савиньяк, что делать, а он бы не догадался, не Расскажи ему мать про Олларию.

— Ты графиню видел?! — Хотя где Арлетте и быть, если не в Старой Придде?

Не в армии же. — Я ей писал, может быть, она даже отвечала, просто не дошло... Ты надолго?

— Неделя, спасибо Залю, у меня точно есть. В конце концов, я мог больше спать

и ехать на дареной лошади, а не на сменных.

— Лошадь-то хоть хорошая?

— Даже слишком, Валмон есть Валмон. Пришлось в Бандоле оставить, не загонять же было...

— Разве ты не спешишь?

— С гаунау и дриксами у нас перемирие, потому Заль на север и чесанул. Тут

бы, чего доброго, воевать пришлось.

— Мир? — как же Катари хотела мира! — Глауберозе... бывший

дриксенский

посол убедил Бруно?

— Эйрехтские бесноватые его убедили. За компанию с Савиньяком. Заль,
к

слову сказать, угодит прямиком на оленье рога.

— Постой, Эйрехт тоже?!

— Пусть сперва вино принесут, а то я охрипну, а ты от наших вывертов
спятишь. Твои-то бесноватые далеко?

— Самые близкие — в Нуази, это по другую сторону Старой Барсины.
Стычек

нет больше недели, тишь да покой. Мы с кэналлийцами вернулись к
Кольцу, а

данарии к нему ближе, чем на дневной переход, сейчас не подходят.

— Досадно, хотел на них глянуть. Привык, знаешь ли, понимать, с кем
воюю.

— Ты же эту сволочь видел, — не понял Эпинэ.

— Ну знаешь ли, — возмутился северянин. — Одно дело — волк
соструенный, и другое — волчья охота.

— Такты поохотиться решил! — осенило Робера. — Вообще-то у нас за
Кольцо

сейчас только алвасетские разведчики ходят да мои ветераны, но тебе
повезло. Я

тут кое-что проверить собрался... Валмон много спрашивал про повадки

бесноватых, я, что мог, рассказал, поехал назад, и на полдороге
вспомнилось, как эта сволочь растеряла прыть у Старого парка.

Поспрашивал своих, ничего

важного, только Блор сказал, мол, они не слишком ретиво лезли на мосты.

— Нечисть текучей воды не любит, — напомнил Эрвин, — особенно быстрой и

широкой, но мосты-то все равно взяли. Или ты о чем-то другом?

— О резиденции Славы. — Иноходец собрал со стола бумаги и бросил на кровать. — Бывшей. С одной стороны, Левия убили именно там. Гады терпели-

терпели, а потом сорвались, но они уже внутри были, зато нападающие... Уж

больно долго они на поляне топтались! На само Кольцо данарии и тогда плевали, и теперь плюют, а вот с руинами... Чем дольше думаю, чем сильнее

кажется, что мерзавцам внутрь до одури не хотелось.

— Одно слово — «Слава». Валмон тебя не зря расспрашивал, он ведь с адрианианцами списался, они сейчас в Агарии, к слову сказать, обустройстваются.

«Львы» не все понимают и еще больше не все говорят, но, похоже, бесноватые в

самом деле не всегда ведут себя одинаково. Почему бы не связать это с местом?

Где-то им Сагранна по пояс, а где-то они и страх вспоминают. Про Старый парк

ты уверен?

— Не поручусь. Мародеры туда особо не ломились, но как раз тогда к их

услугам был дворец. Вот в том, что к Драконьему источнику тянуло тех, кто не в

состоянии с этой заразой одним воздухом дышать, никаких сомнений. В общем, вот до чего мы тут вчера додумались! В Старом парке есть древний храм, но и в

Барсине такой есть. Мародеры в Барсину лезли через силу, а убийцы Левия не

хотели там оставаться. Так не хотели, что потеряли голову. Интересно выходит, согласен?

— Кто его знает. Задним числом чего только не надумаешь.

— Почему задним? — Робер совершенно искренне засмеялся. — Завтра мы будем знать точно. Хочешь с нами?

— Разумеется! Как ты собрался проверять?

— Барсина рядом, бесноватые тоже. Надо заманить их к руинам и посмотреть, что получится. Пешие данарии для этого не годятся, но в Нуази засел

кавалерийский отряд. Похоже, самый крупный из всех, что есть. Их командир —

человек старательный: его красавцы честно патрулируют окрестности и тракт, вот только стычек с людьми рэя Сеты избегают. А нужно, чтобы они потеряли

голову и погнались. За нами.

— Ты-то сам идти собирался?

— Да, — твердо сказал Иноходец. — Я должен все увидеть своими глазами и

отписать Валмону. Пойдет небольшой отряд — только те, кто прошли и

Святую

Мартину, и Олларию. До места надо добраться, не столкнувшись с бесноватыми, а это непросто. У Барсины будут ждать кэналлийцы, но до поры до времени данарии должны думать, что нас немного и мы там оказались случайно. В полухорне от Нуази есть рощица, там можно укрыться и перехватить возвращающихся мародеров. Так перехватить, чтобы засевшие в деревне озверели.

2

Этот выходцев сын Герард не забыл доложить Эмилю, что виконт Сэ просится на прием по личному делу; он вообще ничего не забывал и всегда пребывал в радужном настроении — сегодня это действовало на Арно, как холодная вода на больной зуб. Виконту зверски не хватало Фельсенбурга, на которого можно было вывалить то, чего не понимал Валентин, однако попадать к фрошерам третий раз Руппи не торопился.

— Шарли скоро выйдет, — обрадовал в очередной раз откуда-то примчавшийся

рэй Кальперадо. — Представляешь, в Эпинэ собрали еще один полк «воронных», и старик Шарли ведет его сюда! Думали, что будут бить дриксов, а тут —

перемирие...

— Занимательно, — буркнул Арно. — На редкость.

— И я так думаю! — просиял рэй. Другой бы на его месте надулся, но, чтобы

довести до Герарда свое раздражение, требовалось нечто повесомей коротких

сухих фраз. Например, шестопер Катершванца, да и не был брат Селины виноват. Никто не был виноват, что глупая кудлатая девчонка колотится в

Рассветные врата, пусть и думает, что рвется в Закат к своему мерзавцу. Веннен

прав: «Глупцы, живущие не умом, а сердцем, безгрешны, потому что бескорыстны и не думают о себе...» О других, правда, они не думают еще больше.

— Жаль, ты вчера не вернулся! — не унимался Герард. — Представляешь, к нам

на ужин пришел господин Проэмперадор.

— Чего?!

— Мы с Мелхен удивились, а Сэль — будто так и надо! Сначала как-то молчалось, а потом кот запутался в салфетке, все засмеялись, и стало очень хорошо. Я хотел уйти после ужина, но господин Проэмперадор...

— Ты хоть при мне его так не называй, — фыркнул Арно, — а то я всякий раз

подскакиваю!

— Мне трудно, — честно признался Герард. — Тебе он брат, а я с ним за столом

в первый раз сидел. Мы о Вальдесе говорили.

— А я думал, об убийцах...

— Зачем? — не понял рэй Кальперадо. — С ними же все в порядке.

— В порядке?!

— Ну то есть они больше никого не тронут... Как подумаю, что мы с тобой только чудом не опоздали... Мне, чем писать про Сэль матери, легче б самому

умереть было, только пришлось бы жить и писать — не терять же ей сразу двоих!

Если б они опоздали, было б одной жуткой смертью больше... Гизеллу все равно

нашли бы и расстреляли. Что бы она стала делать с мертвой головой? Потащила

бы Ли? Хлопнулась в обморок? Села и разревелась?

— Герард! — окликнул кто-то из порученцев, и рэй убежал, оставив Арно в

одинокестве. Отступить было некуда: напросившись к маршалу на прием, не

удирают, особенно если маршал — твой брат. Арно ждал, а мимо туда-сюда сновали, ходили, бегали и не вспоминали о том, что случилось вчера. Теньент

Савиньяк, не занеси его Леворукий в дом хромого полковника, тоже не

вспоминал бы. Ну разве что захотел бы прихвастнуть, благо было чем. Бандиты, особенно главарь, оказались матерыми зверюгами, но они с Герардом совсем

неплохо управились...

— Виконт Сэ!

— Он самый. — Арно пожал адъютанту Лионеля руку. — А что так пышно?

— Монсеньор ищет, вот и пышно, — усмехнулся Сэц-Алан. — Хорошо, сказали, что ты здесь.

— Он же вроде уезжает.

— Именно. Господа, передайте командующему, что виконта Сэ забрал Проэмперадор. Ты же понимаешь...

— Раздери меня шестнадцать Маршалов, нет!

Вообще-то Арно понимал, но признаваться не собирался.

Старший братец решил, что младший явится проводить девчонку, за которую

пытался заступаться. И был прав — знай Арно, что все кончено, он таки пришел

бы и таки вытащил бы полковника на свежий воздух, и сидел бы с ним, пока не

нашли врача. В этой часовне и здоровому худо станет!

— Ушел уже, — обрадовали в приемной Проэмперадора. — Должен быть у конюшенного подъезда, а может, и уехал уже.

Последнее было бы слишком хорошо, ну так оно и не случилось. Лионель, держа Грато в поводу, еще отдавал какие-то распоряжения, и он опять

вырядился в черно-красное. Арно ничего против родовых цветов не имел, только вот братец выглядел все закатнее.

— Господин Проэмперадор, — доложил виконт, — явился по вашему приказанию.

— Проводишь, — коротко бросил тот.

— Кан на конюшне.

— А с кого другого ты свалишься?

На это можно было лишь пожать плечами, и Арно пожал.

3

Они почти не пили, перед дракой не пьют, просто сидели с полными стаканами.

Литенкете пытался говорить о, несомненно, нужных вещах. Роберу было проще — он слушал и даже лез с вопросами, пока до него не доперло, что ноймару сейчас не до политики и даже не до барсинской сволочи. Встреча с

герцогом Эпинэ для него — это встреча с Катари. И прощание. По дороге к

Залю Эрвин собирался заглянуть в Ариго, но кадельская армия ушла, а бросить

все и поехать на могилу ноймар себе не позволил, как сам Робер не позволял

себе сорваться в Олларию. Только и осталось, что по дороге домой завернуть к

не сумевшему сберечь сестру брату.

— Они ведь нашлись, та женщина, которую Алва приставил к Катарине, и

ее

дочь. Были в Надоре и уцелели.

— Как?! — не поверил своим ушам Робер.

— Выходец их спас. Надорцев не захотел, а их вывел. Вывела... Это была женщина. Катари не могла себе простить, что послала свою единственную подругу на смерть, а та как раз уцелела. Ну почему только их отослали?!

— Сестра боялась за Айри... За Айрис Окделл. Мне нужен был повод, чтобы

связаться с Савиньяком, мы разыграли помолвку, но Айри встреча с матерью

могла убить.

— Как всегда — ничего для себя! Остаться в яме со змеями без помощи, потому

что девица Окделл в ссоре с Мирабеллой! Вот уж кого не жаль ни капли.

— Сестра герцогиню жалела.

— О да! Несчастливый брак, и все такое, а то вокруг сплошные счастливицы и

королева Талига первая. Ее бы кто пожалел!.. И что бы дяде перестать трусить

раньше!

— Ты о чем?

— Так...

— Прости.

— Нечего прощать! Ты вправе знать всё; проклятье, только ты и вправе!

Катарина этого хотела... Она собиралась тебе рассказать, когда все кончится.

«Кончится война. Я стану святой сестрой, ты — настоящим маршалом. Боевым, в шрамах и орденах. Мы сядем под акациями, и я все-все расскажу...» Уже не

расскажет, как и Никола. А Левий так и не переговорит с Рокэ, они тоже не успели... В этот кошачий год ничего нельзя откладывать!

— Она хотела, чтобы ты знал, — повторил Эрвин.

— Об этом сестра мне сказать успела.

— Ну так знай! Фердинанд должен был жениться на Леоне... На Леоне Салина, об этом сговорились еще Диомид и soberано Алваро, но Леону от дяди мутило.

Она грозилась сказать «нет» в церкви, soberано в это не верил, моя мать тоже, и

тут Алваро умер. Робер, пойми, брак по приказу хуже насилия!
Обещенная

еще может ожить, найти любовь, счастье, проданная, отданная родными — нет.

По крайней мере, при жизни мужа... Катари не осознавала, на что соглашалась, Леона была старше и смелее. Она поговорила с Рокэ, и тот сумел понять.

Молодой soberано не хотел ссоры с Сильвестром, но шел на нее. Леону отпустили.

— А Фердинанд?

— Ужасно расстроился. Дядя был порядком влюблен, но кто на него

оглядывался? Сильвестр решил женить короля на внучке твоего деда, он, как и

все вы...

-Мы?

— Южане. Ваша фамилия тут на особом счету.

— Как ваша — на севере.

— Иначе.

— Пусть так. Кардинал выбрал Магдалу, что дальше?

— Анри-Гийом согласился, причем с готовностью. Фердинанд узнал новую

невесту и сразу утешился, помолвка Леоны и твоего брата его даже не зацепила.

— Арсен был влюблен...

Улыбка на обычно хмуром лице жениха, алые цветы в смоляных локонах

невесты... Это несбывшееся тоже на совести деда, но что за гадина его

укусила?! Старик хотел этого брака и был готов к миру, а Леоны ему нравилась, если не больше.

— Что с тобой?

— Прошое, хотя оно со всеми. Прежде я не задумывался, с чего дед

взбеленился. Мы и понять-то толком ничего не успели, пошли... конным строем

на волчьи ямы.

— Леоны тоже не знает.

— Ах, да... Ты же о ней говорил.

— О Катарине. С тобой я всегда говорю о Катарине, нет, вру, не всегда!
Есть еще

война и всякая дрянь, без которой нам с тобой, увы, не обойтись по праву
рождения. То, как Магдала Эпинэ умерла, ты знаешь лучше меня, потом...

— Потом была Ренкваха, — как мог спокойно, подсказал Робер, — но
король

женился раньше.

— Твою сестру погубила моя семья, — Литенкетте как-то умудрился
взрыгнуть

шепотом, — но тогда все думали, что так надо.

— Катари говорила, — перебил Иноходец, потому что Эрвин глядел так,
что за

него делалось страшно. — Ей хотелось стать королевой, а про Фердинанда
она

дурного не слышала.

— Магдала считала дядю добрым. Невесте перед свадьбой хочется с кем-то
поделиться, вот она и делилась с Катариной.

— Может быть... Я тогда был редкостным остолопом.

— Катарина не представляла, что такое Оллария. Девочка с сонетами... Ты
знаешь, как она рисовала?! Эта женщина никому не желала зла! До встречи
с

твоим, с этим...

— Я — маршал Талига, Эрвин, — с непонятной яростью напомнил Робер,

— И

я дал слово сдать Олларию Савиньяку, а он жизни Альдо не обещал.

— Да, со смертью у Лионеля выходит лучше, только Катарина считала убийцей

не лошадь, а себя.

— Убил Карваль, хотя помогали ему многие, — а сколько было тех, кто не помогал, но хотел! — Так ты никогда не закончишь.

— Закончу. Неизвестно, увидимся мы снова или нет.

— Куда мы денемся! — Если в окна заглянет осень, она примет их за пьяных, если смерть, то от Эрвина она отвернется. Надолго. — Выпей.

— К кошкам! Подходящих невест было мало — моя сестра, по понятным причинам, не годилась, дриксенская принцесса исключалась, а подпускать к

трону Приддов никто не хотел. Дядя согласился жениться на графине Ариго, хоть и без удовольствия. Ему нравились такие, как Леона, но твою сестру нельзя

было не полюбить, а Катари... У нее оставался Веннен, и ей стало жаль мужа.

Семнадцатилетней девочке из провинции жаль короля Талига! За первые пару

лет ничего жуткого не случилось. Фердинанд был счастлив, королева хотя бы не

была несчастна, но потом...

— Эрвин, — негромко окликнул Эпинэ. — Теперь это прошлое и это не мое

дело, но я не могу не сказать. Алва неспособен на подлость, а на жестокость...

только, если это нужно Талигу. То, что у него было с сестрой... Не суди его за

это... Их.

— Как я могу судить? — теперь лицо ноймара было спокойным и грустным. —

С Алвой придумала мать. Моя мать!

— Что?! — не понял Робер. — Как это?! Зачем?!

— Ариго были верны Талигу, пока придурок Ги не переметнулся к гайифской

сволочи. Сестра-королева была ему не указ, да она тогда мало что понимала. И

ее никто не понимал! Девочка тонула в придворной грязи, а братья ее толкали в

трясину, но и без этого... Наследника не было, денег не хватало, счастье

Фердинанда кардинала не заботило, и тут подросли дочери Фомы, да и в

Талиге... Манрики, Колиньяры, Гогенлоэ...

— Да уж. — Робер словно вживую увидел юную Ивонн. Он так и не написал

Креденьи, болван эдакий! — Неудивительно, что король боялся развода.

— Он другого боялся. Катарина потеряла ребенка, и дядя заподозрил, что это

подстроили. Все, на что бедняги хватило, это потащить жену к нам в гости. Я

как раз был в Ноймаре, долечивался: гаунау мне здорово дали по голове.

Собственно, после этого я и стал у отца на посылках.

— Так может, тебе завтра не надо?!

— Все давным-давно прошло, просто в Ноймаре я оказался нужней, чем в Торке. Катари понравились наши радуги, и ей впервые за многие месяцы не

было страшно. Мы часами сидели у водопада и болтали о всякой ерунде. Нет, я

помнил, что передо мной — королева, это она забыла! Не в том смысле...

— Заткнись, я... не Колиньяр, чтобы везде находить мерзости!

Окрик пришелся к месту — Эрвин кивнул и откинулся на закрытую

пестреньким тряпичным чехлом спинку стула. Ни Левия, ни Арлетты рядом, увы, не было, и Робер попытался вспомнить то, что ему слышалось в Старом

Парке и позже, на пыльных, забитых войной дорогах, но слова рассыпались порванным ожерельем. Объяснить другу, что ничего не кончается и сквозь любой пепел прорастают травы, Эпинэ не успел, ноймар справился с собой раньше.

— Родители не считали королевский брак удачным, — резко бросил он, — но

дамы, которых могли навязать дяде, их не устраивали еще сильнее. Катарина

никому не вредила, а эти могли бы. Мать предложила напугать сразу Сильвестра

и папенок, желавших посадить на трон своих дочерей. То, что Ворону никто не

указ, знали все, замахнуться на его любовницу не рискнул бы даже кардинал.

Дядя пришел в восторг, а Катари... Что ей оставалось делать? Она попробовала

Алву соблазнить, нарвалась на оскорбление, и Фердинанду пришлось раскрыть

карты. Это было мерзко, унижительно для всех, хотя Фердинанд мог и не

понимать. Для дяди не было ничего страшней Сильвестра, он не представлял, что можно сказать «нет», а Ворон не говорил «нет» Фердинанду. Я не понимал, почему, долго не понимал... После драки у эшафота до меня дошло: Первый

маршал показывал, что в Талиге правит король Оллар, и его слово закон для

герцога Алва, а значит, для всех Золотых земель! Ворон согласился разыграть

адюльтер, но Катарине он не верил почти до конца. Из-за братьев и этой ее глупой попытки... Ты знаешь, это ведь Катари его вызвала?

— Еще бы, — пробормотал Робер, вспоминая суд.

«Я ничего не могла, только вызвать Вас...»

«Вы были совершенно правы, Ваше Величество...»

«Ваше Величество, Вам лучше себя побережь... за себя я отвечу сам...»

«Я хотела бы, чтоб мои дети не были Олларами...»

Сколько вокруг торчало всякой швали, а они смотрели друг на друга, словно

впервые! Лица Рокэ со своего места Роберу было не разглядеть, но сестру-то он

видел и ни змея не понял, умник! Любовь, она такая: огреет сзади подносом, и

увидишь, что есть небо, а на нем звезда! Твоя, единственная... Катари в самом

деле нельзя было не полюбить, Алва и полюбил, а она полюбила его, но как

после всего они могли друг другу признаться?! И еще эта болезнь...
Подпустить

к себе, полумертвому, любовь Ворон не мог, а сестра ничего не понимала.

Ждала, надеялась, молилась и погибла. Робер поднялся и разлил вино.

— За нее. И за завтрашний бой.

— Да, — Литенкетте отрешенно приподнял стакан. — Она за нас все еще молится.

Молится. Если там, куда уходят, помнят, если там есть кому молиться.
Эрвин не

пил — ждал еще чего-то, и Робер в который раз проклял свое косноязычие.

Выручил Дювье, явившийся доложить, что к рейду все готово.

— Налей себе, — с облегчением велел Иноходец, — и садись.

Вообще-то капитана Дювье следовало называть на «вы», и Робер даже

попробовал, отчего и бывший сержант, и бывший Проэмперадор почувствовали

себя глупо и предельно неловко. Никто ничего не сказал, просто назавтра все

снова стало как при Никола.

— Вставать рано, — напомнил Дювье, но стакан взял. — Да и с этими лучше на

свежую голову. Разве что перенести на денек. Никто не сдохнет.

— Не будем мы переносить, — решил Эпинэ, потому что откладывать вылазку

не стоило, как и продолжать мучительный для Эрвина разговор. После боя будет

легче. — Полковник идет с нами.

— Тогда, Монсеньор, ему бы коня сменить. Видел я его гнедого, как Мэтра

Жанно ставил, — от наших отстанет, а от ихних не уйдет. Может, Грачика? Или

Поэта?

— Сону, — решил Эпинэ, освежая стаканы. — Пьем за удачу, и спать!

— За удачу, — подхватил очнувшийся Эрвин, — завтра и всегда.

4

С караковым Кесарем Арно был в хороших отношениях; если б мориск мог

сказать, куда они едут, он сказал бы. Спрашивать адъютантов виконт нужным не

счел, да и «проводить», значит доехать до заставы, в крайнем случае — до

какого-нибудь поста в часе езды от города. Ну а если на обратном пути

попадутся разбойники, то сами виноваты, хотя возвращаться в одиночку не

дадут — а жаль! Арно с удовольствием побыл бы сразу и приманкой, и

охотником. Вот в чем Ли прав, так это в том, что мерзавцев нужно убивать на

месте. Догадайся он вчера прикончить налетчиков, ничего не было бы... То есть

бедняга-домоправитель, конечно, не воскрес бы, но Гизелла уцелела бы, а ее

отец остался бодрым, спокойным человеком...

— Теньент, — не оборачиваясь, окликнул Лионель. Они уже были на Выборе.

Застроенная добротными домами набережная тянулась через весь город, Грато

свернул направо, значит, Ноймарский тракт. — Ты предсказуем. Мне это не нравится.

На такое оставалось лишь промолчать.

— Я отвез бы ее в Старую Придду, — внезапно сказал Арно. — К матери.

— А к кому ты отвезешь Ричарда Окделла? Мне или Эмилю? Придд, насколько

мне известно, уже отказался.

— Валентин тебе ничего не рассказывал!

Они ехали мимо моста, на котором он вчера придумал отличнейший план, разбившийся о неумолимую стремительность Райнштайнера. Они ехали мимо

смерти.

— Валентин примчался за тобой к казармам, из чего нетрудно сделать выводы.

Райнштайнер несколько огорчен подобным недоверием к его людям, но признает, что у Придда есть основания. В Эпинэ нашего добросовестного бергера облапошили Мараны — правда, им на пользу это не пошло. Сэ, к сожалению, тоже.

То, что Сэ сожгли, Арно знал, но в это как-то не верилось: мать жива и здорова, значит, под балконами по-прежнему гнездятся стрижи, а угловые башни

четырежды в день ловят солнце. Самое уютное место в мире и самое безопасное! Сколько раз во сне Арно подъезжал к Сэ, а проснувшись, видел дриксенские рожи.

— Сэ нужно отстроить, — не то предложил, не то потребовал Арно. — К маминному приезду.

— Если ее задержать года на три, успеем... Так пишет Бертрам, но я не склонен

сейчас тратиться на замки. Арно, постарайся впредь себя не выдавать, а для

этого прими к сведению одну простую вещь: люди могут думать и говорить не

только о том, что вертится в мозгах у тебя. Ты веришь Придду, и это не радует

разве что твою шляпу, но заявить, что Валентин ничего не рассказал — значит

расписаться в затее, которая мне не понравилась бы. С твоей точки зрения, разумеется.

— А тебе понравилась?

— Нет, но напрочь исключить, что тебе взбредет в голову что-то полезное, я не

могу.

— Премного благодарен, — буркнул Арно, придерживая коня. Ли этот маневр, разумеется, понял, но ничего не сказал, зато Кесарь глянул на всадника

вполоборота снизу вверх, скосив глаз, и по-своему, по-лошадиному, ухмыльнулся.

— Ты не Кан, — сообщил жеребцу тенъент, — ты не поймешь.

В ответ мориск попер вперед, норовя идти с Грато голова в голову. Нет, жеребцы

не ссорились, они просто оба желали быть первыми. Спорить еще и с лошадью

Арно не собирался, он вроде бы о чем-то думал и вроде бы смотрел на пеструю

от женских юбок и осенних листьев Акону, а голова оставалась пустой, и еще

бился в ней какой-то мотивчик, не то дриксенский, не то бергерский, непонятно

где и когда услышанный. Ли сказал, что хотел, и замечать брата перестал — мол, думай сам. Думать прямо сейчас не хотелось, но Гизеллу стало еще жальче, потому что шансов у нее не было с самого начала. Смерть началась, когда

дурица, выскочив на лестницу, открыла рот. Она сама отдала себя в руки

охотников, а ни «фульгаты», ни бергеры добычу не отпускают, и они правы

волчьей и рысьей правотой. Дочка фок Дахе в этом лесу была котенком,

глупым

и смешным, как бы он ни топорщил шерсть и ни скакал боком. Если б Валентин

ее увидел, он перестал бы равнять ее со своей сестрой и помог, хотя... Хотя они

вдвоем не успели бы точно так же.

За городскими воротами отряд перестроился, теперь первыми шли «фульгаты», и против этого жеребцы ничего не имели — привыкли. Лионель упорно молчал, похоже, ему на ум пришло что-то важное — уж больно сосредоточенно братец

глядел прямо вперед, а вот Арно крутил головой и заметил. Две женщины в

плащах с капюшонами чего-то ждали на старом выносном валу, который должен

был защищать Акону, правда, подобной возможности бедняге так и не

представилось. В паре шагов от незнакомок болталось четверо бирюзовых бергеров, и Арно осенило.

— Селина, — елеиным голосом указал братцу виконт. — Ну и Мелхен с охраной. На всякий случай.

— Да, это они, — согласился Лионель. — Что ж, будем вежливы.

Повинуясь всаднику, Грато развернулся в сторону размытых дождями

укреплений и сделал глубокий реверанс. Кану этот трюк не давался, правда, Арно, обучая мориска, делал упор на то, что нужно в бою.

— Ты можешь просто поднять коня на дыбы, — заметил Ли. — Рокэ предпочитает прощаться именно так.

— Мне-то зачем?

— Девиц в нашем семействе спасаешь ты. Правда, с переменным успехом, но в

данном случае ты действовал безупречно. Вперед.

Кесаря Арно, само собой, вздыбил, в ответ фигурка в синем плаще помахала

рукой. Вторая, в черном или темно-зеленом, отвечать не спешила.

— Она же вчера ноги сбила, — вспомнил Арно. — До крови. И как она только

сюда влезла?!

— Женщины переносят боль лучше нас. — Ли дал Грато шенкелей. — А мы ее

лучше забываем.

Глава 10

БАКРИЯ. ХАНДАВА

ТАЛИГ. СТАРАЯ БАРСИНА

400 год К. С. 6-й день Осенних Волн

1

Алву Этери так и не дорисовала. Черноволосый путник в темной, едва обозначенной одежде, оставался без лица, хотя все остальное — синее небо,

синие горы, синий от колокольчиков склон и восхищенный козел на нем — было

готово.

— Я немного устала, — опускала глаза кагетка, — но я закончу. Когда вы уедете, я останусь совсем одна, и мне будет нечем заняться...

Вернее, некому будет делать далеко идущие выводы. Муж и его соплеменники

при виде посланника Бакры возликуют и ничего не заподозрят — это женщина

всегда поймет, почему другая женщина кого-то рисует, о ком-то говорит или, напротив, молчит. Этери, правда, не молчала, но у сестры казара Кагеты всегда

найдется повод поговорить о регенте Талига, другое дело портрет — регентов

рисуют иначе, чем любовников или тех, о ком не спишь ночами.

— Мы едем через три дня, — прервала неловкое молчание Матильда. —

Кардинал Талига должен находиться в Талиге.

— Это так, — согласилась лисичка, — но сегодня мы будем праздновать. Брату

доставили кэналлийское и настоящую гитару. Вы не знаете, виконт Валме играет на гитаре?

— Играет, — припомнила дикий вечер с выходцами Матильда, — но не так, как

кэналлиец. Вам нужно было пригласить Дъегаррона.

— Я ему писала, — кагетка очаровательно улыбнулась, — но он готовится к

большому маршу, так что я пошлю гитару Валме. Прошу меня простить, это недолго...

Старуху с рогатой палкой Матильда встречала неоднократно, но здесь, в изысканной при всей ее пестроте комнате, премудрая выглядела, будто репейник

в оранжерее. С козлиным жезлом ведьма так и не рассталась, а в ее второй лапе

был огромный, размалеванный черным и красным рог. Этери едва заметно подняла глаза к потолку, встала и протянула руки. Премудрая произнесла что-то

вроде коротких стихов и вытряхнула в сложенные корабликом ладони рыжий

шарик. Кагетка ответила одним коротким словом и откусила от подношения, после чего пара сопровождавших старуху воинов крутанули свои посохи, причем так ловко, что ничего не свалили. Этери сосредоточенно и быстро

жевала под пристальным взглядом подданных, затем что-то вытащила изо рта и

опустила в подставленный ведьмой рог. Воины вновь крутанули палки, премудрая прочла второй стих, и странная компания убралась.

— Это все из-за того безумца, — объяснила принцесса. — Я смогу покинуть эти

стены, когда будет готово отвращающее зло ожерелье из косточек абехо по

числу прожитых мной времен года. В день я съедаю один плод, ночью косточку

показывают звездам, а утром премудрая присоединяет ее к ожерелью.

— Его нужно будет носить?! — ужаснулась Матильда. Косточки абехо были

немногим меньше персиковых и красой не блистали.

— Да, — кротко, но мужественно подтвердила кагетка. — Все время.
Поверх

любой одежды.

— Подожди меня! — рыкнула Матильда, хотя деваться лисичке было
некуда, и

выскочила из симпатичной разрисованной тюрьмы. Едва не сбив
отвращающую

зло козу, которую как раз обводили вокруг обиталища Этери.

Апартаменты Бонифация были на другом конце немалого замка, но
принцесса

домчалась туда не хуже Бочки. Муженек где-то шлялся, что любящую
супругу

лишь порадовало. Ворвавшись в спальню, алатка бросилась к сундуку и,
расшвыряв уйму тряпок, вытащила шкатулку, набитую драгоценностями,
главным образом — дареными. Его величество Баата как мог возмещал
ущерб, нанесенный алатской принцессе агарисскими проглотами; муж
тоже где-то

разжился рубиновыми серьгами, но Матильда искала один-единственный
камень. Сверкнуло, будто из жемчужного клубка глянул какой-то странный
зверь, и Матильда вытащила то, что хотела.

Спертая внуком у талигойской королевы ройя раскачивалась на
тонюсенькой

золотой цепочке, а по стене метался полупрозрачный алый отсвет. Стало
жаль: не драгоценности — бесплотной звездочки, родившейся от
полуденного солнца

и камня, в существование которого в Золотой Анаксии верили, а в Золотой Империи перестали. До присоединения к Талигойе Кэналлоа ройи считались

сказкой, потом стали мечтой. И вот одна такая качается в руках и смеется, как

смеется женщина, уверенная в том, что мужчина никогда ее не оставит. Что бы

он ни говорил и как бы ни ярился.

— Ну тебя! — прикрикнула Матильда на самоуверенную вещицу и отправила ее

в потайной карман. Назад лететь тем же аллюром не вышло, но решительности

запыхавшаяся принцесса не растеряла. У калитки в садик Этери на привезенном

со священной горы обломке восседала карга, для разнообразия расставшаяся с

рогатым жезлом, но не с воинами. Алатка нагнула голову, точно собираясь бодаться, и устремилась к ведьме.

— Идемте со мной! — Для вящей убедительности Матильда притопнула ногой.

— Вы должны видеть то, что я сделаю, и слышать то, что я скажу.

Вроде бы у нее получилось вполне в бакранском духе. Во всяком случае, премудрая немедленно вытащила из-за валуна свою палку и бодро вскочила, бородачи привычно встали за плечами старухи, хотя кто ее знает? Бакранка

могла быть в одних годах с Матильдой, а могла быть и моложе, просто

выглядела древней, как каменюки, из которых и вылезла.

Когда шли через сад, Матильда сунула руку в карман, нащупывая ройю, чем ввела в заблуждение местных птиц. Зелено-штаный Карлион, то ли некогда

сцапанный Матильдой, то ли его сородич, настырно крича, шмякнулся принцессе на плечо. Пришлось согнать, но самолюбия у птички было не больше, чем у истинных талигойцев, когда они рассчитывали на обед.

Зеленоштанец описал небольшой круг, явно собираясь опуститься Матильде на

голову. Свистнуло, нахал слабо затрепыхался в траве, а сбивший его бородач

довольно улыбнулся.

— Плохая птица, — объяснил он. — Может нести зло.

— Нагадить она может, — уточнила принцесса, но, видимо, бакран этого слова

не знал, а объяснять Матильда не стала.

Этери сидела там же, где Матильда ее оставила, и рядом не было ни книг, ни

бумаги с пером, ни хотя бы фляги. При виде вошедших принцесса чуть подняла

брови, но промолчала, зато что-то проорчала старуха.

— Премудрая, — перевела кагетка, — готова услышать важное.

Готова? Ну, сейчас она услышит!

— Я исполняю клятву. — Как же назвать эту чуму синеглазую, чтобы горцы

поняли и прочувствовали?! — Я дала слово тому, кто сейчас далеко, но хочет

отвратить зло от вашего народа и матери вашего будущего короля.

Поняли? Нет? Ведьма должна знать талиг, а если не знает? Ну охранники-то

хоть поймут?

— Мы все ждем герцога Алву, — откликнулась Этери, но переводить не стала.

Значит, понимают!

— Герцог Алва оставил мне талисман, отвращающий зло, — отдельно и сурово

произнесла Матильда, воздевая к потолку шалую звездочку. — Этот камень

родился из крови, огня и звезд. Его нельзя снимать, иначе зло воспрянет и

приблизится, и его нельзя носить с другими талисманами. Он один, как один

приславший его.

— Этера, — пророкотала старуха и едва не ткнула в потолок своими рогами. —

Бери!

— Я возьму, — пообещала кагетка. Она повесила бы на шею даже башмак, только бы его прислал Ворон, чего уж говорить о ройе, которую алатке все-таки

стало жаль.

2

Дракко фыркнул и переступил через скрюченное неподвижное тело. Этот

данарий решил схитрить и побежал не назад, а вперед, к густым зарослям боярышника: видать, думал, что вылетевшие из зарослей конники проскочат

мимо и не заметят. Заметили. Выучка Никола в очередной раз дала о себе знать.

Пока в живых остается хотя бы десяток бывших мятежников, пока они держатся

вместе, ими будет командовать маленький генерал.

— Посмотрим? — окликнул Робер тоже о чем-то задумавшегося Эрвина, и тот, словно очнувшись, тронул шенкелем Сону.

На дороге уже вовсю кипела обычная суета: на скорую руку обшарить карманы

убитых, стащить тела в кучу у переднего воза, проверить, есть ли живые.

Нужно, чтобы были, но лучше бы их не оказалось. Нет, хуже! Просто то, что

видишь, лупит по душе сильнее того, о чем только знаешь. Ты не видел

сгоревших варастийских деревень, но видел смытую бирисскую и запомнил. Ты

запомнишь и это, ну и что? В Рассвете тебе так и так делать нечего, а здешнюю

кровавую грязь, не замаравшись, не разгрести.

— Как тебе Сона? — Разговор о лошадях не хуже любого другого, да и в бой

идти на незнакомом коне опрометчиво. Впрочем, знакомых у Эрвина здесь нет.

— Выше всяческих похвал. — Эрвин потрепал мориску по бархатной шее.

—

Красавица долго ходила по рукам, но выучка законного хозяина все еще сказывается... А какой галоп!

— Да, хорош.

— Не то слово! А ведь я чуть было от нее не отказался.

— Слишком многих всадников поменяла?

— Я не суеверен, но на ней ездил Окделл. И ведь хватило бы одной пули, но кто

мог знать...

— Да, — повторил Робер, посылая Дракко ближе к обозу, — кто мог знать...

— Найди Марианну! — внезапно то ли взмолился, то ли приказал ноймар.

—

Это я уже не найду, разве что в Рассвете... Хоть бы он у нас с эсператистами

один был!

— Война у нас точно одна.

— Жизнь у нас одна... Ведь любишь же!

— Люблю. — Бедный Эрвин! Смотрит на брата, а видит сестру. — Но Катарину

ты бы сейчас расстроил. Последние ее слова были про маки Эпинэ, а первый

бой, первый открытый бой — из-за меня. То есть из-за армии, которую должны

были на нас бросить. Сестры нет, я остался. Теперь ее маки мои, и долг тоже

мой.

— Чем больше я тебя узнаю, тем больше вижу, как вы похожи, ты и она.

Катарина тоже хотела просто жить, больше всего на свете хотела, и могла ведь!

И при этом не могла... Ну и ты не можешь.

— Не могу.

Сона решила, что нужно идти за Дракко, они всегда ладили; Эрвин шурился и

смотрел куда-то вдаль. То ли на Нуази, то ли дальше. Прошлое догнало в самый

неподходящий момент, но настоящее тоже не дремало.

— Ну ты смотри, клопы какие, — донеслось от возов, — с девчонки малой сняли! В крови, и то не бросили...

Ухудшить участь пленных находка не могла, а вот на душе стало полегче. Эпинэ

поискал Дювье и тут же нашел, а у бывшего сержанта, похоже, глаза были и на

затылке.

— Монсеньор, — доложил он, придерживая расшалившегося Мэтра Жанно, —

ранено трое, но в седле не удержится только капрал Бижу. Ну и старину Курье

насмерть — пуля в сердце.

— Бижу и тело увозите прямо сейчас, не ждите. И быстрее с возами.

— Сделаем. Эй, масло давайте!

Вроде бы нет ничего глупее, чем стоять над душой у тех, кто знает свое дело, но

при этом присутствие любимого — а южане своего «Монсеньора» любили —

начальства заставляет делать, что положено, еще лучше. Иноходец кивнул

Дювье и медленно поехал мимо пригнанных мародерами телег. Здесь все шло

как задумано, а вот что в Нуази? Голова сама собой поворачивалась в сторону

освещенных солнцем крыш, глаза шарили по пока еще пустой дороге. Ну, появитесь? Кинетесь на выручку своим, если у вас, разумеется, бывают «свои»?

Будете преследовать? Ведь наглость же — под самым носом орудуем!

— Капитан, — обрадовал кто-то, — вот этот скот еще дышит!

— Ну так тащите быстрее! — Дювье знал не больше сомнений, чем Никола. —

Видите дубок? Как нарочно ждет. И главного прихватите, вон этого, в гвардейском. Пусть тоже повисит.

Недобитых данариев оказалось всего двое. Эпинэ мельком глянул, как пару еще

живых и одно мертвое тело волокут к кряжистому придорожному дереву, и вновь повернулся к Нуази. Пока ничего. Хорошо, что есть время сделать то, что

задумано, плохо, если сделанное окажется бесполезным.

— Монсеньор, возы все облили.

— Подгоните поближе, распрягите и жгите. Пусть видят.

Сержант из халлорановских затряс головой: сейчас-сейчас, сделаем. Он попросился за Кольцо сам, и Дювье, запомнивший кавалериста еще по Олларии, взял. Недоверие севера к югу и наоборот у солдат кончилось, только не все

плечом к плечу прорывались из свихнувшегося города, выводя тех, кто мог лишь шептать молитвы и бежать. Разъезжая по Эпинэ, Робер то и дело слышал, что придется кормить северных захребетников. Надо думать, в Ноймаре то же

бубнили про южан.

— Смеешься? — спросил Литенкетте. — Я тоже хочу.

— Да вот подумалось... Мы тут вместе орудуем, а в Лэ или еще каком Васспарде

сидят у камина... Сытые такие, мирные и злятся крест-накрест, что их обедают.

— И пусть их, лишь бы камины и там и там горели, и что поесть бы имелось...

Скоро они там?

— Говорят, скоро.

— Я про данариев... Пора бы уже и разозлиться. «Вырвавшийся» вроде прямиком в Нуази дунул, не сворачивая.

— Некуда тут сворачивать. Эрвин, я понимаю, что у тебя руки чешутся, но все

же держись в середине. И вообще лучше б ты нас в Барсине ждал.

— Не люблю ждать — умею, но не люблю... Будь я старшим сыном и наследником, мое участие и впрямь отдавало бы авантюрой, а так ничего... Ага, зашевелились!

— Где? — Эпинэ выслал Дракко, вглядываясь в желтые поля. Ноймар был прав, из-за крайних домов показались всадники, пока с десятков. — Нет, этих

маловато, они же видят, что нас тут втрое больше. Подтянут еще людей, тогда и

начнут.

— Ничего, мы не спешим...

Светило солнце, фыркали и позвякивали железом привыкшие ко всему кавалерийские кони, ржали и рвались впервые угодившие в такой переплет крестьянские лошадки. Дубок украсился тремя повешенными, теперь от телег

доносились мясницкое хэ-канье и отвратительный хруст — халлорановцы

рубил убитым головы и складывали у первого из возов. Дювье на правах

старшего бросил первый факел, облитые маслом телеги с фуражом вспыхнули

сразу, ветерок погнал дым прямо на Робера.

— Иногда север и юг оказываются похожими, — задумчиво произнес Эрвин. —

У нас тоже было в обыкновении оставлять врагам подобные послания.

Думаешь, сработает?

— Хорошо бы...

Они ждали уже четверть вечности, не отрывая взгляд от просвечивавших
сквозь

поредевшую листву красных крыш. Дорога была пуста, но у околицы кто-то
продолжал гарцевать.

— Есть, идут! — раздалось с дерева, на котором устроился наблюдатель. —
До

сотни всадников!

— Как и думали... — Робер машинально погладил пальцами рукоять
саграннского кинжала. — Все, уходим.

З

Гитару Лисенок добыл прямо-таки королевскую. Черная, со строгим
гальтарским узором вокруг голосника, она была достойна куда лучшего
музыканта, чем Марсель. К счастью, инструмент родился не в Кэналлоа, а
в

Урготелле. Валме заподозрил это с первого взгляда, а со второго отыскал
искусно вплетенный в орнамент знак мастера — улыбнись ему Рыбка,
знакомого!..

— Отлично, — поделился Валме с Котиком, — под гоганскую гитару
можно

петь о розах, вздохах и столах.

— Грррма, — зевнул волкодав и опустил башку на передние лапы, к
музыке он

был равнодушен. Марсель с удовольствием прошелся по струнам, вспомнил с

пяток романсов и страшную балладу, после чего занялся гардеробом.

Камердинера виконт с собой не взял, но пару посольских камзолов прихватил, и, кажется, зря. В день рождения регента и «примпердора» офицеру для особых

поручений пристал мундир и только мундир! Выбор костюма обусловил и выбор прически — изрядно отросшие и выгоревшие волосы были стянуты в

кэналлийский хвост. Оставалось решить с псом, в интимных покоях принцессы

неуместным, но удостоенным из рук провалившегося регента куска, кажется, куропатки. Это все и решило.

— Идем, — велел Валме. — Мы будем пить за здоровье, а ты — есть.

Волкодав охотно встал — то ли понял, то ли догадался, что его ведут в приятное

место. По дороге виконту попался принарядившийся Жакна — бакраны

прознали о дне рождения своего кумира и как могли это отмечали. Впрочем, кожаные с серебром головные повязки и широкие пояса украсили бы любого.

При В отсутствии пауза, само собой.

— Я ждал, когда ты пройдешь, — признался Жакна. — Я должен сказать, чтобы

ты знал и сказал регенту, который сейчас далеко. Мы всегда будем жить по его

слову.

— Замечательно! — Врать, глядя в глаза, Марсель выучился года в четыре, но с

Котиком и герардами испытывал некоторую неловкость. — Регент не сомневается, что вы достойны, а сейчас прошу со мной.

— Я иду, — просиял бакран. — Куда?

— На праздник. Ее высокопреосвященства должна услышать песню о девушке

на крутом берегу.

— Старшие меня не брали. — На лице Жакны отразилось сомнение. — Что они

скажут?

— Не они, а я. Скажу, что на празднике в честь регента должна звучать песня, которую он взял с собой, и что мне, как капитану при особе, виднее, кому быть

на балу.

— Я понял, и старшие тоже поймут. Когда мне петь?

— Я тебе скажу, — пообещал Валме, прикидывая, требуется ли бакранской песне аккомпанемент. Пожалуй, что и нет.

— Мы жалеем, что ты покидаешь нас, но это нужно.

— Это очень нужно. Могу я попросить тебя заботиться о Мэгнусе?

— Я буду горд. Жаль, что ты спускаешься с гор.

— Что поделать, — вздохнул Валме, которому тоже было жаль начинающего

алеть неба и зубчатого хребта. — Все мы должны возвращаться, ведь без

этого

не получается уходить.

Возвращаться было в самом деле пора, но вечер обещал стать слишком сказочным, чтобы думать о такой пакости, как политика, и такой прозе, как война. Марсель с удовольствием полюбовался бы на окровавленные горы в обществе Франчески, то есть, конечно же, Елены. Оценил бы красоту пейзажа и

Алва, но гости Этери были настроены не столь возвышенно, хоть и выбрались в

освещенный факелами садик к родничку.

Навестивший сестру казар был сладок, как инжир, и трепетен, как астры на

ветру, из чего следовало, что пирушка имеет немалый шанс обернуться переговорами. Бонифаций с Матильдой, судя по всему, начали праздновать с

утра, зато пара пожилых бакранов хранила церковную торжественность. Дуглас

и Коннер выглядели попроще, но явно не знали, куда себя девать, а принцесса

Этери — о чем с ними говорить. Марсель понял, что делать праздник приятным

во всех отношениях придется ему, и прищелкнул пальцами.

— Гав! — немедленно откликнулся приученный Котик.

— Ваше высочество, — Валме изысканно поклонился обернувшейся принцессе,

— ваше высокопреосвященство, ваше величество, я счастлив вам сообщить, что

нас ожидает восхитительный закат и особенная ночь. Не погасить ли факелы?

4

Солнце все сильнее склонялось к западу, до Старой Барсины оставалось меньше

часа пути. Того, что их перехватят, Робер уже не боялся, все опасные места были

пройдены. Пусть у поворота на Казоле бесноватым и не хватило всего пары-

тройки минут, чтобы первыми оказаться на перекрестке, но ведь не хватило же!

И потом их дело — не избавляться от погони, а волочь ее за собой; оторвись они

слишком сильно, и преследователи могут отстать или сбиться с дороги. Вряд ли

среди них есть те, кто два с лишним месяца назад штурмовал древнюю резиденцию Славы, а значит, подвоха мерзавцы не ждут.

— Уже близко, — ответил Эпинэ на незаданный вопрос Эрвина. — Обойдем

Дикие Огороды, и будет поле. То самое...

Робер замялся — за последний год он худо-бедно научился командовать, но не

изливать душу, тем более на рыси, однако ноймар его понимал. Они с

Литенкетте возглавляли маленькую колонну. Дракко и Сона бежали ровно

и

были готовы и к скачке, и к драке, прочие лошади, хоть и не морисских кровей, тоже держались неплохо. Что ж, коней они сберегли и до места почти

добрались. Брошенные несколько веков назад огороды и сады успели не только

одичать, но и превратиться в низкорослый, непроходимый для всадников лес, за

которым и лежали развалины. Парни Халлорана — они так и остались «парнями

Халлорана», хотя ими давно командовал Блор, — надо думать, уже заждались.

— Монсеньор, — Дювье поравнялся с вожаками, — посылать?

— Давай!

Капитан придержал своего мерина, а через несколько минут мимо, набирая

разгон, пронесся гонец. Скоро в Барсине узнают, что пока — пока! — все идет, как задумано. Неровные, сыплющие сухими листьями стены по обе стороны

тропы внезапно начали раздражать, и Эпинэ задрал голову: небо было

безоблачным и ярким, но солнце уже ушло за деревья. Ничего, до Барсины они

всяко доберутся прежде, чем настанет ночь, и все равно — скорее бы!

Дракко, почувствовав желание хозяина, попытался сорваться в галоп, но Эпинэ

заставил себя натянуть поводья. Поднявшийся ветер прошумел в редяющих

кронах, осыпав отряд невесомым золотом, стало радостно и горячо, как некогда

в Торке. Там привыкли играть с огнем, становясь то дичью, то охотником. Потом

пошли другие войны, мерзкие и никому не нужные, но сейчас Робер внезапно

почувствовал себя теньентом, дурящим голову кесарским рейтарам. Любимое

развлечение нынешнего Савиньяка, когда он еще был Ли Лэкдеми...

— Будет весело. — Эрвин сдерживал пляшущую Сону и улыбался. — Весело и

ветрено, как у нас.

Робер кивнул и рассмеялся, лошади просились в кентер, а до поворота оставалось всего ничего, так почему бы их и не порадовать? Иноходец еще ничего не успел сказать, а Эрвин уже дал Соне шенкеля, и мориска рванулась

сквозь осень, туда, где Дикие Огороды расступались, и пожухлые травы еще

видели остывающее солнце. Коней остановили на невысоком пригорке; впереди,

за лугом, лежала Старая Барсина, над которой в прозрачном небе висел алый

шар. У подножия холмика сгрудились южане, а с востока спешила погоня. Робер

успел ухватить взглядом маленькие фигурки верховых — большая их часть уже

спустилась в пологую лощину перед зарослями. Осталось совсем немного,
и

тогда посмотрим, что же на вас, негодяев, действует...

— Не отстали, — заметил Эрвин.

— А чего им отставать? Пятеро же на одного!

Если Блор посадил наблюдателей туда же, куда некогда Робер, в подзорную трубу всадников на холме должно быть видно. Только б не выскочили прежде

времени, тогда все пойдет насмарку. Кроме боя, разумеется.

Данарии уже выбрались из лощины и разворачивались, готовясь окружить наглецов и искрошить в капусту. Наглецы, само собой, хотели совсем другого.

— Ну, — Эпинэ подмигнул Дювье, — давай!

Дракко прынул вперед сорвавшейся с тетивы золотой стрелой, и тут же вслед

понеслась черная. Сона! Мориска и полумориск были слишком резвы, их пришлось придержать, приноравливаясь к бегу пусть хороших, но не лучших

коней. И все равно скачка к висящему над развалинами солнцу вышла прекрасной, хоть и недолгой. Когда полуобвалившиеся стены с вцепившимися в

них кустами закрыли небо, Робер повернул и на радость погоне помчался вдоль

руин. Разумеется, данарии срезали угол и рванули наперехват, позволяя отсечь

себя от единственной известной им тропы. Разумеется, халлорановцы только

того и ждали. Эпинэ не оглядывался, но разнесшийся по полю яростный крик

сказал все.

— Пора! Лэйе Астрапэ, пора!

Пора заворачивать, превращаясь из дичи в охотника. Эпинэ доселе сам не понимал, как хочет сойтись с этой сволочью лицом к лицу. Не со сбесившимися

горожанами — с переступившими через долг и присягу вояками. Что-то сухо

треснуло. Один раз, другой... Стреляете? Ну и отлично! На ходу расстегивая ольстру, Робер дернул повод, но Дракко ослушался. В первый раз за время их

дружбы! Жеребец, все прибавляя и прибавляя, несся вдоль стены, оставив далеко позади всех, кроме не оставлявшего друга Эрвина. Ноймар скакал рядом, безуспешно пытаясь поравнять Сону с Дракко и схватить поводья.

— Назад! — проорал Робер. — Командуй там... Со мной... Ничего... Не станется...

Если конь растащил — с ним можно спорить и можно унять, если понес — он

не слышит, не понимает, не отвечает, просто летит в закат. Тут либо прыгать на

всем скаку, либо, если хватит сил, заворачивать с риском покалечить и

покалечиться, либо скакать и скакать, пока бунтарь не выдохнется и не

перейдет

на рысь, а потом и на шаг. Робер скакал. Бой и развалины остались позади,
но

обрушенная колокольня с висящим над ней солнцем пропадать не желала,
и

именно к ней летел обезумевший Дракко. Ветер бил в лицо, свистел в
ушах, бешено колотили о землю копыта, позади пронзительно заржала
лошадь. Не

Дракко! Робер, стоя на стремянах, обернулся и увидел ее! Их... Кони без
всадников, с полдюжины золотистых и один вороной — Сона?! — мчали
сумеречной степью напрямиком в вечернее зарево, и вместе с ними неслись
голенастые борзые. Алым зеркалом блеснула какая-то река, рассекла
горизонт

молния...

Солнце все не заходило, цепляясь за зубцы далекой башни, уже ничем не
похожей на барсинскую колокольню. Метались в багровых сполохах
черные

птичьи тени, небесный пожар разгорался все сильнее, грохот копыт
сливался с

грохотом грома. Казалось, скачка будет длиться вечно, и Робер внезапно
понял, что это и есть смерть, которая наконец его нашла. Вместе с пулей.
Он не успел

ничего почувствовать и понять, а его уже швырнуло в заждавшийся Закат.
Ну и

что?! Он ответит, он готов ответить за все и еще больше готов спросить.

Леворукого, Создателя, хозяина этой проклятой башни... Кого угодно, кто

допустил, чтобы люди становились тварями, чтобы сестра умерла, не увидев

сына, а добрый влюбленный мальчишка стал убийцей...

Чернота напознала со всех сторон, как бы ее ни рвали молнии, и она уже была

не только небом. Вставшие по бокам крутые склоны не оставляли выбора.

Только вперед, к перекрывшей выход из ущелья башне, где и закончится

неистовый бег, к башне, до которой нужно добраться, потому что другого шанса

не будет, как не может быть второй смерти, второй жизни, второй любви, если

это в самом деле любовь.

А башня больше не убегает, нет! Она становится ближе, а вот солнце начинает

меркнуть. Надо успеть... Дракко, быстрее! Нужно успеть, пока горит!

Быстрее невозможно, но Дракко смог! Лошади с пустыми седлами отстали, и

только отчаянно вытягивающая шею Сона все еще держалась рядом.

Глава 11

ТАЛИГ. АКОНА

БАКРИЯ. ХАНДАВА

400 год К. С. 6-й день Осенних Волн

1

Фок Дахе выглядел ужасно, но оставался полковником. Торским. Чисто

выбритый, одетый с иголочки, он, насколько позволяла больная нога, чеканя

шаг, продефилировал через кабинет и замер точно посередине вытканной на

ковре охапки роз. Четко. Красиво. Каждая напряженная мышца давала понять, что ее хозяин — не убитый горем отец, а явившийся за новым назначением

офицер. Это было столь очевидно, что Савиньяк не стал попусту тратить время.

— Значит, — начал разговор Проэмперадор, — вы желаете вернуться в армию?

— Именно так, господин маршал.

Ни дерганий, ни восклицаний, все очень достойно и окончательно, хотя, говоря

по чести, что ветерану делать в набитом памятью о дуре-дочери доме? Уехать к

внукам и жене и услышать от нее «как ты допустил?!»?

— Вы были у лекаря? — проявил заботу заявившийся минутой раньше

полковника братец, до того сетовавший на Шарли. То есть не на Шарли, а на

«воронных», уступивших на сегодняшних скачках витязям Карой. — Что вам сказали?

— Мне не нужен лекарь. Я полностью здоров.

— Вам виднее. — Человеку нужны не носовые платки и тинктуры, а приказы и

дело. И не ему одному, к слову сказать. — Властью Проэмперадора

направляю

вас в распоряжение маршала фок Варзов. Он возвращается в строй и принимает

командование над вновь формируемым в Придде корпусом. Фок Варзов прибывает в Акону дней через десять. Вам хватит времени, чтобы уладить дела?

— Они улажены, монсеньор.

— Приказ о вашем назначении будет готов утром.

— Благодарю Монсеньора. Разрешите идти?

— Идите.

Перебираться к столу Ли не стал, так и остался у окна, за которым разозлившийся на весь мир художник замалевывал дома и деревья черной тушью.

— Зверь ты все-таки, — хмыкнул Эмиль. — Иногда.

— Гораздо чаще.

— Тебе виднее. Хоть бы вина бедняге предложил.

— Бедняга может найти сколько угодно вина в кабаке. Вместе с закуской и утешителями. Ко мне он явился за другим и получил, что хотел.

— М-да, — изобразил глубокомыслие братец, — получить от тебя то, что хочется, редко кому удается. Если не считать не обремененных особой чувствительностью дам. Ты совсем не собираешься сегодня пить?

— Я собираюсь прогуляться. И даже соберусь.

— Знаю я эти твои прогулки... Будешь или мыслить, или занудствовать, я тебе

тут не помощник.

— За бутылкой я делаю то же самое.

— Видел. Но сегодня, если ты вдруг забыл, надо пить за Росио.

— Кому надо? — Лионель пожал плечами и отвернулся к окну. Мазила за стеклами вконец разбушевался. Ему мало было сделать плоским и черным город

— теперь он взялся за небо, размалевав его полосами самых диких цветов.

— Ли... — Эмиль уже стоял рядом. — Почему ты не хочешь пить за Рокэ?

— Потому что хочу для начала глотнуть вечера и ветра! А ты можешь сидеть

здесь и глотать «Змеиную кровь».

— Поехали.

Брат был тих и краток; значит, что-то почуял, значит, нужно держать себя в узде

еще крепче. Близнецы чувствуют друг друга, но Эмиль не забивает себе голову

изломной ерундой, он не догадается.

— Повезло тебе. — Миг почти догадки остался в прошлом, и брат опять

смотрел кавалеристом. — Эх, будь я Райнштайнером, я б из тебя все вытряс!

Кстати, наш прекрасный барон поведал мне душераздирающую историю. Он не

пьет выдержанную вишневку, потому что какие-то бергеры вздумали ею отравиться.

— Я это тоже слышал. — Они спускались по лестнице, привычно отвечая на

приветствия, два таких похожих друг на друга маршала, только один знал, что

пить сегодня не за кого. — Вишневое вино было ровесником отца жениха и за

полсотни лет успело стать ядом... Эмиль!

— Дриксы?! — схватился за шпагу братец. — Драконы? Жабы? Где?! Вот мы им

сейчас!

— Будь добр, помолчи.

Как же все просто! Просто и недоказуемо, а ведь фонтаны бьют не только водой, но и вином. Ну, или отравой...

2

С отвращением зла ясности не было, но от карги с рогами лисичка избавилась

— мало того, узницу выпустили из дома! Чего удивляться, что Этери принимала

гостей в саду. Том самом, где бириссцы с бакранами, забыв о взаимной

ненависти, самозабвенно убивали свихнувшегося прознатчика. Валме считал, что бесноватого, Бонифаций с ним соглашался, но истину знала разве что яма с

известью, куда швырнули бранные останки. Воспоминания о нелепой драке

настроения не портили — кровь давно смыли дожди, а Матильда с детства обожала резвиться под звездами, к тому же кагетские ночи все еще оставались

теплыми. По крайней мере, до полуночи, да и о меховых одеялах хозяйка позаботилась.

— Не бойтесь, — шепнула она, протягивая, Леворукий его знает, который по

счету бокал манся, — блох в них нет.

— А почему я должна бояться? — не поняла развалившаяся на вышитых подушках алатка.

— Вы ночевали в казаронских замках, — объяснила дочь казара. — Увы, в провинции все еще полагают признаком знатности и процветания не чистоту, а

золото и ломящиеся столы. Когда я приехала к мужу, я не сомневалась, что меня

будут есть заживо, — однако в бакранских хаблах живут собаки и козы, но не

кровопийцы. Это стало моей первой радостью...

Сколько радостей вместилось между отсутствием блох и встречей с убийцей

отца, Этери не сказала. Она была молодцом, эта бледненькая кагетка, сперва

принявшая навязанную ей судьбу, а теперь выворачивающая ее по-своему. Уж

лучше так, чем гордо вырваться из золотой клетки и угодить в сундук со

старьем.

— Ты умница, — от души похвалила Матильда. — Я себе сама жизнь похабила, а тебе — другие, но ты выкрутишься! На то ты и лисичка!

— Я предпочла бы хвосту крылья, — призналась Этери, покосившись на залитый светом большой стол, у которого лопали мужчины. Блох у сестрицы

казара не водилось, но угощение было истинно кагетским. Матильда отхлебнула

мансая и в упор взглянула на собеседницу. Последний луч давно канул за почерневшие горы, но ройя на обнаженной, по бакранскому обыкновению, шейке сияла закатным пламенем, будто злилась.

Еще бы, ее, такую красивую, взяли — и отдали! Она к подобному не привыкла и

была права. Алатка сама не понимала, что на нее накатило, ведь красная звездочка была последней памятью о внуке. Пусть Альдо ее и спер, но не для

кого-то, а для бабки, которую все же любил. Паршиво, с враньем, с отравой, но

по-другому у обормота не выходило. Слепым вырос, точней — вырастили, и она

первая постаралась. Теперь внук лежит в талигойском склепе, если, конечно, его

оттуда не выкинули. А ведь запросто могли! Пакостил дурак многим, а мстить

покойникам — одно удовольствие, да и дорожка проторена. Поганая дорожка, хотя для бесноватых в самый раз.

— Вы чем-то расстроены?

— Твою кавалерию, нет!

Чужие бокалы бить нехорошо, и Матильда удержалась, просто допила до дна и

поставила на широченный подлокотник.

— Простите, — извинилась Этери. — Наверное, это тени от факелов, они так

меняют выражение лица. Нам пора вернуться; я отозвала вас, чтобы поблагодарить.

— За фитюльку, что ли? — фыркнула ее высочество. — Я-то здесь при чем?

Алва велел подарить, когда это будет уместно, но уместнее уже не будет.

Вранье, оно такое! Начнешь — не остановишься, закружит и понесет назло хоть

бы и жадности! Ничего Алва не передавал, удрал, даже не подумав проститься, а

женщине и нужно-то всего ничего! Намек на то, что, ляг карты иначе, случилась

бы любовь, да не простая, а сказочная. Чтоб годами видеть лишь друг друга, да

еще как в первый и последний раз. Кэналлийской скотине только и надо было

задержать руку в руке, поклониться и быстро выйти...

— Любишь? — внезапно спросила Матильда. — Я пьяна, утром все забуду и

вообще уеду... Надо бы завтра, да не выйдет, после манся в седло лезть только

Балинт мог. Плесни еще... У тебя здесь полно, а хуже не будет.

— Я тоже... выпью.

Стройная тень, причудливо изломавшись, качнулась к столику с кувшином.

Матильда задрала голову и увидела звезду. Не такую яркую, как ройя, но тоже

ничего. За столом пели что-то странное, надо думать — бакранское, кагеты поют иначе. А муженек мог бы и подойти. И вообще взял бы на руки и унес домой... То есть в спальню унес бы, хотя где ему такую тушу через весь замок

переть, да еще по лестницам! Выронит, никакой казарской беседки не понадобится.

— Возьмите. — Этери протянула бокал. — Вы в самом деле хотите, чтобы я

рассказала? Зачем?

— Надо! — отрезала Матильда, напрочь забывшая, о чем спрашивала. Вот плод

абехо она помнила. Амулет из фруктовых косточек, это ж надо до такого додуматься!

— Я не знаю...

— Лукавишь, лисонька, — вслепую ткнула алатка, — все ты знаешь.

— Не все. — А глазки-то у скромницы блестят, и она тоже пьет. Понемногу, зато

все время. — Я хотела, чтобы он меня целовал... И большего тоже хотела. И хочу. Но в Закат я не пойду ни за кем, я даже голодать откажусь, а если бежать, то не в пустыню, а во дворец. Это не та любовь, о которой поют, и не та, которой

любили вы... Вы могли стать королевой Гаунау, а стали...

— Старой душой! Хотя нет, сейчас я почти не дура, а вот смолоду... Да и тебе не

шестнадцать, поумнела уже.

— Мы рано умнели... Нас было много, но отец хотел, чтобы остался один, так и

вышло. Это о братьях, а я... Меня предлагали многим.

— А внуку... Альдо тебя не обещали?

— Отец не искал союза с Раканами; он велел, и я выучила алатский. Теперь я

знаю еще и бакранский, а бакраны — это Талиг. По крайней мере, сейчас.

— Сейчас праздник, — напомнила Матильда. — О, гитара! Жаль, что подделка... Валме не кэналлиеца и никогда не станет, мы — те, кем родились...

Тьфу, родимся-то мы как попало, главное — где растем!.. Я через костры сигала, от скрипок дурела и парней целовала, такой и помру.

— У меня не было костров. — Этери накрыла ладонью красную звездочку, а

струны опять звякнули. Так и есть, романсишко! — Вы увидите регента?

— Вряд ли скоро. Он воевать сбежал, а войны больше на севере.

Над лесом полыхало так, будто горели сразу Оллария, Эйнрехт и Паона.

Небесное неистовство будоражило, вызывая еретическое желание все бросить и

умчаться в обезумевший закат; чувство было странным и столь сильным, что

Лионель натянул поводья, заставляя Грато перейти с кентера на шаг.
Соберано

Алваро любил повторять, что сдерживать мориска легче, чем себя. Он вряд ли

думал, что первое может стать вторым.

— Что случилось?

Эмиль тоже осадил своего каурого. Брат часто меняет лошадей, еще чаще —

женщин, и никогда — друзей.

— Ничего, — отоврался Ли, встречая встревоженный взгляд. — Красиво.

— Не сказал бы, особенно после пожара в Сэ... Слушай, раз уж выбрались, давай тряхнем стариной, и учти — я тебя обгоню.

— Учел. — Лионель завернул коня, оставляя манящее пламя за спиной. —

Проигрывать ты не любишь, так что скачки не будет.

— Понятно. — Брат неторопливо расстегнул ольстру. — Мы приманиваем очередных бесноватых, их родственниц и любовниц, а ты, как всегда, врешь.

«Проехаться», «глотнуть ветра»... Тебе не ветер нужен, а очередной мешок с

пылью.

— Пожалуй, если это пыль веков. — Непонятное стремление все еще не отпускало. В Гаунау было иначе, так что это не землетрясение... хотя Придда

прежде никогда не тряслась. — Пистолеты можешь убрать, нас никто не ждет.

— Зато меня ждут в Фельпе, а я тут с вами почти забыл, что женюсь.

— С нами?

Болтовня отвлекает, хоть и не до конца. Странное чувство, будто у порога куртизанки стоишь или смотришь на бокал... Еще не наслаждение и уже грех, как сказал бы какой-нибудь ханжа. Тот грех, который делает жизнь — жизнью, а

человека — человеком.

— Ты со своим бароном не люди, а ушаты холодной воды, — укорил братец. —

Любое чувство если не залете, то разьясните, а это еще хуже... Я ведь из-за

Франчески чуть не опоздал к Аконе, а теперь письма написать не могу.

— Это не из-за Райнштайнера, а из-за сливок... Булочки со сливками несовместимы с любовной перепиской. Особенно на ночь.

— В этом что-то есть, — признал озадаченный жених, хотя за невесту Савиньяк

тоже не поручился бы. Урожденная Гампана подумает-подумает — и предпочтет

фельпские интриги талигойским ласкам. У матери политика тоже в крови, но

она слишком любила и угодила в свою любовь совсем юной. Незнакомая пока

Франческа первую любовь похоронила, а будет ли вторая столь же безоглядной?

— Стань я бергером, я тебе сказал бы, что в этом есть весь ты, но на талиг подобная фраза звучит слишком коряво.

— Мать пишет, — рассеянно сообщил Эмиль, — что кардинал против нашего

брака не возражал. Странное дело, в Фельпе я о такой чепухе не задумывался...

— Ты и здесь не задумывался, это матери в голову пришло.

Отвечать Эмиль не собирался, как и убирать пистолет. На звук брат бил отлично, уступая разве что Рокэ. Ли в стрельбе отставал от обоих, хоть и не сильно... Лет

до двадцати они с братом шли голова в голову, а Рокэ на полкорпуса впереди. И

они всегда веселились — до бойни на Винной и убийства отца это было нетрудно.

— А помнишь, — негромко окликнул Лионель, — какими хорошими мы были?

Вроде твоего адъютанта, только читали меньше, а дрались больше.

— Рафле надо было убить самим.

— Кто-то спорит? Будь я в те поры поподлей, дуэль кузену не светила бы. Ни с

Росио, ни тем более с Отто. Он, кстати, отпросился у маркграфа и едет к дяде.

— Не знал.

Эмиль о чем-то сосредоточенно размышлял, и вряд ли о племяннике фок Варзов. Вокруг шумели несгоревшие в закате деревья, и прямо над дорогой дрожала звезда. Не Фульгат и не Ретаннэ. Ретаннэ зовет вперед, в неизвестность, а они возвращаются в город. По собственным следам.

-Ли!

-Да?

— Как хочешь, а я скажу! Может, ты засады и не ждал, но она где-то была или

вот-вот будет. На этот раз пулей в плече тебе не отделаться.

Пожать упомянутыми плечами, улыбнуться, хотя ночь прячет и улыбки, и слезы.

Ночь прячет, а закат?

— Тебя терзают предчувствия на мой счет?

— Хватит дурить! — Эмиль старался говорить тихо, выходило хрипло. — Не

Рокэ! У бедолаги не осталось брата, даже самого завалящего, не то что

близнеца... Когда ты бегал по Гаунау за Хайнрихом, я о тебе не думал — просто

знал, что ты есть. А сейчас я не могу думать не о тебе! Тебя вот-вот не станет, Ли... И не в бою, какие сейчас, к Леворукому, бои! Только от дряни с кинжалом

убережешься трудно. Ты тоже что-то чувствуешь, иначе б эту кошачью Гризельду

так шустро не расстреляли.

— Ты ошибаешься. — Предчувствия? Может быть. Ту шальную пулю братец

как-то учуял. — Девица фок Дахе, кстати, ее звали Гизелла, при жизни подавала

слишком дурной пример, зато теперь подает хороший. Узнав о казни, половина

мстительных дур испугается, а треть, возможно, задумается. Нельзя позволить...

— К змею твои дела! Сколько можно?! Переводишь гальтарскую муть,

копаешься в гоганской, Мелхен вот вконец замучил... Придда бедного

выкручиваешь, как прачка рубаху, а нет бы под ноги посмотреть!

Прикажешь с

Райнштайнером переговорить? Пусть объяснит, что жизнь Проэмперадора

принадлежит Талигу хотя бы до конца этого вашего Излома!

— Не преувеличивай. Для младшего Катершванца... самого младшего, гибель

близнеца стала полной неожиданностью. — А стала ли? Арно может спросить, если додумается, конечно. — Я уважаю предчувствия — не будь их, меня

завалило бы вместе с армией, но, может быть, дело в другом? Брат-

Проэмперадор может брата-маршала раздражать. Ты не хочешь меня видеть

таким и не хочешь понимать, чего я боюсь, вот тебе и кажется, что со мной что-

то случится. Люди теряют друг друга, оставаясь живыми, при этом они за одним

столом годами сидят, как Бертрам с Италией. А вот мать отца до сих пор не

потеряла, и у нее никаких предчувствий не было. У нас ни у кого не было.

— Откуда? Отец ехал к Борну, а тот хотел не убивать, а сдаваться. И этот парень... Йоганн, так ведь? Двое братьев ушли в бой, один выжил, другой —

нет... Проклятье, не могу внятно объяснить, но, когда ты заявился в Герле, все

еще в порядке было. И когда к Бруно ездил — тоже.

— И сейчас будет. — С этим разговором надо кончать, и поскорее. — Не со мной, так с Талигом.

— Теперь ты собрался походить на отца?

— У меня не выйдет.

— Уже выходит. Ты лезешь на рожон и думаешь, что едешь в гости. Или на прогулку. Или по делам, а сам уже не с нами... Прежде я этого не понимал, а

сейчас как пелена с глаз! Может, твои «фульгаты» и хороши, но против дриков, а не против не пойми чего, так что теперь ты без меня шагу не сделаешь.

— Даже к любовнице?

Эмиль что-то в самом деле чувствует — что? Вряд ли дело в чьей-нибудь ненависти, но брату так проще думать.

— Ты любовницу для начала заведи! Ли, я тебе всерьез говорю: один ты больше

шляться не будешь. Один — в смысле без меня, потому что твои головорезы не

помощники. И плевать, что ты Проэмперадор и глава дома!

— Хорошо. В таком случае тебя ждет ужасный вечер. Мы едем к Райнштайнеру.

— Леворукий, зачем?!

— Затем, что, если ты прав, я должен рассказать барону все, что успел надумать.

Пусть сам ищет доказательства или опровержения.

4

— Это все мансай, — объяснила ее высочество, плюхаясь в излюбленное кагетами полуложе-полукресло. — Мансай... после касеры... Назапасали тут!

Этери в ответ тонко улыбнулась, однако не ушла. Чего-то хочет? Или тоже все

надоели? Матильда хмыкнула и поудобней устроилась среди подушек. Она давно столько не пила, но проклятый камень, перекочевав из шкатулки на молоденькую шейку, разбудил в старухе женскую жадность. Именно женскую, память об Альдо здесь и не ночевала, просто алые ройи на земле не валяются.

Они и под землей-то валяются не очень, их раз в сто лет выносит на берег сумасшедшая кэналлийская река, хотя в этом Кэналлоа всё сумасшедшее! И в

Алате тоже...

За окном мяукали гитара и Валме, уж лучше бы со своими козлами разбойников

гонял и Хогберда драл. Пегий боров так и уехал на горностаевой кляче, и поделом! Сам купил, сам пусть и ездит, за такие-то деньги небось не

бросишь!

— Вы что-то сказали?

— Я? — искренне удивилась Матильда. Вокруг плавали какие-то облака, позади

бренькало, но алатка твердо помнила, что днем пила мансай с Этери, а отдав

ройю,хватила касеры... От жадности и уже у себя. Потом пришел муж, и с ним

она тоже пила, и не только... Бонифаций одобрил руку дающую, а вот мансай не

одобрил, но тогда голова не кружилась и дымом не пахло. И вообще они

явились на прием, не качаясь, это ее потом развезло, когда они с кагеткой удрали

от общего стола. Все вышло как-то сразу: туман, закружившиеся звезды,

тошнота. Вот когда пригодился бы походный гайифский нужник, но его сдуру

разобрали и уконопатили. Пришлось проситься к Этери, та поняла и даже

попыталась поддержать пошатнувшуюся тушу, но Матильда дотащилась сама. В

Агарисе она привыкла обходиться без помощи. Да и кто бы ей помогал, не

Анэсти же! Этот за всю жизнь ни разу не напился... Твою кавалерию, он вообще

ничего сам не сделал... Только сына, но здесь ни рук, ни головы не требуется.

— Вы правы... Увы...

Этери сидела на краешке кушетки, но смотрела не на гостью, а в стену. Без толку — полумрак надежно скрывал и счастливого козла, и безликого, но такого

несомненного Алву.

— Будет похож! — ободрила художницу алатка. — Больше, чем на акварельке.

— Так вы видели? — грустно спросила кагетка.

— Видела! — призналась Матильда. — Но ему не сказала.

Сказала, еще как! Только этому... маршалу было не до того, он наладился на свою войницу. Что с того, что девчонку вместо алатских замков швырнули в

козлиную халупу, и рожай себе! Таскай на шее обглоданные косточки и рожай, рожай! Тут либо в пропасть сиганешь, либо прибьешь кого-нибудь, либо

влюбишься в первого встречного, лишь бы не бляял! То, что этот первый встречный тебя в хаблы и загнал, уже не важно, хотя папаша тоже был хорош.

— Так кого здесь убили? — осведомилась принцесса. — В подвале... Его убивали, а твой родитель стоял и смотрел?

— Отец здесь не убивал... Дед и Баата... брата, но это лучше, чем наоборот.

— Он и меня чуть не убил... Нечаянно! Хотя вольно ж нам было в казарскую

беседку лезть, но в подвале Баата не убивал. Там седой был и в одежках этих

ваших... багряных.

— Дед, — рассеянно решила Этери, — и деда. Хандава принадлежала тестю

казара, он не хотел отдавать замок. Казар приехал в гости... С «барсами».

Возьмите!

Что-то скользнуло в руку. Этери вскочила и сразу исчезла из глаз, но Матильда

помнила, что днем там была занавеска. Зашуршало, звякнуло, затем знакомо

забулькало. Что ж, самое время выпить, утром хуже уже не будет, зато сейчас

станет повеселей, а то нашли о чем говорить! О зарезанных тестях!

— У нас тоже резали! — крикнула вслед Этери алатка. — Не из-за замков, правда. Я не я буду, если наш с Альбертом дядька сам в Рассвет ускакал!

Кагетка не отвечала, и Матильда разжала ладонь. На ней мерцала все та же проклятущая звезда.

— Спятила?! — спросила ее высочество.

Темнота промолчала, только вновь полилось вино. Валме заткнулся, но песни

продолжались: красивый мужской голос выводил что-то нежное, гордое и при

этом призывное. Матильда вздохнула и начала вставать. Настырное покрывало

путало ноги, куда-то сбежала одна туфля, а пол вздумал дышать и пускать

пузыри. Наверняка имбирные. Женщина ухватила за какую-то штуковину,

понимая, что опускаться на четвереньки и ловить вторую туфлю нельзя,

поскольку будет не встать. Самым простым было снова лечь, тогда и искать ничего не надо, и поганых пузырей видно не будет, но Матильда Алати не забыла, как запиралась в спальне и пила, запивая взятое с бою счастье. К ней

никто не приходил, дайты и то не было — Анэсти собак не любил. Он вообще

никого толком не любил, даже себя!

Матильда отшвырнула единственную туфлю и, старательно прощупывая ногой

предательский пол, двинулась на звук. Невидимый бархат провел по физиономии мягкой лапой, алатка рванула ткань на себя, открылся просвет.

Этери с бокалом в руке сидела у стола, и глаза у нее были как у Мупы, которую

не взяли на улицу.

— Ну?! — рявкнула кардинальская супруга, стараясь не погладить бакранскую

наследницу по головке, до безобразия молодой. — Что за фортели?! Сказано ж

было не снимать!

— Кем? — Лисонька опорожнила бокал. Вкуса она явно не чувствовала. — Он

не оставлял мне ройи. Это ваш камень! Вы меня жалеете, а он мне ничего не

дарил, только песни, и то всем сразу... Но поцеловать хотел...

— Да уж! — удостоверила Матильда, высматривая второй бокал. — От вас
обоих искры летели...

— Искр мало, если нету трута... У него нет детей, я рада! Я не могла бы...

Видеть и знать, что они не от меня. Лучше я буду носить ожерелье из
косточек

абехо... Ройя в хабле — это ужасно! Но сегодня я ее надела... Вы же
видели?

— Я ее и сейчас вижу. — Бокал был совсем под носом, туфля, надо думать,
тоже, но сейчас она далеко. Они обе далеко... — А ну, надевай! Опять под
замок

захотела?! И вообще... Премудрая с подданными знают, что ты должна ее
носить... Против Бакры не попрешь, особенно здесь. Это я могла в Агарисе
дурить, как хотела. Потому что даром никому не нужна была... Как вдова
Ракана, так-то меня кто только не хотел!

— Я не буду носить этот камень! — Шепот тоже может быть громче крика.
—

Камень Катарина Ариго. Я — не Катарина!

— Это точно! — отрезала так и не повидавшая талигойскую королеву
Матильда.

— Катарина королевское с бабским не путала. Эта ройя для твоих бакранов
поважней любой короны, пока она на тебе, ты любую премудрую
оборвешь. А

выкобениваться будешь, когда сбежишь со смазливим дурнем!

— Я не сбегу, — пообещала кагетка и вновь потянулась к кувшину. — Я
никогда

столько не пила, но почему?! Почему жизнь швыряет нам лишь то, что нам не

нужно? За что?!

Матильда не знала и поэтому просто протянула бокал.

1

Отряд — до двух десятков едущих строем всадников — обнаружили

«фульгаты». Кто в уже не багровой темноте направлялся к тому же перекрестку, что и Проземперадор, с ходу было не разобрать, и «закатные кошки»

стремительно выдвинулись к зачеркнувшему звезды обелиску. Савиньяк предоставил охране заниматься своим делом, хотя ночной отряд и вызывал любопытство. Значительная персона с эскортом предпочла бы тракт, а банд в

окрестностях Аконы поубавилось, те же, что еще оставались, держались подальше от города. Конечно, на грех мастера нет, но Лионель подвоха не ждал.

В отличие от окончательно взъерошившегося Эмиля.

— Лучше повернуть, — шипел не боявшийся никого и ничего кавалерист.

— Да

и к твоим бергерам через Ноймарские ворота ближе.

— Не люблю поворачивать, — отмахнулся Ли. На это Эмиль мог напомнить про

марш от Гемутлих. Не напомнил, только придвинулся так, чтобы оказаться между перекрестком и братом.

— Ты явно не Хайнрих, — заметил прикрытый маршальской грудью
Прозэмперадор. — Даже после булочек со сливками.

— Вообще-то, — огрызнулся Эмиль, — убить тебя так и тянет. Но будь я
проклят, если позволю это какой-нибудь скотине!

— Скотине, особенно «какой-нибудь», позволять нельзя ничего. — Грато
спокоен, деревья и столб на перекрестке — тем более. Очень тихая ночь...
— Ты

так убежден, что меня надо спасать?

— Заткнись!

А он на взводе... Спорная все же вещь предчувствия — и строптивая: не
поймешь, ни с чего появляются, ни почему пропадают, а сбывается один
страх

из дюжины. Именно его и помнят.

— Ты раньше что-то похожее чувствовал, или я у тебя первый?

— Завтра наденешь кирасу!

— Нет, полный доспех. И свалюсь в Выбору.

Конец несмешным шуткам положил Уилер. Оказалось, что по темным
проселкам разъезжают бергеры во главе с самим Райнштайнером, а
компанию

барону составляет генерал Ариго.

— Доброй ночи, — поздоровался пятью минутами спустя Ли. — Вас
посетило

предчувствие?

— Нет, я всего лишь удержал Германа от опрометчивого поступка. —
Ночной

Ойген был столь же невозмутим и обстоятелен, как дневной. — Его
посетило

странное желание ускакать в сегодняшний закат, но как военный
комендант

Аконы я не мог выпустить лучшего генерала Западной армии из города без
должной охраны, а как друг дома был вынужден позаботиться об излишне
ретивом молодожене. Ты задал необычный вопрос, Лионель. За ним что-то
стоит?

— Да. Мы тоже любовались на закат, а потом решили навестить тебя.

— В таком случае, — вмешался опрометчивый Ариго, — почему бы нам
заодно

не поужинать?

— Это будет почти завтрак, — уточнил барон, — но на моей квартире есть
все

необходимое.

— Едем, — решил за себя и брата Ли. — Заодно по дороге уладим
некоторые

дела. У Эмиля возникли дурные предчувствия на мой счет. Если они

обоснованны, я должен принять меры, и первая из них — немедленный
разговор

с тобой.

— Благодарю за столь высокую оценку моей персоны. — Бергер был
прекрасен

и полностью оправдывал возложенные на него надежды. — Я могу узнать, на

чем упомянутые предчувствия основаны?

— Ни на чем вразумительном. Эмилю кажется, что он меня вот-вот потеряет.

— Я думаю...

— Сейчас речь не обо мне. Ойген, ты как-то рассказал нам случай со старым

вишневым вином и отравленной свадьбой.

— Он произвел на меня неизгладимое впечатление. Более того, я поддался слабости, которую до сих пор так и не смог побороть. Я не в состоянии получать

удовольствие от наливок, хотя понимаю, что яд находится внутри вишневых косточек, для разрушения которых нужны годы. Это имеет отношение к предчувствию маршала Лэкдеми?

— Нет, к моим выводам. Кроме того, к ним имеют отношение опыты графа Валмона, видения госпожи Арамона, замыслы Вальдеса, холтийские столицы и

многое другое. Ойген, я отнюдь не уверен в своей правоте, но держать свои мысли при себе права больше не имею.

— А я не уверен, что способен это слушать, — заявил Эмиль. Ариго промолчал, но его явно обуревали те же сомнения.

— Можете не слушать. — Лионель кивнул барону и тронул Грато коленом, вынуждая ускорить шаг. — Когда я был в Альт-Вельдере, я перечел Иссерциала.

Не для удовольствия, само собой, хотя получил и его. Правдивостью и точностью драматург не отличался, но я верю, что во времена Элкимены и Арсака золотоземельцы резались друг с другом не хуже обитателей Седых земель, а из гоганской Кубьерты следует, что и в Бирюзовых не отставали. При

этом среди смертных разгуливали боги, которые затем исчезли.

И наши предки, и гоганы, и мориски сходятся в том, что боги уходили не навсегда, а гоганы и абвениаты к тому же решили, что боги поручили Кэртиану

своим потомкам от смертных женщин. Так якобы и возникла занявшая внутренние Золотые земли анаксия, слишком большая, чтобы не развалиться за

двадцать лет, но почему-то продержавшаяся две с лишним тысячи. Любопытно, что мира за горами и морями для большинства ее обитателей словно бы не

существовало. Бирюзовые и Седые земли в это время раздирали войны, затем за

них взялись холод и чума. Вытесненные более удачливыми соседями гоганы

бежали к морискам, причем навеки отказались от войн. Холтийцы не отказались, но стали шарахаться от воды и нигде не оседают надолго. Вариты и

агмы двинулись с места позднее, захватив с собой старые распри, но имеются

свои запреты и у вас. Не столь странные, как у гоганов, но имеются, а вот у нас

— нет. И никогда не было, если не считать Адриановых заповедей, позднее измененных конклавом.

— Я не стал бы их учитывать. — Барон был сама серьезность. —
Церковные

заповеди являются благими пожеланиями, ничем не подкреплены, и им никто не

следует до конца. Гораздо больше на запреты похожи так называемые суеверия, когда люди чего-то не делают из страха, но я, Лионель, сейчас обеспокоен твоей

судьбой. Помимо того, что в отсутствие герцога Алва ты незаменим, ты мне

очень симпатичен. Я буду настаивать на увеличении твоей охраны за счет моих

людей.

— Я очень признателен. — Любопытно, если сообщить о предчувствиях Эмиля

Хайнриху, пожелает ли тот увеличить охрану собрата-варвара за счет

«медведей»? — Но я настаиваю на немедленном обсуждении природы скверны.

Тебе знакомы выражения «нет совести», «нет ума», «нет страха», «нет желания»?

— Разумеется.

— А что ты скажешь о «нет желания переходить горы, плыть за моря, защищать

свою веру, завоевывать соседей»? Мой братец, перед тем как мы увидели девицу

фок Дахе, обронил, наверное, самую важную в своей жизни фразу. Дескать, нашим предкам было лень. Но ленивому не нужны запреты, он и так будет

сидеть на месте и соизволит встать, только чтобы лечь, — лень же, по сути, есть

отсутствие желания что-то делать. Что, если боги, покидая свой мир, погрузили

анаксию во временный полусон, отняв у ее жителей желание что-то делать сверх

того, без чего не обойтись? Есть, одеваться, строить дома, продолжать свой род

приходилось, но к большему не тянуло. Это прочим достались запреты и кары за

их нарушение — мор, холод, потопы... Выжившие раскармливали жен,

шарахались от большой воды и не воевали в Излом, а в анаксии тем временем

просто тихонько жили и ждали. Время шло, боги не возвращались, люди

рождались людьми, и нечто, к ним приставленное, продолжало отбирать у них

большую часть стремлений. Вот отобранное и заполняло те самые загадочные

«колодцы», о которых мы с тобой не раз говорили.

Академики обожают рассуждать о всяческих невидимых глазу и неосязаемых

субстанциях вроде мирового эфира. Видимо, то, что отбиралось у людей, имеет

сходную природу и при этом со временем способно портиться. А почему

нет?

Ведь его источник — смертные, а все рожденное умирает и разлагается.

Загнивает даже вода, если в ней нет соли и много ряски и водорослей.

Вишневое

вино, перестояв свое, стало ядом. Стремление к недостижимому,
готовность к

рisku, нежелание довольствоваться тем, что уже есть, превратились в
скверну, которая выплеснулась на самые крупные и самые старые города.

Вышло нечто

вроде коронационных фонтанов, что били на столичных перекрестках. Не
все

готовы пить дармовое вино — особенно если оно омерзительно, но для
пьяницы

вкус и запах значения не имеют, он выпьет любое, лишь бы было доступно.
И он

не протрезвеет, пока бьет фонтан. Подумай над этим. Если ты меня

опровергнешь, я буду лишь рад.

— Я буду думать, — очень серьезно пообещал бергер, — но я просил бы
тебя

сообщить то, что ты мне рассказал, графу Валмону и Хайнриху. Мне трудно
в

этом признаться, тем не менее гаунау нам необходим.

— А мне было трудно пригласить тебя на встречу с Хайнрихом. Неделю
назад я

написал ему о необходимости обсудить положение, в котором север
окажется к

лету. Ты со мной поедешь? Это никоим образом не приказ.

— Подобная встреча — необходимость. Разумеется, я приму посильное участие, однако ты к этому времени должен находиться в добром здравии. Мы можем

принять меры по защите от покушения, но нельзя сбрасывать со счетов такие

вещи, как проклятия, порча и загробная ненависть...

— Постой-ка! — Это не было предчувствием, просто тихо всхрапнувший Грато

дал понять, что поблизости появились чужие лошади. — Кажется, закатом любовался кто-то еще. Или не любовался...

2

Озеро было золотым насквозь, до самого усыпанного несметными сокровищами

дна. Вглядевшись, Матильда узнала янтарные четки, проданные Альдо и перекупленные Хогбердом. Рядом упокоились фамильные украшения Мекчеи, но главной драгоценностью оставалось само озеро, ведь в нем плескалась не

вода, а старый мансай. Можно было встать на колени и пить, пить, пить до изнеможения. Агарисские сидельцы так и делали — стояли на четвереньках

вдоль маленькой бухточки и лакали, воздерживался лишь Хогберд. Пегий боров

зачерпывал золотистое вино ведром и, воровато оглядываясь, передавал отцу

эконому, а тот переливал краденое в водовозную бочку, куда впрягли

злополучного линарца. Хогберд не просто вернул лошадь монахам, он вступил с

ними в сговор! Проныра мог черпать из запретного озера, ведь его принимала в

своем доме урожденная Мекчеи. Поделаться с этим ничего было нельзя: нечисть

пускают лишь раз — называют по имени, и она входит. Кто-то является налегке

и забирает хозяев, а барон приперся с ведром и принялся, по своему обыкновению, наживаться.

— Теперь ядом станет и это вино, — грустно сказал черный олларианец, о котором Матильда забыла и думать. Аспид стоял у самого берега, придерживая

полы своего одеяния. — Вы опоздали, фокэа, но я вас не виню. Вы счастливы, а

счастье отвлекает!

— Я им сказала про колодцы, — обиделась Матильда, — и Валме даже услышал.

— Колодцы все равно расплескали, — укорил аспид и попятился, потому что из

мансая вылезла нога в сапоге, но без туловища. Нога заканчивалась белой костью, совсем как у курицы, которую уже обглодали. Одинокая конечность

пару раз топнула, чтобы отряхнуться, полетели золотистые брызги, аромат мансая стал еще сильнее!

— Разбивается бокал, — пропел монах, оказавшийся Робером Эпинэ. —

Полночь!

— Я больше не могу! — по-женски всхлипнуло озеро. — Если я не изменю, я

сдохну! Я должна... Должна ему изменить... Один раз, но так, чтобы...
Чтобы я

выбрала сама... Простите!

— Чего?!

Ее высочество оторопело уставилась сперва на янтарную лужицу на полу, затем

на пустой бокал в своих руках и, наконец, на утирающую глаза Этери.
Всегда

безупречно уложенные волосы кагетки вырывались из-под бакранской ленты, щеки горели, а по одной из них ползла неухваченная слезинка. Все вместе —

лужа, Этери, стол и сама Матильда — неспешно кружилось, зато не было никаких олларианцев, хогбердов и обгрызенных ног. Уже легче.

— Я все равно это сделаю! — Этери вскинула растрепанную головку. —

Сделаю... Иначе я не смогу себя хоть как-то ценить! Ваше высочество, мне нужен любовник!

— Когда? — брякнула алатка, поняв, что она напилась и заснула. Как последняя

дрянь, потому что под чужую беду спят только дряни. Она б и сейчас дрыхла и

видела Хогберда с ведром, только Этери грохнула бокал, полетели брызги...

Сама Матильда бокалы тоже колотила, но любовников при живом Анэсти у нее

не водилось. Дура, дважды себя наказала, сперва — мужем, затем — воздержанием!

— Только один раз...

— Постой... — затрясла головой Матильда. — Кому изменять?

— Вакри.

Этери так и не опускала взгляда. Как в церкви, когда у Создателя не просят, а

требуют, и не милости, а справедливости.

— Ничего не понимаю. Твой муж ведь Барха!

— Стал после рождения первого сына. Бакраны так часто меняют имена... Но

для меня муж — Вакри. Он пришел ко мне как Вакри. Этого я ему не забуду!

— И что? Все было так мерзко?

— Не знаю... Да! Было. Дело не в Вакри... Меня продавали, продавали и, наконец, продали! В хаблу... Вместе с пятью языками и акварелью. Я живу... Как

же иначе? У вас вспоминают анаксию, мы любим говорить о саймурах... Вы

слышали про саймурскую царицу? Она построила на берегу башню и пускала к

себе всех! Вельмож, воинов, купцов, пастухов. На одну ночь. Утром их уносил

Рцук, а вечером царица открывала окно и ставила на него свечу. И кто-то опять

приходил. До утра. Отдать жизнь за ночь с царицей может любой пастух...

Жизнь! Вакри ничего не отдал, только получил. Из чужих рук! Пастух и царица... Я вам налью! Не мансая... Я ведь так и не стала алаткой, а это — кровь! Для него.

Новая струя была темно-красной, в ней купались огоньки свечей, а за стеной

вновь безбожно лгала гитара, притворяясь кэналлийской.

— ... ехали четверо конных... ночь наступала...

Виконт пел вполне прилично, если б он еще не замахивался на то, с чем нужно

родиться.

— Валме не годится, — вернулась к тому, что болело, принцесса. — Тебе нужен

Дьегаррон! Сама бы с ним, только хряк мой... Не могу! Мой он теперь! Может, и

Хайнрих моим стал бы. Жирный же и не дурак! Ладно, не суть, ты Дьегаррона

не проворонь, хорош... А глаза какие!

— Мне все равно... Если не Ворон, то кто угодно, лишь бы я сама его позвала.

Я!

— ...ехали четверо конных...

— «Четверо», — повторила за какими-то кошками Матильда. — Их всегда четверо...

— Но сердце у них одно. — Лисичка подняла неразбитый бокал. — Это я знаю...

З

Со стола убрали, зато принесли яблоки и, чтоб его, пиво. Значит, не конец, значит, сидеть и сидеть. И слушать о том, в чем Ариго ни кошки не понимал, как

ни старался. Ойген с Савиньяком не стали бы забивать себе и другим голову

чепухой, да и творящееся вокруг криком кричало об опасной дряни, с которой

нужно что-то делать. Увы, все, на что хватило Жермона, — это разгадать маневр

Бруно, да и то благодаря горячке. Сейчас генерал был здоров, как Ойген, и бреда

не предвиделось. Оставалось напиться до говорящих ежей — авось явятся и все

объяснят...

— Герман, ты сыт? — озабоченно поинтересовался барон. — Потому что, если

ты голоден, с тобой говорить бесполезно.

— А со мной говорить бесполезно в любом случае, — хохотнул Эмиль. —

Давайте разделим наши силы. Вы трое будете думать, а мы трое — спать.

Мальш вот уже...

— А вот и нет, — дернулся Арно. — Не сплю, но всегда могу уйти.

— Не можешь, — обрадовал Лионель и тут же перебрался к двери, устроившись

на полускрытом красной портьерой сундуке. Проэмперадор вел себя как всегда, то есть не поймешь как. Что делал бы сам Жермон, узнав о предчувствии на

свой счет, генерал не представлял. Наверное, попытался бы написать Ирэне, но

Савиньяк женой обзавестись не успел. Зато его ждала мать...

Лионель, похоже, почувствовав взгляд, кривовато усмехнулся, от чего Жермону

стало неловко, как бывает неловко перед теми, кто остается в заслоне. Генерал с

нарочитой лихостью подкрутил усы и подмигнул Ойгену:

— Если нужно, я могу и потерпеть, но неужели у тебя только пиво?

— Вино сейчас греют вместе с пряностями, — невозмутимо объяснил бергер. —

Господа, нам нужно понять причину нашего странного поведения. Сперва, Герман, я полагал твой порыв жизнелюбивой выходкой недавно и счастливо

женившегося человека, а свой — нашей дружбой, скрепленной в Зимний Излом

по заветам Агмарена и прошедшей испытание на Мельниковом лугу. Сходное

желание маршала Лэкдеми можно объяснить совпадением, тем более что он

намеревается вступить в брак. Но появление на той же дороге и в тот же час

полковника Придда и тенъента Сэ заставляет задуматься.

— Как и то, что мы шестеро, кто чаще, кто реже, фехтуя, предугадываем движения друг друга, — напомнил Лионель. Теперь он взобрался на сундук с

ногами и, придавив портьеру, прислонился к стене; раньше он такого себе не

позволял. — Жермон, я не говорил вам, что мать нашла потомка Гайярэ?

— Кого? — не сразу сообразил Ариго. — Как?

— Они вместе бежали из Оллари. Я этого господина не видел, но матери верю

— она заметит сходство даже через века. Молодой человек состоял в свите

Левия и при этом имел одно лицо с портретами графов Гайярэ. Видимо, герб

разбили преждевременно.

— Этот эсператист чем-то примечателен, кроме своего лица? — недовольно

уточнил Райнштайнер. — Какого мнения о нем твоя матушка?

— Она ему обязана жизнью.

— Даже так?! — Жермон стукнул ладонью по столу, напугав яблоки, которые

тут же бросились наутек. — А нельзя вернуть ему Гайярэ? Мы с Ирэной остаемся в Альт-Вельдере.

— А если графиня Савиньяк как-нибудь найдет Валька, что ты будешь делать?

— осведомился Райнштайнер. — Человек из свиты кардинала при всех своих

достоинствах...

Жермон махнул рукой и полез собирать яблоки. Он искренне любил Ойгена, но

барон не назидал лишь в бою. Кроме того, время от времени Райнштайнер

шутил. Не слишком разнообразно, но упорно, и это было упорством осадного

орудия, посылающего ядро за ядром в одно и то же место крепостной стены.

После возвращения от дриков такой стеной чаще других становился Арно. То, что с Валентином парень вел себя как осел, он понял и признал, только бергеру

этого было мало. Барон показывал крупные волчьи зубы и раз за разом

вопросал, заказал ли виконт Сэ новую шляпу, и если не заказал, то когда

намерен это сделать. Придд, напомнив, что год еще не кончился, а значит, пари

не проиграно, лишь ухудшил положение... Но сегодня Райнштайнер был

серьезен, как могила. Насчет Вальков он не шутил, а защищал талигойские

земли, в том числе и от неведомого эсператиста Гайярэ, и вообще-то был прав.

Разбрасываться владениями не стоит, но возвращаться в то, что некогда было

домом, Жермон не собирался.

После женитьбы Ариго о свалившемся на голову наследстве и думать забыл, а

сейчас нахлынуло. Старый, но все равно белый замок был полон призраков, которые внезапно взяли и почти вернулись. Не дождавшийся сына отец, не

дождавшаяся писем сестра, двое полубратьев, то ли знавших тайну, то ли нет, мать, которую он по привычке продолжал так называть. И другая женщина, узнавшая правду и не скрывшая ее. Не мать, только без нее он не выжил бы —

без нее и маршала Арно. Маршала убили, и Арлетте остались лишь память и

сыновья. Если с Лионелем что-нибудь случится...

Генерал торопливо высыпал собранные яблоки на стол — одно опять

вознамерилось удрать, его не глядя поймал Придд. Райнштайнер все еще

говорил, но Валентин смотрел на прикрывшего глаза Проэмперадора.

Придд

смотрел, Жермон не смог... Лионель казался спокойным, только Эмиль не зря

лез на стену — брат одной ногой уже был по ту сторону заката и, похоже, знал

это не хуже близнеца.

Принесли подогретое вино — запах гвоздики напоминал о жизни, Альт-

Вельдере и двух выпавших им с Ирэной ночах. Целых двух... Он боялся

проснуться, в чем и признался. Ирэна долго молчала и вдруг сказала, что

проснулась лишь сейчас. Провалилась в кошмарный сон после смерти

Джастина, а теперь очнулась.

— Герман, ты вспомнил что-то важное?

— Нет... Просто совпадение.

— Какое? Это может оказаться важным?

Важнее этого ничего нет и не может быть. Для него... Не для дела и не для графини Савиньяк, к которой кому-то придется ехать...

— Герман, что ты вспомнил?

— Мы сейчас говорим о другом!

— Мы говорим обо всем, что так или иначе связано с Изломом. Если тебе в голову что-то пришло, не держи это при себе.

Пришло. Собственное счастье и вставшая на пороге беда. Не будь Эмиля с его

страхами, Жермон не стал бы скрытничать, но зачем каркать второй раз? Если

что-то можно сделать, Ойген это сделает, да и сам Лионель не ягненок и не дурак. Он будет драться за свою жизнь, потому что она слишком нужна.

— Герман, ты так и не ответил.

— Подумалось, что меня лишили наследства и вышвырнули вон, как и наследника Гайярэ. Словно крут замкнули.

— В самом деле. Я на это внимания не обратил, а ты, Лионель?

— Это может оказаться еще любопытней, если знать одно обстоятельство, но о

нем не сейчас. — Савиньяк медленно повернул голову. — Я, вспомнив про

Гайярэ, увел разговор в сторону. Вернемся к встрече у городских ворот: она не

могла быть случайной, так что же нас объединяет? Полковник Придд, хотелось

бы знать ваше мнение.

Валентин зачем-то встал и, придерживая шпагу, вышел из-за стола.

— Господин Савиньяк, я не могу сосредоточиться на разговоре, потому что последние несколько минут думаю только о вас. Прошу меня простить, но как

вы себя чувствуете?

— Скверно, — негромко признался Проэмперадор. — Но это поправимо.

— Ли! — завопил Арно, что-то опрокидывая. — Ли!!! Кляча твоя несусветная, что...

— Теньент, — Лионель слегка повысил голос, — стоять! Валентин, вы сможете

перетянуть мне руку? Жгут у меня есть.

— Да, господин Проэмперадор.

— Ли!!! — Арно послушался и замер, Эмиль не собирался. — Придуши тебя

Леворукий, что ты затеял?!

— Нужно было проверить, действительно ли мы связаны, и если да, то насколько. — Савиньяк слегка повернулся и принялся закатывать левый рукав.

— Ми, будь так любезен, сядь... Озарения в фехтовании и сегодняшнего

желания ускакать в закат мне для выводов не хватало. Если нас связывает кровь, которой мы имеем право клясться — а это первое, что приходит на ум, — то

оставалось эту кровь в достаточном количестве пролить.

— Скотина!

— Так было нужно. Господа, между прочим, мой брат целый вечер собирается

выпить за герцога Алва. Почему бы нам это не сделать? Рокэ родился именно

сейчас.

— Достойный повод, — веско сказал бергер, — и мы несомненно выпьем, но в

твое вино, Лионель, нужно немедленно положить мед. Для восполнения кровопотери.

4

Знаменитая «кровь» была кислой и при этом горчила. Алатка недолюбливала

чужие вина, но пила, слушая сразу кагетку и гитару. Как ни странно, Валме с

этими конными справлялся — они ехали с перевала и тащили с собой ночь. Вот

эту самую, осеннюю. Ночь — и с ней вместе что-то еще, трудноуловимое и очень важное. Дышащий пол мешал сосредоточиться, алатка зажмурилась и тут

же увидела одинокую ногу. Та исхитрилась украсить бумажной хризантемой и

порывалась плясать. Принцесса торопливо распахнула глаза — пол дышал, гитара пугала, Этери гладила полыхающую ройю.

— А ведь твоего отца, — на всякий случай напомнила Матильда, — убил Алва.

— Убил, — согласилась кагетка. — А Баата — братьев. Это не мешает ни мне, ни ему, а кровь отца не дороже. Алва сделал хуже: он отдал меня бакранам, но

Ворон меня не видел, а отец отдавал всем... Всем!

— Ты это уже говорила.

— Вы напомнили о казаре, моя память о нем — это память о торге!

Четверо конных, вконец истоптав душу, убрались, и вечер заполнило что-то немислимое, чистое, как вода с гор, как юность и надежда, но не сахарная, не

слепая, не пугливая, а способная взглянуть хоть бы и на солнце.

— Опять бакранское, — объяснила Этери, — но кто поет, не знаю. Вам налить?

Кувшин показал дно, Этери его оттолкнула, сбив на пол блюдо с фруктами.

Желтые, синие, рыжие шары и шарики раскатились по сопящему полу, причем

самые дошлые устроились в лужице мансая.

— Вот возьму и соберу! — прервала жуткий разговор Матильда и кое-как встала. Пол не проснулся, стоять на мерно колыхающихся плитах было трудно.

Женщина покачнулась, села рядом с лужей и лишь потом сообразила, что, собрав мокрые сливы и персики в подол, пропахнет мансаем. Потом доказывай, что она помогала подвыпившей Этери, а не сама спьяну

облилась. Это вдовица

Ракан могла творить что хотела, а супруге кардинала надо выглядеть прилично, хотя бы при союзных казарах. Ругнувшись, женщина попробовала подняться. С

первого раза не вышло — нужно было опереться руками, а в них были сливы.

— Позвольте вам помочь.

Это был он! Жеребец с галереи. Маску и приятеля он где-то потерял, и алатка

увидела, что у него лиловые глаза. Будь они синими, мерзавец походил бы на

Алву, каким тот был лет десять назад.

— А где второй? Белый? — спросила принцесса и высypала фрукты назад в

разлитый мансай. — Ты-то — черный...

— Я бываю и белым, и черным.

За спиной ахнула Этери, но жеребец имел обыкновение доводить начатое до

конца. Умело подняв Матильду с не унимающегося пола, он взгромоздил свою

ношу на подушки, подобрал самые заметные из раскатившихся фруктов и только после этого обернулся к кагетке.

— Прошу извинить мое вторжение, Этери. В Хандаве легко заблудиться.

— Вы... — простонала дочь убиенного казара. — А... мы... Мы пьем за вас!

— Я польщен.

— Это не он! — поспешила развеять недоразумение со своего ложа Матильда.

— Я его уже видела... Он — конь и выходит из стены.

Жеребец свое разоблачение принял спокойно, он вообще не терял головы, в отличие от Этери. Хотя что она видела, эта девчонка?! Ни кладбищенских львов

тебе, ни отгрызенных ног!

— Вы ведь думали, что я одна? — лепетала пока еще не изменявшая жена.

— Я

каждый день одна... Только сегодня... Я хотела собрать ваших друзей, хотя бы

друзей.

— За это я вам особенно признателен...

5

Лисенок моргал и пытался вручить взятку, которую называл то выкупом, то возмещением. Все было так ужасно! Легковерный Баата, взяв с доверенного ему

пленника слово, позволил тому просто жить в одном из замков, обедаясь, обливаясь и дожидаясь, когда родня за него заплатит. Увы, нехороший человек

злоупотребил кагетским гостеприимством и казарским простодушием. Он уехал

якобы полюбоваться окрестностями — и пропал.

— Но я видел его еще раз, — с дрожью в голосе признавался Баата, — теперь

этот человек носит другое имя, но я узнал его. И при этом не узнал, так как не

мог поднять руку на адъютанта маршала Капраса. Я предал ваше доверие ради

Кагеты, ведь, схвати я гайифского офицера, маршал оскорбился бы и остался с

Хаммаилом. Раньше я не вполне понимал отца — хуже того, я его осуждал. Мне

казалось немислимым нарушить слово, а отец говорил, что казария дороже чести казара.

— Не только казария, — утешил Валме. — Уверяю вас, герцог Алва ради Талига

зайдет намного дальше, а его я осуждать не намерен.

— Тогда, в знак того, что вы меня прощаете, примите...

— Не приму! — Валме покосился на стол и, поняв, что разбиваться нечему, залихватски махнул рукой. — А вот вы, если будете думать не только о Кагете, но и о всяких безделицах, обеднеете и в придачу поседеете. Как ваш батюшка.

— Может быть, — грустно сказал казар. О причинах, по которым предыдущий

Лис стал белым, он распространяться по-прежнему не желал. — И все же я должен что-то для вас сделать.

— А вот это — пожалуйста, — оживился Марсель. — У казарона, который нас

принимал по дороге к Гидеоновой переправе, есть гайифские часы. Выкупите

их и забудьте о бесчестном гвардейце навеки.

— Часы? — Длинные ресницы озадаченно взметнулись. — Разумеется, хотя это

такая малость. Вы хотите, чтобы я прислал их в Валмон?

— Я хочу, чтобы вы бросили их в пропасть. То, что они где-то есть, омрачает

мое существование, пусть и не слишком сильно.

Казар сперва удивился, потом рассмеялся, и, кажется, от души. А что ему оставалось? Этери затевала праздник для себя, но выгнать Баату не могла — ни

как сестра, ни как принцесса Бакрии. Кагетка поступила мудрее — завладела

Матильдой, оставив братца без половины политики. Лисенок если и был разочарован, виду не подал и попытался заняться Бонифацием, однако кардинал

был рассеян и богословен. Вызволять жену из ручек завладевшей ею Этери он

тоже не спешил, и Баата удовлетворился виконтом.

— А чем, — любопытствовал, отсмеявшись, казар, — вас прогневили именно

эти часы?

— Вот этим.

Виконт тронул струны и прозвенел:

— «О-о, мой сюсь, омой сладостный сю-юсь...» Омерзительно до гениальности

и поэтому привязчиво. Не исключая, что теперь вы это будете несколько дней

петь.

— Я выполню вашу просьбу, — пообещал казар. Так серьезные люди клянутся

над отцовскими могилами. — О, ваше высочество...

— «Ваша высокопреосвященства»! — с достоинством поправила выплывшая из

дома алатка и слегка покачнулась. — Виконт... Вы мне... ээ-э...

Подхватывать пьяненьких дам Валме умел, даже самых царственных. Матильду

надлежало немедля вручить супругу, но Бонифаций, как назло, куда-то задевался, а рвущийся помочь Баата был совершенно излишен. Марсель прищелкнул пальцами, и по другую сторону принцессы возник Котик, сделав

ка-зарскую помощь невозможной. Придав физиономии выражение дипломатического извинения, Валме повлек Матильду под сень деревьев, где

принцессы начали свои возлияния. Будь кагетка трезвей алатки, она

собутельницу в таком виде не выпустила бы, так что своих сил дамы явно не

рассчитали. Валме их не осуждал, но гостей следовало разогнать — то есть не

гостей, а бакранов с казаром. Коннер и Дуглас как раз могли пригодиться.

— Ты паршивец, — сообщила Матильда, рушась на выносливый местный

диванчик, — но ты... поймешь... К Этери нельзя никого пускать... Ни-ко-го!

— Меня можно, — заверил виконт. — Я проверю, ей может быть что-то нужно...

— Что ей надо, у нее есть. — Алатка заговорщицки подмигнула и шепнула:
—

Она сейчас изменяет... Умница! Не то что я в ее годы... Мансай остался еще?

— Нет! — отрезал Марсель, мысленно взывая к Бонифацию. — Не желаете воды?

— Утром. Твою кавалерию, да знаю я, что напилась... И худо мне будет, только

не сейчас, сейчас я хочу мансая. И пусть к лисичке никто не лезет, особенно

эти... подданные. Жеребец козлам не товарищ!

— Жеребец? — Оставить Котика стеречь и пойти за Бонифацием? Остаться

самому и послать за мужем волкодава? А если епископ, тьфу ты, кардинал не

лучше принцесс? — Ваше высочество, подождите меня. Я принесу мансай, а с

вами побудет Готти.

— Но к Этери входить не смей! — Алатка повысила голос. — Не одна она...

Ясно? Жеребец там... Ничего себе, хотя второй, белый, лучше был. Дъегаррона

бы ей туда... Где мои пистолеты?.. Где?!

— У Темплтона, — нагло соврал Валме. — Не волнуйтесь, он отдаст.

— У Дугласа?!

Матильда не очень поверила, но встать уже не могла. Мешало не только выпитое, но и получивший соответствующий приказ Котик, плюхнувший на

колени охраняемой тяжелой башку. Расчет себя оправдал — обожавшая собак

алатка немедленно вступила с волкодавом в доверительную беседу, и Валме

ринулся к Темплтону.

— Нужна помощь? — догадался тот.

— Где Бонифаций?

— Вышел куда-то вместе с Коннером. Разыскать?

— Если он не усугубит наше положение.

— Не должен, но не лучше ли позвать Этери?

— Вряд ли. Этери слишком усердно отвращала зло.

Будь у Валме две собаки, он уложил бы вторую у порога кагетки, но чего не было, того не было, пускать же к хозяйке братца-казара и тем более подданных

не следовало. Разогнать засевшую в садике компанию виконт не мог, оставалось

ее как-то занять и под шумок нырнуть к лисичке. Матильда еще ходит, но это

ничего не значит, Этери мельче и явно не имеет нужного опыта.

— Жакна, — вполголоса велел виконт, — идем со мной.

Уважаемые бакраны все еще восседали за мужским столом — если б не опустевшие блюда, можно было подумать, что старцы за весь вечер даже не пошевелились. Чуть дальше устремлял к небу взор задумчивый, слишком задумчивый, Баата. Еще немного — и примется тревожиться о сестре.

Виконт положил руку на эфес шпаги.

— Да будет вам известно, что регент Талига герцог Алва появился на свет именно в этот час! — Или не в этот, главное, что появился, а бакраны любят

красоту и подробности. — Я прошу своего соратника Герарда Жакну спеть в

честь регента песню, которую тот вывез из ваших гор, песню о девушке на берегу. Она недавно уже звучала, но сейчас восходит звезда, под которой родился ваш друг, и эта звезда ждет.

Жакна понял. Жакна проникся. Жакна сверкнул очами. Бакранская песня вновь

заполнила сад, как вино заполняет бокал. Осенней, полной звезд ночи не хватало именно этого мотива и именно этого голоса. Как бы ни был Марсель

исполнен чувства долга, он задержался, и правильно сделал, потому что Дуглас

нашел-таки Бонифация с Коннером. Диспозиция менялась, можно было спокойно дослушать, связать Баату генералом-адуаном, а Матильду —

супругом, высвободить Котика и, не скрываясь, передать принцессе Этери извинения ее высокопреосвященствы, оставив у двери пса. Разумеется, из уважения к хозяйке. Дальше виконт не загадывал, потому что ночь и песня повергли его в странное состояние, предшествующее рождению стихов.

Настоящих. Тех, что возникают из ниоткуда, замирают на самом краю сознания

и исчезают навсегда. Марселю еще ни разу не удавалось их удержать, но нынешняя ночь была особенной.

— Ничего ж себе! — сдавленно ахнул Коннер. — Монсеньор!!!

Вдохновенье вспугнутым рябчиком порскнуло прочь, Марсель резко обернулся: варастиец с очумелым и при этом блаженным видом куда-то таращился, а за ним

воздевал руки казавшийся огромным Бонифаций. Оба не верили своим глазам.

Валме тоже не поверил.

— Кэналлийские штучки, — пробормотал наполовину онемевший язык виконта,

— удалиться в дыру...

Ползущие камни и прыгающий по ним человек, скрежет, толчок, тишина...
Зоя

не сомневалась, сам Марсель то верил, то нет. Сегодня сомнений в худшем не

было, и, разумеется, Алва вылез именно сегодня! Хотя откуда бы Ворон ни взялся, он был непонятен, как позабывший лилии черный гость. На всякий

случай Марсель поискал глазами тень и нашел сразу несколько. Конечно, тут же

факелы!

— Мы были достойны, — лепетал Жакна, — и он вернулся... К нам... Мы были

достойны... Мы достойны!

Гавкнул, завиллял обрубком хвоста Котик, отгоняя мысли о выходе, призраке, бреде... Быстрая темная фигура сделала еще один шаг. Походка была знакомой.

Если б только не дыра!

Марсель стоял ближе всех — нет, ближе всех оказался распахнувший объятия

Бонифаций.

— Тебя ли я зрю, регент блудный?! — рокотал он. — Ну и с кем ты прохлаждался?.. Хоть бы написал, изверг!

— Зачем?

Дыра содрала с Рокэ лет десять, но в остальном он не изменился. На первый

взгляд. Бонифаций о посторонних забыл напрочь, Алва о них помнил — вернее, видел.

— Твое высокопреосвященство, — шепнул он, — я давно и счастливо не женат, но, на мой взгляд, ее высочеству сейчас необходимо общество супруга. Валме, на минуту!

Вблизи Рокэ казался еще более живым, всяко живей полувыходца, открывшего

виконту дверь в Нохе.

— Ты чем-то удивлен?

— В некотором смысле, — огрызнулся возмущенный запредельной даже для

Алвы наглостью Марсель. — Мы ведь расстались во время мистерии!

— В самом деле? В таком случае, я это забыл.

— Прикажешь напомнить?

— Потом. Это слишком похоже надело, а здешняя обстановка не располагает.

Что вы все-таки празднуете?

— О, поводов множество. Возвращение в Талиг, конец переговоров, твой день

рождения...

— Значит, это шутка не Этери, а над Этери?

— Это шутка твоей матери. Вернее — вашей. После такого свинства я вновь

перехожу на «вы».

В ответ Алва уставился вверх. Марсель на всякий случай последовал его

примеру и увидел разве что небо. Оно было совершенно обычным, если так, конечно, можно говорить о небе.

— Рокэ, — взвыл виконт, — может быть, хватит?!

— Пожалуй.

— Тогда извольте объясниться.

— Потом. — Алва еще раз глянул на звезды. — У меня день рождения. Дай

гитару.

Сноски:

1

«Рыцарь Мечей» — придворная карта системы Таро. Означает, что вы на пути к

цели и уже можно просчитать результаты. Если карта подразумевает личность, то энергичную, чья сфера — конкретные дела. Рыцарь Мечей быстро принимает

решения, однако лишен широты взглядов. П.К. — вы находитесь в стадии начинания. Кроме того, означает человека, который не может выбрать, на чьей

он стороне.

2

Удодий — обитающая на юго-востоке Золотых земель птица, внешне напоминающая удода, но более крупная. Самки имеют неброское пестрое оперение, самцы — однотонное: белое, розовое, оранжевое или желтое. Удодии

способны имитировать голоса животных и запоминать отдельные слова и целые

фразы. Прикормленные удодии наряду с фламинго, лебедями и павлинами служат украшением гайифских садов и парков, однако в помещениях их содержат редко из-за характерного запаха и излишне громкого голоса.

3

«Благословенный список» — подтвержденный действующим кесарем и одобренный действующим кардиналом перечень допустимых к

применению

пытках и правила их применения. Нарушение во время допроса правил, изложенных в «Благословенном списке», каралось штрафом, отстранением от должности, церковным покаянием и тюремным заключением.

4

«Шестерка Кубков» — младший аркан Таро. Появление в раскладе этой карты

может означать, что ситуация потребует от вас истинной духовности, терпимости и возвышения над суетой. Это милосердие, помощь, доброта. Она

также символизирует воспоминания, прошедшее увлечение, потускневшие образы. П.К. — открывающиеся новые возможности, расширение мировоззрения, предвидение будущего. Может быть, ваши планы в ближайшее время потребуют корректировки.

5

«Десятка Посохов» — младший аркан Таро. Символизирует проблемы накануне

своего разрешения, подъем после трудного периода, шанс обрести смысл в жизни, утвердиться на новом уровне. П.К. означает двуличие, трудности в осуществлении идеи.

6

Был введен в графское достоинство.

7

«Сила» — высший аркан Таро. Символизирует желание выстоять, даже если

это причиняет боль, способность отказаться от чего-то дорогого во имя

высшего. Это жизнелюбие, гордость, страсть, любовь к плотским утехам и при

этом сила воли, отвага, с которой сражаются с превратностями судьбы. Чтобы

быть сильным, порой надо заставить замолчать сердце, надо осознать свой долг

и вести себя справедливо. П.К.: неуверенность в себе, иногда — страх, вмешательство в вашу жизнь посторонних. Карта может означать, что ваши

планы обречены на неудачу, так как вы пугаетесь трудностей.